ДЖЕЙН ХОКИНГ

БЫТЬ ХОКИНГОМ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ СТИВЕНА ХОКИНГА,
РАССКАЗАННАЯ ДЖЕЙН ХОКИНГ

ВСЕ, ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ УЗНАТЬ О СТИВЕНЕ ХОКИНГЕ,
НО СТЕСНЯЛИСЬ СПРОСИТЬ...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Стивен Хокинг известен читателям как выдающийся физик современности, сделавший множество открытий в теории «черных дыр». А что мы знаем о Хокинге как об обычном человеке, любящем отце и муже, жизнелюбе и мечтателе, на долю которого выпали такие испытания судьбы, которые нельзя пожелать даже врагу? Джейн Хокинг была рядом с ним 26 лет, любила и разделяла с мужем все трудности. Про ее непростой опыт совместной жизни с гением, обо всех трудностях, выпавших на долю их семьи, и моментах счастья расскажет эта книга. Такого Хокинга вы еще не знали.

- Джейн Хокинг
  - ○
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ 1. Обретение крыльев
    - ■ 2. На сцене
    - ■ 3. Хрустальная карета
    - ■ 4. Сокрытые истины
    - ■ 5. Принципы неопределенности
    - ■ 6. Семейная история
    - ■ 7. Служить верой и правдой
    - ■ 8. Введение в физику
    - ■ 9. Улица Литл-Сент-Мэри
    - ■ 10. Зимние каникулы
    - ■ 11. Прихоти учебы
    - ■ 12. Бесславный финал
    - ■ 13. Этапы жизни
    - ■ 14. Несовершенство мира
  - ○ Часть вторая
    - ■ 1. Неспящие в Сиэтле
    - ■ 2. Terra Firma
    - ■ 3. Сферы небесные
    - ■ 4. Опасный поворот
    - ■ 5. Расширение вселенной
    - ■ 6. Кампании
    - ■ 7. Способность к восхождению
    - ■ 8. Интеллект и невежество
    - ■ 9. Поступь Чехова
    - ■ 10. Холодный ветер
    - ■ 11. Компромисс

        - 12. Горизонты событий
    - Часть третья
        - 1. Письмо из Америки
        - 2. Учреждения
        - 3. Зарытое сокровище
        - 4. Настольная игра
        - 5. Кельтский лес
        - 6. Взгляд назад
        - 7. Тупик
        - 8. Рука помощи
        - 9. Неожиданности
        - 10. Диссонанс
        - 11. Турбулентность
        - 12. Ad Astra
        - 13. Гармония восстановлена
        - 14. Незавершенное дело
        - 15. Отъезды
    - Часть четвертая
        - 1. Самая темная ночь
        - 2. Тонкая нить
        - 3. Груз ответственности
        - 4. Бунт на корабле
        - 5. Восставший из пепла
        - 6. Математика и музыка
        - 7. Крайности
        - 8. Красная королева
        - 9. На пути к раю
        - 10. Возвращение домой
        - 11. Цена славы
        - 12. Honoris Causa
        - 13. Почетная дружба
        - 14. Dies Irae
        - 15. Чересчур правдиво
        - 16. Без юридической силы
        - Заключение
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183

- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208

Джейн Хокинг
Быть Хокингом

Jane Hawking
TRAVELLING TO INFINITY
© 1999, 2007 Jane Hawking

© Перевод на русский язык. ЗАО «Компания ЭГО Транслейтинг», 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается моей семье

Человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс.

Гюстав Флобер

Часть первая

1. Обретение крыльев

История моей жизни со Стивеном Хокингом началась летом 1962 года, хотя, возможно, ее стоит рассказывать с того момента, когда мы впервые встретились десятью годами раньше, еще не придавая этому особого значения. В начале 1950-х я поступила в первый класс школы Сент-Олбанс для девочек, мне было семь лет. Я помню, что в соседнем классе у стены какое-то время сидел мальчик с непослушными золотисто-каштановыми волосами. Учебное заведение порой принимало мальчиков, включая моего брата Кристофера, который в то время тоже учился в начальной школе, но мальчика с непослушными волосами я встречала только несколько раз, когда в отсутствие преподавателя нас, первоклашек, подсаживали на уроки к старшим ребятам. Мы не заговаривали друг с другом, но я не сомневаюсь в достоверности этого воспоминания, так как именно в тот период Стивен учился в школе Сент-Олбанс; позже его перевели в частную подготовительную школу по соседству.

Сестер Стивена я помню лучше, поскольку они учились в школе дольше. Младшая из них, Мэри, была лишь на полгода моложе Стивена и выделялась на общем фоне, будучи весьма эксцентричным персонажем: полная, неопрятная, рассеянная, обреченная на одинокие игры. Ее прекрасный цвет лица не позволяли оценить неприглядные очки с толстыми линзами. Филиппа была младше Стивена на пять лет; яркоглазая, подвижная и легкая на подъем, с короткими светлыми косами, круглолицая и розовощекая. В школе все подчинялись строгим правилам, распространявшимся как на учебные занятия, так и на дисциплину, а ученики (что типично для школьников) нетерпимо относились к любым проявлениям индивидуальности. Считалось нормальным, если у родителей есть «Роллс-Ройс» и загородный дом; но если вас, как меня, привозили на довоенной «Стандарт-10»[1] или, что еще ужаснее, на допотопном лондонском такси, как Хокингов, то вы становились посмешищем или объектом унизительной жалости. Дети Хокингов ложились на пол своего такси, чтобы не попасться на глаза одноклассникам. К сожалению, на полу «Стандарта-10» не было места для подобного обходного маневра. Сестры Хокинг покинули школу еще до окончания начальных классов.

Их мать я знала издавна. Ее поджарая маленькая фигурка в шубке частенько виднелась на углу возле пешеходного перехода у школы, где она поджидала своего младшего сына Эдварда: он приезжал на автобусе из загородной подготовительной школы. В

этой же школе учился мой брат после ясельного периода в Сент-Олбансе. Школа под названием «Эйльсфорд» была знаменита розовой формой, обязательной для мальчиков: розовая куртка и кепка. В остальном она представляла собой райское место для мальчиков, в особенности для тех, у кого не было академических наклонностей. Игры, отряды бойскаутов-волчат[2], турпоходы и театральные постановки, в которых мой отец часто выступал в качестве пианиста, занимали бóльшую часть времени учащихся. Миловидному и обаятельному Эдварду в его восемь лет было трудно ужиться в приемной семье – именно тогда я впервые услышала о Хокингах в свете их непомерного увлечения книгами, которые они читали и за ужином, что вынуждало любого не столь просвещенного сотрапезника хранить за столом молчание.

Моя школьная подруга Диана Кинг на себе испытала действие этого семейного обычая Хокингов (возможно, именно потому она, услышав впоследствии о моей помолвке со Стивеном, воскликнула: «Ох, Джейн! Ты связала себя с семейством безумцев!»). Благодаря Диане я впервые обратила внимание на Стивена летом 1962 года, в тот благословенный период после экзаменов, когда она, я и моя лучшая подруга Джиллиан наслаждались заслуженным почти-отдыхом до конца четверти. Потому что мой отец занимал должность старшего государственного служащего при королевском дворе, у меня уже было несколько выходов во взрослый мир, не ограничивающийся школьными занятиями, домашними заданиями и экзаменами, – я побывала на званом ужине в Палате общин[3] и на летнем приеме в саду при Букингемском дворце[4]. Диана и Джиллиан собирались покинуть школу летом после окончания занятий, в то время как я планировала остаться на первую четверть следующего учебного года, исполняя роль старшей ученицы и готовясь к поступлению в университет. В ту пятницу мы собрали сумки и, поправив свои соломенные шляпки, направились в город выпить чаю. Не пройдя и ста ярдов, на противоположной стороне улицы мы увидели то, что привлекло наше внимание: молодой человек шел неровной походкой в обратном направлении, опустив голову; его лицо было скрыто от мира за беспорядочными прядями прямых каштановых волос. Погруженный в собственные мысли, он не смотрел по сторонам и поэтому не заметил группу школьниц, глазевших на него через дорогу. Зрелище было необычным для сонной улицы пуританского городка Сент-Олбанс. Мы с Джиллиан в изумлении пялились на парня во все глаза, но на Диану он не произвел видимого впечатления.

Впоследствии моя школьная подруга, услышав о

моей помолвке со Стивеном, воскликнула: «Ох, Джейн! Ты связала себя с семейством безумцев!»

– Это Стивен Хокинг. Пару раз приглашал меня на свидание, – объявила она наконец своим потерявшим дар речи слушательницам.

Мы недоверчиво захихикали:

– Да ну! Не приглашал!

– Да, приглашал. Он странный, но очень умный, друг Бэзила [ее брата]. Один раз мы ходили с ним в театр, и еще я была у них дома. Он участвует в демонстрациях «Запретите бомбу»[5].

Мы скептически нахмурились и последовали в город, однако прогулка не доставила мне удовольствия: по необъяснимой причине мне было не по себе из-за встречи с этим молодым человеком. Возможно, мне не давала покоя его эксцентричность, вступавшая в противоречие с моей довольно заурядной жизнью. Может быть, у меня возникло предчувствие, что мы еще увидимся. Как бы то ни было, эта сцена глубоко врезалась в мою память.

В те летние каникулы мне было уготовано лучшее, что может пожелать девушка-подросток на пороге независимости, хотя для моих родителей это, по всей вероятности, было кошмаром: меня отправили на летние курсы в Испанию, а в 1962-м такое место назначения казалось столь же отдаленным, загадочным и полным опасностей, каким в наши дни кажется, к примеру, Непал. Преисполненная самоуверенности, на какую способны лишь восемнадцатилетние, я была убеждена в том, что могу сама о себе позаботиться, – и оказалась права. Курс был прекрасно организован, студентов распределили по группам и расселили в домах местных семей. В выходные нас вывозили на экскурсии с гидом, и мы объехали все достопримечательности: побывали в Памплоне, где во время корриды быков выпускают на улицы; на единственном бое быков, который я видела за всю мою жизнь и который показался мне жестоким и диким, но зрелищным и завораживающим; в Лойоле, где жил святой Игнатий, написавший молитву, которая из-за многочисленных повторений проникла в плоть и кровь всех учеников школы Сент-Олбанс, не исключая меня:

Научи нас, Господи,
достойно служить Тебе,
давать научи, невзирая на цену…

Когда не было экскурсий, наши дни проходили на пляже, а

вечера – на набережной, в ресторанах и барах, где мы участвовали в фиестах и танцах, слушали хриплоголосых певцов и ахали, любуясь фейерверками. Я быстро сошлась с людьми, не принадлежащими крохотному мирку Сент-Олбанса, – в основном моими новыми друзьями стали другие молодые люди с курса – и вместе с ними окунулась в экзотическую пьянящую атмосферу Испании, пробуя на вкус взрослую, независимую жизнь вдали от дома, родительской семьи и отупляющей школьной дисциплины.

Когда я вернулась в Англию, меня тут же взяли в оборот родители, обрадованные моим возвращением в целости и сохранности; они задумали семейное путешествие в Нидерланды, Бельгию и Люксембург. Этот опыт еще больше расширил мой кругозор: мой отец стал специалистом по таким поездкам, устраивая их для нас в течение многих лет – с тех пор как я впервые посетила Бретань в возрасте десяти лет. Его энтузиазм поместил нас в авангард туристического движения: мы проехали сотни миль по извилистым деревенским дорогам Европы, находящейся в процессе восстановления после травмы военного времени, посещали города, соборы и художественные галереи, которые становились открытием и для родителей. Поездки были одновременно и познавательными, являя собой лучший образовательный коктейль из истории и искусства, и приятными, наполненными жизненными радостями – вином, хорошей едой и летним солнцем – на фоне военных мест памяти и кладбищ на полях Фландрии.

> Когда не было экскурсий, наши дни проходили на пляже, а вечера – на набережной, в ресторанах и барах, где мы участвовали в фиестах и танцах, слушали хриплоголосых певцов и ахали, любуясь фейерверками.

Осенью я вернулась в школу, где почувствовала, как выросла моя уверенность в себе в свете пережитого летом. Я постепенно выбиралась из кокона, а школа лишь в ничтожной мере поддерживала мою новообретенную в путешествиях самостоятельность. Будучи старшей ученицей, я устроила показ мод для шестиклассниц, используя новые формы сатиры, которые почерпнула из телепрограмм; модели были сконструированы из предметов школьной формы, надетых не на то место, где им предназначено находиться. Ни о какой дисциплине уже не могло быть и речи, когда вся школа скандировала на лестнице за дверями актового зала, требуя допуска на шоу, а мисс Миклджон (также известная как Мик), коренастая, закаленная непогодой преподавательница физкультуры, под чье низкое, пугающе неженское рявканье выстраивалась вся школа, впервые чуть не

пала жертвой апоплексии, безуспешно пытаясь перекричать несмолкающий гвалт. В отчаянии она прибегла к дребезжащему громкоговорителю, который в обычном порядке доставали лишь на дни спорта и выставки домашних животных, а также с целью регулирования бесконечной «змейки», в которую мы выстраивались, маршируя по закоулкам Сент-Олбанса на ежеквартальную проповедь в аббатстве.

Та первая осенняя четверть учебного 1962 года не предназначалась для шоу. Ее предполагалось посвятить поступлению в университет. К прискорбию, мои отметки оставляли желать лучшего. Кубинский ракетный кризис, случившийся в октябре вопреки нашему заискиванию перед президентом Кеннеди, окончательно и бесповоротно поколебал чувство безопасности моего поколения и перечеркнул наши надежды на будущее. Игры сверхдержав подвергали наши жизни такому риску, что никто не чувствовал уверенности в наступлении какого бы то ни было будущего. Всей школой с настоятелем аббатства во главе мы молились за мир, а я в это время вспоминала предсказание фельдмаршала Монтгомери, сделанное в конце 50-х: в течение следующих десяти лет начнется атомная война. Все мы, от мала до велика, понимали, что перед ядерным ударом нас ожидает лишь четырехминутное предупреждение и что этот удар будет означать скорый конец всей цивилизации. Моя мама отозвалась о перспективе третьей мировой войны в своей обычной манере: спокойно, философски и разумно. Она сказала, что скорее предпочла бы быть стертой с лица земли наравне со всеми живущими, чем испытывать невероятную душевную боль, связанную с призывом мужа и сына на войну, с которой нет возвращения.

Помимо нависшей над нами угрозы, связанной с внешнеполитической ситуацией, меня беспокоила собственная усталость после экзаменов на аттестат о среднем образовании и равнодушие к школьным делам на фоне летних открытий. Серьезность эпопеи с поступлением в университет обернулась унизительным провалом: ни Оксфорд, ни Кембридж не заинтересовались моей персоной. Ситуация была тем более болезненной, что мой отец лелеял надежду на то, что я буду учиться в Кембридже, с тех пор как мне исполнилось шесть. Понимая мои чувства, директор школы мисс Гент постаралась меня утешить пространными рассуждениями о том, что не поступить в Кембридж не так уж и позорно, потому что многие студенты университета мужского пола интеллектуально слабее девушек, которым было отказано в поступлении из-за высокой конкуренции за учебные места. В те дни соотношение мест в

Оксфорде и Кембридже составляло 10 к 1: десять мужчин на одну женщину. Она порекомендовала принять приглашение на собеседование в лондонский Уэстфилд-колледж, женский вуз в Лондоне, организованный по принципу Гиртон-колледжа[6], расположенного в Хэмпстеде, в некотором отдалении от других факультетов Лондонского университета. Так получилось, что холодным и промозглым декабрьским днем я села на автобус в Сент-Олбанс, чтобы преодолеть пятнадцать миль, отделяющих нашу школу от Хэмпстеда.

День прошел настолько неудачно, что путь домой я восприняла с облегчением, хотя за окном автобуса была та же унылая серая слякоть и мокрый снег. На факультете испанского языка мне пришлось туго: предметом собеседования оказался преимущественно Т. С. Элиот, о котором я практически ничего не знала и была вынуждена блефовать. Затем меня отправили в очередь перед кабинетом ректора. Подошло мое время, и я встретилась с деканом – женщиной, проводившей собеседование в бюрократическом стиле бывшего государственного служащего: она практически не поднимала глаз от бумаг, а когда поднимала, то смотрела поверх роговой оправы очков. Чувствуя крайнее раздражение из-за фиаско на предыдущем интервью, я решила сделать так, чтобы она меня запомнила, пусть даже ценой упущенного места в колледже. Поэтому когда она сухо и формально спросила меня: «И почему же вы выбрали в качестве первого иностранного языка испанский, а не французский?» – я ответила тем же сухим формальным тоном: «Потому что испанцы более темпераментны, чем французы». Бумаги выпали из ее рук, и она таки взглянула на меня в упор.

К моему глубочайшему изумлению, мне предложили место в Уэстфилде, но к Рождеству я уже не испытывала оптимизма по этому поводу: мой энтузиазм по поводу Испании большей частью угас. Когда Диана пригласила меня на новогоднюю вечеринку, которую она устраивала вместе с братом 1 января 1963 года, я появилась там в темно-зеленом опрятном наряде из шелка (синтетического, разумеется), с волосами, зачесанными назад и свернутыми в экстравагантный завиток, застенчивая и неуверенная в себе до глубины души. Там, прислонившись к стене в углу комнаты, спиной к свету, сопровождая фразы жестами длинных тонких пальцев, изящно сложенный, с волосами, падающими на лицо поверх очков, в мягком пиджаке черного бархата и красном бархатном галстуке-бабочке стоял Стивен Хокинг, молодой человек, которого я видела прогуливающимся по летней улице.

Он стоял в некотором отдалении от других гостей,

разговаривая с другом из Оксфорда о космологическом исследовании, начатом им в Кембридже, – но не с тем куратором, на которого рассчитывал: не у Фреда Хойла, популярного телевизионного ведущего научных программ, а у человека с необычным именем – Dennis Sciama. Поначалу Стивен полагал, что имя его малоизвестного преподавателя читается как *Скиама*, но, как выяснилось по приезде в Кембридж, верно было произносить *Шама*. Он признался, что испытал облегчение, когда прошедшим летом (в то время, когда я сдавала выпускные экзамены в школе) узнал, что ему присудили степень бакалавра с отличием в Оксфорде. Таков был благополучный результат устного собеседования, которое проводится, когда комиссия заходит в тупик, не в силах определить, какого диплома достоин академически неуспешный кандидат, проявляющий, судя по работам, проблески гениальности: с отличием, отличие второго класса или без отличия. Последнее приравнивалось к провалу на экзаменах. Он небрежно уведомил комиссию, что если ему присудят степень с отличием, то он отправится писать диссертацию в Кембридж, став своеобразным троянским конем в стане соперника; если же отличие второго класса (в этом случае он также мог бы заниматься исследованиями), то останется в Оксфорде. Экзаменаторы не стали рисковать и присудили степень с отличием.

> Я увидела Стивена, прислонившегося к стене в углу комнаты, изящно сложенного, с волосами, падающими на лицо поверх очков, в мягком пиджаке черного бархата и красном галстуке-бабочке.

Стивен объяснил своей немногочисленной аудитории, состоящей из меня и его оксфордского приятеля, что он также нимало не рисковал, обеспечив себе пути к отступлению, понимая ничтожность шансов получить степень с отличием в Оксфорде, учитывая его пренебрежительное отношение к учебе. Он не посетил ни одной лекции; его ни разу не заметили за общими академическими занятиями с друзьями; ходили легенды о том, что он разорвал неоконченную работу, бросил ее в мусорную корзину преподавателя и вышел из аудитории, и это была правда. Опасаясь, что он не сможет продолжить научную работу, Стивен подал заявление на поступление в секретариат Ее Величества и уже прошел предварительный отбор, представлявший собой уик-энд в загородном доме. В принципе, он был готов к вступительным испытаниям для службы при дворе сразу после выпускных экзаменов. Однажды утром он проснулся (по обыкновению поздно) со смутным ощущением, что ему что-то

нужно было сделать, кроме привычного прослушивания аудиозаписи «Кольца нибелунга»[7]. Поскольку он не вел ежедневника, полностью полагаясь на свою память, то он и не смог выяснить, что же это было, до тех пор, пока через несколько часов на него не снизошло просветление: это был день экзаменов для поступления на королевскую службу.

> Стивен не посещал ни одной лекции; его ни разу не заметили за общими академическими занятиями с друзьями; ходили легенды о том, что он разорвал неоконченную работу, бросил ее в мусорную корзину преподавателя и вышел из аудитории.

Я слушала его, завороженная и изумленная, испытывая притяжение к этому необычному персонажу со странным чувством юмора и независимой личностью. То, как он рассказывал свои истории, стоит отдельного упоминания: поток речи перемежался приступами смеха, ими он доводил себя до икоты и почти задыхался; так его смешили собственные шутки, предметом которых зачастую был он сам. Я увидела в нем человека, похожего на меня: он точно так же шел по жизни, спотыкаясь, но замечая забавную сторону своих неудач; был достаточно застенчив, но умел выражать свое мнение. Однако, в отличие от меня, Стивен обладал развитым чувством собственной ценности и имел достаточно самоуверенности, чтобы его демонстрировать. Вечер подходил к концу; мы познакомились и обменялись адресами, но я не думала, что мы еще когда-нибудь увидимся, если это не произойдет случайно. Я сочла небрежную прическу и галстук-бабочку фасадом, манифестом независимости суждений, который в будущем не затронет моих чувств; я пройду мимо, как Диана, а не замру в восхищении, встретив его на улице.

2. На сцене

Несколько дней спустя я получила от Стивена карточку с приглашением на вечеринку 8 января. Надпись была сделана прекрасным каллиграфическим почерком – я завидовала этому навыку, но не смогла освоить, несмотря на продолжительные занятия. Я посоветовалась с Дианой, которая тоже была приглашена. Она сказала, что праздник посвящен двадцать первому дню рождения Стивена (об этом ни слова не говорилось на карточке), и пообещала зайти за мной. Трудно было выбрать подарок для человека, с которым я только что познакомилась, поэтому я остановилась на памятной грампластинке.

Дом на Хилсайд-роуд в Сент-Олбансе оказался истинным памятником бережливости. Не то чтобы это было чем-то необычным в те дни: послевоенное время заставило всех относиться к деньгам с уважением, быть осмотрительными в покупках и избегать ненужных трат. Просторный трехэтажный дом из красного кирпича, построенный в начале XX века по адресу Хилсайд-роуд, 14, обладал определенным очарованием, поскольку сохранился в первозданном виде и не был испорчен такими нововведениями, как центральное отопление или ковровые покрытия. Природа, естественный износ и дети оставили свои отметки на обшарпанном фасаде дома, скрытом за беспорядочной изгородью. Глициния обрамляла ветхое витражное крыльцо; в свинцовой раме передней двери недоставало нескольких цветных стеклянных ромбов. Хотя за звонком в дверь не последовало немедленной реакции, через какое-то время ее все же открыла та самая персона, которую можно было наблюдать в шубке у пешеходного перехода. Она представилась как Изабель Хокинг, мать Стивена. С ней рядом стоял очаровательный маленький мальчик с темными волнистыми волосами и яркими голубыми глазами. За их спинами единственная лампочка освещала длинный, мощенный желтой плиткой коридор, тяжеловесные предметы мебели – среди них старинные маятниковые часы – и оригинальные обои «Уильям Моррис»[8], потемневшие от времени.

По мере того как члены семейства начали возникать из-за двери гостиной, чтобы поприветствовать новоприбывших, я обнаруживала, что среди них нет незнакомых мне лиц. Мать Стивена была знаменита своими бдениями у перехода; его брат Эдвард – маленький мальчик в розовой кепке; сестер Мэри и Филиппу я помнила со школы, а высокий, седовласый и представительный отец семейства Фрэнк Хокинг однажды

помогал выгнать пчелиный рой из нашего садика на заднем дворе. Мы с моим братом Крисом хотели понаблюдать за тем, как он будет это делать, но, к нашему разочарованию, он с мрачным и неприязненным видом выдворил нас восвояси. Фрэнк Хокинг был не только единственным пчеловодом в городке, но и одним из немногих его жителей, владеющих парой лыж. Зимой он проносился вниз по склону мимо нашего дома, направляясь к полю для гольфа, где летом мы устраивали пикники и собирали букеты из колокольчиков, а зимой катались вместо санок в жестяных корытах. В моем сознании сложились кусочки мозаики: всех этих людей я знала по отдельности, но никогда не представляла их частью одной семьи. В конце концов, объявился и последний недостающий элемент: Агнес Уокер, шотландская бабушка Стивена. Она жила в мансарде и вела отдельное хозяйство, но спускалась в гостиную на семейные празднества. Агнес также была хорошо известна в Сент-Олбансе тем, что мастерски играла на фортепиано; свое умение она раз в месяц демонстрировала на публике в здании мэрии, в ансамбле с Молли дю Кейн, руководителем и энтузиастом местного удалого ансамбля народных танцев.

Танцы и теннис – вот и все, что составляло мою социальную жизнь в подростковые годы. На этих занятиях у меня появились друзья, мальчики и девочки из соседних школ, из самых разных семей. Когда мы были не в школе, то всюду ходили вместе: пили кофе утром в воскресенье, играли в теннис по вечерам и посещали мероприятия теннисного клуба летом, а зимой – классы бальных и народных танцев. Тот факт, что наши матери тоже посещали вечера народных танцев, наряду со многими пожилыми и немощными жителями Сент-Олбанса, нисколько нас не смущал. Мы садились в сторонке и танцевали отдельными группами, не пересекаясь со старшими. В нашем уголке порой вспыхивали романы, порождавшие ворох слухов и пригоршню дрязг, которые затем исчезали так же быстро, как и появились. Мы были легкой на подъем, дружелюбной стайкой подростков; мы жили проще, чем современные дети, а атмосфера на танцах была непринужденной и благонравной, чему способствовал заразительный энтузиазм Молли дю Кейн. С неизменной скрипкой на плече, она была главной заводилой на танцах, в то время как мощная фигура бабушки Стивена с прямой спиной восседала за роялем; ее пальцы с мастерским проворством бегали по клавишам, но ни один толстый завиток на лбу ни разу не дрогнул. В своем величии она оборачивалась, чтобы осмотреть танцоров ничего не выражающим взглядом. Она-то и была той, что спустилась по лестнице, чтобы приветствовать гостей,

пришедших поздравить Стивена с днем рождения.

Среди приглашенных находились как друзья, так и родственники. С некоторыми Стивен познакомился в Оксфорде, но в основном это были его сверстники или погодки из школы Сент-Олбанс, поступившие в Оксфорд в 1959-м, что принесло школе добрую славу в тот год. В свои семнадцать Стивен был младшим из них, слишком юным для поступления в университет той осенью, в особенности принимая во внимание тот факт, что многие будущие однокурсники были на несколько лет старше его, поступив в Оксфорд после прохождения обязательной воинской службы, впоследствии отмененной. Позже Стивен признавал, что не сумел лучшим образом воспользоваться годами учебы в университете из-за этой разницы в возрасте между ним и его однокурсниками.

По этой же причине среди его друзей оказались в основном одноклассники, поступившие в Оксфорд вместе с ним. Я была знакома лично только с Бэзилем Кингом, братом Дианы. Остальных знала лишь понаслышке: их называли новой элитой общества Сент-Олбанса. По слухам, это были воинствующие интеллектуальные авантюристы нашего времени, которые критически отвергали любую банальность, высмеивали любую реплику, являвшуюся общим местом или клише, утверждали собственную независимость суждения и исследовали пределы человеческого мышления. Наша местная газета, *The Herts Advertiser*, протрубила об их успехе четыре года назад, заполнив передовую их именами и лицами. Мои студенческие годы были еще впереди, а они уже окончили университет. Естественно, они отличались от моих друзей, и мне, умной, но ничем не примечательной восемнадцатилетней ученице, стало не по себе. В этой компании никто не стал бы тратить вечер на народные танцы. Болезненно переживая свою неопытность, я забилась в угол ближе к огню, усадив Эдварда на колени, и оттуда прислушивалась к разговору, не предпринимая никаких попыток вмешаться в него. Некоторые из присутствующих сидели, другие стояли у стены просторного и холодного обеденного зала, обогреваемого одной лишь печью со стеклянной передней панелью. Разговор был прерывистый и состоял преимущественно из шуток, ни одна из которых не блистала пресловутым интеллектом. Единственное, что осталось в моей памяти, – даже не шутка, а загадка о человеке, который жил в Нью-Йорке и хотел попасть на пятидесятый этаж, но доехал на лифте только до сорок шестого. Почему? Потому что не дотянулся до нужной кнопки…

После этого вечера я надолго утратила связь со Стивеном. У меня появились занятия в Лондоне: я поступила на секретарские

курсы, где обучали революционному методу стенографии, использующему алфавит вместо знаков и состоящему в пропуске всех гласных. Первое время я вставала вместе с отцом и совершала вместе с ним утренний спринт к восьмичасовому поезду, но потом обнаружила, что мне не обязательно быть в школе на Оксфорд-стрит так рано. Я могла позволить себе более расслабленный график, чем тот, которого придерживался мой самоотверженно преданный работе отец. Поэтому я неспешно прогуливалась до станции и как раз успевала на девятичасовой поезд, в котором уже не было помятых изможденных работяг средних лет в темных костюмах. На девятичасовой садилась совсем другая публика. Не проходило и дня, чтобы я не встретила кого-нибудь из знакомых: они были одеты неформально и никуда не спешили, возвращаясь в колледж после выходных или направляясь на собеседование в Лондон. Это была лучшая часть моего дня; остальное время, за исключением короткого обеденного перерыва, я проводила в тесном классе в окружении многочисленных старомодных печатных машинок и не замолкающих старых дев, чьи амбиции сводились к тому, чтобы как можно большее количество раз быть приглашенной в Букингемский дворец, Кенсингтонский дворец и Кларенс-хаус[9].

Революционный метод стенографии оказалось легко освоить, но слепая печать мне не давалась. Стенография могла пригодиться в университете для быстрого конспектирования лекций, однако стучать по клавишам было ужасно утомительно и трудно; я не могла напечатать и сорока слов в минуту, в то время как мои одноклассницы уже окончили курс и освоили другие полезные секретарские навыки. Честно говоря, стенография имела ограниченное применение; навыки машинописи, напротив, с годами не утратили своей ценности.

По выходным у меня была возможность отвлечься от ужасов машинописи и повидать старых друзей. В одну из февральских суббот я встретилась с Дианой, проходившей сестринское дело в больнице Святого Фомы, и Элизабет Чент, тоже школьной подругой, которая готовилась стать учительницей в младших классах. Мы сидели в нашем любимом логове – кофейне единственного в Сент-Олбансе универмага «Гринс». Обменявшись учебными новостями, мы стали обсуждать друзей и знакомых. Внезапно Диана спросила: «Ты слышала про Стивена?»

> Моя подруга спросила: «Ты слышала про Стивена? Он в больнице уже две недели. Он спотыкался, не мог завязать шнурки. Сделали кучу ужасных анализов и выяснили, что у него какое-то страшное неизлечимое

заболевание, приводящее к параличу. Это что-то типа рассеянного склероза, ему осталось жить несколько лет…»

«Ах да, – продолжила Элизабет, – ужасно, правда?» Я поняла, что речь идет о Стивене Хокинге. «О чем это вы? – спросила я. – Я ничего не знаю». «Ну, он в больнице уже две недели – думаю, в Бартс[10], где преподавал его отец и сейчас преподает Мэри». Диана рассказала о том, что произошло: «Он спотыкался, не мог завязать шнурки. – Она помолчала. – Они сделали кучу ужасных анализов и выяснили, что у него какое-то страшное неизлечимое заболевание, приводящее к параличу. Это что-то типа рассеянного склероза, но не совсем; говорят, ему осталось жить несколько лет».

Я была поражена известием. Лишь недавно познакомившись со Стивеном, я уже испытывала к нему симпатию, несмотря на всю его эксцентричность. Мы оба смущались в присутствии других, но обладали внутренним стержнем. Невозможно было представить, что кто-то лишь на несколько лет старше меня уже смотрит в лицо собственной смерти. Мы не принимали конечность существования в расчет, будучи достаточно молодыми, чтобы ощущать себя бессмертными. «Как он?» – проговорила я, находясь в смятении от услышанного. «К нему заходил Бэзил, – продолжала Диана, – и сказал, что он очень подавлен: анализы не сулят ничего хорошего, да тут еще парень из Сент-Олбансе, лежавший на соседней койке, отдал Богу душу. – Она вздохнула. – Из-за своих социалистических принципов Стивен настаивает на том, чтобы лежать в общей палате, вопреки желанию родителей». «Известно, в чем причина болезни?» – спросила я отрешенно. «Не совсем, – ответила Диана. – Предполагают, что ему сделали вакцинацию против оспы нестерильной иглой перед поездкой в Персию пару лет назад и вирус поразил позвоночник. Но никакой уверенности в этом нет, это лишь гипотеза».

Всю дорогу до дома я думала о Стивене. Мама заметила, что я чем-то обеспокоена. Она не была знакома со Стивеном, но слышала о нем и знала, что он мне нравится. Я предупредила ее о том, что он очень эксцентричен, на случай, если бы она вдруг с ним столкнулась. Услышав о его болезни, мама, чья вера в Бога поддерживала ее на протяжении войны, помогала сохранять присутствие духа во время смертельной болезни любимого отца и периодов депрессии мужа, спокойно сказала мне: «Почему бы тебе не помолиться за него? Это помогает».

Тем сильнее было мое изумление, когда неделю спустя, стоя

на платформе в ожидании девятичасового, я увидела Стивена, небрежной походкой направлявшегося вдоль железнодорожных путей с коричневым холщовым чемоданом в руках. Он беззаботно улыбался и, похоже, обрадовался, увидев меня. Выглядел он менее экстравагантно и, честно говоря, более привлекательно, чем раньше: исчезли черты прежнего образа, который он культивировал в Оксфорде, – галстук-бабочка, черная бархатная куртка, даже небрежная прическа. На смену ему явились обычный бордовый галстук, бежевый плащ и достаточно короткая стрижка на чистых волосах. Наши предыдущие встречи проходили при приглушенном освещении; в свете дня я оценила его широкую располагающую улыбку и ясные серые глаза. За массивной оправой очков, делавших его похожим на сову, скрывался персонаж, напоминавший моего героя из Норфолка, лорда Нельсона. Мы вместе сели на поезд до Лондона и проговорили всю дорогу, хотя о его болезни почти не упоминали. Я сказала, что очень опечалена новостью о его пребывании в больнице, на что он наморщил нос и ничего не сказал. По его поведению можно было подумать, что все в порядке, и я решила больше не заговаривать об этом, чтобы не мучить его. Он сказал, что возвращается в Кембридж; уже у Сент-Панкраса[11] он объявил, что довольно часто ездит домой на выходные, и пригласил меня в театр. Конечно же, я согласилась.

> «Возьми меня за руку», – сказал Стивен властно. Я повиновалась, затаив дыхание в молчаливом восхищении.

Мы встретились в пятницу вечером в итальянском ресторане в Сохо[12], что само по себе уже было достаточно расточительным мероприятием. Однако у Стивена были подготовлены также и билеты в театр, и нам пришлось спешно окончить трапезу, оказавшуюся до неприличия дорогой, чтобы, пройдя от реки к югу, успеть в Олд Вик[13] на «Вольпоне»[14]. Мы второпях добежали до театра, бросили сумки под наши кресла в заднем ряду партера, и пьеса началась. Мои родители любили ходить в театр, поэтому я уже посмотрела другую великую пьесу Джонсона, «Алхимик», которая понравилась мне от начала до конца.

«Вольпоне» оказалась не менее увлекательной, и вскоре я уже с головой окунулась в интриги старого лиса, решившего испытать искренность чувств своих наследников и павшего жертвой обстоятельств.

Находясь в восторженном состоянии после просмотра пьесы, мы горячо обсуждали ее, стоя на автобусной остановке.

Проходивший мимо бродяга вежливо попросил у Стивена немного мелочи. Тот запустил руки в карманы и с огорчением воскликнул: «Простите! У меня нет ни монетки!» Бродяга усмехнулся, подмигивая в мою сторону. «Порядок, парень, – сказал он. – Понятное дело». В эту минуту подошел автобус, в который мы и запрыгнули. Усевшись, Стивен повернулся ко мне с растерянной улыбкой: «Мне ужасно жаль… – сказал он. – Кажется, у меня не хватает даже на проезд. У вас не найдется немного мелочи?» Меня терзало чувство вины за растраты Стивена сегодняшним вечером, так что я поспешно закивала. Подошел кондуктор и навис над нами, а я все никак не могла найти кошелек в закоулках моей сумочки. Мое смущение резко возросло, когда я поняла, что кошелек пропал. Мы выскочили из автобуса на первом светофоре и помчались обратно в Олд Вик. Главный вход в театр уже закрыли, но Стивен устремился к служебному подъезду. Там было открыто, в коридорчике горел свет. Мы тихонько пробрались внутрь; впрочем, театр оказался безлюдным. В конце коридора мы очутились перед дверью, которая вела прямо на сцену: опустевшую, но все еще ярко освещенную. В ужасе мы на цыпочках пробежали по ней и спустились по ступенькам в темный партер. Практически сразу же, к нашему обоюдному облегчению, под нашими креслами отыскался мой зеленый кожаный кошелек. Мы уже шли обратно к сцене, когда свет погас и на нас обрушилась темнота. «Возьми меня за руку», – сказал Стивен властно. Я повиновалась, затаив дыхание в молчаливом восхищении, а он уверенно помог мне подняться по ступенькам, провел по сцене, и мы вышли в коридор. К счастью, служебную дверь еще не заперли. Спотыкаясь, мы выбежали на улицу и там согнулись пополам от смеха. Мы побывали на сцене Олд Вик!

3. Хрустальная карета

Через несколько недель после эпизода в Олд Вик и под конец курса скорописи мама встретила меня дома, воодушевленно размахивая листком бумаги с известием от Стивена. Он позвонил, чтобы пригласить меня на Майский бал в Кембридже[15]. Известие было сногсшибательным. За год до моих выпускных экзаменов по школе прошел слух, что одну из девочек пригласили на Майский бал. Все остальные, включая меня, зеленели от зависти и смаковали каждую подробность торжества, со временем ставшего притчей во языцех. Сейчас же, вопреки всяким ожиданиям, пришла моя очередь. Когда Стивен позвонил, чтобы повторить приглашение, я с радостью приняла его. Вопрос о том, что надеть, решился сам собой, когда я отыскала в магазинчике рядом со школой стенографии платье из белого с синим шелка, на которое у меня как раз хватило денег.

Майский бал, который, с присущей Кембриджу противоречивостью, всегда проводится в июне, должен был состояться через несколько месяцев. Тем временем мне нужно было заняться пополнением собственного кошелька, опустошенного покупкой бального платья, чтобы обеспечить себе путешествие в Испанию, которое я планировала на лето. Я заключила соглашение с агентством по временному трудоустройству в Сент-Олбанс. Мое первое назначение представляло собой подработку на полтора рабочих дня в Вестминстер-банке, управляющий которого – терпеливый, добрый мистер Эберкромби – был другом моего отца. Меня усадили за телефонный коммутатор, но я, не имея ни малейшего представления о том, что нужно делать, запаниковала перед панелью с мигающими лампочками и могла только лихорадочно выдергивать одни штепсели и вставлять другие в свободные отверстия. В результате я лишь отрезала все входящие звонки и соединила людей, сидящих друг напротив друга. После этого я переходила с одной временной работы на другую; время шло, весна сменилась ранним летом и наступила пора Майского бала.

Стивен заехал за мной жарким июньским днем, чтобы отвезти в Кембридж, и я поразилась перемене к худшему в его состоянии, произошедшей со времени театральной эскапады. Я даже усомнилась в его способности справиться с отцовской машиной – гигантским старым «Фордом-Зафирой». Прочная, как танк, она, по всей вероятности, форсировала реки в Кашмире, когда семья Хокинг – без Стивена, который в то время оставался в школьном пансионе в Англии, – жила в Индии несколько лет

тому назад. Я боялась, что эта сногсшибательная во всех отношениях машина окажется слишком скоростной для своего водителя – худощавого, хрупкого, прихрамывающего, опирающегося на руль, чтобы выглянуть из-за приборной панели. Я познакомила Стивена с мамой. Она не выказала ни удивления, ни тревоги; лишь помахала нам вслед, как фея-крестная, отправляющая меня на бал в компании Прекрасного Принца в хрустальной карете, уносящей нас прочь.

Дорога в Кембридж обернулась кошмаром. Я обнаружила, что Стивен позаимствовал стиль вождения у отца, который был знаменит своей безудержной прытью за рулем, не гнушался обгоном на подъеме и повороте и даже, по слухам, ездил по встречной полосе автомагистрали. Заглушая все наши попытки завязать разговор, ветер с ревом врывался в открытые окна, а мы всё неслись на головокружительной скорости через поля и рощи Хартфордшира[16], направляясь в пустоши Кембриджшира. Перепуганная, я лишь одним глазком выглядывала в окно, пытаясь рассмотреть дорогу перед нами; что касается Стивена, то он спокойно озирался по сторонам – лишь дорога, похоже, нисколько его не интересовала. Не исключаю, что его бесстрашие было обусловлено авантюризмом, связанным со смертельным приговором, который вынесла ему судьба. Но мне от этого не становилось легче; я молча поклялась себе, что поеду обратно поездом. У меня уже появились серьезные сомнения в том, что Майский бал – это такая уж сказочная идея.

Опровергая законы статистики дорожных происшествий, мы умудрились добраться неповрежденными до прибежища Стивена – красивого пансиона стиля 30-х годов, предназначенного для выпускников. Другие его обитатели заканчивали наводить марафет в преддверии кутежа. Я переоделась в комнате на верхнем этаже, которую отвела мне экономка, а затем была представлена соседям Стивена и другим аспирантам, чье противоречивое отношение к нему поставило меня в тупик. К нему обращались на научном жаргоне, порой с едким сарказмом или сокрушительной критикой, но всегда с юмором. Что касается отношения к нему как к личности, то я почувствовала исходящую от них мягкую внимательность, граничащую с любовью. Мне было очень трудно совместить эти крайности. Я привыкла к согласованности между отношением и обращением и испытывала замешательство в обществе этих людей, которые могли разыгрывать роль адвоката дьявола, вступая друг с другом – то есть со Стивеном – в яростный спор, а через минуту уже, как ни в чем не бывало, заботиться о его личных нуждах, как если бы он был их господином. Меня не учили разделять разум и чувство,

интеллект и сердце. В этих вопросах я была неискушенной и должна была многое усвоить – по кембриджским стандартам такая неискушенность граничила с предсказуемостью и банальностью.

> Стивен заехал за мной жарким июньским днем, чтобы отвезти в Кембридж, и я поразилась перемене к худшему в его состоянии.

Сначала все мы отправились на поздний ужин, состоявшийся на первом этаже ресторана на углу Кингс-Парейд[17]. С моего места открывался вид на башенки и шпили Кингс-колледжа[18], на темный силуэт часовни и проездной башни на фоне сияющей панорамы заката Восточной Англии. Это само по себе было достаточно волшебно. Затем мы вернулись в дом, чтобы завершить последние приготовления перед десятиминутным променадом по просторам садов на Задворках[19], где водная гладь отражает зелень бесконечных газонов, до старинных двориков колледжа Тринити-холл, где учился Стивен. Он настоял на том, что в колледж надо взять его магнитофон и коллекцию кассет, чтобы установить в комнате, предоставленной в наше распоряжение на случай, если нам захочется отдохнуть от увеселений, но ноша оказалась слишком тяжелой для него. «Ой, да будет тебе, – добродушно проворчал один из его приятелей. – Давай понесу». И так и сделал.

Небольшой, неброский, укрытый от посторонних глаз Тринити-холл представляет собой довольно разношерстную картину: скопление зданий, среди которых есть очень старые, просто старые, викторианские и современные; просторные газоны, цветочные клумбы и терраса с видом на реку. Мы подошли к колледжу с противоположного берега Кэм, перед тем немного постояв на высоком изгибе нового моста, недавно построенного по эскизу трагически погибшего в 1960 году студента Тимоти Моргана, о чем очень серьезным тоном поведал мне Стивен. С этого моста нам открылся поистине сказочный вид, который напомнил мне о загадочном поместье из моего любимого французского романа «Большой Мольн» Алена-Фурнье, герой которого, Августин Мольн, случайно набредает на сияющий огнями за́мок среди необитаемых холмов и из восхищенного наблюдателя внезапно превращается в участника шумного веселья, музицирования и танцев, не зная, чего ему ожидать в следующий момент. Здесь, в Тринити-холле, в ночном воздухе трепетали звуки оркестров; лужайка у реки была украшена мерцающими фонариками, как и грандиозный лесной бук в ее центре; пары уже танцевали на подиуме, устроенном вокруг

дерева. В павильоне на самой высокой точке лужайки нас ожидали друзья Стивена, с которыми мне еще не довелось познакомиться. Мы были представлены друг другу, после чего выстроились в очередь за шампанским (официанты наливали его из ванны!), а затем перешли к буфету и остальным ожидавшим нас развлечениям: в зале для торжественных мероприятий, где яблоку было негде упасть, на далекой сцене выступало чуть слышное кабаре; в комнате с элегантным интерьером струнный квартет пытался переиграть разместившийся на лужайке ямайский шумовой оркестр; на углу рядом со старой библиотекой с горящей жаровни подавали каштаны. Наши спутники разбрелись кто куда, а мы остались сидеть на террасе у реки и наблюдать за танцующими парами, сплетающимися под гипнотические ритмы шумового оркестра. «Извини, что я не танцую», – сказал Стивен. «Ничего страшного», – солгала я.

> Мне удалось уговорить Стивена выйти на танцпол. Обнявшись, мы осторожно покачивались из стороны в сторону, пока оркестр не окончил выступление.

Однако до танцев дело все же дошло: еще раз посетив буфет и получив очередную порцию шампанского, мы обнаружили в укромном уголке подвала джазовый оркестр. В комнате было бы абсолютно темно, если бы не странные сполохи голубоватого света. Фигуры мужчин были неразличимы, однако их манжеты и воротнички сияли неестественно ярким светом; девушки же полностью терялись в сумраке. Меня заворожило это странное зрелище. Стивен объяснил, что особый свет ламп отражается от флуоресцентных частиц стирального порошка на одежде; именно поэтому рубашки молодых людей светились так ярко, в отличие от новых платьев девушек, еще не знавших прикосновения Tide, Daz или другого моющего средства и поэтому не сиявших призрачным светом. В темноте погреба мне наконец удалось уговорить Стивена выйти на танцпол. Обнявшись, мы осторожно покачивались из стороны в сторону, посмеиваясь над танцующими голубоватыми отблесками, пока, к нашему разочарованию, оркестр не окончил выступление и не отправился восвояси.

В ранние утренние часы двери всех колледжей, участвующих в Майском бале, открываются для любого посетителя. На рассвете мы доковыляли по Тринити-стрит до просторного помещения Тринити-колледжа, где чья-то чрезвычайно деятельная и ответственная подружка уже готовила завтрак. Я же упала в первое попавшееся кресло и тут же задремала. Какая-то добрая душа отвела меня, почти уже спящую, в пансион на Адамс-роуд,

где я проспала до девяти утра.

Дневную программу для посетительниц Майского бала спланировали с эффективностью современного туроператора, с одним лишь отличием – она была более познавательной. Дополнительно к исследованиям на соискание степени доктора философии по химии друзья Стивена Ник Хьюз и Том Уэсли увлеченно участвовали в издании путеводителя по послевоенной архитектуре Кембриджа в качестве его редакторов. Книга называлась Cambridge New Architecture[20] и планировалась к публикации в 1964 году. Стивен разделял их увлечение и играл в проекте роль приглашенного консультанта. Неудивительно, что им не терпелось продемонстрировать объекты своего исследования любым более-менее заинтересованным зрителям. Хотя в наше время к этим зданиям относятся скептически, в 60-е это был предмет восхищения, знак послевоенного восстановления и развития; новая волна дорог, зданий и ландшафтной перепланировки сметала на своем пути старинные постройки, луга и деревья. В то время консервация еще не вошла в моду.

С рвением первопроходцев наши экскурсоводы перечисляли своим впечатлительным и невежественным гостьям характерные особенности новой архитектуры, объекты которой были недавно завершены или еще не достроены. К ним относился проект Хью Кассона по обновлению улицы Сиджвика, а также Колледж Черчилля – памятник сэру Уинстону, чье беспокойство о недостатке ученых и инженеров в Англии привело к основанию колледжа в 1958 году. Потом нас отвели к Гарвей-Корт[21], построенный колледжем Гонвиля и Каюса; это было здание, для чьего описания даже у создателей Cambridge New Architecture не находилось подходящих слов. Они лишь могли охарактеризовать его как «эксперимент, сила принуждения которого так велика, что со временем его обитатели даже начинают получать удовольствие от жизни в нем», а в его защиту добавили: «Это самое смелое решение из всех, что были реализованы в Кембридже для решения проблем, связанных с проживанием студентов». Я и не подозревала, что через двенадцать лет буду жить в непосредственной близости к этому сомнительному эксперименту в области современного жилищного строительства. Наконец в качестве уступки традиции и бонуса для обучающихся в менее достопримечательных университетах, нам разрешили заглянуть внутрь часовни Кингс-колледжа.

После обеда мы отправились на лодочную прогулку, а затем пришло время что-то решать по поводу дороги домой. «Думаю, мне лучше вернуться на поезде», – несмело предложила я Стивену, но он и слышать об этом не хотел. Не желая его обидеть,

я вновь заняла пассажирское место в устрашающем «Форде-Зафире». Обратная дорога была ни на йоту не легче. К тому времени, как мы доехали до Сент-Олбансе, я приняла твердое решение: как бы ни был прекрасен Майский бал, я больше не собиралась участвовать в подобных аттракционах. Мама находилась в палисаднике, когда мы появились в воротах. Я скупо попрощалась со Стивеном: «Спасибо, до свидания» – после чего, ни разу не обернувшись, прошествовала в дом. Мама догнала меня, в ужасе от моего жестокосердия, и с упреком сказала: «Ты ведь не собираешься отправить бедняжку восвояси, не предложив ему даже чашечку чая?» От ее слов мне стало совестно. Я выбежала из дома, надеясь, что Стивен еще не уехал. Он сидел в машине, пытаясь завести двигатель. Машина, припаркованная у ворот, медленно скатывалась с крутой горки, поскольку он уже опустил ручной тормоз. С готовностью дернув тормоз кверху, Стивен остался на чай, который мы сервировали на лужайке в саду. Увлеченно пересказывая события бала моей маме, он вел себя очень внимательно и был абсолютно очарователен. Я переменила решение: Стивен мне очень нравился, а его дорожное безумие можно было и потерпеть при условии, что мне не придется участвовать в нем регулярно.

4. Сокрытые истины

Прошло две недели, и в нашей семье произошло прибавление: родители решили поучаствовать в программе предоставления временного жилья французским студентам и взяли в дом шестнадцатилетнюю девушку, чья лучшая подруга по необъяснимой прихоти судьбы поселилась у Хокингов. Еще не закончился июнь – после Майского бала прошло совсем немного времени, – когда Изабель Хокинг пригласила меня и двух француженок съездить вместе с ней в Кембридж. К моему несказанному облегчению, ее манера вождения оказалась вполне заурядной; она поддерживала светскую беседу, высказывая мысли в интеллектуальной манере – живо и исчерпывающе, а приготовленный ею пикник (по ее выражению, «холодные закуски») превосходил все ожидания. Мы ели на веранде в комнате Стивена на первом этаже в доме на Адамс-роуд. Благодаря этим обстоятельствам я и мои родители стали ближе и чаще общаться с Хокингами. Когда Стивен в очередной раз приехал в Сент-Олбанс на выходные, родители пригласили его на обед, во время которого проявили безупречное гостеприимство и ничем не выдали беспокойства, вызванного его внешним видом. Между тем, Стивен вернулся к оксфордским привычкам. Его блестящая прямая челка спадала ниже, чем когда-либо, а пиджак-смокинг из черного бархата и красный галстук-бабочка превратились в униформу, в вечный манифест против того самого традиционализма, который воплощали мои родители. Со своей стороны, они, должно быть, утешались мыслью о том, что эта встреча подводит некий итог периоду сближения, так как я снова собиралась ехать в Испанию.

> Когда Стивен в очередной раз приехал в Сент-Олбанс на выходные, родители пригласили его на обед, во время которого проявили безупречное гостеприимство и ничем не выдали беспокойства, вызванного его внешним видом.

Ранним июльским утром 1963 года папа отвез меня в Гатвик[22] на студенческий рейс, отправление которого было назначено на девять утра, а прибытие в Мадрид – на час дня. Однако вылет отложили из-за неполадки в двигателе. Меня ничуть не обеспокоила ни задержка рейса, ни ремонт двигателя, ни тот факт, что после взлета с потолка самолета начала капать вода, постепенно превращаясь в сосульки. Меня нисколько не

смутил даже тот факт, что главный пилот и его помощники распивали пиво в кабине самолета, в которую нас, студентов, пригласили на экскурсию. Билл Льюис, знакомый нашего семейного врача, встречавший меня в аэропорту Мадрида, был значительно более взволнован. «Я думал, что ты летишь с пересадкой на Северном полюсе!» – пошутил он, когда я наконец вышла с таможенного контроля около пяти часов вечера. Он отвез меня к себе домой, где познакомил с супругой, пригласившей бывать у них в любой вечер после шести, а затем проводил до места, где нашел для меня пристанище. Его хозяйка по имени Пилар, миниатюрная черноволосая незамужняя женщина, была счастливой обладательницей необыкновенно масштабной и благоустроенной квартиры, расположенной в двух шагах от Льюисов. У Пилар жила еще одна англичанка, Сильвия, служащая посольства Великобритании. Сильвия тут же пожаловалась на друзей Пилар, которые могли нагрянуть в гости в любое время дня и ночи; выслушав ее, я постаралась спланировать свое время так, чтобы уехать из Мадрида как можно раньше, успев при этом насладиться каждым моментом пребывания в столице и ее окрестностях: посетить музей Прадо и съездить в королевские резиденции Аранхуэс и Эскориал на переполненном туристическом автобусе. Конечно же, я побывала и в Толедо, средневековом городе, построенном на скале над рекой Тахо, где в XIII веке мирно сосуществовали евреи, арабы и христиане, занимаясь науками, а в XVII веке Эль Греко создал лучшие из своих полотен. С группой студентов я совершила паломничество в Долину Павших, el Valle de los Caídos, монументальный комплекс, задуманный как памятник погибшим по обе стороны баррикад в Гражданской войне[23], но фактически являющийся местом захоронения исключительно фашистов, включая самого Франко[24]. Монумент был воздвигнут силами военнопленных из республиканской армии. Я начала понимать, что большинство изуродованных нищих на улицах Мадрида представляет собой трагический, живой след Гражданской войны, и это понимание стало для меня Испанией в новом, неприглядном прочтении, которое шизофреническим образом шло вразрез со старым впечатлением. В середине XX века это все еще была страна тревожных контрастов, запечатленных Гойей в XVIII и начале XIX века на картинах и рисунках, которые я видела в Прадо.

Тем временем в доме Пилар назревал кризис – по крайней мере, нас с Сильвией не покидало такое предчувствие. Мы уже несколько раз отклоняли ее приглашения на вечерний променад и в результате все чаще слышали раздраженный стук кастрюль на кухне, а время, равно как и наличие, трапез становилось все

более непредсказуемым. Мне было немного неловко покидать Сильвию в беде, но я все равно купила билет на поезд с климатической установкой и сбежала в безопасную Гранаду, где надолго остановилась в международном студенческом общежитии с забавным и непредсказуемым контингентом. В основном это были испанцы, способные за секунду разговора перейти от политики к поэзии. Чтобы сохранить остатки разума, я иногда сменяла накаленную атмосферу дискуссионных баталий на горячий воздух прогретых солнцем полуденных улиц Гранады и наблюдая за играми цыганских детей у входов в свои пещеры[25] или гуляла в окрестностях мавританского дворца Альгамбра, в садах Хенералифе, завороженная экзотической и экстравагантной красотой этого места.

Убаюканная ароматом роз и журчанием фонтанов, погруженная в полудрему, я часами сидела под арками во «дворе ручья»[26] Хенералифе, наблюдая оттуда за неприступными стенами, скрывающими внутренние дворики Альгамбры, изукрашенные причудливой тонкой резьбой. Распростертый под солнечными лучами, ослепительный город лежал у моих ног. Его сияние прерывалось лишь бутылочно-зелеными шпилями кипарисов и ярко-пурпурными и розовыми полосками бугенвиллеи, карабкающейся по снежно-белым стенам. Прекрасный город, но и невыразимо жестокий. Здесь был убит талантливейший из его сыновей. Именно в Гранаде в начале Гражданской войны в Испании повстанцы-оппозиционеры франкистских сил расстреляли величайшего испанского поэта XX века Федерико Гарсиа Лорку. Ритмы, образы и цветовая гамма его поэзии создали в моем воображении картину Андалусии задолго до того, как я впервые увидела ее воочию.

В то время как я предавалась длительному созерцанию неотступной красоты Гранады, меня одолевали приступы одиночества. В прошлом у меня уже бывали периоды чрезвычайной подавленности, причины которых я не знала. Теперь же она стала мне ясна и оказалась довольно предсказуемой: я просто нуждалась в человеке, с которым могла бы поделиться своими впечатлениями. Более того, я осознала, что больше всего мне хотелось бы поговорить со Стивеном. С первых минут знакомства между нами возникло взаимопонимание, обещающее согласие и совместимость. Из-за его болезни любые отношения с ним были обречены на ненадежность, быстротечность и печальный конец. Могла ли я помочь ему реализовать себя и стать счастливым, пусть и ненадолго? Я сомневалась в своей пригодности для такой миссии, но мои новоприобретенные друзья из многонациональной среды,

которым я открыла душу, в один голос советовали действовать решительно. «Если ты нужна ему, то ты просто обязана это сделать», – говорили они.

Некоторое время я пыталась утихомирить внутреннюю неразбериху, но в конце концов неодолимая жажда приключения оторвала меня от исторических красот Гранады и усадила в душный автобус, переполненный рыночными торговцами и их товаром (большей частью живым, хлопающим крыльями и кудахчущим). Я стояла на автобусной остановке в ожидании рейса до станции Ла-Линеа, последнего форпоста Испании перед Гибралтаром, когда ко мне подошел мужчина и спросил, не хочу ли я обучаться испанским танцам. К моему удивлению, он отметил, что у меня подходящая внешность и фигура. Хотя к тому моменту я весьма поднаторела в отшивании местных мачо, мне польстили его слова. Казалось, что мужчина действительно тот, за кого себя выдает. Он не говорил сальностей и не заигрывал; напротив, изъяснялся вполне откровенно. В руке он держал карточку с адресом его танцевальной студии. Я как раз взвешивала его предложение, когда из-за угла вынырнул автобус до Ла-Линеа и навсегда увез меня прочь от искушения. Иногда я чувствую легкий приступ сожаления о том, что тот автобус пришел вовремя, нарушив все неписаные законы передвижения испанского пассажирского транспорта. Кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы он прибыл хотя бы несколькими минутами позже?

> Я очень хотела помочь Стивену реализовать себя и стать счастливым, пусть и ненадолго.

Сойдя на Ла-Линеа, я перешла физический барьер, разделяющий Испанию и Гибралтар: он представлял собой баррикаду из крашенных в зеленый цвет металлических реек около шести метров в высоту и был оборудован воротами с пунктом таможенного контроля. Гибралтар, несмотря на всю нелепость присущей ему атрибутики британского колониализма, был наиболее удобным отправным пунктом для моей единственной в жизни поездки в Африку, в Танжер[27], где я впервые встретилась с потомками людей, завоевавших Испанию в 711 году и правивших ею более семисот лет, – с арабами. Они мне понравились. Со мной, юной англичанкой, путешествующей в одиночку, обращались крайне почтительно, в отличие от испанцев, не пропускавших ни одной иностранной юбки. Это были люди с глубоким чувством собственного достоинства, гордящиеся своим художественным мастерством и демонстрирующие его продукт в каждой торговой палатке

Касбы[28]. Их отличает кротость и гостеприимство, а также любопытство в отношении жизни в Европе; я имела возможность убедиться в этом за бесконечными чашками горячего и сладкого мятного чая, которым меня потчевали в каждой лавке, где я приобретала хотя бы одну грошовую безделушку.

Пока меня не было в Мадриде, над головой Сильвии уже просвистело несколько снарядов в виде гремящих кастрюль. Пилар все меньше устраивал размер прибыли, получаемой от постояльцев, тем более что у нее, несомненно, имелись и другие весомые денежные поступления разного происхождения. В связи с этим Сильвия была выдворена из своей комнаты и переселена ко мне. Мы решили, что нет худа без добра, а один в поле не воин. Однако Сильвию не устраивала перспектива остаться одной в столь опасной обстановке. До этого я не рассказывала Льюисам правды о жилье, которое они заботливо подыскали для меня: мне не хотелось, чтобы они сочли меня неблагодарной за их помощь и гостеприимство. Но теперь час истины настал. Мы решили проинформировать супругов о том, что происходит в *lacasade Pilar*[29]. Сильвия пришла в их дом вместе со мной в приемное время – шесть вечера, – и мы поведали Льюисам о череде посетителей мужского пола, имевших определенно отталкивающий вид. Было очевидно, что Пилар держала бордель, пусть и не в коммерческих масштабах, и намерена была поставлять миловидных английских девушек на потеху своим обрюзглым стареющим знакомым. Мы рассказали о том, как нас пытались прижать в углу, когда мы возвращались домой вечером, подкарауливая нас за *sereno,* сторожкой ночного вахтера, хранившего ключи от всех домов на улице и появлявшегося по хлопку, чтобы отворить дверь в подъезд. Мы мимоходом упомянули о характерных звуках веселья определенного рода, вырывавшихся из-за дверей других комнат квартиры, и о подозрительном дребезжании ручки запертой двери, ведущей в спальню.

В лице британских экспатриантов, из которых состояло общество в гостиной Льюисов в мой последний вечер в Мадриде, мы с Сильвией нашли весьма благодарную публику для своих рассказов. Миссис Льюис поперхнулась джином с тоником, а другие гости завороженно ухмылялись. Сразу же появились ростки надежды на обретение Сильвией нового жилья в приоритетном порядке. Большинство из друзей Льюисов, как и Сильвия, работали в посольстве Великобритании, хотя до этого вечера она не знала лично никого из них. Они были людьми интересными, но скромными, что давало хорошую рекомендацию дипломатической службе и неплохую перспективу карьерного

роста. На следующий день я вернулась в Англию студенческим рейсом. Мне было грустно оставлять позади все произошедшее со мной: многообразие впечатлений, видов и звуков, новых знакомых и связанные с ними интригующие истории, но я с еще бóльшим нетерпением устремлялась к открывающимся мне непредсказуемым и разнонаправленным возможностям.

5. Принципы неопределенности

Мои попытки связаться со Стивеном после Испании были безрезультатны. Его мать сказала, что он уже вернулся в Кембридж и что дела с его здоровьем очень плохи. Приближалась осень, и я готовилась к отъезду из дома; меня ожидал новый жизненный этап – учеба в Лондоне. На следующие несколько недель я с головой окунулась в академическую и социальную круговерть Уэстфилда в частности и Лондона в целом. Концерты, театр и балет внезапно оказались прямо под боком. Я как раз направлялась на одно из мероприятий, толкаясь в лондонской подземке с группой приятелей, когда нам в глаза бросились заголовки, кричащие об убийстве президента Кеннеди. Тогда же, в ноябре 1963 года, снова объявился Стивен. Он собирался приехать в Лондон к стоматологу и хотел узнать, не соглашусь ли я сходить с ним в оперу. Перспектива была значительно более соблазнительной, чем танцы для первокурсников, представлявшие собой, несмотря на повальную битломанию, полную катастрофу: мальчики подпирали стенки до последнего танца. Хотя я с детства любила музыку, мне недоставало формального образования в этой сфере, и в опере я была лишь раз – вместе с классом, на «Свадьбе Фигаро» в «Сэдлерс-Уэлс»[30]. Моя единственная попытка освоить музыкальный инструмент – флейту – безвременно канула в Лету, когда в возрасте тринадцати лет я сломала обе руки, катаясь на коньках по замерзшему озеру в парке, расположенном на месте древнеримского города Веруламия, предшественника Сент-Олбанса.

В том ноябре в пятницу во второй половине дня мы со Стивеном встретились на Харли-стрит, где у его дяди, австралийца Рассела Коула, был стоматологический кабинет. Стивен шел, прихрамывая, раскачиваясь из стороны в сторону; для поездки на любое сколько-нибудь протяженное расстояние ему требовалось такси, ставшее дорогостоящей необходимостью. Примечателен был тот факт, что чем более шаткой становилась его походка, тем больше крепли и ожесточались убеждения. Мы решили посетить Собрание Уоллеса[31], находившееся в нескольких шагах от Харли-стрит; по пути он объявил, что вовсе не разделяет всеобщего преклонения перед героизмом убитого президента. По его мнению, поведение Кеннеди во время Кубинского ракетного кризиса иначе как безрассудным не назовешь; из-за него весь мир находился на грани атомной войны; угроза военного вмешательства исходила в первую очередь от Кеннеди, а не от русских. Более того, продолжал Стивен, со

стороны Соединенных Штатов объявление победы было каламбуром, поскольку Кеннеди согласился вывести американские ракеты из Турции лишь для того, чтобы умилостивить Хрущева. Несмотря на энергозатраты, требуемые для столь яростного отстаивания собственных идей, и затруднения, связанные с передвижением, Стивен был неутомим; поэтому после Собрания Уоллеса мы спустились по Риджент-стрит в поисках ресторана. Мы переходили улицу, и посередине дороги, в тот момент, когда для автомобилей загорелся зеленый, Стивен споткнулся и упал. С помощью прохожего я помогла ему подняться, и после этого он опирался на мою руку. Наша вера в себя была подорвана; мы подозвали такси и поехали в Сэдлерс-Уэлс, на оперу «Летучий голландец». Впечатление оказалось мощное: мы были потрясены великолепием музыки и драматизмом легендарного сюжета. Голландец, обреченный скитаться по штормовым морским волнам, пока не найдет ту единственную, готовую пожертвовать собой ради любви к нему, предстал в диком затравленном образе и проклинал судьбу, раскачиваясь на подмостках бутафорского корабля. Сента, влюбленная в него девушка, была невинна и чиста. Тем не менее, как и большинство сопрано в операх Вагнера, она оказалась достаточно увесистой, чтобы твердо держаться на поверхности вращающейся части сцены. Я почувствовала, что Стивен идентифицирует себя с главным героем, и начала понимать причины его демонической манеры вождения автомобиля. Отцовская машина была для него способом выражения ярости в ответ на удар, нанесенный ему Судьбой. Он, как и «Голландец», скитался по мирским волнам в поисках спасения, демонстрируя поведение, которое иначе как безрассудным не назовешь.

После вечера в опере я почувствовала желание побольше узнать о состоянии здоровья Стивена. Я совершила несколько вылазок в Лондон в поисках старых знакомых, поступивших на медицинский факультет, и обивая пороги невыразительных офисов благотворительных учреждений, работающих с неврологическими заболеваниями. Каждый раз я возвращалась несолоно хлебавши. Возможно, незнание стало наименьшим из возможных зол. Да и была ли судьба менее благосклонна к Стивену, чем ко всем нам? Над миром нависала угроза атомной войны, и никто не мог быть уверен в том, что проживет положенные ему семьдесят лет.

В период зимнего бесцветного затишья между Рождеством и Новым годом я зашла к Стивену домой в Сент-Олбанс. Я застала его на пороге – он собирался в Лондон на очередную оперу вместе с отцом и сестрами. Однако его радость при виде меня

была настолько неподдельной, что я без колебаний приняла его спонтанное приглашение сопровождать его и отца через неделю в такой же поездке – на этот раз нас ожидала опера Штрауса «Кавалер розы». Судя по всему, походы в оперу были традиционным времяпрепровождением в семье Стивена, тогда как я являлась неофитом и пока еще не составила определенного мнения об этой смешанной форме искусства. Сочетая в себе музыку и актерскую игру, опера вызывала сильное эмоциональное потрясение у зрителя; тем не менее потеря концентрации даже на секунду грозила выпадением из контекста до такой степени, что происходящее на сцене казалось абсурдным. В следующем семестре Стивен, судя по всему, обнаружил неисчерпаемый источник билетов в оперу: он то и дело приезжал в Лондон, чтобы отвести меня в Ковент-Гарден или Сэдлерс-Уэлс. Однажды я заикнулась о том, что с бóльшим удовольствием сходила бы на балет (его я люблю с тех пор, как мне исполнилось четыре), но это предложение было отвергнуто с сокрушительным презрением. Я узнала, что балет – это бесполезная трата времени, музыка в нем тривиальна и не стоит того, чтобы ее слушали. Услышав такую отповедь, я не сказала Стивену о том, что при помощи студенческого профсоюза мне удалось достать билет на «Ромео и Джульетту» Чайковского с Фонтейн и Нуриевым. Мы с девочками сидели на дешевых местах, на заднем ряду амфитеатра Ковент-Гарден, высоко над бельэтажем, где обычно сидели Хокинги. Представление было божественным и оставило у меня лучшие воспоминания.

Никто не мог быть уверен в том, что Стивен проживет положенные ему семьдесят лет.

Стивен продолжал часто наведываться в Лондон на семинары и к своему стоматологу, а я начала ездить в Кембридж на субботу или воскресенье. Мы ожидали этих встреч с нетерпением, но они всегда оборачивались обоюдным неудовлетворением. Поездки за десять шиллингов в оба конца пробили дыру в моем бюджете, составлявшем десять фунтов в месяц, а корабль любви то и дело попадал в шторм. Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Стивен не собирался вступать в длительные стабильные отношения из-за неблагоприятного прогноза врачей. Он мог себе позволить лишь кратковременный роман, что было неприемлемо для меня, невинной девушки, воспитанной в пуританском духе начала 1960-х, когда страх нежелательной беременности все еще являлся весьма существенным сдерживающим фактором. В результате столкновения взглядов на эти вопросы между нами возникло такое напряжение, что я часто

возвращалась в Лондон в слезах, а Стивен, похоже, чувствовал, что мое присутствие сыплет соль на его рану. Его эмоциональные проявления были скудны, и он отказывался говорить о своей болезни. Не желая причинять ему боль, я пыталась догадаться о его чувствах, не настаивая на том, чтобы он их проговаривал, тем самым неосознанно способствуя становлению традиции избегать коммуникации, что в итоге стало невыносимым. Зимой мы снова встретились на Харли-стрит после его визита к стоматологу. «Как все прошло?» – спросила я. Стивен скорчил гримасу: «Он сказал мне, чтобы я больше не приходил. Он уже ничем не может помочь».

В Уэстфилде моя соседка по комнате Маргарет Смитсон сопровождала меня на встречах Христианского союза, где я надеялась найти подсказки для разрешения сложившейся ситуации, которая меня беспокоила тем больше, чем сильнее я в нее вовлекалась. Как и его родители, Стивен не стеснялся говорить о своем атеизме, несмотря на то что его йоркширские бабка и дед были методистами. Понятно, что специалист по космологии, изучающий законы, которым подчиняется Вселенная, не мог допустить, чтобы иррациональная вера в Создателя добавляла путаницу в его расчеты, даже не принимая во внимание то, что болезнь также вносила свою лепту в нарушение стройности его мышления. Что касается меня, то я была счастлива избавиться от скучных воскресных посещений церкви, но не собиралась полностью отказаться от веры. Даже в то время, возможно, под влиянием матери, я не теряла убеждения в том, что земля и небо повинуются более возвышенным законам, чем те, которые диктовала холодная обезличенная философия Стивена. Хотя я уже была очарована им, полностью околдована прямым взглядом его серо-голубых глаз и широкой улыбкой, от которой возникали ямочки на щеках, его атеизм все еще вызывал во мне сопротивление. Инстинктивно я понимала, что не могу позволить себе уступить в этом вопросе, потому что такое влияние было бы негативным: в моей жизни не осталось бы никакого утешения, поддержки и надежды на лучшее. Атеизм уничтожил бы нас обоих. Я должна была ловить каждый лучик надежды, чтобы иметь достаточно веры для нас обоих, если из нашего затруднительного положения мог выйти хоть какой-нибудь толк.

> После визита к стоматологу Стивен произнес: «Он сказал мне, чтобы я больше не приходил. Он уже ничем не может помочь».

Встречи Христианского союза были малочисленны, а со

временем посетителей становилось все меньше. Темой для обсуждений в том семестре служила природа божественной благодати, но скоро стало ясно, что лидеры группы, в числе которых был молодой капеллан, которого мы называли «Преподобный Гороховый Суп» (по созвучию с его именем), придерживались твердого убеждения, что лишь практикующие христиане, прошедшие обряд крещения и регулярно причащающиеся, достойны божественной благодати, спасения и тому подобных милостей Божьих; только такие христиане, по их мнению, достойны Царствия Небесного. Мы с Маргарет были настолько возмущены, что демонстративно покинули собрание, яростно составляя списки родственников, друзей, просто хороших людей, не соответствовавших критериям отбора, и продолжали обсуждать эту тему между собой в течение долгого времени. Обсуждение продолжилось и в каникулы, которые я провела с Маргарет у ее родителей в Йоркшире.

Сейчас студенты-филологи все чаще проводят за границей целый год, изучая иностранный язык. В 60-е считалось роскошью провести даже один семестр в стране, язык которой ты изучаешь. В конце апреля нас, студентов Уэстфилда, отправили на запланированный курс в университете Валенсии. Ехать надо было с пересадкой: сначала на поезде, потом на корабле. Добравшись до места назначения, мы обнаружили, что никакого курса нет и в помине; все, что нам мог предложить университет, – это несколько лекций о Шекспире на испанском языке. На нас налагалось единственное обязательство: забрать сертификаты посещения в конце семестра (присутствовать на лекциях было необязательно). Мы сходили на одну лекцию, представлявшую собой пародию на анализ «Макбета», и решили, что с нас достаточно. В школе мне хватило Шекспира на всю жизнь; дополнительная доза на испанском была мне противопоказана. Однокурсники полностью меня поддержали, и мы единогласно выбрали пляж.

Две недели спустя все остальные так же продолжали ходить на пляж, а я лежала в своей комнате на седьмом этаже кондоминиума, прикованная к постели страшной головной болью, которую я считала последствием солнечного удара, но которая на поверку оказалась тяжелым случаем ветрянки. Я и без этого чувствовала себя ужасно несчастной. Мне очень не хватало Стивена: общение по телефону тогда не было принято, а писем он мне не писал, хотя я написала ему, наверное, сотню. Я находила утешение лишь у своих друзей из Уэстфилда, чьи посещения были той ниточкой, которая связывала меня с окружающим миром, а также у хозяйки квартиры, Доньи Пилар да Убеда, и ее

дочери Марибель, доброй, как ангел, женщины средних лет. Я понемногу начала выздоравливать и выходила на кухню, где Донья Пилар давала мне уроки испанской кухни, что было значительно полезнее, чем Шекспир на испанском. Она научила меня разделять апельсин на четверти, не раздавив дольки, готовить гаспачо и паэлью и брала с собой за покупками. К счастью, сыпь на моем лице и присутствие августейшей матроны обеспечивали свободу от посягательств праздношатающихся мужчин. Вернувшись в квартиру, я сидела в гостиной, слушая две пластинки, которые привезла с собой, – Симфонию № 7 Бетховена и отрывки из «Тристана и Изольды» Вагнера, – пока меня не начинало тошнить от них. Вторая пластинка приводила меня на вершины самоистязания и душевных мук. Наконец долгожданный момент настал: я села в поезд до Барселоны, откуда должна была отправиться домой. Я покидала Валенсию с чувством облегчения: несмотря на сочность ее апельсинов и вездесущий аромат лимонных рощ, во рту осталось неприятное послевкусие постоянных сексуальных домогательств и горечь репрессивного режима, позволявшего себе запирать студентов на ночь в тюрьму и изымать компрометирующие страницы импортной газеты «Таймс» перед продажей.

Мои родители привезли Стивена повидаться со мной. Воссоединение было счастливым, но радость скоро угасла. Я почувствовала, что в мое отсутствие он изменился: не с точки зрения физического состояния (он лишь начал ходить с тростью), но в личностном плане. У него была глубокая депрессия, которая проявлялась в грубом, безжалостном цинизме и лишь усугублялась часами прослушивания опер Вагнера на полную громкость.

Он стал еще более сдержанным и закрытым и был настолько поглощен собой, что, предложив научить меня играть в крокет на лужайке Тринити-холла, через несколько минут практически перестал замечать мое присутствие. Отбросив трость, ставшую его постоянной спутницей, он дал краткие инструкции; я направила мяч к первым воротцам, но промахнулась. Тогда он взял свой молоток и провел мой мяч по всей дистанции до самого финиша, так и не дав мне шанса попробовать еще раз.

Я стояла с открытым ртом, одновременно удивленная и раздосадованная. Демонстрация силы впечатляла, но Стивен не дал себе труда скрыть свою враждебность и разочарование, как будто бы нарочно стараясь отвратить меня от общения с ним. Но оказалось уже поздно. Я была так сильно влюблена, что легкого или очевидного способа расстаться не видела.

Скорое расставание стало болезненным, но это оказалось

лучше для нас обоих. Стивен с сестрой Филиппой собирался в Германию, в паломничество на место поклонения Вагнеру – Байройтский фестивальный театр, куда у них были билеты на все четыре части цикла «Кольцо нибелунга». Оттуда они планировали отправиться поездом за железный занавес, в Прагу. В это время я должна была сопровождать отца на международной правительственной конференции в Дижоне, где меня поселили в местной семье, состоявшей из пожилых супругов и их умудренной жизненным опытом двадцатипятилетней дочери, у которой имелась работа и бойфренд. Не могу сказать, чтобы мне не хватало развлечений: программа отцовской конференции была рассчитана на пару дней рабочих заседаний, а затем состояла из увеселений, к которым меня пригласили присоединиться. Поскольку мы находились в Бургундии, то, естественно, посещали виноградники – знаменитые местные Clos. Так начался, возможно, самый приятный этап моего образования, связанный с развитием разборчивости в моих вкусовых рецепторах, в процессе которого меня ожидало приятное знакомство со всемирно известными наименованиями и прекрасными винными букетами бургундского, нюи-сен-жорж, кот-де-бон и кло-де-вужо. Рекламный лозунг нюи-сен-жорж взывал к моему невинному любопытству: соблазнительно-бархатистый вкус вина, как было сказано, напоминает «la nuit des noces, douce et caressante…»[32].

Из Дижона мы поехали на машине в аэропорт Женевы, чтобы встретить маму. Следующие несколько дней мы провели в нашем любимом уголке Бернских Альп, крохотной деревушке Хофлух над перевалом Бреннер с видом на долину реки Ааре и поселок Мерингen, где без устали любовались сказочными окрестностями. Перед отъездом в Италию папа отвез нас в Люцерн, средневековый город на берегу озера, где показал нам старинный деревянный мост, в пролетах которого сохранилась серия картин «Танец смерти». Он указал на фигуру Смерти в белом одеянии, выбирающую себе жертву, чтобы заключить в свои объятия и унести прочь, навстречу судьбе.

Италия была изумительна: это оказался праздник для ума и сердца. Искусство, история, музыка, свет и цвет встречались повсюду, куда бы мы ни отправились, – Комо, Флоренция, Сан-Джиминьяно, Пиза, Сиена, Верона, Падуя – в головокружительном потоке витиеватого изобилия. Однажды вечером во Флоренции, проведя день в обществе Микеланджело, Боттичелли, Беллини и Леонардо да Винчи, мы с мамой сидели у окна, из которого открывался вид на реку Арно и Палаццо Питти, куда мы собирались на концерт. Именно в этот волнующий момент она рассказала мне о причинах, побудивших ее выйти

замуж за моего отца перед началом войны. Она сказала, что хотела иметь возможность самостоятельно ухаживать за ним, если бы он был ранен. Через несколько дней я вспомнила о ее признании, звучавшем как предсказание: в Венеции, в отеле Делла Салюте, расположенном вдоль узкого канала по соседству с одноименным собором, я получила открытку, которую торжественно вручил мне менеджер. Открытка, изображавшая вид на замок в Зальцбурге, оказалась от Стивена.

> У Стивена была глубокая депрессия, которая проявлялась в грубом, безжалостном цинизме и лишь усугублялась часами прослушивания опер Вагнера на полную громкость.

Я была вне себя от радости. Неужели Стивен тоже думал обо мне, как и я о нем? У меня появились основания для надежды, что он хотел бы увидеться со мной в конце лета. Открытка содержала необыкновенно много новостей. Он приехал в Зальцбург на заключительную часть фестиваля и удивлялся его контрасту с Байройтом. Чехословакия ему понравилась, все было удивительно дешево, что составило отличную рекламу коммунизму. Он ничего не написал о том, что неудачное падение в поезде в Германии лишило его передних зубов: это обеспечило дядю на Харли-стрит большим объемом болезненной для пациента работы. Нахлынувшие романтические переживания, хоть и переданные на расстоянии, сделали Венецию – ее каналы, лагуны, палаццо, соборы, галереи и островки – еще более прекрасными; однако в нетерпении открыть новую страницу собственной истории я не сожалела о том, что нужно вернуться в Швейцарию. Из Базеля мы полетели домой на самолете, разместив автомобиль в его грузовом отделении: такая экстравагантная концовка была, впрочем, вполне оправданна, учитывая то, сколько тысяч миль мой отец провел за рулем, колеся по Европе в течение долгих лет.

Стивен был рад видеть меня. Интуитивно я понимала, что он начал более оптимистично воспринимать наши отношения и, возможно, решил, что не все еще потеряно, а будущее не обязательно должно быть столь трагичным, каким оно рисовалось ему под действием мрачных предчувствий. Вернувшись в Кембридж, однажды темным дождливым октябрьским вечером он застенчиво прошептал мне предложение выйти за него замуж. Эта минута перевернула наши жизни и заставила меня навсегда забыть о карьере в дипломатической службе.

6. Семейная история

Как только главное решение было принято, все остальное постепенно встало на свои места, если не автоматически, то с некоторым усилием с нашей стороны. Следующий год пролетел незаметно в приливе эйфории. Какие бы сомнения по поводу состояния здоровья Стивена ни терзали моих друзей и родственников, они благоразумно держали все при себе и комментировали лишь эксцентричное поведение членов семьи Хокинг.

Их замечания меня не очень беспокоили, поскольку мне нравились Хокинги, а к их эксцентричности я относилась с почтительным любопытством. Они всегда рады были видеть меня у себя дома и относились уже как к члену семьи. Да, они экономили на предметах быта, предпочитая старые проверенные вещи новомодным, и перебарщивали со строгостью в вопросе отопления (тем, кто жаловался на холод, безапелляционно предлагалось поступить как Фрэнк Хокинг и одеться потеплее – например, надеть халат, путь даже днем). Более того, как я уже имела случай заметить, некоторые части дома были, мягко говоря, немного обветшалыми. Тем не менее все это не стало для меня новостью, а лишь указывало на то, что хозяева придерживались определенных приоритетов, не чуждых и моей семье. Мои родители тоже экономили каждое пенни всю свою сознательную жизнь. Мы были небогаты, и нам часто приходилось довольствоваться малым и ремонтировать старые вещи, потому что бóльшая часть дохода отца уходила на наше образование и чудесные летние каникулы. У нас в доме не было центрального отопления, и я привыкла сидеть у камина, обжигающего мое лицо и пальцы ног, в то время как за спиной гуляли леденящие струйки сквозняков. Ночью я прижимала онемевшие ступни к бутылке с горячей водой, зная, что утром, когда на окне расцветут морозные папоротники и пальмы, обнаружу на ногах водянистые волдыри – цена, которую я платила за кратковременное тепло. Если наш дом и выглядел лучше, чем у Хокингов, то это лишь благодаря тому, что он был меньше, к тому же, что отец уже давно оставил попытки проявить себя в качестве мастера на все руки. У него были для этого веские основания, поскольку его попытки что-либо отремонтировать заканчивались плачевно: потолок падал ему на голову, а краска разлеталась по всему помещению, минуя цель. Поэтому он принял решение, что дешевле и надежнее будет доверять ремонт профессионалам.

В моем присутствии Хокинги редко действовали в соответствии с мифом о чтении за столом, принятом в их семье. Трапезы обычно сопровождались общей беседой, которую спокойно направляла мать Стивена, стоически переносившая вспыльчивый характер мужа. Фрэнк Хокинг, требовательный и резкий, в глубине души не был жестокосердным. Его выпады большей частью направлялись на вопиющие промахи неодушевленных предметов, например кухонный нож, который отказывался резать, разбитое стекло или упавшую вилку, но никогда – на людей из круга семьи. В общении с юным Эдвардом, склонным к истерикам перед отходом ко сну, он проявлял чудеса сдержанности и терпения. Что касается Стивена, которого, очевидно, больше не мучили наплывы плохого настроения, то его бесстрастный философский взгляд на жизнь стал залогом более мирного семейного климата.

Разговоры за ужином были, как я и ожидала, интеллектуального характера и касались в основном политических и международных вопросов. Поскольку Филиппа поступила в Оксфорд, где изучала китайский язык, то речь часто заходила о «культурной революции»[33]. Я была мало осведомлена в части восточной истории и политики, поэтому сочла благоразумным хранить молчание, дабы не выдать свое невежество. Испания и Франция представлялись узкими и малозанятными предметами в сравнении с Востоком, и никто из присутствующих не выражал ни малейшей заинтересованности ими и их культурой. В любом случае Хокингам было известно о Франции все, что до́лжно знать, поскольку у Изабель имелись французские родственники. Им также было известно и то, что до́лжно знать об Испании, поскольку она с детьми прожила три месяца в непосредственной близости от дома Роберта Грейвса[34] в деревне Дейя на острове Майорка, когда зимой 1950 года Фрэнк находился в длительной отлучке, изучая тропическую медицину в Африке. Берил Грейвс была подругой Изабель со студенческих лет в Оксфорде, а имя Роберта Грейвса почиталось Хокингами как икона.

После ужина, когда со стола была убрана посуда, молодая часть публики играла в настольные игры. Стивен фанател по настольным играм с раннего детства и вместе с лучшим другом Джоном Маккленаганом разработал длинную и сложную династическую стратегию, в состав которой входили генеалогические древа, поместное дворянство, обширные землевладения, епископства для младших сыновей и налоги на наследство. К сожалению, эта игра не сохранилась, так что нам пришлось снисходить до Cluedo[35], скрабла[36] и маджонга,

знаменитого своей сложностью китайского домино с изящными резными фишками из слоновой кости. Я уже была свидетелем удивительных достижений Стивена в области крокета; его предложение научить меня игре в шахматы повлекло за собой те же последствия. Тем не менее для игры в скрабл я не нуждалась в наставнике, поскольку игры в слова всегда хорошо мне удавались – это искусство я усвоила еще в детстве из многочисленных игр «Лексикона», открытых для меня говорливой и изобретательной тетей Эффи, сестрой моей бабушки, у которой я гостила в северном Лондоне.

Если для настольных игр не набирался кворум, то после ужина мы со Стивеном сидели у огня, слушая, как его мать пересказывает эпизоды семейной истории. Я обожала ее рассказы и хотела стать похожей на нее. Она была выпускницей Оксфорда, до замужества работала налоговым инспектором, отличалась интеллектом и остроумием, но полностью отдала себя семье, очевидно, не обладая никакими профессиональными амбициями. В то время она преподавала историю в частном пансионе для девочек в Сент-Олбанс, где ее значительный интеллектуальный потенциал явно недооценивали. Она взяла на себя труд рассказать мне о своем прошлом и прошлом семьи Хокинг и выполняла эту миссию с философской отстраненностью. В родительской семье она была вторым по счету ребенком из семи, родилась в Глазго, где ее отец, сын богатого котельщика, работал врачом. Хотя ее семья переехала в Плимут на корабле в ранние годы ее жизни, она прекрасно помнила строгий аскетизм дедовского дома в Глазго, где семейная молитва в гостиной, обязательная для посещения всех членов семьи и слуг, составляла единственное дозволенное развлечение. По материнской линии ее предком был Джон Ло оф Лористон[37], который, разорив французов в XVII веке, переехал в Луизиану. В ее рассказе оживали разнообразные затяжные семейные междоусобицы, большинство из которых касалось денег, поскольку лишение неугодного родственника наследства по завещанию было весьма распространенным и приемлемым способом выражения глубокого пуританского неудовлетворения.

Предки отца Стивена были богобоязненными йоркширскими фермерами. Их притязания на знатность связывались с одним из предков, который в начале XIX века служил наместником у герцога Девонширского. В ознаменование своего высокого положения он построил для себя значительных размеров особняк в Боробридже, Йоркшир, и назвал его Четсворт. С той поры состояние семьи значительно сократилось, вследствие чего некоторые сельскохозяйственные проекты дедушки Стивена

привели к разорению, так что бабушка Стивена вынуждена была спасать пятерых детей – четверых сыновей и дочь – от прозябания в нищете. Она справилась с этой задачей, открыв школу в собственном доме. Успех предприятия приписывают сильному характеру бабушки. Деньги, богатство, его приобретение и утрата постоянно фигурировали в рассказах Изабель, склонной ценить в людях в первую очередь умственные способности, а не честность или доброту. Обаяние рассматривалось как серьезный недостаток, а обладавшие им люди – как те, кому ни при каких обстоятельствах не стоит доверять.

> Предки Стивена были богобоязненными йоркширскими фермерами.

Поскольку у матери Стивена было семь братьев и сестер, а у его отца – пять, он мог похвастаться наличием целого полка двоюродных братьев и сестер и армии троюродных. Мои родители, напротив, выросли единственными детьми; поэтому у меня не было кузенов, лишь троюродные братья и сестры, один в Австралии, остальные в сельской части Норфолка. По этой причине я была потрясена знакомством с таким количеством людей, которые не только являлись близкими родственниками, но и обладали значительным внешним сходством. Со стороны матери Стивена все отличались высокими скулами, близко посаженными голубыми глазами и волнистыми каштановыми волосами, а со стороны отца лица у всех были длинные и обвисшие книзу. На меня немного походил лишь мой брат; а у Стивена имелось тридцать три кузена, похожих друг на друга и на него самого.

Хотя многие из них жили за границей, часто женились и разводились, мне удалось повстречать многих из них, а также их друзей, мужей, жен и даже бывших супругов за время семейных слетов, которыми ознаменовалась та памятная зима. Со мной общались открыто и дружелюбно, и я начала ощущать преимущества большой семьи: ощущение потери внешней индивидуальности компенсировалось чувством безопасности, связанным с принадлежностью к этой группе. Новизна этого чувства была упоительной, а мой семейный круг, состоящий из родителей, брата, одной бабушки и двух ее сестер, стал казаться мне весьма малочисленным.

> Со стороны матери Стивена все отличались высокими скулами, близко посаженными голубыми глазами и волнистыми каштановыми волосами, а со стороны отца лица у всех были длинные и обвисшие

книзу.

Среди Хокингов нашелся, однако, человек, не испытывающий характерной для них самоуверенности. Услышав о нашей помолвке, тетя Стивена Мюриэль объявила, что ей просто необходимо покинуть Йоркшир, чтобы посмотреть, на ком это женится ее Стивен. Мюриэль была единственной сестрой Фрэнка Хокинга. Будучи самым робким из членов семьи, она заботилась о стареющих родителях и нигде не работала, несмотря на свою музыкальную одаренность. Ей уже перевалило за шестьдесят, и на ее грустном одутловатом лице и в мягком взгляде больших карих глаз проступали следы несбывшихся надежд. Она была предана своему брату Фрэнку и его старшему сыну и восхищалась интеллектуальным превосходством других членов семьи, не имея возможности подняться до их уровня. Ее просторечные выражения вызывали отчужденность в семье, хотя Стивен, бывший, по понятиям методистов, ее крестным сыном, всегда относился к ней с добротой и терпением. Я часто останавливалась поболтать с тетей Мюриэль или же скрывалась на чердаке у бабушки Уокер, чтобы отдохнуть от атмосферы интеллектуального соперничества, царившей в обеденном зале.

Стивен порой резко отзывался о людях, не входящих в семейный круг.

Стивен порой резко отзывался о людях, не входящих в семейный круг. Он снова стал самоуверенным и демонстрировал свои оксфордские замашки в каждом разговоре, шокируя людей провоцирующими заявлениями. Он глубоко огорчил мою миролюбивую бабушку, к которой мы приехали погостить на выходные, заявив, что собор Норвича – ничем не примечательное здание. Моих друзей он считал легкой добычей и без всякого смущения монополизировал слушателей на вечеринках своими экстравагантными суждениями, часто доминируя на социальной сцене при помощи громогласной и веской аргументации.

Мне он доказывал, что искусственные цветы во всех отношениях превосходят живые и что мой любимый композитор Брамс был второсортным, так как не мог справиться с оркестровой партитурой. Рахманинов годился только в музыкальную мусорку, а Чайковский не умел сочинять ничего, кроме балетов. До сих пор мои знания о композиторах были на зачаточном уровне: я знала о Рахманинове и Чайковском лишь то, что их музыка глубоко волнует меня; что касается оркестровок Брамса, то я не имела о них никакого представления. Лишь намного позже я выяснила, что если Вагнер и презирал Брамса, то

это чувство было взаимным. Я молча порадовалась этому и, разумеется, промолчала.

Хотя мне импонировало нежелание Стивена поддерживать светскую беседу, я начинала нервничать по поводу того, что его отдающее безвкусицей высокомерие подвергает меня опасности лишиться друзей и даже родственников. В какой-то момент я испугалась, что он сведет на нет мои шансы на научную деятельность. Я заранее смирилась с тем, что из-за него мне придется оставить надежды на дипломатическую карьеру, но не готова была позволить ему уничтожить мои исследовательские амбиции. Когда я представила его своему куратору Алену Дейермонду, в то время побуждавшему меня к написанию диссертации в области средневековой литературы, Стивен буквально превзошел себя. Размахивая стаканом с хересом с таким видом, будто повторяет азбучную истину, он с огромным наслаждением высказал Алену Дейермонду и моим однокурсникам мнение, что изучать средневековую литературу так же полезно, как считать гальки на пляже. К счастью, Ален тоже был выпускником Оксфорда: он с готовностью подобрал брошенную перчатку и показал Стивену, почем фунт лиха. Спорный вопрос так и не был урегулирован, однако оппоненты расстались друзьями. По дороге домой в машине я выразила протест, на что Стивен лишь пожал плечами и сказал: «Ты слишком эмоционально к этому относишься».

Убеждение Стивена в том, что интеллектуальные споры никак не влияют на личные отношения, было поставлено под вопрос в этом же году. Профессор Фред Хойл, отказавшийся стать научным руководителем Стивена по аспирантскому исследованию, в то время был одним из первопроходцев в популяризации науки при помощи телевидения. Он приобрел широкую известность; благодаря своему успеху ему удалось убедить правительство выделить средства на собственный Институт астрономии в Кембридже. Было известно заранее, что если к его требованиям не прислушаются, то он пополнит ряды британских ученых, обогативших научный потенциал Соединенных Штатов. Он обладал властью и популярностью; к его недавним работам проявляла живой интерес пресса – в особенности к написанным в соавторстве с аспирантом из Индии Джаянтом Нарликаром, чей кабинет находился рядом с кабинетом Стивена в старом здании Кавендишской лаборатории[38] в Кембридже.

В преддверии публикации новая статья Хойла, развивающая теорию стационарной Вселенной, разработанную им вместе с Германом Бонди и Томасом Голдом, была представлена собранию

выдающихся ученых Королевского общества[39]. Затем объявили время для вопросов, которые в таких случаях обычно задаются в почтительном тоне. Стивен присутствовал на презентации и ждал своего часа. Наконец он поднял руку, которую заметил председатель. Все увидели, как этот еще ничем не отличившийся аспирант-исследователь с усилием поднимается на ноги и начинает при всем честном народе попрекать Хойла и его студентов в том, что представленные ими расчеты неверны. Публика была шокирована; Хойл пришел в неистовство от такой наглости. «Откуда вы знаете?!» – воскликнул он, уверенный в том, что основания Стивена оспаривать результаты его исследования легко опровергнуть. Ответ Стивена поверг его в изумление. «Я и сам провел такое исследование, – ответил он, добавив: – Мысленно». В результате этой интервенции о Стивене заговорили в научных кругах, что помогло ему определиться с темой диссертации на соискание ученой степени в области астрономии: свойства расширяющихся вселенных. Однако взаимоотношения между ним и Фредом Хойлом навсегда остались натянутыми.

Несмотря на споры, какими бы они ни были: строго научными или далеко не столь безобидными, – все, что мы делали на протяжении того учебного года, должно было способствовать нашей общей цели – свадьбе, запланированной на июль 1965 года. Так как мое положение в Уэстфилде могло быть поставлено под вопрос в связи с предстоящим браком, моей задачей стало умиротворить руководство колледжа. Не получив согласия, мы оказались бы вынуждены отложить свадьбу еще на год, поскольку прекрасно понимали серьезность обещания, данного нами моему отцу в обмен на благословение нашей помолвки: я должна была получить высшее образование. Поскольку болезнь Стивена могла за этот год значительно прогрессировать, о чем мне постоянно напоминал его отец, то не имелось никакой гарантии, что он проживет еще год и дождется свадьбы. Эта горькая правда была обстоятельством, которое мне приходилось учитывать, составляя любые планы. В первую очередь мне предстояло убедить руководителя кафедры испанского языка профессора Джона Вэри и декана факультета миссис Мэтьюс в том, что брак необходимо заключить как можно быстрее. Профессор Вэри, выслушав мои доводы, сказал, что ситуация действительно из ряда вон выходящая, но что ему требуется одобрение декана для того, чтобы дать свое согласие.

В результате о Стивене заговорили в научных кругах, что помогло ему определиться с темой диссертации на соискание ученой степени в области астрономии.

Моя единственная встреча с миссис Мэтьюс произошла при описанных ранее обстоятельствах на не очень удачном собеседовании в 1962 году, поэтому я не надеялась на благоприятный исход. В конце осени 1964-го я пришла к ней в шесть часов вечера, как было назначено секретарем. Я с замиранием сердца постучала в обитую сукном зеленую дверь, отделяющую ее квартиру в Ридженси-хаус от административной территории колледжа. Миссис Мэтьюс, видимо, почувствовала мою нервозность с того момента, как я переступила порог. Она предложила мне сесть, закурила и взяла стакан хереса. «Что случилось? – начала она разговор, хмурясь и глядя мне в глаза с искренним беспокойством. – Не бойтесь, я вас не съем!» Я вдохнула поглубже и приступила к описанию ситуации: моих отношений со Стивеном, его болезни, прогноза и наших планов, которые заключались в том, чтобы как можно лучше воспользоваться остающимся у нас временем. На протяжении моего рассказа она не сводила с меня глаз, но ее лицо ничего не выражало. Выслушав мою историю от начала до конца, она сразу перешла к делу.

> Помимо щенячьего восторга от ежедневного общения и продолжительного любовного воркования, в таких беседах у нас со Стивеном было место и обсуждению наших планов.

«Вы, конечно же, понимаете, что в случае вступления в брак вам придется жить вне колледжа?» У меня немного полегчало на душе – ведь это был не категорический запрет; я уверенно кивнула, поскольку уже выяснила все, что требовалось. «Да, я знаю, – ответила я. – Есть свободная комната в частном доме на Платс-Лейн». «Ну, в таком случае, все в порядке, – ответила миссис Мэтьюс, не отрывая взгляда от углей на каминной решетке. – Продолжайте в том же духе и постарайтесь воспользоваться своим шансом наилучшим образом». Она помолчала, а затем заговорила каким-то особенно рассеянным тоном, признаваясь, что и сама была в похожей ситуации. Ее муж также страдал тяжелой формой инвалидности. Она прекрасно понимала, как важно в таких случаях действовать по велению сердца. Она также была согласна с моим отцом в том, что мне необходимо окончить колледж. Она предупредила, что меня ждет нелегкое будущее, и пообещала свое всемерное содействие, начиная с уведомления профессора Вэри о своем согласии.

Преодолев главное препятствие, я должна была договориться о проживании на Платс-Лейн, что прошло гораздо легче. Хозяйка квартиры миссис Данхэм с готовностью согласилась уступить мне

мансарду на третьем этаже; и она, и ее муж оказались гостеприимными и терпеливыми хозяевами. «Терпеливыми» – поскольку ни разу не пожаловались на то, что я узурпировала их телефон, находящийся в кабинете на первом этаже. Стивен разузнал способ, которым можно было звонить мне за четыре пенса – такова была стоимость местного соединения между Кембриджем и Лондоном. Безлимитные звонки дали нам возможность говорить друг с другом каждый вечер так долго, как нам хотелось. Помимо щенячьего восторга от ежедневного общения и продолжительного любовного воркования, в таких беседах было место и обсуждению наших планов. Болезнь постепенно стала восприниматься нами как незначительный фоновый раздражитель: мы говорили о карьерных планах, о доме, о приготовлениях к свадьбе и о нашей первой поездке в Соединенные Штаты на летние курсы в Корнелльском университете, штат Нью-Йорк, которые начинались через десять дней после запланированной нами даты свадьбы.

7. Служить верой и правдой

В два счета справившись с главными задачами, я преисполнилась уверенности в том, что смогу завершить обучение в лондонском колледже, приезжая раз в неделю из Кембриджа, особенно в свете новых исследований, утверждающих, что находящиеся в браке студенты демонстрируют более высокую академическую успеваемость, нежели неудовлетворенные личной жизнью холостые студенты. Мой отец продолжал снабжать меня ежемесячной суммой, позволяющей покрыть железнодорожные издержки; однако ответственность за поиск работы, которая сможет обеспечить нас обоих, лежала на Стивене. Он стал серьезно относиться к своему научному исследованию, осознавая, что его работа должна быть оформлена или даже опубликована для того, чтобы он получил возможность подать заявление на должность научного сотрудника университета. В связи с этим он стал развивать идеи, вызвавшие столько шума на лекции Хойла в Королевском обществе. В качестве некоторой компенсации за прилагаемые усилия он впервые почувствовал, что работа приносит ему удовольствие.

При таких обстоятельствах морозным февральским утром 1965 года он ожидал моего приезда в свои новые апартаменты, которые ему предоставили для удобства передвижения в главном корпусе Тринити-холла, с нетерпением, которое объяснялось не только желанием юного жениха заключить возлюбленную в объятия. Он думал, что я наконец-то смогу употребить свои секретарские навыки на пользу дела и напечатаю для него заявление о приеме на работу. Когда я явилась к нему, пряча левую руку в гипсе под пальто, на его лице выразились одновременно ужас и разочарование; мои надежды на его жалость тут же улетучились. Впрочем, я и не требовала большего: ситуация, в которой произошел перелом, была слишком неоднозначной, чтобы рассказывать о ней по телефону.

Правда заключалась в том, что танцевальные вечеринки в Уэстфилде очень оживились с тех пор, как в колледже появились студенты мужского пола, а в студенческом профсоюзе – более активный Комитет развлечений. У нас теперь был настоящий оркестр, играющий музыку шестидесятых, песни группы «Битлз» и твист. Я обожала твист и на одной из еженедельных вечеринок лихо отплясывала этот незамысловатый невинный танец с чьим-то бойфрендом. Пол был отполирован до блеска, я поскользнулась на высоких каблуках и рухнула, неловко

подвернув вытянутую левую руку. Немедленная жгучая боль в руке свидетельствовала об очередном переломе запястья, на этот раз – из-за любви к танцам.

Едва оправившись от этого испытания, я сначала не поняла истинную причину выражения ужаса на лице Стивена, – до тех пор пока он беспомощным жестом не указал на позаимствованную на выходные пишущую машинку и стопку девственно белой бумаги на столе рядом с ней. Он скорбно сообщил мне о моей предполагаемой роли – я должна была напечатать его заявление на вступление в должность научного сотрудника в колледж Гонвиля и Каюса, которое было необходимо подать до начала следующей недели. Все еще снедаемая угрызениями совести по поводу твиста, я приступила к работе с намерением написать заявление от руки (правая рука у меня была в порядке). Я потратила на это все выходные.

В силу обстоятельств я не могла оставаться у Стивена на ночь. По его словам, всевидящее око Сэма, ворчливого служителя пансиона и по совместительству блюстителя морали на его круговой лестнице, не раз замечало мой шарф или кардиган, небрежно оставленный на спинке стула у Стивена в кабинете. Учуяв запах скандала и легкую добычу, Сэм, выслеживая юную посетительницу, по утрам просовывал голову в дверь спальни Стивена в надежде обнаружить меня в его незаконных объятиях на узкой односпальной кровати. Но он так и не дождался возможности доложить пикантные обстоятельства администрации – друзья Стивена, которые уже обзавелись отдельным жильем, регулярно предоставляли мне убежище по выходным. У многих из этих друзей уже имелся дом, машина и планировались дети, что в те дни считалось в порядке вещей. Наше поколение было последним из тех, что исповедовали простые жизненные ценности: романтическая любовь, брак, дом и семья. Единственное отличие наших со Стивеном отношений заключалось в понимании, что нам отпущено меньше времени на то, чтобы достичь этих целей.

Несмотря ни на что, заявление на место научного сотрудника было доставлено вовремя, и Стивен стал ожидать интервью. Однако и тут не обошлось без сложностей. На волне своей популярности после неожиданного вмешательства в лекцию Хойла Стивен подошел к профессору Герману Бонди в конце одного из регулярных семинаров в лондонском Кингс-колледже и попросил его дать рекомендации в случае обращения работодателя по поводу одобрения кандидатуры Стивена на место научного сотрудника. Так как Герман Бонди жил в Гемпшире по соседству с тетушкой Стивена Лорейн и ее мужем

Расом (тем самым стоматологом с Харли-стрит), то Стивену показалось, что официальный письменный запрос не требуется. Однако несколько недель спустя он получил сконфуженное послание от колледжа Гонвиля и Каюса. В ответ на запрос колледжа о рекомендациях для Стивена Хокинга профессор Бонди заявил, что не имеет чести знать кандидата с таким именем. Принимая во внимание обстоятельства и неформальный подход Стивена, было очевидно, что профессор попросту забыл о данном согласии. Ситуацию исправили несколько спешных телефонных звонков, после чего Стивена в обычном порядке вызвали на интервью, где он получил массу возможностей впечатлить членов комиссии своей способностью к убеждению – в особенности благодаря тому, что ни один из них не занимался космологией, несмотря на прекрасную репутацию в других научных дисциплинах.

Должно быть, комитет по научной работе соблазнился мыслью залучить в свои ряды космолога; мы же искренне ликовали, увидев имя Стивена в списке новых научных сотрудников. Все получалось так, как мы задумали; нашу свадьбу можно было, как и предполагалось, назначить на середину июля. Мы не обращали внимания на мрачные медицинские прогнозы, блаженствуя в атмосфере любви и в предчувствии профессиональных успехов, и отметили начинающееся лето серией новых праздников. Ясный небосклон нашего счастья омрачали лишь редкие облачка в виде предстоящих мне экзаменов, решения жилищного вопроса и зловеще забрезжившего на горизонте подоходного налога.

К нашему негодованию, не по сезону холодный ветер враждебной реальности раздул одно из облаков до грозовой тучи, временно подмочившей наше приподнятое настроение. Ободренный успехом в комитете по научной работе, через две недели после утверждения его кандидатуры (что показалось нам в нашем нетерпении достаточным сроком) Стивен отправился на встречу с главным казначеем колледжа Гонвиля и Каюса (в Кембридже говорят: Гонвиль и Киз, что соответствует фамилии второго основателя колледжа, но пишут «Кай» из-за латинизирующего влияния эпохи Возрождения). Казначей холодно проинформировал новоиспеченного научного сотрудника, что тот займет свой пост лишь в октябре и в высшей степени преждевременно пытаться получить информацию шестью месяцами раньше. Что касается собственно запроса Стивена, ответ на который играл ключевую роль в наших планах, то казначей совершенно не был расположен к тому, чтобы предоставить информацию о размере заработной платы научных

сотрудников. Для ровного счета он категорически заявил, что колледж более не берет на себя обязательств по предоставлению жилья научным сотрудникам. Пострадав от столь высокомерного обращения, мы имели возможность лишь строить догадки о том, каков будет доход Стивена, и оказались вынуждены искать жилье. Поскольку в Кембридже было достаточно много женатых научных сотрудников, мы предположили, что надежда у нас есть. Что касается крыши над головой, то мы отдали предпочтение квартире в строящемся доме возле рыночной площади, попросив агента внести нас в список на вселение.

> Все получалось так, как мы задумали; нашу свадьбу можно было, как и предполагалось, назначить на середину июля.

Мы были настолько уверены в себе, так нетерпеливо рвались в будущее, что не позволяли столь приземленным проблемам надолго огорчать нас. На самом деле отношение казначея и ему подобных лишь подтверждало обоснованность нелюбви Стивена к напыщенным чиновникам старшего возраста, которую я теперь разделяла в полной мере. Мы прекрасно понимали, что в своем идеализме попираем здравый смысл, осторожность, условности и обыденность. Мы не могли позволить убогому мышлению чиновников помешать нашим великим замыслам или поколебать нашу убежденность. Борьба с подобными бюрократическими мельницами скоро стала нашей собственной версией восстания шестидесятых. Но нашей главной битвой оставалась битва с судьбой. Преследуя свою высокую цель, мы чувствовали за собой право высмеивать такие незначительные дорожные препятствия, как зазнавшиеся казначеи.

Когда человек борется с судьбой, действительно значимо лишь главное: жизнь, выживание и смерть. До сих пор силы судьбы либо дремали, либо были на нашей стороне. Несмотря на все препятствия, наше ближайшее будущее казалось столь же обеспеченным, как и будущее других наших сверстников, учитывая угрозу холодной войны в середине шестидесятых. Для Стивена женитьба влекла за собой необходимость заняться серьезной работой и показать, чего он стоит как физик. В своей неискушенности я полагала, что вера также сыграла свою роль в том, что мы смогли поставить себе цель и добиться ее. В каком-то смысле у нас со Стивеном была общая вера – экзистенциальная вера в правильность сделанного нами выбора, но для меня, как и для моей мамы и друзей, существовало и другое понимание веры – вера в Бога, который, как мне казалось, укрепил меня в моей решимости и придал мне мужества. С другой стороны, я знала о

том, что Хокинги, несмотря на методистов в родне, провозглашали себя агностиками, если не атеистами, и находила их привычку глумиться над религиозными ценностями неприятной. Через два месяца после помолвки мы со Стивеном вместе встретили Рождество. После возвращения на Хилсайд-роуд, 14 с утренней службы, на которую Стивен ходил со мной и моими родителями, нас встретили с поднятыми в изумлении бровями и начали отпускать едкие комментарии. «Ну как, ты уже стал святым?» – тихо спросила у Стивена Филиппа саркастическим тоном, и я почувствовала волну необъяснимой враждебности по отношению ко мне. Он лишь рассмеялся в ответ, а его мать продолжила тему: «Да уж святее, чем ты; он ведь находится под влиянием добропорядочной женщины». Я не знала, как относиться к таким замечаниям: проигнорировать их было нелегко, так как от них за версту несло семейным заговором против меня, устроенным с целью поколебать мой оплот – веру, на которую я полагалась в предстоящем мне свершении. Этот цинизм я не могла разделить, в отличие от веселья по поводу выбора текста венчания. Я пришла в ужас, узнав, что в соответствии с Молитвенником 1662 года мне предстояло стать «как иные благочестивые и воздержанные матроны», и проголосовала за версию 1928 года, где эта уродливая фраза отсутствовала.

Успех имеет свойство порождать успех, и скоро у нас опять появилось что отметить. Еще одна суббота была потрачена на написание конкурсной заявки на получение Премии гравитации, учрежденного неким гражданином Америки, в своей мудрости верующим в то, что открытие антигравитации послужит излечению его подагры. Не думаю, что поступившие на конкурс эссе смогли хоть отчасти облегчить страдания несчастного, но его щедрые денежные выплаты победителям значительно поправляли бюджет молодых физиков. За годы своей работы Стивен выигрывал приз Премии гравитации многократно, в различных номинациях, начиная с 1971 года. Однако в 1965-м судьба еще не стала к нему настолько благосклонна; тем не менее наши усилия были вознаграждены весьма своевременным успехом. Через несколько недель меня срочно вызвали с чердака к телефону – на проводе ждал Стивен. Он, как всегда, звонил из Кембриджа за четыре пенни, чтобы сообщить мне о получении им поощрительного приза Премии гравитации в сумме сто фунтов стерлингов. Я скакала по кухне миссис Данхэм в пароксизме восторга. Сложив сто фунтов Стивена и двести пятьдесят фунтов, составляющих вклад, сделанный отцом на мое имя в системе национальных сбережений[40], который я имела право забрать,

когда мне исполнится двадцать один, мы могли бы закрыть кредит Стивена и купить машину. Летом, незадолго до свадьбы, близкий друг Стивена из Тринити-холла Роб Донован организовал для нас очень выгодное предложение со стороны своего отца, торговца автомобилями из Чешира. На наш выбор было предоставлено две машины. Первая – блестящий красный «Роллс-Ройс» 1924 года с открытым верхом – была соблазнительна, но абсолютно непрактична и к тому же не вписывалась в наш бюджет. Вторым вариантом была «Мини», тоже красного цвета. Стивен неохотно снизошел до «Мини», признавая, что она нам по карману и соответствует нашим потребностям, особенно в свете приближающегося зловещего облачка под названием «экзамен по вождению».

> Для Стивена женитьба влекла за собой необходимость заняться серьезной работой и показать, чего он стоит как физик.

Так как все мои предыдущие попытки сдать этот экзамен оканчивались полным провалом, я имела все основания предполагать, что появление на следующем испытании на красном «Роллс-Ройсе» не вызовет особой симпатии у бессердечного непоколебимого инспектора, в который раз отправляющего меня домой ни с чем. Он официально заявил, что мой стиль вождения подходит не для новичка, а для водителя со стажем; по его словам, я ездила беспечно и слишком быстро. Честно говоря, он мог бы сказать мне спасибо за то, что я не превысила ограничения скорости, не совершала обгон на повороте и подъеме и не выезжала на встречную полосу автомагистрали, руководствуясь заразительным примером Стивена. Как это ни странно (зная его стиль вождения), у него все еще сохранились действующие права, хотя водить он уже не мог; закон оговаривал возможность предоставления мне права на вождение автомобиля в его присутствии. Осенью 1965 года мне наконец-то удалось сдать злополучный экзамен; видимо, благодаря тому, что мой Люцифер, скрывающийся под маской главного экзаменатора, лежал в больнице.

Все эти достижения и радостные известия начала 1965 года свидетельствовали о том, что нам удастся задуманное; в связи с этим я сосредоточилась на Кембридже и предстоящей свадьбе. Я все больше отдалялась от своих старых друзей и сверстников, с которыми общалась во время учебы в Уэстфилде и на танцах и теннисе в Сент-Олбансе. С ними я в последний раз виделась перед Рождеством 1964 года, когда мы вместе работали на сортировке писем в местном почтовом отделении, и на моем дне

рождения, который родители Стивена разрешили отметить в своем большом ветхом доме, гораздо более просторном, чем таунхаус моих родителей.

День был хоть куда: жаркий, солнечный, с ясным весенним небом над головой; я лучилась абсолютным счастьем. Подарок Стивена – звукозаписи поздних квартетов Бетховена – мог говорить лишь о том, что между нами установились действительно глубокие отношения. В прошлом году день рождения прошел не столь радужно: Стивен подарил мне пластинки с полным собранием сочинений Веберна[41], а потом отвел на фильм об использовании электрического стула в США. Вечером вся моя семья, включая бабушку, собралась в гостиной на торжественное прослушивание опусов Веберна. Стивен с важным видом восседал в кресле, отец с головой углубился в чтение книги, мама забылась вязанием, а бабушка – сном. Проявляя чудеса самоконтроля, мои родственники сохранили полное спокойствие перед лицом атонических созвучий, продолжительных беспорядочных пауз и резких диссонансов; я же, сидя на полу на грани истерики, могла лишь закрывать лицо подушкой.

Тем не менее мой двадцать первый день рождения в 1965 году прошел на одном дыхании: на террасе, освещенной цветными фонариками и обдуваемой теплым весенним ветром. Все было чудесно, как в сказке; впрочем, как и в любой сказке, не обошлось без злодея. Я вновь почувствовала, как от Филиппы исходят вибрации плохо скрываемой неприязни по отношению ко мне; ее источник оставался для меня тайной. Неужели это из-за того, что я всего лишь на один вечер позаимствовала ее дом для своего праздника? А может быть, она считала меня интеллектуально несостоятельной, а также «женственной» (для Хокингов это слово служило бранным)? Очевидно, моя вера казалась ей смехотворной. «Не принимай это близко к сердцу», – был ответ Стивена, когда я поделилась с ним беспокойством, но такая поверхностная реакция меня не утешила.

Старшая из сестер, Мэри, относилась ко мне более доброжелательно. По мнению их матери, Стивену было трудно простить своим сиблингам появление на свет всего лишь через семнадцать месяцев после его рождения. Мэри была застенчива и щедра от природы, но оказалась в незавидном положении: ее брат и сестра, Стивен и Филиппа, обладали высоким интеллектом и сильным характером, и в целях самозащиты ей пришлось вступить с ними в интеллектуальную конкуренцию, хотя она сама была больше склонна к прикладному творчеству. Мэри очень любила отца и пошла по его стопам, занявшись медициной;

именно с отцом у нее были самые теплые отношения в семье. Хотя мои родители имели информацию из первых рук от друзей из Сент-Олбанса о резком, обидном поведении Фрэнка Хокинга с подчиненными в его Медицинской исследовательской лаборатории в Милл-Хилл[42], по отношению ко мне он вел себя благородно и тактично. Жаль, что он не показывал себя миру в лучшем свете; на самом деле это был чувствительный человек, способный проявлять щедрость и другие достойные уважения качества. Много раз он с характерной йоркширской откровенностью говорил мне о том, насколько он и вся его семья рада нашей помолвке, и обещал оказать необходимую помощь. Естественно, он был подавлен диагнозом сына; несмотря на радость, которую ему внушал наш брак, как врач он занимал весьма консервативную и пессимистическую позицию. Мой отец как-то услышал о швейцарском докторе, который лечит неврологические заболевания при помощи контролируемой диеты, и предложил оплатить курс лечения Стивена в Швейцарии. Имея сомнительное преимущество обладания медицинским образованием, Фрэнк Хокинг отверг швейцарские притязания как необоснованные. Он всегда предупреждал меня о том, что жизнь Стивена будет короткой, как и период, в который он сможет выполнять свой супружеский долг. Более того, он советовал нам поспешить со свадьбой, заверив меня, что болезнь Стивена не передается по наследству.

Мать Стивена призналась мне, что, по ее мнению, первые симптомы заболевания Стивена проявились при необъяснимой болезни в тринадцать лет. Она также полагала, что мне необходимо знать все нелицеприятные подробности развития заболевания Стивена, которые проявятся по мере ухудшения его состояния. Однако, если уж существующие методы лечения объявлялись несомненным шарлатанством, я не видела особого смысла в том, чтобы разрушать мой природный оптимизм чередой мрачных пророчеств без какого бы то ни было временного утешения. Я отвечала, что предпочитаю не знать деталей развития болезни, поскольку так сильно люблю Стивена, что выйду за него замуж несмотря ни на что. Я создам для него благоприятную среду, отказавшись от собственной карьеры, которая теперь казалась мне не столь необходимой в сравнении с предстоящим мне делом. В свою очередь, как я наивно полагала в двадцать один год, Стивен будет ценить меня и поддерживать в моих собственных начинаниях. Я также верила в обещание, которое он дал моему отцу в обмен на мою руку: что он не будет требовать больше, чем я в состоянии выполнить, и не станет обременять меня собой. Мы оба также пообещали отцу, что я

окончу колледж.

> Отец Стивена предупреждал меня о том, что жизнь Стивена будет короткой, как и период, в который он сможет выполнять свой супружеский долг. Более того, он советовал нам поспешить со свадьбой, заверив меня, что болезнь Стивена не передается по наследству.

Приготовления к свадьбе шли своим чередом, ознаменованные множественными перемещениями из Сент-Олбанса в Кембридж и обратно, а также типичными свадебными разногласиями: так, Стивен отказывался надевать парадный костюм для утренних приемов, хотя мои отец и брат настаивали на этом, считая, что необходимо придерживаться правил этикета. Стивен также отказался продевать гвоздику в петлицу, считая этот цветок вульгарным, хотя у меня его цвет и аромат пробуждал воспоминания об Испании. Роза оказалась компромиссным вариантом. Мой отец считал, что на любой свадьбе должны говориться памятные речи; Стивен забастовал, отказавшись произносить хоть слово. Вопрос с подружками невесты завис в воздухе и оставался нерешенным до последнего момента; в день свадьбы благодаря чьей-то находчивости их заменили юным Эдвардом в роли импровизированного пажа. К счастью, о месте свадьбы споров не возникло; единогласно было принято решение о том, что ее проведет капеллан Пол Лукас в часовне Тринити-холла.

> О месте свадьбы споров не возникло; единогласно было принято решение о том, что ее проведет капеллан Пол Лукас в часовне Тринити-холла.

Церковному обряду, запланированному на 15 июля, должна была предшествовать скромная гражданская церемония днем раньше в Ширхолле[43], Кембридж, поскольку сами колледжи не уполномочены заключать браки, а 25 фунтов за специальную лицензию архиепископа Кентерберийского были сочтены лишними расходами. Остановив выбор на маленьком помещении, мы некоторое время ломали голову над тем, как разместить всех гостей. Некоторых друзей и родственников пришлось безжалостно вычеркнуть из списков; для оставшихся была предусмотрена площадка церковного хора.

Ко всей этой неразберихе добавлялся еще и Наполеон III, Парижская коммуна 1871 года и мой выпускной экзамен по французскому. Незадолго до свадьбы Стивен впервые посетил Международную конференцию по общей теории относительности,

в том году проходившую в Лондоне. Я вместе с ним пришла на официальный государственный прием на улице Карлтонхаус-террас, где мы познакомились со многими физиками, впоследствии сыгравшими значительную роль в карьере Стивена: это были Кип Торн, Джон Уилер, Чарльз Мизнер, Джордж Эллис и два русских ученых. Многие из них стали друзьями нашей семьи на долгие годы. Именно на этой конференции мировое научное сообщество, изучающее теорию относительности, впервые было захвачено исследовательской лихорадкой в отношении черных дыр (тогда у них не было столь живописного названия; как феномен они упоминались только в прозаичном описании коллапсирующих звезд). Как показало время, этот ажиотаж продлился несколько десятилетий.

> Я уселась на место водителя, Стивен устроился рядом со мной; осторожно съехав с обочины, я повезла нас в направлении деревни Лонг-Мелфорд в Суффолке, где у нас был забронирован номер в гостинице «Бык».

После церемонии гражданского брака, состоявшейся 14 июля под речитатив служащего загса в окружении кабинетов с очередями и искусственных цветов Шир-холла, ко мне подошла моя свекровь и со своей кривой усмешкой проговорила: «Добро пожаловать, миссис Хокинг, потому что люди запомнят тебя под этим именем». На следующий день – день святого Свитуна – шафер Стивена Роб Донован успешно провел нас и наших близких сквозь все перипетии венчания и увеселений в окрестностях Тринити-холла. Это потребовало от него большой ловкости, учитывая количество престарелых родственников и диаметр шляпы Филиппы, украшенной невероятным количеством цветов наперстянки, дельфиниума и маков, видимо, для того чтобы не уступать саду колледжа в изобилии растительности. День был очень счастливым, несмотря на облачное небо и накрапывающий дождик. Наконец ранним вечером, после официального окончания праздника в вестибюле колледжа, где мой отец выразил Стивену публичную благодарность за женитьбу на мне, Роб Донован отвез нас на окраину Кембриджа. Там нас ждала заранее припаркованная на боковой улице машина, наш недавно купленный красный «Мини», обклеенный знаками «Ученик» и недостижимый для коварных замыслов моего брата. Я уселась на место водителя, Стивен устроился рядом со мной; осторожно съехав с обочины, я повезла нас в направлении деревни Лонг-Мелфорд в Суффолке, где у нас был забронирован номер в гостинице «Бык».

8. Введение в физику

Слишком скоро та первая идиллическая неделя после свадьбы стала лишь тихим островком воспоминаний об извилистых улочках Суффолка, пышных садах, покрытых мхом деревенских церквушках и деревянно-кирпичных домах. Тем временем мы уже сидели в самолете в ожидании вылета в Нью-Йорк, пройдя регистрацию задолго до других пассажиров. Позади была блаженная неделя с проносящимися за окном автомобиля сонными селениями, коттеджами и побережьем; на нас неотвратимо надвигался научный прогресс, синтетические традиции и ускоренный ритм жизни Нового Света.

В аэропорту Кеннеди мы встали в очередь на паспортный контроль и заметили, что в нашу сторону направляется высокая, строго одетая стюардесса, высматривая что-то в папке, которую держала в руках. «Как ваши фамилии?» – спросила она, проверяя списки. «Джейн и Стивен Хокинг», – ответили мы, не ожидая никаких экстренных сообщений. «Хм, – сказала она удивленно, – вас нет в моих списках. Сколько вам лет?» Теперь настала наша очередь удивляться. «Мне двадцать один, а ему двадцать три», – ответила я за нас обоих. «Ну надо же, прошу прощения! – смутилась она. – Я приняла вас за несовершеннолетних без сопровождения».

В негодовании из-за сомнений в нашей зрелости и супружеском статусе мы гордо расправили плечи и прошествовали сквозь таможенный пост Соединенных Штатов к вертолету, курсирующему между аэропортами Нью-Йорка. Наш рейс в Итаку, штат Нью-Йорк, отправлялся из аэропорта Ла Гуардия. Первый взгляд на Нью-Йорк с высоты птичьего полета нас не порадовал. Мы летели над небоскребами сквозь густой смог, здания выплывали из дымки, как гигантские копья, на которые было страшно напороться. Трудно поверить в то, что люди живут и работают в этом адском месте. Мое подозрение, что мы приземлились в современном Бробдингнеге[44], подтвердилось, когда нас проводили к лимузину, который повез нас в Корнелльский университет. Все вокруг – машины, здания, дороги – было в десять раз больше, чем обычно, и даже зеленые поля между городами показались мне бесконечными. Однако меня, лингвиста, привыкшего встречать иноязычных соседей в пятидесяти километрах от собственного дома (стоило лишь пересечь ЛаМанш), больше всего поразило то, что мы, преодолев тысячи миль, оказались среди людей, говоривших на одном с нами языке, хотя этот язык, как и все остальное, существенно

раздался в размерах.

Нас поселили в студенческом пансионе в комнате с двумя кроватями на третьем этаже нового общежития в кампусе Корнелла. Мы оба привыкли к спартанским условиям общежитий, и проблема заключалась не в этом. Нас привело в негодование то, что третий этаж был полностью отведен для проживания семей во время летних курсов, и нам пришлось мириться с соседством, обремененным младенцами и детьми раннего возраста, которые ночами плакали, а днем сидели в коридоре, оглашая его протестующими воплями, в то время как родители развлекались в зоне отдыха. Такое непредвиденное обстоятельство резко прервало наш медовый месяц, который мы мечтали продлить на другом берегу Атлантики. Хотя некоторые из малышей были очаровательны, гигантские ясли не отвечали нашим представлениям о романтическом месте.

Еще одну проблему представляла для нас схема передвижения по кампусу. Для здоровых людей она не представляла никаких затруднений, но поскольку пансион находился в полутора километрах от места проведения лекций, а транспорта у нас не было, то Стивену приходилось напрягать все свои силы, чтобы успеть на занятия вовремя. Он мог ходить самостоятельно, но очень медленно; гораздо быстрее у него получалось передвигаться, опираясь на чью-то руку. Я с радостью предложила ему помощь, вступая в свою новую роль, и стала везде ходить вместе с ним. Трапезы представляли еще одну проблему. Мы все еще жили на студенческую стипендию и не могли позволить себе все время питаться в столовой; однако на кухоньке на нашем этаже не имелось никаких принадлежностей, так что мы не в состоянии были соорудить себе даже чашку чая. В конце концов девушка из администрации конференции пришла к нам на помощь, предложив свозить меня в Итаку, чтобы я купила все необходимое в магазине «Вулвортс». Ее просторный микроавтобус оказался более чем велик для нас двоих. По дороге я между делом спросила, была ли она в Европе. Ответ не заставил себя ждать. «Нет, – сказала она. – Видишь ли, я не езжу в места, где люди не моются».

Вооруженная кастрюлей, столовыми приборами, кружками и тарелками, а также электровентилятором для спасения от жары, которая здесь, в отличие от Испании, была липкой и влажной, я создала на третьем этаже пансиона импровизированный филиал домашнего очага – в первый, но далеко не в последний раз за время моего замужества. Брэндон Картер, научный сотрудник Кембриджа и гость на нашей свадьбе, оказал мне неоценимую помощь. Он провел детство в австралийском буше и научил меня

заваривать чай по методу тамошних аборигенов – в котелке, в роли которого выступала кастрюля – та же кастрюля, где я готовила яичницу, макароны, тушеную фасоль и другую простую еду, уместную в нашем положении. Универсальность приспособлений была ключевым фактором в моем непредвиденно скором приобщении к радостям ведения домашнего хозяйства.

Бóльшую часть дня я тратила, отводя Стивена на учебу и приводя домой, по дороге посещая бакалейную лавку кампуса. Промежутки между этими прогулками, оказавшиеся короткими из-за протяженности здешних расстояний, я заполняла занятиями в библиотеке. Кроме того, чтобы разнообразить постную диету из испанской лингвистики, я решила позаимствовать печатную машинку и стол в офисе секретарей и начала печатать черновой вариант первой главы диссертации Стивена. Эти самые вселенные, может, и расширялись, но были неимоверно перегружены странными символическими обозначениями и иероглифами, наряду с обыкновенными числительными и традиционными математическими символами, пляшущими над строкой и под ней. Скоро стало понятно, что работа Стивена представляет собой типографический кошмар.

Хотя столь неожиданная встреча с повседневной рутиной жены физика не представлялась мне наилучшим вариантом второй недели медового месяца, я была рада, что нашла себе полезное занятие. Также я с радостью замечала удовольствие, которое Стивен испытывал от общения в международных научных кругах, где его уже стали узнавать. Он был особенно воодушевлен многообещающим сотрудничеством с Роджером Пенроузом, английским физиком немного более старшего возраста: они начали работу над математическим проектом, известным как «теория сингулярностей» или «гравитационный коллапс». Теория гласит, что любое тело, испытывающее гравитационный коллапс, образует сингулярность, область пространства-времени, где релятивистские законы уже не имеют силы, возможно, из-за того, что кривизна пространства-времени неограниченно возрастает. В случае со звездой, коллапсирующей под действием собственной гравитации, когда площадь ее поверхности и объем схлопываются до нуля, Роджер предположил, что сингулярность окажется скрытой внутри объекта, который позже назовут «черной дырой». Теория Роджерса, а также работы русских ученых Лифшица и Халатникова натолкнули Стивена на мысль, что их уравнения можно развернуть во времени и таким образом доказать, что любая расширяющаяся модель Вселенной должна иметь начало в сингулярности, что составляет теоретическую основу Большого взрыва. Благодаря этим уравнениям появились знаменитые

выводы его диссертации.

> Стивен мог ходить самостоятельно, но очень медленно; гораздо быстрее у него получалось передвигаться, опираясь на чью-то руку. Я с радостью предложила ему помощь, вступая в свою новую роль, и стала везде ходить вместе с ним.

Приезд из родительского дома в Детройте жены Роджера Пенроуза Джоан немного разнообразил мои будни на третьем этаже. Она явилась как корабль на всех парусах, неся перед собой младенца в слинге и ведя за руку второго малыша; шествие замыкала ее престарелая мать. Джоан получила образование в области ораторского искусства, что стало незаменимым подспорьем в управлении выводком мальчишек, а также важнейшим качеством, позволявшим не оставаться в тени среди физиков, для которых многочисленное общество жен, обремененных маленькими детьми, представляло лишь малозаметный фон. Некоторые из этих женщин были громогласными и болтливыми, другие – подавленными и замкнутыми, третьи – мрачными и унылыми. Некоторые жены получили образование в области математики и физики; они вели себя задиристо, по-мужски; те же, чьи спящие таланты относились к другим сферам, были язвительны и недоверчивы. Физика нанесла урон каждой из них; нравились ли они друг другу, уживались ли друг с другом, но одно свойство их объединяло: для всех других начинаний они были вдовами – они принадлежали физике.

Было, однако, несколько приятных отклонений, сохранившихся в памяти. Каждый день во время нашего путешествия по кампусу я останавливалась поболтать по-испански с мексиканской парой, так же дезориентированной в Корнелле, как и я. Затем одним субботним вечером нас пригласили в гости знакомые друзей родителей Стивена, и мы провели выходной в их летнем коттедже на берегу озера в пригороде Итаки. Обычно мы вечерами напевали «Вальсируя с Матильдой[45]» над нашей единственной кастрюлей, булькающей на плите в кухоньке на третьем этаже, слушая длинные рассказы Брэндона о его приключениях. Местом действия чаще всего служил австралийский буш; были и другие истории, повествующие об увлечении работами математика Джеймса Клерка Максвелла, и о захватывающей экспедиции под парусом, которая должна была преодолеть Бискайский залив и достичь Средиземноморья, но закончилась в Шербуре. Когда и эти темы оказывались исчерпаны, разговор превращался в

непрекращающиеся космологические дебаты между Роджером и Стивеном, в то время как я мыла кастрюлю и пластиковые тарелки, задаваясь одним и тем же вопросом: неужели все наше лето пройдет в кампусе Корнелльского университета, на третьем этаже общежития?

В тот самый момент, когда я уже начала привыкать к рутинному существованию, Брайан и Сьюзи Бернс, супруги, ранее гостившие в Кембридже, пригласили нас на автомобильную прогулку к Ниагарскому водопаду. Когда после скучной дороги, пролегавшей среди окрестностей города Буффало, мы внезапно увидели водопад, впечатление было незабываемое. Величественные низвергающиеся темные воды в непрекращающемся падении, неумолимо перекатывающиеся через край утеса, внизу превращались в массу белой пены и радужные нити, пронизывающие влажный туман. Зрелище было грандиозным, а грохот – оглушающим. Ошеломленно спотыкаясь, мы преодолели мост на канадскую сторону, откуда открывался еще более захватывающий вид. Там мы стояли в оцепенении до тех пор, пока не пришло время садиться на самолет до Итаки. Начиналась гроза; мы заняли места в маленьком самолете и поднялись в воздух среди молний и грома. Впервые в жизни мне было страшно лететь.

В следующие выходные Брэндон и его друзья организовали поездку под парусом на озере Онтарио. Мы отплыли от пристани, поймав легкий бриз; на середине озера день прошел незаметно. Я плавала в изумрудной воде, а Стивен сидел в шезлонге, погруженный в мысли; мы оба наслаждались ясным небом и плеском воды о борт лодки. Вечером наши спутники, уже давно не разделявшие наше упоение тихими радостями, начали озабоченно обсуждать запуск сигнальной ракеты и другие способы привлечения внимания спасателей: мы попали в штиль. Брэндон глубокомысленно заметил, что с такой ситуацией в Бискайском заливе он не сталкивался, так как там ветер никогда не стихает. Каким-то невероятным образом поздно вечером нам все-таки удалось прибиться к гавани; в отблесках живописного закатного солнца, исчезающего за потемневшим горизонтом, наши усталые лица приобрели янтарный оттенок.

Лишь в заключительную неделю летних курсов кто-то из участников – кажется, Рэй Сэчс, экстравертированный физик из Калифорнии, отец четырех дочерей, – догадался организовать общественное мероприятие для семейств – пикник на поляне. Там нас снова знакомили с женами и детьми; среди новых знакомых наибольшее впечатление на меня произвел застенчивый американец из Техаса по имени Роберт Бойер, с которым у

Стивена уже сложилось профессиональное взаимопонимание. Роберт заговорил со мной очень естественно и дружелюбно и умудрился ни словом не упомянуть о физике. Честно говоря, поодиночке физики могли быть весьма приятными людьми, способными обсуждать земные материи. Но стоило им собраться в группу, как брала верх природная склонность к нескончаемым дискуссиями, которые практически всегда касались физики. Лишь одна тема могла соперничать с ней; тема, занимавшая в то время не только академиков, но и всех молодых людей: война во Вьетнаме. Эта тема многократно затрагивалась либеральной публикой, отдыхавшей на пикнике. Растущая угроза войны вызывала страх и отвращение; молодое поколение американцев находилось под угрозой мобилизации для удовлетворения амбиций военных и фанатиков.

Вечер перед отъездом домой мы провели, сидя на ступеньках общежития, любуясь полной луной в прозрачном небе; тогда же я познакомилась с профессором Эйбом Таубом, зачинщиком и организатором летних курсов – он и его жена Сесили вышли на прогулку полюбоваться ночным небом. Мы завороженно слушали их рассказы о жизни в Калифорнии, о виде из окон их дома, построенного неподалеку от моста Золотые Ворота, о Сан-Франциско, о кампусе и научной кафедре в Беркли, где Эйб возглавлял рабочую группу по исследованиям, связанным с теорией относительности. Я уловила в словах Эйба намек на приглашение; Стивен, со своей стороны, продемонстрировал полную готовность на него откликнуться; тем не менее формального предложения так и не прозвучало.

Вернувшись в пансион, мы хотели было продолжить разговор, как внезапно у Стивена, возможно, под влиянием холодного ночного воздуха, начался сильнейший приступ удушья, который я наблюдала в первый раз. Его болезнь, на долгое время затаившаяся, проявилась во всей своей устрашающей ярости. Казалось, невидимый призрак вышел из тени и схватил его за горло, начал валять его по полу и трясти как куклу, затем стал топтать; несмолкающий свистящий кашель разрывал воздух в комнате, наполненный громкими паническими хрипами. Стивен был беспомощен в этой схватке с врагом, и я ничем не могла ему помочь. Я оказалась не готова к столь внезапной встрече с чудовищной силой мотонейронной болезни, до сей поры незаметного партнера в нашем браке. В конце концов Стивен жестом показал мне, что его надо похлопать по спине. Я энергично взялась за дело, желая изгнать невидимого монстра. Наконец приступ утих, так же стремительно, как и начался; мы были полностью измотаны им, а очевидцы – потрясены до

глубины души. Атака болезни шокировала нас обоих; она показалась нам дурным предзнаменованием, ставящим под угрозу наше будущее. Мечты о Калифорнии растаяли в дымке фантазий, где они уже начали обретать форму.

Возвращаясь в Нью-Йорк, я поняла, что корнелльский опыт скоропостижно превратил меня в возрасте двадцати одного года в одну из «благочестивых», если не «воздержанных», матрон. Демоническая природа болезни заявила о себе гораздо более сокрушительными симптомами, чем хромота, затруднение передвижения и недостаток координации. Но это было еще полбеды; я начала чувствовать, что в нашем браке, и так уже перегруженном участниками, появился еще один невидимый партнер. Эта четвертая сущность сначала притворялась послушной помощницей, близкой подругой, обещавшей успех и исполнение желаний. На самом же деле она оказалась безжалостной соперницей, требовательной любовницей, неумолимой сиреной, заманивающей тех, кто прислушивается к ее зову, в глубокий омут одержимости. Это была Ее Величество Физика, которую жена Эйнштейна назвала «первой помощницей в разводах».

> Казалось, невидимый призрак вышел из тени и схватил Стивена за горло, начал валять его по полу и трясти как куклу, затем стал топтать; несмолкающий свистящий кашель разрывал воздух в комнате, наполненный громкими паническими хрипами.

В Нью-Йорк-Сити мне удалось немного отдохнуть от мрачных мыслей и восстановить баланс в наших отношениях вдали от соблазнительного соседства с другими физиками. Коллега Фрэнка Хокинга щедро выделил нам комнату в своей квартире на Манхэттене, где мы остановились на выходные. Расположение квартиры идеально соответствовало нашим намерениям: мы посетили Метрополитен-музей, Эмпайр-стейт-билдинг, Таймс-сквер и Бродвей. К сожалению, на Бродвее в августе было мало постановок, так что мы провели субботний вечер в кинотеатре за просмотром «Моей прекрасной леди». Мне было не жаль расстаться с Нью-Йорком. Автобус отвез нас в аэропорт Кеннеди; я, оборачиваясь через плечо, смотрела на угловатые ряды небоскребов, стоящих по стойке «смирно» серой массой, исчезающей на горизонте, и думала, что никогда в жизни не видела ничего более брутального. Мне не терпелось вернуться к моей тесной, но уютной Лилипутии, с ее старомодными, но более вменяемыми обычаями. Мое место было на континенте, убаюканном историей и вскормленном поэтическими

ценностями, где жизнь течет более предсказуемо и где люди уделяют больше времени друг другу.

9. Улица Литл-Сент-Мэри

Мои сентиментальные иллюзии относительно обретения устойчивости на европейском берегу Атлантики моментально развеялись по возвращении в Англию, где я обнаружила, что мои родители продают дом, в котором я выросла, чтобы переехать на несколько кварталов выше по той же улице. Разрыв с прошлым теперь был подтвержден сделкой купли-продажи недвижимости. Хотя квартира, которую мы зарезервировали в Кембридже рядом с рыночной площадью, по нашей информации, еще не была готова, нам все равно следовало поехать в Кембридж и найти себе какое-то пристанище – хотя бы для того, чтобы разместить наши свадебные подарки. Мы погрузили багаж и подарки в красный «Мини» и поехали напрямик к агенту по недвижимости. От него мы узнали о том, что дом достроен, но у агента в списках не оказалось нашей фамилии, поэтому все квартиры были сданы другим жильцам. Старый Свет уже совсем не казался нам воплощением надежности.

За обедом мы обсудили наше незавидное положение. Стивен решил еще раз пойти на приступ казначейства колледжа Гонвиля и Каюса в отчаянной попытке уговорить его оказать нам помощь. Мы отправились в пещеру людоеда вдвоем. К нашему несказанному удивлению, тот переменил обличье: новым казначеем стал преподаватель по тибетскому языку. Этот пост был чистейшей синекурой, поскольку тибетский в университете никто не изучал. Следовательно, у казначея оказалось достаточно времени, чтобы заниматься финансовыми делами колледжа. В отличие от своего предшественника, он не стал в гневе откусывать голову Стивена; вместо этого он внимательно выслушал нас с серьезным и даже сочувствующим видом, а затем предложил блестящее решение, которое высекло искру улыбки на его каменном лице. «Да… – пробормотал он глубокомысленно, – думаю, мы сможем помочь – конечно, кратковременно – вы же знаете политику колледжа, мы не предоставляем жилье научным сотрудникам». Затаив дыхание, мы дружно закивали. Он просмотрел свои записи. «В общежитии на Харви-роуд есть свободная комната. Она стоит двенадцать шиллингов шесть пенсов за ночь за одного человека. Мы можем поставить вторую кровать, что составит двадцать пять шиллингов за ночь за двоих». Нам пришлось проглотить негодование, вызванное столь точными подсчетами, потому что нам больше некуда было идти; гостиницу мы себе позволить не могли. Но мы поклялись друг другу как можно раньше съехать с Харви-роуд.

Насколько власти колледжа были немилосердны и скупы, настолько же очарователен оказался персонал общежития, в особенности его экономка. Оказалось, что это в равной мере верно и для другого обслуживающего персонала, работавшего в колледже, будь то уборщики, разнорабочие, садовники, портье или официанты. От них неизменно исходила человеческая теплота и дружелюбие, явно отсутствующие в разреженной атмосфере высших эшелонов. Экономка прогрела нашу комнату, проветрила постели и принесла нам чай с бисквитами перед сном и завтрак наутро. Она даже предложила стирать нам белье, хотя это не понадобилось: наше пребывание в общежитии, к счастью, оказалось совсем недолгим.

На следующий день научный руководитель Стивена Деннис Шама оказал нам экстренную помощь, познакомив Стивена с научным сотрудником колледжа Питерхаус, который хотел сдать в субаренду дом, арендуемый им у своего колледжа. Дом не был меблирован, но въехать мы могли немедленно. Кроме того, его расположение нас абсолютно устраивало: дом стоял на одной из старейших и самых живописных улиц Кембриджа, Литл-Сент-Мэри Лейн, всего лишь в ста метрах от кафедры Стивена, недавно переехавшей в бывшее здание типографии «Питт-Пресс» на Милл-Лейн.

Поскольку в доме номер одиннадцать по улице Литл-Сент-Мэри не оказалось ни табуреточки, нам пришлось стиснуть зубы, поскрести по сусекам, обратившись к заначкам и деньгам из свадебных подарков, и раскошелиться на основные предметы мебели, кровать и электроплитку. В ожидании доставки кровати я отправилась за продуктами, оставив Стивена подпирать стенку гостиной, так как сидеть было негде. К моему изумлению, вернувшись, я обнаружила его уютно устроившимся на синем кухонном стуле. Он объяснил, что дама из соседнего дома приходила познакомиться и, обнаружив его прислонившимся к стенке, принесла стул, сказав, что мы можем пользоваться им, пока не обзаведемся достаточным количеством мебели. Даму звали Тельма Тэтчер; она приходилась супругой бывшему надзирателю (или главе) колледжа Фитцуильям и проживала в доме номер девять. Тельма Тэтчер действовала на нас весьма благотворно и оживляюще в течение последующих десяти лет. В тот вечер мы приготовили себе ужин в корнелльской кастрюле на электроплитке с единственной горелкой, выпили хереса из хрустальных бокалов, накрыли ужин в посуде из костяного фарфора[46] на коробке, имитирующей стол, и съели его при помощи новехонького сияющего набора ножей и вилок из нержавеющей стали. Стивен сидел на стуле, любезно

предоставленном Тельмой Тэтчер, а я на коленях прямо на полу, покрытом белой плиткой. Пусть комфорт был импровизированным, но мы с радостью отметили наш успех: мы оказались обеспечены крышей над головой на три месяца вперед.

Улица, на которой находился дом, начиналась с двух церквей, стоящих часовыми на входе: справа – викторианская объединенная реформированная церковь[47], слева – средневековая церковь Литл-Сент-Мэри; таким образом, сама улица спрятана от нескромных взглядов. Туристы могут обнаружить ее только случайно. В наши дни улица закрыта для сквозного движения автотранспорта благодаря инициативе ее обитателей, включая Стивена и меня, поэтому посетители двух крупных комплексов на набережной, отеля «Гарден-Хаус» и Университетского центра, вынуждены проезжать по Милл-Лейн, на которой нет жилых домов. Дом номер одиннадцать – последний в ряду трехэтажных коттеджей по правой стороне улицы, часть из них, судя по всему, были построены в XVI веке. Мы вселились в 1965 году, после недавней реставрации дома колледжем Питерхаус, который, в отличие от Гонвиля и Каюса, предоставлял жилье научным сотрудникам.

Железный парапет с южной стороны улицы огораживает церковный двор Литл-Сент-Мэри, представляющий собой дикий заросший сад, который в тот сентябрь полыхал краснеющими ягодами шиповника и боярышника и распространял тяжелый аромат осенних роз. Несколько сохранившихся могильных плит были настолько древними, что надписи на них стали нечитаемыми, несмотря на то что над ними возвышались многолетние платаны и простирались искривленные ветви глицинии, защищая сад от буйства стихий. Здесь Природа растворила в себе останки предыдущих столетий и воскресила их в цветущем изобилии, перекатывающемся через парапет и обвивающем старый скрюченный газовый фонарь, по вечерам заливающий улицу призрачным светом.

Тельма Тэтчер была самопровозглашенной старостой улицы. Именно она посадила розовые кусты в церковном дворике, где прогуливала Мэтти, своего кинг-чарльз-спаниеля, оборачивая лапки пса пластиковыми пакетами в дождливую погоду. Она добровольно взяла на себя обязанность заботиться о благополучии всех своих соседей, независимо от возраста и обстоятельств. Каждую неделю она снабжала нас новыми стульями, столами, горшками и сковородами; нашла для нас газовую плитку, принадлежавшую сестре Чалмерс, медсестре из Питерхауса, которой колледж предоставил полностью оборудованную квартиру; пообещала найти для нас жилье по

истечении текущего контракта и, помимо прочего, предоставила неограниченный доступ к своим запасам хереса в элегантной сияющей гостиной ее красивого оштукатуренного дома.

В 1965 году ей, вероятно, уже шел седьмой десяток, хотя прямая спина, темные волосы и статная фигура делали ее десятью годами моложе. В ней сочетался талант рассказчика и ярко выраженная прагматичность: однажды в момент всеобщего религиозного подъема на квакерском бракосочетании она встала, чтобы провозгласить, что помощники забыли зажечь газ под самоваром. В манере, которая сделала бы честь Джойс Гренфелл[48], она с легкостью развенчивала раздутое эго многих академиков Кембриджа. Она вела себя аристократично и уверенно, но в основе ее действий всегда лежала искренняя и глубокая склонность к христианским добродетелям. Она была столпом традиционных ценностей, представляя в своем лице все то, что Стивен отвергал; а ее основной мишенью являлись «пустоголовые либералы». В ней Стивен обрел достойного соперника; он уважал ее за доброту и щедрость, несмотря на то что с политической точки зрения они были на противоположных сторонах баррикады.

В следующие несколько месяцев Тельма Тэтчер взяла нас под свое крыло, как заботливая наседка. Она смотрела, все ли в порядке у Стивена, когда я уезжала в Лондон, и одновременно заботилась о своем престарелом муже, который, как она сказала, «украл ее из колыбели», а также об их молодой и независимой дочери Мэри, составляющей архив видеофильмов о быте британцев в Индии.

Скорее, чем хотелось бы, я вновь приступила к занятиям в Уэстфилде: начался последний год обучения. Расставание со Стивеном по понедельникам было очень болезненным, а график – тяжелым для нас обоих. Стивену едва хватало сил, чтобы справляться с бытовыми ситуациями, связанными с жизнью в доме; кроме того, каждый вечер, если его кто-нибудь не приглашал в гости, он совершал полную опасностей прогулку на длинную дистанцию по Кингс-парад, чтобы поужинать в колледже. Наша подруга из Австралии Анн Янг каждый день из своего окна наблюдала за тем, как он медленно идет по противоположной стороне улицы. Обратно его обычно провожал один из младших научных сотрудников, после чего Стивен звонил мне по телефону, докладывая о том, как прошел день.

Мои обычные передвижения также были изнурительными.

Я уезжала в Лондон в понедельник утром, проводила неделю в Уэстфилде, а в пятницу вечером снова вливалась в ряды пользователей общественного автотранспорта. Стремясь поскорее

добраться в Кембридж, к Стивену, – а также успеть на вечерний курс лекций Николауса Певзнера[49] по архитектуре Возрождения, который мы посещали вдвоем, – я грызла ногти и нервно смотрела на часы в метрополитене, гадая, сколько еще поезд просидит в туннеле, в ужасе от того, что могу опоздать на поезд от Ливерпуль-стрит[50]. Впоследствии долгие годы мне снился страшный сон, в котором я застреваю в туннеле лондонской подземки.

В течение недели напряжение не ослабевало: переводы с английского на испанский и обратно, эссе и контрольные работы, которые следовало сдавать в срок и которые я должна была успевать делать по вечерам в будние дни. Выходные оказывались под завязку забиты походами в магазины, стиркой, уборкой и перепечаткой тех частей диссертации Стивена, которые он написал в течение недели своим неровным, практически неразборчивым почерком, а также набором других частей под его диктовку. Печатная машинка стояла на новом блестящем обеденном столе; больше на кухне не было никакой мебели. Мучения, пережитые на курсах стенографии перед поступлением в университет, сейчас приносили свои плоды. Скоропись оказалась умеренно полезной для конспектирования лекций, но именно навыки ненавистной машинописи были божьим даром, позволяющим зафиксировать на бумаге законы сотворения мира. Благодаря этому мы сэкономили весьма значительную сумму, которая ушла бы на гонорары машинистки. Первые отрывки диссертации, появившиеся в Корнелле, содержали массу уравнений, символов и коэффициентов, греческих букв, надстрочных и подстрочных цифр, а также конечные и бесконечные вселенные, сводившие меня с ума. Тем не менее, так как это была научная диссертация, ее объем был ограничен. Кроме того, я утешалась тем, что причастна к определению происхождения вселенной. Мне внушала священный ужас мысль о том, что все эти загадочные цифры, буквы и знаки содержат секрет темной глубокой бесконечности. Однако слишком длительные размышления о поэтической составляющей темы мешали работе, поскольку отвлекали внимание от всех этих точек и циферок над и под строкой, неправильное положение которых могло нарушить порядок созидания и повергнуть зарождающуюся вселенную в первичный хаос.

> Честно говоря, я очень гордилась тем, что могу внести в диссертацию Стивена более существенный вклад, чем механическое перепечатывание.

Честно говоря, я очень гордилась тем, что могу внести в

диссертацию более существенный вклад, чем механическое перепечатывание. Употребление Стивеном английского языка оставляло желать много лучшего. Его устная речь изобиловала сорными словами, такими как «в общем» и «то есть», да и в письменной форме он не проявлял должного уважения к английской стилистике. Являясь дочерью преданного слуги Ее Величества, я с малых лет была приучена использовать язык как точный инструмент, стараясь выражать свои мысли ясно и подробно. Здесь находилась та область, в которой я могла помочь Стивену преодолеть пропасть между искусством и наукой.

Также в выходные мы докупали необходимые предметы для дома и мебель, исследовали Кембридж и его окрестности и встречались с друзьями. Однажды мы провели целую субботу в магазине электротоваров, обсуждая, можем ли себе позволить потратить на покупку холодильника на пять фунтов больше, чем планировали. Учитывая то, что зарплата Стивена, как мы, наконец, выяснили, составляла тысячу сто фунтов в год, а за аренду дома и его содержание мы платили десять фунтов в неделю, то дополнительные пять фунтов составляли значительную сумму денег. В воскресенье, если удавалось успешно извлечь «Мини» из общего гаража колледжа Гонвиля и Каюса, мы ездили по Кембриджширу, посещая церкви и деревушки и попутно присматривая дом или участок земли, который могли бы купить. Иногда нам приходилось отказаться от экспедиции из-за того, что «Мини» так забаррикадировали стареющие «Бентли» и «Роверы», что он мог быть извлечен из своего угла только при помощи подъемного крана.

Однажды в воскресенье, успешно выехав из гаража, мы решили посетить местную достопримечательность, относящуюся к собственности Национального треста[51], – аббатство Англси. Поскольку парковка находилась почти в километре от самого аббатства, я проехала мимо нее по усыпанной листьями дороге к главному входу, ожидая, что там с пониманием отнесутся к такому поступку, увидев моего частично обездвиженного пассажира. На самом деле нас встретили с нетерпимостью, граничащей с грубостью, и не позволили Стивену выйти из машины. Мы сразу же отправились домой, где я написала яростное письмо протеста – не только против недостатка удобств для инвалидов в Великобритании, но и против неуважения, с которым к ним относятся, таким образом, впервые проявив себя в качестве защитника людей с ограниченными возможностями.

Любовниц здесь предпочитали скучным, глупым женам. Член колледжа имел право пригласить за стол

любую женщину – при условии, что она не являлась его женой.

Часто по воскресеньям мы оказывались неподалеку от домов наших женатых друзей как раз во время чаепития и без приглашения являлись к ним в гости, поддерживая угасающую иллюзию, что еще можем себе позволить спонтанность студенческих лет. У многих из этих друзей, которые были немного старше нас, уже появились первые дети. В связи с этим мы постепенно приобщались к их семейному стилю жизни, в особенности после того, как я стала крестной двух вышеупомянутых малышей, что меня восхитило и немного озадачило. В то же время Стивен все больше погружался в жизнь сообщества научных сотрудников колледжа Гонвиля и Каюса. Субботним вечером в октябре я пошла вместе с ним на церемонию посвящения новых членов колледжа, проходившую в часовне. Капеллан предложил мне понаблюдать за церемонией с хоров, а потом пригласил меня, жену сотрудника, в моей будничной одежде, отужинать за столом для почетных гостей. Это был беспрецедентный поступок: во всех колледжах Кембриджа испокон веков установлено, что жены не имеют права сидеть за этим столом. Стол предназначался для членов колледжа, культивирующих собственную значимость с такой же неустанной заботой, с какой филателист пополняет свою коллекцию, а заводчик почтовых голубей выводит новую породу. За столом всегда обсуждался самый интригующий предмет – их собственные персоны, о которых они могли пространно рассуждать, избегая необходимости говорить о предметах, знакомых им недостаточно. Любовниц здесь предпочитали скучным, глупым женам. Член колледжа имел право пригласить за стол любую женщину – при условии, что она не являлась его женой. Само собой разумелось, что студентам также запрещено сидеть за Высоким Столом. В тайне от руководства этот капеллан-раскольник нарушил оба священных правила.

После церемонии посвящения Стивена пригласили на совещание административного совета колледжа. Еще не успевшего толком разобраться в происходящем, в ту пятницу его поглотила пучина политических игр. Сам того не желая, он как будто оказался частью инсценировки романа Чарльза Перси Сноу «Наставники». Единственное незначительное отличие заключалось в том, что в романе распри по поводу власти происходят в колледже Крайстс, в котором учился сам Сноу, а Стивен находился в колледже Каюса. Здесь жизнь в точности имитировала искусство. Как стало известно Стивену, обвинение,

выдвинутое против главы колледжа Сэра Невилла Мотта, заключалось в том, что он использовал свое положение для покровительства своим протеже. В то время было невозможно установить истину. В административном совете бушевали страсти, многие его члены на грани срыва бросались неосторожными обвинениями. В результате быстрых подсчетов Стивен с неудовольствием осознал, что голоса новых сотрудников могут играть решающую роль – фактически его собственный голос мог стать решающим, – но так как они плохо понимали суть вопроса, то вынуждены были голосовать вслепую. Знакомство Стивена с политической подоплекой работы в колледже имело драматическую развязку: его глава подал прошение об отставке.

В следующем году волнения по поводу руководства колледжем поутихли, поскольку его новый глава Джозеф Нидхэм, неохотно оторвавшись от титанического труда по обобщению истории науки в Китае, вернул колледж к стабильности. Хотя я находила его манеру общения резкой, за исключением одного памятного случая, когда за портвейном в профессорской комнате после званого обеда он многословно предостерегал меня против употребления французских вин с высоким содержанием сахара («Барсак» и ему подобных) из-за высокого содержания в них дисульфида. Зато его безупречная жена Дороти оказала мне неоценимую помощь в организации небольшого плацдарма для моих собственных академических начинаний в Кембридже. Несмотря на научные достижения, она была самым скромным и симпатичным академиком из всех, с кем мне приходилось общаться.

10. Зимние каникулы

Диссертация Стивена оказалась настолько удачной, что он скоро приобрел репутацию гениального новичка в своей области науки. Зимой он получил свою долю признания в связи с присуждением ему премии Адамса[52] напополам с Роджером Пенроузом за эссе по математике, озаглавленное «Сингулярности и геометрия пространства-времени». Его научный руководитель Деннис Шама заверил меня в том, что Стивена ожидает карьера ньютонианского значения, и он сделает все от него зависящее, чтобы способствовать этому. Он сдержал свое слово. Всю свою кипучую энергию Деннис Шама самоотверженно употреблял на то, чтобы продвигать карьеру своих подопечных, а не собственную. Его страсть к разгадыванию тайн Вселенной была сильнее любых личных амбиций. Отправляя своих диссертантов на конференции и совещания, будь то в Лондоне или за рубежом, и требуя от них детального изучения и изложения всех публикаций по теме их диссертации, он значительно пополнил свою и их копилку знаний, а также воспитал целое поколение выдающихся космологов, релятивистов, астрофизиков, специалистов по прикладной математике и физиков-теоретиков. Честно говоря, я никогда не понимала, чем отличаются эти термины; я заметила только то, что профессия ученого меняется в зависимости от названия конференции: все вдруг становились астрофизиками, если предстояла конференция Астрофизического союза, или релятивистами, если на носу была конференция по общей теории относительности, и так далее. В ту осень недавние релятивисты, пережив июльскую конференцию в Лондоне, подобно хамелеонам, начали примерять обличье астрофизиков, готовясь к участию в декабрьской конференции в Майами-Бич.

Под конец семестра Стивен узнал о том, что колледж предлагает финансировать поездку в Майами для нас обоих. Я сомневалась в том, стоит ли отрываться от учебного процесса в Уэстфилде, пусть даже на пару дней в конце семестра, но, к моему удивлению, у профессора Вэри не возникло возражений по поводу моего отсутствия, так что тусклым декабрьским утром после долгого ожидания вылета в лондонском аэропорту (над городом висел густой туман) мы отправились в путь. Во Флориде было уже темно, когда мы приземлились; поэтому лишь на следующее утро мы обнаружили, что наш отель стоит прямо на пляже, а из окон открывается вид на бирюзовые волны Карибского моря. Только что покинув холодный промозглый Лондон после изнурительного семестра, я поразилась

нереальности, невероятности ситуации – как будто бы шагнула в другое измерение, оказалась в Зазеркалье. Это впечатление усиливалось на протяжении нашей поездки. Голубое небо и солнце были нам очень нужны, потому что приступы удушья у Стивена участились, и его сестра Мэри убедительно советовала мне отвезти его в теплые края на зиму. Благодаря этой счастливой возможности мы получили неделю солнца.

В день открытия конференции Стивен и его неформально одетые коллеги исчезли за дверями зала заседаний, а я отправилась на разведку. Отель, построенный полукругом около бассейна, выглядел подозрительно знакомым. Я спросила себя, не дежавю ли это, так как не сомневалась, что где-то уже видела его раньше. Внезапно на меня снизошло озарение: это был отель, в котором снимали первые кадры фильма «Голдфингер», триллера из серии о Джеймсе Бонде. Именно в этом отеле девушка умерла от недостатка кислорода, так как ее с ног до головы покрыли золотой краской! Отель «Фонтенбло» представлял собой модернистское здание из бетона с мраморными полами, стеклянными стенами и огромными зеркалами на всю стену. В соответствии с названием он был полностью меблирован в стиле Людовика XV.

Не только мебель выглядела неуместно: сама конференция по астрофизике представляла собой большое недоразумение. Одетый с иголочки персонал отеля, по-видимому, не знал, как относиться к делегатам, чьи футболки, шорты и сандалии никак нельзя было назвать элегантными. Как-то я пробралась в конференц-зал с намерением немного послушать одну из лекций. Поначалу меня привело в замешательство отсутствие знакомых лиц среди присутствующих. Потом я заметила, что слушатели одеты не так, как физики за завтраком: тут были черные костюмы с галстуками, гладко зачесанные волосы, уложенные гелем, и ни одной бороды. Когда заговорил докладчик, я в одну минуту поняла свою ошибку: это была конференция директоров еврейских похоронных бюро по теме использования пластиковых биодеградируемых гробов.

После экзотической природы и жаркого солнца Майами нас ожидал перелет в осень – в Остин, штат Техас, где находился университетский городок, в середине шестидесятых восславленный прессой как колыбель лучших умов космологии. Джордж Эллис, приехавший с нами из Майами, был приглашен в Остин на год; он и его жена Сью, с которой я познакомилась на нашей свадьбе, пригласили нас остановиться у них на неделю. За это время нам удалось узнать друг друга получше и заложить фундамент дружбы длиною в жизнь, которая выстояла перед

многочисленными неурядицами, ожидавшими нас. Джордж был по характеру меланхоличным и погруженным в себя. Его отец являлся знаменитым издателем *Rand Daily Mail*, газеты, известной своим сопротивлением апартеиду в Южной Африке. Он познакомился со Сью, дочерью традиционного родезийского[53] фермера, в Кейптаунском университете. Джордж и Сью были яростными противниками апартеида и, став добровольными политическими эмигрантами по отношению к Южной Африке, всегда подчеркивали, что не смогли бы там жить. В отличие от задумчивого интроверта Джорджа Сью была общительна, но не навязчива, жизнерадостна, но чувствительна к потребностям других людей. Талантливая художница и скульптор, она излучала тепло и созидательность – качества, которые она предоставила в распоряжение школы для обездоленных детей, находившейся неподалеку от Остина. Среди ее учеников числились не только жертвы распада семей и физического насилия; среди них были и девочки-негритянки, вынужденные выживать за счет проституции; их спасли из чикагских трущоб и вывезли в Техас для реабилитации. Можно представить, каким кладом оказалась Сью для этой школы: она умела мастерить чудесные поделки из малейшего обрывка бумаги, кусочка проволоки или горстки спичек, а ее дружелюбная забота мгновенно завоевывала сердца детей, научившихся не доверять взрослым.

> Я пришла к выводу, что Америка – неплохое место для здоровых и успешных людей, но для слабых и немощных, для тех, кто не по своей вине стал жертвой родовой травмы, несчастного случая или болезни и не может позаботиться о себе, это был жестокий мир, где выживал сильнейший.

В том, как она устроила свою жизнь в Техасе, Сью была исключением из правил среди жен физиков. У большинства из них не имелось выраженных интересов, помимо манускриптов и карикатур Макса Бирбома[54], которые они брали в университетской библиотеке, и прогулок по прямым параллельным и перпендикулярным улицам с роскошными жилыми домами среди ландшафта, единственным украшением которого были измазанные черным нефтяные насосы, похожие на огромных журавлей, кивками извлекающих жидкое золото из желтой земли. Чувство оторванности от цивилизации становилось тем более всепоглощающим, что даже радиоволны здесь можно было поймать не всегда. Ощущение изолированности этого места усилилось из-за того, что нам со Стивеном потребовалось целых двадцать часов, чтобы вернуться в

Лондон с пересадками в Хьюстоне и Чикаго, где нас надолго задержал снег на взлетной полосе.

Возможно, в глубине души Стивен вынашивал мысль о том, чтобы перебраться в Остин и присоединиться к группе работавших там физиков; я же в очередной раз была рада покинуть Америку, несмотря на ее климатические преимущества. В частности, меня весьма насторожил один показательный случай. Как-то в воскресный день мы отправились в гости к друзьям Эллисов, и там Стивен очень неудачно упал; после падения он кашлял кровью. Поскольку больше всего он боялся повреждения мозга, то настоял, чтобы вызвали доктора. Услышав эту просьбу, хозяева пришли в неописуемый ужас. Им было неловко из-за того, что их гость упал, но вызвать доктора на дом не представлялось возможным, в особенности в воскресенье вечером. Они сказали, что вряд ли удастся уговорить хоть какого-нибудь доктора прийти. После многочисленных телефонных звонков им все-таки удалось связаться с терапевтом, который в качестве исключения согласился осмотреть Стивена. По приезде его ожидал поистине царский прием. Он проделал необходимые манипуляции, показавшие, что все в порядке; я же в это время пришла к выводу, что Америка – неплохое место для здоровых и успешных людей, но для слабых и немощных, для тех, кто стал жертвой родовой травмы, несчастного случая или болезни и не может позаботиться о себе, это был жестокий мир, где выживал сильнейший.

11. Прихоти учебы

По возвращении в Англию нас ожидала еще одна перемена в жизни. Мы встретили Рождество в Сент-Олбансе и вернулись в Кембридж на улицу Литл-Сент-Мэри, но не в дом номер одиннадцать, а в дом номер шесть. Неустанная ревнительница наших интересов Тельма Тэтчер позвонила по телефону отсутствующей владелице дома, некой миссис Тюлон-Портер («весьма странная особа, дорогие мои»), и внушила ей, что абсолютно бесчеловечно оставлять дом пустовать в виду «отчаянной нехватки жилья для молодежи». Миссис Тюлон-Портер настолько прониклась серьезностью ситуации, что приехала первым же автобусом из Шефтсбери в Кембридж. Несмотря на подозрения в странности, она была прекрасно устроена в доме Тэтчеров на время, пока приводила в порядок собственную пустующую недвижимость.

Миссис Тюлон-Портер оказалась маленькой сухой старушкой с седыми волосами. В девичестве фройляйн Тюлон, она приехала в Англию в 1920-х, купила дом номер шесть по Литл-Сент-Мэри и впоследствии вышла замуж за своего соседа, покойного мистера Портера. Их объединяла страсть к истории фольклора; они были тесно связаны с Кембриджским фольклорным музеем, что, видимо, вызывало у миссис Тэтчер подозрение об их причастности к оккультным наукам. В доме многое свидетельствовало об их общем увлечении: англосаксонский рунический камень, встроенный в камин, вероятно, когда-то находился на церковном дворе; козырек двери, выполненный из цельного среза вяза; деревянный обод старинного колеса был переделан в тяжелую кривую табуретку, а дубовый форейторский ящик восемнадцатого века, закрепленный на стене, использовался в качестве маленького комода.

Нам миссис Тюлон-Портер показалась достаточно безобидной – возможно, потому, что она уже была вымуштрована своей гостеприимной соседкой из дома под номером девять, – но ее дом, несмотря на странные аксессуары и идеальное расположение, поразил нас своей мрачностью и заброшенностью: в нем пахло гнилью, а стены, казалось, были вымазаны диккенсовской сажей. Фасад из красного кирпича и наружная штукатурка свидетельствовали о реставрации времен эдвардианской эпохи[55], в то время как гостиные на всех трех этажах не ремонтировались с XVIII века – они были бы очаровательны, если бы не грязь, накопившаяся за это время. Ступеньки двух лестничных пролетов, хоть и узкие и крутые, в то

же время не являлись непреодолимым препятствием. Задняя стена дома, выходящая на запущенный дворик, окруженный другими домами и огороженный высокой стеной, находилась на грани разрушения, потому что фундамент в этом месте был настолько расшатан, что пол кухни и, соответственно, потолок кухни и пол ванной комнаты на втором этаже просели под опасным углом. Миссис Тюлон-Портер ничуть не обеспокоили все эти детали. Согласно табличке на внешней стене, этот выдающийся образчик архитектуры был спроектирован Джоном Кларком в 1770 году.

Потребовалась изрядная доля воображения и лишенный сантиментов подход миссис Тэтчер, чтобы убедить нас в том, что это и есть дом нашей мечты. Действительно, его расположение было идеальным. Из комнат, выходящих окнами на фасад, открывался отличный вид на церковный дворик и газовый фонарь, который даже зимой выглядел очень поэтично. Хотя пропорции первого этажа пострадали из-за того, что ступени лестницы дома номер пять упирались в общую стену, двух спален было для нас вполне достаточно. «Дорогие мои, все, что ему нужно, – это слой краски. Вы увидите – слой краски творит чудеса», – авторитетно заявила Тельма Тэтчер, не привыкшая к тому, чтобы ее великие планы расстраивались из-за пустяков.

Мы дали себя уговорить и вступили в переговоры с собственником. Дерзкое предложение Стивена – две тысячи фунтов стерлингов за дом – было отклонено с застенчивым замечанием в сторону миссис Тэтчер, что на открытом рынке он принес бы не менее четырех тысяч. Однако мы договорились, что будем арендовать дом за четыре фунта в неделю до того времени, пока не накопим четыре тысячи фунтов, необходимых для покупки дома. До этого времени нам предоставлялось право обращаться с домом так, как если бы он был нашим собственным, и делать внутренний ремонт по нашему усмотрению. Сделка устроила всех присутствующих. Миссис Тэтчер сопроводила гостью обратно в дом номер девять, где, судя по всему, угостила ее рекордным количеством хереса или, быть может, джина; по крайней мере, на следующий день мы узнали, что миссис Тюлон-Портер перед отбытием в Шефтсбери дала согласие на то, чтобы убрать старый навес для угля и сарайчик для инструментов с заднего двора, а также на ремонт фасада.

Поскольку дом не был заселен, миссис Тюлон-Портер ничего не имела против того, чтобы мы сделали ремонт перед заселением. Диссертацию Стивена мы уже отдали в переплет, так что время, уходившее на печатание рукописи, теперь можно было посвятить моему следующему занятию – покраске дома. Сам

процесс мне нравился, но имел мало общего с испанской лингвистикой, к выпускным экзаменам по которой мне следовало готовиться. Однако состояние дома было действительно плачевным, а профессиональных отделочников мы позволить себе не могли; таким образом, у меня не оставалось выбора. Вооруженная целой коллекцией кистей и тонной белой краски, я атаковала мрачные стены гостиной. Я поставила себе цель до переезда покрасить две наиболее важные комнаты: гостиную и нашу спальню, а после сражаться с тем, что оставалось: чердаком, двумя лестничными пролетами, кухней и ванной, с чем рассчитывала справиться за несколько месяцев.

Мне не нравился запах краски, поэтому я работала с открытой парадной дверью. Тэтчеры частенько заходили полюбоваться на процесс, поэтому я не испытывала недостатка в чашках чая и ободряющих комментариях. Однажды мистер Тэтчер остановился, проходя мимо нашего дома, слегка изогнув по-военному прямую спину, чтобы заглянуть в дверной проем.

«Ну и ну! – воскликнул он. – Какая же вы хрупкая, но, видит Бог, силы в вас уйма!» Я улыбнулась с высоты своей стремянки, польщенная комплиментом старого вояки, ветерана Первой мировой войны, все еще носившего ее шрамы на своем исхудалом лице. Через несколько дней мы узнали о том, что Тэтчеры решили заплатить своему разнорабочему за покраску потолка в нашей гостиной. «Подарок дорогого Билли на новоселье соседям» – так Тельма Тэтчер описала щедрость своего мужа. Разнорабочий Тэтчеров, похожий на располневшего Джона Гилгуда[56], оказался художником на пенсии, в свободное время зарабатывающий ремеслом, схожим с его профессией; его жена держала типографию на Кингс-парад. Он был приятным мужчиной, но, как я подозреваю, изрядно позабавился, глядя на мои неловкие потуги в овладении его мастерством. Под его чутким руководством я вскоре освоила основные приемы его искусства: надо было начинать красить стену сверху; неровные поверхности лучше прокрашивались, если краску наносить по кругу; для окраски оконной рамы использовался малярный скотч.

В релятивистских кругах Стивен стремительно поднимался по лестнице славы в связи с его исследованиями сингулярностей; мои учебные дела также вызывали чувство головокружения, но по другой причине: я постоянно меняла род занятий.

В течение недели я поднималась на вершины знаний, получая интенсивные дозы средневековых и современных языков, филологии и литературы; по субботам – спускалась с небес на землю, проходя экспресс-курс по отделке интерьеров. В итоге, поняв, что площадь потолков и стен, требующих покраски, явно

превышает мои возможности, мы подсчитали, что можем оплатить декоратору покраску кухни – к тому же эта работа была не из приятных: грязь и плесень копились там веками.

Хотя мои родители сами только что осилили переезд в новый дом, они и мой брат Крис приезжали в Кембридж на выходные вначале 1966-го, чтобы отремонтировать спальню верхнего этажа. В знак признательности за их готовность помочь отец Стивена выкроил время между своими поездками по миру, чтобы покрасить ванную; я же нанесла слой эмали на старую облупившуюся ванну. И вот, волшебным образом подтверждая правдивость предсказания Тельмы Тэтчер, покосившийся коттедж XVIII века приобрел вполне узнаваемые черты дома нашей мечты. Неровные углы его потолков и стен стали казаться просто забавной деталью. Наши немногочисленные предметы меблировки, которые разные коллеги Стивена по случаю переносили на дистанцию в пять домов, поместились в новом доме идеально – хотя, покупая их, мы, конечно, не знали габаритов мест их конечного назначения.

Мы со Стивеном настолько вдохновились результатом реставрации нашего домика, что решили: пришла пора нанести визит новому казначею Гонвиля и Каюса. В этом намерении нас также поддерживала растущая уверенность Стивена в своем положении в колледже. После нового года мы отважились посетить ежегодный Дамский вечер, или «Утешение епископа Шекстона». В этот день жен официально приглашали в Кембридж и угощали на банкете, как будто для того, чтобы компенсировать презрение, с которым к ним относились в течение года. Епископ Шекстон в XVI веке завещал щедрое пособие величиной двенадцать шиллингов шесть пенсов для утешения каждого члена колледжа, который вынужден проводить Рождество в доме, а не в колледже. Современного эквивалента двенадцати шиллингов шести пенсов хватало на то, чтобы приготовить для членов колледжа и их супруг роскошную трапезу из пяти-шести блюд с неограниченным количеством лучшего вина. Обычно на ужин подавался суп, целый омар, мелкая дикая птица неизвестного вида (порция состояла из целой тушки с головой и лапками), щедрый кусок пудинга, пикантный сыр и к десерту непременно знаменитый портвейн или кларет, который, согласно традиции, следует передавать исключительно по часовой стрелке. Теоретически это должно было быть великолепное угощение; на практике же залы колледжа так плохо отапливались, что блюда достигали стола уже остывшими. Наш первый опыт посещения Утешения епископа Шекстона отдавал холодком, и не только из-за температуры пищи, вина и помещения. Нас посадили за один

стол с бывшим казначеем – тем самым, который безжалостно пресек вполне законные попытки Стивена получить информацию о зарплате перед нашей свадьбой. Этого было вполне достаточно для расстройства; но оно усугубилось тем, что наши места находились в конце стола, где его опора не позволяла сесть удобно. После ужина, который прошел в ледяном молчании, из сумрака появились престарелые музыканты и начали «жарить» допотопный фокстрот. Я так и не научилась танцевать фокстрот: пришествие «Биттлз» пресекло мои заигрывания с бальными танцами, и теперь я могла лишь угрюмо смотреть на то, как наши молчаливые сотрапезники поднялись со своих мест и направились на танцплощадку. Подобно закрытым черным зонтикам в чехлах, они двигались по залу, властно передвигая покорных задрапированных супруг и проворно совершая отточенные мелкие движения ногами. Мне было двадцать один, остальным присутствующим – по сорок-пятьдесят, а то и по шестьдесят-семьдесят. Складывалось впечатление, что мы перенеслись в другое измерение, где господствует гериатрическая культура, а люди нашего возраста подвергаются намеренному остракизму.

Единственным утешением нам служило то, что Гонвиль и Кай, один из богатейших и наиболее финансово стабильных колледжей, в принципе, мог бы одолжить нам пару тысяч фунтов, не поставив под угрозу свою финансовую состоятельность. Мы прекрасно осознавали, что ни одно строительное общество даже не станет рассматривать дом для выдачи ипотеки, но Стивен, не сломленный предыдущими неудачами у казначеев, посчитал, что колледж можно попросить о ссуде, которая позволила бы нам предложить более солидную сумму миссис Тюлон-Портер. Ожидая его в приемной казначея, я обсудила нашу деликатную проблему с мистером Кларком, седовласым ассистентом казначейства, который выглядел гораздо более сговорчивым, чем сам казначей. Мой разговор с ним я начала с жалобы. Почему, спросила я мистера Кларка, несколько недель назад вы выслали Стивену формы заявления на университетскую пенсию, когда всем известно, что жизнь Стивена будет столь скоротечна, что, по всей вероятности, он не сможет ее получить? Не было ли это бессердечием с вашей стороны – отправлять пресловутые формы? Стивен лишь один раз взглянул на них и устало отодвинул в сторону, не желая рассматривать возможность обеспечить будущее, на которое могли рассчитывать другие, но в котором было отказано ему самому.

Мистер Кларк, вопреки ожиданиям, не извинился за свое жестокосердие; напротив, помотал головой, не постигая, в чем

заключается моя проблема. «Видите ли, юная леди, я всего лишь следую своим инструкциям, – сказал он, бросив на меня взгляд светло-голубых глаз из-под кустистых седых бровей. – А мои инструкции состоят в том, чтобы отправлять формы всем новым членам колледжа, поскольку всем новым членам колледжа по праву полагается университетская пенсия. Ваш муж является новым членом колледжа, следовательно, ему полагается университетская пенсия, как и всем остальным. Ему лишь нужно подписать формы, чтобы установить свое право». Его слова все еще звенели в моих ушах, когда он добавил как бы между прочим: «Никаких медицинских анализов, ничего подобного, если вас это беспокоит».

> Агент убедительно дал нам понять, что мы потратили его время зря, пригласив по такому абсурдному вопросу. Разве мы не видим, что задняя стена дома разваливается?

То, что он сказал, не укладывалось у меня в голове. Эти вещи мы в своем невежестве считали неприменимыми к нашей ситуации. Теперь же мне говорили, что не хватало лишь подписи и что таким образом нам было гарантировано условие, на которое ни один из нас не рассчитывал, – уверенность в завтрашнем дне. Всего лишь за одни сутки мы оба добились значительного успеха и при помощи этого успеха обнаружили для себя новую цель в жизни – уверенность в завтрашнем дне, которая, как ни странно, несла в себе утешительный смысл. Стивен уговорил казначея отправить агента по продаже земельной собственности колледжа для осмотра дома с целью предоставления обеспечения по ссуде, а я закрепила право Стивена на получение пенсии. С суммой, недостающей для покупки дома, и гарантией пенсии наше благополучие обретало два надежных якоря во всех отношениях ненадежном мире.

Земельный агент колледжа прибыл на осмотр дома солнечным весенним утром, в то время, когда церковный дворик уже готов был взорваться желтым многоцветием. Наш оптимизм значительно поутих, когда мы увидели его сухое, неулыбчивое лицо; услышав его устный вердикт, предстоящий письменному отчету, мы утратили всякую надежду. Агент убедительно дал нам понять, что мы потратили его время зря, пригласив по такому абсурдному вопросу. Разве мы не видим, что задняя стена дома разваливается? И, если нам этого мало, мансарда на третьем этаже явно пожароопасна. Он не рискнул бы провести там ночь, не стал бы устраивать кабинет и никому не посоветовал бы этого делать. Двухсотлетний дом, по его мнению, не являлся разумным

капиталовложением. В любом случае, в текущее время рассматривалось несколько вариантов строительства новых дорог, так что его не удивило бы, если бы вся улица пошла под снос, а на ее месте была построена новая дорога для подъезда с запада к центру города. Он никак не мог рекомендовать дом в качестве инвестиции для колледжа.

Стивена привел в бешенство такой недальновидный вердикт; тем не менее, несмотря на его громогласные протесты, казначей принял отчет земельного агента. Некоторое время спустя мы проезжали мимо офиса этого агентства, расположенного на другом конце города, и Стивен в негодовании фыркнул, указывая на здание. Как и наш дом, оно было высотой в три этажа, но более масштабных пропорций, как минимум на три метра выше. Третий этаж, насколько мы могли рассмотреть, использовался под офис или кабинет. Кроме того, это оштукатуренное здание с островерхой крышей и деревянными опорами живописно выдавалось вперед и кренилось на манер обветшалого здания XVI века. По сравнению с ним наш домик XVIII века выглядел определенно более современным и хорошо сохранившимся. Таким образом, мы не нашли быстрого решения; наилучшим выходом нам показалось скопить максимально возможную сумму и сделать первоначальный вклад в ипотеку на более новый дом. Мы воплотили это решение в жизнь: Стивен зарабатывал деньги при помощи научной работы, преподавания и конкурсов статей, а я, вопреки тогдашней моде на экстравагантное расточительство, поощряемой правительством Макмиллана, занималась семейным бюджетом, оплачивая счета и экономя при помощи бережливого ведения хозяйства. Вкуснейшие обрезки бекона с жировыми прожилками продавались по шиллингу шесть пенсов за фунт в старом добром Сэйнсбери[57] с его мраморными прилавками и бесконечными очередями; утиная печенка от птицеводческой фермы Сеннит была питательна и дешева; на рынке в изобилии продавались свежие фрукты и овощи; мясник оставлял для меня недорогую вырезку, переднюю ногу свиньи или лопатку барана, все за пять шиллингов, что позволило мне ни разу не осрамиться перед гостями – нашими новыми друзьями из колледжа и с кафедры.

Стивен зарабатывал деньги при помощи научной работы, преподавания и конкурсов статей, а я, вопреки тогдашней моде на экстравагантное расточительство, поощряемой правительством Макмиллана, занималась семейным бюджетом, оплачивая счета и экономя при помощи бережливого ведения хозяйства.

Лейбористское правительство, избранное в 1964 году, унаследовало от консерваторов сомнительное настроение нации, переживающей гигантский бум шопинга. Весной 1966 года, впервые воспользовавшись правом голосовать, я присоединилась к вечерней демонстрации на рыночной площади, празднующей успех лейбористского кандидата в повторных выборах, организованных для того, чтобы увеличить правительственное большинство. К сожалению, наш новый член парламента, Роберт Дэйвиз, умер, не окончив срок службы, а лейбористское правительство было задавлено растущими экономическими проблемами, частыми забастовками и постоянной озабоченностью «кризисом платежного баланса», вызвавшего шумиху в 1960-х.

С падением курса фунта стерлингов Великобритания утрачивала роль сверхдержавы. Сообщения о событиях внутри страны как никогда пестрели экономическими новостями, в то время как международная обстановка, связанная с войной во Вьетнаме и усиливающимся напряжением на Ближнем Востоке, грозила вызвать предполагаемую конфронтацию сверхдержав и поставить под угрозу сдерживание ядерной атаки с обеих сторон.

Тем временем Стивен обнаружил еще один способ зарабатывания денег без ущерба саморазвитию. Он всегда хотел изучать математику в Оксфорде, но его отец был убежден (и оказался неправ), что для математиков в будущем не останется работы. Зная о том, что уже разочаровал отца отсутствием интереса к медицине, Стивен пошел на компромисс и поступил на физический факультет. Поэтому, приехав в Кембридж в качестве аспиранта, он имел лишь базовые знания по математике. Сейчас же, работая с Роджером Пенроузом, который был блестящим математиком, Стивен почувствовал свое слабое место, но быстро нашел отличное решение для этой проблемы: он решил выучить математику, взяв на себя обязанность вести этот курс у студентов Гонвиля и Каюса. Таким образом он постепенно проработал всю программу для получения степени бакалавра с отличием по математике. Естественно, его успехи были гораздо более впечатляющими, чем у его студентов: он находил огорчительной недостаточность у них прикладных навыков, как было указано в его отчете по итогам семестра, который я написала под его диктовку. С Брэндоном Картером он посетил несколько лекций по математике для студентов, в частности тот курс, что читал добродушный глава колледжа Пемброк сэр Вильям Ходж. В течение семестра бóльшая часть публики постепенно растаяла, оставив сэра Вильяма в обществе трех слушателей: Стивена, Брэндона и еще одного их коллеги, Рэя

Макленагана. Они сожалели о том, что не воспользовались возможностью ускользнуть вместе со всеми, но, поскольку их отсутствие было бы слишком заметным, они сочли своим долгом высидеть курс до конца.

Кажется, именно в тот год, когда я завершала обучение в Лондоне, дядя Стивена Герман Гарденберг, психиатр с Харли-стрит, долгое время лежал в больнице Сент-Джонс-Вуд, через дорогу от Уэстфилда, страдая сердечным заболеванием. Я иногда навещала его по вечерам после всех лекций и семинаров. Герман, муж тети Стивена Жанет, тоже врача, был обаятельным, вежливым, прекрасно воспитанным человеком, любившим говорить об интересовавших меня предметах, в частности – о поэзии трубадуров Прованса, которые являлись темой моей выпускной работы. Он в то время читал «Аллегорию любви» К. С. Льюиса[58] и со своей профессиональной точки зрения рассматривал ключевой конфликт поэзии – влюбленный поэт чахнет по своей недостижимой возлюбленной – в физиологическом ключе. Затем наш разговор переходил на семейные темы: я рассказывала о нашей жизни в Кембридже и о реставрации дома. «Надеюсь, Хокинги не обижают тебя?» – осторожно спросил он однажды, явно беспокоясь о том, чтобы его недоверие к этому семейству осталось в тайне. Я конфиденциально заверила его в том, что обо мне не стоит переживать. Да, Хокинги были эксцентричными, даже странными, это знали все; да, они высокомерны, убеждены в своем интеллектуальном превосходстве над простыми смертными – об этом говорил весь Сент-Олбанс, где к ним относились со смешанным чувством подозрения и страха. Да, случались размолвки и срывы, напряжение, витавшее в воздухе во время нашей помолвки и свадьбы, но я воспринимала их как общий фон семейной жизни. У меня не было веских оснований жаловаться на то, как они со мной обращаются. На самом деле, заверила я Германа, они всегда были рады видеть меня и Стивена и тепло встречали нас на Хилсайд-роуд.

12. Бесславный финал

С приближением лета деревья и травы в церковном дворике соперничали друг с другом за внимание местных жителей и прохожих, выставляя напоказ цвета и запахи. Группы туристов, в основном американских, стали регулярно наведываться на нашу улочку. Многие из них прижимали носы к нашим окнам, пытаясь сквозь тюль рассмотреть наш эксцентричный интерьер. Некоторые из них не были восприимчивы к окружающей их красоте; один мальчик громко сказал своим родителям: «Ой, мама, не хотел бы я жить здесь: Святой Дух может явиться и забрать нас!» Я тоже не могла позволить себе долго наслаждаться красотой природы. Кроме короткого перерыва на празднование получения Стивеном ученой степени в марте, все мое время до последней минутки было отдано повторению пройденного материала – в библиотеке моего колледжа в Лондоне в течение недели, в Кембридже на чердаке в окружении книг в выходные, а также в Сент-Олбансе, куда мы приехали к родителям мирно отметить Пасху.

> В день визита мать Стивена очень определенно дала мне понять, что Филиппа хочет видеть одного Стивена – без меня, – добавив, что никто из Хокингов, включая Филиппу, не имеет ничего против «этой истории между тобой и Стивеном» (видимо, имелся в виду наш брак).

Семейство Хокингов, напротив, было на взводе. Младшую сестру Стивена Филиппу недавно положили в больницу в Оксфорде по неизвестной мне причине. Я разделяла беспокойство Стивена о ней и хотела навестить ее, наивно надеясь на то, что наконец-то мы с ней сможем уладить одно из тех туманных недоразумений, которое не давало нам подружиться в новом семейном статусе. Я любила Стивена, хотела наладить отношения с его семьей, находить в них приятные стороны и, в свою очередь, нравиться им и не понимала, почему у меня не складываются отношения с его сестрой. Однако в день визита мать Стивена очень определенно дала мне понять, что Филиппа хочет видеть одного Стивена – без меня, – добавив, что никто из Хокингов, включая Филиппу, не имеет ничего против «этой истории между тобой и Стивеном» (видимо, имелся в виду наш брак). Поскольку Стивен не сделал никаких усилий для того, чтобы смягчить резкость матери, я готова была ретироваться в родительский дом и там разрыдаться, но старый «Форд-Зафира» не захотел

заводиться, и я внезапно обнаружила, что везу Изабель и Стивена в Оксфорд в нашем «Мини».

Мои спутники отправились в больницу, а я провела несколько часов в комнате ожидания, повторяя великую средневековую эпическую поэму El Cantarde Mío Cid[59], повествующую о деяниях героя в изгнании. Время пролетело незаметно, так как я углубилась в тонкую психологическую подоплеку поэмы конца XII века, в которой искусно переплетались две темы: общественная репутация неуязвимого воина и личные чувства любящего мужа и отца. Когда Сид отправляется в изгнание, поэт уподобляет его разлуку с семьей «вырыванию ногтя из плоти». Далее поэт описывает многочисленные попытки вышеозначенного героя проявить щедрость и поддержку в отношении трусливых зятьев, которые превратно понимают его намерения и ополчаются против него. Этот эпос, подобно шепоту веков, повествует о сложности и непредсказуемости человеческой психики. Даже в XII веке мучительный разрыв между общественным мнением и частной жизнью представлялся неотъемлемым человеческим противоречием.

По возвращении из Оксфорда никто и не вспомнил об утреннем эпизоде. Согласно семейной традиции, его замели под ковер вместе с другими пыльными остатками психологических и эмоциональных травм как несущественный и не стоящий внимания в той разреженной атмосфере, где эмоциональные проблемы никогда не обсуждались из-за угрозы, какую они представляли для ясности ума. Поэтому меня удивило то, что перед началом выпускных экзаменов я получила письмо от Филиппы, на котором ее мелким почерком было написано мое имя. Она писала, что сожалеет о наших размолвках и надеется улучшить отношения в будущем, заверяя меня в своем уважении к моему «желанию любить Стивена». Хотя я с готовностью приняла эту оливковую ветвь, меня смутила эта фраза; моя мама также была озадачена, когда несколько месяцев назад пошел слух, что Хокинги думают о переезде в Кембридж для того, чтобы у Стивена был там дом. «Они что, думают, что ваш брак продлится недолго?» – негодовала она. Меня приводили в замешательство все эти недомолвки; я не понимала, почему семья Стивена ставит палки в колеса нашим отношениям и нашему счастью, в особенности принимая во внимание то, насколько он зависит от меня во всех бытовых вопросах.

Вопреки всем сомнениям, в неделю, предшествовавшую выпускным экзаменам, мы были близки как никогда. Стивен приехал в Лондон, чтобы морально поддержать меня, и жил со мной в моей комнатке на чердаке, прорабатывая теоремы

сингулярности и иногда окунаясь в переводы великих испанских художественных произведений, среди которых была «Селестина» Фернандо де Рохаса – непритязательный прототип «Ромео и Джульетты», главная героиня которого, старая сводница Селестина, является одним из наиболее забавных персонажей средневековой испанской литературы. Я же каждое утро отправлялась в экзаменационный зал. Вечером мы со Стивеном ехали в Хемпстед-Хит[60] или в сады Кенвуд-хаус[61], ища спасения от последствий зимы – нервного истощения и умственного застоя. Мы заходили в гости к моей обожаемой тете Эффи, неотразимой как никогда в свои шестьдесят с хвостиком, все еще живущей в одиночестве в своем большом доме на Тафнел-парк. К концу недели я уже начала привыкать к такому ритму – но экзамены уже почти закончились. В тот момент я почувствовала не облегчение, а катастрофический упадок сил. Темы, которые я повторяла, уже ускользали из памяти; точно так же ускользала от меня и степень бакалавра с отличием, которой, как я знала, ожидают от любого носящего фамилию Хокинг.

С последним росчерком пера на последней странице экзаменационных бланков я навсегда распрощалась со студенчеством. Пластинка «Битлз» «Револьвер», подаренная Стивеном на мой день рождения, казалась грустным анахронизмом. Не было ни праздника, ни гостей; лишь несколько торопливых прощаний, и я окончательно вступила в новый этап жизни, села на водительское сиденье и поехала вместе со Стивеном за Роджером Пенроузом, который пригласил нас на обед в свой дом в Стэнморе. Мы остановились на парковке станции Стэнмор, где стояла его машина, старый голубой «Фольксваген». Роджера ничуть не смутило то, что все четыре шины оказались сдутыми: он заглянул в ближайший гараж и подкачал их. Мы вместе подъехали к его одноэтажному дому в конце улицы, вдали от особняков биржевых маклеров, где нас с радостью приветствовала Джоан и их сынишки, Кристофер и Тоби – тот самый младенец, которого она держала на руках в Корнелле прошлым летом. Сейчас ему было уже полтора года, он передвигался самостоятельно и заразительно выражал свою *joie de vivre*[62], на полном ходу пересекая гостиную с бисквитом в руке, в результате чего за ним оставалась дорожка из крошек на темно-синем ковре. Потом он решил покорить кресло: залезал на его подлокотник и спрыгивал, приговаривая: «Не делай так, не делай так!» Нимало не тронутые всеми этими милыми проделками, Роджер и Стивен завели неотвратимую дискуссию о роли физики в математике.

Я не понимала, почему семья Стивена ставит палки в колеса нашим отношениям и нашему счастью, в особенности принимая во внимание то, насколько он зависит от меня во всех бытовых вопросах.

Результаты выпускных экзаменов, как я и ожидала, оказались не блестящими, но вполне удовлетворительными: я могла начинать работать над диссертацией на соискание ученой степени. Судя по моим наблюдениям за жизнью Кембриджа, роль жены и, возможно, матери, была бы для меня билетом в один конец к полному фиаско в общественной жизни; я знала, что с самого начала должна утвердить себя как личность. Хотя в то время уже существовал ряд инициатив, облегчающих поступление женщин в наиболее прогрессивные из колледжей, в Кембридже было достаточно образованных, но несчастливых жен, чьи таланты оставались без внимания, чему способствовала система, отказывающая женам и матерям в собственной интеллектуальной идентичности.

Мои еженедельные мытарства в Лондон подошли к концу как раз вовремя: Стивену все чаще требовалась моя помощь. Так как ему теперь приходилось опираться на мою руку при любом перемещении вне дома, по утрам я отводила его на кафедру, днем забирала домой, чтобы накормить обедом, который, как и каждый прием пищи, должен был состоять из мяса и двух овощей, чтобы утолить его зверский голод, отводила обратно и забирала домой вечером. Все мысли о дипломатической карьере давно уже стали наследием прошлого; но мне было отказано в любой, пусть даже самой простой работе; я не могла позволить себе даже курсы повышения квалификации, так как мое присутствие постоянно требовалось в замкнутой цепочке: кафедра прикладной математики – Литл-Сент-Мэри – кухня. Написание диссертации показалось мне идеальным вариантом. Я могла легко подогнать свои занятия в университетской библиотеке и дома к графику Стивена. К тому же я имела право на студенческую субсидию, что оказалось для меня приятной неожиданностью.

Теперь Стивену приходилось опираться на мою руку при любом перемещении вне дома.

Литература средневекового периода казалась мне привлекательным предметом исследования, но наши обстоятельства не позволили бы мне ездить в отдаленные библиотеки в поисках пыльных манускриптов, поэтому я не могла надеяться на то, чтобы подготовить к печати до сей поры неизвестный текст. Мое исследование должно было стать

критическим эссе на основе уже опубликованных текстов, в которых я не испытывала недостатка – к моим услугам была Кембриджская библиотека. Я решила, что останусь в аспирантуре Лон донского университета, так как в Кембридже диссертации требовалось сдавать в установленный срок, равный трем годам, а в Лондоне таких ограничений не ставили, что было мне на руку: вряд ли я смогла бы полностью посвятить себя написанию исследования.

> Мы гармонично уживались в быту и работе, поддерживали друг друга, проявляли интерес к занятиям друг друга, несмотря на значительную дистанцию между нашими областями науки, попытки расстроить наш брак и неизбежное ухудшение состояния здоровья Стивена.

Я не сразу взялась за проработку выбранной мной темы, которой стала средневековая лирическая поэзия Пиренейского полуострова. Благодаря находке Стивена возникла другая тема, избранная в качестве предмета предварительной исследовательской работы. В результате чтения «Селестины» во время моих экзаменов Стивену в голову пришла отличная идея, которую он изложил мне по дороге в Кембридж по окончании экзаменационной недели. Он спросил меня, не задумывалась ли я над тем, что трагическая концовка романа с сопутствующим ей отчаянием и разрушением была предрешена в тот момент, когда старая шельма Селестина отвергла любовь второстепенного персонажа Пармено, юноши, у которого сформировался по отношению к ней материнский комплекс[63]. Идея была захватывающая и вызвала восторженное одобрение у моего научного руководителя; каково же было его изумление, когда я призналась, что идея принадлежит Стивену. Меня тоже поразили его аналитические способности и изобретательность: он с легкостью мог сосредоточиться на главном в любой научной сфере, в том числе в той, которой занималась я. Моя задача была сформулирована следующим образом: исследовать и развить его идею и обосновать справедливость применения концепции Фрейда в тексте, датированном 1499 годом. Больше всего в этом начинании меня радовало то, что оно явилось результатом успешности наших отношений: мы гармонично уживались в быту и работе, поддерживали друг друга, проявляли интерес к занятиям друг друга, несмотря на значительную дистанцию между нашими областями науки, попытки расстроить наш брак и неизбежное ухудшение состояния здоровья Стивена. Мы были очень счастливы. Мы оба черпали уверенность и мужество во взаимной преданности и доверии друг другу. Затем, ранней

осенью, мы выяснили, что у нас будет ребенок.

13. Этапы жизни

Вскоре после подтверждения моей беременности мы узнали печальную новость: бабушка Стивена по отцовской линии, старшая миссис Хокинг, с которой я познакомилась всего месяц назад, отдала дань природе в возрасте девяноста шести лет, в то время, когда родители Стивена были в Китае с официальным визитом в страну, находящуюся на пике культурной революции. Тем летом мы со Стивеном, его матерью и Эдвардом ездили на север к стареющим родственникам: меня познакомили с незамужними тетушками Изабель в Эдинбурге, а на обратном пути мы остановились на ночь в родовом поместье Хокингов в Боробридже, Йоркшир.

В начале XIX века тот самый предок, бывший наместником герцога Девонширского и в связи с этим построивший себе большой особняк, изменил свою фамилию: вместо вульгарного «Хокинс» появилось более благозвучное «Хокинг». Поместье Хокингов Четсворт, с его широкой лестницей, высокими потолками и эркерными окнами, знавало лучшие времена. Бедная тетя Мюриэль управлялась с домом в одиночку, одновременно ухаживая за беспомощной, но все еще властной матерью. Подобно дому, миссис Хокинг стала лишь тенью собственного прошлого, но в ее сморщенных чертах нетрудно было разглядеть решительность и силу духа женщины, которая воспитала пятерых детей и спасла семью от банкротства. Она жила в единственной комнате, которая отапливалась и была пригодной для обитания: в гостиной. Остальные комнаты, включая нашу, где стояли останки кровати с балдахином, были холодными, темными, промозглыми и жутковатыми, и, несмотря на усилия тети Мюриэль, не стали уютными.

В отсутствие родителей Стивена его младший брат Эдвард жил у моих родителей. Приехав к нам в Кембридж на выходные, он обнаружил, что в нежном десятилетнем возрасте вынужден сам готовить себе обед, следуя инструкциям брата. Меня подкосил внезапный приступ раннего токсикоза. Эта утренняя болезнь продлилась весь день, потом перешла на следующий, и так далее, неделя за неделей. Опытная подруга подсказала, что против этой хвори нет ничего лучше, чем утренняя чашка чая перед тем, как встать с постели. Теоретически идея была замечательная; на практике же я не могла выпить чашку чая, не встав с постели, чтобы приготовить ее. Родители тут же пришли мне на помощь, подарив нам машину для приготовления чая. После этого меня мало беспокоили симптомы беременности, и я

смогла с новыми силами вернуться к обычной жизни, то есть к чтению и работе над диссертацией.

От друзей, желающих нам помочь, не было отбоя: все эти новоиспеченные мамочки сыпали сведениями о преимуществах и недостатках различных больниц, роддомов, здравниц, профилактического дыхания, классов релаксации и грудного вскармливания. В отчаянии от моего невежества в этих вопросах они даже оставляли мне своих младенцев, чтобы я могла попрактиковаться в смене подгузников, но все эти знания были для меня пока что чисто теоретическими: беременность протекала без осложнений, а все их младенцы были прекрасно воспитаны. Мне казалось, что детки только едят и спят, изредка просыпаясь, чтобы немного похныкать.

Мое состояние здоровья не доставляло особого беспокойства в сравнении со здоровьем Стивена, которое начало требовать определенных врачебных вмешательств. Перед отъездом в Китай Фрэнк Хокинг прочитал в медицинском журнале о том, что регулярный прием витамина В перорально может оказывать положительное влияние на нервную систему; этот эффект усиливается еженедельными инъекциями препарата под названием «гидроксокобаламин». Витамины в таблетках можно было достать по рецепту доктора Свона, работавшего в госпитале Бартс, как и отец Стивена; к этому доктору Стивен был приписан в Кембридже. Организовать еженедельные инъекции оказалось труднее, потому что хирургический кабинет находился на другом конце Кембриджа; кроме того, Стивен считал, что утро, проведенное в очереди в ожидании инъекции, потрачено зря. Мы все же попытались, но раздражение Стивена с каждым разом росло. Однажды мы вернулись домой после инъекции около полудня и обнаружили Тельму Тэтчер на улице с метлой в руке: она выполняла свое ежедневное упражнение – подметала дорогу и мостовую. Заметив наши мрачные лица, она окликнула нас: «Дорогие мои, что случилось?» Я объяснила суть проблемы, и она мгновенно предложила решение: «О, ну это легко поправить! Мы попросим, чтобы сестра Чалмерс заходила к вам по дороге из Питерхауса!» Она обняла нас обоих и отправилась звонить сестре Чалмерс, которая по доброте душевной одолжила нам газовую плитку при переезде на улицу Литл-Сент-Мэри. По инициативе Тельмы Тэтчер она была направлена на новое задание: делать Стивену инъекции у нас дома один раз в неделю после работы в медицинском кабинете колледжа. В нашей системе координат это было время завтрака.

Подобная проблема возникла и тогда, когда врачи порекомендовали регулярную физиотерапию для того, чтобы

сохранить подвижность суставов и активность мышц Стивена. Его пальцы уже начинали скрючиваться, и он больше не мог написать ничего, кроме своей подписи. Мы посетили лишь одну сессию физиотерапии в Адденбруке – новой клинике в пригороде Кембриджа; после этого Стивен был так взбешен, что поклялся никогда больше не тратить свое драгоценное время на ожидание перед кабинетом врача. На этот раз нас спас Деннис Шама. Он уговорил Институт физики спонсировать из своего благотворительного фонда визиты частного физиотерапевта на дом два раза в неделю. Так в нашей жизни появилась Констанс Уиллис.

Констанс оказалась одной из английских леди старой закалки, сделанных из того же теста, что и Молли дю Кейн, предводительница общества народного танца и песни в Сент-Олбансе: она была открытой, жизнерадостной и прямодушной. Констанс Уиллис заходила к нам в десять утра по вторникам и четвергам, чтобы растянуть мышцы Стивена, а до этого навещала двух престарелых пациентов из Тринити-колледжа: мистера Гоу, известного классициста, и преподобного Симпсона, бывшего декана колледжа, помогая им, в общих словах, надевать носки.

Сестра Чалмерс и мисс Уильямс так распределили обязанности, что распорядок дня Стивена практически не изменился и был почти таким же, как и у его коллег. На самом деле, он приходил в офис позже остальных, но засиживался там допоздна. Он мог долго находиться без движения, погруженный в свои мысли, а в выходные вел молчаливую борьбу с уравнениями, описывающими зарождение Вселенной, тренируя свой мозг, чтобы запоминать длинные сложные теоремы без помощи ручки и бумаги. «Небесная механика», в шутку называл это мистер Тэтчер. «Полагаю, что ваш молодой человек занят небесной механикой?» – спрашивал он, если Стивен проходил мимо него по улице, не здороваясь. Такое случалось часто: нежелание Стивена тратить время на светскую беседу вынуждало меня извиняться перед наиболее обидчивыми из знакомых. Обычно я объясняла, что Стивену приходится концентрировать все свое внимание на том, чтобы не упасть.

Приступы токсикоза не позволили мне посетить похороны старой миссис Хокинг в Йоркшире. Вообще-то я еще ни разу не была на похоронах. К сожалению, вскоре представился случай исправить это упущение. Мэри Тэтчер, единственная дочь наших соседей, планировала отправиться в длительную учебную поездку на Ближний Восток, общим сроком на несколько месяцев. Часть времени она хотела провести в Израиле, а другую часть – в Иордании. Осенью, незадолго до ее отъезда, я увидела, как она

идет по улице под руку с отцом, чья походка стала медленнее и осторожнее. Они исчезли из вида, скрывшись в церковном дворике. Эта трогательная картина навсегда сохранилась в моей памяти: казалось, в те драгоценные моменты они оба предчувствовали скорое и окончательное расставание. Вскоре после отъезда Мэри ее отец заболел; его отвезли в лечебный центр для престарелых, где он и скончался через несколько недель.

Сухие листья танцевали в порывах ветра, который еще не стал по-зимнему злым, а мы со Стивеном стояли, рука об руку, на заднем дворе величественной холодной церкви Святой Троицы: это была Низкая церковь[64], которой Вильям Тэтчер отдал предпочтение в сравнении с Высокой англиканской церковью на Литл-Сент-Мэри. Меня пробирала дрожь, когда я вслушивалась в волнующие слова монотонной службы, сопровождавшей занесение гроба в церковь. Я смотрела и слушала, и меня терзал неоспоримый парадокс: одним махом смерть стирала ученость, опыт, героизм, доброту, достижения, воспоминания о жизни, из которой уходил человек; в то же время внутри меня зрело чудесное начало новой жизни, чистая страница, на которой еще предстояло появиться знаниям, опыту, достижениям и воспоминаниям. Рядом со мной стоял отец моего ребенка, молодой и полный сил, несмотря на надвигающуюся инвалидность. Его здоровье в целом было в порядке, а намерение наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях и преуспеть в физике крепло с каждым днем. Ему было трудно ходить; пуговицы не желали застегиваться; прием пищи занимал все больше времени; приходилось запоминать все то, что раньше он мог записать. Но все эти проблемы были чисто механическими, их можно преодолеть при помощи изобретательности и упорства. Невозможно было представить, что Стивен является кандидатом на центральное место в грустной церемонии, в которой мы принимали участие в тот день. Смерть была трагедией, предназначенной старикам, а не молодым.

Молодость – неотъемлемая часть самой сути Кембриджа, несмотря на его средневековую архитектуру и ископаемых членов колледжей, обитающих в древних жилищах, таких же замшелых, как и они сами. Магнетизм этого места притягивает все новые поколения молодых людей, которые остаются на три года, если повезет – на шесть лет. Затем Кембридж выбрасывает их в реальный мир, освобождая от заклятия. Многие из наших друзей первых лет уже разъехались по миру, заняв преподавательские должности в самых разных университетах. На их места были приняты новые кадры, некоторые на достаточно длительный срок,

некоторые – совсем ненадолго. Одним из таких скоротечных посетителей был Роберт Бойер, тот самый тихий американец, с которым мы познакомились в Корнелле. Он лишь ненадолго заехал в Кембридж и после заседания на кафедре зашел к нам поужинать. Он говорил о своей жене-англичанке, о маленькой дочери, о Вьетнаме – о нем говорили тогда все американцы, – а также о физике и сингулярностях.

> Внутри меня зрело чудесное начало новой жизни, чистая страница, на которой еще предстояло появиться знаниям, опыту, достижениям и воспоминаниям. Рядом со мной стоял отец моего ребенка, молодой и полный сил, несмотря на надвигающуюся инвалидность.

Однажды утром, некоторое время спустя после визита Роберта, я слушала новости по радио и готовила обед для Стивена, дожидаясь его возвращения домой. Джордж Эллис, приехавшие из Техаса, вызвался приводить Стивена домой на обед по дороге в столовую Университетского центра, расположенного на набережной. Я внимательно прислушивалась, потому что главной новостью была атака снайпера в Остине, Техас. Маньяк забрался на крышу университетской башни, откуда открыл огонь по преподавателям и студентам, пересекающим площадь. Один из пострадавших скончался на месте. Сообщение показалось тем более ужасающим, что место действия было мне хорошо знакомо. Эта площадь все еще стояла у меня перед глазами; внезапно я осознала, что мишенью снайпера мог стать любой из наших знакомых. В тот же день мы получили известие, что убит был Роберт Бойер. Смерть пришла к нему не в старости, не в результате стихийного бедствия, такого как недавняя трагедия в Аберфане[65], не из-за заболевания; это была смерть от жестокой руки человека. В страшных словах похоронной проповеди заключалась суровая правда: «…как смерть чрез человека…»[66]

> Маньяк забрался на крышу университетской башни, откуда открыл огонь по преподавателям и студентам, пересекающим площадь. Один из пострадавших скончался на месте.

Ошеломленные произошедшей трагедией, мы искали способ выразить печаль по поводу гибели Роберта Бойера и восхищение его свершениями, увековечив его память.

14. Несовершенство мира

Роберт Джордж родился весом шесть фунтов пять унций[67] в десять часов вечера в воскресенье 28 мая 1967 года, в тот самый момент, когда одинокий яхтсмен Фрэнсис Чичестер зашел в гавань Плимута, встречаемый ликующей толпой, из своего кругосветного путешествия. Рождение Роберта было встречено семейным ликованием такого масштаба, что, когда Стивен на следующее утро отправился поделиться хорошей новостью с Пек и Хау Ги Анг, нашими соседями из Сингапура, проживающими в нашем бывшем доме под номером одиннадцать, его настолько переполняли эмоциии, что Пек заволновалась, не умерла ли я при родах.

Роберт в своем стремлении появиться на свет опередил положенный срок на две недели и застал меня врасплох. В марте сестра Стивена Мэри, его двоюродный брат Джулиан и я вместе с тысячами других выпускников получили дипломы о высшем образовании на грандиозной церемонии Лондонского университета в Альберт-холле. Празднество было омрачено лишь отсутствием почетного ректора университета, которым являлась королева-мать, по причине ее болезни. После церемонии наши родители устроили для нас памятный праздник в чудесном месте – Королевском обществе тропической медицины, в которое нас пустили благодаря стараниям моего свекра.

Еще до наступления этого знаменательного события доктор Дороти Нидхэм, благородная супруга главы колледжа Гонвиля и Каюса, взяла меня под свое крыло и ввела в ряды формирующегося академического общества – колледжа Люси Кавендиш, возглавляемого двумя учеными, доктором Анной Биддер и доктором Кейт Бертрам; их целью было обеспечение академических возможностей для женщин старше двадцати одного года в Кембридже. Благодаря колледжу Люси Кавендиш мне удалось получить статус магистра гуманитарных наук в университете, благодаря чему я смогла брать книги в университетской библиотеке. К концу весны исследование «Селестины», на которое меня вдохновил Стивен, было отдано в переплет; я не видела никаких причин для того, чтобы материнство помешало мне продолжать исследования. В последнюю пятницу мая я, как обычно, провела бóльшую часть дня в библиотеке, беззаботно собирая материал для диссертации. Я не подозревала, что нескоро снова окажусь в библиотеке.

В тот вечер, игнорируя странное тянущее ощущение внизу живота, я отправилась с беременной Сью Эллис на вечеринку для

жен, которую устраивала Вильма Бэчелор, жена заведующего кафедрой. Утром в субботу, после беспокойной ночи, тянущие ощущения стали сильнее и участились. Я ринулась в город за покупками для Стивена, понимая, что скоро надолго выйду из строя. Волоча огромные сумки домой, я чувствовала себя, мягко говоря, неважно. Потом я отправилась к мяснику, чтобы закупить последние припасы. Взглянув на меня, мясник Крис обслужил меня вне очереди. «Джейн, – сказал он, – иди-ка ты поскорее домой!» Я с радостью последовала его совету.

Немногим позже началась гроза. Хау Ги, отец двух маленьких дочерей, отвез нас со Стивеном в платный роддом, о чем я вскоре пожалела: надо было остаться дома или попроситься в родильное отделение больницы, куда в те годы пускали только женщин из неблагополучных семей или рожениц с осложнениями. Стареющие акушерки были столь же суровы, как и классные дамы времен моей школьной юности. Я шла по коридору, Стивен опирался на мою руку; как вдруг я почувствовала наступление сильной схватки, словно осьминог своими щупальцами сжал мой живот. Прилежно следуя инструкциям, полученным на недавно вошедших в моду курсах перинатальной подготовки, я прислонилась к дверному косяку и сосредоточила внимание на заученной дыхательной гимнастике.

«Господи, что это с вами такое?» – недружелюбно спросила сестра на посту, сверля меня взглядом, не выражающим ни малейшей симпатии. Значительно моложе остального персонала, уж она должна была понимать, чем я занимаюсь. Затем в течение двадцати четырех часов ничего существенного не происходило; после этого ребенок наконец появился на свет, и помог мне в этом не персонал роддома, а Джон Оуэнс, веселый молодой доктор из отделения хирургии, к которому я была прикреплена. Все это время Стивен преданно меня поддерживал, в течение долгих часов сидя у моей постели и даже навестив меня вместе с матерью в шесть утра на следующий день, что было запрещено правилами: он пробрался через запасной вход.

Я лежала в постели, утомленная и разбитая, и проигрывала у себя в голове великолепные темы из Двойного концерта Брамса для скрипки и виолончели, выбранные мной в качестве мантры, позволяющей сконцентрироваться на музыке и отвлечься от боли. Музыка уносила меня на два месяца назад, в тот день, когда мои родители устроили для нас отпуск на Пасху. Они сняли домик на краю обрыва в деревушке Порт-Айзек на севере Корнуолла – очень далеко от Кембриджа. Наверное, они думали, что я еще не скоро смогу позволить себе дальние поездки (как оказалось, они ошибались). Мы провели там неделю, и именно тогда Стивен

подарил мне на день рождения, в качестве уступки моим предпочтениям, пластинку с концертом Брамса.

С возрастающей уверенностью в себе у Стивена стала проявляться неистовая целеустремленность. Один раз мы выехали на прогулку из Порт-Айзека в Тинтагель, прославленное место действия легенды об Артуре. Замок возвышался на отдаленной скале северного побережья Корнуолла. К сожалению, его руины невозможно было рассмотреть из деревни; единственный путь туда, как сказала нам местная почтальонша, лежал через обрывистое горное ущелье, которое называлось «Долина Авалона». Стивен настоял на том, чтобы увидеть замок; мы с мамой не могли ему ни в чем отказать, зная о том, какой короткой может оказаться его жизнь. Взяв его под руки с двух сторон, мы вели, поднимали, несли его по несуществующей тропинке, спотыкаясь о камни, шатаясь под порывами морского ветра. Сапфировый клочок моря, видимый в конце ущелья, становился все меньше, и мы уже не были уверены, что выбрали правильный путь. Мы ковыляли минут сорок, моя мама теряла силы и беспокоилась обо мне на моем солидном сроке беременности; но Стивен не сдавался. К счастью, откуда ни возьмись возник «Лендровер», направляющийся по бездорожью назад в деревню. Мы окрикнули водителя. Он не хотел останавливаться, но все же притормозил, чтобы сказать нам, что до замка еще очень далеко – он находился за мысом. Затея была явно неосуществимая; мы стали умолять водителя отвезти нас обратно в деревню. Тот вел себя грубо и нетерпеливо, но в итоге согласился взять одного пассажира. Естественно, этим пассажиром должен был стать Стивен. С таким же упрямством он настаивал на поездке в летнюю школу в Беттельский мемориальный институт в Сиэтле, запланированную на июль. Ни на секунду не задумавшись, я согласилась с ним, не видя причин для того, чтобы мы втроем – Стивен, я и ребенок – не могли провести полтора месяца на побережье Тихого океана. Ведь дети только едят и спят.

Моя радость при виде ребенка была неописуемой. Через несколько минут после рождения его положили в сгиб моего локтя; немного синенький, он уже осматривал окружающий мир с пресыщенным безразличием, как бы говоря: «Это мы уже видели».

«Будущий профессор», – выдала предсказуемую реакцию моя свекровь; это был ее первый внук. Когда его принесли мне во второй раз, он уже оправился после родов и приобрел здоровый оттенок. Его глаза были глубочайшего, ярчайшего голубого цвета; лицом он походил на эльфа с розовыми щечками и заостренными ушками. Волос у него не было, только на макушке и кончиках

ушей проклевывался белый пушок. Крохотные пальчики с миниатюрными ноготками крепко сжимали мой вытянутый палец.

Это прекрасное существо, чудесное воплощение совершенства, пришло в трагически несовершенный мир. Через неделю после его рождения началась Шестидневная война на Ближнем Востоке[68], повлекшая за собой ужасные последствия, которые сохранялись на протяжении его детства и юности. Мне, в моем постнатальном мировоззрении, было ясно одно: если бы миром правили матери новорожденных детей, а не ожесточенные старики, побуждающие неоперившихся юнцов к насилию, все войны прекратились бы за одну ночь.

Постепенно мы адаптировались к нашей новой реальности. Бабушки и дедушки помогали в течение первых недель, а потом мы должны были справляться самостоятельно и для этого разработать новый распорядок. Начиная с этого времени, наши экспедиции – будь то на кафедру или в город – происходили в составе трех человек, коляски и трости. К счастью, нам опять помог Джордж Эллис. Он стал не только приводить Стивена домой на обед, но и забирать из дома после обеда, а также провожать после работы. Однажды днем, когда ребенку было около месяца и жизнь очень постепенно стала возвращаться на круги своя, я посчитала, что пришло время вернуться к моим книгам и картотеке слов, используемых в средневековой любовной лирике Пиренейского полуострова. Ребенок был накормлен, переодет и помещен в коляску на заднем дворе под летним солнечным небом. Он выглядел довольным и сонным. Я ожидала, что он проспит как минимум час. Подавляя собственный зевок, я забралась на чердак к своим книгам и разложила их на столе. Не успела я это сделать, как снизу раздался пронзительный крик. Я побежала к Роберту, взяла его на руки, покормила и снова поменяла подгузник. Мне показалось, что он был не очень-то голоден. Я осторожно уложила его в колыбельку и направилась к лестнице; за моей спиной послышался тот же крик. Эта сцена повторилась несчетное количество раз; в конце концов я поняла, что кроха не голоден и не хочет спать: он хочет общаться. Так в возрасте одного месяца мой сын начал работать над диссертацией, помогая мне тем, что качался на моем колене и срыгивал, в то время как я пыталась писать. В один день все мои иллюзии о том, что можно сочетать материнство и интеллектуальные занятия, были полностью и бесповоротно разрушены. Я не учла и телесные факторы, связанные с последствиями беременности. Я полностью рассчитывала на то, что смогу встать и заняться обычными делами уже через неделю,

не осознавая, что девятимесячное вынашивание ребенка и длительные роды скажутся на моей выносливости. Я и не представляла, что кормление ребенка отнимает столько сил и времени, а учитывая сиюминутный характер его потребностей и непредсказуемый график сна и бодрствования, неудивительно, что я и сама начинала задремывать, как только дитя погружалось в долгожданный сон.

> Моя радость при виде ребенка была неописуемой. «Будущий профессор», – выдала предсказуемую реакцию моя свекровь; это был ее первый внук.

С приближением июля меня стало подташнивать при мысли о поездке в Сиэтл, по мере того как приготовления осложнялись все новыми обстоятельствами. Чарли Мизнер, посетитель кафедры из Америки, ставший крестным Роберта при крещении в часовне Гонвиля и Каюса, которое состоялось в июне, пригласил Стивена навестить его в Мэрилендском университете после летней школы в Сиэтле для того, чтобы поговорить о сингулярностях. Он и его жена Сюзанна, рожденная в Дании, уверяли нас в том, что нам будет удобно в их просторном доме в пригороде Вашингтона, где они жили с четырьмя маленькими детьми. Я не могла позволить себе малодушие, но, честно говоря, не была уверена, что мы в целости и сохранности доберемся до Сиэтла, не говоря уже о дальнейших перемещениях. Усталость, которую я ощущала, пакуя чемоданы для себя, Стивена и нашего шестинедельного малыша, валила меня с ног. Я не ожидала ничего подобного от собственного тела, которое раньше было абсолютно надежным, а теперь подводило меня в такой ответственный момент.

Каким-то невероятным образом, при помощи группы поддержки в виде обеспокоенных родителей (в основном моей мамы), утром 17 июля 1967 года мы умудрились зарегистрироваться на рейс в лондонском аэропорту вовремя. Наше прощание было поспешным, потому что авиалиния незамедлительно предоставила инвалидное кресло для Стивена, обнаружившего, что он обязан в него усесться и быть препровожденным через таможенный и паспортный контроль в зал ожидания вылета. Отягощенная Робертом и горой поклажи, требуемой для перелета, я трусила сзади. В тот день (самый жаркий день в году) в третьем терминале сломалась система вентиляции, в результате чего горячий воздух засасывался внутрь здания, а оттока воздуха наружу вообще не было; из-за этого зал ожидания вылета превратился в настоящий ад. Заходя туда, мы услышали объявление о том, что наш рейс задерживается.

Пока мы ждали вылета в душном жарком зале, Роберт жадно

заглотил все содержимое бутылочки с растворенным в воде сиропом шиповника, которой ему должно было хватить на всю дорогу до Сиэтла. За первым объявлением вскоре последовало второе, приглашающее пассажиров «Пан Американ» проследовать в бар, где им предоставляются бесплатные закуски. Я водрузила Роберта на колени Стивена и отправилась в очередь за сэндвичами. Вернувшись, я увидела нечто, повергшее меня в неописуемый ужас. Роберт был на своем месте – блаженно улыбаясь, лежал на коленях у отца, положив голову ему на грудь; рука Стивена обнимала ребенка. Лицо Стивена выражало нечеловеческую муку. По его новым брюкам стекала широкая желтая река. Он оказался в западне и беспомощно наблюдал, как желтый поток устремляется в его туфли. В первый и последний раз в жизни я вскрикнула – я уронила сэндвичи на пол и завопила.

Мой вопль, конечно, был довольно-таки иррациональной реакцией, но, как оказалось, наиболее адекватной в сложившихся обстоятельствах. Мои крики привлекли столь необходимую мне помощь с удивительной быстротой. Статная медсестра в зеленой униформе явилась, откуда ни возьмись, и взяла ситуацию под контроль. Одного проницательного взгляда на меня ей было достаточно, чтобы сделать заключение – совершенно справедливое – о моей неспособности справиться с ситуацией. Она властной рукой взялась за инвалидное кресло и провезла его обитателей, отца и сына, обратно через паспортный контроль и таможню в медпункт, не обращая никакого внимания на встающих на ее пути чиновников. В медпункте она вымыла ребенка, поручив мне Стивена. Приводя себя в порядок, мы услышали, что в громкоговоритель объявили об окончании посадки на наш рейс. Совершенно спокойно медсестра позвонила в центральное управление и сказала, что рейсу придется подождать нас. Таким образом, в возрасте семи недель Роберт получил право задерживать вылет международного рейса.

> Вернувшись, я пришла в ужас. Роберт блаженно улыбаясь, лежал на коленях у отца, рука Стивена обнимала ребенка. Лицо Стивена выражало нечеловеческую муку. По его новым брюкам стекала широкая желтая река. Он оказался в западне.

Стивену пришлось сидеть в этих брюках на протяжении всего девятичасового перелета. Он пролетел в них над Исландией, переливающейся на гладкой поверхности моря, как драгоценность в атласной коробочке; над плавучими льдами Северной Атлантики, над снежными шапками гор и сияющими

ледниками Гренландии, над замерзшими водами Гудзонского залива, над бесплодными пустошами Северной Канады. Наконец на горизонте возник предвестник финала его мучений – гора Рейнир, возвещающая своим появлением о скорой посадке в аэропорту города Такома. Через пару дней я отнесла брюки в химчистку, но Стивен больше ни разу не надевал их.

Часть вторая

1. Неспящие в Сиэтле

Беттельский мемориальный институт основательно подготовился к нашему приезду в Сиэтл в 1967 году. Нам предоставили одноэтажный коттедж, напичканный всевозможными современными удобствами, включая посудомоечную машину и барабанную сушилку; чудовищных размеров автомобиль с автоматической коробкой передач; и даже доставку чистых подгузников и избавление от использованных два раза в неделю силами чисто американской организации – Службы доставки подгузников. Все эти проявления гостеприимства не успокоили меня, и не потому, что я была не благодарна; просто я чувствовала себя выброшенной на чужой берег и находилась хоть и в роскошном, но все-таки одиночестве, лишенная поддержки и помощи моей мамы, родных и друзей почти сразу после рождения ребенка. Здесь я несла полную ответственность за моего немощного мужа и новорожденного ребенка и здесь не было Джорджа Эллиса, который мог бы отвести Стивена на работу.

Беттельский институт, как заверила меня секретарь, находился неподалеку – всего лишь в двух милях от дома. Две мили или двадцать – для меня не играло роли: Стивена надо было возить туда на машине, а для того, чтобы возить Стивена, мне приходилось брать с собой и Роберта. Это означало, что утром я должна была помочь Стивену одеться и позавтракать, потом покормить и искупать Роберта – или в обратном порядке, в зависимости от того, чьи потребности были неотложнее. Потом чудо иноземной техники – «Форд Меркьюри Комет» – надо было выкатить из гаража и подать к двери, а затем переместить в него двух моих подопечных: крохотного, но прожорливого Роберта в люльке и Стивена, опирающегося на мою руку. Я по очереди спускала их вниз по лестнице и размещала в машине, одного на переднем сиденье, другого – на заднем. Теоретически при должном количестве повторений эту систему можно было более-менее успешно внедрить в жизнь. На практике, хотя мы изо всех сил старались свести к минимуму количество пропущенных утренних сессий, система постоянно давала сбои: наш любимый малыш, только-только освоивший ночной сон в Англии, перепутал часовые пояса и в Сиэтле прекрасно спал весь день напролет, а ночью проявлял все признаки общительного характера. Плюс ко всему Сиэтл посетило благословение – или проклятие – небывалой жары.

Некоторое время, следуя отчаянному инстинкту

самосохранения, я ограничила свои выходы из дома Беттельским институтом и ближайшими магазинами – ну и, разумеется, химчисткой. Садясь за руль массивного автомобиля, я каждый раз испытывала такой стресс, что в конце концов, несмотря на жару, решила сделать то, на что не отважилась бы ни одна американская мать: начала ходить по магазинам с коляской и складывать покупки в люльку к ребенку.

С ликованием потерпевшего кораблекрушение моряка при виде спасательного судна я приветствовала прибытие семейства Пенроузов. Эрик, недавно добавленный член семьи, был немного более мобильным, чем Роберт, но все еще проводил много времени в лежачем положении. Если мы ставили рядом две коляски или выкладывали детей рядом на коврик, то Джоан обычно говорила, что это продолжение диалога Хокинга – Пенроуза. Благодаря Джоан мое социальное окружение значительно обогатилось. Она представила меня женам других делегатов и водила на экскурсии по Сиэтлу, где можно было закупать продукты в универмагах и детскую одежду. Под ее благотворным влиянием я настолько преисполнилась уверенности, что смогла разобраться с развязками на автомагистрали, проложенной с юга на север через центр Сиэтла. Я даже смогла найти дом подруги детства из Нориджа, чей муж был инженером компании «Боинг».

Еще более дерзкую вылазку мы осуществили в воскресенье, вместе со Стивеном: его навигационные способности привели нас на паромную станцию. Мы пересекли залив Пьюджет-Саунд и прибыли на полуостров Олимпик, где я поднесла Роберта к берегу и окунула его ножки в блестящие под солнцем, но холодные как лед волны Тихого океана. В другой раз мы, положив спящего Роберта на скамеечку между передними сиденьями, проехали сто пятьдесят миль к северу, пересекли границу и добрались до Ванкувера, чтобы посетить наших австралийских друзей из Кембриджа, семью Янг. Сейчас они обосновались в Университете Британской Колумбии. Ванкувер оказался настолько же холодным и туманным, насколько жарким и сухим был Сиэтл; однако в канадском городе жизнь, похоже, текла более расслабленно, что придавало ему некоторое очарование по сравнению с американским соседом.

Вернувшись в Сиэтл, мы отправились со всей группой на одну из немногочисленных экскурсий, организованных Беттельским институтом. Собравшись на пристани жарким субботним утром, мы сели на паром и поехали в резервацию индейцев на острове Блейк. Когда мы ждали паром, к нам подошла познакомиться Жанет Уилер, жена одного из ведущих американских физиков.

Именно в тот год ее муж Джон Уилер, пережив достойное Архимеда озарение, придумал название «черные дыры» для феномена, который изучал Стивен и многие другие ученые. Забавно, что в это время он как раз принимал ванну. На набережной Сиэтла Жанет, седовласая женщина с царственной осанкой, по всем признакам, входящая в избранные ряды Дочерей американской революции[69], взяла под свое покровительство коляску Роберта, в то время как Стивен опирался на мою руку. Две маленькие старушки подошли, чтобы с ласковым любопытством заглянуть в коляску, и одна из них пощекотала голые пальчики спящего ребенка. Испуганная Жанет Уилер рявкнула на нее так, что та подпрыгнула выше головы и вместе с подругой поспешно ретировалась в толпу. Лично я ничуть не возражала против того, чтобы Роберт проснулся и немного пободрствовал днем: честно говоря, это была прекрасная идея. Тогда мне удалось бы немного поспать ночью. Но этого не произошло, и он проспал бóльшую часть дня, проснувшись только для того, чтобы оглядеть ангельским взором обветренное лицо пожилой скво, которая качала его на коленях, когда я ужинала за длинным общим столом в большом индейском сарае.

Это была одна из тех редких прогулок, когда моей единственной обязанностью, помимо заботы о ребенке, стало толкать коляску одной рукой и поддерживать Стивена другой. Другие не менее интересные экскурсии, в процессе которых мне приходилось в течение долгого времени находиться за рулем, так выматывали меня и оставляли в таком напряжении, что я валилась с ног от истощения к тому времени, как в Сиэтл вернулась моя школьная подруга Джиллиан. Они с мужем Джеффри были на острове Ванкувер, где он работал инженером по контракту. Джиллиан и Джеффри – он, к сожалению, смог провести с нами только одни выходные – буквально спасли меня. Джеффри взял на себя вождение автомобиля и возил нас на далекие расстояния – чего стоила только одна поездка на гору Рейнир, – забирал покупки и помогал Стивену забираться в машину и выходить из нее. Джил с радостью приходила на выручку мне на кухне. На одну неделю мне почти удалось расслабиться.

В то время, когда Джил была с нами, произошел инцидент, который мы обе все еще вспоминаем с отвращением. Памятным монументом, оставшимся в Сиэтле после Всемирной выставки 1962 года, стала Космическая игла, бетонный столп около ста метров высотой, увенчанный смотровой площадкой в форме летающей тарелки. В последнюю субботу, которую Джил провела с нами, мы поднялись на Космическую иглу на скоростном лифте,

чтобы полюбоваться видом искрящихся зеленых волн Пьюджет-Саунд и белыми скалами полуострова Олимпик на западе, прерывистым массивом Каскадных гор на востоке и на юге горой Рейнир, гигантским спящим вулканом. Виды были восхитительные, но Джил несла Роберта, а я поддерживала Стивена; скоро мы уже изнемогали от жары и решили вернуться к лифту, где стояла очередь на спуск. Рядом с нами стояли две девочки, наверное подростки, но ненамного младше нас с Джил. Они смотрели на нас, подталкивая друг друга локтями; потом мы все вместе вошли в лифт, и они стали обмениваться презрительными, грубыми комментариями по поводу внешности Стивена: он устало прислонился к стене, но при такой температуре кто угодно выглядел бы неважно. Они насмешливо хихикали, а моя душевная боль все росла. Мне хотелось надавать им пощечин и заставить их извиниться. Мне хотелось прокричать им в лицо, что это мой мужественный, горячо любимый муж, и отец моего прекрасного ребенка, и великий ученый; но, будучи сдержанной, как все англичане, я ничего не сказала и не сделала. Я смотрела в сторону, занимаясь Робертом, притворяясь, что их не замечаю. Никогда за всю историю человечества лифт, движущийся со скоростью один метр в секунду, не совершал такого длительного спуска. Наконец двери открылись, и мы вышли. Одна из девчонок глянула через плечо Джил на Роберта.

«Это ваш ребенок?» – спросила она в недоумении, смешанном с восхищением. «Конечно», – отрезала я. Она и ее подруга удалились – я надеюсь, в смущении. Джил пробормотала: «Какие странные люди!» – прекрасно понимая, что со мной происходит. К счастью, мы с Джил создали преграду между Стивеном и девушками, так что он не знал о происходившем.

После этого эпизода я приготовилась к немедленному возвращению домой. Но не тут-то было. За день до окончания курса на приеме в Беттельском университете Стивену предложили соблазнительный вариант: провести две недели в Калифорнийском университете в Беркли, и тут же участник из Бразилии посоветовал нам остановиться в пустой квартире отсутствующего друга. Предложение было достойным с финансовой точки зрения и, раз уж мы забрались так далеко от дома, еще две недели на Западном побережье, в Калифорнии, не казались такой уж плохой идеей. Я еще не совсем утратила тот авантюризм, который толкнул меня на путешествие по югу Испании в студенческие дни; кроме того, мне хотелось посмотреть на ту утопию, которой нас интриговали Эйб и Сесилия Тауб в Корнелле 1965 года.

Мне хотелось прокричать им в лицо, что это мой мужественный, горячо любимый муж, и отец моего прекрасного ребенка, и великий ученый; но, будучи сдержанной, как все англичане, я ничего не сказала и не сделала.

Обремененные грудой скарба – коляской и непомерным количеством багажа, – мы вылетели в Сан-Франциско, где я должна была укротить еще одну гигантскую машину и разобраться в очередной путанице дорожных развязок. К счастью, из Стивена получился гораздо более успешный штурман, чем в свое время водитель, – исключая те случаи, когда он замечал нужный нам съезд в последний момент и громко требовал, чтобы я срочно пересекала четыре полосы движения. Пару раз мы свернули не туда, снесли несколько парапетов в лучших традициях «Полицейских из Кистоуна»[70], и мы наконец нашли дом наших отсутствующих хозяев: уютную двухкомнатную квартиру в старом деревянном доме с прекрасным видом на далекий мост Золотые Ворота в туманной дымке. Жилье гораздо больше соответствовало нашему возрасту и стилю, чем претенциозный буржуазный дом в Сиэтле, но оно сразу создало пугающую логистическую проблему, поскольку располагалось на верхнем этаже трехэтажного дома. Выработанная в Сиэтле схема, к которой мы тщетно надеялись больше никогда не прибегать, пригодилась снова, с одним отличием: любой выход на улицу требовал теперь не двух, а трех перемещений вверх-вниз по лестнице – и по двум лестничным пролетам вместо одного. Роберту уже исполнилось три месяца, и он был слишком тяжелый, чтобы носить его в люльке; поэтому люлька спускалась первой, затем Стивен (Роберт все это время лежал в коридоре на коврике), а последним сам Роберт. В качестве компенсации за эти неудобства мы использовали автомобиль по полной программе: днем или ближе к вечеру уезжали на иссушенные солнцем холмы Беркли или даже направлялись на север вдоль разлома Сан-Андреас: в этом необитаемом болотистом краю трещины на асфальте свидетельствовали о мощи природных сил, таящихся под поверхностью земли. Однажды мы обнаружили уединенную бухту на побережье, чем-то напоминающем Корнуолл: там, бросая вызов американским ценностям, жили хиппи, свободные от ограничений материалистического общества в своих хибарках на пляже.

Эйб Тауб, руководитель релятивистской группы в Беркли, закрепил за Стивеном временную ставку на своей кафедре. Однажды вечером он и Сесили пригласили нас на прием в свой

дом, расположенный высоко в холмах, окружающих долину. Ехать оказалось дольше, чем мы ожидали; к тому времени, когда мы почти добрались до места, уже смеркалось. Я не могла разглядеть место парковки и заехала в овраг на обочине дороги. Колеса заблокировались, и машина не пожелала двинуться с места. После тщетных попыток самостоятельно вытащить машину из кювета я отправилась искать помощи у Таубов и их почетных гостей, среди которых был высокообразованный и влиятельный парижский математик, профессор Лихнерович. Мужчины сняли свои парадные пиджаки, закатали рукава и приступили к задаче с благородным рвением. Когда нас наконец извлекли из кювета и представили гостям – до неприличия поздно и в растрепанном виде, – Роберт начал хныкать. Он уже один раз подвел нас подобным образом в Сиэтле. Пока его качали в люльке, он крепко спал, но как только пытались аккуратно поставить ее на диван в затемненной комнате, он начинал громко протестовать, как будто понимая, что его не приглашают на праздник. Единственное, что можно было сделать в этом случае, – позволить ему провести вечер за столом, на моих коленях, вместе с другими гостями. Сесили Тауб спокойно пережила все злоключения, нарушающие покой ее благородного собрания, и, видимо, жалея меня за измученный вид, на следующий день пригласила присоединиться к ней и мадам Лихнерович в розовом саду Беркли.

Розовый сад стал моей гаванью покоя и одиночества в безумном мире залива Сан-Франциско, отдохновением от повседневного напряжения, связанного с нашими жизненными хлопотами. Сад оказал успокаивающее действие на Роберта: он спокойно лежал в своей коляске под крышей решетчатой беседки, следя за игрой света на лепестках роз и листьях над его головой. Я сидела рядом с ним в тени, вдыхая аромат роз, погружаясь в свою книгу, «Пармскую обитель» Стендаля, и время от времени глядя на волны залива. Я невольно вспоминала Испанию, сады Хенералифе в Гранаде, где всего лишь несколько лет назад я фантазировала о том, каким могло быть наше со Стивеном будущее. Это будущее стало реальностью и превзошло самые дерзкие из наших чаяний. Я чувствовала себя усталой, но сильной; я была настолько счастлива, что усталость не имела значения. Стивен уже завоевал признание и популярность в научных кругах благодаря своей способности мгновенно проникать в суть сложных концепций, умению представлять в уме математические многомерные структуры и феноменальной памяти. Ожидающее нас будущее теперь имело и физическое воплощение: у нас появился маленький здоровый ребенок.

Будущее стало восприниматься с чувством приятной

уверенности лишь благодаря тому, что мы справлялись со своими сегодняшними обязанностями. Мы привыкли жить одним днем, решая проблемы по мере их появления, а не загадывая наперед и не строя воздушных замков. С этой точки зрения, общая канва будущего была определена: в ближайшее время наша счастливая звезда будет восходить. Что до долгосрочной перспективы, то большой знак вопроса относительно судьбы человечества касался не только нас. Война во Вьетнаме, используя модное тогда выражение, переросла в безобразнейший вооруженный конфликт, где все кошмары современной химии были цинично выпущены против мирного крестьянского населения по наущению никем не контролируемых военно-промышленных комплексов Востока и Запада. Лишь одной искры в любом уголке планеты было бы достаточно, чтобы разжечь адское пламя во всем мире.

Мы жили настоящим, но даже настоящее имело раздражающую привычку ставить нам подножки в форме непредвиденных препятствий. Например, бразильские супруги, которые с наилучшими побуждениями нашли для нас квартиру, предложили провести нам экскурсию по примечательным местам Сан-Франциско. Я надеялась, что наконец-то смогу расслабиться и насладиться выходным днем. Они приехали рано утром в субботу и привезли с собой бразильскую подругу, не говорящую по-английски. Я помогла Стивену спуститься по лестнице, намереваясь усадить его в бразильскую машину и вернуться за Робертом, который, как я предполагала, поедет у меня на коленях. Мы беззаботно вышли на улицу и стали оглядываться в поисках машины. Кроме нашего «Плимута» в обозримом пространстве стоял только древний серый «Фольксваген». «Где ваша машина?» – спросила я нашего бразильского «друга». Он изумленно посмотрел на меня. «Нет, нет, мы не поедем на нашей машине, мы все туда не поместимся. Мы возьмем вашу». Проглотив комок в горле, я открыла нашу машину. Стивен устроился сзади с двумя бразильянками, а наш, с позволения сказать, экскурсовод развалился на пассажирском сиденье и начал давать мне (работающей шофером) указания, взяв Роберта на колени. Одного взгляда на него Роберту было достаточно, чтобы зареветь как никогда прежде. Он ревел весь день: когда мы ехали по Окленскому мосту, в долгие часы стояния в плотных дорожных пробках, изжаривших нас заживо, когда пересекали район Хейт-Эшбери и ползли вверх-вниз по крутым центральным улицам Сан-Франциско. Мне тоже хотелось зареветь во все горло. Я была в отчаянии от того, что не могу успокоить моего обезумевшего от жары несчастного ребенка и должна сидеть, прикованная к водительскому креслу в нелепой ситуации, виной

которой были не мы.

В парке «Золотые Ворота» нас ждала передышка. Мы отделались от компании наших пассажиров и присоединились к большой группе хиппи, усевшись на траву рядом с «детьми цветов» и покачиваясь вместе с ними под ритмы музыки. На лужайках парка было много людей моего возраста, но я уже чувствовала себя гораздо старше их. Мы со Стивеном разделяли их идеализм и нетерпимость к насилию. Нам тоже удалось достигнуть сравнительной свободы в консервативном обществе путем борьбы с бюрократией и узколобостью – тем не менее, для того чтобы удерживать наше преимущество, нам пришлось установить самим себе жесткий режим – не менее жесткий, чем тот, против которого мы бунтовали. Война во Вьетнаме казалась нам возмутительной, но не она служила нашим главным камнем преткновения. Наши усилия были направлены на преодоление болезни и невежества.

> Мы привыкли жить одним днем, решая проблемы по мере их появления, а не загадывая наперед и не строя воздушных замков.

События того дня так повлияли на меня, что я решила больше никогда не оказываться в ситуации зависимости от других людей. Однако претворить это решение в жизнь было достаточно трудно, учитывая то, что Стивен уже принял настойчивое приглашение провести некоторое время в Мэрилендском университете на кафедре Чарли Мизнера. Вашингтон находился по пути домой, решили мы, поэтому еще несколько недель не сделают погоды. На самом деле нам было даже легче от того, что дорога домой будет состоять из двух отрезков: это облегчало смену часовых поясов для нас всех, включая Роберта. Еще мы хотели повидаться с сестрой Стивена Мэри, которая стала дипломированным врачом и теперь работала на Восточном побережье[71], и посетить старого друга Стивена Джона Макленагана и его жизнерадостную испаноговорящую жену, проживающих в Филадельфии.

Во время перелета на восток мы сидели в одном ряду с дамой средних лет, которая не переставая рыдала. Поскольку она время от времени кидала жадные взгляды на Роберта, я дала ей его подержать. Бледная тень улыбки озарила ее лицо, когда он приветствовал ее своим заливистым смехом. Ее спутник наклонился через проход и прошептал, что она возвращается из Вьетнама, где был убит ее единственный сын. Хиппи были правы, протестуя против того, что их превращают в пушечное мясо, еще не дав права голосовать и покупать алкогольные напитки – совершеннолетие в Америке наступало в двадцать один год.

Многим из них повезло, так как они были студентами и на время учебы освобождались от военной службы, а затем профессора могли помочь наиболее одаренным из них избежать призыва; остальные эмигрировали за границу, чаще всего – в Канаду. Сыну скорбящей матери с нашего самолета повезло меньше других.

Наш визит к Мизнерам пришелся на неудачное время: Сюзанн была полностью поглощена ежедневной битвой с администрацией школы, которая отказывалась принимать ее старшего сына Фрэнсиса, страдающего мягкой формой аутизма. Мы увиделись с Мэри и провели выходные у Макленаганов, но я была истощена и подавлена, в особенности из-за того, что Роберта пришлось перевести на искусственное вскармливание. Я сидела в спальне шикарной гостевой квартиры Мизнеров на первом этаже их дома в Силвер-Спринг, обливаясь слезами из-за утраты первой связующей нити с моим ребенком.

Использование бутылочек отрицательно повлияло на меня психологически; что касается Мизнеров, то они в связи с этим понесли и некоторый материальный урон. Однажды вечером Чарли и Сюзанн, которая стала понемногу отходить от напряжения, вызванного школьными баталиями, устроили для нас прекрасный вечер и пригласили своих друзей с нами познакомиться. Все дети спали; мы сидели за столом, ели и пили, смеялись и разговаривали. Потом мы перешли в гостиную, где опустились в мягкие кресла, а Чарли включил диапроектор с чудными семейными фотографиями. Находясь в полусонном состоянии ленивого блаженства, я вдруг почувствовала на редкость противный запах, доносящийся из кухни. Объяснение не заставило себя ждать: другие люди тоже стали морщиться и кашлять, и я с ужасом осознала, что виновата в том, что произошло. Перед ужином я поставила на плиту пластиковые бутылочки и соски Роберта для стерилизации и в пылу веселья позабыла о них. Вода испарилась из кастрюли, наполняя кухню зловещим черным дымом, быстро заполняющим каждый угол безупречно чистого дома. Полностью раздавленная случившимся, я не удивилась бы, если бы нас в тот же момент выставили на улицу с ребенком и всем скарбом. Я бесконечно благодарна Чарли и Сюзанн за их доброту: они не только не сделали этого, но на следующий день, призвав на помощь все немыслимые запасы милосердия, даже каким-то образом умудрились шутить по поводу постыдного эпизода. Вероятно, они были безумно счастливы в день нашего отъезда: провожая нас, они радостно махали вслед нам и нашему четырехмесячному сынишке. Их облегчение при виде наших удаляющихся спин можно сравнить только с моим предвкушением возвращения домой.

2. Terra Firma

[72]

Поездка в Сиэтл и за его пределы изменила нашу жизнь, в чем-то – к лучшему, в чем-то – к худшему. Деньги, которые Стивен получил за лекции, прочитанные в эти несколько месяцев на другом берегу Атлантики, оказали благоприятное воздействие на наш банковский баланс. На эти средства мы смогли купить автоматическую стиральную машину и, памятуя об Америке, барабанную сушилку. В шестидесятые такие покупки составили бы гордость любого английского домашнего хозяйства, но Стивен, один раз вплотную соприкоснувшись с бытовой реальностью, решил, что наша жизнь требует дальнейшего усовершенствования при помощи электроприборов. Тот бытовой инцидент произошел в пятницу вечером зимой 1967 года после большой вечеринки, которую мы устраивали для знаменитого русского ученого Виталия Гинзбурга[73], приехавшего в Кембридж из Москвы на три месяца. Длительность его визита была удивительной, учитывая неблагоприятный климат международных отношений, связанный с холодной войной; тем более удивительно, что ему разрешили выехать вместе с роскошной блондинкой, его женой. Количество кастрюль и столовых приборов, лежащих грудой на кухне, говорило о том, что ужин удался. Прислонившись к стене, Стивен взял было кухонное полотенце, но ему настолько претила мысль о трате времени на мытье посуды, что на следующий день он с помощью Джорджа Эллиса купил в городе посудомоечную машину.

Поездка в Америку имела и другие, менее заметные последствия. Теперь у феномена, который исследовал Стивен, появилось всеми узнаваемое поэтичное название – «черная дыра», гораздо менее громоздкое, чем «гравитационный коллапс массивной звезды», процесс, предсказанный математическими формулами теорем о сингулярности; такое название направило научные исследования в единое русло. Яркое наименование привлекло внимание прессы. В результате летней школы в Сиэтле Стивен укрепил свое международное положение в качестве первопроходца в этих исследованиях, а круг наших друзей значительно расширился. Стивен подсчитал, что ко времени нашего возвращения в Англию в октябре Роберт пролетел такое протяженное расстояние в сравнении со своим возрастом, что теоретически он продолжал движение даже во сне. К счастью, самого Роберта ничуть не волновали столь далеко идущие последствия его первой поездки в Америку. Я тоже много

путешествовала, но, в отличие от Роберта, переживала тяжелые и мучительные последствия этих поездок. Их семена дали всходы в виде парализующего страха перед полетами, разросшимися до гигантского сорняка в моем сознании за месяцы и годы после нашего возвращения домой. В сравнении с моим беззаботным отношением к перелетам в студенческие годы этот страх казался мне неуместным и огорчительным. Лишь некоторое время спустя я осознала причину своей фобии. Восстанавливая в памяти события четырех месяцев, проведенных в Америке, я поняла, что проблема была не в самих перелетах – мы совершили много перемещений в самых разных самолетах на огромные расстояния без малейших инцидентов, – но в сопутствующих обстоятельствах, в постоянном напряжении, связанном с полной ответственностью всего лишь через семь недель после родов за две другие жизни, хрупкие, но очень требовательные. Эта тяжкая и у томительная ответственность нашла себе выход, трансформировавшись в страх перелетов. Таким образом, я рационализировала свой страх, но от этого мне не стало легче с ним бороться; мне было стыдно признавать мою слабость, потому что наша жизнь подчинялась благородному и смелому правилу Стивена: пусть в нашем доме и жила физическая болезнь, но для психологических проблем в нем места не было.

Несмотря на восторг Стивена по поводу очевидного успеха его исследований и его намерения извлекать пользу из конференций, семинаров и лекций мирового масштаба при любой возможности, нам, к счастью, больше не пришлось путешествовать той зимой. Мы провели это время в приятном стационарном состоянии, привыкая к спокойному распорядку академической жизни. Стивену продлили членство в колледже еще на два года, и теперь, когда его бывший шафер Роб Донован тоже был научным сотрудником Гонвиля и Каюса, Стивен мог рассчитывать на его постоянную помощь в сопровождении на еженедельные торжественные ужины в колледже. Мой график был менее упорядоченным и обусловливался непрекращающимися попытками согласовать потребности ребенка с требованиями моей научной работы. Когда я играла с Робертом, моя совесть приказывала мне браться за диссертацию. Когда я работала над диссертацией, мой инстинкт направлял меня к ребенку. Таким образом, я никогда не чувствовала полного удовлетворения – но лишь таким образом я могла поддерживать свой интеллектуальный статус в среде, где на детей смотрели свысока, считая их ничем не примечательным жизненным фактом. Диссертации, напротив, вызывали уважение. В конце шестидесятых годов в университете не было яслей, зато

существовал прекрасный стрелковый полигон – памятник мужскому шовинизму.

Я смогла продолжить свое исследование лишь благодаря помощи моей мамы и череды нянь Иниго Шаффера, младенца соседей, живших ниже по улице. Моя мама приезжала в Кембридж на поезде в пятницу утром, после того как я отводила Стивена на работу. Она сидела с Робертом, а я шла в университетскую библиотеку, подбирала книги и другие материалы, которые изучала дома в течение следующей недели. Иногда няня Иниго забирала Роберта на час или около того, а когда мальчики подросли, стала приглашать его поиграть с Иниго в течение дня, что давало мне возможность вернуться в библиотеку. Эта же система позволила мне время от времени ездить в Лондон, где я посещала и проводила семинары, будучи уверенной, что за Робертом присмотрят, а Стивен с помощью Джорджа Эллиса пообедает с другими членами релятивистской группы в новом Университетском центре.

> Стивену продлили членство в колледже еще на два года, и теперь Стивен мог рассчитывать на постоянную помощь в сопровождении на еженедельные торжественные ужины в колледже.

Так я смогла продолжить работу над своим проектом исследования лингвистических и тематических подобий и расхождений трех основных периодов и географических областей популярной любовной лирики в средневековой Испании. Стивен в своем научном рвении покорял Вселенную, я же путешествовала во времени – назад к *харджам*, к раннему расцвету популярной поэзии на романских языках. Я начала свое исследование с составления словаря мосарабского языка[74] – раннего диалекта испанского языка, распространенного в мусульманской Испании, на котором писались харджи – короткие изысканно-поэтичные фрагменты, используемые в качестве припевов в более протяженных еврейских и классических арабских одах и элегиях. Я планировала включить в исследование галицийско-португальские[75] *Cantigas de Amigo*[76] XII века, а также тексты кастильских[77] *villancicos*[78] XV века. Эти три территории процветания поэзии, разобщенные во времени и пространстве, обладали характерными общими чертами: песня исполняется от лица девушки, ждущей своего возлюбленного на заре или оплакивающей его болезнь или отсутствие. Часто девушка спонтанно делится своим счастьем или горем с матерью или сестрой; тем не менее слова этих, на первый взгляд, наивных и простодушных признаний встречаются в более ранних

христианских религиозных текстах.

В отношении происхождения и интерпретации этой поэзии, в особенности харджей, существовало много противоречивых и даже противоборствующих теорий. В университетской библиотеке я распутывала этот клубок в поиске собственной точки зрения, которая стала бы центральным тезисом моего исследования. Я просматривала огромные каталоги в зеленых переплетах, вчитывалась в заумные статьи из незнакомых журналов, выискивала ссылки, приведенные мелким шрифтом в сносках, прочесывала стеллажи и полки в поиске критических статей; на основе всего этого я писала дома отрывки диссертации в течение всей следующей недели. Лишь иногда мне удавалось найти оригинальные средневековые манускрипты, и тогда я была счастлива; однако ни один из них не помог мне продвинуться в исследовании – слишком уж красивы были иллюстрированные буквицы и каллиграфический шрифт, и я совершенно не могла сосредоточиться на сути.

Хотя дебри критических эссе пугали меня, я любила проводить время в библиотеке. Мне было приятно наблюдать за тем, как преображаются посетители этой гробницы знаний; подобно величественным теням, они скользили по ее тихим широким коридорам. Каждый из учащихся, и стар и млад, находился как будто в коконе учености, исполненный уверенности в том, что его не потревожат во время чтения и письма. Еще более ощутимой компенсацией за скуку, связанную с некоторыми из аспектов исследования, была сама поэзия, в частности харджи. Харджи впервые перевел, отредактировал и опубликовал Сэмюэль Стерн, оксфордский ученый, обнаруживший в 1948 году в Каире, так сказать, их скелет – рукопись-первоисточник, написанную бессмысленной вязью арабских и древнееврейских букв. Он обнаружил, что если транскрибировать рукопись латинским шрифтом и затем добавить гласные, то загадочный арабско-еврейский текст приобретает полнозвучный смысл и превращается в отрывки романтической любовной лирики. Например, Стерн следующим образом транскрибировал отрывок еврейских букв с помощью латинских согласных: *grydbs ’yyrmnl’skmkntnyr ’mwm’lysn ’lhbybnnbbr’ yw ’dbl’rydmnd’ry*. С добавлением гласных текст начинает выглядеть так: *Garid vos ay yermanellas com contenir a meu male Sin al-habib non vivireyu advolarey demandare.* Если не принимать во внимание одну архаичную форму и одно арабское выражение, *al-habib*, стихотворение становится абсолютно ясным любому современному испаноговорящему человеку:

Скажите мне, сестренки,
Как пережить мое горе.
Я не смогу жить без любимого,
Я улечу вслед за ним.

В другой хардже, тесно связанной с христианским контекстом, лирическая героиня жалуется, покинутая возлюбленным:

Venid la pasca ayun sin ellu…
…meu corajon por ellu

Пасха приходит, а его нет…
…мое сердце только для него.

Когда любимый все-таки возвращается, это напоминает восход солнца на рассвете – ибо в тех стихотворениях возлюбленные встречаются на рассвете и так и будут встречаться на рассвете на протяжении долгих веков существования испанской лирической традиции, в отличие от более искушенных провансальских любовников, которые на рассвете расстаются:

non dormiray mamma
a rayo de mañana
Bon Abu 'l-Qasim
la faj de matrana

Я не буду спать, мама,
Когда придет рассвет,
Добрый Абу-л-Касим,
Перед лицом утра.

Но меня больше всего трогали те фрагменты, где девушка оплакивает болезнь своего возлюбленного:

Vaisse meu corajon de mib
ya rabbi si se me tornerad
Tan mal me doled li 'l-habib
enfermo yed cuand sanarad

Мое сердце покинуло тело.
Вернется ли оно?

Моя печаль о возлюбленном так сильна.
Он болен – ждет ли его выздоровление?

В одной из хардж единственное слово, которое можно расшифровать, – это *enfermad* – болен, а в другой девушка сама заболевает от забот любви:

Tan t'amaray tan t'amaray
habib tan t'amaray
Enfermaron welyos cuidas
ya dolen tan male

Я всегда буду любить тебя,
Я всегда буду любить тебя, любовь моя,
Мои глаза заболели от слез,
Как они болят!

3. Сферы небесные

Хотя тактически мне было удобнее числиться в Лондонском университете, в реальности это означало, что в Кембридже я была изолирована от других учащихся. Семинары и занятия с моим научным руководителем Аленом Дейермондом давали мне очень много, но я не могла часто выбираться туда. В Кембридже я пользовалась библиотекой и писала диссертацию, но мне было не с кем обсудить мое исследование. Благодаря доктору Дороти Нидхэм я стала аффилированным членом колледжа Люси Кавендиш, недавно основанного академического общества для учащихся женщин старше двадцати одного года. Посредством безупречной организации (покормить, искупать и уложить Роберта в кроватку; приготовить ужин для Стивена и оставить на столе) я могла пару раз за семестр выбираться на праздничные ужины колледжа Люси Кавендиш, проходившие в Колледже Черчилля.

Решение проблемы, связанной с академической изоляцией, нашлось самым неожиданным образом – через друга Роберта, Иниго Шаффера. На первом дне рождения Иниго присутствовала жизнерадостная шестилетняя девочка с каштановыми волосами и в огромных зеркальных солнечных очках по имени Крессида Дронке. Она поразила публику, состоящую из маленьких мальчиков и их рукоплещущих мамаш, длинным и обстоятельным пересказом спектакля «Ромео и Джульетта», на который ее недавно сводили родители. В столь раннем приобщении к Шекспиру не было ничего удивительного: Крессида являлась заядлой театралкой с младенческих лет.

Я уже слышала о Питере Дронке, преподавателе по средневековой латыни; его считали одним из самых интеллектуально одаренных профессоров Кембриджа. Помимо средневековой латыни, Питера интересовал целый диапазон вопросов, связанных с литературой Средневековья, включая предмет моего исследования. Случайная встреча на детском дне рождения привела к тому, что у меня появился неофициальный, суррогатный научный руководитель в Кембридже. Питер был всегда готов поделиться своими обширными познаниями и предложить полезные находки и ссылки, а также конструктивную критику, а его жена Урсула, изучающая древненорвежские и исландские саги, постоянно поддерживала меня в научных поисках. Еще одним неоспоримым преимуществом встречи с Питером и Урсулой стало их приглашение на закрытые неформальные семинары, которые они проводили у себя дома по

четвергам. Только Питер действительно владел теми зачастую трудными для понимания темами, которые обсуждались на семинарах, поскольку их предмет был невероятно эклектичным: актуальные исследования литературы позднего классицизма и Средневековья в европейском масштабе. Мы, студенты, почтительно сидели на горчичного цвета ковре, находясь буквально у ног одного из величайших ученых современности.

Меня поразило и порадовало то, насколько эти семинары объединили в моем сознании литературоведение и космологию, пусть средневековую. Неизбежно наши дискуссии возвращались к интеллектуальной волне XII века, исходившей от школы Шартрского собора в Париже. В соответствии с ее воззрениями, Бога, Вселенную и человечество можно познать при помощи цифр, весов и геометрических систем, что в мгновение ока превратило теологию в математику. Новые университеты Парижа и Оксфорда находились у истоков продолжительных и насыщенных интеллектуальных дебатов, в процессе которых лучшие ученые и теологи состязались в познании природы Бога и созидания, а также истории происхождения Вселенной. Стремительный ренессанс XII века произошел во многом благодаря революционным идеям, зародившимся в Испании: в 1085 году крестоносцы отвоевали Толедо у мавров, и этот город стал средоточием культур и языков, одним из богатейших культурных центров Европы и известной школой перевода, сохранившей неоценимое наследие арабской литературной традиции и предположительно утраченные произведения античной классики.

В XIII веке король Кастилии Альфонсо Мудрый способствовал укреплению репутации Толедо в качестве крупного центра науки и перевода тем, что сам участвовал в научной деятельности, пропагандируя использование испанского языка, а не латыни для составления документов, а также инициируя различные исторические проекты на этом языке. Переводы, созданные за время его правления, имеют даже большее значение, чем другие проекты Альфонсо. Среди этих переводов – книга об игре в шахматы, научное исследование природы света знаменитого в XI веке арабского ученого Альхазена, закладывающее основы для учения Леонардо да Винчи, созданного им в Северной Италии в XV веке, а также «Альмагест», классический труд Птолемея, александрийского математика и астронома, жившего во II веке нашей эры.

«Альмагест», написанный на греческом языке, существовал только в арабской версии, пока Альфонсо не заказал его перевод в Толедо. Космологическая модель Вселенной Птолемея

основывается на концепции Аристотеля и состоит из неподвижной Земли, вокруг которой вращаются Солнце, Луна, планеты и звезды. В геоцентрической модели Птолемея Земля покоится в центре Вселенной, а небесные тела – звезды, Солнце, Луна и планеты – двигаются по своим орбитам, расположенным на отдельных стационарных сферах. Система эпициклов, согласно которой планеты движутся каждая по своему кругу, а центр, в свою очередь, движется по малому кругу, объясняет видимую неравномерность движения небесных тел. Вокруг сферы Сатурна находится сфера, на которой неподвижные относительно нее звезды перемещаются по небу, а за ее пределами существует перводвигатель, загадочная божественная сила, приводящая в движение все сферы. Слаженное циркулярное движение планет по своим орбитам создает музыку сфер, небесную гармонию. Модель Птолемея не совпадала с библейской картиной Вселенной, согласно которой существуют небеса, плоская земля и ад под ее поверхностью, но поскольку ее можно было адаптировать к традиционной картине (Бог на небесах, ад в глубинах земли), она стала догмой христианского вероучения до тех пор, пока ее не поставил под сомнение польский астроном Коперник в XVI веке. Для христианской церкви наиболее важным следствием геоцентрической модели было то, что человек, обитающий на Земле, находился в центре Вселенной и что божественное внимание было сосредоточено исключительно на нем и его поведении.

Стивен посетил один из семинаров по ранней космологии в гостиной Дронке в обществе коллеги с кафедры, Найджела Вайсса, чья жена Джуди регулярно посещала их дом. Оба ученых вынуждены были согласиться с тем, что мышление философов XII века, среди которых были Тьерри Шартрский и Алан Лилльский, и XIII столетия – Роберта Гроссетеста и Роджера Бэкона – отличалось поразительной дальновидностью, точностью и наблюдательностью. Среди философов была и женщина, высокообразованная аббатисса Хильдегарда Бингенская, предложившая собственную версию космологии, в которой Вселенная имеет форму яйца. Хильдегарда Бингенская во многом опережала свое время. Она не только занималась космологией, но и считала, что роль женщины – исправлять социальные и религиозные промахи, совершенные мужчинами из-за их слабости; она предложила другим женщинам следовать своему примеру и предпринимать миссионерские походы вдоль Рейна, читая проповеди, уличая еретиков и устраняя социальную несправедливость.

Во время этих семинаров, в частности того, который посетили

Стивен и Найджел Вайсс, у меня возникло несколько забавных аналогий. Больше всего мне бросилось в глаза то, что во второй половине XX века положение женщины в обществе, как оказалось, не очень-то изменилось по сравнению с веком XII, несмотря на деятельность Хильдегарды, неоднократно подтверждавшей потенциал и способности женщин. Что касается космологии, меня поразила мысль о том, что, несмотря на революционный научный прогресс XX века, некоторые концептуальные связи с прежними теориями сохранились до сих пор. Система Птолемея, легко принятая в XIII веке, но затем уступившая место гелиоцентрической системе Коперника, все еще, как ни странно, не сдавала свои позиции в том, что касается одного из космологических принципов XII века: антропного принципа.

Этот принцип был предметом многочисленных споров, которые Стивен в то время – в конце шестидесятых – начале семидесятых – вел с Брэндоном Картером, обычно в субботу после обеда, когда мы уезжали из Кембриджа в пасторальный рай деревенского коттеджа, который купили и отреставрировали недавно сыгравшие свадьбу Брэндон и его жена-бельгийка Люсетт. Мы с Люсетт подолгу гуляли с Робертом в поле, разговаривая по-французски о наших любимых авторах, художниках и композиторах, готовили чай и ужин, а в это время Брэндон и Стивен вели напряженную интеллектуальную схватку по поводу подробностей принципа, в которой ни один из них не уступал ни на йоту.

Антропный принцип, насколько я поняла из объяснений Стивена в те редкие минуты, когда мне удавалось поприсутствовать на обсуждении его работы, поразил меня концептуальной близостью со средневековой Вселенной. В средневековой Вселенной Птолемея человек ставится в центр мироздания антропным принципом, точнее, его «сильной» версией. Сторонники сильной версии антропного принципа утверждают, что Вселенная, в которой существуем мы, является единственно возможным вариантом Вселенной, в которой мы могли бы существовать, поскольку со времени Большого взрыва, случившегося пятнадцать тысяч миллионов лет назад, она расширялась в соответствии с заданными условиями, часто подразумевающими маловероятные химические совпадения и очень тонкие физические подстройки, необходимые для возникновения разумной жизни. Разумная жизнь, в свою очередь, могла бы задать вопрос: почему наша Вселенная такова, какой мы ее наблюдаем, но такой вопрос представлял бы собой тавтологию, поскольку ответ на нее следующий: если бы Вселенная была хоть в чем-то иной, то не существовало бы разумной жизни, способной

задать такой вопрос. Таким образом, можно сказать, что человечество до сих пор занимает особое место в центре Вселенной, как и в системе Птолемея. Если для средневекового человека такое особое место служило подтверждением связи между человечеством и Создателем, то современные ученые посмеиваются над такими коннотациями антропного принципа.

Хотя современная Вселенная уж точно не отягощена средневековыми концепциями рая и ада, тем не менее она представляет собой гораздо более враждебную среду по сравнению с безупречно обустроенным средневековым космосом: чего стоят одни только перепады температур и пугающая протяженность пространства и времени, в которой человеческая раса чувствует себя столь одинокой. В 1968 году на какой-то момент всем показалось, что мы все-таки не одни в бесконечных просторах Вселенной. Зайдя февральским днем на кафедру, я обнаружила, что вся преподавательская гудит от волнения. Аспирантка по радиоастрономии Джоселин Белл и ее научный руководитель Энтони Хьюиш обнаружили исходящий из космоса радиосигнал, выдающий периодические импульсы, при помощи цепочки радиотелескопов, установленных на станции Лордз-Бридж, законсервированной ветке железной дороги Кембридж – Оксфорд, приблизительно в трех милях от Кембриджа. Возможно, эти сигналы и были предвестником первого контакта с инопланетной цивилизацией – маленькими зелеными человечками? В шутку источник радиоволн сразу окрестили LGM[79]. Волнение сразу стихло, как только стало известно, что сигнал исходит от нейтронной звезды, крохотного звездного обломка размером около тридцати километров в поперечнике, имеющего невероятную плотность в сотни миллионов тонн на кубический сантиметр. На нейтронных звездах никакой жизни быть не могло.

Антропный принцип действительно косвенным образом объединял космологию XX века с Птолемеевой системой, что заставляло современных ученых с уважением относиться к ученым XII века, работавшим в Оксфорде, Шартре и даже Бингенена-Рейне. Однако семинары Дронке помогли мне понять, насколько иначе современный подход трактует вопрос о личности Создателя. В XII веке главной целью философов было объяснение существования Бога путем открытия всеобщих научных законов, что объединило бы образ Создателя и научное многообразие всего сущего. Для этого Алан Лилльский предпринял попытку реконструкции теологии в качестве математической дисциплины, а шартрский ученый Никола Амьенский хотел скрестить теологию с Эвклидовой геометрией, используя геометрические символы

для объяснения смысла Троицы. Какими бы эксцентричными ни казались эти попытки в наши дни, они были вызваны искренним желанием привнести научную объективность в теологическое учение, исследовать и объяснить тайну божественного начала с помощью цифр и математических структур.

Напротив, интеллектуальные наследники этих ученых восемьсот с лишним лет спустя стремились как можно дальше развести науку и религию и исключить Бога из уравнения создания Вселенной. Предположение о существовании Создателя было досадным препятствием для атеистической науки, целью которой являлось сведение объяснения происхождения Вселенной к согласованному перечню научных законов, выраженных уравнениями и символами. Для непосвященных эти уравнения и символы представляли гораздо бóльшую загадку, чем концепция Бога как перводвигателя и мотивирующей силы созидания.

Как ни странно, для банды посвященных счастливчиков эти уравнения обладали волшебной, ошеломительной математической красотой. Это откровение, описывающее тайные чудеса Вселенной, могло бы считаться современной версией платоновского возвышенного мира идей-форм. В V веке до нашей эры Платон, учитель Аристотеля и крупный авторитет средневековой науки, выдвинул теорию существования совершенного мира идей, не связанных с чувственным восприятием и различимых только при помощи ума. Каждая совершенная идея имеет свое отражение в материальном, подверженном разрушению, несовершенном мире, который представляет собой наша земля. Почтение, с каким современные ученые относятся к математике Вселенной, свидетельствует о сходном восприятии высшего совершенства, но, к сожалению, такое восприятие недоступно тем, кому не знаком математический жаргон, а уравнения не поддаются пониманию. Еще одной проблемой, являющейся прямым следствием одержимости математикой, у этих ученых было неприятие веры в персонифицированного Бога. Если при помощи своих расчетов они вытесняли Создателя из схемы бытия, логично было заключить, что и никакой другой роли в физической Вселенной ему не доставалось.

> В 1968 году на какой-то момент всем показалось, что мы все-таки не одни в бесконечных просторах Вселенной.

Перед лицом догматичных рациональных аргументов не было смысла поднимать вопросы духовности и религиозной веры, души и Бога, готового страдать во благо человечества, – вопросы,

полностью противоречащие эгоцентризму генетической теории. Проблемы морали, совести, ценности искусства лучше было вообще не затрагивать, если только они, в свою очередь, не становились добычей позитивистского подхода. Все еще бунтуя против организованной религиозной практики моего детства, я не посещала ни одну из церквей на нашей улице регулярно; но я искала соприкосновения с божественным в садике Литл-Сент-Мэри, где Тельма Тэтчер отдала в мое попечение полоску земли вдоль парапета, как раз напротив окон нашего дома. Там, под плетистыми розами, я могла в свое удовольствие сажать, полоть, рыхлить и окучивать луковицы для весны и розовые кусты для лета, размышляя о загадках, теориях и реальности. Я работала, а Роберт и Иниго играли, бегая по извилистым дорожкам и взбираясь на поросшие мхом могильные камни. Старинный священный сад оживал, наполненный музыкой их звонких детских голосов, а на нашей полоске земли расцветали бело-розовые пятнистые розы, подаренные мне Стивеном на день рождения. Это была знаменитая *Rosa gallica*[80], названная «розамунди» в честь возлюбленной Генриха II, прекрасной Розамунды.

4. Опасный поворот

В огороженном церковном саду Роберт и Иниго могли играть в безопасности, выпуская наружу свои неистощимые запасы энергии. С раннего детства было очевидно, что Роберт наделен недюжинной силой, по крайней мере в два раза превышающей нормальную активность мальчика его возраста. Опровергнув все мои представления о режиме сна и бодрствования новорожденного младенца, в восемь недель он обнаружил, что его ноги и ступни предназначены для того, чтобы на них стоять. С тех пор он ни за что не соглашался сидеть, настаивая на том, что на моих коленях ему необходимо располагаться стоя. Еще в Сиэтле, когда нас пригласили на бесплатную фотосессию за счет службы доставки подгузников, Роберт ни за что не хотел ни пускать пузыри, лежа на коврике, ни умильно улыбаться среди складок красиво задрапированного одеяла; в конце концов, доведенный до апоплексии фотограф скрепя сердце согласился оставить в кадре мои руки для поддержки двухмесячного младенца, твердо стоящего на двух маленьких ножках.

В возрасте семи месяцев этот изобретательный ребенок научился разбирать свою кроватку, поэтому все болты, крепления и шарниры пришлось стянуть бечевкой, чтобы он из нее не вываливался. Тем не менее, стоило нам со Стивеном тихонько прикрыть за собой дверь в детскую, чтобы спуститься вниз, зевая и уповая на то, что многократное чтение книжки «Паровозик Томас» наконец-то убаюкало нашего неугомонного слушателя, мы тут же слышали за собой топот крошечных ножек обитателя детской, остававшегося с нами за ужином и прослушиванием концерта по радио. Так как кроватка уже не разбиралась, Роберт научился переваливаться через бортик и оказываться на полу. Около одиннадцати часов вечера все мы без сил падали в одну кровать.

Еще до того, как ему стали удаваться такие трюки, Роберт частенько заставлял нас поволноваться из-за своей неусидчивости. Весной 1968 года мои родители снова пригласили нас в Корнуолл, на сей раз – вместе с моим братом Крисом. К счастью, Роберт без сопротивления сидел в машине, пристегнутый к своему креслу, независимо от длительности поездки. Однако под вечер, когда взрослые устроились в уютных креслах гостиной арендованного домика, Роберт, в десять месяцев уже проворно прогуливающийся вокруг предметов мебели, отправился исследовать первый этаж. Внезапный пронзительный визг за моей спиной заставил нас подскочить и

броситься на помощь. Чтобы удержать равновесие, Роберт схватился своей маленькой правой рукой за электрический радиатор, включенный на полную мощность, отчего на его ладони тут же вздулся пузырь. Благодаря медицинской сноровке моего брата, Роберта успокоили половиной таблетки аспирина (это было единственное болеутоляющее в доме), аккуратно обработали руку и обернули ее чистым платком, и все мы смогли выспаться, несмотря на шок. Весь следующий день Роберт, Крис и я провели в поисках доктора, потому что за ночь рука ребенка превратилась в один огромный пузырь. Доктор оценил качество первой помощи, оказанной простым студентом-стоматологом, дополнительно назначил детский анестетик и более серьезную перевязку и уполномочил Криса и дальше заботиться о своем маленьком пациенте.

Летом того же года (в год первого дня рождения Роберта) Хау Ги и Пек Анг с дочерями покинули дом номер одиннадцать и вернулись домой, в Сингапур. В духе Литл-Сент-Мэри Тэтчеры устроили по этому поводу неформальное торжество, на которое были приглашены мы, Иниго и его родители, а также с десяток других гостей. Иниго и Роберт к этому времени были с Тэтчерами на короткой ноге. Они обожали Тельму, а она отвечала на их чувство с рвением любящей бабушки. Каждое утро они бежали к ее дому, заглядывали в щель почтового ящика и звали: «Тэч! Тэч!» – надеясь, что она пригласит их поиграть с ее коллекцией – блестящими камешками на столике для пасьянсов. Они часто заходили на чай, во время которого сидели за ее элегантным столом в креслах стиля «английский ампир». Тельма смущенно прикрывала узорчатые сиденья в желтую полоску полиэтиленовыми чехлами. На празднике никто не обращал внимания на двух маленьких гостей, занятых собственными делами, до тех пор, пока Тельма не предложила прощальный тост в честь Ангов – Хау Ги, Пек, Сюзан и миниатюрной Минг – и за их счастливое будущее. Когда мы повернулись к столикам с шампанским, то обнаружили, что кто-то осушил все бокалы. Наверху раздавался шум воды, вытекающей из открытых кранов, плеск, бульканье и заливистый смех. Два годовалых карапуза под хмельком устроили собственную весьма занимательную вечеринку, скрывшись от посторонних глаз в ванной Тельмы.

> В возрасте семи месяцев наш сын научился разбирать свою кроватку, поэтому все болты, крепления и шарниры пришлось стянуть бечевкой, чтобы он из нее не вываливался.

Этим же летом мы со Стивеном первый раз повезли Роберта

на пляж – на северное побережье Норфолка, где меня ожидала непредвиденная дилемма: необходимо было находиться в двух местах одновременно. Скорость передвижения Стивена снижалась, а Роберта – возрастала. Стивену было очень трудно идти по мягкому податливому песку, как и мне: я поддерживала его одной рукой и несла сумки, ведерко, лопатку, полотенца и складной стул в другой. Тем временем Роберт убегал далеко вперед в направлении открытого моря. К счастью, на том побережье был обширный шельф, а на дневное время приходился отлив; благодаря этому отпуск прошел без недоразумений.

В утро перед отъездом я поднялась наверх, чтобы собрать чемоданы, оставив Стивена и Роберта в гостиной. В доме была комната на солнечной стороне с неогороженным вторым уровнем, на который вела шаткая лесенка. По понятной причине мы держали дверь в эту комнату плотно закрытой. Спустившись вниз через полчаса, я обнаружила, что Стивен сидит в гостиной один. «Где Роберт?» – спросила я в ужасе. Стивен махнул рукой в направлении солнечной комнаты. «Он открыл ту дверь, – сказал он. – Зашел внутрь и закрыл ее за собой. Я ничего не мог сделать, а ты не слышала, когда я звал тебя».

Я испуганно взглянула на дверь и в мгновение ока ворвалась в комнату. Роберта не было видно. Я посмотрела на верхний ярус. Там, к моему изумлению, в позе Будды сидел мой сынок в своей синей футболке и пестрых штанишках, ничуть не боясь высоты. Я взобралась по лестнице и схватила его, прежде чем он успел что-либо сообразить.

В тот раз Роберту не удалось утопиться в море лишь благодаря тому, что его ножки были слишком коротки и я догоняла его прежде, чем он достигал воды. Усадив его отца на раскладной стул, установленный на твердом песке между дюнами и берегом, я каждый раз совершала спринтерский рывок по пляжу на такой скорости, что с легкостью могла бы завоевать олимпийскую медаль. В течение следующих двух-трех лет Роберт регулярно делал попытки броситься головой вперед в любой встречающийся на его пути водоем, будь то бассейн, пруд или море, стоило мне на секундочку отвлечься. Когда мы снова приехали в Норфолк, на этот раз с Эллисами и их дочкой, темноволосой голубоглазой Мэгги, Сью молниеносно бросилась спасать Роберта, побежавшего к морю и на наших глазах скрывшегося под водой. В деревенском коттедже у Клегхорнов – родителей Билла, школьного друга Стивена, – Роберт издалека заприметил пруд и при первой же возможности кинулся к нему, не разбирая дороги; когда его оттуда выловили, он был весь покрыт илом, грязью и лягушками. Летом 1969 года мы провели

месяц на летних курсах Уорикского университета, посвященных, как нельзя кстати, теории катастроф, Роберт превзошел сам себя, прыгая в глубокую часть бассейна каждый раз, когда ему представлялась такая возможность. К счастью, все эти случаи происходили во время лекций, когда Стивен не опирался на мою руку, и поэтому мое внимание полностью принадлежало Роберту.

Летний курс по времени совпал со знаменитым «гигантским скачком для человечества»[81] – первым выходом человека на поверхность Луны, за которым мы наблюдали в прямом эфире по телевизору в студенческом зале отдыха. Гигантские скачки, маленькие шажки, предотвращенные в последний момент катастрофы – казалось, эти громкие слова лишь обобщают наш повседневный опыт. Гигантские скачки были необходимы для того, чтобы успевать за гиперактивным Робертом, в то время как шаги Стивена становились все меньше, медленнее и неувереннее. Каждое утро я возила Стивена из студенческого общежития, в котором у нас была комната, в лекционный зал на другом конце нового кампуса. Стивену требовалось около пяти минут для того, чтобы дойти от парковки до зала; дорога пролегала по внутренним дворикам и затем через лабиринт переходов. Двухлетний Роберт пулей выскакивал из машины сразу после остановки и выстреливал в сторону зала. Меня утешало только его безошибочное умение ориентироваться, благодаря которому он всегда добирался в целости и сохранности до зала заседаний и неизменно усаживался в первый ряд. Среди других делегатов дежурной шуткой стало то, что появление Роберта возвещает о пятиминутной готовности к приходу Стивена. Тогда докладчик начинал пересматривать свои записи, откладывая наиболее важные их моменты до появления Стивена.

Дома нам приходилось строить баррикады, чтобы помешать Роберту сбежать и броситься в реку. Во время дневных прогулок мне приходилось находить нам такое занятие, чтобы он потратил все свои силы, а у меня они остались – хотя бы на то, чтобы донести его до дома, так как он отказывался уходить с прогулки, пока не начинал валиться с ног от усталости. Коляску я не брала: она создавала препятствие в начале прогулки, когда от скорости моей реакции зависело все. «Надень ему поводья!» – уговаривали родители, обеспокоенные моим загнанным видом. «Вы не понимаете, если ему надеть поводья, он не пойдет», – настаивала я, но они мне не верили. «Чепуха», – сказали они, считая, что это просто одна из моих безумных идей о свободе личности. «Ну хорошо, попробуйте сами», – согласилась я устало, протягивая ими же подаренные светло-голубые кожаные поводья. Они забрали своего ангелоподобного светловолосого голубоглазого

внука и отнесли на широкую тропинку вдоль берега реки, подальше от дороги. Прогулка была недолгой: они вернулись за коляской. «Ты была права, – сказала мама. – Когда мы надели на него поводья, он сел на землю и отказался вставать. Когда папа потянул за поводья, он только скрестил ноги. А когда папа попробовал его поднять, то он просто повис в воздухе!»

Ни за долгие годы моего образования, ни в книгах по средневековой литературе я ни разу не встретила ни грамма информации на тему воспитания детей. Видимо, на протяжении всей человеческой истории к детям относились как к чему-то само собой разумеющемуся, и никому не приходило в голову учить родителей о них заботиться. Если в случае Роберта мы имели дело с так называемым эгоистичным геном[82], то это был ген, направленный на уничтожение самой особи. Начиная с шести часов утра и до одиннадцати часов вечера Роберт был само очарование – улыбчивый, веселый, ласковый мальчик, – но его безграничная энергия выматывала меня полностью. Я до дыр залистала мое единственное руководство – «Ребенок и уход за ним» доктора Спока в поисках совета и поддержки. К счастью, доктор Спок считал, что проблема действительно существует, но единственное предложенное им решение – натягивать сетку над кроватью – мне не подходило, так как я боялась, что Роберт ею удушится. Когда я обратилась к собственному врачу, доктору Уилсону, он сочувственно порекомендовал рюмку хереса – для меня – «вечером, часов в шесть, когда Роберт уже спит», и назначил тонизирующее средство.

Ранним сентябрьским утром 1969 года я проснулась не от звука или света, но от запаха – сладкого липкого запаха, который подсознательно показался мне настораживающим. Я открыла глаза и увидела Роберта, стоящего у моей кровати с широкой улыбкой на лице, в пижаме, измазанной вязкой розоватой жидкостью. Я выскочила из кровати и, спотыкаясь, сбежала вниз по лестнице. Рядом с холодильником стоял стул, пол усеивали пустые бутылочки из-под лекарств. В одной из бутылочек был сладкий антигистаминный сироп с эффектом снотворного, который доктор прописал Роберту при недавней простуде и отите. В другой находилось мое тонизирующее средство. Двухлетний Роберт затолкал на кухню стул, забрался на него и дотянулся до полки в холодильнике, где мы хранили лекарства, за неимением отдельного комода для них. Он выпил их все.

Оставив Стивена самостоятельно заботиться о себе, я спешно оделась, посадила Роберта в коляску и побежала к врачу. Кабинет находился в сотне метров от дома; он только что открылся, нас приняли вне очереди. Поскольку у Роберта уже появились

признаки сонливости, доктор Уилсон срочно отправил нас на такси в больницу, находившуюся в полумиле от кабинета. Там-то и начался настоящий кошмар, как только стала очевидной серьезность ситуации. Роберта с дергающимися во все стороны руками и ногами забрали в процедурную, где ему промыли желудок. Поначалу медсестры были неразговорчивы: они лишь спросили меня, какие лекарства он принял. Затем, когда испробовали все методы интервенции, помогающие избавить организм ребенка от ядовитого коктейля, одна из них повернулась ко мне и сказала: «Он в крайне тяжелом состоянии, вы же понимаете – мы ничего больше не можем сделать, остается только сидеть и ждать».

До этого случая только однажды нам пришлось серьезно обеспокоиться здоровьем Роберта. Предыдущей зимой в новогодние каникулы мы ездили с Эллисами на Майорку. Сразу по прибытии Роберт подхватил вирусное расстройство желудка, из-за которого мы провели весь отпуск в номере отеля. Его организм отказывался переваривать даже воду, и он таял у нас на глазах, становясь похожим на нигерийских детей – жертв войны в Биафре. Местный доктор не знал, что предпринять – забрать его в больницу или же отправить домой раньше времени. Как только самолет приземлился в Гатвике, Роберт чудесным образом выздоровел. К тому времени, как мы доехали до дома моих родителей в Сент-Олбансе, он уже оказался в состоянии играть в свою любимую игру – высыпать содержимое из всех банок на кухне и катать их по полу. Тот эпизод был душераздирающим, но случившееся на этот раз во много раз хуже: трудно представить что-то более страшное, чем перспектива стать свидетелем смерти собственного ребенка.

> Из моего тела вытекала жизнь по мере того, как наш прекрасный любимый ребенок, самое дорогое, что у нас было, погружался в глубокую кому.

Роберта привязали к кроватке в боксе детской палаты и указали мне на стул в углу. Он дергался всем телом, и узы были нужны, чтобы предохранить его от травмы. Я машинально села на стул, находясь в состоянии шока, не способная ни говорить, ни думать, ни плакать. Из моего тела вытекала жизнь по мере того, как наш прекрасный любимый ребенок, самое дорогое, что у нас было, погружался в глубокую кому. Этот ребенок поражал всех своей красотой, добрым нравом и жизнерадостностью. Он был живым воплощением всего доброго и светлого в этом мире и в наших отношениях. Я, как и Стивен, любила его больше всего на свете. Это было дитя нашей любви; я родила его, и мы вместе

ревностно заботились о нем. Теперь же мы могли его потерять из-за трагического стечения обстоятельств – из-за моей усталости, его неуемной энергии и недостаточности предпринятых нами мер обеспечения его безопасности. Если он умрет, то и я тоже умру. Мой мозг был способен сформулировать лишь одну мысль, состоящую из полудюжины слов. Они снова и снова повторялись в моей голове как заезженная пластинка: «Пожалуйста, Боже, не дай ему умереть. Пожалуйста, Боже, не дай ему умереть. Пожалуйста, Боже…»

Время от времени медсестра подходила проверить дыхание и пульс Роберта. Закусывая губу, она на цыпочках уходила. Я в своем углу с невидящим взглядом бормотала все ту же фразу. Несколько часов спустя вошла старшая медицинская сестра. Она проделала все те же процедуры, но не удалилась на цыпочках, а сообщила, что Роберт находится в относительно стабильном состоянии, хотя оно все еще является критическим. Ему не стало лучше – просто перестало становиться хуже. Я немного пришла в себя, услышав эти слова, и с ужасом вспомнила, что оставила Стивена одного дома, практически неспособного о себе позаботиться. Где я была нужнее – в больнице, у кровати моего младенца в коме, или же дома, где мой муж-инвалид мог упасть, получить травму или задохнуться? Наверное, я пробормотала что-то осмысленное сестре, так как она отправила меня узнать, как там Стивен. Я побежала домой под серым моросящим дождем.

К счастью, утром Джордж помог Стивену подняться и отвел его на работу. Я нашла их за обедом в Университетском центре: Стивен отчаянно ждал новостей, но не знал, где нас искать. Я немного посидела с ним рядом. Никакими словами мы не могли бы утешить друг друга, потому что в нашей ситуации не могло быть никакого утешения, кроме того, что мы вместе переживали это чувство всепоглощающего мрачного опустошения, окруженного бескрайней серой пеленой. Я смотрела, как Стивен обедает. Я не могла выпить и стакана воды. Я не хотела. Не было смысла жить дальше. Как я могла бы жить с таким горем? Мы стояли на пороге темной бездны, где приходит конец всякой надежде.

С трудом заставив себя вернуться в больницу, я оставила Стивена на попечение Джорджа. Я вошла в детское отделение, дрожа от страха перед тем, что могла узнать. Стояла тишина. Я на цыпочках шагнула в комнату Роберта – он лежал в кроватке, все еще живой. За мной вошла молодая медсестра.

Я немного пришла в себя, услышав эти слова, и с ужасом вспомнила, что оставила Стивена одного дома,

практически неспособного о себе позаботиться. Где я была нужнее – в больнице, у кровати моего младенца в коме, или же дома, где мой муж-инвалид мог упасть, получить травму или задохнуться?

Роберт спал – тихо лежал на спине, прекрасный, как херувим Беллини. К моему удивлению, лицо сестры озарилось улыбкой, когда она указала на спящего ребенка. «Смотрите – он дышит нормально. Он поспит и выйдет из комы – худшее позади», – сказала она. Лишь слезы, не слова могли выразить мои чувства – слезы благодарности и облегчения. «Когда он проснется, можете забрать его домой», – сказала сестра будничным тоном, как если бы происшествие было лишь одной из многочисленных проблем, которые ей пришлось сегодня решать. Я позвонила Стивену и сообщила ему радостную новость, а в полтретьего Роберт начал просыпаться. «Теперь можете забрать его домой», – сказали мне. Выписка заняла десять минут, после чего мы вышли из больницы, в мир, к которому вернулись его прежние краски. Возвратившись домой, мы позвали в гости соседей, чтобы вместе отпраздновать выздоровление. Все они пришли к нам, и мы молча, как будто в трансе, наблюдали за тем, как Роберт и Иниго играют машинками на полу, совершенно спокойные и не затронутые утренними драматическими событиями.

В тот день Роберт выжил, но что-то внутри меня умерло. Часть неумеренного юношеского оптимизма, заряжавшего меня энтузиазмом, была теперь навсегда погребена под грузом тревоги, той самой заботы, клубок которой распускает сон[83]; той заботы, что, поразив сознание, уже никогда не проходит. Я оказалась так близко к самой ужасной из катастроф для матери – к потере ребенка, что стала относиться к Роберту и другим своим детям с невротической гиперопекой, раздражая их чрезмерной заботой об их безопасности.

Я оказалась так близко к самой ужасной из катастроф для матери – к потере ребенка, что стала относиться к Роберту и другим своим детям с невротической гиперопекой, раздражая их чрезмерной заботой об их безопасности.

К счастью, это происшествие никак не отразилось на Роберте. Его запасы энергии ничуть не оскудели, что подтвердилось во время нашей поездки в Швейцарию следующей весной. Стивен целыми днями погружался в тайны прошлого Вселенной в конференц-центре «Гватт» на берегу озера Тун, а мы с Робертом гуляли. Именно тогда Роберт открыл для себя горы: здесь можно

было в полную силу проявлять страсть к лазанию. Чуть позже мы с Эллисами провели несколько дней в семейном отеле деревни Хохфлух на горном перевале над равниной Ааре, где я раньше отдыхала вместе с родителями. Здесь Роберт был в своей стихии. Он постоянно настаивал на том, чтобы мы забирались по горным тропкам до линии снега; будучи снова беременной, я неловко ковыляла вслед за ним.

5. Расширение вселенной

Тем временем в конце 1960-х нас снова ожидал кризис, хотя и гораздо менее драматичный, чем злополучное знакомство Роберта с эффектами лекарств. Членство Стивена в колледже в качестве научного сотрудника подходило к концу, и так как один раз срок уже продлевался, то отсутствовала возможность продлить его снова. Стивен физически не был способен читать лекции и поэтому не мог поступить так, как обычно делают научные сотрудники: подать заявление на преподавательскую ставку. Он имел право вступить в полное членство колледжа, подразумевавшее, в отличие от членства в качестве научного сотрудника, не оплачиваемую должность, а фактическое членство в элитном клубе, устраивающем званые обеды, пусть и высокоинтеллектуальном, опирающемся – ну разумеется! – на самые благородные образовательные принципы.

В 1968 году Стивен вступил в члены недавно открытого Института астрономии, штаб-квартирой которого было длинное одноэтажное здание с роскошными интерьерами, стоящее среди деревьев и полей на земле Обсерватории Кембриджа на Мединги-роуд. Благодаря этому у него появился офис, который он делил с Брэндоном, а также стол – но не оклад; возможно, потому что институт возглавлял тот самый Фред Хойль, так и не простивший Стивену его знаменитое выступление на лекции в Королевском обществе несколько лет назад. В отличие от Америки, оплачиваемых научных должностей в Англии было днем с огнем не сыскать.

Тем не менее исследования черных дыр вызвали такую шумиху за последние несколько лет, что у Стивена хватало могущественных союзников. На помощь с радостью пришли Деннис Шама и Герман Бонди, чье содействие мой отец зачислил на наш счет. Прошел слух, что администрация Кингс-колледжа имеет намерение предложить Стивену ставку старшего научного сотрудника. Руководство Гонвиля и Каюса, возмущенное этим выпадом, вступило в игру, предложив Стивену особую категорию членства – должность научного сотрудника на шесть лет за выдающиеся достижения в современной науке, и Кингс так и не получил возможность сделать ответный ход.

Ввиду наличия постоянного дохода и гарантированного служебного положения Стивена нам пора было задуматься об улучшении жилищных условий. Хотя по выходным мы выезжали на поиски подходящих вариантов в окрестные деревеньки, нас сдерживала трудноразрешимая проблема транспортировки: если

бы мы купили новый дом в пригороде, даже в ближайшей из деревень, мне пришлось бы каждое утро возить Стивена на работу и каждый вечер забирать его домой, и такое напряжение могло бы стать невыносимым, особенно вкупе с двумя маленькими детьми. На Литл-Сент-Мэри нам было очень удобно. С поддержкой Стивен все еще мог дойти до кафедры по утрам, хотя иногда его приходилось отвозить в институт, где он проводил семинары и дискутировал с Брэндоном. Для Роберта нашлась замечательная старинная игровая площадка во дворе квакерского дома собраний, рядом располагалась и университетская библиотека, в пяти минутах езды на велосипеде, – лишь бы у меня хватало времени и сил туда выбираться. До центра города было рукой подать, а церковный сад служил не только идеальным местом для прогулок Роберта, но и моим храмом садоводства. Единственным недостатком были размеры дома и его ветхость, все еще очевидная, несмотря на мои попытки придать ему свежий вид.

Наши предприимчивые друзья Эллисы купили и реставрировали дом в Коттенхэме, деревушке на окраине Кембриджа. Брэндон и Люсетт поступили так же в отношении дома своей мечты в деревенской глубинке вскоре после того, как поженились. Даже соседи по Литл-Сент-Мэри шли на разные хитрости, чтобы увеличить и улучшить свои жилищные условия, превращая свои старые развалины в просторные симпатичные таунхаусы. В доме номер пять обитала писательница и биограф Розы Маколей Констанция Бабингтон-Смит, превратившая свое жилище в маленький рай для книгочея. Мы с некоторой завистью наблюдали за разнообразием всех этих домов и пришли к выводу, что нам тоже стоит совершить нечто подобное. Однако мы оказались в такой же ловушке, как персонажи книги «Уловка-22»[84]. Мы сэкономили достаточно денег для того, чтобы сделать первоначальный вклад в ипотеку на новое жилье, а местные власти предоставляли субсидии на реставрацию старых домов; но из-за своего возраста наш дом не мог служить обеспечением ипотеки, а колледж из-за неблагоприятного отчета земельного агента посчитал наш дом неудачным вложением.

Пока мы размышляли над этой дилеммой, изменилась жилищная политика, и наша проблема сама собой решилась: стала доступна ипотека на старые жилые объекты по более высокой процентной ставке. Если бы строительная компания предоставила нам ипотеку, то мы бы могли взять дополнительный заем у университета по низкой процентной ставке. Совершенно неожиданно все элементы мозаики встали на свои места, хотя Стивен все еще относился к идее скептически. Я вооружилась линейкой и карандашом и часами рисовала на

обрывках бумаги: мне казалось, что мы вполне можем использовать некоторые из идей наших соседей для того, чтобы увеличить и отреставрировать наш дом. На первом этаже можно было бы устроить элегантную сквозную комнату, объединив две существующие; новую кухню организовать в пристройке, выходящей на двор; планировку второго и третьего этажа изменить и добавить новый санузел, спальни и сад на крыше. Отставной оценщик жилья, господин с говорящей фамилией мистер Трифт[85], оказавшийся истинным мастером своего дела и милейшим человеком, помог мне составить детальный план, благодаря которому пространство в доме было раздвинуто до космических пределов благодаря использованию каждого свободного сантиметра.

Мы изучили программы субсидий на реставрацию жилья и гранты целевой помощи инвалидам и, когда наши планы и чертежи были готовы, пригласили представителя строительной компании, чтобы он оценил их в качестве обеспечения ипотеки. В отличие от мерзкого типа, отправленного к нам колледжем, оценщик из строительной компании благожелательно осмотрел дом и, взглянув на предложенные планы, кивнул. «Дом будет очаровательный, верно?» – сказал он, намекая, что готов утвердить наш дом для ипотеки. В итоге мы смогли сделать хозяйке дома более солидное предложение, на которое она ответила согласием. В тот момент нам казалось, что для нас нет ничего невозможного. Но мы недолго наслаждались домовладением: вскоре после того, как мы подписали необходимые документы, вся мебель была убрана в спальни, а мы сами съехали из дома, уступив его строителям. Дополнительные займы, включая щедрую помощь родителей Стивена, а также субсидии на реставрацию составили сумму, необходимую для полномасштабной реорганизации дома.

Джордж и Сью Эллисы с Мэгги и годовалым Энди на полгода уехали в Чикаго по приглашению Субраманьяна Чандрасекара, знаменитого индийского физика-теоретика и лауреата Нобелевской премии. Чандрасекар был научным сотрудником Тринити-колледжа, но был вынужден переехать в Америку с женой Лолой после оскорбления, нанесенного ему близким другом, Артуром Эддингтоном, в Британском королевском астрономическом обществе в 1933 году. Чандрасекар предчувствовал грядущие исследования черных дыр, предсказав полное сжатие массивных звезд под действием собственной гравитации, а Эддингтон и остальные члены высокого собрания презрительно высмеяли его гипотезы. В Чикаго жилище Чандрасекаров рассчитывалось на бездетную пару. Все в их тихой,

уединенной квартире было белым как снег: толстый белый ковер, белый диван и кресла, белые шторы, и все это представляло собой белый кошмар для Сью, гостьи с двумя маленькими детьми, чьи пальчики постоянно были вымазаны липким шоколадом.

Тем временем мы с благодарностью заняли практичный семейный отреставрированный коттедж Эллисов в Коттенхэме на период реорганизации нашего дома номер шесть по улице Литл-Сент-Мэри. Лишь благодаря этому опыту я оценила все преимущества жизни в городе. Дом был чудесный, но изоляция сводила меня с ума, в особенности в сочетании с токсикозом, вызванным беременностью. Стивена приходилось каждое утро возить в Кембридж и забирать оттуда каждый вечер, исключая случаи, когда он не задерживался на работе и успевал подсесть в машину к соседям из Коттенхэма. Роберт был выбит из колеи: он скучал по Иниго и детям на игровой площадке, а мне отчаянно недоставало соседей по Литл-Сент-Мэри, особенно Тэтчеров; попытки работать над диссертацией были бесплодны. Мою депрессию только усугубляли новости с Ближнего Востока о новой конфронтации между Египтом и Израилем и, следовательно, между сверхдержавами. Войска участников конфликта то и дело устраивали рейды по чужой территории, но этим дело не ограничивалось: в ход пускали новое отвратительное средство войны – террористический захват гражданских авиарейсов. Я стала напряженной, раздражительной и, стыдно сказать, вспыльчивой в общении с близкими: Стивеном, Робертом и любимой, но очень уж неторопливой бабушкой, приехавшей из Норвича к нам в гости на неделю в самую жару.

Наконец, вопреки всем ожиданиям, в середине октября дом, который в течение нескольких месяцев напоминал место бомбежки и поддерживался лишь куском металлической арматуры, оказался в достаточно обитаемом состоянии для того, чтобы мы могли вернуться в него. Еще многое предстояло доделать, поэтому каждый день к нам являлись делегации ремесленников, сантехников, штукатуров, маляров, электриков, понимающих, что пришли позже срока, но не виноватых в общей задержке. Как только мы вернулись домой, Стивен и Роберт возобновили свои прежние занятия, а я принялась за отскабливание полов, перестановку мебели, развешивание штор и подготовку новой спальни для младенца в задней части дома. Эта спальня, а также миниатюрный новый санузел рядом с ней заняли место старого санузла с покатым полом на втором этаже. Из окна был виден садик на крыше, устроенный над новой кухней, выступающей за пределы дома во внутренний двор. На месте

старой кухни теперь располагалась обеденная зона с большой гостиной, занимавшей весь первый этаж. В ее центре находилась массивная опора, которую строители называли загадочным словом «арэс-джи»[86]. На заднюю стену, построенную из старого мраморнорозового, черного и желтого кембриджского кирпича, мистер Трифт с почтением вернул табличку XVIII века в память о Джоне Кларке.

На верхнем этаже за мансардой, где обитал Роберт, располагалась новая комната, на плане названная «кладовой». Потолок в ней был на десять сантиметров ниже, чем требуется по закону для жилой комнаты, из-за того что в соседнем доме на ней находилось окно. Однако при последнем осмотре строительный инспектор заглянул в эту комнату и бесстрастно заметил: «Из нее вышла бы очень милая спальня, не так ли?» Я поторопилась заверить его в том, что комната будет использоваться по заявленному назначению, что подтверждали коробки и чемоданы, занимавшие бóльшую ее часть. Вскоре открылось истинное предназначение этой так называемой кладовой: она стала великолепной игровой комнатой: безопасная, можно сколько хочешь шуметь, детей не видно, но за них спокойно.

Недели через две, 31 октября, когда все рабочие исчезли, мы устроили праздник, на который пригласили сорок гостей. Все они успешно поместились в наш дом, где теперь удачно сочеталось историческое прошлое фасада и современное удобство начинки. Волнение и хлопоты, связанные с вечеринкой, не прошли даром: на следующий день я уже томилась от известного дискомфорта на кушетке, которую сама же обила днем раньше. Вечером я отправилась в больницу, решив, что больше ни за что не отдам себя и младенца в руки старых грымз из роддома. Я настояла, чтобы роды приняла спокойная, благодушная местная акушерка в родильном отделении больницы.

В небывалом порыве утренней активности в понедельник 2 ноября в восемь часов я родила дочь Люси. Акушерка уделила мне необходимое внимание и затем, что естественно после ночного дежурства, отправилась домой, оставив меня и ребенка на попечение медсестер. Но, как оказалось, восемь утра в понедельник – неудачное время для того, чтобы родиться. Дежурные сестры, помогавшие при родах, помыли и запеленали малышку, а затем тоже отправились по домам, оставив меня в беспомощности на родильном столе, а бедная кроха – в кроватке рядом со мной, но вне досягаемости – кричала, пока ее личико не покраснело. Я страстно желала успокоить ее, но мне велели не двигаться, да и в любом случае я была еще слаба после родов и боялась уронить ее. Я мерзла, лежа на твердом столе, в отчаянии

от того, что мир так неприветливо встречает мою крошку.

Через два дня я уже была готова вернуться домой – мне так не терпелось, что я надела пальто и завернула свою милую розоволицую куколку, которая теперь стала значительно спокойнее, в теплую кружевную шаль. Но появился доктор и приказал мне вернуться в постель: он хотел поставить мне капельницу с препаратом железа, чтобы пополнить мои истощенные запасы этого ценного вещества перед отправкой домой. С сожалением я повиновалась и вместо возвращения к Роберту и Стивену погрузилась в чтение книги Томаса Манна «Будденброки» – саги о прусской семье, жившей в конце XIX века. Мое терпение было вознаграждено тем, что на следующий день нас отпустили-таки домой, судя по всему, в гораздо лучшей форме, чем раньше, благодаря введенному мне железу. Было очень приятно вернуться: стоял ноябрь, в саду зацветали последние розы, красивее и ярче, чем розы лета. Роберт пришел домой из детского сада вместе с Иниго вскоре после полудня. Он постучал заслонкой почтового ящика, с любопытством глянул в щель для писем и ворвался в дом, крича: «Где ребенок? Где ребенок?» Увидев сестренку, которая лежала на коврике в детской, он сразу подошел к ней и поцеловал. С тех самых пор, хотя Люси, обретя дар речи, никогда не давала ему спуску, его братское чувство не требовало консультаций доктора Спока: Роберт не проявлял ни малейших признаков соперничества с сиблингами.

> В небывалом порыве утренней активности в понедельник 2 ноября в восемь часов я родила дочь Люси.

Хотя отец Стивена и его брат Эдвард уехали в Луизиану на академический год с целью изучения тропической медицины, его мать осталась в Англии, чтобы оказать нам помощь сразу после рождения Люси, так как Стивену уже требовалась значительная поддержка для того, чтобы справляться с повседневными задачами. Он все еще мог подняться по лестнице, но ходил так медленно и неустойчиво, что не так давно ему все же пришлось начать пользоваться инвалидным креслом. На четыре дня моего пребывания в больнице мне требовался заместитель по дому, который был бы терпеливым, понимающим и выносливым и которому Стивен доверял бы полностью. Джордж оставался его неизменным помощником на кафедре, но у него имелась собственная семья и маленькие дети, к которым он должен был возвращаться домой по вечерам. Поэтому Стивен предпочел призвать на помощь свою мать на время моего отсутствия. Она

приехала и пробыла у нас в доме еще несколько дней после моего возвращения, демонстрируя доброту, хорошее настроение и энергичность, хотя и сочетающиеся с некоторой отстраненностью. График был весьма утомительный: покупки, стирка, уборка в доме, готовка еды, присмотр за Робертом и Стивеном. То время, когда Стивен брал в руки кухонное полотенце, чтобы помочь с уборкой на кухне, давно миновало. Из-за его болезни было невозможно требовать от него какой-либо помощи в ведении хозяйства, потому что он не мог делать ничего физически. Эта неспособность к практическим занятиям давала ему то преимущество, что он мог безраздельно посвящать себя физике, и я принимала это как должное: я понимала, что он не хотел бы отвлекаться на такие земные материи, как приготовление пищи, хозяйство и подгузники, какими бы ни были его обстоятельства.

После моего возвращения домой мама приняла пост у Изабель, которая должна была воссоединиться со своей семьей в Америке – ее обуздывающего влияния там очень не хватало. Ненавидя рептилий и пренебрегая советами местных жителей, отец Стивена вступил в смертельную схватку с ядовитой змеей-щитомордником, атаковав ее с помощью рукоятки метлы. Через шесть недель после рождения Люси Стивен собирался заехать к родителям в Луизиану по пути на конференцию в Техас, но, к моему невероятному облегчению, было решено, что он поедет с Джорджем, а я останусь дома с двумя детьми.

Когда обе бабушки удалились, наша повседневная жизнь вновь изменилась: сейчас в ее центре были потребности младенца и Стивена, а в помощниках оказались трехлетний Роберт, няня Иниго и Тельма Тэтчер. Я чувствовала себя очень счастливой, глядя на своих здоровых и благополучных детей. Стивен, однако, беспокоился насчет Люси. Она подолгу спала днем, а ночью вела себя идеально, настолько, что он был убежден, что с ней что-то не так. Он ожидал, что все дети будут такими, как Роберт: активными и энергичными в любое время дня и ночи. Я не разделяла его тревоги. Я просто наслаждалась спокойствием, наступившим в нашем доме после рождения дочери; это время оказалось одним из наиболее стабильных периодов в нашей жизни, в особенности после генеральной перестройки дома.

> Стивену уже требовалась значительная поддержка для того, чтобы справляться с повседневными задачами. Он все еще мог подняться по лестнице, но ходил так медленно и неустойчиво, что не так давно ему все же пришлось начать пользоваться инвалидным креслом.

Дом бесконечно радовал меня своей свежестью, чистотой и

сравнительной вместительностью, а ребенок радовал еще больше. Дочь была такая крошечная, что я могла удержать ее одной ладонью, и такая тихая, что детский врач, придя проведать нас, даже не заметила ее рядом со мной в постели. Маленькая Люси соблюдала заведенный у нас режим сна и бодрствования, позволяя мне наводить порядок в доме, заботиться о Стивене и Роберте и спать положенное количество часов. Вечером я успевала немного почитать, в то время как Стивен готовился ложиться. У нас существовала негласная договоренность о том, что он будет заботиться о себе настолько, насколько это воз можно, даже если на это требуется время (негласная – так как его обижало любое упоминание о болезни). Он мог раздеться, если я развязывала ему шнурки и расстегивала пуговицы, а затем с трудом втискивался в пижаму; в это время я лежала в постели и читала, наслаждаясь этими минутами как роскошью в конце каждого длинного дня. Стивен всегда долго готовился ко сну, не только из-за физических ограничений, но и из-за того, что его внимание постоянно отвлекалось на что-то другое, чаще всего – на одну из релятивистских проблем. Однажды вечером он переодевался даже дольше, чем обычно; причина стала мне известна лишь на следующее утро. В ту ночь, надевая пижаму и визуализируя геометрию черных дыр, он решил одну из важнейших проблем в их исследовании. Решение заключалось в том, что если произойдет столкновение двух черных дыр, в результате которого получится одна, то площадь поверхности новой черной дыры не может стать меньше, напротив, она должна быть больше, чем сумма поверхностей двух изначальных черных дыр. Иными словами, что бы ни произошло с черной дырой, размер ее не может уменьшиться. Благодаря этому решению Стивен в свои двадцать восемь лет стал одной из крупнейших фигур в области теории черных дыр. По мере того как тема черных дыр приобретала все бóльшую популярность, Стивен становился популярнее среди мирового населения, наделившего его особой харизмой. В Сиэтле мы вышли на орбиту явления, получившего новое имя; теперь же мы, очевидно, пересекли «горизонт событий», область вокруг черной дыры, из которой нет возвращения. Теория предсказывала, что неудачливый путешественник, которого притяжением дыры засосало за горизонт событий, будет вечно растягиваться, подобно спагетти, не имея никакой надежды выбраться наружу или отправить сообщение о том, что с ним стало.

У нас со Стивеном существовала негласная договоренность о том, что он будет заботиться о себе

настолько, насколько это возможно, даже если на это требуется время. Его обижало любое упоминание о болезни.

6. Кампании

Год рождения Люси – 1970-й – был также годом принятия Закона о хронически больных и инвалидах. Хотя по всему миру принятие этого закона чествовалось как исторический прорыв в борьбе за права людей с ограниченными возможностями, многие правительства фактически отказывались применять его в полном объеме в течение долгих лет, заставляя людей, и без того находящихся в сложной жизненной ситуации, продавливать его на местах, устраивая собственные кампании. Тем не менее закон действительно придал силу нашим многочисленным жалобам на учреждения, не оборудованные приспособлениями для обеспечения доступа инвалидов.

С младенцем в слинге, толкая перед собой инвалидное кресло со Стивеном, в сопровождении трехлетнего Роберта я шла в первых рядах демонстрации протеста, устроенной кампанией по защите прав инвалидов и их сопровождающих. Высокий тротуар или неудачно расположенная ступенька, не говоря уже о лестнице, представляли собой препятствие, превращающее в остальном вполне осуществимое семейное мероприятие в кошмар. Не будучи достаточно крепкой (мой вес составлял всего 52 килограмма), я была вынуждена устраивать засаду, осматривая окрестности на предмет здорового мужчины, которого могла бы попросить о помощи. Затем приходилось передавать младенца первой попавшейся сочувствующей даме. Затем ангажированный мной мужчина, Роберт и я должны были поднять кресло вместе с его седоком и перенести через препятствие либо установить на него; при этом мы с Робертом должны были следить, чтобы наш помощник взялся за кресло правильно, иначе подлокотник или опора для ног могли отломиться. Наконец я осыпала спасителя смущенными изъявлениями благодарности и мы могли продолжать двигаться к нашей цели. Часто, к моему облегчению, помощники объявлялись сами собой, не дожидаясь моих приставаний. Поднимая кресло вместе со Стивеном, они порой удивлялись: «Чем вы его кормите? Вроде худенький парень, а весит тонну». Я всегда отвечала: «У него все в мозг уходит».

Наши письма протеста в адрес городского инспектора рассматривались с высочайшим пренебрежением, напоминающим о первых встречах Стивена с казначеями Гонвиля и Каюса. Городскому инспектору никогда не приходило в голову, что люди с ограниченными возможностями могут испытывать потребность отправиться в «Маркс и Спенсер»[87], чтобы самостоятельно купить себе нижнее белье; он просто не видел необходимости в

такой экспедиции, как будто бы у инвалидов и их семей не было права забираться в такую даль. Несправедливость побудила нас к действию. Почему Стивен должен был переносить дополнительные ограничения, помимо тех, которые достались ему от природы? Почему недальновидные бюрократы усложняли ему жизнь, в то время как он, в отличие от самодовольных чиновников, этого бича Британии 1970-х, использовал свои ограниченные возможности на полную мощность каждый день?

После многочисленных сражений мы убедили художественный театр и киноцентр оборудовать места для инвалидов. Университет начал постепенно пересматривать отношение к обеспечению доступа, как и некоторые наиболее либеральные колледжи. Мы распространили нашу кампанию на Английскую национальную оперу в Колизее, где наши требования были приняты незамедлительно, а также на Королевскую Оперу в Ковент-Гардене, где помощь инвалидам заключалась в перекладывании обязанностей за погрузо-разгрузочные операции на двух престарелых портье, которые однажды, затаскивая Стивена по ступенькам в бельэтаж, уронили его, не в силах справиться с задачей. Как ни странно, отношение городской инспекции к вопросу доступа для инвалидов радикально изменилось, когда Стивен прославился на весь мир; но до этого было еще далеко в те напряженные годы, когда я толкала инвалидное кресло с двумя маленькими детьми на буксире.

Большинство колледжей оттягивали реконструкцию, ссылаясь на недостаток финансирования и невозможность внесения изменений в конструкцию исторических памятников, которыми являлись их здания, без нарушения законов о консервации. Часто в обеденный зал колледжа можно было попасть только через кухню, в которой вас подстерегали такие опасности, как дымящиеся котлы, брызгающие раскаленным маслом грили и груженые тележки; служебные лифты, которыми приходилось пользоваться, одновременно применялись для подъема стопок посуды, подносов с закусками и ящиков с вином. В результате мы всегда опаздывали к Высокому столу, что встречало напыщенное осуждение, как если бы прерывание трапезы было бесконечно постыдным и невоспитанным поступком. Наша баталия с одним из колледжей, достаточно прогрессивным, чтобы допустить в свои ряды женщин, но слишком отсталым, чтобы обратить внимание на требования инвалидов, продолжалась до середины 1980-х.

Кроме ступенек и тротуаров, существовало множество непредвиденных препятствий, с которыми мы сталкивались, выходя на улицу. Однажды я вышла на прогулку со Стивеном, усадив Люси к нему на колени, и переднее колесо коляски

застряло в рытвине на дороге, из-за чего оба моих перепуганных пассажира вывалились в грязь. В другой раз, когда Люси уже подросла, нас задержало иное препятствие. Чтобы свести к минимуму количество багажа, я не брала на прогулку ничего, кроме ключа, поэтому и денег у меня с собой не было. Когда мы вошли через чугунные ворота в Кингс-колледж, Люси зорким глазом подметила фургон мороженщика, припаркованный на обочине. Она начала осваивать разговорную речь в возрасте десяти месяцев, когда, лежа на нашей кровати, смотрела на свет лампы и говорила «вет, вет»; так что потребовать мороженого в возрасте одного года для нее не составило труда. Отказавшись принять мое «нет», сказанное извиняющимся тоном, она соскользнула с колен отца и уселась на тропинке у его ног, всем своим видом демонстрируя протест. Я не могла нести ее и толкать коляску со Стивеном одновременно, поэтому мы с Робертом попытались подольститься к нашему взбудораженному повстанцу в васильковом платье и каштановых локонах, но попытки были безуспешны. Мимо шли хористы часовни Кингс, возвращавшиеся с репетиции вечерни; все они остановились вокруг нас, привлеченные выражением столь сильного возмущения таким маленьким существом. Мне показалось, что прошла вечность до того момента, когда нас увидел знакомый Стивена с кафедры и пришел к нам на выручку. Я толкала коляску, а он нес Люси, все еще громко оповещающую мир о своем негодовании, домой – без мороженого.

Поскольку у нас не было времени на чтение газет, мы довольствовались вырезками из них, которые делали для нас мои родители. Часто они отправляли нам целый ворох вырезок, иногда об открытиях в астрофизике, иногда о льготах для инвалидов. В одной из таких заметок говорилось о том, что инвалиды могут востребовать стоимость водительского удостоверения. Мы обратились к врачу Стивена за пояснениями. Он сказал, что статья опередила принятие законопроекта: в 1971 году еще не существовало механизма для возврата пошлины, уплаченной за водительское удостоверение, – он появился несколько лет спустя. Однако доктор Свон предложил Стивену другой вариант: подать заявление на получение автомобиля для инвалидов.

Эта чудесная возможность открывала для нас удивительные перспективы. Сумев справиться с джойстиком в электромобиле, Стивен получал новую, механическую подвижность вместо утраченной физической. Его заявление было принято, бюрократические формальности выполнены, оставалось только одно: найти закрытое место парковки в непосредственной

близости к электрической розетке, чтобы заряжать батарею по ночам. Как часто бывало с нами, решение пришло из неожиданного источника, когда Хью Корбетт, директор Университетского центра, проживающий на другом конце улицы, узнав о нашей проблеме, незамедлительно предложил Стивену парковочное место под крышей и с розеткой.

Хотя автомобили для инвалидов критикуют за ненадежность, электромобиль, двигающийся со скоростью хорошего велосипеда, позволил Стивену снова стать хозяином собственного времени. Он мог ездить куда угодно, распределяя рабочее время между кафедрой колледжа и Институтом астрономии. По возвращении домой ранним вечером он притормаживал возле дома, и тогда Роберт выбегал к нему навстречу, садился рядом с ним на бортик автомобиля, и они вместе преодолевали финальные пятьдесят метров до парковки, а я шла вдогонку с инвалидным креслом, в котором отвозила Стивена домой. В этой системе, само собой, случались неполадки. Машина часто ломалась, другие автомобили перегораживали нам выезд с парковки. Один раз она перевернулась, сильно испугав Стивена, но, к счастью, больше ничем ему не навредив.

Летом мы с детьми порой отправлялись на пикник в район обсерватории и посещали Стивена в его офисе в Институте астрономии. Пронзительные детские голоса оповещали Стивена о нашем прибытии, наполняя коридоры с мягкими коврами, подобно порывам весеннего ветра. Выражение лица Стивена, как всегда, было гораздо более красноречивым, чем произносимые слова; в таких случаях широкая улыбка озаряла его лицо, передавая ту радость, которую доставляли ему дети. Обсерватория, построенная в 1823 году в соответствии со своим назначением, с куполом в центре и жилыми частями здания для астрономов, была похожа на необычный и внушительный деревенский коттедж, окруженный ухоженными аллеями и садами, где нам предоставили небольшой огородик для выращивания собственных овощей и фруктов. В церковном дворике было идеальное место для роз и лилий, но мне не хотелось осквернять его почву посевами овощей. На участке рядом с обсерваторией дети с радостью принялись за дело: копали, сажали семена и наблюдали за их ростом, перемежая эти занятия с веселой болтовней. Осенью мы с гордостью набирали полные сумки фасоли, моркови и салата и несли все это в институт к Стивену, чтобы похвастаться ему, прежде чем направиться домой в авангарде его электромобиля.

Эти беззаботные дни, проведенные на границе между городом и деревней, давали нам возможность укрыться от

возрастающей суматохи на улице Литл-Сент-Мэри. Когда случай привел нас сюда в 1965 году, улица была островком спокойствия. К началу 1970-х она стала превращаться в оживленную и опасную, которую многие использовали для проезда к Университетскому центру, Питерхаус-колледжу и отелю «Гарден-Хаус» на берегу реки. Частенько десятитонный грузовик по ошибке заезжал на нашу улицу, надеясь таким образом доставить свой груз в центр или отель, но застревал посередине улицы в месте сужения проезжей части. Затем грузовику приходилось задним ходом заезжать на Трампингтон-стрит, притираясь к фасадам наших домов и наполняя гостиные выхлопными газами.

Если днем это составляло главную проблему, то ночью нам не давали уснуть глухие содрогания ритмов поп-музыки, доносившиеся из так называемого музыкального салона Питерхаус-колледжа. Члены колледжа весьма дальновидно расположили свой музыкальный салон, в котором царила поп-музыка, вдали от других зданий колледжа, в комнате, выходящей на церковный двор. Возможно, они полагали, что сон мертвых ничем не потревожить. К сожалению, они не подумали о живых обитателях окрестностей, особенно пожилых и совсем юных, для которых ночные завывания, грохот и вибрация были невыносимы.

О предстоящей сходке в течение дня возвещал свист микрофонов, звуки настраиваемой гитары и звон одинокой цимбалы. В один из таких дней миссис Тэтчер кивнула в сторону Питерхауса: «Разве не изумительно, дорогая? Кажется, у них происходит *thé dansant*[88]».

Налицо была необходимость в новой кампании, на этот раз не связанной с проблемами инвалидов. Письма в адрес руководящего совета Питерхауса, отчаянные полуночные телефонные звонки швейцарам и даже самому главе колледжа приводили лишь к компромиссу, состоявшему в сокращении времени работы колонок на полную мощность и уменьшении громкости после полуночи.

Дорожное движение, представляющее реальную опасность для малышей – Роберта, Люси и Иниго, любивших кататься на трехколесных велосипедах по проезжей части и наносить визиты вежливости соседям, было более трудноразрешимой проблемой, требующей организованной кампании, демонстраций и града писем, большинство из которых не встречало дружелюбного ответа. Однако характер проблемы в корне изменился в связи с разрушительным пожаром 1972 года в «Гарден-Хаус», пару лет спустя после студенческой демонстрации протеста, обвинявшей отель в поддержке военного режима в Греции.

Когда пожар закончился, на месте семейных торжеств стоял

дымящийся обугленный остов; вскоре возникли планы построить еще более грандиозный отель там, где был старый. Помимо архитектурных соображений, нас беспокоила перспектива возрастания транспортной нагрузки; поэтому все резиденты улицы единодушно воспротивились таким планам. Назревала жесткая конфронтация; со своей стороны, мы осознали, что их взаимоисключающие цели на самом деле не являются таковыми. Менеджеры хотели построить новый отель, а мы стремились запретить доступ автотранспорта на нашу улицу и восстановить на ней безопасность и покой; объединив усилия вместо того, чтобы бороться друг с другом, мы могли бы воплотить в жизнь обе цели. Таковым и был итог напряженных переговоров между жильцами и менеджерами, состоявшихся в доме номер девять под умелым председательством Тэтчеров.

Если в Кембридже нам со Стивеном удалось частично адаптироваться к окружающей среде и частично подчинить ее своей воле, то в других местах у нас все еще возникали сложности. По возвращении из Луизианы в конце 1970 года родители Стивена решили купить загородный дом. Я предложила приобрести его на восточном побережье, считая, что он стал бы чудесным капиталовложением для семьи. В Норфолке и Суффолке, несмотря на мягкий песок, грунт был ровным и легко преодолимым, что позволяло докатить Стивена почти до воды, чтобы он мог наблюдать за детьми. Моя идея была сразу отвергнута. «Восточное побережье слишком холодное для отца. Он не хотел бы владеть домом в таком холодном месте», – отрезала Изабель. Это было очень странно слышать: Фрэнк Хокинг проводил бóльшую часть свободного времени, работая в саду, независимо от времени года и погодных условий, подобно мистеру Макгрегору из истории про кролика Питера[89]. В доме для того, чтобы согреться, ему достаточно было завернуться в халат; отопительные приборы там отсутствовали, и все остальные рисковали замерзнуть насмерть.

Изабель отправилась на поиски дома вместе с Филиппой, которая недавно прибыла из Японии, где училась в течение двух лет. Они вернулись в восторге от своей находки – каменного коттеджа на излучине реки Уай на холме над деревней Лландого в Монмутшире – как они сказали, это было чудесное живописное место для прогулок, где дети могли играть в лесу и на берегу реки. Я никогда не бывала в Уэльсе и заразилась их энтузиазмом, тем более что в апреле 1971 года мы купили новый блестящий автомобиль взамен старого и уже ненадежного «Мини» на деньги, которые Стивен получил в качестве своей первой Премии гравитации за эссе, законченное после Рождества.

Несмотря на внушительные размеры – в три раза больше, чем «Мини», – новая машина с трудом вмещала весь наш багаж: я выяснила это, когда экспериментировала со способами погрузки, в первый раз собираясь в Уэльс осенью 1971 года. Положив в просторное багажное отделение инвалидное кресло, сидячую коляску и складную кроватку, я поняла, что для чемоданов места не хватает. Оставался еще багажник на крыше, но с ним были связаны дополнительные проблемы: когда я упаковала чемоданы на четверых, закрыла дом, поместила Стивена на пассажирское сиденье автомобиля, сложила инвалидное кресло и перенесла его в багажник, пристегнула детей, погрузила их багаж, включая складную кроватку и коляску, а затем подняла четыре тяжелых чемодана на крышу автомобиля, у меня уже не осталось сил. Поэтому дорога длиной в 350 километров (в три раза дальше, чем до побережья Суффолка или Норфолка) стала для меня испытанием, а не приключением. Даже после того, как было открыто шоссе М4, расстояние продолжало составлять значительную проблему.

Тем не менее, когда мы пересекли границу Уэльса и, остановившись, чтобы выпить чаю, увидели дорожные знаки на иностранном языке и почувствовали пощипывание в носу от запаха влажного воздуха, предвкушение приключения вернулось. По крайней мере, мы могли честно сказать Роберту, что мы почти доехали (он спрашивал нас, скоро ли мы приедем, с того момента, как мы покинули Кембридж). Еще несколько километров дороги по открытой холмистой местности, потом по извилистым усыпанным листьями аллеям – и мы прибыли в место нашего назначения. Описание коттеджа, полученное нами в качестве ориентира, оказалось безукоризненно точным. Его положение над рекой Уай захватывало дух: отсюда открывался панорамный вид на реку, долину и покрытые лесом холмы на противоположном берегу, где царила осень в своем роскошном многоцветном убранстве. За домом протекал ручей, устремляющийся в низину; тропинка вела от дома через буковую рощу в холмы через влажный торфянистый подлесок к водопадам в Кледдоне. Неподалеку находились Черные горы и Брекон-Биконс[90], где не умолкали завывания ледяных ветров, отпугивающих даже бывалых горцев. Сам дом, без сомнения, был весьма живописным: оштукатуренный, с покатой крышей, уютно устроившийся на зеленом склоне холма, с голубым кудрявым дымком, струящимся из каминной трубы, – его преимущества были неоспоримы.

Хокинги считали себя свободными от какой-либо

ответственности за Стивена. Они не особо обращали внимание на неудобства, связанные с мотонейронной болезнью сына.

В этом справедливом описании тем не менее недостает нескольких весьма существенных подробностей: так, склон, на котором стоял дом, был практически отвесным, так что двигаться по нему мы могли исключительно вверх или вниз; единственной поверхностью, которой позволяла передвигаться на инвалидном кресле, была тропа длиной около ста метров, уходящая в заросли ежевики на краю леса. Кроме того, чтобы попасть в дом, требовалось преодолеть десяток крутых и скользких каменных ступеней, покрытых мхом и лишайником, а внутри дома не менее крутая лестница вела к спальням и единственной ванной. Трудно было придумать более неподходящее место для Стивена. Даже с помощью отца ему требовалось десять минут для того, чтобы подняться по лестнице в туалет, и еще десять минут, чтобы спуститься обратно; коварные ступеньки во дворе отнимали еще больше времени. Кроме того, ему было совершенно некуда пойти; все выходы из дома приходилось совершать на машине.

Детям дом понравился, и частично я разделяла их радость. Краски осени были пленительны, чистый воздух прозрачен. Я наслаждалась кулинарными изысками в исполнении моей свекрови. Она отлично готовила, исключая те случаи, когда в целях экономии потчевала нас тертой бузиной и вялой крапивой из сада. В отличие от Стивена, строившего гримасы отвращения, я любила выпить домашнего вина, которое готовил свекр, особенно сладкую золотистую медовуху, в основе которой был забродивший мед от его собственных пчел. После ужина мы подолгу сидели у открытого огня с настольными играми, пока глаза у детей не начинали закрываться. Но когда мы гуляли с Робертом по холмам, мне очень не хотелось оставлять Стивена одного: он вынужден был сидеть в комнате или на террасе, грустно глядя нам вслед. Никакое другое место не могло столь жестоко и бесцеремонно подчеркнуть ограничения, связанные с его малоподвижностью. Я была озадачена и расстроена. Похоже на то, что Хокинги считали себя свободными от какой-либо ответственности за Стивена. Если мы приезжали к ним в гости, они оказывали помощь; во всех остальных случаях они, видимо, не обращали внимания на неудобства, связанные с мотонейронной болезнью.

7. Способность к восхождению

Перипетии, пережитые нами в Лландого в 1971 году, оказались тренировкой перед путешествием, которое мы предприняли следующим летом. На сей раз мы отправились на ежегодную летнюю школу по физике в местечке Лез-Уш Французских Альп, расположенном в нижней части Монблана. Конференция была детищем Сесиль Девитт и ее мужа Брайса, американского физика. Будучи матерью четырех дочерей и выдающимся физиком в то время, когда женщин-физиков можно было пересчитать по пальцам одной руки, Сесиль была из тех талантливых женщин, похожих на членов колледжа Люси Кавендиш, перед которыми я испытывала благоговейный трепет. Из своего дома в Америке она организовывала конференции в родной Франции, куда приглашала избранных ею участников. В Лез-Уш она заведовала всеми приготовлениями, вела сессии и лазала по горам. Ради Стивена она привлекла рабочую силу и бульдозеры, соорудившие пандус вокруг шале, в котором мы должны были проживать в течение шести недель, а также всемерно позаботилась о нашем комфорте. Что касается погоды в Альпах тем летом, то это была не ее вина.

Стивен вылетел в Женеву с коллегами, а мы с моими родителями и детьми поехали на машине в Париж, где ночью должны были пересесть на поезд с «местами» для автомобилей до Сен-Жерве, откуда было около сорока километров до Лез-Уш. Так случилось, что в Париже мы оказались в те хаотичные выходные конца июля, когда у французов начинается *le grand rush*[91] – вся Франция отправляется на каникулы. К счастью, папа разузнал, на каком пути стоит автопоезд, и нам с нашими маленькими подопечными удалось протиснуться сквозь толпы разгоряченных путешественников к поезду на Лионском вокзале. На следующее утро, когда кошмары дороги были уже позади, мы сидели, наслаждаясь лучами солнца и завтраком, состоящим из кофе и круасанов, рядом со станцией Сен-Жерве. Солнце все так же сияло, окутывая белые пики царственным сиянием, когда мы въехали на извилистую дорогу через долину Шамони, направляясь в самое сердце гор.

Только мы одолели крутой подъезд к месту проведения летней школы, которое представляло собой группу жилых шале и домиков для проведения лекций, расположенных среди лугов и сосен, как погода испортилась: солнце исчезло, с гор спустился туман и пошел дождь. Дождь лил не переставая, стало холодно. Вода капала с каждой крыши, каждого водосточного желоба,

каждой ветки и каждого стебелька травы, и пандус, любовно сконструированный Сесиль, превратился в грязную скользкую горку. В середине июля нам с папой пришлось прибегнуть к печному отоплению; мы непрерывно пополняли запас дров, чтобы поддерживать в шале приемлемую температуру и сушить пеленки, развешанные по всему дому. Малышка Люси изо всех сил старалась нам помочь, проявив инициативу по приучению самой себя к горшку в свои год и восемь месяцев.

В этих обстоятельствах, несмотря на высоту над уровнем моря и большое количество наклонных подъемов и спусков, Стивен был счастлив. С утра до ночи его окружали коллеги со всего мира, чьей сумасшедшей страстью являлось изучение черных дыр. Время от времени, если позволяла погода, небольшие группы ученых отправлялись покорять Монблан, уходя утром и возвращаясь под вечер; это лишь усиливало благоговение по отношению к ним и заставляло смотреть на них как на высшие существа. Для этой расы сверхлюдей не было ничего невозможного: для них, способных постичь тайны Вселенной, не составляло труда покорить любые земные вершины. Стивен, разумеется, тоже входил в когорту избранных: было очевидно, что он покоряет свои вершины с суровым мужеством закаленного горца. Все остальные плелись в хвосте: жены, матери, бабушки, дедушки, малолетние дети должны были заниматься своими делами – делать покупки, готовить еду и развлекать себя самостоятельно. Набеги на местный супермаркет с довольно ограниченным ассортиментом заканчивались тем, что мы приносили в дом яйца и готовили из них омлеты на плитке, газ в которую подавался из баллона. Для делегатов в поселке был устроен ресторан, но питаться там всем семейством на постоянной основе оказалось бы слишком дорого, да и в любом случае разговор за столом вежливо, но неизбежно сводился к узкой тематике черных дыр или альпинизма, и мы – то есть семья – бывали автоматически выключены из обсуждения.

В редкие моменты, когда дождь переставал, мы сразу отправлялись на прогулку под кроны мокрых деревьев на склоне горы. Мы обходили наше шале, миновали зал заседаний и углублялись в лес в поиске дикой малины и голубики. Тут мы встретились с еще одной неожиданной проблемой. Роберт, как всегда, устремлялся вперед, тогда как Люси решительно отказывалась продвигаться больше чем на два метра, поднимая ручки кверху и требуя, чтобы я ее несла. Поскольку безграничная энергия Роберта стала для меня нормой, я удивлялась нежеланию двигаться, овладевавшему Люси, так же как Стивена удивляла ее сонливость в младенчестве. Таким образом, мы продвигались по

горной тропе очень медленно и редко достигали прогалины, где росла малина и голубика, до того, как снова начинал идти дождь. Во время одной из таких прогулок произошел примечательный случай.

В кои-то веки Люси шла пешком рядом с Робертом, в десяти метрах передо мной и моими родителями. Я замыкала шествие, наслаждаясь непривычной свободой движения, не обремененная ни взрослым, ни ребенком. Внезапно дети остановились. Они встали как вкопанные, что-то шепча друг другу, подзывая нас тихими голосами и указывая на землю. Там, пробираясь на другую сторону тропинки, ползла маленькая изящная гадюка с белыми ромбами на серой спинке. Она не обратила на нас ни малейшего внимания и прошелестела в подлесок. Зрелище было незабываемое, но еще более поразительной оказалась реакция детей: будто бы какой-то древний инстинкт подсказал им застыть на месте и не шевелиться.

Несмотря на высокоинтеллектуальные темы разговоров и страсть к покорению вершин, американцы, приехавшие на симпозиум в Лез-Уш, оказались замечательными людьми, рядом с которыми не был страшен никакой дождь. В их непринужденном дружелюбии не крылось ничего искусственного. Кип Торн и его жена-биолог Линда отказались от мормонского прошлого, чтобы исследовать новые горизонты мышления, не ограниченные религиозной догмой. Что бы они ни думали, они никогда не говорили с той строгостью, которую предполагало их религиозное прошлое; напротив, они несли в мир лучшие составляющие мормонизма – глубокую и искреннюю заботу о ближних.

Джим Бардин, тишайший, невероятно застенчивый физик, работал в сотрудничестве со Стивеном и Брэндоном Картером над трудоемкой задачей разработки законов механики черных дыр, основываясь на эйнштейновских уравнениях общей теории относительности. Новый свод законов, определяющих физический смысл черных дыр, вызвал волнение умов, когда стало очевидно их сходство со вторым законом термодинамики. Именно это сходство натолкнуло ученых на мысль о том, что пропасть между термодинамикой и черными дырами можно сократить, выразив теорию черных дыр языком термодинамики. Законы термодинамики царят в микрокосме: они управляют поведением атомов и молекул, вплоть до их конечного превращения в тепло, каковым они обмениваются с окружающими их объектами. Однако головоломка, над которой тогда трудились физики, заключалась в том, что законы термодинамики, несмотря на обнаруженное подобие, не могут работать в случае с черными

дырами, так как считалось, что из черной дыры не может вырваться ничто, и тепло не было исключением.

Стивен, Джим и Брэндон бились над разгадкой этой тайны, когда я, не в силах перенести ни каплей дождя больше, схватила детей в охапку, села в машину и поехала по дороге через перевал над Шамони в Швейцарию в надежде, что хоть где-нибудь встречу солнце. Хоть где-то должна происходить щедрая передача тепла от одного небесного тела к другому, даже если тепло и было признаком разрушения, или «энтропии», говоря научным языком. Жена Джима Нэнси поехала с нами и влюбила в себя детей, распевая им песни, рассказывая сказки, показывая забавные сценки и читая стихи всю дорогу до Мартиньи (где солнце и вправду светило) и обратно. За искрами веселья в больших карих глазах Нэнси скрывалась большое горе – она недавно потеряла обоих родителей.

Дождливым вечером в Лез-Уш в нашу жизнь ворвался новый студент Стивена Бернард Карр. Бернард сразу выделился из предсказуемой массы студентов-исследователей. Он оказался общительным, добросердечным и раскованным, возможно, в результате того, что почти всю сознательную жизнь провел в пансионе, куда его отдали в возрасте шести лет. Он мог свободно общаться на многие темы, но предпочитал говорить о том, что занимало его больше всего: о парапсихологии, которую физики, включая Стивена, высмеивали. Однако для Бернарда совпадения и телепатия много значили. Например, его потрясло то, что его импровизированный визит в Лез-Уш из Женевы, где он в то время жил, был вполне ожидаемым для его нового научного руководителя Стивена, уже пригласившего его устно через знакомых. В детстве Бернард мечтал стать космонавтом. К ужасу матери, готовясь к этой миссии, он однажды провел целый день в шкафу, стоя на голове под охраной младшего брата. Должно быть, его мать вздохнула с облегчением, когда он предпочел теорию космических исследований практике.

Когда солнце наконец смилостивилось над Францией и осветило ее своими лучами, а горы появились из-за облаков, Кип и Линда пригласили нас с Робертом на горную прогулку к одному из ледников под названием «Бионнассе», расположенному на восточном склоне Монблана. Оставив Люси и Стивена с моими родителями, мы отправились на фуникулере из Лез-Уш на вершину хребта, откуда открывался вид на игрушечные шале и деревни, точками разбросанные по долине. Место проведения летней школы скрылось за темной массой деревьев слева, а справа виднелась горная тропа, петляющая по крутому склону вслед за тросом фуникулера, ползущего вверх от Сен-Жерве к

станции на вершине под названием Нид д'Эгль – Орлиное Гнездо. Ослепительно-белая гора на фоне темно-синего неба выглядела волшебно; тропа вела нас все выше и выше; мы останавливались лишь для того, чтобы обменяться восхищенными восклицаниями по поводу альпийских растений и цветов, раскрывающихся навстречу солнцу. Мы продолжали восхождение, продвигаясь за пределы фуникулерной дороги в сторону массивного сине-серого ледника и собирая образцы растений для Линды.

Мы добрались до первого укрытия альпинистов на подветренной стороне Дом-дю-Гутэ[92], и тут все разом осознали, что мы одни в горах. Далеко внизу фуникулер скрылся из виду, другие путешественники тоже исчезли, хотя солнце было еще высоко. Над головой молчаливо парили орлы, невидимый ручей шелестел по камням; все остальное было неподвижно – кругом царила жутковатая тишина. Никто из нас не додумался уточнить время отправления последнего фуникулера в деревню. Быстрым шагом, переходящим в бег, мы кинулись в обратный путь по тропинке, ведущей на станцию фуникулера, до которой было около часа ходу. Вопреки всем ожиданиям, на станции мы обнаружили фуникулер и служащего рядом с ним. Мы подбежали к нему, обрадованно улыбаясь, но он встретил нас с недовольным видом и перегородил нам дорогу. Непроницаемо равнодушный, он объявил, что последняя кабинка отправилась в полшестого, а теперь уже почти шесть. Мы умоляли его, переводя дыхание, указывая на пятилетнего ребенка, который первый раз в жизни выглядел уставшим. Наш собеседник оказался неприступным, твердым как кремень. Мы удалились в негодовании и тревоге. На горном хребте над станцией была ночлежка, откуда мы попытались дозвониться до резиденции летней школы – безуспешно. Не осмеливаясь дольше ждать и видя, как снижается солнце, мы оставили немного денег служителю ночлежки и попросили позвонить еще раз, оставив сообщение.

Нам ничего не оставалось, кроме как направиться на всех парах вниз по склону, по тропинке, если она была различима, а если нет, то продираться через папоротники и высокую траву. Кип, похожий на святого Кристофера на средневековой картине, нес Роберта, чьи ноги выдержали четырехчасовой подъем, но теперь болели от усталости. Пробираясь через подлесок, мы в изумлении остановились: наверху над нашими головами проплыла кабинка фуникулера с тем самым нелюбезным служащим, направляясь своим обычным путем в Лез-Уш. Воздух похолодел, когда солнце опустилось за горы и небо потемнело. Мы упорно продолжали путь, радуясь хотя бы тому, что идем вниз, а не вверх по склону.

В деревне Лез-Уш наш путь не заканчивался. До резиденции летней школы было идти еще сорок пять минут вверх по склону в западном направлении. Уже после девяти вечера мы, спотыкаясь, ввалились в помещение ресторана, где собрались все участники конференции в тревожном ожидании новостей о нас. Из ночлежки наше сообщение не дошло, и взволнованная группа родственников (мои родители и Стивен), делегаты и студенты опасались худшего. В слезах от усталости и облегчения, мы бросились в объятия друг друга.

В конце августа, в тот момент, когда мы прятались от очередного ливня, настигшего нас в разгаре заключительного события летней школы – барбекю, на котором был зажарен целый барашек, Кип предложил Стивену слетать в Москву, чтобы пообщаться с русскими учеными, чья свобода путешествовать в то время жестко ограничивалась. Он пообещал организовать все необходимое для частного визита, который мог быть приурочен к окончанию Конференции Коперника в Польше летом 1973 года. От доброжелательного предложения Кипа у меня кровь застыла в жилах. Во время младенчества Люси Стивен путешествовал за границу в компании Джорджа Эллиса или Гэри Гиббонса, его первого подопечного по исследовательской работе, либо своей матери. Теперь Люси было полтора года, Роберту пять лет; похоже, мое освобождение от международных поездок уже не действовало. Стивен часто интересовался, не соглашусь ли я поехать с ним на конференцию в ту или иную отдаленную местность; я неизменно отвечала, что не буду находить себе места, оставив детей в чужих руках.

Конфликт приверженности начал разрывать меня на части. Стивен строил свою карьеру с непоколебимой целеустремленностью, а конференции давали ему возможность укрепить свое положение в международных кругах. Моей первоначальной целью было помогать ему в достижении успеха, но с тех пор, как я связала себя этим обязательством, я стала матерью его детей, и по отношению к ним у меня появились обязательства равной силы. Хотя Стивену требовалась моя помощь в удовлетворении многих личных потребностей, детям необходима была моя помощь во всем. Еще совсем маленькие, они нуждались в постоянном присмотре. Если их будущее попадало под угрозу из-за слабого здоровья отца, то я, их мать, должна была компенсировать этот недостаток, проводя как можно больше времени с ними. Хотя бабушки и дедушки отлично справлялись со своими обязанностями, перспектива оказаться в нескольких тысячах километров от них разрывала мне сердце.

Сюжет свернулся в мрачное кольцо бессмысленных

повторений. Стивен спрашивал меня, не хочу ли я поехать с ним на конференцию, скажем, в Нью-Йорк; я, напрягая все душевные силы, отказывалась. Молчаливо игнорируя мое нежелание, он повторял все тот же вопрос каждую неделю, пока я не сходила с ума окончательно, подавленная чувством вины и предательства по отношению к нему, но и опечаленная его нежеланием понимать меня. Давление с его стороны обострило страх перелетов, который преследовал меня с той самой злополучной поездки в Америку в 1967-м, вырастая за моей спиной как зловещая черная тень при любом упоминании самолетов. С тех пор мне уже случалось ступить на борт воздушного судна, но лишь два раза: в тот отпуск в Майорке, когда Роберт заболел, и во второй раз при перелете в Швейцарию в мае 1970 года. Запланированная поездка в столицу Грузии Тбилиси в сентябре 1968 года отменилась, к моему тайному облегчению, так как многие британские ученые, включая Стивена, отказались от нее из протеста против вторжения русских в Чехословакию в августе того года. Мой страх авиаперелетов был не то чтобы совсем неоправданным: в конце шестидесятых – начале семидесятых годов самолеты падали на землю с устрашающей регулярностью, да и к тому же участились случаи их захвата организованными группами международного терроризма.

> Стивен строил свою карьеру с непоколебимой целеустремленностью, а конференции давали ему возможность укрепить свое положение в международных кругах.

Слагаемым векторов всех приложенных ко мне сил оказалось то, что я была приговорена в течение долгих лет путешествовать окольными путями. В 1971 году, когда Стивена пригласили на конференцию в Триесте, он полетел самолетом, в то время как мы с Робертом сели на поезд, оставив семимесячную Люси на попечение моих родителей. Мы пересекли всю Европу в душном поезде и остановились в Венеции, где Роберт, завороженный видом с вершины колокольни собора Святого Марка, отказывался спускаться, пока внезапный гулкий удар полуденного колокола не загнал его в лифт. Потом он настоял на том, что мы должны сесть за один из столиков на веранде кафе «Флориан»[93], и я дорого заплатила за это: современный эквивалент шести фунтов за чашечку кофе миниатюрных размеров. Впоследствии мы обходили «Флориан» стороной, усаживаясь на ступеньки площади, на которую обращена колоннада кафе, – и становились мишенью местных голубей.

> Мне было горько сознавать, что за несколько лет я превратилась в бледную тень бесстрашной студентки, исколесившей всю Испанию, пренебрегая родительскими советами, наслаждавшейся духом авантюризма и предпочитавшей самолет другим видам транспорта, даже если это был вышедший из строя «кукурузник».

Предложенная нам два года спустя поездка в Москву через Варшаву не предполагала таких вариантов: избежать перелета было невозможно, заявления на визу следовало подавать за несколько месяцев до поездки. Выбора у меня не оставалось: предстояла разлука с детьми по крайней мере на месяц, поскольку во времена репрессий после падения режима Хрущева только мне могли дать визу для сопровождения Стивена. Перспектива была безрадостная, однако план утвердили, билеты забронировали, то есть оплатили, как принято в научных и иных организациях, – визы, с некоторыми затруднениями, получили в советском консульстве. Мне было горько сознавать, что за несколько лет я превратилась в бледную тень бесстрашной студентки, исколесившей всю Испанию, пренебрегая родительскими советами, наслаждавшейся духом авантюризма и предпочитавшей самолет другим видам транспорта, даже если это был вышедший из строя «кукурузник». С тяжелым сердцем направляясь в Варшаву и Москву, в августе 1973 года я выскользнула из родительского дома в Сент-Олбанс, где весело играли мои ничего не подозревающие дети.

8. Интеллект и невежество

В 1973 году астрономы слетались в Польшу, чтобы отпраздновать 500-ю годовщину со дня рождения Николая Коперника, польского астронома, чья неудовлетворенность излишней математической сложностью геоцентрической модели Вселенной Птолемея заставила его разработать новую теорию устройства Вселенной в 1514 году. Я все еще считала себя отчасти медиевистом[94], питающим более чем преходящий интерес к космологии, и была потрясена иконоборческим потенциалом теории Коперника, утверждавшей, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, и таким образом оспаривавшей Птолемееву теорию, ставшую краеугольным камнем веры, как в науке, так и в религии, хотя фактически имевшую мало общего с библейским описанием: плоская земля, над ней – рай, под ней – ад. Если не считать поездку в Югославию из Триесте в 1971 году, я впервые оказалась за «железным занавесом». В Польше я получила урок о природе трагедии: трагедии в истории страны, носящей шрамы угнетения и разделения, философской трагедии для всего человечества из-за раскола между наукой и религией, вызванного теорией Коперника, а также трагедии гения.

Хотя Коперник не увидел того, как впоследствии его теория будет доработана Галилеем в XVII веке, думаю, что он прекрасно осознавал ее опасно противоречивую природу. Он был, возможно, первым ученым, открывшим ящик Пандоры, которым является наука, имеющая свойство как способствовать развитию человеческого знания, так и ставить под угрозу моральную целостность человека при помощи трудноразрешимых дилемм. Теория с лихвой заслужила название, под которым она прославилась: «Коперниковская революция». Поскольку, согласно теории Коперника, Земля уже не находится в центре Вселенной, то человек уже не является венцом творения. Тогда человек уже не может претендовать на особые отношения с Создателем. Эта фундаментальная смена перспективы освободила человека от угнетающей средневековой одержимости божественным образом, позволив ему развивать свои интеллектуальные способности и ценить собственные физические качества. Эта теория, среди прочих факторов, повлияла на зарождение философии европейского Ренессанса, при котором архитекторы строили дворцы, а не храмы, художники и скульпторы вместо Бога стали изображать человека, стремясь описать его как такового, в присущей ему красоте и силе. Что касается науки, теория Коперника создала фундамент для открытий, совершенных

Ньютоном в Англии XVII века, где положительным следствием фанатического пуританского движения[95] явилось высвобождение рациональной мысли из оков религиозных предрассудков. В католицизме, однако, теория Коперника вызвала уродливую, антинаучную реакцию, отголоски которой до сих пор слышатся в общественных явлениях.

Судя по всему, осознавая значение своей теории, Коперник не разрешал публиковать свою работу «О вращении небесных сфер», пока не почувствовал приближение конца земного пути: экземпляр из типографии доставили ему на смертное ложе 24 мая 1543 года. Тем не менее он не пытался скрыть ее содержание, так как теория получила широкое распространение во время его жизни, и он сам читал лекцию на эту тему папе римскому Клименту VII в 1533 году в Риме. Возможно, папа недопонял смысл лекции, поскольку ему она была преподнесена в качестве упрощения тяжеловесной математики Птолемея, или же не воспринял теорию всерьез. Лишь в XVII веке Галилео Галилей принял на себя всю тяжесть удара разгневанной церкви, когда поддержал и опубликовал новую систему.

История подзорной трубы, как говорится в забавной легенде, началась с детской игры. В мастерской фламандского изготовителя очков дети играли с кусочками стекла и линзами и обнаружили, что если наложить две линзы друг на друга, то можно разглядеть сквозь них отдаленные предметы с большой четкостью. Очечных дел мастер оценил гаджет и применил его принцип в изготовлении игрушек. В 1609 году Галилео услышал об этих игрушках, за одну ночь разработал теоретические основания явления и создал собственную улучшенную версию, телескоп, который и продемонстрировал ошеломленной публике в лице городского купечества на той самой колокольне в Венеции. Пораженные участники презентации смогли прочитать название парусника, видневшегося на горизонте, уже два часа как покинувшего порт. Чуть позже Галилео пришло в голову, что его революционное навигационное устройство с таким же успехом можно обратить к небесам. Он построил телескоп в Падуе, открыл четыре новые планеты (они оказались спутниками Юпитера) и опубликовал акварельные карты Луны, нарисованные собственноручно. Наблюдения, показавшие, что не все небесные тела вращаются вокруг Земли, убедили его в точности теории Коперника. В 1610 году Галилей неосмотрительно опубликовал свое доказательство этой теории, полученное методом наблюдения, и в следующие несколько лет находится в затяжном конфликте с Церковью, для которой Земля была теологически зафиксирована в центре Вселенной.

В 1600 году Джордано Бруно был сожжен за то, что осмелился рассуждать на астрономические темы, однако Галилея не устрашила его судьба. Наивно полагая, что никто не захочет подвергать сомнению очевидные факты, он продолжал гнуть свою линию и стал наиболее успешным защитником теории Коперника, в особенности благодаря тому, что результаты его наблюдений были опубликованы на разговорном итальянском языке, а не на латыни. Такая атака на иудео-христианскую картину геоцентрической Вселенной представляла собой неприемлемую угрозу изнутри для церкви, которая и так уже боролась с угрозой протестантизма извне. В 1616 году церковные власти издали «увещевание», запрещающее Галилео развивать и защищать учение Коперника.

Избрание Маффео Барберини папой Урбаном VIII в 1623 году временно облегчило незавидное положение Галилея. Барберини был высокообразованным человеком и любителем искусств, но одновременно гордым, взбалмошным и своевольным – по слухам, он приказал убить всех птиц в ватиканских садах из-за того, что они действовали ему на нервы. Тем не менее он дружил с Галилеем и помог смягчить приговор 1616 года, приказав ему начать написание научного труда – *Dialogo sopra i due massimi sistemi del mondo, tolemaico e copernicano*[96], – в котором приводились бы аргументы «за» и «против» каждой из противоречащих друг другу систем, при условии что рассуждение должно вестись в нейтральном тоне. С неизбежностью книга, опубликованная в 1632 году, стала свидетельством неопровержимой силы аргументов Коперника и привела к аресту Галилея и процессу инквизиции. Его приговорили к домашнему заключению на вилле в Арчетри, где он, старый, слепой и бесправный, король бесконечного пространства, заключенный в ореховой скорлупе, красноречиво жаловался на пропасть между обширной областью его исследования и ограничениями физической свободы – ситуация, которой нам было легко проникнуться: «Эта Вселенная теперь съежилась для меня до объема, ограниченного моими физическими ощущениями».

Несмотря на пожизненный домашний арест, творческие способности Галилея не оскудевали. Новый манускрипт, «Беседа о двух новых науках», тайно перевезли из Италии в Голландию, где и опубликовали в 1638 году. Считается, что в этой рукописи Галилей заложил основы современной экспериментальной и теоретической физики, а также передвинул центр научной традиции к северу, прочь от репрессий южной части Европы.

Хотя Галилей был убежденным католиком, именно его конфликт с Ватиканом, усугубленный действиями обеих сторон,

лежит в основе непрекращающейся битвы между наукой и религией, трагическим и запутанным расколом, существующим и по сей день. Сегодня, более чем когда-либо, религиозные откровения находятся под угрозой научных открытий, на что религиозные авторитеты отвечают защитной реакцией, в то время как ученые продолжают атаковать, настаивая на том, что рациональные аргументы являются единственным приемлемым критерием для понимания законов Вселенной. Возможно, причина конфликта в том, что обе стороны ошибаются в своем предназначении. Наука вооружает ученых инструментами, помогающими ответить на вопрос, *как* появилась Вселенная и все сущее, включая жизнь. Но, поскольку научное мышление руководствуется чисто рациональными, материалистическими критериями, физики не могут претендовать на знание ответа на вопрос, *почему* существует Вселенная и *почему* в ней присутствует наблюдающий ее человек, а молекулярные биологи не могут достоверно объяснить, *почему* – если наши действия определяет принцип эгоистичного генетического кода – мы время от времени прислушиваемся к голосу совести и проявляем альтруизм, сострадание и щедрость. Даже эти человеческие качества подвергаются нападкам со стороны эволюционной психологии, описывающей альтруизм при помощи грубой генетической теории, согласно которой родственное сотрудничество способствует выживанию вида. Точно так же духовная ценность музыкального, художественного и поэтического творчества описывается лишь как функция высшего порядка, имеющая примитивные корни.

> В 1600 году Джордано Бруно был сожжен за то, что осмелился рассуждать на астрономические темы, однако Галилея не устрашила его судьба.

Часто на протяжении десятилетий нашего брака под действием той или иной научной статьи или телевизионной программы я задумывалась над этими вопросами и пыталась обсуждать их со Стивеном. В начале совместной жизни такие споры были игривыми и относительно безобидными. Со временем они все больше переходили на личности, вызывая разобщенность и обиду. Болезненный раскол между религией и наукой, казалось, пустил корни в нашей личной жизни: Стивен непреклонно отстаивал позитивизм в его крайних проявлениях, казавшийся мне слишком унылым и ограниченным: я страстно нуждалась в вере в то, что жизнь – это нечто большее, чем голые факты, определяемые законами физики, и ежедневная борьба за существование. Однако для Стивена не существовало

компромисса: компромисс означал неприемлемую степень неопределенности, а он имел дело исключительно с математической определенностью.

Галилей умер 8 января 1642 года, в год рождения Ньютона и ровно за триста лет до дня рождения Стивена. Неудивительно, что Галилей стал героем Стивена. Получив в 1975 году награду из рук папы, он начал единоличную кампанию по реабилитации Галилея. Кампания завершилась успехом, но была воспринята как очередная победа рационализма научного прогресса над устарелым религиозным фанатизмом, как теологическая капитуляция, а не примирение науки и религии.

В XVI столетии Николай Коперник вел жизнь человека эпохи Ренессанса, никак не затронутый кризисом, ожидавшим Галилея в следующем веке. Коперник наслаждался всеми преимуществами своего времени: он получил разностороннее образование, много путешествовал – в Болонью, Падую, Рим. Помимо математики и астрономии, он изучал медицину. Он занимался переводами с греческого на латынь, занимал ряд дипломатических должностей и представлял реформаторские законопроекты в отношении польской валюты. По иронии судьбы, пять веков спустя в таких возможностях было отказано соотечественникам Коперника, отпраздновавшим его пятисотлетие.

> Единственное неудобство при въезде в Польшу, как обнаружили некоторые делегаты мужского пола, заключалось в том, что предъявитель паспорта должен полностью соответствовать своей фотографии.

С точки зрения науки, большим преимуществом проведения памятной конференции в Польше явилось то, что здесь могли собраться ведущие умы Востока и Запада: русским физикам можно было относительно свободно выезжать в Польшу, при условии, что они этим ограничатся. Для представителей Запада Польша представляла собой более доступный вариант, чем Советский Союз: польские визы мы получили без проволочек, тогда как с советскими пришлось повозиться. Единственное неудобство при въезде в Польшу, как обнаружили некоторые делегаты мужского пола, заключалось в том, что предъявитель паспорта должен полностью соответствовать своей фотографии. Поскольку на дворе стоял 1973 год, многие молодые делегаты и студенты щеголяли длинными волосами и прекрасными кустистыми бородами, лишь отдаленно напоминая свое фото на паспорте, сделанное десять лет назад, в те времена, когда они были сопливыми школьниками с ранцами и румянцем на щеках. Единственным способом убедить польские власти в том, что они

действительно являются теми, за кого себя выдают, а не хиппи-декадентами, вознамерившимися подорвать чистоту коммунистической культуры, оказалось сбривание бороды и стрижка волос в месте пересечения границы. По приезде в Варшаву делегация напоминала отару овец после стрижки. Стивен был, наверное, единственным из ученых, чья прическа оказалась даже короче, чем на фото; по этой причине ему удалось избежать принудительного изменения имиджа.

Польша, которую мы увидели в 1973-м, была печальным местом, опустошенным Германией и подавленным господством России. Неудивительно, что поляки с подозрением относились ко всем иностранцам, включая нас самих. Мы все были отмечены одним клеймом: не немцы, так русские. Настаивать на том, что мы англичане, не имело смысла: и англичане, и американцы принадлежали к процветающему обществу, которому здесь завидовали, к которому хотели принадлежать и от которого были отгорожены. Стеклянные витрины магазинов явно свидетельствовали о стремлении имитировать Запад, но на полках обнаруживалась пустота либо дешевая подделка по заоблачной цене.

Везде были признаки кризиса национальной идентичности, несделанного выбора между старым и новым, Востоком и Западом. На протяжении всей своей истории разрываемая на части соседями, Россией и Германией, Польша с большим трудом восстановила утраченное во Второй мировой войне – в частности, историческую часть Варшавы. Уродливым контрастом ее красоте служил послевоенный дар Сталина народу Польши – мегалитическое муниципальное здание, о котором говорили, что только с его крыши открываются лучшие виды на Варшаву – имея в виду, что, лишь стоя на нем, можно было его не видеть. В том самом здании и состоялась конференция, посвященная юбилею Коперника. Перед входом располагался внушительный ряд ступеней. Еще один находился внутри, соединяя фойе и конференц-зал. Каждое утро студент Стивена Бернард Карр и я заносили Стивена на верхнюю площадку внешней лестницы, усаживали на стул и затем затаскивали наверх инвалидное кресло. Внутри, за неимением лифта, мы спускали по ступенькам инвалидное кресло, а затем и самого Стивена. Этот процесс повторялся в обратной последовательности в конце дня, а также иногда и в течение того же дня, в зависимости от нюансов программы конференции. Нас ничуть не впечатлила щедрость сталинского дара польскому народу; что нас действительно впечатлило, так это его мания величия.

Модель коммунизма, навязанная Россией, приговорила

фермеров к такому же скудному образу жизни, как и у тощих коров, которых они гнали мимо нас вдоль деревенских дорог, и у костлявых быков, пасущихся на полях. Люди реагировали на это демонстративным неповиновением. Польша всегда считалась оплотом европейского католицизма: польская церковь стала символом национальной независимости страны и с честью исполняла роль защитника свободы, то и дело пополняя ряды мучеников своими священниками. Тем не менее я с удивлением обнаружила, что польские церкви напоминают мне об Испании – настолько они были чужды освежающей простоте Английской католической церкви, появившейся в результате реформы папы Иоанна XXIII. Как и в Испании, церкви в Польше были богато изукрашенные, затемненные внутри, задымленные ладаном, переполненные вычурными фигурами святых и дев, источающие тошнотворный дух суеверия. Группы низкорослых горбатых старух, одетых в черное, толпились перед папертью и преклоняли колени у алтаря, точно так же, как и во франкистской Испании. Польская независимость, выражаемая через католическую церковь, была весьма консервативной силой, соперничающей с враждебной политической системой при помощи своего традиционного опиума, тогда как в Испании не менее консервативная церковь сочувствовала политическому репрессивному режиму.

> Каждое утро студент Стивена Бернард Карр и я заносили Стивена на верхнюю площадку внешней лестницы, усаживали на стул и затем затаскивали наверх инвалидное кресло.

Краков, где проходила вторая часть конференции, был более укоренен в своей идентичности, чем Варшава, поскольку его памятники, такие как Вавельский замок и Мариацкий костел, война не тронула. Тем не менее в окрестностях Кракова царила зловещая тень Освенцима. Тогда не существовало официальных экскурсий в Освенцим, но некоторые из еврейских делегатов организовали собственный поход и, вернувшись, передали остальным тяжелое впечатление от увиденного.

Единственным местом в этой печальной стране, в котором я ощутила покой и цельность, был дом, где родился Шопен. Крытое соломой одноэтажное здание стояло на островке зелени в деревне Желязова-Воля неподалеку от Варшавы. Хотя семья Шопена переехала в Варшаву, когда он был еще ребенком, летние каникулы он проводил в Желязовой-Воле, летней резиденции аристократической родни по материнской линии по фамилии Скарбек; именно там он написал последние такты своего

концерта для фортепиано с оркестром ми минор. Порой он проводил отпуск в деревне вместе со школьными друзьями. Как-то раз они отправились на экскурсию в Торунь, где обнаружили дом, в котором родился Коперник. В ужасе от состояния дома, Шопен пожаловался, что в комнате, где родился Коперник, живет «какой-то немец, объедающийся картошкой и потом, как видно, испускающий зловонные газы».

Старый дом в Желязовой-Воле, с его скудной меблировкой, полированными полами, семейными портретами и коллекцией инструментов, скромно воссоздавал атмосферу жизни в интеллигентной польской семье начала XIX века. Меня заворожила не только возвышенная атмосфера, но и красноречивая тишина. Мазурки и вальсы висели в воздухе, как будто гостиная все еще была полна отзвуков семейного праздника. Ноктюрны вплетались в ароматное дуновение из тенистого сада. Обстановка придавала эмоциональной глубине музыкальных произведений новое, визуальное и материальное звучание. Кроме того, дом говорил о спокойствии – о душевном равновесии самоотверженной семьи, взрастившей одного из наиболее чарующих гениев романтизма, гения, для которого, по словам его друга Делакруа, «небеса завидовали земле». Подобно Копернику, Шопен бóльшую часть жизни прожил за границей. Он уехал из Польши в 1830 году, чтобы никогда уже не вернуться на любимую им родину. Его взаимная любовь к юной полячке Марии Водзинской не встретила одобрения ее родителей, опасавшихся выдавать дочь за больного музыканта. Женитьба на Марии могла бы вернуть его в Польшу. Раз этого не случилось, он отправился на родину отца, во Францию, где завел скандальный роман с легкомысленной и, по слухам, развратной новеллисткой Жорж Санд и умер от туберкулеза в 1849 году в возрасте тридцати девяти лет.

Трагедия стала лейтмотивом той поездки в Польшу, где столь многое резонировало с нашей собственной жизнью, как будто привычно играя на струнах наших душ. Трагический опыт сопутствовал нам до самого конца: в обществе юного чилийского делегата Клаудио Тейтельбаума и его жены всплыли на поверхность странные поэтические ассоциации из моего собственного прошлого. Живя в Принстоне, Тейтельбаумы поддерживали тесную связь с правительством президента Альенде – новоизбранным социалистическим правительством Чили – через отца Клаудио, бывшего одним из послов Альенде. Они относились к группе реформаторов-либералов, в которую входил и Пабло Неруда, гениальный поэт, чьему творчеству я поклонялась в студенческие годы. В 1964-м Неруда приезжал в

лондонский Кингсколледж, где читал свои стихи. Я на всю жизнь запомнила звучную чувственность – такую же многогранную и экспрессивную, как музыка Шопена, – с которой он читал свои стихи о любви, подчеркивая их природные образы и сочную мелодичность. Неруда был коммунистом, настолько глубоко вовлеченным в чилийскую политику, что мог бы стать президентом, но отказался от этого поста в пользу своего друга Сальвадора Альенде. Именно в Кракове, в заключительный день конференции Коперника, в голом вестибюле отеля мы получили новость о военном перевороте, осуществленном правыми силами против законно избранного правительства Чили, по слухам – с поддержкой ЦРУ. Альенде погиб, защищая президентский дворец. Тейтельбаумы были ошарашены не только смертью любимого всеми президента, но и концом, положенным их мечтам об улучшении условий жизни обедневшего крестьянства Чили. Они, как и тысячи их соотечественников, были обречены на долгие годы ссылки. Однако им еще повезло в сравнении с теми, кто не смог избегнуть яростных карательных мер воцарившегося режима Пиночета. Две недели спустя Пабло Неруда, испаноговорящий поэт, гениальностью сравнимый со своим предшественником Лоркой, погиб в результате последствий революции.

9. Поступь Чехова

Если из Польши я привезла противоречивые впечатления, то Москва оставила ощущение нездоровой определенности: ее жители твердо знали, какова их политическая ориентация, и не сомневались в нашей. Мы, как и все остальные делегаты, осознавали, что Советский Союз – это тоталитарное государство с полицейским режимом и что тут не следовало демонстрировать свое пристрастие к либеральной демократии. Москвичи вежливо признавали, что мы – представители привилегированного общества, но не имели ничего против этого. Во время перелета между Варшавой и Москвой Кип предупредил нас, что мы должны вести себя так, как будто в нашем номере отеля стоят жучки, не только ради собственной безопасности, но и ради коллег, с которыми мы приехали встретиться. Стивен уже однажды побывал в Москве, будучи студентом, с группой баптистов – странная компания для столь яростного атеиста. Еще более странным мне показался его рассказ о том, что он ради них провозил в СССР томики Библии контрабандой в собственных туфлях.

Такие воспоминания вряд ли стоило бы воскрешать в текущих обстоятельствах, принявших оборот официального визита на высшем уровне, со всем сопутствующим VIP-антуражем.

По прибытии в гостиницу «Россия», массивный квадратный блок между Красной площадью и Москвой-рекой, мы осмотрели наш номер, оборудованный самоваром и холодильником, отчасти надеясь обнаружить микрофон для записи наших разговоров. Однако мы не уподобились дипломату в модной тогда шутке: он задрал ковер и, обнаружив там провода, перерезал их. Снизу раздался грохот и вопль: там на пол упала люстра.

Мы уже успели заметить, что лифт не останавливался на втором этаже; выхода на него не было, и, как нам сказали, он полностью предназначался для «администрации» (читай: подслушивающих устройств). Более того, многие из русских, встречавших нас в аэропорту с букетами роз и гвоздик, не пожелали проходить в здание гостиницы дальше вестибюля. В свете такого избегания интересно то, что доктор Иваненко, престарелый ученый скромной репутации, с удовольствием часами сидел в номере Кипа, громко объявляя своим тайным слушателям о том, каких успехов он добился для советской науки. Именно Иваненко всегда сопровождал группы молодых русских астрофизиков на зарубежных конференциях. Мы предположили, что он являлся их контролером, особенно после

того, как заметили, что остальные все время изобретают способы от него ускользнуть. Его поведение было загадочно непредсказуемым. В 1970 году, на конференции в Швейцарии, он бесследно исчез во время лодочной экскурсии по озеру Тун, чтобы вновь объявиться в Москве.

> По прибытии в гостиницу «Россия», массивный квадратный блок между Красной площадью и Москвой-рекой, мы осмотрели наш номер, оборудованный самоваром и холодильником, отчасти надеясь обнаружить микрофон для записи наших разговоров.

Причины визита Стивена в Москву заключались в следующем: будучи в первую очередь теоретиком, он был лишь поверхностно знаком с практикой выявления черных дыр, которой недавно заинтересовался. В этом он шел по стопам американского физика Джозефа Вебера, в одиночку пытаясь построить машину для улавливания микровибраций гравитационных волн, теоретически исходивших от звезд при коллапсировании в черную дыру. Мы провели несколько дней, роясь в мусорных контейнерах Кембриджа в поисках старых вакуумных камер в стиле Хита Робинсона[97], с датчиками, погруженными в жидкий азот, которые требовались для завершения эксперимента Вебера. Подобными исследованиями занимались и ученые Московского университета под руководством Владимира Брагинского, физика-экспериментатора, показавшего нам свою лабораторию и любезно подарившего мне остатки палочки синтетического рубина, который он использовал в одном из экспериментов. Он был счастливым обладателем открытого темперамента, за которым скрывалась сила научного наития; темперамент же проявлялся в его пристрастии к рискованным шуткам политического характера, которые он позволял себе даже на людях. Именно Брагинский однажды вечером собрал у своего стола целую компанию, увлеченно следящую за его юмористическим монологом, прерываемым нескончаемыми тостами (пили водку и грузинское шампанское). Не все его шутки были смешными до слез. У большинства из них имелся политический подтекст, как, например, у шутки про транспорт. Американец говорит: «У нас в семье три автомобиля: один для меня, один для жены и один с жилым прицепом для отпуска». Англичанин говорит: «А у нас один малолитражный автомобиль для поездок по городу и семейный автомобиль для отпуска». Русский говорит: «А у нас в Москве прекрасно работает общественный транспорт, поэтому в городе нам автомобиль не нужен, а в деревню мы ездим на танке».

> Причины визита Стивена в Москву заключались в следующем: будучи в первую очередь теоретиком, он был лишь поверхностно знаком с практикой выявления черных дыр, которой недавно заинтересовался.

Второй целью Стивена была встреча с теми русскими учеными, которых не выпускали из страны (многие из них евреи). Яков Борисович Зельдович, вспыльчивый, импульсивный человек, стоял у истоков разработки советской атомной бомбы в сороковых – пятидесятых годах. В конце пятидесятых – начале шестидесятых, как и его американский коллега Джон Уилер, Зельдович занялся астрофизикой, поскольку условия внутри схлопывающейся звезды приближались к взрыву водородной бомбы. Так Зельдович стал первостепенной научной величиной в области изучения черных дыр. Однако из-за режима секретности, наложенного на его ранние работы, он не мог надеяться на то, чтобы вырваться из-за железного занавеса и посетить страны Запада, чтобы в полной мере разделить международный азарт, связанный с исследованием черных дыр. Новаторское исследование схлопывающихся звезд было озвучено для мировой общественности его робким и малообщительным коллегой Игорем Новиковым, с которым Стивен установил плотный профессиональный контакт.

> В Москве мы появлялись в опере заблаговременно, так что поднимающийся занавес регулярно заставал нас на своих местах.

Как и Зельдович, физик Евгений Лифшиц был евреем, которого не выпускали за границу, как и многих одаренных студентов, осознававших, что пройдут годы перед получением заветного разрешения на первый выезд, являвшегося залогом последующих разрешений. Некоторые из них были словоохотливыми и настойчивыми, другие – сдержанными и задумчивыми. Но как бы открыто ни держались некоторые из ученых, было очевидно, что над ними нависает невидимая угроза: чувствовалось их внутреннее напряжение и постоянный страх. Все они были очень обеспокоены теми ограничениями, которые могло наложить на их творческую деятельность некомпетентное чиновничество, и все боялись, что при попытке улучшить ситуацию на них обратит внимание КГБ.

Кип интенсивно общался с русскими друзьями на эти темы, а мы со Стивеном организовывали прикрытие, демонстрируя увлеченность культурной программой. Однажды вечером отработанная схема дала сбой. На протяжении всего визита наши

хозяева забрасывали нас билетами в Большой театр: на оперу – «Борис Годунов», «Князь Игорь» – и на балет – «Спящая красавица» и «Щелкунчик». Хотя Стивен с удовольствием ходил в оперу, балет не вызывал у него восторга. Единственным случаем, когда мне удалось отвести его на балет, была постановка «Жизель» в Художественном театре Кембриджа; в первом акте он начал жаловаться на головную боль, и мне пришлось отвезти его в антракте домой, где произошло чудесное выздоровление. В Москве мы появлялись в опере заблаговременно, так что поднимающийся занавес регулярно заставал нас на своих местах. На балет «Щелкунчик» мы опоздали; когда мы приехали в Большой, двери уже закрывались. Нас второпях проводили в боковую ложу и, закрыв дверь, заперли ее на ключ. Кип, намеревавшийся при первой возможности улизнуть на улицы Москвы, чтобы пообщаться с коллегой Владимиром Белинским на недозволенные политические и научные темы, оказался в ловушке. Он пришел в театр, чтобы помочь нам устроиться, но закрытая дверь отрезала его от мира, и ему пришлось терпеливо высидеть весь первый акт «Щелкунчика». В антракте двери открылись, и он наконец-то присоединился к Белинскому, все это время ожидавшему его в фойе. Так у Стивена появился товарищ по несчастью.

Хотя мы прекрасно ощущали контекст, состоящий из подобных шпионских операций под покровом тьмы, мы также начали понимать, что коллегам Стивена была доступна, хотя и в ограниченном режиме, та свобода, которой могло позавидовать остальное человечество: свобода мысли. В своем невежестве чиновники коммунизма были неспособны измерить истинное значение мудреных научных исследований. Вследствие этого они оставляли ученых в покое, лишь бы те вели себя предусмотрительно, придерживались линии партии и не высказывались против режима открыто, как Андрей Сахаров. В своей книге «Черные дыры и искривление времени» Кип Торн говорит о своем оказавшемся необоснованным страхе за русских коллег, Лифшица и Халатникова, которые хотели мужественно признать несправедливость своей гипотезы о том, что звезда не может формировать сингулярность при схлопывании в черную дыру:

> *«Для физика-теоретика признавать крупную погрешность опубликованных результатов более чем постыдно. Это удар по самолюбию… Но если из-за совершенных ошибок у американского или европейского ученого страдает только самолюбие, то в Советском*

Союзе ситуация намного более серьезная. Положение ученого в неофициальной иерархии здесь особенно важно; оно определяет такие возможности, как разрешение на выезд за рубеж, избрание в члены Академии наук, что, в свою очередь, влечет за собой такие привилегии, как удвоение зарплаты и лимузин с шофером в полное распоряжение…»

Лифшиц уже давно был лишен права выезда к тому моменту, когда он, к своей чести, настоял на срочном визите Кипа в Москву в 1969 году: было необходимо тайно вывезти из СССР статью, опровергавшую ранее опубликованное утверждение и признававшую сделанную ошибку. Статья была опубликована на Западе. Как далее пишет Кип, «советские власти так ничего и не заметили».

Стивен легко находил контакт с русскими коллегами, как и он, подходившими к физике эвристически. Их точно так же заботила только суть любой проблемы; детали их не интересовали, а для Стивена, носящего весь багаж своих знаний в голове, детали служили основным препятствием для ясности мышления. Они, как и он, были способны безжалостно отсечь сухие сучья для того, чтобы лучше разглядеть ствол. Этот подход применялся к любому предмету разговора, будь то физика или литература. Они как будто сошли со страниц русских романов прошлого века, напоминая персонажей Тургенева, Толстого и Чехова. Они говорили об искусстве и литературе – как о русских гениях, так и о Шекспире, Мольере, Сервантесе и Лорке. Как и мои друзья-студенты во франкистской Испании, они читали наизусть стихи и писали рифмованные поздравления по любому случаю – включая стихотворения в честь Стивена. Казалось, что еще один репрессивный режим ничего не меняет в их жизни: их страна испокон веков управлялась тоталитарными режимами и не имела опыта демократии, поэтому, как и все предыдущие поколения русских, они находили утешение в искусстве, музыке и литературе. В обществе, подчиненном советскому материализму, культура стала их духовным ресурсом. Через них я прикоснулась к душе этой страны – скорбящей душе России-матушки, навсегда остающейся в памяти своих сосланных детей чередой бескрайних пейзажей, рек и березовых рощ. Их индивидуальности сияли на блеклом фоне обыденной жизни, подобно золотым куполам прекрасно сохранившихся, но не функционирующих церквей, внезапно появляющихся из-за мрачных бетонных конструкций современной Москвы и освещающих серый город своим нарядным блеском.

> Стивен легко находил контакт с русскими коллегами, как и он, подходившими к физике эвристически. Их точно так же заботила только суть любой проблемы; детали их не интересовали, а для Стивена, носящего весь багаж своих знаний в голове, детали служили основным препятствием для ясности мышления.

Эти коллеги Стивена с такой же радостью устраивали для нас культурные походы, с какой обсуждали науку. Часто наши экскурсии проводились в формате «два в одном»: научные дискуссии сопровождали осмотр достопримечательностей. Мы бродили по увенчанным золотом церквям Кремля, грубо избавленным от религиозного назначения официозным коммунизмом, не сумевшим, однако, изгнать божественное присутствие из этих стен. Мы стояли, захваченные великолепием огромных иконостасов; рассматривали полы, выложенные полудрагоценным камнем. Мы неторопливо прогуливались по художественным галереям, Третьяковской и Пушкинской; совершили паломничество к уютному деревянному дому Толстого с неизменным чучелом медведя в прихожей со скрипучим паркетом, протягивающим лапу за визитными карточками, и крохотной комнатой с окнами во двор, в которой знаменитый писатель предавался другой своей страсти – обувному делу. Я увезла из сада Толстого охапку опавших шоколадно-коричневых, оранжевых и желтых кленовых листьев.

Мне хотелось увидеть действующую церковь. Мне показали вычурно разукрашенную красным, зеленым и белым церковь Святого Николая в Москве и Новодевичий монастырь в пригороде. Несмотря на монотонные завывания псалмопевцев и молитвенное бормотание прикладывающихся к иконам пожилых прихожан, ни одно из этих мест не произвело на меня впечатления той святости, которой веяло от двух опустошенных маленьких церквей за нашими окнами, как будто бы опечаленных соседством с уродливым массивом гостиницы. Одна из них была сделана из кирпича и увенчана золотым крестом; другая практически целиком состояла из золотого купола. У меня возникло впечатление, что, запретив организованные религиозные практики, коммунистический режим способствовал формированию внутренней духовности, неискоренимой у тех, кто был к ней восприимчив, и невидимой для остальных.

В эпоху космических полетов мы погружались в прошлое, в мир, где жили наши одухотворенные и полные человеческого достоинства новые друзья. По их дорогам ездило очень мало

машин, их материальные запасы были скудны, а одежда невзрачна. Несмотря на бесплатность здравоохранения, наш опыт соприкосновения с ним показал, что советских больниц и врачей следует избегать любой ценой. В начале второй недели визита Стивену надо было сделать плановую инъекцию гидроксокобаламина – укрепляющего витамина, который сестра Чалмерс вводила ему в Кембридже раз в две недели. С некоторыми затруднениями коллегам удалось вызвать врача в гостиницу. Когда медсестра вошла в комнату, на один невероятный миг мне показалось, что нас посетила сама мисс Миклджон, великая и ужасная физкультурница из Сент-Олбанс. Из черной сумки были извлечены на свет ее орудия: стальная овально изогнутая чаша, металлический шприц и набор многоразовых игл. Мы оба вздрогнули. Храбрый как никогда, Стивен даже не поморщился, когда она воткнула самую тупую из своих игл в его немощное тело. Слабонервная как никогда, я закрыла глаза и отвернулась.

> Мы бродили по увенчанным золотом церквям Кремля; стояли, захваченные великолепием огромных иконостасов; рассматривали полы, выложенные полудрагоценным камнем. Мы неторопливо прогуливались по художественным галереям, Третьяковской и Пушкинской; совершили паломничество к уютному деревянному дому Толстого…

Состоящие из людей в серых плащах бесконечные очереди в магазинах, где наши друзья покупали себе еду, воскрешали мои детские воспоминания о послевоенном Лондоне. Как в ГУМе, государственном универсальном магазине на Красной площади, так и в других близлежащих магазинах вся система как будто специально искореняла у людей желание что-либо покупать. Сначала приходилось стоять в очереди, чтобы убедиться, что требуемый товар есть в наличии; затем следовало отстоять очередь в кассу, чтобы оплатить выбранный товар; с чеком в руках надо было вновь встать в первую очередь, чтобы востребовать свои покупки. Будучи иностранцами, мы пользовались привилегией делать покупки в магазинах для туристов «Березка», жадно изымавших наши фунты и доллары. На прилавках в изобилии громоздились деревянные игрушки, яркие цветные шали, янтарные ожерелья и расписные подносы. Я была уверена, что все товары изготовлены в Советском Союзе, пока не наткнулась на пару черных кожаных перчаток, на этикетке которых стояло: «Изготовлено кооперативом в г. Блэкберн, Ланкашир[98]».

В других магазинах сети «Березка» иностранные покупатели могли приобрести свежие и импортированные продовольственные товары, такие как виноград, апельсины и помидоры, которые были роскошью для среднестатистического советского потребителя. Если можно брать за эталон пищу, предлагаемую в отеле (предположительно первоклассном), то рацион среднестатистического русского состоял из нерегулярных поставок кефира, мороженого, вареных вкрутую яиц, черного хлеба и огурцов. Мясо, которое удавалось раздобыть для нас администрации отеля, обычно было разделено на миниатюрные порции и спрятано в пирожки либо оказывалось твердым и безвкусным как подошва. Моих поверхностных знаний русского языка, который я несколько лет назад пыталась учить на вечерних курсах, явно недоставало для того, чтобы прочитать увесистое меню; указав на выбранное блюдо, мы неизменно слышали ответ, что оно снято с производства.

За первые несколько дней мы отчаялись заполучить приличный обед, съедобный и сытный, но однажды счастливый случай привел нас в ресторан, расположившийся вдали от глаз людских на верхнем этаже гостиницы. Из окон открывался вид на красные кремлевские звезды. За столиком рядом с нами сидел француз, и мы с изумлением наблюдали за ходом его трапезы. С непринужденной уверенностью парижанина, обедающего в одном из лучших ресторанов родного города, он приступил к первому блюду, состоявшему из черной икры, копченой рыбы и холодных мясных закусок со стопкой водки. Затем, в то время как мы возили по тарелкам приплюснутые куски курицы в собственном жире, на его столе появилось главное блюдо. Хрустящие подрумяненные ломтики жареной картошки составляли гарнир для дымящейся сочной печеной осетрины. Мы с завистью наблюдали за его трапезой, смакуя доносящиеся до нас ароматы. Лишь когда он откинулся назад с истинно галльским вздохом и жестом глубокого удовлетворения, до меня дошло, что между нами нет языкового барьера. Я просто должна была спросить его по-французски, какие пункты меню соответствуют икре и осетрине. Он вежливо указал на пункт 32 и 54, создавая заманчивую перспективу приемлемого рациона в оставшуюся часть поездки. Видимо, нас преследовал злой рок: на следующий день ресторан на верхнем этаже оказался закрыт, а пункты 32 и 54 так и не появились в меню ресторанов средней руки.

Моих поверхностных знаний русского языка, который я несколько лет назад пыталась учить на вечерних курсах, явно недоставало для того, чтобы

прочитать увесистое меню; указав на выбранное блюдо, мы неизменно слышали ответ, что оно снято с производства.

Нехорошее предчувствие перед каждой очередной трапезой не давало нам покоя. Тем не менее мы с некоторым воодушевлением ожидали заявленной кульминации программы визита – ужина в ресторане «Седьмое небо» на вращающейся части Останкинской телебашни в пригороде Москвы. Башня, являющаяся статусным символом космической эры, тщательно охранялась – возможно, из-за ее стратегического значения, – и в ресторан имели доступ только почетные гости столицы. Но даже им нельзя было подойти к башне вплотную: требовалось подвергнуться процедуре обыска за забором, окружавшим башню по периметру, а затем по подземному тоннелю пройти к лифту. Нас предупредили, что съемка запрещена, потому что в процессе вращения ресторана открывается вид на молочную фабрику («Читай: ракетную», – прокомментировал Кип). Молочная фабрика появлялась в окне с дезориентирующей частотой, когда мы приступили к первой приличной трапезе за несколько недель. Ресторан вращался неравномерно: башня то и дело давала крен, подобно пьяному матросу, благодаря чему следующие двадцать четыре часа мы со Стивеном по очереди запирались в ванной.

Нас не удивило то, что русским не разрешили приглашать нас к себе домой, однако было одно приятное исключение из правил. В последний вечер в Москве нас позвали на ужин в дом профессора Исаака Халатникова. Халатников обладал лучезарной, экспансивной индивидуальностью; это был тот самый русский, с которым мы познакомились на конференции по общей теории относительности в Лондоне в год нашей свадьбы – 1965-й. Такси подъехало к внушительному многоквартирному зданию у реки в центре Москвы. Квартиры были в дефиците и выдавались в порядке очереди членам партии. Новобрачным часто приходилось обитать с родителями в двухкомнатной квартире. К тому же в семье обычно проживали представители старшего поколения, в частности бабушки, чье присутствие было необходимо: они занимались хозяйством и заботились о детях, в то время как дочь или невестка ходила на работу. Зная об этом, мы поразились тому, что квартира Халатникова была выдающихся размеров и состояла из нескольких просторных, хорошо меблированных комнат, оборудованных телевизором и другими современными бытовыми приборами. Вдобавок к этому еда на столе ничем не уступала иному банкету в странах Запада. Среди закусок наличествовали икра, мясо, овощи, салаты и

фрукты в изобилии, красиво разложенные на блюдах. Мы со Стивеном были обрадованы, но озадачены. Как вышло, что в обществе, провозглашавшем равенство среди своих членов, семье Халатникова позволялось жить в столь неумеренной роскоши? Как обычно, источником информации стал Кип. Происходящее никак не было связано с научными достижениями Халатникова. Это последствия связей его жены. Валентина Николаевна, крепкая блондинка, на фоне которой мой подарок, состоящий из предметов декоративной бижутерии, смотрелся совершенно неуместно, являлась дочерью Героя Революции. В государстве, где все были равны, некоторые считались равнее других. По праву рождения Валентина Николаевна получила все привилегии новой аристократии, в том числе первоочередное право на жилье и возможность покупать продукты в магазине «Березка».

Кленовые листья, которые я собрала в саду Толстого, стали красноречивой метафорой Москвы – такой, какой мы ее увидели за время нашего визита. С искренним облегчением мы присоединились к аплодисментам пассажиров при взлете лондонского рейса среди бушующей снежной метели в середине сентября. Как и снег, осенние листья были предвестниками зимы в стране, где свобода речи, самовыражения, мысли и движения, принимаемая нами как должное, оказалась заморожена на неопределенный срок. Но насыщенный цвет листьев напоминал о наших стойких друзьях, о мужественных людях, затерянных в этой политической пустыне. С приближением зимы в Кембридже мы почувствовали, что вместе с листьями, сувенирами, деревянными танцующими медведями и фарфором ручной росписи привезли с собой и другие последствия пребывания в стране с репрессивным режимом. В течение нескольких недель после возвращения мы не могли свободно общаться между собой в собственном доме из страха, что у стен могут быть уши. Если таким образом на нас отразилось психологическое давление, под гнетом которого наши друзья находились постоянно, то мы должны были еще больше восхищаться их мужеством. Мы с восторгом воссоединились с нашими детьми, но этот душевный опыт немного отрезвил нас. Как, спрашивали мы себя, справились бы мы с такими обстоятельствами?

На Рождество мы с мамой сводили детей на лондонскую версию балета «Щелкунчик» в Королевский фестивальный зал. Люси была под таким впечатлением от спектакля, что настаивала, чтобы ее называли Клара, как девочку – главную героиню балета. Она проводила все свободное время, танцуя под старую пластинку и изображая собственный вариант трепака, пробегая гостиную по диагонали со взмахами маленькой ножки, а затем с

той же скоростью возвращаясь в исходную точку. Яблоко от яблони недалеко падает: Роберт был гораздо менее впечатлен постановкой и предпочел бы пантомиму – любимое рождественское представление отца. Он вертелся на месте весь первый акт, а в начале второго утащил бабушку в коридор под предлогом того, что выпил слишком много апельсинового напитка в антракте. Во время действия было запрещено возвращаться в зал, так что маме пришлось досматривать спектакль по телевизору в фойе, в то время как Роберт с наслаждением наблюдал за движением барж вверх и вниз по Темзе.

10. Холодный ветер

Той зимой в Кембридже мы столкнулись с собственными ограничениями, никак не связанными с политической ситуацией. Конференция в Польше и поездка в Москву, в сочетании с прошлогодними результатами слета в Лез-Уш выявляли новые перспективы и новые проблемы в исследовании черных дыр. Тайной целью всех физиков было открытие философского камня, до той поры не сформулированной единой теории поля, обобщающей все разделы физики. Эта теория объединила бы крупномасштабную структуру Вселенной, о которой Стивен и Джордж Эллис написали книгу, с микроструктурой квантовой механики и физики элементарных частиц, а также с теорией электромагнитных явлений. Черные дыры были соблазнительны тем, что они могли представлять собой ключ к покорению первой ступени этого научного восхождения – объяснению загадочного сходства между общей теорией относительности и законами термодинамики.

Черные дыры были соблазнительны тем, что они могли представлять собой ключ к покорению первой ступени этого научного восхождения – объяснению загадочного сходства между общей теорией относительности и законами термодинамики.

Притягательность этой цели была так велика, что Стивен мог не только продолжать дискуссии, начатые в Москве, на любой конференции в любом уголке земного шара, но и посвящать размышлениям об этих вопросах любое время дня и ночи, не занятое сном. Вопрос о заграничных поездках появлялся на повестке дня с раздражающей регулярностью. Я как заезженная пластинка повторяла свои аргументы, но что могли значить мои переживания по поводу временного расставания с детьми, когда на кону стояло будущее мировой физической науки?

В то же время меня смущало то, что Стивен проводит столько времени по вечерам и в выходные в позе роденовского Мыслителя, положив лоб на ладонь правой руки, пропав в другом измерении, недосягаемый для меня и детей, играющих рядом с ним. Каким бы привлекательным ни был интеллектуальный вызов физики черных дыр, я не могла до конца постичь смысла этого глубокого самопогружения. Сначала я предполагала, что его занимает какая-нибудь математическая проблема; я беззаботно интересовалась, чем он занимается; часто мой вопрос оставался

без ответа, и я начинала тревожиться. Может быть, ему неудобно сидеть в инвалидном кресле или он плохо себя чувствует? Может быть, я расстроила его тем, что отказалась ехать на очередную конференцию? Он продолжал молчать или отделывался неубедительным качанием головой, и мое воображение пускалось во все тяжкие: я начинала подозревать, что все вышеописанное в сочетании с многими другими факторами, в том числе унынием из-за ухудшения физического состояния, невыносимо угнетает его. В конце концов, его поза традиционно использовалась художниками для физического олицетворения депрессии.

Было очевидно, что его речь становится неразборчивой; потребовались скучные занятия с логопедом для того, чтобы замедлить ухудшение в звукопроизношении. Некоторые люди, которых он предпочитал считать глухими или скудоумными, не могли разобрать сказанное им. Моя помощь требовалась ему во всем: в любой личной нужде, при одевании и купании, не говоря уже о перемещениях в пространстве. Его приходилось брать на руки при помещении в инвалидное кресло, в машину, в ванну и в постель. Пищу приходилось резать на мелкие куски, чтобы он мог есть ложкой; трапезы становились все длиннее. Ступеньки в нашем доме уже представляли непреодолимое препятствие.

Он все еще мог подтягиваться на руках из кресла – это само по себе служило полезным упражнением, – но необходимо было, чтобы кто-то стоял рядом для безопасности. Естественно, он хотел, чтобы я находилась рядом с ним во время всех поездок.

> Я начинала подозревать, что все вышеописанное в сочетании с многими другими факторами, в том числе унынием из-за ухудшения физического состояния, невыносимо угнетает Стивена.

Подавленное чувство вины из-за моего нежелания воспользоваться возможностью путешествовать с ним по планете и неудовлетворение из-за недостатка общения с ним скручивали меня в узел тревоги и отчаяния. Я чувствовала себя путешественником, упавшим в черную дыру: неконтролируемые силы бесконечно растягивали меня вдоль невидимой орбиты, как длинную макаронину.

Проходило несколько дней, и Стивен пробуждался от своего оцепенения. С победоносной улыбкой он объявлял, что разрешил еще одну сложную физическую проблему. Ситуация становилась поводом для шутки лишь тогда, когда все было позади. Поскольку каждый раз обстоятельства были несколько иные, я так и не научилась распознавать симптомы. В то время я постоянно беспокоилась о том, что Стивену нездоровится. Каждый раз я

поздравляла его с успехом, но в глубине души понимала, что мы с детьми вступили в битву с неотразимой богиней, впервые явившей свой лик в Америке 1965 года, – Физикой, отнимающей отцов у детей и мужей у жен. После стольких лет я снова вспомнила, что миссис Эйнштейн назвала физику третьей стороной в ее бракоразводном процессе.

Для Стивена такие периоды глубокой концентрации, возможно, представляли собой упражнения, благодаря которым он развил в себе ту безмолвную внутреннюю силу, что дала ему способность представлять процессы в одиннадцати измерениях. Но я не могла распознать, что является причиной его непроницаемости: погруженность в себя или равнодушие ко мне, и воспринимала эти периоды как невыносимую пытку, особенно в случае если они сопровождались прослушиванием опер Вагнера, в частности «Кольца нибелунга», которые Стивен включал на полную громкость в радиоприемнике или на проигрывателе. Именно тогда, вынужденная сдерживать собственный голос и подавлять свою спонтанную реакцию, я возненавидела Вагнера. Музыка была настолько сильнодействующей, что меня непреодолимо влекло раствориться в чувственном многозвучии гипнотизирующих аккордов и захватывающих дух модуляций, но мои повседневные обязанности не давали мне ни на минуту отвлечься от необходимости делать покупки, готовить еду, вести дом, заботиться о детях и Стивене. Ни в кухне, ни в ванной, ни даже в игровой комнате на чердаке было не скрыться от обольстительной музыки, околдовывающей сознание завораживающими гармониями и диссонансами. Я пыталась игнорировать ее манящие, коварные тенета, зная, что для меня, в моем душевном разброде, она представляет опасность. Моим эталоном была открытость и ясность средиземноморской культуры, а не темная угроза северной мифологии, где все герои были обречены на безвременную кончину, а в мире торжествовали хаос и зло. Стивен, по-видимому, был околдован этой силой точно так же, как физикой, – обе они стали его религией, – но мне следовало твердо стоять на земле. Если бы я позволила себе уступить мрачной тирании этой музыки, то мой мир распался бы на мелкие осколки. Вагнер стал для меня олицетворением злого гения, исповедующего философию сверхрасы, демоном, породившим Освенцим и способным сеять раздор. Я была слишком молода, чтобы вынести столь мощное эмоциональное давление.

Слава богу, наши развлечения не ограничивались Вагнером и были достаточно разнообразны. Мы слушали Верди и Моцарта в оперных театрах, оратории Элгара[99] в часовне Кингс-колледжа и

«Вечерни» Монтеверди в аббатстве Сент-Олбанс, «Принцессу Иду»[100] в Художественном театре – поскольку Стивен, обладая разносторонним вкусом, был не только вагнерианцем, но и поклонником Гилберта и Салливана. После Вагнера его любимыми развлечениями были постановки «Футлайтс»[101]: летнее представление в университете и зимняя пантомима. Для этих случаев он удерживался от присущей ему язвительной критики. Мне же «Футлайтс» казались скучными, поскольку комедийный уровень представлений никогда не оправдывал нереалистических ожиданий, заданных поколением Beyond the Fringe[102], а что касается пантомимы, то сальные шутки не становились смешнее благодаря их неоднократному повторению с дурацким хихиканьем.

Чтобы чем-то занять одинокие вечера, когда Стивен был погружен в мысли, Вагнер милосердно приглушен, дневные хлопоты отступали, а дети уложены в постель, я купила очень компактное пианино под тем предлогом, что Роберту пора начать заниматься. Окруженная столь безупречно образованными людьми, я стыдилась признать, что уроки требуются мне самой. Я несколько раз позанималась со школьным учителем на пенсии, который, сочувствуя моему увлечению, не сказал, что мне уже поздно учиться играть. Приняв вызов, он научил меня основам теории и гармонии и, к моей радости, позволил самостоятельно выбирать репертуар. Роберт тоже занимался – с молодым учителем, который рисовал картинки танцующих фей в скрипичном ключе и топающих великанов в басовом.

Роберт начал учиться в школе и из счастливого и подвижного ребенка превратился в гораздо более тихого и замкнутого.

Ему было только четыре с половиной года, когда в соответствии с местной образовательной политикой ему следовало начать обучение. Я была уверена в том, что это слишком рано. Некоторое время спустя я прочитала статью, в которой говорилось, что психологически четырехлетний ребенок отличается от пятилетнего на столько же, насколько семилетний отличается от одиннадцатилетнего, и что поступление в школу в столь юном возрасте вредит развитию ребенка. Роберт был застенчивым мальчиком, и когда я спрашивала, чем он занимался в обеденный перерыв, то его ответ неизменно огорчал меня. «Ну, я просто сидел на ступеньках», – пожимая плечами, говорил он. У его начальной школы была превосходная репутация: тут воспитывались наиболее одаренные из отпрысков ученых семей; в школе с филологическим уклоном дети, которые умели быстро читать, достигали наибольших успехов. Через несколько лет ярко выраженный литературный дар Люси обеспечил ей счастливое

начало учебы в этой школе. Что касается Роберта, то у него были проблемы с чтением. Я боялась, что это могут сказываться последствия эпизода с глотанием лекарств, но свекровь успокоила меня. Дело заключалось опять же в пресловутом «яблоко от яблони»: Стивен, по ее словам, научился читать, когда ему было семь или даже восемь лет. Теперь-то я поняла, почему Стивен всегда с таким ужасом вспоминал зиму, проведенную семейством Хокинг на Майорке в гостях у Грейвсов. Если в возрасте девяти лет он только-только научился читать, то какое же впечатление на него должно было произвести ежедневное обсуждение и анализ Книги Бытия[103] под всевидящим оком Роберта Грейвса? Стивен мудро рассудил, что не важно, что́ Роберт будет читать, лишь бы он читал, и на этом основании мы пичкали Роберта Beano[104] и всевозможной каламбурной литературой, так что обеды неизменно сопровождались бесконечными вариациями «Тук-тук!» – «Кто там?»[105]; зато читать Роберт стал значительно лучше.

В начале семидесятых понятия «дислексия»[106] в научных образовательных кругах не существовало. Сегодня широко признан тот факт, что Леонардо да Винчи и Эйнштейн страдали от дислексии. Мы подозревали, что у Стивена в детстве была дислексия, а насчет Роберта были уверены; но государственная система не предлагала никаких средств от нее, за исключением дополнительных занятий по чтению. Таких детей в лучшем случае считали ленивыми, в худшем – отсталыми; уже в возрасте пяти лет им предназначали второсортное будущее. Я знала, что Роберт не был отсталым: этот ребенок в возрасте четырех лет в процессе прополки огорода спросил меня: «Мамочка, а как у девы Марии внутри поместился Бог?» Этот ребенок в возрасте пяти лет использовал фортепиано как метафору, чтобы объяснить мне, что такое «отрицательные числа»: «Смотри, мамочка: ноты выше “до” первой октавы – это положительные числа, а ноты ниже “до” – отрицательные».

Я была уверена, что филологический, а не математический уклон школы не соответствует наклонностям Роберта. Новая учительница, появившаяся в школе, когда ему было шесть лет, объявила, что набирает класс с математическим уклоном. Я умоляла ее взять Роберта в этот класс. Она с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. «Но он не умеет читать! – упорствовала она. – Как он может справиться с математикой?» Я настаивала:

«Пожалуйста, позвольте ему попробовать!» С величайшим скептицизмом она согласилась взять его в класс на три недели. За это время у Роберта не возникло ни одной проблемы с ускоренным курсом математики, а его внутреннее напряжение

несколько спало. По окончании трехнедельного срока он принес записку от учительницы, в которой та просила меня подойти к ней после занятий. Мы встретились у ворот школы. «Миссис Хокинг, прошу принять мои извинения, – начала она с преувеличенным раскаянием, – я действительно не думала, что Роберт сможет справиться с ускоренным курсом математики, когда вы просили взять его в класс, но я действительно должна попросить прощения, потому что я была абсолютно не права. Он отлично справляется с математикой – опережает всех остальных на голову». Но математическому классу пришел конец через две четверти, так как учительница ушла в декрет, и Роберт опять остался при своих. Мы со Стивеном легкомысленно предполагали, что наши социалистические принципы обязывают нас дать детям образование в государственной школе, теперь же нам предстояло разрешить ценностный конфликт с далеко идущими последствиями: потребности нашего ребенка вступали в противоречие с нашими политическими убеждениями. Государственная система до сей поры не послужила на пользу Роберту. Ему необходима была похвала за то, что ему удавалось хорошо (в частности, математика), и поддержка, а не бичевание в том, что давалось с трудом (чтение и письмо). Только в частном секторе классы были достаточно немногочисленными для того, чтобы он получал должное внимание. Зарплаты Стивена, которую он получал в колледже на должности с красивым названием «членство за выдающиеся достижения в современной науке», не хватало для оплаты образования сына. Не помогало и то, что к этому времени он уже числился ассистентом по исследованиям в Институте астрономии (с 1972 года – после отставки Фреда Хойла) и занимал такую же должность на кафедре прикладной математики в 1973 году. Как обычно, деньги появились благодаря одному из непредвиденных поворотов судьбы – на этот раз повод был печальным.

Зарплаты Стивена, которую он получал в колледже на должности с красивым названием «членство за выдающиеся достижения в современной науке», не хватало для оплаты образования сына.

В 1970 году, вскоре после рождения Люси, умерла одинокая тетя Стивена Мюриэль. Вместо того чтобы наслаждаться свободой после смерти матери, она просто-напросто зачахла. Деньги, которые она могла потратить в свое удовольствие, например отправившись в кругосветное путешествие, она берегла на черный день, который так и не наступил. Деньги унаследовали ее внучатые племянники и племянницы, среди которых Роберт был

ее светом в оконце. Сама по себе унаследованная сумма оказалась недостаточно велика для того, чтобы оплатить долгие годы обучения, но ее решено было преумножить: вкупе с равной долей, полученной от отца Стивена, денег хватило на приобретение маленького домика, который можно было выгодно сдавать в аренду. Половину ренты получали родители Стивена, а другая половина составляла постоянный источник финансов для оплаты обучения Роберта. Кембридж стал подходящим местом для такого предприятия, поскольку собственность была в то время достаточно недорогой, а постоянное присутствие приезжих ученых обеспечивало контингент для рантье. Поскольку я имела опыт ремонтных работ, мне поручили руководство проектом. Покупка и приведение в порядок еще одного дома с последующей сдачей его в аренду стали для меня дополнительной ношей, хотя я и так была занята с утра до вечера. Опыт столкновения с бытовой грязью чужих людей, который я получала благодаря этому новому занятию, повергал меня в уныние. Тем не менее я прекрасно осознавала, что необходимо экономить деньги для оплаты растущих счетов за обучение, и мне приходилось браться за кисть, чтобы один-два раза в год собственными руками производить покраску всего дома. Иногда, в случае наплыва летних посетителей, это приходилось делать чаще.

Постоянная загруженность и утомленность не позволяли мне находить достаточно времени и энергии для моей диссертации. Я закончила сбор материала для первой главы и подготовила несколько собственных оригинальных тезисов. Я заметила ряд вербальных соответствий между харджами и Песней Соломона и удивительное сходство между харджами и мосарабскими гимнами, принадлежавшими христианам, проживавшим на захваченных маврами землях. В удачный день, если все шло по плану, мне удавалось выкроить час для диссертации по утрам, пока Люси была в детском саду, а Стивен на кафедре. Необходимость заниматься собственным исследованием исчерпывала мои физические возможности. Я не смогла бы захватить другие области исследования Средневековья, тем более обратиться к другим темам, которые затрагивались на ужинах в колледже Люси Кавендиш. Я не следила за политической и международной ситуацией и практически не читала. Предложить миру я тоже ничего не могла, кроме растущего чувства собственной неуместности, как на семинарах в Люси Кавендиш, так и у Дронке. Когда мне удавалось вырваться на какую-нибудь из их встреч, мне приходилось, участвуя в дискуссиях, прикрывать недостаток знаний блефом либо хранить тупое молчание. Ситуация была для меня крайне некомфортна: я

чувствовала себя обманщицей и перестала посещать оба семинара.

В Люси Кавендиш у меня была одна подруга, Ханна Скольников, с которой я чувствовала себя непринужденно. Ханна, приехавшая из Иерусалима, изучала эпоху королевы Елизаветы и в Кембридже нашла островок спокойствия, где укрылась от стрессов военного положения на родине. У меня с Ханной обнаружилось много общего. Хотя обстоятельства нашей жизни разнились, мы обе пытались вести нормальную жизнь и растить наших трехлеток, Роберта и Аната, в атмосфере напряжения и неопределенности. Когда мы познакомились, я только-только родила Люси, а Ханна ожидала второго ребенка. Ко времени рождения Ариэль мы стали подругами на всю жизнь. Как нельзя кстати, в муже Ханны Шмуэле, занимавшемся классической философией, Стивен обрел достойного партнера для интеллектуального спарринга. Ханна и Шмуэль оказались гораздо более восприимчивыми и чуткими по отношению к нам, чем многие из тех, кто знал нас дольше и – гипотетически – лучше. Когда годовой творческий отпуск Шмуэля подошел к концу и они в страхе вернулись на родину с двумя маленькими детьми, у меня стало еще меньше причин посещать собрания Люси Кавендиш, и я окончательно оторвалась от научного общества.

Это не имело большого значения. Было абсолютно очевидно, что карьера Стивена значит куда больше, чем моя. Его деятельность обещала надолго взбаламутить воды физики, тогда как я при удачном стечении обстоятельств лишь слегка поколебала бы поверхность лингвистики. И, как я часто говорила сама себе, у меня было прекрасное утешение – мои дети, подвижные и забавные, нежные и любимые. Многие из тех, кто пялился на Стивена, не в силах оторвать глаз от уродства, вызванного его болезнью, – те самые люди, которые назвали бы его калекой, – выглядели ошеломленными, когда понимали, что у этого отца – глубокого инвалида есть двое прекрасных детей и каждый из них является примером очевидного совершенства. Гордость за детей наполняла Стивена уверенностью в себе. Он всегда мог отразить сомнения жестокой публики, заявив: «Это мои дети». Та острая радость, которую мы испытывали, любуясь их невинностью и чистотой, их самобытной речью и их чувством чудесного, объединяла нас в благодарной нежности друг к другу. В такие моменты общность между нами укреплялась и росла, включая в себя не только нас, но и наш дом, нашу семью и тех людей, которых мы любили. Семья, наша семья, стала моей *raison d'être*[107].

> Многие из тех, кто пялился на Стивена, не в силах оторвать глаз от уродства, вызванного его болезнью, – те самые люди, которые назвали бы его калекой, – выглядели ошеломленными, когда понимали, что у этого отца – глубокого инвалида есть двое прекрасных детей и каждый из них является примером очевидного совершенства.

Я утешала себя тем, что никакие академические успехи не сравнились бы с чувством творческой самореализации, которое я черпала в собственной семье. Пусть долгие часы заботы о ребенке и периоды детского лепета порой казались утомительными, но я была вознаграждена за них возможностью заново открывать мир во всей его волшебной непредсказуемости, глядя на него глазами маленьких детей. К счастью, мои родители тоже получали наслаждение от такого занятия. Никакие другие бабушки и дедушки не радовались внукам так искренне и не баловали так щедро. Мои дети заставляли родителей отвлечься от собственных забот, в то время сосредоточенных на бабушке, чьи здоровье и память ухудшались на глазах. Когда она согласилась переехать в Сент-Олбанс из Норвича, было уже слишком поздно для того, чтобы она могла почувствовать себя уверенно на новом месте; вскоре она упала и сломала руку. Когда я прощалась с ней воскресным вечером начала декабря 1973 года, я уже знала, что вижу ее в последний раз. Я целую неделю оплакивала мою горячо любимую, храбрую и нежную бабушку. Мама позвонила мне в следующую пятницу, 7 декабря, чтобы сообщить печальную, но ожидаемую весть: бабушка скончалась во сне.

11. Компромисс

Чувствуя постепенное отдаление близких друзей, я еще больше теряла присутствие духа. Со школьными друзьями и знакомыми со студенческих времен я виделась редко; многие из них уехали жить за границу или воспитывали детей в других городах. Друзья, которых мы приобрели за последние несколько лет, следовали собственным путем, уезжая из Кембриджа по карьерным соображениям туда, где им предлагали новую работу. Роб Донован, шафер Стивена, с женой Мэриэн и дочерью Джейн уехали из Кембриджа в Эдинбург. С тех пор мы виделись с ними нерегулярно, хотя при встрече дружеская связь возобновлялась с былой силой. Мы навещали их в Эдинбурге летом 1973 года перед поездкой в Москву. Как всегда бывает в компании старых друзей, разговор перепрыгивал с одной темы на другую, напоминая о том времени, когда мы приходили друг к другу в гости по воскресеньям после нашей свадьбы. Мы обсуждали кембриджские сплетни, последние конвульсии Гонвиля и Каюса, развитие науки, сложность подачи заявок на гранты и судьбы друзей, рассеянных по всему земному шару.

Когда мы заговорили о поездке в Москву, Роберт высказал мнение, что не стоит верить отсутствию новостей о гонке вооружений: в эпоху после Кубинского ракетного кризиса холодная война еще не была отправлена на чердак мировой истории. Негласно обе сверхдержавы готовили огромный арсенал еще более высокотехнологичного оружия. Хотя угроза атомной войны все еще нависала над нами в те моменты, когда сверхдержавы, подобно огрызающимся драконам, обнаруживали след чужого присутствия в одном из лакомых уголков мира, тот факт, что на самом деле они увеличивают и оттачивают свой ядерный арсенал, не освещался в прессе. Замечание Роберта обеспокоило и разозлило меня. Теперь, когда у нас появились дети, уже нельзя было просто сказать: «Да гори все синим пламенем». Я не была готова отступить и позволить чудовищному апокалипсису уничтожить жизнь моего бесценного потомства. Но что я – или мы – могла поделать? Бесполезно было бы апеллировать к ученым, разработавшим это оружие в сороковых и пятидесятых годах – хотя со многими из них, по обе стороны железного занавеса, мы теперь были знакомы лично, – из-за того что теперь все решения находились в руках не заслуживающих доверия политиков – лицемерного Никсона в США и непроницаемого Брежнева в Советском Союзе. Еще сложнее было переварить горькую правду на фоне девственных горных

ландшафтов Шотландии, где пропитанный медом воздух гудел о библейской простоте, вдали от антропогенного городского пейзажа.

Брэндон и Люсетт Картеры, с которыми мы провели несчетное количество воскресных вечеров, переехали во Францию со своей малюткой-дочерью Катрин. Брэндон занял исследовательский пост в Парижской обсерватории в Медоне. Обсерватория построена на основе королевского замка и напоминает кембриджскую; из нее открывается потрясающий вид на Париж. Я очень скучала по Люсетт – по многим причинам, а не только из-за того, что она была единственной из моих кембриджских знакомых, говорящих по-французски. Будучи признанным в своей среде математиком, она была умна, но не претенциозна. Ее искренний интерес к людям и энтузиазм в отношении семьи нетипичны для академических кругов Кембриджа, в которых она вращалась. Она была музыкальна, обладала развитым воображением и утонченным восприятием поэзии. Именно Люсетт познакомила меня с Прустом, сама являя пример восторженного восхищения деревьями, цветами и ароматами нашего церковного дворика.

Самым печальным для меня стало расставание с Эллисами. Их отъезд был особенно тяжелым потому, что они уехали из Кембриджа не только из-за смены работы: их брак рухнул. Мы настолько близко ассоциировали себя с ними, что, когда Джордж и Сью разошлись, мы пережили это как угрозу для собственного брака. Две наши семьи, в каждой из которых было по двое маленьких детей, сошлись настолько близко, что стали почти родственниками. Сью была крестной Люси. Мы одновременно купили и отремонтировали наши дома, произвели на свет детей, ездили в отпуск и посещали конференции – жили практически в тандеме. Джордж и Стивен написали общую книгу под названием «Крупномасштабная структура пространства-времени», а мы со Сью столько раз поддерживали друг друга, откровенно обсуждая кризисы материнства и трудности борьбы с богиней по имени Физика. Джордж и Стивен были похожи тем, что умели отрешиться от окружающего мира, становясь недосягаемыми для собственных семей в своем глубоком погружении в теоретическую вселенную. У нас было столько общих и схожих переживаний, что наши семьи стали взаимозависимы, и, когда их брак распался, основы нашего также пошатнулись.

Дружба с семейными парами, теперь покидающими Кембридж, сформировалась в особых обстоятельствах. Она появилась как следствие общения Стивена на кафедре или в одном из колледжей. У него обнаруживались общие интересы,

обычно научного характера, с мужской половиной пары, в то время как я находила точки соприкосновения с женской половиной. С отъездом Эллисов закончилась наша самая близкая дружба вчетвером. Хотя мы неплохо ладили со многими молодыми научными сотрудниками колледжа Каюса и их женами, а также подружились с аспирантами кафедры, эти новые отношения были устроены немного иначе. У меня имелось много хороших знакомых среди женщин, с детьми которых дружили мои дети, но у их мужей необязательно находились общие интересы со Стивеном, а трудности в общении вполне понятным образом отталкивали потенциальных друзей. Кроме того, у меня часто завязывалась дружба с людьми на основе интуитивной взаимной симпатии. Оказывалось, что в их собственной жизни были некоторые печальные обстоятельства либо в связи со своей профессией они обладали знаниями о потребностях инвалидов. В двух таких случаях моему другу удавалось установить контакт со Стивеном, и наша дружба длилась долгие годы.

Среди ассистентов Констанс Уиллис (Роберт называл их «папины тренажеры») была стройная светловолосая девушка моего возраста по имени Кэролайн Чемберлен. Летом 1970 года Кэролайн прекратила физиотерапевтическую практику, потому что ожидала ребенка – в то же время, когда я была беременна Люси. Так как она жила поблизости, в школе Лейз – районной государственной школе для мальчиков, где ее муж преподавал географию, – мы поддерживали отношения, которые укрепились при рождении наших дочерей. Я все чаще размышляла над проблемами инвалидности, потому что мне иногда казалось, что эта ловушка захлопывается вокруг всей нашей семьи – вокруг детей, меня и Стивена. Информацию приходилось собирать по крохам, и я постоянно обращалась к Кэролайн за профессиональным руководством. Будучи жизнерадостной и прагматичной и одновременно очень чувствительной, она прекрасно понимала специфику трудностей, с которыми мы сталкивались каждый день, и, несмотря на обязанности, налагаемые на нее положением жены заведующего школой, всегда находила способ помочь – предлагала более удобную позу, полезное приспособление (подушку для инвалидного кресла или ручной тормоз) или адрес прогрессивного учреждения.

У ворот школы, где по традиции принято было ожидать детей, я нашла еще одного верного друга – Джой Кэдбери с детьми, Томасом и Люси, того же возраста, что и наши Роберт и Люси.

Застенчивость и кротость Джой перевернули мое представление о выпускниках Оксфорда. Вместо того чтобы

демонстрировать свое интеллектуальное превосходство, она принижала его значение, как если бы оно не имело абсолютно никакого отношения к ее теперешней жизни. Будучи дочерью врача из Девона[108], она исполнила свою мечту стать медсестрой в детской больнице после того, как окончила Оксфорд. Джой близко к сердцу приняла нашу ситуацию: всегда была готова забрать к себе детей в особенно трудное время и оказывала реальную помощь, когда я не справлялась с напряжением. Она была не понаслышке знакома с мотонейронной болезнью – неизлечимым дегенеративным заболеванием, о котором слишком мало было известно, – поскольку в четырех сотнях километров от Кембриджа ее собственный престарелый отец находился в терминальной стадии того же расстройства.

> Я все чаще размышляла над проблемами инвалидности, потому что мне иногда казалось, что эта ловушка захлопывается вокруг всей нашей семьи – вокруг детей, меня и Стивена.

В Девоне, неподалеку от родительского дома Джой, у меня были и другие союзники: мой брат и его жена Пенелопа. Когда закончился первый временный контракт Криса в Брайтоне, они переехали в Девон, где Крис поступил на работу в стоматологическую клинику города Тайвертона. Художественно одаренная от природы, увлеченная психологией личности и взаимоотношений, Пенелопа понимала мою потребность говорить о людях, их взаимном влиянии, эмоциях и о том, как люди взаимодействуют друг с другом, – обо всем, что в семье Хокингов было объявлено ересью. В Крисе и его жене я нашла неиссякаемый источник понимания и поддержки; обстоятельства усложнялись лишь тем, что они жили так далеко от нас.

Не все новые знакомые имели возможность поддерживать меня, подобно Каролине, Джой и моим родственникам. Некоторые из них тоже находились в сложной жизненной ситуации, как и я, хотя история их жизни была другой. Часто им самим требовалась поддержка, и они обращались ко мне за помощью. Нашей основной проблемой являлась физическая болезнь; она была настолько очевидна и материальна, что в прошлом я не догадывалась о существовании трагедий, которые не настолько бросаются в глаза. Став взрослее, я начала воспринимать другие оттенки страдания и поводы для него. Некоторые люди переживают тяжелые эмоции и бедствуют материально после травматического развода, другие не имеют возможности видеться с семьей, третьи просто находятся далеко от дома. К подобным ситуациям я могла относиться более-менее

объективно и оказывала необходимую поддержку людям, которые в них попадали. Как ни странно, сталкиваясь с ситуациями, схожими с моей, я испытывала растерянность.

С самыми лучшими намерениями знакомые пообещали представить меня медсестре, чей муж страдал рассеянным склерозом. Я с нетерпением ожидала этой встречи, надеясь, что мы сможем поддержать друг друга, найдя общее в наших переживаниях. Но мне было трудно даже начать говорить о своих проблемах: о невыносимой ответственности, эмоциональном напряжении, изнурительной усталости, связанной с воспитанием двух маленьких детей и одновременным уходом за тяжелым инвалидом, чье состояние ухудшалось на глазах. Рассказывая об этом, я чувствовала себя предательницей. Стивен никогда не упоминал о болезни, тем более не жаловался. Его героический стоицизм увеличивал мое чувство вины, и я не позволяла себе ни с кем говорить о моих переживаниях. Но именно недостаток общения был для меня самым тяжелым испытанием – иногда даже более тяжелым, чем физическая и эмоциональная нагрузка. Когда мы поженились, я предполагала, что буду испытывать удовлетворение от чувства единения в достижении общей цели, от борьбы плечом к плечу с невзгодами, атаковавшими нас с такой безжалостной силой; теперь же мне казалось, что я не более чем ломовая лошадь, успешно низведенная до роли, которую в соответствии с кембриджскими канонами должна была выполнять женщина. В глубине души я понимала, что мне нужна помощь – физическая и эмоциональная поддержка – для того, чтобы моя драгоценная семья не пострадала.

Лишь однажды я, призвав все свое мужество, решилась излить душу – со всеми необходимыми предосторожностями – Тельме Тэтчер. Ее ответ, похожий на отповедь, звучал серьезно как приговор. «Джейн, – возвестила она, – скажу тебе то, что всегда говорю, когда ничего изменить нельзя: думай о хорошем». Она говорила от чистого сердца и была права. У меня имелись поводы для благодарности судьбе – в результате моих усилий у меня была семья, а Стивен смог посвятить себя упорной работе, что он делал с исключительным мужеством. Я не была обездолена и не имела иного выбора, кроме как довольствоваться тем, что имела, сохранять веру, трудиться в поте лица и получать от этого удовольствие. Так сделала в прошлом и сама Тельма, потерявшая двух маленьких сыновей. В конце концов, я не могла назвать себя несчастной: я получала массу положительных эмоций, общаясь со своими прекрасными детьми, лучше не придумаешь: Роберт с его светлыми, отливающими серебром локонами, идеальным овалом лица и огромными вопрошающими

глазами и Люси с каштановыми волосами и фарфоровой розово-белой кожей, мягкой, как лебединый пух. Я просто-напросто устала, была истощена необходимостью по несколько раз просыпаться ночами, постоянной болью в спине от физического перенапряжения и постоянным ноющим чувством тревоги и ответственности. Мне стало стыдно от того, что я совершила попытку избавиться от ноши; я отправилась восвояси – думать о хорошем.

> Нашей основной проблемой являлась физическая болезнь; она была настолько очевидна и материальна, что в прошлом я не догадывалась о существовании трагедий, которые не настолько бросаются в глаза.

Как всегда практичная, Тельма заглянула к нам на следующий день. «Я подумала, дорогая, что тебе требуется больше помощи. Я сейчас иду к Констанции Бабингтон-Смит; хочешь, я попрошу ее одолжить тебе свою домработницу?» Домработница Констанции Бабингтон-Смит, неугомонная миссис Теверсхэм, была первостатейным сокровищем, как и ее преемница – высокая, угловатая Уинни Браун, принявшая пост через год. С тех пор один раз в неделю в нашем доме воцарялась чистота и порядок. Но порядок в доме устранял лишь часть проблемы. Мне все еще нужен был сочувствующий слушатель, кто-то, кто смог бы терпеливо принимать мои сокровенные тревоги с пониманием и без осуждения. Я не ожидала, что все исправится как по мановению волшебной палочки, но возлагала большие надежды на то, что новая знакомая – та, что была замужем за инвалидом, – станет тем самым человеком, который сможет выслушивать меня и отвечать с бóльшим пониманием, чем кто-либо другой, а также поделится своими ноу-хау по решению повседневных проблем, связанных с уходом за тяжело больным человеком в одиночку. Моим надеждам не суждено было сбыться. К тому времени, когда мы познакомились, она уже упаковала чемоданы для вылета в США с новым партнером, оставив мужа-инвалида в специальной клинике.

Таким образом, единственным доступным мне утешением стала суровая философия Тельмы Тэтчер: думать о хорошем. Я связала себя обязательствами со Стивеном. Поступив так, я должна была сделать все от меня зависящее, чтобы обеспечить ему нормальную жизнь. Оказалось, что выполнение моего обета подразумевает создание фасада нормальности, какой бы ненормальной ни являлась наша жизнь фактически. У меня не было намерения отказываться от своего слова, но отдельные столкновения с жизнью других людей, подобные описанному

мной случаю, только подчеркивали, а не облегчали мое растущее одиночество. Уже давно мы обнаружили, что не существует никакой организации, никакого медицинского учреждения, куда мы могли бы обратиться за профессиональным советом и помощью. Теперь же, не имея возможности получить психологическую поддержку, которая помогла бы мне найти собственный путь в лабиринте проблем, я решила доверять собственной интуиции, обходя стороной расстраивающих меня людей и ситуации, притворяясь, что у нас такая же семья, как и у других, и не вынося сор из избы.

12. Горизонты событий

Однажды темным ветреным вечером 14 февраля 1974 года я отвезла Стивена в Оксфорд на конференцию в Лабораторию Резерфорда[109] на базе Научно-исследовательского центра по атомной энергии в Харуэлле. Мы остановились в Эбингтоне в Козенерс-хаус – старинном деревенском доме на берегу Темзы, в ту зиму вышедшей из берегов. Дождь, который лил как из ведра из нависших над нами туч, ничуть не убавлял нашего энтузиазма: мы со Стивеном, а также группа его студентов томились в предвкушении грандиозного события. Стивен собирался поделиться новой теорией. Наконец-то он нашел решение для связи принципа действия черных дыр и законов термодинамики, не дававшее ему покоя со времен летней школы в Лез-Уш. Постоянная перепроверка теории превратилась у него в навязчивую идею после того, как один из принстонских студентов Джона Уилера поколебал его уверенность беспочвенными придирками: он был настолько поражен сходством между законами термодинамики и результатами Стивена 1971 года в отношении черных дыр, что заявил, что законы термодинамики и законы, управляющие черными дырами, – это одни и те же законы. По мнению Стивена, такое заявление было абсурдным, поскольку для того, чтобы подчиняться законам термодинамики, черные дыры должны были бы иметь конечную температуру и излучать энергию; иными словами, два типа законов должны были бы во всем, а не в чем-то одном соответствовать друг другу. Стивен собирался предложить беспрецедентно инновационное решение.

В те периоды интенсивной полной концентрации, которые наблюдали мы с детьми, Стивен пришел к выводу, что, вопреки всем предыдущим теориям черных дыр, они все-таки могут излучать энергию. По мере излучения энергии черной дырой она испаряется, теряя массу и энергию. Пропорционально этому увеличиваются ее температура и поверхностная гравитация в процессе ее сжатия до размеров ядра атома, но с сохранением веса от тысячи до ста миллионов тонн. Наконец при невообразимой температуре она исчезает, взрываясь. Таким образом, черные дыры оказывались не такими уж непроницаемо черными, а их активность можно было рассматривать в соответствии, а не в противоречии с законами термодинамики. Длительное вынашивание этого детища скрывалось под покровом тайны. Со своей стороны, я испытывала некий кровный интерес в том, чтобы засвидетельствовать его появление на свет:

конкуренция с ним за внимание Стивена доставила мне множество неприятных минут. Бернард Карр должен был выступить кем-то вроде акушерки: он отвечал за вывод слайдов с конспектом лекции Стивена на экран проектора.

В день лекции я сидела в чайной комнате, расположенной вне зала заседаний, пролистывая газету и ожидая его доклада, который должен был начаться в 11 утра. Мое внимание отвлекло шумное поведение компании техничек, обслуживавших конференцию. Их ложки слишком громко стучали о стаканы, а дым от их сигарет заполнил всю комнату. Меня раздражала их болтовня; ее, как и дым, невозможно было игнорировать. Я почувствовала, что против своей воли начинаю прислушиваться к содержанию беседы: они сплетничали о конференции и ее участниках. Я насторожилась, когда одна из них заметила компаньонкам: «Среди них есть один молодой парень, который явно перехаживает свое». Я моментально поняла, о ком они говорят. «А, да, – согласилась ее собеседница. – Видно, что бедняжке нездоровится, вот-вот по швам разойдется, головку не держит». Она противно усмехнулась, довольная своим каламбуром. Мне их разговор напомнил о том, что сказал недавно седовласый семидесятилетний Фрэнк Хокинг в моем присутствии: что Стивен к этому времени уже должен был умереть. И тогда, и сейчас мое чувство безопасности было подорвано: люди выносили Стивену бесцеремонный приговор за его спиной, ни в грош не ставя наши планы, и это причиняло мне жгучую невысказанную боль.

Когда Стивен выкатился в инвалидном кресле из зала заседаний, чтобы выпить кофе перед началом своего доклада, я внимательно осмотрела его с ног до головы. Он, определенно, был жив и переполнен волнением в предвкушении битвы, но я заставила себя взглянуть на него более трезво: действительно ли он выглядит так, как будто уже отжил свое, и расползается ли по швам? Мне пришлось признать, что для стороннего наблюдателя, скорее всего, так и было – и эта уступка чужому восприятию меня огорчила. К счастью, это в последнюю очередь его беспокоило в тот момент. Крепко укорененный в мире физики и, подобно Дон-Кихоту, не осознающий недоброжелательного скептицизма в отношении его персоны и внешности, он был готов ринуться в бой в компании своего верного Санчо Пансы – Бернарда Карра. Все еще подавленная услышанным, я последовала за ним в зал заседаний. Я утешилась тем, что уборщицы видят лишь жалкую телесную оболочку, но не способны воспринять мощь интеллекта и силу духа, о которых так красноречиво свидетельствовал его величественный череп и проницательный, интеллигентный

взгляд. Мое убеждение в том, что Стивен бессмертен, выдержало еще один удар.

С изысканной иронией Стивен в очередной раз подтвердил свое бессмертие знаменитым докладом, хотя в то время председатель и некоторые из присутствующих, кажется, подумали, что он лишился рассудка. Я сидела на краешке стула, подавшись вперед и впиваясь глазами в Стивена, который, сгорбившись в своем кресле при свете софитов, зачитывал текст доклада. Бернард выводил на проектор слайды, чтобы прояснить для всех суть ускользающего шепота Стивена. Фактически доклад воспроизводился дважды – в изложении Стивена и в содержании слайдов, так что в его значении сомнений быть не могло: черные дыры на самом деле не были такими уж черными.

> Стивен, определенно, был жив и переполнен волнением в предвкушении битвы, но я заставила себя взглянуть на него более трезво: действительно ли он выглядит так, как будто уже отжил свое, и расползается ли по швам?

Несмотря на ясность презентации, в конце доклада воцарилось молчание. Казалось, что публике трудно переварить эту, по сути, простую информацию. Председатель, профессор Джон Д. Тейлор из лондонского Кингс-колледжа, однако, не смог усидеть на месте. В ужасе от крамольного попирания святыни черной дыры он вскочил на ноги, неистовствуя: «Ну, извините, это просто-напросто нелепо! Никогда ничего подобного не слышал! Объявляю заседание закрытым!» Честно говоря, нелепым в тот момент было только его поведение: ситуация напомнила мне легендарную атаку Эддингтона на Чандрасекара в 1933 году с одним лишь отличием: Эддингтон использовал слово «абсурдно», а не «нелепо», давая характеристику теории Чандрасекара. Председатель обычно объявляет время для вопросов после доклада; также правила хорошего тона требуют от него изъявления благодарности докладчику за «чрезвычайно полезную информацию». Д. Д. Тейлор (прошу не путать с профессором Д. С. Тейлором, специалистом по физике элементарных частиц – с ним и его женой Мэри мы близко подружились через несколько лет) не оказал Стивену вышеперечисленных традиционных знаков внимания; напротив, создалось впечатление, что его обуревает желание сжечь Стивена на месте как еретика. Это сознательное оскорбление в адрес Стивена было столь же невыносимо, как и безмозглые кривотолки уборщиц. Здесь имела место целенаправленная попытка принизить его, объявить умственно столь же несостоятельным,

каким он был физически.

Если в зале заседаний после лекции Стивена воцарилась мертвая тишина, то в столовой разразилась буря. Было ощущение, что частицы из испаряющейся черной дыры разбежались во все стороны, толкая делегатов, отчего те хаотично разлетелись по комнате, подобно драже из разорванного пакета. Бернард осторожно усадил Стивена за угловой столик, а я встала в очередь к барной стойке за едой. Все еще негодуя и сердито бурча что-то своим студентам, Д. Д. Тейлор встал в очередь за мной, не зная о том, кто я такая. Я как раз репетировала несколько уничижительных реплик в защиту Стивена, когда услышала, как он прошептал: «Мы должны как можно скорее опубликовать нашу статью!» Я решила сохранить инкогнито и вернулась к Стивену, чтобы рассказать о том, что услышала. Он снисходительно пожал плечами, тем не менее отправил собственную статью на публикацию в *Nature*[110] сразу по возвращении в Кембридж. Поскольку рецензентом оказался не кто иной, как Д. Д. Тейлор, неудивительно, что статью отклонили. Тогда Стивен потребовал независимой рецензии, и со второго раза ее приняли. Статья Д. Д. Тейлора также была принята к публикации, но умерла естественной смертью, в то время как статья Стивена стала первым шагом на пути к объединению физики как дисциплины, согласованию крупномасштабной структуры Вселенной и микроструктуры атома – посредством черной дыры. Несомненно также и то, что произошедшее в лаборатории Резерфорда укрепило намерение Стивена бороться с любыми физическими проблемами – как научными, так и телесными. Я же одновременно гордилась Стивеном и переживала из-за той подноготной, которую вскрыли для меня разговоры за его спиной. Теория испарения черных дыр открыла Стивену путь к избранию в Королевское общество[111] следующей весной в необычайно раннем возрасте тридцати двух лет. Правда, в XVII веке членов общества избирали в двенадцать лет, но это было в те дни, когда членство являлось привилегией, а не заслугой. В наше время членство в обществе – почесть, которой ученые обычно удостаиваются в конце, а не в начале карьеры, после того как обзаведутся рядом почетных докторских степеней и прослужат в нескольких консультативных комитетах. Эта почесть является венцом научной карьеры и уступает в престижности только Нобелевской премии.

Нас известили об избрании в середине марта, за две недели до официального объявления, благодаря чему у меня было время на организацию поздравительного сюрприза. Я запланировала прием с шампанским в торжественной обстановке главной

гостиной колледжа Каюса, куда были приглашены родственники, друзья и коллеги Стивена, а также шведский стол в нашем доме для самых близких друзей и семьи. Невозможно было придумать более подходящий случай для того, чтобы открыть две бутылки «Шато Лафит» 1945 года, оказавшиеся пару лет назад в винной карте членов колледжа по удивительной и, очевидно, ошибочной цене – сорок пять шиллингов[112] за бутылку. Количество посетителей фуршета было ограничено не вместимостью нашего дома и не количеством имеющейся в наличии посуды, но количеством чрезвычайно редкого старинного кларета в этих двух бутылках: каждому доставался один глоток.

Вечером 22 марта 1974 года студенты Стивена дипломатично направили его кресло в направлении колледжа, где друзья, родственники, студенты и коллеги приветствовали его как одержавшего победу героя. Дети изо всех сил старались помочь, передавая круглые тарелки с канапе, тостами с икрой, волованами и миниатюрными рулетиками из семги со спаржей, которые были изюминкой банкетного сервиса колледжа. Деннис Шама согласился произнести торжественный тост в честь Стивена и сделал это от всей души, перечислив его многочисленные научные достижения, которые, сказал он, сами по себе более чем оправдывали возлагавшиеся на него надежды, независимо от избрания в Королевское общество. Мы с детьми стояли в сторонке и светились от гордости.

Пришел черед ответного слова Стивена. О том, насколько он изменился со времени нашей свадьбы, свидетельствовала та непринужденность, с которой он теперь говорил на публике. Тем не менее, поскольку поздравление стало сюрпризом, у него не было возможности подготовить речь. Он говорил долго, медленно и отчетливо, хотя и тихо. Он рассказывал о ходе своего исследования, о том, какой неожиданный оборот оно приняло за последние десять лет, с тех пор как он приехал в Кембридж. Он поблагодарил Денниса Шаму за его поддержку и воодушевление, поблагодарил своих друзей за то, что пришли его поздравить, как всегда, говоря от первого лица единственного числа. Положив руки на плечи детей, я стояла в стороне и ждала, что он повернется к нам с улыбкой, кивком, коротким словом признательности за мои домашние достижения на протяжении девяти лет нашего брака. Может быть, он был настолько взволнован моментом, что просто позабыл упомянуть о нас. Он закончил речь под всеобщие аплодисменты, а я закусила губу, чтобы скрыть разочарование.

В ту самую неделю, когда был опубликован новый список членов Королевского общества, Стивен получил приглашение –

без сомнения, инициированное Кипом Торном, – от Калтеха, Калифорнийского технологического института в Пасадене. Ему предложили должность приглашенного научного сотрудника на следующий учебный год. Условия были шикарными до неприличия. Помимо зарплаты американского порядка, предложение включало большой, полностью меблированный дом с проплаченной арендой, автомобиль и всевозможные бытовые приспособления, включая инвалидное кресло с электроприводом для обеспечения максимальной независимости передвижения Стивена. Также в пакет входила физиотерапия и медицинский уход для него и оплата обучения для детей. Студентов Стивена Бернарда Карра и Питера де'Ата тоже пригласили сопровождать его. Перемена была нам необходима – перемена, которая заставила бы нас по-новому взглянуть на наш брак, увидеть будущее в новом свете и получить новый импульс. Детям тоже требовалось сменить обстановку, и время было подходящее – Люси еще не начала учиться в школе, а Роберт как раз готовился к переходу в частную образовательную систему. Предложение американцев, поддержавших нашу семью с необычайной щедростью и предусмотрительностью, было гораздо более своевременным, а наше положение в Кембридже – более шатким, чем мы могли догадываться. Много лет спустя близкий друг рассказал мне о сцене, свидетелем которой он стал на церемонном торжественном ужине в Кембридже в начале семидесятых – как раз в описываемый период времени. К удивлению гостей собрания, решение о судьбе Стивена походя прозвучало из уст одного из старейшин с величайшим равнодушием. «Пока Стивен Хокинг справляется со своей долей работы, он может оставаться в университете, – объявил тот. – Но как только он не будет в состоянии это делать, ему придется уйти». К счастью для нас, мы смогли уйти по своей воле, хотя и не вполне уверенные в будущем. Как показало время, на следующий год нас пригласили вернуться в Кембридж.

Возможность сменить пробирающий до костей ветер со студеных кембриджских болот на жар пустынь Южной Калифорнии была заманчивой, но переезд подразумевал массу трудностей. Я все время занималась тем, что взвешивала преимущества и недостатки. Если Стивен освоил историю Вселенной на пятнадцать тысяч миллионов лет вперед, то мое ви́дение будущего ограничивалось перспективой следующих нескольких дней. Я научилась не загадывать далеко вперед, и поэтому у меня не было плана на следующие два года, пять, десять или двадцать лет. Тем не менее ближайшие восемнадцать месяцев требовали тщательного просчета, особенно в свете моего

предыдущего столкновения с жизненным хаосом на западном берегу Америки. Я собралась с духом, понимая, что придется преодолеть мою личную проблему – страх перелетов. По крайней мере, на этот раз мне не надо было оставлять детей, потому что они, разумеется, отправлялись вместе с нами – но об этом я теперь беспокоилась меньше всего. Что меня волновало, так это вопрос о том, как пройдет перелет на другую сторону планеты, при условии, что я одна должна буду отвечать за Стивена в его тяжелом состоянии и за детей в придачу. Во-вторых, как я стану справляться со всем этим в течение целого года – без родителей и соседей, к которым можно обратиться за помощью в трудный момент? В последние два года, в то время, когда я лежала в постели с гриппом, головной болью, болью в спине и даже плевритом, я во всем полагалась на маму и Тэтчеров. В Калифорнии я не имела бы такого подспорья.

Я собралась с духом, понимая, что придется преодолеть мою личную проблему – страх перелетов. По крайней мере, на этот раз мне не надо было оставлять детей, потому что они, разумеется, отправлялись вместе с нами – но об этом я теперь беспокоилась меньше всего.

Помимо прочего, меня озадачивало еще одно непреодолимое препятствие: Стивен наотрез отказывался допускать посторонних людей к уходу за ним. Кроме отдельных медицинских советов своего отца, он не принимал никакой помощи, видимо, не желая, чтобы кто-то узнал о серьезности его состояния или темпе его ухудшения. Такое отношение в сочетании с отказом обсуждать болезнь было одной из основ, поддерживающих его мужество, и являлось частью его защитного механизма. Я прекрасно понимала, что если бы он признал серьезность своего состояния, мужество могло покинуть его. Также я прекрасно понимала, что если бы он хоть на минуту задумался о том, сколько усилий ему требуется, чтобы встать утром с постели, то такая попытка неминуемо обернулась бы полным провалом. Как я мечтала о том, чтобы и он, со своей стороны, постарался понять, что даже небольшое облегчение невыносимой физической нагрузки, подавляющей мой природный оптимизм, могло значительно улучшить наши отношения.

Меня озадачивало еще одно непреодолимое препятствие: Стивен наотрез отказывался допускать посторонних людей к уходу за ним.

Мой доктор знал о моих проблемах и поговорил с доктором

Стивена. Вместе они попытались составить график для приходящих медбратьев, которые опускали бы Стивена в ванну и доставали из нее, по крайней мере, два раза в неделю. Этот план был уничтожен в зачатке после того, как оказалось, что симпатичный пожилой медбрат может приходить только в пять часов вечера, и такое беспрецедентное прерывание рабочего дня, оно же – его завершение, конечно, было неприемлемо для Стивена. Только чудо могло бы разрешить проблему, с которой мы столкнулись. Однако во время Пасхи меня посетила восхитительная идея, подобная пушинке одуванчика, залетевшей в окно и укоренившейся в цветочном горшке. Благодаря ей я как будто сбросила груз с плеч. Меня покинула тревога о том, что благородная попытка залучить нас на другой континент со всеми удобствами не может увенчаться успехом по причине своей практической невыполнимости. Идея была простая: мы должны пригласить студентов Стивена жить в нашем большом калифорнийском доме. Мы могли предложить им бесплатное проживание в обмен на физическую помощь в поднимании, одевании и купании. Это было тем более своевременно, что Стивен уже не мог есть сам и ему требовался постоянный присмотр. Получая помощь от Бернарда, он не мог бы жаловаться на невыносимое унижение, которое причиняет присутствие сиделки – признак отступления, признание ухудшения его состояния. Вместо этого ему будут оказывать помощь люди его круга, пусть не семейного, но дружеского. Первой реакцией Стивена был категорический отказ, но после, хорошенько обмозговав мою идею (я дала понять, что от этого будет зависеть само решение о поездке в Калифорнию), он передумал. Я поделилась идеей с Бернардом Карром и потом с Питером де'Атом, которые, хорошенько все взвесив, согласились, что это вполне взаимовыгодное предложение.

> Когда подошла очередь Стивена, по рядам прошел шепот: книгу сняли с подиума и поднесли ему на подпись. Он медленно и старательно написал свое имя в напряженной тишине. Последняя завитушка вызвала всеобщие бурные аплодисменты; на лице Стивена появилась торжествующая улыбка, а на мои глаза навернулись слезы.

В то лето нам предстояло еще одно важное мероприятие: 2 мая должно было состояться посвящение Стивена в члены Королевского общества. Мы выехали из Кембриджа загодя, чтобы вовремя попасть в Карлтон-хаус-террас, элегантный особняк XVIII века с видом на улицу Мэлл[113], являющийся резиденцией

Королевского общества. Когда мы въезжали в Лондон с севера, машина начала резко дергаться, а поворачивать руль стало значительно труднее. У нас не было выбора – пришлось продолжать движение, надеясь, что нам удастся добраться до места назначения. Наконец, изо всех сил налегая на руль, я повернула на передний двор Карлтон-хаус-террас, где припарковалась и начала выполнять хорошо отрепетированную последовательность действий: найти обретающихся поблизости пожилых портье, вытащить части инвалидного кресла из машины, собрать кресло, установить его рядом с пассажирским сиденьем, поднять Стивена за подмышки и пересадить из машины в кресло. Затем портье необходимо было проинструктировать о том, как аккуратно переносить кресло через неизбежные лестничные пролеты, ведущие к главному входу. На этот раз последовательность несколько усложнилась, так как машине тоже требовалось наше внимание: у нее спустило переднее колесо.

Как бывало неоднократно, помощь пришла с самой неожиданной стороны. Сам ученый секретарь Королевского общества, немногословный человек, обремененный нуждами почетных гостей и отвечающий за торжественное мероприятие, опустился на колени в своем парадном темно-сером костюме и поменял нам колесо. Мы, в неведении о происходящем, были с почестями препровождены на официальный обед другим кембриджским ученым, президентом Королевского общества сэром Аланом Ходжкиным. Церемония посвящения, обставленная множеством ритуалов, состоялась после обеда в помещении лекционного зала. В честь каждого нового члена произносилась речь, после чего от него требовалось взойти на подиум, чтобы поставить подпись в книге посвященных. Когда подошла очередь Стивена, по рядам прошел шепот: книгу сняли с подиума и поднесли ему на подпись. Он медленно и старательно написал свое имя в напряженной тишине. Последняя завитушка вызвала всеобщие бурные аплодисменты; на лице Стивена появилась торжествующая улыбка, а на мои глаза навернулись слезы.

Стивен был не единственным кембриджским ученым, почтенным честью избрания в Королевское общество в тот год, и даже не единственным физиком со своей кафедры. Джон Полкинхорн, профессор физики элементарных частиц, принимал посвящение вместе со Стивеном. Достигнув апогея своей научной карьеры, он готовился покинуть ряды физиков и обратиться к теологии. Это означало, что член Королевского общества профессор Полкинхорн должен был стать простым студентом, ступив на долгий путь, вехами которого являлись рукоположение, должность викария и собственный приход. В основе такого

решения лежало желание закончить раскол между наукой и религией, произошедший во времена Галилея. По мнению Полкинхорна, наука и религия являлись не противоположностями, но взаимодополняющими аспектами реальности. Этот тезис впоследствии станет краеугольным камнем его научных трудов в роли ученого-священника. Хотя мы не были близко знакомы с ним, я восхищалась его убеждениями и радовалась тому, что атеизм не является непременным условием научной деятельности и не все ученые такие атеисты, какими представляются.

Часть третья

1. Письмо из Америки

Здравствуйте! Меня зовут Мэри Лу, я живу в Сьерра-Мадре. А как вас зовут? Откуда вы?» Стоящая перед нами худенькая загорелая женщина ожидала нашего ответа с широкой улыбкой на лице. Так как мы только что приехали на вечеринку, хозяевами которой были английские экспатрианты, пригласившие нас через неделю с небольшим после приземления в Лос-Анджелесе, такая откровенность нас немного шокировала. После продолжительной паузы, в процессе которой мы преодолели свое удивление, стало понятно, что от нас ожидается столь же спонтанный ответ. Как-никак, потребовалось почти десять лет для того, чтобы к нам стали по-человечески относиться на «вечеринках» в Кембридже, но до последнего момента отношение к нам было по-прежнему недоверчивое. В последний год мы заметили, что некоторые из почтенных членов и даже в большей степени их жены стали проявлять к нам благосклонный интерес; тем временем мы уже не удивлялись тому, что нас сажают за неудобный конец стола или в собственный одинокий угол, и не ожидали, что с нами кто-то заговорит. Дружелюбное выражение на чьем-то лице всегда было приятным, но редким сюрпризом. Один из управляющих банкетами как-то признался мне, что для нас было очень трудно найти место за столом, так как никто из колледжа не хотел сидеть рядом с нами. Неудивительно, что речь Мэри Лу застала нас врасплох. Ее прямота была заразительна; я, в свою очередь, попыталась передать наш восторг от Калифорнии своим родным и близким в письмах на родину. Вот, к примеру, мое первое письмо родителям, написанное в те дни, когда регулярная телефонная связь была невозможна по финансовым причинам:

Саут Уилсон Эвеню, 535
30 августа 1974 года 91106, Пасадена, Калифорния, США

Дорогие мама и папа,

все просто замечательно! Перелет был долгим, но не таким утомительным, как в первый раз, когда мы с маленьким Робертом летели над полюсом. Как прирожденный путешественник, повторяющий пройденный маршрут, Роберт завороженно смотрел в иллюминатор, где проплывали черные вершины на фоне снежных полей, горы, поднимающиеся из ледяного моря с островками воды, похожими на изумруды, белые точки

айсбергов в Гудзонском заливе, пустыни Америки, Большое Соленое озеро и, наконец, появился прибрежный горный хребет. Люси, наоборот, ничуть не впечатлили виды: еще над Атлантикой она начала спрашивать, не пора ли нам выходить…

Мы все взбодрились после посадки, несмотря на то что по вашему времени было уже около двух часов ночи. С широко открытыми глазами мы изучали непривычный пейзаж: пальмы, огромные автомобили, наш собственный блестящий «универсал», на котором Кип приехал за нами, автомагистрали, устремляющиеся во всех направлениях, небоскребы и, наконец, наш дом с белой обшивкой, выглядящий гораздо симпатичнее, чем на фото. Когда мы приехали, уже смеркалось, и во всех окнах горел свет, как в диснеевской сказке! Внутри дом очень элегантный. А как все удобно устроено! Огромные диваны, в которые так и хочется провалиться, несколько туалетов, все в гармоничных оттенках, конечно! Все абсолютно новое, сделанное «под старину» – мебель, полотенца, фарфор, даже кастрюли! Эти люди, должно быть, полагают, что мы привыкли к астрономическим бытовым стандартам. Знали бы они, как все обстоит на самом деле! С места у кухонной раковины открывается вид на горы, а Стивен находится ближе к своему офису, чем в Кембридже, потому что университетский кампус расположен как раз напротив нашего дома. Стивен, как мальчишка, которому подарили новую игрушку, с восторгом осваивает кресло-каталку с электроприводом, такое же, как то, которым он пользуется в институте, только гораздо маневреннее. Уже много лет у него не было такой свободы передвижения, хотя кресло приходится заносить на тротуар и на ступеньки: тротуары здесь высокие – никто никогда не выходит на дорогу, а кресло очень тяжелое. Две твердогелевые батареи весят тонну каждая, что уж говорить о пассажире. В первый же день к нам прислали инженеров, которые занимались инвалидным креслом и настраивали все другие приспособления. Никаких трудностей пока не возникло.

Сад довольно пустой; приходят несколько садовников с садовыми ножницами, метлами и пылесосом, чтобы ухаживать за ним. Они подрезают, чистят и пылесосят лужайку, но не отличают сорную траву от культурной. Трава нуждается в поливке, орошение происходит через подземную ирригационную систему – никаких шлангов и

леек. Это все такая экзотика! В первое утро мы вышли во дворик и увидели колибри, парящую над растением странного вида, с заостренными оранжевыми и синими цветами. Вокруг дома посажены кусты камелии величиной с дерево, а во дворе растет гигантский калифорнийский сухой дуб, на который так и хочется взобраться. На краю сада у нас апельсиновое дерево, плодоносящее и цветущее одновременно, два авокадо, ель и маленькая пальма. Пока что мы едим только во дворике – погода стоит очень солнечная, да и в столовой все такое красивое – ворсистый красный ковер и стол красного дерева, – что мы боимся даже зайти туда, не говоря уж о еде.

Мы с детьми сегодня купались в бассейне Калтеха. Люси упала в него, и это ей совсем не понравилось. Ее считают ужасно отсталой, так как в три года она еще не умеет плавать, но Роберт уже научился и сейчас плавает под водой. Мы все настолько полны приятной, здоровой усталости, что Люси уснула прямо перед телевизором (хотя нам любопытно это новшество, мы редко смотрим его из-за нескончаемой рекламы), и даже Роберт выглядит утомленным. Я думаю, что усну раньше него.

С любовью, Джейн

Мой отец должен был уйти в отставку из Министерства сельского хозяйства в день своего шестидесятилетия, в декабре 1974 года. После длительной преданной службы он собирался отпраздновать выход на пенсию приездом в Калифорнию вместе с мамой. Тем временем поток посетителей в нашем доме не иссякал – некоторые из них оставались на выходные, другие же поселились в нашем доме – в частности, аспирант Стивена Питер де'Ат, помогавший Бернарду ухаживать за Стивеном, пока не нашел себе отдельное жилье. Я стала более уверенно водить машину и не находила утомительной обязанность делать покупки для такого количества посетителей, потому что их паковали в коричневые бумажные – не пластиковые – пакеты и относили прямо в машину улыбающиеся сотрудники магазина. Кроме того, Роберт в свои семь лет оказался прекрасным штурманом: казалось, он хранил карту шоссе у себя в голове и, в отличие от своего отца, заранее предупреждал о повороте.

Наступил день, когда детям пора было начать ходить в школу города Пасадена. Утром я с некоторой опаской доставила их к школьным воротам, а в полдень вернулась, чтобы забрать Люси из детского отделения, присоединившись к другим мамашам в

автомобильной очереди, медленно продвигающейся вдоль улицы. Подъехав к школьным воротам, я назвала ее имя учителю, дежурившему на тротуаре. Он тут же произнес ее имя в громкоговоритель. «Лу-усси-и Хоккинг, Лу-усси-и Хоккинг!» – выводил он на все лады. Никто не явился на зов, потому что никакой Лууссии Хоккинг среди малышей, терпеливо ожидающих родителей, не обнаружилось. Началась грандиозная суматоха. Могла ли Лу-усси-и Хоккинг стать жертвой похитителей – это было самое страшное предположение учителей – в первый день учебы? Школа погрузилась в хаос. Я припарковала автомобиль и зашла в ворота. Директриса выбежала из своего кабинета; группа дам среднего возраста рассеялась по территории в поисках потерянного ребенка. Найти Лу-усси-и Хоккинг оказалось несложно. Ей так понравилось в школе, что она отправилась на обед, намереваясь остаться до половины третьего. С тех пор она исправно откликалась на зов, будучи уже усталой и слегка потрепанной – все-таки для трехлетнего ребенка она достаточно много времени проводила в обществе.

Дети нашли себе нового друга – Шу, восьмилетнего сына наших соседей-японцев Кена и Хироко Нака, которые, как оказалось, некоторое время жили в Кембридже до того, как переехать в Соединенные Штаты. Кен был биологом, специалистом по глазам рыбы-зубатки, по всем признакам схожим с человеческими глазами. Нака не только предложили отвозить Роберта и Люси в школу по утрам, но и устраивали разнообразные экспедиции в парки развлечений и на пляжи для всех троих детей. Забирая их из школы днем, я выяснила, что речь Шу изобилует компьютерным жаргоном. Люси непрестанно весело лопотала, в то время как Шу излагал собственные мысли, а Роберт понимающе кивал, заинтригованный первым знакомством с информационными технологиями – сферой, которая в будущем станет его профессией. Наслаждаясь вновь обретенной независимостью, Стивен втайне гордился тем, что стал звездой кампуса, где сидел весь день в офисе с кондиционером. Кампус был в избытке оборудован пандусами для инвалидных кресел; так же удобно оказался устроен и вход в дом. У Стивена была секретарша по имени Полли Гранмонтан и собственный физиотерапевт Сильви Тешке, чей муж – швейцарец, часовых дел мастер, с беспокойством ожидал краха своего бизнеса из-за появления кварцевых часов. Студент Стивена Бернард Карр легко встроился в наш повседневный ритм и всегда был в отличном настроении, несмотря на свой странный режим дня: он помогал мне укладывать Стивена спать, затем отправлялся на вечеринки, после которых просиживал до утра перед телевизором за

просмотром фильмов ужасов – он говорил, что это из-за бессонницы, – а утром засыпал и вставал только к обеду. Один раз я поднялась к нему, чтобы разбудить к завтраку, и обнаружила его сладко спящим: туловище лежало в кровати, а голова – на полу!

В ту осень Мэри Тэтчер приезжала в Соединенные Штаты читать лекции по ее недавно изданному архиву документального кино о жизни англичан в Индии. Как и для всех наших гостей, мы устроили для нее показ местных достопримечательностей: ботанических садов и галереи Хантингтона, принадлежавших мистеру Хантингтону, разбогатевшему на строительстве железной дороги и женившемуся на своей тете, чтобы деньги остались в семье. Ее портрет свидетельствует о том, что он заплатил высокую цену за эту возможность, но накопленное богатство позволило ему приобрести картину Констебла «Вид на Стаур», рукописи Чосера и Библию Гутенберга[114], а также другие ценные произведения искусства для своей галереи и устроить прекрасный сад. Сад был поделен на участки, представляющие собой разные географические и ботанические области: угрожающе ощетинившийся иглами сад пустынных кактусов; австралийский сад с эвкалиптами, но без кенгуру; джунгли, представленные рядами камелий; шекспировский сад с регулярно разбитыми клумбами; классический японский сад с мостиком, чайным домиком и гонгом; загадочно-философский сад дзен, состоящий преимущественно из ровных участков гравия с вкраплениями многозначно размещенных крупных камней. Оказалось, что весьма неплохие экземпляры европейского искусства можно было отыскать, не отходя далеко от дома – если не в галерее Хантингтона, то в Калифорнийском музее искусств Пасадены, Музее Гетти в Малибу и Херст-касле на пути в Сан-Франциско. Иногда я начинала испытывать некоторую ностальгию при виде образцов европейского искусства, особенно картин Констебла, в шумной и яркой Калифорнии. Здесь не было места тем оттенкам, из которых состояла наша обычная жизнь: серые небеса, добропорядочная невзрачность, доживающие свой век здания, недоверие, снобизм. Калифорнийское небо, цвета, ландшафт, люди, их поведение и речь казались мне непривычно однозначными, честными и лишенными нюансов. Что касается еды, то ее количеству и разнообразию позавидовал бы Гаргантюа, но в ней было столько искусственных добавок, что мы радовались возможности выращивать собственные фрукты. С наших деревьев упало на землю пятьдесят два авокадо за время, пока мы были в отъезде в Санта-Барбаре. Мы спешно собрали их и положили в нижний ящик холодильника, чтобы спасти от еженедельной

большой чистки лужайки.

В ноябре я написала маме и папе о том, к чему им следовало подготовиться.

Дорогие мама и папа,

мы с огромным нетерпением ждем вашего приезда – осталось всего две недели! Тем не менее я очень беспокоюсь, будет ли вам тут комфортно. Не рассчитывайте на тихий отдых в Калифорнии! Мы живем в непрекращающемся социальном круговороте. Поскольку наш дом самый большой и находится рядом с кампусом, в этом году он стал местом постоянного пребывания релятивистской группы. У Кипа и Линды прекрасная старинная вилла в испанском стиле в Альтадене, но это довольно далеко от города, и в их районе постоянно воруют – стоит им купить что-то новое, как это сразу исчезает. То же самое происходит с автомобилями, припаркованными на улице. Поэтому все вечеринки проходят у нас: коктейли, обеды, ужины – что уж говорить о дне рождения Люси, на который она пригласила весь класс и учителей в придачу… Скоро мы будем готовить индейку на День благодарения. Я не знаю, сколько гостей мне ожидать, но традиционные блюда, такие как тыквенный пирог, будут готовить американцы, поднаторевшие в подобных вещах. В конце концов, на их вкус не угодишь. На прошлой неделе на ужин осталось несколько человек, и я поставила на стол говядину в горшочках. К моему изумлению, они взяли стоявшую на столе свежую осеннюю клубнику и добавили ее в жаркое на своих тарелках!

Вы сможете познакомиться с нашими новыми друзьями; мы очень подружились с семьями ученых, увлеченных тем же, что и Стивен: Дике и Израэлями. Боб и Энни Дике из Принстона напоминают мне вас. Он очень умен и прекрасно играет на пианино, а она относится к детям с нежностью родной бабушки. Мы с детьми часто ходим пить чай в ее компании, плаваем в бассейне рядом с многоквартирным домом, в котором они живут. Такие дома называют «многоэтажками». Может быть, вы помните Израэлей из Эдмонтона, которые приезжали в Кембридж с десятилетним сыном Марком в 1971 году? Они очень космополитичны во взглядах, но безукоризненно вежливы, обладают прекрасным чувством юмора и знают обо всем на свете, но при этом всегда ведут себя

естественно.

Информация для Криса. У Роберта на прошлой неделе заболели зубы, несмотря на то что перед отъездом он был у зубного врача. В четверг мы отправились к здешнему стоматологу. Что тут сказать, это Калифорния. В приемной цветы в горшках, ковры с длинным ворсом, мягкие диваны и приглушенная музыка. Стоматолог вышел побеседовать со мной после того, как осмотрел Роберта. «Что ж, миссис Хокинг, – начал он, затем сделал многозначительную паузу, чтобы смысл его слов оказал на меня должное влияние, – подготовьтесь к значительным инвестициям… этим юным молярам требуется восстановительное лечение, коронки из нержавеющей стали… около ста восьмидесяти долларов, я полагаю…» Могу представить реакцию Криса, но что мне оставалось, кроме как расплатиться?!

Мы с детьми записались в местную библиотеку. Роберт сразу взял на дом книгу о Британской империи, что мне показалось излишне патриотичным, но неплохо для ребенка, которого год назад объявляли отсталым. У меня тоже появилось новое захватывающее увлечение благодаря Трише Холмс, ирландке, жене одного из научных сотрудников Калтеха. Триша привела меня в вечерний хоровой класс в Городском колледже Пасадены. Раз в неделю мы собираемся, чтобы петь с листа знаменитые хоровые произведения. Я не очень хорошо пою с листа, но это так интересно! На прошлой неделе мы пели «Немецкий реквием» Брамса, на этой – «Реквием» Моцарта, и так далее. Планируется, что раз в две недели мы будем петь «Страсти по Матфею»[115]. Подход напоминает мне то, как американцы путешествуют по Европе: день в Париже, день в Лондоне, два дня в Венеции, если уж на то пошло.

Триша Холмс подобрала занятие и для Люси. Ее дочка Лиззи примерно такого же возраста. Лиззи и Люси вместе ходят на уроки балета, так что балетные туфли опять пригодились. На этот раз все серьезно, никаких штучек вроде детских стишков и свободного самовыражения, но и никаких жестокостей. Учительница молодая и вполне американская. Она опасается, что ее метод обучения не подходит для английской девочки… Со времени моего последнего письма у нас появилась еще одна постоянная гостья в доме. Анна Зитков, молодой польский астрофизик, переехала к нам на время, пока ищет

квартиру. Когда она переехала, я предложила играть в теннис, хотя не играла уже много лет. Только мы начали играть, как она упала и сломала лодыжку. С этих пор, не имея возможности двигаться, она строит великолепный, полностью меблированный дом для кукол из большой картонной коробки, чтобы подарить Люси на день рождения. Это настоящее произведение искусства – в нем все настолько тонко и затейливо устроено, что по сравнению с ним безвкусные пластиковые игрушки из магазина выглядят чудовищно вульгарно и неуклюже.

Под Рождество свободных комнат не останется. Я думаю, что к тому времени Анна уедет, но кроме нас шестерых вместе с Бернардом Джордж Эллис приедет на пару дней по возвращении вместе со Стивеном с конференции в Далласе 21 декабря, а 23-го прибывает Филиппа Хокинг из Нью-Йорка, где она сейчас работает. Мы приедем в аэропорт в пять утра, чтобы вас встретить! Приготовьтесь к традиционным концертам в честь окончания учебной четверти – Роберт будет читать отрывок из «Битвы при Банкер-Хилле» – и к грандиозной вечеринке 21 декабря.

С любовью и до встречи 16 декабря, Джейн

В начале декабря Стивен со свитой уехал на конференцию в Далласе. Однажды ночью, когда, кроме меня и детей, никого в доме не было, я проснулась от ощущения, что кровать подо мной трясется. Мы получили инструкции, что в случае землетрясения надо бежать на крыльцо, но я была обездвижена ужасом, буквально оцепенела. Когда я наконец совладала со своими эмоциями, то побежала наверх посмотреть, все ли в порядке с детьми, и, к своему удивлению, обнаружила их крепко спящими. Я вернулась в свою постель, выключила свет, и это случилось снова. Даже афтершок[116] был удивительно мощным, в отличие от незначительных содроганий, сотрясающих окна почти каждый день. Тем не менее, если даже под Рождество и были землетрясения, то мы бы их все равно не заметили (как в тот раз, когда Стивен не заметил крупного землетрясения в 1962 году в Персии, путешествуя по пересеченной местности на автобусе и подхватив дизентерию). Мама и папа, Джордж Эллис и Стивен по возвращении из Далласа, а затем сестра Стивена Филиппа появлялись по очереди среди ночи с интервалом в одни сутки, а затем мы закатили вечеринку на сорок человек. Наши коллеги и друзья так хорошо веселились, что остались далеко за полночь. В качестве доказательства у меня имеется фотография престарелого

и очень почтенного физика Вилли Фаулера, занимающегося йогой в нашей гостиной ровно в два часа ночи!

На рождественский обед пришло шестнадцать человек, благодаря чему у детей появилась готовая аудитория для магического представления. Роберту подарили набор фокусника, и он со своей полной энтузиазма ассистенткой порадовал нас первой удачной попыткой продемонстрировать ловкость рук. До этого всем развлечениям дети предпочитали загадки и шуточные импровизированные диалоги, которые развлекали нас, а детей повергали в пароксизмы смеха. Контраст между «профессиональным» вступлением («Если вы хотите задать вопросы, пожалуйста, задайте их после представления, а не до него») и беспорядком в его волшебном сундучке, его неприкрытое удовольствие, когда фокус получился, подавленное раздражение в адрес поведения ассистентки, отвлекающей внимание публики, его беззубая улыбка во весь рот – все это было абсолютно очаровательно.

После Рождества и новогоднего парада в Пасадене мы собрались с последними силами, чтобы отвезти всю семью в Диснейленд на один день. Очереди были километровые, и дети смогли покататься только на двух аттракционах. С другой стороны, очередь оказалась прекрасным местом для просмотра роскошного парада диснеевских персонажей; но даже в этом нам не очень повезло, так как Люси оказалась той самой девочкой, которой Злая Колдунья из «Белоснежки» предложила яблоко. Перепуганная Люси долго скрывалась за моей юбкой. В начале года мы съездили на машине в Долину Смерти, пустынный национальный парк в 300 милях к северо-востоку. Я была рада возможности передать часть водительской нагрузки моим родителям, а также воспользоваться их помощью при погрузке и выгрузке Стивена и его инвалидного кресла, не говоря уже о батареях. Кроме того, они занимались детьми, когда я помогала Стивену. Нас заворожили странные первобытные ландшафты, похожие на игровые площадки гигантов: направо виднелись песчаные дюны, налево – вулканические кратеры, везде – вкрапления щебня и песчаника. Обширные соляные равнины ниже уровня моря – все, что осталось от глубокого озера ледникового периода. Со всех сторон Долина окружена хмурой горной грядой со снежными шапками на вершинах, многослойные породы которых хранят память о геологических катастрофах начала времен. Летом Долина Смерти превращается в самую жаркую пустыню мира и почти лишается растительности: только кактусы, лебеда и каучуковые растения выживают в ее враждебных условиях, а немногочисленные соленые мелководные

ручьи населяет доисторический вид рыб – карпозубик. Цвета окружающего ландшафта постоянно меняются в зависимости от угла солнечных лучей; пейзаж впечатляет, но не очаровывает. Страшные рассказы путников, пытавшихся пересечь долину в 1849 году, руины городов-призраков времен золотой лихорадки, само бесплодие и беззвучие этого места создают впечатление невидимой угрозы. Моя мама заметила, что те самые первые путешественники должны были обладать крепкими нервами и неиссякаемой энергией, и добавила, что не удивляется тому, что современные калифорнийцы, особенно женщины, унаследовали их качества.

По возвращении домой нас ожидал приятный сюрприз. Мы уже запланировали небольшое торжество по случаю отъезда моих родителей и заодно отпраздновали получение Стивеном и Роджером Пенроузом медали Эддингтона от Королевского астрономического общества. Это была престижная награда; правда, мы не имели понятия о том, что она может значить для нас, потому что ничего подобного не ожидали. Тем не менее это известие напомнило Стивену о том, что следует оплатить членские взносы. Люси была намерена вернуться в Англию вместе с бабушкой и дедушкой и предусмотрительно упаковала чемодан. Она так расстроилась, когда поняла, что самолет улетел без нее, что нам пришлось устроить набег на ближайший KFC во имя ее душевного спокойствия.

Мартин Рис, ныне президент Королевского общества и глава Тринити-колледжа в Кембридже, но тогда, в 1975-м, просто наш искренний и преданный друг, согласился проголосовать за нас той весной на референдуме о вступлении Великобритании в Общий рынок. К сожалению, я думаю, что он потратил свое время абсолютно зря, так как голос Стивена (в чем я практически уверена) аннулировал мой голос (Стивен часто подстраивал такое на выборах). Из Калифорнии Великобритания казалась мне маленьким европейским островным государством, которому пора было занять свое подобающее место на Общем рынке, а не кичиться прежними заслугами и утраченным величием.

К счастью, так и произошло, несмотря на коварные планы Стивена саботировать мой голос.

Тем временем проделки Стивена множилось. В качестве своеобразного страхового полиса он поспорил с Кипом Торном о том, что созвездие Лебедь X-1 *не* содержит черной дыры, потому что чувствовал, что ему потребуется утешение в форме четырехлетней подписки на журнал *Private Eye*[117] в случае, если это подтвердится. Кип, со своей стороны, согласился получить годовую подписку на журнал *Penthouse,* если Лебедь X-1 все-таки

содержит черную дыру. Кроме того, Стивен установил контакты с физиками, изучающими элементарные частицы, что означало распространение его интересов далеко за пределы горизонта событий, в самую глубь черной дыры. Он посещал лекции двух знаменитых физиков, Ричарда Фейнмана и Марри Гелл-Мана, за джентльменским поведением которых по отношению друг к другу скрывалась кровная вражда. Стивен присутствовал в тот момент, когда Фейнман объявился на первой из курса лекций Гелл-Мана. Заметив, что Фейнман вошел в аудиторию, Гелл-Ман сообщил, что посвятит этот цикл лекций обзору современного состояния физики элементарных частиц, и стал монотонно читать по бумажке. Через десять минут Фейнман поднялся и вышел из аудитории. Стивен весьма позабавился, когда Гелл-Ман издал глубокий вздох облегчения и заявил: «Ой, как замечательно, а теперь мы можем заняться делом!» – и начал рассказ о собственных последних исследованиях, представляющих собой передовой рубеж современной физики частиц.

Зиму можно было бы и не заметить, хотя порой шел сильный дождь, иногда по два-три дня подряд. Потом в чистейшем небе опять сияло солнце, а облака постепенно испарялись с горных вершин, являя взору великолепие сверкающих снежной белизной пиков. Дождь принес весну в каньоны, которые раньше были коричневыми, а теперь стали буйно зеленеть. По обочинам дороги на прибрежных утесах появились звездочки полевых цветов: оранжевые маки, голубые люпины, подсолнухи и маргаритки. Дождь не сделал наш образ жизни менее активным. В день рождения Джорджа Вашингтона в феврале мы выбрались из дома и вернулись через несколько часов, проехав 560 километров. Это был мой личный рекорд – я никогда не одолевала такую дистанцию за один день. Мы пробрались через вихревые ледяные туманы горы Паломар, чтобы увидеть самый большой в мире телескоп, а потом пересекли сушь пустыни Анза-Боррего, где зацветали миллионы бутонов. В марте, когда к нам в гости приехала мать Стивена и его тетя Жанет, мы снова втиснулись в машину и отправились в Национальный парк Джошуа-Три, высокогорное пустынное плато на высоте 1000 метров над уровнем моря, где коротколистная юкка красуется в похожих на лилии цветах. На меньшей высоте мы обнаружили заросли кактусов, которые называют «прыгающая чолья». Одна из этих чертовок прыгнула на меня и вонзила шипы в мою ногу – как это нелюбезно с ее стороны в день моего рождения, подумала я, – в особенности после того, как дети уже посидели на моем праздничном торте, который лежал на заднем сиденье автомобиля. Тетя Жанет оказала мне врачебную помощь, но торту

уже ничто не могло помочь.

В апреле на заседании Папской академии наук в полном составе Стивену присудили Золотую медаль папы римского Пия XI за научные достижения. Как оказалось, концепция Большого взрыва в начале всего сущего нравится Ватикану. Галилей в кои-то веки обрел заступника: в своем обращении к почтенному собранию Стивен подал прошение о реабилитации памяти Галилея – через триста тридцать три года после его смерти.

Во время отъезда Стивена в Европу дети, Энни Дике и я отправились на кораблике на остров Каталина по очень неспокойному морю. В те дни остров был настоящей жемчужиной, не обремененной цивилизацией и дорожным движением. Больше всего нас впечатлило то, что дно нашей лодки было прозрачным. Вид спокойного мерцания подводных глубин, где водоросли вырастали длиной до шести метров, а рыбы, не замечая нашего присутствия, сновали между ними с молниеносной грацией, заворожил нас. Меня поразило то, что мы можем жить бок о бок с такой загадочной красотой буквально у наших ног, не обращая на нее никакого внимания. Посетив Каталину еще раз в 1996 году, я увидела остров, утративший свою девственную красоту – как над водой, так и под ней. Эта перемена была для меня символом изменений, произошедших с нами за этот период.

Поскольку год в Калифорнии подходил к концу, я могла подвести итог: хотя мы получили массу полезного опыта и положительных впечатлений, именно в этот период определился растущий разлом между нашим безоблачным образом в глазах общественности и сгущающимися тучами на личном фронте. Кроме того, я пережила жесткое столкновение с собственными ограничениями. Возможно, Люси и была отсталой пловчихой в свои три года; но я, определенно, оказалась отсталой матерью.

> Все это время я непреклонно шла к цели – посвятив себя Стивену, дать ему шанс раскрыть свой гений. Но в этом процессе я ощутимо утрачивала собственную индивидуальность.

В Америке, где зарождалось движение за равноправие женщин и мужчин, считалось, что если женщина не работает к тому времени, когда ребенку исполнилось два года, то она жалкая неудачница с огромной брешью в области «самореализации». Поэтому я с головой окунулась в омут суматошной активности. Бесконечный поток посетителей, каждый день новые лица, книги из библиотеки и, конечно же, дети – все

это более-менее отвлекало меня от влияния жизни на краю Калтеха, водоворота, обесценивающего любого, кто не является научным гением международного масштаба. Калтех являлся храмом, куда посвященные приходили возложить дары на алтарь науки, в частности физики; все остальные были не в счет. Клуб для жен доблестно сражался за своих членов, развлекая их поездками в Музей Гетти, на концерты и в театры; но жены были несчастны, обесценены и деморализованы одержимостью мужей наукой.

Водовороту Калтеха не удалось поглотить меня, но я неизбежно возвращалась к вопросу о том, что же со мной происходит. Однажды в выходные в Санта-Барбаре, в то время как Стивен увлеченно беседовал с коллегой Джимом Хартлом, а дети играли, я сидела на пляже, подоткнув одеяло, чтобы укрыться от ледяного ветра, и смотрела на море. Я пропускала песок сквозь пальцы и спрашивала себя о том, куда катится моя жизнь. Что я могла бы предъявить в свои тридцать лет? У меня были дети – мое «хорошее», по определению Тельмы Тэтчер – и Стивен. Безмерно гордясь его исключительными достижениями, я тем не менее не чувствовала, что это и мой успех, хотя все, что происходило с ним, имело для меня центральное значение: награда, связанная с почестями и славой, или один из тех опасных для жизни приступов удушья, которые заставали его врасплох. Я любила его за его мужество, острый ум, чувство смешного и абсурдного, ту нотку порочности в его харизме, которая позволяла ему – и до сих пор позволяет – заставлять большинство людей, включая меня, плясать под свою дудку. Все это время я непреклонно шла к цели – посвятив себя Стивену, дать ему шанс раскрыть свой гений. Но в этом процессе я ощутимо утрачивала собственную индивидуальность. Я больше не могла считать себя испановедом и даже лингвистом и чувствовала, что не пользуюсь авторитетом ни в Калифорнии, ни в Кембридже. Возможно, все мои попытки завязать как можно больше социальных связей и посетить как можно больше мест можно было переформулировать, по Фрейду, одной фразой:

«Пожалуйста, заметьте и меня!»

В Калифорнии мы впервые повстречали семью, чьи обстоятельства были схожи с нашими. Дэвид, Джойс и Джон Айрленды жили в Аркадии, всего в нескольких километрах от Пасадены. Как и Стивен, Дэвид был по образованию ученым. Он изучал и преподавал математику. Прикованный к инвалидному креслу, он также страдал тяжелой формой инвалидности из-за неврологического заболевания и практически не мог себя обслуживать. Джойс, оптимистка от природы, вела

организованную энергичную жизнь и вышла замуж за Дэвида, зная о его болезни и понимая ее последствия. Стивен ужасно нервничал перед встречей с Айрлендами, а я сочувствовала его беспокойству, желая защитить его, – но при встрече, явно пораженный состоянием Дэвида, он все же натянул беззаботную улыбку и вместе со мной удержал фасад нормальности. Я гадала о том, что могли о нас подумать наши собеседники. Может быть, они и восхищались нашей целеустремленностью, но фасад их обмануть не мог – слишком хорошо им была известна подноготная, состоящая из ежедневных побед и поражений.

Во многих отношениях битва, которую они вели с болезнью, напоминала нашу – но между нами была фундаментальная разница. Она заключалась в том, что болезнь Дэвида была открыта для обсуждения – как между ними, так и для окружающего мира. Они не скрывали трудности и боль за мужественной улыбкой. Дэвид выразил этот дух честности в книге, которую написал о себе для собственного сына – на случай, если бы Дэвид умер до рождения Джона или до того, как сын достаточно подрастет, чтобы помнить его. «Письма к еще не рожденному ребенку» – это честный автопортрет и трогательное описание тех битв, через которые прошли Дэвид и Джойс. Она также рассказывает о личностном росте – о том, как Дэвид борется с желанием скрыть свое истинное лицо за социально приемлемым веселым обличьем. В конце концов Дэвид стал психотерапевтом и обнаружил возможность почерпнуть веру в любви к Богу, индивидуальной, безусловной любви, вне рамок времени и пространства; таким образом, он мог смотреть в будущее без страха и горечи. Книга Дэвида научила меня тому, что мои слезы обиды и даже вспышки гнева, который я испытывала из-за небрежности и недостатка внимания, происходившие у меня в те моменты, когда я была измотана до предела, имели право на жизнь. По словам Дэвида, они «выпускают наружу яд, который ослабляет или убивает нас». Напротив, как считает Дэвид, непроницаемый самоконтроль, сдерживание сильных эмоций и подавление эмоций другого нездорово и опасно. Меня поразила горькая ирония ситуации: эти знания исходили от человека, который был еще более немощен в своей болезни, чем Стивен, но с помощью собственного страдания научился протягивать руку помощи другим людям.

Еще одним человеком, протягивавшим руку помощи, была Рут Хьюз, на добровольной основе организовавшая общий пул детских игрушек и велосипедов для посетителей Калтеха. Рут была нацистской беженкой и, отличаясь выдающейся чувствительностью, всегда заботилась обо мне и детях. Она

огорошила меня при первой встрече, сказав, что уже видела Стивена в Афинуме, студенческом клубе Калтеха, и в то время, когда все хвалили его за мужество и блестящие работы – в стране, где успех превозносят, а неудачников списывают со счетов, – она подумала, что рядом с ним есть не менее мужественный человек, а иначе Стивен не оказался бы на этом месте. Никогда в жизни мне такого не говорили, и я была абсолютно обезоружена. Позже, когда Стивен получил Папскую медаль, Рут подарила мне жемчужную брошь, сказав, что мне тоже полагается награда.

2. Учреждения

Еще до отъезда летом 1974 года из Калифорнии в Кембридж я знала, что мы не вернемся в дом номер шесть на улице Литл-Сент-Мэри: он был мал для растущего семейства, а ступеньки слишком опасны для Стивена. Но в Кембридже оказалось очень мало жилых домов вблизи от центра города, и жилищный вопрос решить было непросто. Хотя мы могли бы продать наш дом по хорошей цене на открытом рынке, у нас не имелось средств для приобретения дома большей площади вблизи от кафедры, в районе Грейндж-роуд, где Стивен жил до нашей свадьбы. Однако на этот раз я не испытывала тревоги по поводу обращения в казначейство колледжа Гонвиля и Каюса, упивающегося своей долей славы Стивена и его научных успехов. Я понимала, что теперь нам не грозит от ворот поворот, как в те времена, когда мы были молоды, никому не известны и едва сводили концы с концами.

Оказалось, что казначей уже не занимается делами, связанными с недвижимостью колледжа. Эта обязанность теперь была возложена на преподобного Джона Стерди, назначенного деканом вскоре после получения Стивеном должности научного сотрудника в 1965 году. Он и его жена всегда общались с нами по-дружески, поддерживали, спрашивали о детях и проявляли искреннюю заботу. Джона, возвышенного и начитанного еврея с внешностью святого, прекрасно дополняла его деятельная жена Джил, практичная во всем. Когда мы только познакомились, в семье Стерди было уже два ребенка и Джил ожидала третьего; я же в то время ожидала Роберта. В следующие пятнадцать лет они усыновили еще девять детей, не смотря на их происхождение, расу и вероисповедание. Джил получила образование в области английской филологии, окончила курсы для учителей и затем основала собственную школу для того, чтобы кормить своих детей и давать им образование. На Рождество Стерди завели обычай устраивать праздник для детей сотрудников в колледже (всех сотрудников – членов колледжа, уборщиков, поваров). Джон Стерди или их старший сын Джон Кристиан наряжался в костюм Рождественского деда, и дети веселились от души, играя в «стулья с музыкой»[118] вокруг Высокого стола.

Я была уверена, что могу рассчитывать на сочувствие Джона. Но его готовность помочь превзошла мои ожидания. «Вы уже думали о том, где хотели бы жить?» – спросил он, как если бы выбор не был ничем ограничен, при нашей первой встрече по жилищному вопросу в июне 1974 года. Считая, что моя просьба

тщетна, я вздохнула: «Где-нибудь в районе Грейндж-роуд, наверное». «Ну что ж, – спокойно ответил он – давайте пойдем и посмотрим, какие дома есть в этом районе и подходит ли что-нибудь для вас». Мы осмотрели полдюжины домов в западной части Кембриджа, на окраине викторианской деревни Ньюнэм – бывших семейных резиденций, теперь принадлежавших колледжу. Некоторые из них находились слишком далеко от кафедры, другие располагались слишком близко от оживленной главной дороги, а третьи были недостаточно просторны для передвижения на инвалидном кресле по первому этажу. Однако один дом на Вест-роуд неподалеку от Задворок Кембриджа, сразу привлек мое внимание. Основательный и объемный, он с викторианской самоуверенностью стоял среди большого сада рядом с Гарвей-Корт, тем самым чудовищным продуктом инженерной мысли, который так восхвалялся в «Новой архитектуре Кембриджа» в шестидесятые годы. Мы уже неплохо освоили эти сады, ставшие традиционным местом для проведения летнего праздника по случаю дня рождения Роберта. В этот день мама приезжала с богато украшенным тортом в виде поезда, автомобиля или крепости, а мы с папой организовывали игры и развлечения для того, чтобы не дать заскучать дюжине детей в течение двух часов – самых напряженных двух часов за весь год, что касается социальных мероприятий; пожалуй, труднее нам приходилось лишь в день рождения Люси, так как он был зимой.

С некоторыми коррективами первый этаж дома номер пять по улице Вест-роуд мог стать для нас вполне подходящим, особенно благодаря тому, что здесь было достаточное количество больших, хорошо освещенных комнат, где могла бы разместиться вся семья и все необходимые нам приспособления, и еще оставалось место для вечеринок для разных возрастных групп. До кафедры было дальше, чем от Литл-Сент-Мэри, но не настолько, чтобы это стало неудобно, а школа Люси находилась так же близко. Сады можно было использовать для любых праздников и игр – в частности, крикета, который не приветствовался в школе Сент-Олбанс, а теперь считался непременным условием должного воспитания моего сына. Я вспомнила, что в семидесятые годы дому, кажется, грозил снос из-за того, что здесь планировали строительство нового Робинсон-колледжа. Однако выяснилось, что предполагаемая площадка слишком мала, и дом пощадили. Лишь пять лет назад дом Вест-роуд, 5 был процветающим семейным отелем «Вест-Хаус», но, когда истек срок его аренды, колледж не стал возобновлять контракт, а начал использовать его в качестве общежития для студентов. Студентам давали право перекрашивать помещения по собственному вкусу, поэтому стены

когда-то прелестной столовой в викторианском стиле теперь были выкрашены ярко-алым, а потолок – черным. Это не очень меня расстроило, так как краска была нанесена поверхностно, и я могла цвет легко поменять. Гораздо больше меня впечатлили размеры дома, так что в конце осмотра я, не колеблясь, сделала выбор в пользу «Вест-Хаус» – и, совершенно неожиданно для себя, положила конец инициативе колледжа по слому всех зданий старше 1960 года, включая наш будущий дом. Переговоры прошли как по нотам, и была достигнута договоренность о том, что по возвращении из Калифорнии в 1975 году мы сможем занять первый этаж. В качестве частичной компенсации аренды мы предоставили в распоряжение колледжа наш дом на Литл-Сент-Мэри для сдачи в аренду другим научным сотрудникам – произошло послабление правил в отношении жилья.

За время нашего отсутствия на лестнице были возведены перегородки для отделения первого этажа от общежития, которое все еще располагалось наверху. Интерьер образованной таким образом квартиры оказался полностью обновлен, а перед парадной дверью и на выходе в сад были устроены пандусы. Управляя этими операциями из Калифорнии, я положилась на помощь одного мужественного молодого человека – Тоби Черча, которого в студенческие годы поразила парализующая болезнь, лишившая его способности говорить и ходить. Тоби применил свое инженерное образование для того, чтобы адаптировать домашнюю среду под собственные нужды таким образом, чтобы не нуждаться в посторонней помощи, лишь в отдельных случаях прибегая к помощи сиделок. Он также сконструировал замечательное приспособление «Лайтрайтер» – небольшую клавиатуру с цифровым экраном, на котором его собеседник мог прочитать то, что напечатал Тоби. К сожалению, Стивену было уже не осилить такой способ общения – набор текста на клавиатуре требовал подвижности, которая у него отсутствовала. Тоби не интересовали инвалидные кресла с электроприводом, так как он старательно поддерживал мышцы рук в хорошей форме и передвигался в коляске исключительно на собственном «топливе». В качестве моего посредника Тоби получил прекрасную возможность оставаться в хорошей форме – ведь он почти каждый день заглядывал на Вест-роуд на протяжении лета 1975 года. Вернувшись из Калифорнии, мы с огромным удовольствием въехали в наш новый чудесный дом. За те шестнадцать лет, что мы в нем прожили, не проходило и дня, чтобы мы не поблагодарили судьбу за такую возможность. Просторные комнаты с высокими потолками были украшены декоративными гипсовыми карнизами и изящной центральной

лепниной вокруг светильников. Высокие подъемные окна выходили на истинно английскую лужайку, обрамленную тщательно подобранными хвойными и лиственными деревьями: темные, строгие тисы перемежались с легкими ветвистыми ивами. Гигантская секвойя – калифорнийское мамонтово дерево (очевидно, саженец был завезен в Европу и укоренен при строительстве дома) – возвышалась над полуразрушенным зимним садом на углу здания, перешептываясь со своим соседом, *Thuja plicata,* или канадским красным кедром такой же высоты на дальнем конце лужайки. Старая скрюченная яблоня неизменно зацветала и давала плоды в таком изобилии, что раз в два года земля под ногами была усеяна яблоками, готовящимися к запеканию с октября по декабрь.

«Только не печеное яблоко!» – хором стонали дети за ужином, в то время как их отец выдавал одну из своих самых злодейских улыбок. Он обнаружил у себя неожиданную аллергию на печеные фрукты; что касается детей, то для них такой предлог объявлялся недействительным.

Летом мы вывешивали на яблоню гамак, качели и веревочные лестницы и слушали щебетание молодых птенцов черного дрозда внутри ее полого ствола. Слева от яблони пролегала красивая линия клумбы с многолетними цветами, на которую открывался вид из гостиной; она прекрасно смотрелась на фоне цветущих кустов и деревьев, сирени, миндаля и боярышника. Даже самой суровой зимой сад не утрачивал своей красоты. Однажды поздно вечером после долгого снегопада я выглянула в окно, отодвинув тяжелую штору, и замерла в восхищении, увидев, как преобразился сырой, увядший осенний сад. Полная луна в безоблачном небе освещала сияющий снежный покров, лежащий на лужайке и деревьях; все было зачаровано, обновлено неожиданной чистотой.

В пору своей молодости сад, судя по всему, был великолепен. Несмотря на свирепствующую гусь-траву и вездесущую сныть, он все еще носил отпечаток прошлого великолепия в своем многообразии многолетников. Как и деревья, их, видимо, высадили в соответствии с общей схемой около века назад, во время постройки дома. Я решила помочь садовникам колледжа, у которых было и так дел выше крыши, и начала борьбу с гусь-травой. Джереми Прайн, коллега Стивена по научной работе в колледже и его библиотекарь, возблагодарил меня за усердие и предложил избрать меня в садоводческий комитет колледжа, поскольку, заметил он, многие из его членов не отличают одуванчика от нарцисса. Однако его предложение было сразу отклонено – где это видано, чтобы кто-то, не являющийся членом

колледжа, а уж тем более жена, стал участником комитета.

Со времени нашего возвращения осенью 1975 года дом, как и сад, окунулся в череду бесконечных празднований. Это были семейные праздники, дни рождения и рождественские ужины. У нас происходили также дежурные обеды для привлечения средств, так как я стала принимать участие в благотворительных инициативах, кофе по утрам и музыка по вечерам, неофициальные сходки кафедры, отмечание начала и конца учебного года, приемы и обеды по случаю различных конференций. Летом мы устраивали чайные приемы (опять-таки для конференций, на которые приезжали преимущественно американцы и русские) на лужайке с огуречными сэндвичами и крокетом, вечера народных танцев, барбекю и фейерверки. Устройство таких мероприятий было интересным и благодарным занятием, но работы находилась уйма, поскольку мне никто не помогал в организации банкетов в течение многих лет. Неудивительно, что иногда неофициальные спутники официальных гостей, все эти дармоеды, принимали меня в моем рабочем переднике за обслугу колледжа и свысока требовали еще один бокал вина или сэндвич, не проявляя ко мне должного уважения и не осознавая, что я являюсь хозяйкой вечера.

Оказалось, что мы живем в привилегированном окружении, но в этом были свои недостатки. Несмотря на то что мы заселились в дом, он все еще находился под угрозой сноса. После завершения нашего ремонта было разрешено только минимальное техническое обслуживание. Зимой система центрального отопления, основанная на старинных викторианских радиаторах, не справлялась со своей функцией, когда северный ветер задувал снег через щели в плохо пригнанных окнах и дверях. Газовые нагреватели, которые мы пытались использовать как дополнение к радиаторам, выпускали больше дыма в комнаты, чем в трубу. Электрическая сеть представляла собой вычурную комбинацию современных розеток, подсоединенных к старинным проводам загадочного происхождения.

Еще больше меня беспокоили потолки, куски которых падали на пол с настораживающей регулярностью, несмотря на то что мой отец со своим даром вызывать гравитационный коллапс потолков преспокойно сидел у себя дома в Сент-Олбансе. Божьей милостью ущерб всегда оставался в рамках материального. Июльской ночью 1978 года потолок в гостиной решил, что с него достаточно, и обрушился с величественным грохотом в облаке пыли и застаревшей грязи, раскрошив под собой стереосистему и придав момент вращения люстре. К счастью, мы только что легли

спать, и дети были у себя в комнатах. Еще раз нам повезло, когда обрушился потолок в ванной: там никто не мылся.

Снаружи мы постоянно находились под угрозой падения черепицы. Эта опасность была устранена благодаря своевременному посещению Его Королевского Высочества герцога Эдинбургского, канцлера Кембриджского университета, решившего нанести Стивену частный визит в июне 1982 года. Мы так боялись, что кусок черепицы упадет на королевское темя во время входа Его Высочества в парадную дверь, что я попросила соорудить защитный экран из сетки по периметру крыши. Намек был понят, и несколько месяцев спустя крышу на доме заменили.

Благодаря королевскому визиту мы к тому же приобрели новые смесители в ванной.

Мы были не единственными жильцами дома, поскольку занимали только первый этаж. Студенты, у которых имелся отдельный вход, обитали на верхних этажах; кроме того, в темных глубинах подвала жили мыши, среди оборудования, принадлежащего спелеологическому университетскому клубу. Мыши соблюдали дистанцию с тех пор, как Люси потребовала завести хищную кошку; со студентами наладить мирное сосуществование оказалось сложнее. Поодиночке это все были замечательные ребята – лучше не сыскать, как обнаруживалось в тех случаях, когда мы приглашали их на бокал вина или встречали на лужайке посреди ночи, когда ложная пожарная тревога беспричинно поднимала на ноги весь дом. Но студенческий стиль жизни, их график и привычки вступали в неизбежный конфликт с нашими. Время от времени их присутствие проявлялось в более материальной форме, чем громкий шум и звуки поп-музыки. Примерно раз в год кто-нибудь из них забывал выключить воду в студенческой ванной, которая находилась над нашей кухней. В последний раз, когда это случилось, я пришла домой к обеду с запасом времени в пятнадцать минут до приезда кузин Стивена из Новой Зеландии. Повернув ключ в замке, я сразу услышала шум струящейся воды и учуяла запах плесени. Я кинулась на кухню. Пол уже был покрыт слоем воды; мои лучшие тарелки и чашки, предусмотрительно выставленные на рабочую поверхность, собирали грязные лужицы. Продукты – сыр, помидоры, салат и хлеб – плавали в теплых серых потоках, в то время как вода продолжала литься по потолку и капать с люстры…

Мы пребывали в счастливом неведении об этих обстоятельствах, когда в сентябре 1975 года вместе с мамой паковали вещи в доме на Литл-Сент-Мэри, перед тем как передать его в пользование колледжа. Я организовала переезд на Вест-

роуд, 5. После Калифорнии наше положение в колледже кардинально изменилось. Вернувшись в Англию, мы заняли помещение, больше напоминающее миниатюрную официальную резиденцию, а не обыкновенный жилой дом. Стивену сразу предложили первый официальный пост в университете – доцентуру, поскольку за время нашего отъезда прошел слух о том, что мы рассматриваем предложение остаться в Калифорнии. Тут же подтвердилась старая библейская мудрость о том, что нет пророка в своем отечестве: за должностью доцента в скором времени последовала профессура и собственная кафедра. Теперь университет не только не был намерен отпускать Стивена, как однажды было объявлено за официальным ужином, но и с нетерпением ожидал его возвращения.

> Соперничая друг с другом за первоочередность в открытии яркой научной звезды на мировом небосклоне, различные научные институты один за другим присуждали Стивену свои самые престижные награды.

Доцентура повлекла за собой появление давно необходимого секретаря, материализовавшегося в форме Джуди Феллы, которая внесла солнечную живость и непривычный блеск в мрачные коридоры кафедры прикладной математики и теоретической физики. Джуди проработала у Стивена много лет, будучи энергичной, преданной и исполнительной. Наконец-то в Англии появился человек, которому я могла передать обязанности по управлению его официальными делами – в Калифорнии этим занималась Полли Гранмонтан. Она печатала его научные работы (включая иероглифы), занималась корреспонденцией, организовывала конференции и поездки, подавала запросы на визы – все эти обязанности подразумевали полную ставку, поскольку он уже стал мировой знаменитостью и был широко востребован.

Не только Америка превозносила успех. В более завуалированной форме такое же отношение, прикрытое чопорной респектабельностью, проявлялось и в Англии. Соперничая друг с другом за первоочередность в открытии яркой научной звезды на мировом небосклоне, различные научные институты один за другим присуждали Стивену свои самые престижные награды. Сколько раз за эти годы мои родители садились на поезд до Кембриджа, чтобы успеть забрать детей из школы, а я встречала Стивена у кафедры, погружала его и инвалидное кресло в автомобиль и везла в один из роскошных лондонских отелей – «Саввой», «Дорчестер» или «Гросвенор», где должен был состояться праздничный банкет. Иногда нам

предоставляли номер в отеле на одну ночь, и тогда я могла немного отдохнуть – ведь я была шофером, сиделкой, камердинером, стольником и переводчиком в одном лице, а также сопровождающей супругой. Преодолев все препятствия, разделяющие привычный уклад жизни в Кембридже и пафосный мир светского Лондона, мы появлялись, наряженные в вечерние туалеты – Стивен в галстуке-бабочке, который я по его требованию всегда завязывала вручную, – в сияющем бальном или банкетном зале, где нас приветствовала избранная научная интеллигенция, пэры Англии и высокие гости всех мастей. Все они были очень любезны, а их жены улыбчивы, но мне все они казались такими старыми, старше, чем мои родители: этих людей я бы не встретила на улице или у школьных ворот – там, где протекала моя настоящая жизнь и жизнь моих друзей. Те же самые лица, включая некоторых наиболее увлеченных представителей лондонского высшего света, появлялись и на других крупных научных выставках, в частности *Conversazioni*[119], летних вечерних собраниях в Королевском обществе, где богатые и знаменитые безжалостно толкали друг друга локтями в битве за напитки и канапе, в то время как ученые, охраняющие свои любовно подготовленные стенды, терпеливо ожидали, чтобы кто-нибудь отделился от занятой светскими разговорами толпы и проявил интерес к их многотрудным исследованиям.

Искусственный блеск этих мероприятий забавлял и раздражал меня одновременно. Наслаждаясь времяпрепровождением, я все время думала о том, что мне предстоит в следующие несколько часов. У нас не было шофера, чтобы отвезти нас домой из Лондона после полуночи, и не было лакея, который помог бы уложить Стивена в постель, а на следующее утро нам предстояло возвращение к нашим обязанностям. Наутро я одевала Стивена, кормила его завтраком, давала ему пилюли и поила чаем, потом прибирала в доме и загружала по две-три партии белья в стиральную машину перед тем, как почистить лук и картошку для обеда. Через дорогу обвиняющим перстом возвышалось здание Университетской библиотеки, являя собой безмолвный упрек в том, что я пренебрегла своей диссертацией. Не было и хрустальной туфельки, хотя у нас оставалась блестящая медаль на подушке из атласа или бархата в качестве напоминания о том, что предыдущий вечер нам не приснился. Но даже медаль скрывалась из вида через день-два. Поскольку в доме процветало мелкое воровство (из прихожей воровали сумочки, с крыльца – велосипеды), то медали приходилось складывать в банковский сейф, откуда не было случая их достать.

3. Зарытое сокровище

Мой день начинался с предыдущего вечера: дав Стивену лекарства и уложив его в постель, я готовила стол для детского завтрака. Наконец-то любовь Роберта к ранним подъемам нашла свое предназначение: ему можно было доверить приготовление собственного завтрака и завтрака для Люси. Утром я помогала Стивену подняться с постели, одевала его и давала ему чашку чая и утренние витамины перед тем, как отвезти Люси в школу на багажнике моего велосипеда. По возвращении, загруженная покупками, я кормила Стивена завтраком и занималась его личными потребностями до того, как он уезжал на работу. Испытанная в Калифорнии свобода еще больше восстановила Стивена против обычных инвалидных колясок, и он составил запрос в Департамент здравоохранения о предоставлении ему кресла с электроприводом быстроходной модели, поскольку прошел слух, что они предоставляются бесплатно. Тем не менее истина не соответствовала чаяниям. Даже непоколебимое упорство Стивена не помогло нам преодолеть косность чиновников этого министерства: они боялись, что, выполнив его запрос, создадут прецедент, открывающий дверь потоку подобных прошений. Ему предложили подать другое заявление, на трехколесное кресло на батареях, которым у него уже не хватало сил управлять, или на кресло с электроприводом, но не столь быстрое, как ему хотелось бы, – предназначенное для использования внутри дома, оно было ему знакомо по Институту астрономии. Мы потратили много часов, приводя аргументы в пользу своего права на быструю модель, и все тщетно. И это называется государством всеобщего благосостояния. Государство оказалось настолько равнодушным к нашему благосостоянию, что могло показаться, что оно намеренно ограничивает трудоспособность инвалидов и, следовательно, их налоговые обязательства по отношению к Государственному казначейству. Пригоршня витаминов по рецепту – вот все, на что оно оказалось способно; физической, практической, моральной и финансовой поддержки от него было не дождаться.

Мы стали еще больше зависеть от родственников, студентов и друзей в нашей ежедневной борьбе за то, чтобы продолжать оставаться в рамках нормальной семьи. Стивен все-таки получил кресло, которое хотел, – при помощи благотворительного фонда, а не государственной системы здравоохранения – и в сопровождении студента ездил в нем на работу каждое утро. Дорога проходила вдоль Кингс-колледжа, где зимой цветут

аконитыи подснежники, а весной – нарциссы, через реку по горбатому мостику, из колледжа через боковой выход и приводила его в офис на противоположной стороне Сильвер-стрит. То, что Стивен мог воспользоваться основополагающим правом человека на свободное передвижение тогда и туда, куда ему было нужно, не было результатом деятельности государственных служб; причиной тому стала исключительно его упорная работа и собственный успех на научном поприще.

Транспортировка детей представляла собой еще одну проблему. Я возила Люси в школу на багажнике велосипеда, но школа Роберта была расположена дальше. Благодаря Джону Старку, недавно переехавшему в Кембридж, Роберт успевал на занятия вовремя. Джин и Джон Старки перебрались в Кембридж из Лондона с двумя детьми в начале семидесятых годов, когда Джон занял пост консультанта по болезням грудной клетки в Адденбрукском госпитале. Они въехали в дом, который для себя построил Фред Хойл десять лет назад. Джон забирал Роберта по дороге на работу и высаживал вместе со своим сыном Дэном у подготовительной школы Перс. Я, в свою очередь, платила услугой за услугу, забирая мальчиков днем и отвозя Дэна домой. Иногда я ненадолго оставалась у них, чтобы поболтать с Джин, пока дети играли. Она была выпускницей Лондонской школы экономики и находила, что в Кембридже преобладает атмосфера мужского шовинизма, а доминирование университета над всеми сферами жизни казалось ей угнетающим и унылым. Нас обеих возмущала система, приучающая нас конкурировать с мужчинами до того, как нам исполнится двадцать один – двадцать два года, а потом низводящая нас до статуса второсортности. Мы никогда не жалели о том, что стали женами и матерями, но нам было обидно, что общество Кембриджа столь низко оценивало эти основополагающие роли.

То, что Стивен мог воспользоваться основополагающим правом человека на свободное передвижение тогда и туда, куда ему было нужно, не было результатом деятельности государственных служб; причиной тому стала исключительно его упорная работа и собственный успех на научном поприще.

Именно Джин настояла на том, что я должна снова заняться диссертацией, хотя я считала такое предприятие по определению безнадежным. Я никогда не забывала о своей научной работе: она то радовала меня, то огорчала на протяжении почти десяти лет. Я выполнила лишь треть намеченного плана, хотя уже накопила огромное количество материала и не знала, где найти время,

чтобы его обработать. Я располагала лишь коротким перерывом между уходом Стивена в полдень и быстрым вояжем по магазинам в середине дня, до того, как забрать Люси из школы в пятнадцать минут четвертого – что составляло максимум два с половиной часа. Тем не менее благодаря настойчивости Джейн и выдающемуся примеру Генри Баттона, одного из старых коллег моего отца по королевской службе, начавшего свое исследование поэзии немецких миннезингеров[120] в 1934 году и завершившего его после своей отставки сорок лет спустя, – проект начал казаться мне не таким уж бредовым.

Поскольку три географические области и три исторических периода моего исследования уже были четко определены, вернуться к работе оказалось легче, чем я думала. Я уже оформила мои идеи в отношении поэзии наиболее раннего из периодов, мосарабских хардж, и теперь могла обратиться ко второму периоду расцвета средневековой лирики на территории Галисии[121] в северо-западной части Пиренейского полуострова. Язык там больше напоминал португальский, чем испанский; город Сантьяго-де-Компостела приобрел международную известность и коммерческий успех благодаря гробнице святого Иакова, чей гроб, согласно местной легенде, прибило к Галисийскому побережью в 824 году. К XIII веку песни галисийских трубадуров вытеснили увядающую поэзию Прованса и стали любимым развлечением при кастильском дворе, а их сложение – еще одним крупномасштабным предприятием во всех отношениях замечательного короля Альфонсо Мудрого. Среди многих разнородных композиций выделяется группа под общим названием *cantigas de amigo*[122], состоящая из любовных песен от лица женщины, темы и характерные черты ее перекликаются с харджами: влюбленные часто встречаются на рассвете, девушка поверяет свои чувства матери или сестрам, возлюбленного часто нет рядом. Кроме того, в их стиле и языке проявляются фольклорные элементы, восходящие к традиционным прообразам. За те несколько часов, которые имелись в моем распоряжении каждый день, я должна была выискать традиционные элементы в пятистах двенадцати *cantigas de amigo*, оценить выдающиеся стилистические и лингвистические характеристики, объединяющие их с харджами, сравнить их язык с классическими или библейскими прообразами и определить их место в общем языковом пространстве Европы.

Я обнаружила много общего между харджами и *cantigas de amigo,* что, возможно, было результатом мосарабской миграции к северу из-за более поздних прецедентов их фанатичного притеснения арабами. Также я обнаружила и поразительные

отличия: кантиги не обладают ярко выраженной энергетикой хардж и не несут в себе ощущения напряженного ожидания. Образный ряд связан с картинами природы: горами и реками северо-западной части полуострова, открытой переменчивым ветрам с Атлантики, и с эмоциями лирических героев. Образованный человек увидел бы классические и библейские аллюзии в образах ветра и волн, деревьев, гор и потоков, к которым приходят молодые олени. Однако более вероятным источником такой поэзии является влияние отдаленного крестьянского прошлого, затерянного в тумане гораздо более ранней эпохи, чем та, к которой отсылают нас исполненные ясных христианских образов харджи.

Девушка, чей образ идентифицируется с красотой и чистотой утренней зари, встает рано утром и идет стирать туники в реке (образ реки может быть связан с одной из старинных кельтских богинь плодородия или галисийскими богинями, чьи священные камни с рисунками и надписями дошли до наших дней):

Levantou-s' a velida,
levantou-s' alva,
e vai lavar camisas
em o alto:
vai-las lavar alva.

Прекрасная девушка встала,
Заря забрезжила,
Она идет стирать туники
В реке:
Их стирает сама заря.

В некоторых стихотворениях об утренней заре занятие девушки прерывают игривые порывы ветра, в язычестве олицетворяющего злых духов, или появление горного оленя. Олень, волнующий воды реки, символизирует присутствие возлюбленного и любовные действия, однако какие-либо прямые указания на сексуальность отсутствуют:

Passa seu amigo
que a muit' ama;
o cervo do monte
volvia a augua
leda dos amores'
dos amores leda.

Мимо проходит ее возлюбленный.
Он очень любит ее;
Горный олень
Волнует воду.
Счастливы в любви,
Счастливы в любви.

Появление оленя около воды может трактоваться как библейская ссылка, напоминающая о Песне песней и псалмах, но на более популярном уровне это также может быть следом устойчивых языческих обрядов плодородия, искорененных некоторыми воинствующими епископами в IV и V веках.

Многие из стихотворений передают настроение уныния и меланхолии, что отличает их от эмоционально насыщенных хардж. Здесь препятствием истинной любви служат непостоянство, неверность и отвержение, а также практические соображения войны или социальных условностей; они находят свое выражение посредством деревьев, птиц и источников. Озирая эмоциональную пустыню, в которую превратилась ее жизнь, покинутая любимым девушка взывает к нему, напоминая о том, как птицы пели об их любви. Она обвиняет его в разрушении пейзажа их любви своей жестокостью. Повторяющийся рефрен, *leda m' and' eu*, выражает ее тоску о потерянном счастье.

Vós lhi tolhestes os ramos en que siian
e lhi secastes as fontes en que bevian;
ledam' and' eu.

Ты забрал у них [птиц] ветви, на которых они сидели,
И высушил ручьи, из которых они пили;
Как мне стать счастливой?

Хотя возвращение к диссертации повысило мою интеллектуальную самооценку, я чувствовала себя одиноко, сидя за столом в библиотеке в окружении томов с желтыми страницами, пытаясь оценить относительную значимость каждого из многочисленных влияний, в результате которых возникли эти стихотворения. Отношение Стивена к изучению Средневековья не смягчилось со временем. По его мнению, такие исследования были столь же бессмысленны, как и сбор галек на пляже. Семинары по Средневековью, служившие моим источником вдохновения, прекратили свое существование; мои связи с кафедрой испанского языка в Кембридже всегда были

поверхностными, и, хотя моя мама все еще исправно оставалась с детьми по пятницам, я не чувствовала принадлежности к группе, собирающейся на лондонские семинары.

Заунывные мотивы кантиг наполняли мой внутренний мир и сопровождали меня в моем одиноком труде. Они были со мной, когда я выполняла работу по дому, занимали меня при бесконечном кормлении Стивена – еда, порубленная на мельчайшие кусочки, исчезала ложка за ложкой, глоток за глотком, – и в любую свободную минуту, пусть краткую, я бросалась к своему столу в эркере гостиной, чтобы сделать несколько пометок, набросать пару идей, привязать несколько ссылок. Тем не менее изучения этих песен, написания аннотаций и анализа было недостаточно. Я страстно хотела иметь возможность выразить такие же эмоции через песни, песни любой эпохи. После первого опыта соприкосновения с вокальной музыкой в Калифорнии я мечтала о том, чтобы научиться петь как следует. Голос можно было носить с собой, в отличие от пианино, и тренировать где и когда угодно, даже во время мытья посуды.

> Хотя пренебрежение Стивена к средневековым исследованиям было непримиримо, а его преданность большой опере, в частности Вагнеру, не ослабевала, он тем не менее поощрял мой новый интерес.

Хотя пренебрежение Стивена к средневековым исследованиям было непримиримо, а его преданность большой опере, в частности Вагнеру, не ослабевала, он тем не менее поощрял мой новый интерес. Раз в неделю он и его студент согласились приходить домой раньше для того, чтобы посидеть с детьми и отпустить меня на один час на вечерние занятия вокалом у известного баритона Найджела Викенса, преподавателя и концертирующего певца. Его высокая прямая фигура казалась еще более импозантной благодаря выдающемуся черепу, и при первом знакомстве я почувствовала, что оробела, – возможно, из-за преувеличенной четкости его дикции. Однако оказалось, что это лишь одна из черт его неординарной личности. Преуспев в актерском искусстве, он мог в одну минуту удерживать класс в благоговейном повиновении, а в следующую – повергнуть в пароксизм хохота. Настоящий волшебник от музыки, Найджел каждую неделю открывал свою коробочку с фокусами, чтобы доставать оттуда блестящие драгоценности, содержащие в себе все цвета и оттенки эмоций и вобравшие эссенцию творчества гениальных музыкантов: Шуберта, Шумана, Брамса, Форе, Моцарта… Их гений обращался к внутреннему миру человека,

чтобы дать выход всему, что таится в глубине души, выразить надежды и страхи, печаль и чувство трагедии – все то, для чего недостает слов. Иногда печальные ноты песен и пробуждаемое ими смутное чувство томления оказывались такими болезненными, что их невозможно было переносить. Через два занятия я уже понимала, что хочу научиться петь, создать собственный голос с нуля и использовать мой новый инструмент.

4. Настольная игра

Довольный новой удобной обстановкой и уверенный в своем положении на работе, Стивен сменил направление исследований в физике, оставив за плечами законы макрокосма и общую теорию относительности, он все больше погружался в квантовую механику, в законы, действующие в микрокосме, на уровне элементарных частиц, квантов – кирпичиков бытия. Такая смена предмета исследования явилась закономерным результатом его работ, посвященных черным дырам, и научным контактам с калифорнийскими физиками, изучающими элементарные частицы; он устремился к новым горизонтам, начав разработку теории квантовой гравитации, которая, как он надеялся, поможет связать законы общей относительности Эйнштейна и физику квантовой механики. Эйнштейн относился с глубоким подозрением к теории квантовой механики, разработанной Вернером Гейзенбергом и Нильсом Бором в 1920-х годах. Он не доверял этому научному прорыву из-за элементов неопределенности и случайности, которые были его неотъемлемыми частями: это подрывало его веру в возвышенную упорядоченность природы Вселенной. Свое неприятие он озвучивал Нильсу Бору, сказав так: «Бог не играет в кости во Вселенной».

Происхождение Вселенной будоражило мое воображение, как на протяжении моего замужества, так и до него. В детстве нам с Крисом мама показывала созвездия, сияющие на ясном небосклоне Норфолка. В семидесятых годах уличное освещение было еще не настолько ярким, чтобы мы с Робертом и Люси не могли рассматривать ночное небо и восхищаться красотой далеких сверкающих звезд в темноте. Мы вместе рассуждали о неизмеримом расстоянии и неподвластных воображению временны́х масштабах и восхищались гением их отца и моего мужа, который смог превратить бесконечность пространства и времени в математические формулы, которые носил в голове, – как если бы, по словам Вернера Израэля, он сочинил в голове целую симфонию Моцарта. В этих уравнениях был ключ ко многим вопросам по поводу нашего происхождения и нашего положения во Вселенной, включая волнующий всех вопрос о нашей роли в качестве миниатюрных обитателей ничем не примечательной планетки, вращающейся вокруг заурядной звезды на задворках самой обыкновенной галактики. Эти вопросы не давали мне покоя, несмотря на то что мои знания физики и математики были рудиментарными. Напротив, столкновения

невидимых частиц, особенно в случае, если частицы не только невидимые, но и воображаемые, не воспламеняли моего интереса так, как это делало представление о путешествии через миллиарды световых лет к истокам пространства и времени. Должна признаться, что компания ученых, с которыми Стивен теперь общался, привлекала меня в еще меньшей степени. В целом физики, занимающиеся элементарными частицами, оказались горсткой экспертов, гораздо менее озабоченных человеческими взаимоотношениями, чем собственной научной репутацией. Они были в гораздо большей степени настроены на агрессивную конкуренцию, чем расслабленные, дружелюбные релятивисты, с которыми мы общались в прошлом. Они посещали конференции и приходили на общественные мероприятия, организованные специально для них, но, не считая нескольких неудержимо жизнерадостных русских, были совершенно невыразительными личностями. Среди этой серости так приятно оказывалось порой видеть лица образованных, красноречивых и обаятельных друзей из релятивистского прошлого: Израэлей, Хартлов, Кипа Торна, Джорджа Эллиса, Картеров и Бардинов.

Физики, занимающиеся элементарными частицами, оказались горсткой экспертов, гораздо менее озабоченных человеческими взаимоотношениями, чем собственной научной репутацией.

По крайней мере, наиболее известный квантовый физик оказался впечатляющим персонажем, хотя и весьма немногословным. Поль Дирак, кембриджский физик, в 1920-х годах связавший квантовую механику с эйнштейновской специальной теорией относительности, а в 1933-м получивший Нобелевскую премию, был легендарной фигурой в физике. Стивен и Брэндон считали себя его научными внуками, поскольку их научный руководитель Деннис Шама являлся аспирантом Дирака. Меня познакомили в Дираком и его женой Маргит Вигнер, сестрой знаменитого венгерского физика, в Триесте в 1971 году. О Дираке говорили, что когда он знакомил Маргит с одним из своих коллег вскоре после их свадьбы, то сказал не «это моя жена», а «это сестра Вигнера». После выхода Поля на пенсию в 1968 году с должности Лукасовского профессора[123] – должности Ньютона – Дираки переехали из Кембриджа во Флориду, где он стал заслуженным профессором в отставке. Рассказывали, что однажды Дирак наблюдал за тем, как его жена вяжет свитер. Когда она дошла до конца ряда, ее муж, тем временем выработавший математическую теорию вязания, проинструктировал ее, как повернуть спицы и связать изнанку

так, чтобы получилась лицевая гладь с обеих сторон.

Дираки однажды побывали у нас в гостях в Кембридже. Маргит напоминала мне Тельму Тэтчер своими аристократическими повадками. Если такое возможно, она была еще более неотразима: ниспадающие мягкими волнами каштановые волосы, ее непосредственность и прирожденная легкость в общении особенно подкупали на фоне молчаливости мужа. Мы пили чай на лужайке, она рассказывала о путешествиях, своей семье и доме во Флориде, восхищалась детьми, непринужденно болтая с ними, в то время как муж только смотрел и молчал. Маргит прекрасно дополняла его замкнутую натуру, которая, как говорят, сформировалась в результате чрезмерного давления отца – швейцарского школьного учителя, позволявшего сыну разговаривать только на безупречном французском языке, когда тот жил в родительском доме в Бристоле.

Она часто отвечала за своего мужа, как и я, порой вынужденная играть роль глашатая Стивена, особенно в тех случаях, когда разговор не касался физики. Стивен и Поль Дирак были схожи своей немногословностью и предпочитали высказывать взвешенные суждения во благо физики либо в целях оживления вопиюще бессвязных дискуссий. Но в одном Стивен и Поль были противоположны друг другу.

> Проблемы, касающиеся физического комфорта Стивена, к этому времени стали весьма значительными, потому что он отказывался от каких-либо средств, замедляющих ухудшение его состояния, из-за чего мы часто были привязаны к дому в выходные.

Во время их недельного визита в Кембридж Маргит Дирак позвонила мне по телефону, чтобы пригласить на балет в Художественный театр. Я замешкалась, прекрасно зная, что Стивена не порадует вечер, потраченный на просмотр «Коппелии» даже в компании одного из знаменитейших ученых мира. «Нет, нет, дорогая, мы приглашаем не его! – эмоционально воскликнула Маргит в ответ на мои сбивчивые отговорки от лица Стивена. – Поль хочет, чтобы вы пошли с нами!» Желания Поля не подлежали обсуждению. Через два дня я встретилась с ними в театре, немного удивленная тем, что Поль действительно явился; я по умолчанию предполагала, что они со Стивеном разделяют пренебрежение к тому танцу, который я так любила. Я была неправа: судя по его виду, он наслаждался представлением так же, как и все присутствующие. Несмотря на его сдержанность, он и Маргит излучали искреннюю теплоту, заставляя меня

чувствовать себя приятным спутником; в этот вечер я в кои-то веки не должна была ни о чем волноваться – и меньше всего о том, что моим спутникам неинтересно.

Дома мне стало легче справляться со своими обязанностями, когда новый аспирант Стивена Алан Лапедес из Принстона согласился поселиться у нас в гостевой комнате и, как в свое время Бернард в Калифорнии, помогать мне с наиболее обременительными задачами, в особенности подниманием. Скромный и сдержанный, Алан был безотказным помощником, но я старалась не злоупотреблять его долготерпением, так как он с коллегами заботился о Стивене и в условиях кафедры.

Проблемы, касающиеся физического комфорта Стивена, к этому времени стали весьма значительными, потому что он отказывался от каких-либо средств, замедляющих ухудшение его состояния, из-за чего мы часто были привязаны к дому в выходные. В течение недели это становилось источником постоянной тревоги и расстройства, несмотря на старания Сью Смит, последней из помощниц Констанс Уиллис. Она пыталась заставить его более регулярно заниматься упражнениями, выпрямляла ему конечности и тело и помогала ходить вдоль коридора с опорой на двух человек по обеим сторонам. Но как бы Сью ни развлекала Стивена, с присущим ей северным чувством юмора рассказывая ему последние сплетни в собственной обработке, она не могла уговорить его уделять упражнениям дополнительное время сверх тех двух часов в неделю, которые он проводил в ее обществе. «Ну пожалуйста, делайте зарядку, ради меня!» – упрашивала она, но он просто награждал ее одной из своих сбивающих с толку улыбок сфинкса.

Факт заключался в том, что ноги Стивена были ослаблены сидячим образом жизни, болезнью и недостатком упражнений. Механические преимущества инвалидного кресла с электроприводом скрывали от посторонних истинную степень ущерба, нанесенного мотонейронной болезнью. Стивен имел очевидную свободу передвижения по обе стороны мостика, его видели то около дома, то на кафедре. Любое препятствие на пути этой чудо-машины тем не менее обнаруживало потребность в посторонней помощи: требовался не один, а два-три физически развитых мужчины, чтобы перенести кресло, весящее 120 килограммов, через высокий бордюр или лестничный пролет. Если мы куда-нибудь выходили по вечерам, то даже единственная ступенька становилась крупной проблемой.

В отличие от меня, Стивен не был подвержен тем многочисленным вирусным заболеваниям, которые дети приносили из школы. Он сохранил хороший аппетит и в

остальном крепкое здоровье, гордясь тем, что не пропустил ни дня работы по болезни. Окружающие не догадывались о том, что тело его было душераздирающе иссушенным болезнью, и не становились свидетелями ужасных приступов удушья, начинавшихся во время ужина и продолжавшихся до ночи. Я убаюкивала его у себя на руках, как испуганного ребенка, до тех пор, пока свистящие хрипы не превращались в нормальное дыхание спящего человека. Мы пытались избежать этих приступов, экспериментируя с различными диетами, сначала убрав из его меню сахар, затем молочные продукты и, наконец, клейковину – вязкий зерновой протеин, входящий в состав хлеба и другой выпечки. Эти продукты могли быть причиной раздражения сверхчувствительной слизистой оболочки его горла. Хотя мы с детьми продолжали есть хлеб и выпечку, а готовить без сахара было нетрудно, исключить из рациона клейковину оказалось не так-то просто: в 1970-е на полках супермаркетов еще не было продуктов, не содержащих того или иного вещества. Приходилось изобретать всяческие кухонные ухищрения, из-за чего приготовление пищи порой превращалось в кулинарный кошмар. Но все средства были хороши для того, чтобы попытаться избежать изматывающих и опасных для жизни приступов удушья.

Когда мы уже считали, что благополучно избежали зимней волны заболеваний, весна 1976 года подготовила для нас череду испытаний, напоминающих настольную игру «Змеи и лестницы»[124]. Змей было гораздо больше, чем лестниц, а кубик предательски ложился таким образом, что фишки все время оказывались на змеях. 20 марта нас атаковала первая маленькая змея: Люси заболела ветрянкой. Это ничем не примечательное, хотя и неприятное заболевание лучше было пережить в раннем детстве, чем в возрасте двадцати лет, как я убедилась на собственном опыте в Валенсии. К следующему понедельнику, 22 марта, бедняжка Люси покрылась красными пятнами и требовала моего внимания днем и ночью. В том, что касается ветрянки, мы ничем не отличались от других семей с маленькими детьми, но на этом сходство заканчивалось. К счастью, Люси поправилась в течение недели, потому что следующий ход сильно отбросил нас назад по спине гораздо более покатой змеи.

В субботу утром все мы проснулись с больным горлом, а на следующий день Стивен и Алан чувствовали себя нехорошо. К воспаленному горлу добавилась высокая температура. Стивен боялся докторов так же панически, как я боялась летать: он относился ко всем представителям медицинской профессии с глубоким недоверием с тех пор, как они столь небрежно обошлись с ним в 1963 году, во время постановки диагноза. Он

запретил мне вызывать врача, несмотря на то что не мог ни есть, ни спать и кашлял при каждом вдохе. На следующий день я ослушалась его, в отчаянии вызвав дежурного врача, но Стивен мотал головой в яростном протесте на все ее предложения смягчающих, отхаркивающих или противокашлевых средств, потому что у него была теория, что средства, подавляющие естественные рефлексы, более опасны, чем сам кашель. Он назначил себя собственным доктором и полагал, что знает больше о своем состоянии, чем любой представитель медицинской профессии. Мать Стивена, приехавшая в гости в воскресенье днем, осталась на ночь, на протяжении которой мы вдвоем, как могли, помогали Стивену. Понедельник был днем моего рождения. Совсем больной, бледный, измученный кашлем, Стивен отказывался от врача до позднего вечера, когда в качестве крупной уступки по случаю моего дня рождения наконец согласился. Когда доктор Свон был допущен на территорию дома в полвосьмого вечера, его реакция оказалась незамедлительной и действенной: он вызвал скорую, заверив Стивена, что тот будет дома через пару дней.

Само Провидение заступилось за нас в тот печальный момент, когда мы прибыли в приемное отделение больницы. Стивен полагал, что его запрут в проклятой клетке, а я, терзаемая неизвестностью, беспомощно гладила его по руке, когда мы услышали знакомый голос, уверенный и авторитетный, доносящийся из кабинета врача. Голос принадлежал Джону Старку, консультанту по проблемам грудной клетки, отвозившему Роберта в школу каждый день. Стивен не мог не уважать Джона как друга, что бы он ни думал о докторах в целом, а я вздохнула с облегчением: мы встретили авторитетного человека, способного оказать нам помощь без необходимости в пространных объяснениях, опытного врача, который освободит меня от ответственности за моего больного, не желающего лечиться. Тем не менее, поскольку речь Стивена могли разобрать лишь самые близкие люди и так как он боялся, что ему дадут еду или лекарство, представляющие опасность для здоровья, я оставалась в больнице у его постели всю ночь. На следующий день ему стало немного лучше – ему был поставлен диагноз «острое респираторное заболевание», – и он начал медленно продвигаться к выздоровлению. Через два дня он выглядел настолько приободрившимся, что его можно было выписывать домой.

Тем временем домашняя жизнь вернулась в более-менее нормальное русло. Мои родители приехали, чтобы помочь присмотреть за детьми, Люси возвратилась в школу, а Роберт

уехал на экскурсию в Йорк. Забирая Стивена из больницы, мы с Аланом пребывали в оптимистической иллюзии, что сможем вернуться к обычному распорядку со дня на день. Но как только мы оказались дома, воодушевленные скорым выздоровлением, у Стивена начался сильный приступ удушья, и он мгновенно погрузился обратно в отчаяние. Мы ничем не могли облегчить его страдания, хотя применяли все рекомендации врачей. Он задыхался в любом положении, сидя и лежа. Он не мог ни есть, ни пить и был слишком слаб для физиотерапии. Моя мама, Бернард Карр, Алан и я составили график дежурства. По одному или вдвоем мы сидели у постели Стивена день и ночь, в то время как другие спали. Никто не сомневался в том, что ситуация была критическая. Мне не требовалось знать мнение врача, чтобы понимать, что надо готовиться к худшему.

> Стивен боялся докторов так же панически, как я боялась летать: он относился ко всем представителям медицинской профессии с глубоким недоверием с тех пор, как они столь небрежно обошлись с ним в 1963 году, во время постановки диагноза.

Там, где медицинская наука признала свое поражение, дружеская забота принесла неожиданное воодушевление и возвращение надежды. Джон Стерди, декан колледжа Гонвиля и Каюса, с женой Джил зашли к нам однажды вечером, чтобы тихо и ненавязчиво предложить молитвенную помощь. Студенты и коллеги Стивена были непоколебимы в своей преданности: они регулярно навещали его и помогали ухаживать за ним, часто сменяя нас ночью. Постепенно, будучи еще очень слабым и склонным к возобновлению приступов, Стивен начал выздоравливать; в субботу 4 апреля целый день прошел без приступов, и он смог съесть немного протертой пищи. Но в ту ночь его состояние снова ухудшилось, и на следующий день нам опять пришлось начинать все с нуля. Роберт проснулся с высокой температурой, покрытый с головы до ног струпьями ветрянки, а днем у него началась горячка.

Поскольку мой отец сам собирался ложиться на плановую операцию в больницу Сент-Олбанс, мои родители вернулись домой при первых признаках выздоровления у Стивена. В их отсутствие мне приходилось полагаться на помощь друзей, в особенности Джой Кэдбери, которая все эти годы оставалась в тени, оказывая поддержку в самых трудных обстоятельствах. В 1973 году Роберт оставался в семье Кэдбери во время нашей поездки в Россию; он и Люси прекрасно общались с их детьми, Томасом и Люси Грейс. Когда Стивен был в отделении

интенсивной терапии, а я ухаживала за ним, дети ночевали в доме Кэдбери. Великодушие, с которым Джой предложила уход за Робертом, покрытым красными коростами, было превыше дружеского участия; фактически это означало, что оба ее ребенка через пару недель окажутся в постели с ветрянкой. У меня не оставалось другого выхода: я отпустила Роберта, потому что была так истощена и так нужна Стивену, что уже не понимала, что с нами происходит.

> Выздоровление Стивена было медленным и менее предсказуемым, в частности из-за того, что он отказался принимать предписанный ему пенициллин.

Заботами Джой Роберт скоро поправился, хотя ее собственные дети, в свою очередь, стали жертвами ветрянки. Мой отец благополучно пережил операцию, и, когда я выкроила пару часов, чтобы навестить его в Сент-Олбансе, он уже встал и прогуливался по палате. Выздоровление Стивена было медленным и менее предсказуемым, в частности из-за того, что он отказался принимать предписанный ему пенициллин. Он тихо сидел в кресле, положив голову на ладонь, в такой же меланхоличной позе, которую освоил в шестидесятые. Он не говорил, часто задыхался, ел и пил маленькими осторожными глотками. Он был еще слишком слаб, чтобы покидать дом, поэтому коллеги с кафедры приходили к нему и проводили семинары в нашей гостиной. Наконец к пасхальным выходным его силы стали возвращаться. Только тогда мы сумели позволить себе нормальный ночной сон, и я смогла немного ослабить бдительность. Дети вернулись домой, и за оставшуюся неделю школьных каникул мы планировали восполнить недостаток семейного отдыха.

У Стивена были другие планы. На второй день Пасхи, находясь на раннем этапе выздоровления, он созвал своих студентов, приказал организовать машину и отправился на пятидневную конференцию в Оксфорд. Глядя им вслед с парадного крыльца, я чувствовала, что неверие в подобное безрассудство перерастает у меня в отчаянное желание сбежать – как можно дальше. Деннис и Лидия Шама, ошарашенные авантюризмом Стивена, порекомендовали отель в городке Сент-Айвс на побережье Корнуолла. Оглушенная невозможностью происходящего, плохо понимая, куда еду, подгоняемая непреодолимым желанием бежать из Кембриджа, я повезла детей в Лондон, где на вокзале Паддингтон мы сели на поезд в юго-западном направлении. Поезд уносил нас все дальше и дальше. После Эксетера он замедлил ход, неспешно пробираясь по

стрелкам разветвленных рельсов. В неведении о медленно текущем времени, не обращая внимания на играющих и смеющихся детей, я безучастно смотрела в окно, на усеянные первоцветами поля Корнуолла, не воспринимая их красоты, погруженная в оцепенение от усталости и уныния.

5. Кельтский лес

Было очевидно, что мы живем на краю обрыва. Тем не менее даже на краю обрыва можно пустить корни, проникающие сквозь скалу и камень; корни, пробирающиеся и в самую скудную почву, чтобы добыть питание и построить опору для кроны, пусть и не богатой; чтобы породить листву, цветы и плоды. В конце апреля мы вернулись из Корнуолла, а Стивен – из Оксфорда, потом дети снова пошли в школу, как если бы предпасхального кошмара не было и в помине. Уравновешенный и нетребовательный, Роберт всегда спокойно относился к болезни и инвалидности отца. К счастью, в школе у него была масса возможностей заниматься физическими видами спорта и играми, в которых отец не мог к нему присоединиться. Люси, во всем следуя примеру брата, тоже не очень переживала из-за необычности ситуации в семье. Наша жизнь вошла в прежнюю колею; пожалуй, изменилось лишь то, что желание с пользой проводить каждую минуту стало еще сильнее. Когда Стивен и дети были заняты своими делами, я то и дело возвращалась к диссертации, записывая по одной-две идеи за раз; я еще раз отремонтировала дом, который сдавался в аренду для оплаты счетов за обучение Роберта; при возможности посещала уроки вокала; готовила праздничные ужины для полчищ летних посетителей кафедры.

В середине лета к нам приехала съемочная группа «Би-би-си», чтобы снять кино о Стивене, которое должно было стать частью документального фильма о происхождении Вселенной.

Продюсер фильма Вивьен Кинг случайно оказалась выпускницей Уэстфилдского колледжа того же года, что и я. Она изучала математику, но в кинематографе придерживалась не радикально научного, а скорее гуманистического подхода, желая представить Стивена в благоприятном свете, показав его с разных сторон, в том числе в окружении семьи. Я одобряла такой подход, потому что иначе Стивен мог предстать публике в качестве злого гения, похожего на прикованного к инвалидному креслу доктора Стрейнджлава из фильма Стэнли Кубрика[125]. Готовый продукт, первый и лучший из всех последующих, содержал элементы поэтической идиллии, пусть и в научном контексте. Само собой, Стивена показывали работающим на кафедре, во взаимодействии со студентами, проводящим семинары, разъясняющим свои новые теории. Также у него взяли интервью в домашней обстановке; на заднем плане в солнечном саду на цветущей лужайке резвились дети. Когда фильм транслировали по всему миру как часть крупной документальной серии «Би-би-си» под названием «Ключ

к Вселенной», школьная подруга Люси, дочка японских ученых, которые к тому времени уже вернулись на родину, посмотрела его по телевизору. Ее мать написала мне, что девочка замерла, увидев на экране, как Люси качается на качелях, подвязанных к яблоне. «Люси, Люси…» – было все, что она смогла сказать, в то время как по ее лицу струились слезы.

Таков был образ самодостаточности, в который мы все еще стремились вписаться, хотя и этот образ, и сладкую иллюзию успеха было все труднее поддерживать. Алан Лапедес оказался так измучен по возвращении из Оксфорда, что пришлось отпустить его на пару недель подлечиться. Все забыли о том, что он тоже пережил острое респираторное заболевание, потому что его помощь была очень нужна Стивену. Он беспрекословно предоставил себя в наше распоряжение на время критического периода и не мог отказать Стивену, когда тот решил поехать в Оксфорд.

Доблестные попытки Стивена сохранять хорошую мину при плохой игре, видимо, вызывали уважение на кафедре, но дома у него всегда было плохое настроение, а его тело становилось все слабее. Он говорил только для того, чтобы высказать свои потребности, и как только одна из них удовлетворялась, он произносил следующую команду, так что к концу дня я совершенно выбивалась из сил. Помощь нужна была нам более чем когда-либо, но она не приходила, несмотря на то что наши доктора хором уговаривали Национальную службу здравоохранения. В любом случае, Стивен отказывался принимать какую-либо помощь профессиональных сиделок. Мой врач обратился в местные органы власти с просьбой о предоставлении помощи в ведении хозяйства, поскольку наши свободные средства уходили на оплату счетов за обучение Роберта, и мы не могли позволить себе домработницу. Никакой помощи от государства мы не получили, потому что первый же визит социального работника закончился полной дисквалификацией нашей семьи в качестве социально незащищенной. Эта женщина была лишь одной из тех, кто ошибочно составил суждение о нашем положении на основании позолоченной иллюзии, которую мы изо всех сил поддерживали, чтобы скрыть жестокую реальность нашей повседневности.

Помощь все-таки пришла, но из такого незамутненного источника, что, хотя физически мне стало легче, мое чувство вины за неспособность справляться со всем самостоятельно возросло стократно. Роберт в свои девять лет оставил детство позади и начал носить поклажу, поднимать тяжести, кормить и мыть отца и даже водить его в туалет, в то время, когда я

занималась другими делами или просто очень сильно уставала. С прагматичной точки зрения Стивена, для его выживания не было разницы в том, чьи руки и ноги он будет использовать вместо своих; Роберт устраивал его больше, чем присутствие в доме чужого человека, медсестры. Меня очень беспокоило то, что детство Роберта – эта неповторимая пора свободы – так резко закончилось.

В конце мая я организовала семейную поездку на одну неделю вместо той, что не состоялась на Пасху, – пять дней отдыха в нашем любимом отеле «Якорь» в Уолберсвике, всего в двух с половиной часах от Кембриджа. Несмотря на все попытки персонала отеля позаботиться обо всех наших нуждах, включая диету, отпуск оказался загублен. У Стивена без конца случались приступы, но предложение принимать пищу в нашем отдельном шале оскорбило его. Вследствие этого каждая трапеза превращалась в испытание моих нервов: конвульсивный сипящий кашель эхом отражался от стен, пугая остальных посетителей ресторана. Стивен впал в депрессивную летаргию и отгородился от нас стеной, заговаривая с нами лишь для того, чтобы высказать свои желания, как в зловещем варианте игры «Саймон говорит…»[126]. Помощь Роберта была необходима снова и снова, когда я находилась на грани срыва – а я доходила до этого состояния часто, поскольку ситуация требовала от меня большего упорства и мужества, чем у меня оставалось в запасе.

> Доблестные попытки Стивена сохранять хорошую мину при плохой игре, видимо, вызывали уважение на кафедре, но дома у него всегда было плохое настроение, а его тело становилось все слабее.

Я отчаянно нуждалась в помощи и часто пыталась придумать, откуда она могла бы прийти; нечего и говорить, что мои поиски оказывались бесплодны. Наши друзья были готовы помогать в особенно трудное время, но у всех имелись свои семьи, собственная жизнь. Ни у кого из наших знакомых не оставалось ни сил, ни времени, чтобы так глубоко погрузиться в нашу жизнь и освободить Роберта от преждевременной ноши обязанностей, возложенных на его юные плечи. В своем отчаянии я обратилась к родителям Стивена, поскольку лишь они могли бы что-то сделать. Мои собственные родители отдавали нам массу своего времени и сил на протяжении всего нашего брака и были замечательными бабушкой и дедушкой, но они ничего не могли поделать в данной экстремальной ситуации, где к тому же требовалось медицинское мнение, да и я не хотела обременять их подобными просьбами. Отец Стивена обещал оказывать нам всевозможную помощь в

период эйфории перед нашей свадьбой в 1965 году. Действительно, Фрэнк Хокинг покрасил ванную при первом переезде на Литл-Сент-Мэри; они с Изабель оплатили мое пребывание в роддоме при рождении Роберта, а также визиты домработницы раз в неделю во время его младенчества. Они дали нам крупную сумму денег, которой не хватало для покупки дома, и щедро передали в наше пользование несколько старинных предметов мебели для украшения нашей гостиной. Изабель приезжала заботиться о Стивене, когда родились дети, и готова была сопровождать его в перелетах по всему миру, когда аэрофобия и маленькие дети не давали мне оторваться от земли. Когда мы приезжали с ежегодным визитом в Уэльский коттедж, она и Фрэнк неизменно помогали заботиться о Стивене; при этом она часто усмиряла нетерпение мужа, потому что ему требовалось значительное терпение и самодисциплина для того, чтобы приспособиться к медленным ритуалам ухода за ним. Хотя их собственный дом был вопиющим образом не приспособлен для человека в инвалидном кресле, они с забавной педантичностью выискивали удобные места для наших экскурсий, считая каждую ступеньку и отмечая любое препятствие, могущее затруднить наше передвижение.

> Я отчаянно нуждалась в помощи и часто пыталась придумать, откуда она могла бы прийти; нечего и говорить, что мои поиски оказывались бесплодны. Наши друзья были готовы помогать в особенно трудное время, но у всех имелись свои семьи, собственная жизнь.

Тем не менее их приезды в Кембридж были гораздо более формальными, чем посещения моих родителей. Мама и папа проявляли страстную любовь к внукам, знали обо всех нюансах их и нашей жизни, в то время как родители Стивена вели себя скорее как гости, чем как близкие родственники. В последнее время я начала ощущать, что в их отношении к нам появилась отстраненность, как будто та видимость нормальности, которую мы поддерживали для чужих людей, была так убедительна, что от них уже не требовалось никакого участия. По возвращении из Уолберсвика я написала им письмо – крик о помощи, умоляя их использовать свой интеллект и медицинские знания для анализа ситуации и подсказать нам, как справиться с надвигающимися трудностями. Моя клятва Стивену не утратила силу, но, даже обладай я самой сильной волей на свете, мне все равно становилось бы все сложнее исполнять ее, в особенности в условиях неослабевающего напряжения каждый божий день и значительную часть ночи. Тем временем окружающая среда

требовала от нас все большего: со времени последней болезни Стивена в Кембридже еще чаще проходили крупные конференции, банкеты, коктейли и приемы. Я была на грани срыва, тем не менее Стивен отвергал любые предложения, связанные с тем, чтобы облегчить напряжение детям – особенно Роберту – и мне. Его постоянное отрицание нашей потребности в помощи было отчуждающей силой, истощающей ту эмпатию, с которой я переживала все обезоруживающие этапы его заболевания. В ответ на мое письмо Фрэнк Хокинг пообещал посоветоваться с доктором Стивена о медицинских аспектах нашего случая; что касается других аспектов, то он писал, что благоприятная возможность обсудить их более подробно представится во время нашего визита в Лландого во время летних каникул.

Фактически у меня почти не было возможности обсудить эти вопросы с Хокингами в Уэльсе, потому что Хокинги по определению не желали обсуждать никаких личных вопросов. Фрэнк исправно помогал заботиться о Стивене каждое утро и затем, надев резиновые сапоги, плащ и зюйдвестку, исчезал в лесных дебрях, чтобы продолжить борьбу с сорняком, издевающимся над его попытками выращивать овощи в субтропическом климате крутого восточного склона. Изабель добросовестно организовывала для нас интересные экскурсии, пытаясь избежать дневных ливней: детские пикники, визит в замок Гудрич, охота на клевер с четырьмя лепестками – все это были приятные семейные прогулки, которые проводились без какого бы то ни было намека на существующие проблемы и стрессы. Однажды утром она подошла ко мне и с демонстративным пренебрежением сказала: «Если хочешь поговорить с отцом, то сделай это сейчас». Она показала на улицу, где Фрэнк стоял под проливным дождем. Я накинула плащ и присоединилась к нему под струями воды, стекающими с деревьев. Мы пошли вдоль дороги в молчании; наши сапоги шлепали по ручейкам, устремляющимся в долину, чтобы пополнить вздувшуюся реку. В моих мыслях и эмоциях бушевал такой вихрь, что я не могла сформулировать выражающую их членораздельную речь. Я боялась показаться неверной Стивену, однако мне необходимо было убедить его семью в том, что дела наши совсем не хороши, что нужно искать средства и способы, а возможно, и проявить авторитет, чтобы облегчить нам ношу. По крайней мере, Роберта требовалось освободить от той нагрузки, которой он был отягощен сейчас.

Я не преуспела ни в одной из моих целей. Даже малейший намек на недовольство нашей ситуацией расценивался как предательство по отношению к Стивену и в мгновение ока

отклонялся под предлогом, что проблема в моей неспособности справиться со своими обязанностями. Фрэнк, по крайней мере, сказал, что обсудит ситуацию со Стивеном, но сомневался, что его слова возымеют какой-либо эффект. В любом случае, подчеркнул он, о том, чтобы заставить Стивена принять помощь, и речи быть не могло. Еще он добавил, что Стивен ведет себя очень мужественно, что свое мужество он черпает из целеустремленности и что он, Фрэнк, был уверен, что Стивен делает все возможное для своей семьи. Он хорошо зарабатывал, у нас двое прекрасных детей, и нам очень повезло занять выгодное социальное положение. Я не оспаривала правдивость его слов: в сравнении с другими семьями инвалидов наши обстоятельства складывались более чем удачно, но меня уже не утешало повторение этих банальных истин. Да, это то хорошее, что поддерживало меня все эти долгие годы. Я прекрасно знала, что целеустремленность Стивена была крепостью, которую он выстроил, чтобы защититься от своей болезни, но я не понимала, почему он использует ее в качестве оружия против своей семьи. Что касается Роберта, Фрэнк перевернул мой аргумент с ног на голову: он сказал, что Роберт слишком погружен в себя и ему нужно выбираться из раковины, чтобы в будущем нехватка социальных навыков не сказалась на его карьере. Фрэнк полагал, что он сам не получил признания за свой вклад в тропическую медицину как раз по этой причине.

> Моя клятва Стивену не утратила силу, но, даже обладай я самой сильной волей на свете, мне все равно становилось бы все сложнее исполнять ее, в особенности в условиях неослабевающего напряжения каждый божий день и значительную часть ночи.

Спорить было бесполезно. Будучи физически крепким и сохранившим прекрасное здоровье, Фрэнк тем не менее был на десять лет старше моего отца, возможно, уже слишком стар, чтобы понять мои чувства и в чем-то изменить своим убеждениям, чтобы адаптироваться к ситуации. Он искренне беспокоился о Стивене, но не замечал очевидных фактов. Пытаться объяснять то, что и так видно невооруженным глазом, повторять содержание моего письма – что замкнутость Роберта – результат ситуации в семье – было бессмысленно; тем более что мое практическое соображение о том, что Фрэнк и Изабель могли бы поучаствовать в содержании сданного в аренду дома, которому в периоды между жильцами требовался значительный ремонт, оказалось задушено на корню по причине огромного расстояния – целых восемьдесят километров – между Сент-Олбансом и Кембриджем. Разговор

исчерпал себя, и мы вернулись в дом.

Позже небо прояснилось. Я сидела на террасе и чистила фасоль для обеда, когда ко мне подошла Изабель и села рядом. «Так ты поговорила с отцом?» – спросила она, внимательно меня рассматривая. «Я бы так не сказала», – ответила я. Она закусила губу и с тем же пренебрежением, что и раньше, яростно выговорила: «Ты ведь понимаешь, что отец никогда не позволит отправить Стивена в дом инвалидов?» Сказав это, она поднялась, повернулась на каблуках и вернулась в дом. Ее слова пронзили мое сердце. Я никогда не думала о том, чтобы отправить Стивена в дом инвалидов, и уж тем более не высказывала такую абсурдную идею. Я просто попросила о помощи, желая защитить своего маленького сына от психологических последствий физической болезни, поразившей его отца. Униженная и еще более подавленная, я встала. Оставив наполовину полную миску с фасолью, я медленно пошла в направлении Кледдонского леса и там, в полном опустошении, села на широкий плоский камень, не слыша голоса водопада, бушующего невдалеке. Никогда еще мне не было так одиноко, как там, в лесу, на холме у быстрой полноводной реки. Природа предлагала сочувствие, в каковом отказывали люди, но природа не имела влияния на разумных существ, для которых рациональность была единственным критерием суждения и которые не хотели признать стоящую перед ними реальность, безоружную и умоляющую о помощи.

Во вторую неделю отпуска солнце наконец-то воцарилось на небосклоне, и мне показалось, что я ошиблась в Изабель. Она отвезла нас в отель на побережье и бóльшую часть времени помогала ухаживать за Стивеном, иногда кормила его, помогала одевать и сидела с ним на набережной, в то время как я играла с детьми на песке и купалась в море. Я преисполнилась надежды и стала оживать. Казалось, что Изабель в конце концов откликнулась на мои просьбы и делала искреннюю попытку помочь. Я испытывала благодарность, но меня озадачивали некоторые из ее замечаний. «Присматривать за Стивеном не так уж и трудно, знаешь ли», – замечала она беззаботно. «Роберт, похоже, с удовольствием помогает отцу; мне кажется, это полезно им обоим», – последовало за этим. Сначала я склонна была рассматривать такие комментарии в благоприятном свете, потому что отдых, организованный ее силами, был именно тем, в чем мы нуждались. Тем не менее постоянное подчеркивание легкости, с которой можно было исполнять все мои обязанности, и намеки на то, что мои просьбы о помощи не стоило воспринимать всерьез, приостановили возвращение моего доверия к ней. Она, казалось, не понимала того, что я, утратившая юношескую наивность и

присущий мне природный оптимизм, не могла вынести мысли, что то же самое уже происходит с Робертом в возрасте десяти лет. «На самом деле инвалидное кресло не такое уж тяжелое, – заявила она небрежно в конце недели. – Люси помогла мне сложить его части и батареи в багажник, и мы вдвоем прекрасно справились». Люси было пять лет; вес кресла и твердогелевых батарей к нему заставлял бледнеть самых выносливых из студентов.

Печальные новости ожидали нас по возвращении в Кембридж в конце августа. Тельму Тэтчер увезли в больницу на операцию, которую она не перенесла. Те десять лет, что мы знали ее, являлись большой частью нашей жизни, но для нее это был короткий срок; тем не менее она относилась к нам как к родным. В ее большом сердце для каждого находилось место; она была заботлива и практична, всегда готова прийти на помощь в трудные времена тем, кому тяжелее, чем ей, а ее безотказное чувство юмора мгновенно выявляло смешную или абсурдную сторону ситуации. Дети обожали ее, а она обожала их и была им приемной бабушкой. По отношению ко мне она оставалась верным другом и надежным союзником, чьему суждению я всегда могла доверять, хотя иногда его было трудно принять. Я виделась с ней незадолго до отъезда в Уэльс. Философски настроенная, она объявляя свои проблемы со здоровьем несущественными, хотя уже знала, что все очень серьезно. Обычно она переводила разговор на нас. «Хотела бы я, чтобы старушка Тэтчер была сильнее, чтобы дольше помогать своей храброй девочке», – сказала она, обнимая меня в последний раз.

6. Взгляд назад

Той осенью многие из ученых оставались у нас на ужин в конце долгого дня, наполненного обычными хлопотами, связанными с детьми и школой, секциями и домашними заданиями, а также требованиями Стивена. Немногое изменилось в наших обстоятельствах, поскольку помощь Роберта до сих пор требовалась достаточно часто, но в ту неделю у моря, которую мы провели в Уэльсе, мне удалось восстановить свою выносливость и решительность, и теперь было легче справляться с обязанностями. Здоровье и настроение Стивена также улучшились, хотя его выздоровление после весенней атаки пневмонии не означало, что отступила мотонейронная болезнь, продолжавшая исполнение своего безотзывного приговора, состоящего в дегенерации мускулов, возрастании трудностей при приеме пищи, приступах удушья и проблемах с дыхательным аппаратом.

На кафедре новейшим изобретением академиков, позволяющим снискать популярность, были симпозиумы – своеобразные растянутые во времени конференции, продолжавшиеся на протяжении всего года. Такая возможность весьма импонировала Стивену, поскольку благодаря увеличению финансирования он теперь мог приглашать в Кембридж ученых со всего мира и работать с ними на досуге над долгоиграющими проектами, такими как книги и статьи, реализуя предприятия, не вмещающиеся в традиционный пятидневный блиц-формат конференции. Хотя он все еще постоянно смещал фокус своего интереса, обращаясь то к общей теории относительности, то к квантовой механике, большинство из посетителей кафедры в начале учебного года оказались старыми знакомыми, приехавшими из Северной Америки.

С моей точки зрения, самыми проблемными из них стали скромные, дружелюбные Чандрасекары – не из-за того, что мы не сошлись характерами; дело было в том, что непосредственно перед их появлением на ужине мне сообщили, что они веганы[127]. Я полагала, что они вегетарианцы, после неловкой ситуации, когда по ошибке предложила им сэндвич с рыбой на чайном банкете, но не ожидала дальнейших осложнений.

> Стивен обожал возвращаться в Оксфорд. Он держал карту города в своей голове и с оттенком гордости прокладывал мне дорогу до любого места назначения, перебирая в уме улочки и подворотни с впечатляющей

легкостью.

Требовалось срочное внесение изменений в меню. Мои планы полетели в мусорную корзину: нужны были блюда без мяса, рыбы, молочных продуктов – кроме того, без клейковины и сахара. Мое испанское дежурное блюдо – гаспачо – придало оттенок изысканности трапезе, состоящей из грибов и лукового ризотто. На самом деле такие блюда приличествовали бы семейному воскресному ужину, а не банкету в честь почетных гостей.

В середине четверти кембриджский десант высадился в Оксфорде, где Деннис Шама занял должность научного сотрудника в Колледже Всех Душ. Роджер Пенроуз был назначен там же профессором математики, и они с Деннисом регулярно организовывали одно-, двухи трехдневные конференции. Пока Стивен и его коллеги проводили семинары, я воспользовалась возможностью лучше познакомиться с музеями и памятниками Оксфорда. За последние несколько лет мы порой по полгода жили в Оксфорде, даже когда дети были совсем маленькими, и я начала ценить очарование этого места, более космополитичного и оживленного, чем его собрат с болотистых земель[128]. Стивен обожал возвращаться в Оксфорд. Он держал карту города в своей голове и с оттенком гордости прокладывал мне дорогу до любого места назначения, перебирая в уме улочки и подворотни с впечатляющей легкостью. Он ностальгически вспоминал ту стену, на которую он когда-то взобрался лишь для того, чтобы упасть в руки полицейского, и мост, где он и его друзья ночью писали слоган «Запретите бомбу», а проходивший мимо полицейский патруль арестовал друзей, оставивших Стивена болтаться в подвесной клетке над рекой. У этой и подобных басен был привкус неправдоподобия, хотя многие фотографии являли следы бурной юности Стивена. Не было сомнений также в том, что он с удовольствием участвовал в «штрафной кружке» – соревновании по употреблению пива в качества штрафа за плохое поведение. Любовь Стивена к таким воспоминаниям была заразительна: они воскрешали соблазнительный образ беззаботного бунтаря, в которого я влюбилась. Конечно же, они относились к дням его гедонистической юности, до появления в его жизни диагноза «мотонейронная болезнь», что хронологически произошло уже в Кембридже.

Сопровождение Стивена на конференциях и путешествиях теперь не было проблемой: находилось много коллег и студентов, ищущих возможность проводить больше времени со знаменитым физиком. Для меня это стало огромным облегчением, так как я до сих пор боялась как самолетов, так и разлуки с детьми. Я

пыталась быть для них и отцом, и матерью одновременно и не хотела, чтобы они страдали из-за инвалидности отца, хотя, разумеется, поощряла в них любовь и уважение к нему. Втайне от Стивена я поделилась своим беспокойством со школьной учительницей, тщетно надеясь оградить их от издевательств со стороны сверстников. Во время отсутствия Стивена, как это было в декабре 1976 года при его посещении предрождественской конференции в Бостоне, я могла полностью посвятить себя материнской роли: посетить евангельские инсценировки, балетные постановки, школьные рождественские богослужения и отвести детей на рождественский бал в колледже.

В это же время Алан Лапедес, оказавший нам неоценимую помощь во время кризиса, вернулся домой в Принстон. Я произвела генеральную уборку в его комнате – единственной комнате, предоставленной нам на втором этаже дома, – ожидая нового постоянного гостя, физика Дона Пейджа, с которым мы познакомились в Калифорнии в его бытность студентом Кипа Торна. Они с матерью уже приезжали в Кембридж, чтобы оценить обстановку. Их можно было понять: они хотели выяснить, подходят ли им наши условия, и, как я подозревала, оценить мою благонадежность в качестве домовладелицы. Видимо, проверку мы прошли: Дон энергично влился в нашу семью, подобно Тигре из романа А. А. Милна. Он приехал вместе со Стивеном с конференции в Бостоне 18 декабря и вовсю участвовал в наших рождественских мероприятиях.

Я достаточно долго общалась с физиками, чтобы заключить, что они, как правило, являются выходцами из немного странных семей. Семья Дона Пейджа настолько необычна, что его можно было считать исключением даже среди физиков. Рожденный в семье миссионеров-учителей, он вырос почти в полной изоляции в отдаленной части Аляски, где родители заменили ему начальную школу собственными уроками. Затем он учился в христианском колледже в Миссури, где родились его родители, и оттуда поступил в Калтех, где в качестве аспиранта присоединился к исследовательской группе Кипа. Его фундаменталистские верования настолько глубоко укоренились в нем, что очевидное несоответствие между ними и областью его исследований – гравитационной физикой и происхождением Вселенной – казалось парадоксальным людям со стороны, но ничуть не волновало его самого: в его сознании эти две области не пересекались. С одной стороны, он был ярым поборником христианства, носителем абсолютных ценностей, которые до сей поры не приходили в столкновение с реальностью и поэтому были несколько стереотипными; с другой – те самые

евангелистские убеждения требовали от него неустанного рвения в научных исследованиях.

Хотя я уважала его пыл (в воскресенье он дважды посещал церковь, а на неделе ходил на собрание по изучению Библии) и чувствовала благодарность к нему за внесение религиозной нотки в нашу повседневную жизнь, я была солидарна со Стивеном в том, что не желала насильственного обращения в христианство, в особенности за завтраком. Вне сомнения, с самыми чистыми намерениями Дон лелеял надежду способствовать чудесному обращению Стивена – подобного тому, что произошло с Саулом по дороге в Дамаск, – посредством утреннего чтения Библии и молитв. Я могла с абсолютной уверенностью предсказать, что он потерпит поражение, поскольку его широкая, прекрасно освещенная автострада библейских истин была еще менее привлекательна для Стивена, чем моя собственная одинокая тропа, проложенная легкой поступью по извилистым улочкам веры в человека и его добрые дела. Стивен не желал знать ничего, кроме торжества рационализма, воплощенного в физике, и я очень сомневалась в том, что исполненное серьезности чтение и сухие проповеди в полдевятого утра, когда я возвращалась домой, отдав Люси в школу, смогут что-то изменить. В любом случае за завтраком Стивен всегда скрывался за газетой, установленной перед ним на деревянной раме за неимением автоматического переворачивателя страниц. Непреклонная газета сдавалась лишь под натиском ложки, груженной таблетками, слабительным, вареным яйцом, свиными отбивными, рисом и чаем, а все разговоры пресекала на корню.

Дон не ожидал встретить такое препятствие, когда первый раз спустился к завтраку, вооруженный Библией и назидательными трактатами. Я промолчала, позволив ему развлекать безмолвного слушателя по мере своих возможностей. Находясь под защитой «Таймс», Стивен мог быть уверен в том, что ничто не отвлечет его от подробного ознакомления с текущими событиями, знанием которых не мог пренебречь член колледжа, чье слово за Высоким столом теперь считалось решающим. Он читал о неустойчивом финансовом положении Великобритании, обессиленной процентными ставками по кредитам из США, о пробных запусках космического челнока. Что касается меня, то я успевала лишь мельком просмотреть заголовки; Стивен же читал медленно, мысленно фотографируя и затем переваривая каждый кусочек информации, каждый факт и каждую цифру, для того чтобы отрыгнуть ее в подходящей обстановке – возможно, за Высоким столом.

> Стивен не желал знать ничего, кроме торжества рационализма, воплощенного в физике, и я очень сомневалась в том, что исполненное серьезности чтение и сухие проповеди в полдевятого утра, когда я возвращалась домой, смогут что-то изменить.

Дон, судя по всему, находился в затруднении, понимая, что цель не дается ему в руки. Я подумала, что ему пора отвлечься, и предложила хорошенько позавтракать: на столе были кукурузные хлопья, мюсли, вареные яйца и тосты; кроме того, я спросила, пробовал ли он «Мармайт»[129]. Он взял в руки круглую банку с коричневым содержимым и желтой крышкой. «Нет, нет, в Штатах такого не делают; наверное, это что-то вроде шоколада», – ответил он, щедро накладывая на тост темную вязкую субстанцию. «Попробуй, и узнаешь», – сказала я, глядя, как внушительный кусок тоста отправляется к нему в рот. Его подетски наивное, открытое лицо скривила судорога отвращения, когда жгучая соленая паста обрушила свой удар на его вкусовые рецепторы. Даже Стивен выглянул из-за газеты, чтобы продемонстрировать широкую усмешку с пленительными ямочками на щеках. Добросердечный Дон, на секунду задумавшись, простил нам жестокую шутку; но больше никогда не обнаруживал на завтраке свои миссионерские намерения.

Огромным преимуществом содержания в доме американца из Калтеха было то, что, когда интересы науки требовали от Стивена поездки в Лос-Анджелес или любой другой город США, американец тут же начинал проситься с ним. Поэтому, хотя Стивен настаивал на том, чтобы я сопровождала его в трехнедельном вояже в Америку следующим летом, Дон все время маячил рядом, всячески демонстрируя свою готовность к поездке. Это невероятно простое решение ранее непреодолимой проблемы давало мне возможность осуществить желание, исполнение которого я откладывала много лет. А именно прошло тринадцать лет с тех пор, как я впервые очутилась в Испании, и с тех пор я мечтала о возобновлении связи с этой страной и ее цивилизацией, игравшей огромную роль в моем образовании еще до того, как все мои скромные амбиции были задушены на корню. Любезностей, которыми мы обменивались с испанцем-дворецким Гонвиля и Каюса во время приемов, было явно недостаточно для того, чтобы поддерживать разговорный испанский на уровне, и за долгие годы этот когда-то прекрасно освоенный навык съежился до горстки вежливых речевых формул. Для продолжения работы над диссертацией требовалась хорошая доля вдохновения и мотивации, частично из-за того, что масштаб исследования начал

казаться мне неподъемным, частично из-за огромного багажа заметок, которые необходимо было упорядочить; но и в связи с тем, что тема моего исследования оставалась настолько далека от моей повседневной жизни, что мне требовалось вновь соприкоснуться с реальностью, породившей ее.

Как всегда, мои родители с радостью откликнулись на предложение совместного отдыха с внуками, так что мы с папой начали планировать широкомасштабный тур по Северной Испании и Португалии, местами накладывающийся на *camino francés*, древнюю тропу паломников, направляющихся в Сантьяго-де-Компостела. Планирование поездки воскресило чудесные воспоминания о каникулах, проведенных в Европе, в особенности благодаря тому, что мой отец обладал особым чутьем, позволяющим выявлять редкие исторические сокровища, на которые обычный турист не обратил бы внимания.

Как только закончились летние хлопоты – банкеты по случаю мини-конференций, барбекю, званые обеды, детские праздники, школьные дни спорта, праздники по случаю окончания учебы; прозаичные, но неизбежные дела, такие как техническое обслуживание автомобиля и уборка в арендуемом доме между жильцами; наконец, злокозненная атака краснухи, уложившей Люси в постель незадолго до конца четверти, – Стивен уехал в Калифорнию, а мы наконец-то отправились в Бильбао. Хотя этот промышленный мрачноватый город на северном побережье Испании встретил нас немного сыро и облачно, мое сердце затрепетало, лишь только я вновь вдохнула в свои легкие воздух Испании. Сердце не прекращало трепетать на протяжении всего отпуска, и не только благодаря тому, что мы заново открывали для себя Испанию – освобожденную страну, где не осталось ни следа фашизма и где демократия делала первые робкие шаги; дело было в том, что здесь к жизни возвращалась прежняя я – полная надежд предприимчивая девушка, долгие годы похороненная под грудой изнурительных обязанностей и других приоритетов. Постепенно мой испанский язык возвращался ко мне: я восстановила его грамматику, синтаксис и лексикон, открывая его для себя заново. Живая сила языка пробудила мой голос лингвиста, затаившийся в робком молчании под весом интеллектуального шовинизма Кембриджа, где следовало держать язык за зубами, дабы не быть осмеянным.

Города со звучными названиями – Бургос, Саламанка, Сантьяго, Леон, Коимбра и Опорто, необычные храмы, средневековые монастыри, мосарабские часовни, процессии паломников, дымящиеся под солнцем долины и искривленные ветви олив прочертили полосу ослепительного света и

обжигающей жары в нашей жизни, приглушенной пронизывающей сыростью и серостью севера. В скалистых ущельях, потоках, соснах и горах я видела отражение ландшафтов, описанных *cantigas de amigo*, и чувствовала дух живой традиции, запечатленный в песне. Непосредственный опыт прикосновения к реальности, лежащей в основе моей разросшейся до непомерных масштабов диссертации, невероятно воодушевил меня: теперь я была твердо уверена в том, что исследования Средневековья гораздо более полезны, чем собирание гальки на пляже. Я поклялась себе закончить диссертацию, несмотря ни на какие трудности; даже если это ни к чему не приведет; даже если все закончится с ее завершением. Мне не терпелось записать все, что я увидела, и связать это с текстами, но не настолько сильно, чтобы бросить все и стремглав бежать в Кембридж, не выжав все полезные соки из каждой секунды пребывания в Испании и Португалии. В любом случае детям нужна была награда в виде нескольких дней на море за бесконечные часы терпеливого сидения в автомобиле. Люси, чье богатое воображение позволяло ей занять саму себя и окружающих увлекательнейшей беседой в любую жару и в течение любого промежутка времени, была очарована мотивом раковины морского гребешка, отмечающим путь пилигримов к могиле святого Иакова в Сантьяго. Она выискивала этот символ на зданиях, статуях и дорожных знаках, всякий раз издавая торжествующий вопль при обнаружении оного. Неудивительно, что после посещения такого количества религиозных памятников жития всех святых перепутались у детей в головах. Когда мы остановились у моря в португальском местечке Офир, они пустились во все тяжкие: Люси изображала Иоанна Крестителя, окатывая брата потоками морской воды, а он, завернутый в полотенце, демонстрировал неприхотливого пилигрима в странствии по Пути Святого Иакова. Любые религиозные толкования этой сцены были бы, увы, абсолютно тщетны. Пока детей поглощала эта буйная еретическая забава, произошел единственный инцидент за отпуск, который мог бы сойти за неприятность: папа не мог выйти из номера из-за сломанного замка. В номере не было телефона, а единственным оставшимся выходом служил балкон. Оттуда нужно было перепрыгнуть на соседний балкон нашего номера, рискуя упасть с высоты в двадцать метров. Папа нашел нас на пляже; его распирало от гордости за собственное бесшабашное удальство – и нам всем пришлось согласиться с тем, что для шестидесятитрехлетнего респектабельного пенсионера это был настоящий подвиг.

7. Тупик

Осенью 1977 года, воспламененная впечатлениями от поездки по Пиренейскому полуострову, я была намерена взяться за диссертацию с обновленным ви́дением и возрожденной энергией, хотя систематизация материала требовала значительных усилий и времени. Стивен вернулся из Калифорнии с очередным повышением в должности – ему предложили профессуру в области гравитационной физики. Профессура, помимо скромного увеличения зарплаты, предполагала и другие преимущества, в частности признание и уважение в любом обществе – с некоторыми исключениями, и одним из них стала его собственная кафедра. Продвижение Стивена по службе совпало с капитальным ремонтом помещения кафедры. В течение некоторого времени он терпеливо ожидал появления в своем офисе ковра, полагавшегося по статусу только профессорам. Несколько месяцев прождав втуне, он решил поднять животрепещущий вопрос в беседе с главой кафедры, который, выслушав его, брюзгливо отмахнулся. «Только профессорам полагается ковер», – сказал он. «Но я профессор!» – убеждал его Стивен. В конце концов в качестве несколько отсроченного подтверждения его нового статуса профессорский ковер материализовался.

Стивен вернулся из Калифорнии с очередным повышением в должности – ему предложили профессуру в области гравитационной физики.

Помимо ковра, Стивена беспокоило то, что новая должность увеличит дистанцию между ним и его студентами, но его утешал тот факт, что физическая помощь, которую они ему оказывали, сотрет всяческие препятствия между ними, в том числе и робость перед его званием. Властитель многих умов, Стивен содрогался при мысли, что ему нужно будет приспосабливать себя к образу ученого вельможи, возвышающегося над студентами и коллегами. Он предпочитал оставаться вечным юношей с мальчишеской ухмылкой, высмеивающим любой авторитет, в том числе тот, неотъемлемой частью которого он стал.

Мотонейронная болезнь не была побеждена; она все еще прогрессировала, медленно, но неотступно. Для нашей семьи ее следствия были разрушительными, а усилия по борьбе с ней непосильными.

Если в профессиональной сфере физическое состояние Стивена могло приносить некую пользу для его отношений со студентами, то дома его продвижение по службе хотя и обрадовало меня, но создало некоторые дополнительные проблемы, связанные с нашим взаимодействием с людьми в целом; в основном это происходило из-за того, что растущая известность Стивена не соответствовала нашим возможностям. Только ближайшие из наших друзей знали о том, что дома, как и всегда, идет неослабевающая повседневная борьба за его выживание. Несмотря на неумолимый прогресс мотонейронной болезни, Стивен оказался национальной знаменитостью, самым молодым из членов Королевского общества, получил многочисленные награды и медали, стал последователем Эйнштейна и профессором Кембриджского университета. Сама парадоксальность ситуации сделала его лакомым кусочком для средств массовой информации. Не только в глазах широкой общественности, но и начала догадываться я, для собственной семьи его успех был доказательством того, что мотонейронная болезнь побеждена и всем проблемам пришел конец: мы уже не нуждались в помощи. Жестокая ирония заключалась в том, что мы стали невинными жертвами собственного успеха.

Раскол между публичным имиджем и домашней реальностью на деле оказался противоречием между ними. Да, общественные мероприятия, такие как памятное событие в 1978 году, когда Стивен был удостоен почетной докторантуры Оксфордского университета, доставляли нам удовольствие и приносили чувство свершения, но всеобщая известность никак не облегчала нашу повседневную жизнь, в которой нам требовалась помощь, как эмоциональная, так и физическая. Мотонейронная болезнь не была побеждена; она все еще прогрессировала, медленно, но неотступно. Для нашей семьи ее следствия были разрушительными, а усилия по борьбе с ней непосильными. Я больше не могла притворяться, что это лишь незначительное фоновое неудобство, банальное обстоятельство. Болезнь управляла нашими жизнями и жизнями наших детей, несмотря на отчаянные попытки сохранить видимость нормальной семьи.

Роберт, будучи от рождения жизнерадостным мальчиком, постепенно погрузился в себя, а теперь стал настолько замкну тым, что я боялась, не страдает ли он от депрессии, состояния, которое, по словам моего доктора, знакомо и детям. Его единственным развлечением были инструкции по эксплуатации компьютеров. Стивен, изо всех сил стараясь выполнить отцовский долг, купил ему высококачественный игрушечный электропоезд со сложной системой рельсов, с которой Роберт никак не мог

разобраться. Даже когда игрушкой занялся его друг детства Иниго, более опытный в управлении электроприборами, наладить поезда так и не удалось, и Роберт быстро у тратил к ним интерес. Кроме Иниго, с которым они учились в разных школах, у Роберта было мало друзей, и он не стремился заводить новых. Было очевидно, что Роберт нуждается в ролевой модели мужского поведения, в человеке, который бы возился и боролся с ним, помог бы ему шагну ть из у траченного детства в юность, не требуя ничего взамен и тем более – помощи в связи с собственными физическими потребностями.

Неудержимо веселая, общительная Люси рано стала проявлять независимость, что позволило ей обзавестись широким кругом друзей, с которыми ей удавалось несколько компенсировать проблемы, связанные с домашней действительностью. С самых первых лет жизни она выплескивала всю свою бурлящую энергию в головокружительном круговороте мероприятий отряда Брауни[130], в соревнованиях по плаванию, лагерях для вожатых, школьных экскурсиях, любительских театральных постановках и концертах в субботнем музыкальном клубе, а также в бесчисленных вечеринках. Ее огромная коллекция мягких игрушек и волшебный мир, придуманный ею и ее подругой Люси Грейс Кэдбери для марионеток Снупи, без сомнения, были средствами, которые она подсознательно использовала для примирения с необычной семейной ситуацией, оставаясь тем не менее очень чувствительной ко всему, что с нами происходило. Благодаря своему возрасту и полу ей удалось избежать того напряжения, которое в полной мере принял на себя Роберт.

> «Дорогая моя, – сказала Тельма, опираясь на свой отполированный до блеска обеденный стол и глядя мне прямо в глаза, – не представляю, как ты справляешься, не имея нормальной сексуальной жизни».

Мои родители как могли заполняли пробелы в воспитании детей, забирая их на экскурсии в Лондон, угощая чаем в отеле «Ритц» и водя в театры. Тем не менее в моей жизни существовала огромная брешь, о которой я никому не рассказывала. Тельма Тэтчер была достаточно проницательна и прямолинейна, затронув эту тему в одном из наших разговоров незадолго до ее смерти в 1976 году.

«Дорогая моя, – сказала она, опираясь на свой отполированный до блеска обеденный стол и глядя мне прямо в глаза, – не представляю, как ты справляешься, не имея нормальной сексуальной жизни». Я была настолько ошарашена

беспрецедентной откровенностью восьмидесятилетней леди, что в ответ только пожала плечами. Да и я сама не знала ответа на этот вопрос; моя преданность Стивену запрещала мне выносить на обсуждение эту тему, которая между нами была под запретом, как и его болезнь. Не позволив себе довериться Тельме Тэтчер в тот раз, я уже не имела другой возможности. Тем не менее такой разговор с мудрым, достойным доверия человеком был мне очень нужен. Помимо неблагополучия физических аспектов, в наших супружеских отношениях появились оттенки непримиримых разногласий. В интеллектуальном плане Стивен был гигантом, убежденным в собственной непогрешимости, чей гений я уважала; в телесном смысле он стал таким же беззащитным и зависимым, какими были наши дети сразу после рождения. Моя роль при нем сводилась к роли матери новорожденного ребенка, ответственной за все аспекты его бытия, включая внешний вид. От медсестры меня отличало лишь то, что я отказывалась ставить уколы или проводить иные медицинские процедуры, которым была не обучена. Проблемы усугублялись нежеланием Стивена их обсуждать. Такая возможность стала бы краеугольным камнем нашей стратегии по борьбе с болезнью: свободно обсуждая проблему, мы могли бы бороться с ней плечом к плечу, поддерживая друг друга и справляясь со всеми трудностями. Отсутствие общения стало отчуждающим фактором, построившим между нами стену обиды и непонимания.

В очередной раз я обратила взгляд к окружающему миру в поиске похожих ситуаций, дружеских советов или хотя бы крохи утешения. Надежда посетила меня на заседании колледжа Люси Кавендиш вскоре после отставки Кейт Бертрам, устроенном в честь самопрезентации нового президента на торжественном ужине. Событие было настолько выдающимся для этого колледжа, что я, несмотря на собственные сомнения в моей академической пригодности, решила его посетить. После ужина новый президент поднялась на ноги и пересказала события своей жизни и то, как сложилась ее академическая карьера. На мои глаза навернулись слезы, когда она поведала о своем браке: ее муж, как и мой, страдал от неизлечимой болезни, сделавшей его инвалидом. На какое-то время мне показалось, что я нашла того человека, с которым смогу говорить не стесняясь, которого не обманет разукрашенный и уже шаткий фасад, скрывающий усталость и отчаяние. К моему замешательству, затем она во всеуслышание поведала о выборе, который встал перед ней: больной муж или научная карьера (ей предложили членство в престижном американском колледже). Она выбрала колледж.

Наконец отчаяние вынудило меня со стыдом открыться

доктору Свону в обстановке его врачебного кабинета. Хотя его тон был обеспокоенно-беспристрастным, слова оказались такими же честными, как отзыв Тельмы Тэтчер. «Проблемы, с которыми ты столкнулась, Джейн, обычно появляются в старости, – сказал он. – Ирония судьбы заключается в том, что ты – молодая женщина с нормальными потребностями и ожиданиями». Он помолчал. «Все, что я могу тебе посоветовать, – продолжил он, озирая меня поверх очков в золотой оправе, – живи своей жизнью».

Той же осенью в беспрецедентном порыве родственных чувств Филиппа холодно предположила, что мне пора уйти от Стивена. «Поверь, никто не будет тебя винить», – снисходительно добавила она, как если бы такой легковесный совет мог решить все проблемы сразу. Какими бы ни были ее мотивы – а у меня не имелось никаких причин ей доверять, – ее совет поразил меня своей неадекватностью ситуации. Обо мне судили настолько превратно, что, прими я подобное решение, семья Хокинг сразу же с презрением исключила бы меня из своего круга. Тем не менее она не понимала, что оставить Стивена для меня было то же самое, что оставить собственного ребенка. Я не могла своими руками разрушить семью, которую я создала силой своего оптимизма. Это одним ударом уничтожило бы как единственное достижение в моей жизни, так и меня саму.

Притворяться, что мне никогда не нравились другие мужчины, было бы бессмысленно; тем не менее я никогда не заводила любовника и моим единственным мужчиной оставался Стивен. Притяжение к другим мужчинам было преходящим и состояло исключительно в однократном обмене взглядами. Да и в любом случае с тех пор я уже давно утратила чувство собственной индивидуальности и не ощущала себя привлекательной и желанной молодой женщиной. Я ощущала себя частью брака, и этот брак из первоначального союза между двумя людьми превратился в обширную социальную сеть, подобно саду, полному разнообразных растений и цветов. К нашему браку теперь относились не только дети, но и бабушки и дедушки, верные друзья, студенты и коллеги. Центральным деревом в этом саду был дом, который я создавала в течение многих лет, сначала на Литл-Сент-Мэри, потом в Пасадене и, наконец, на Вест-роуд. Отношения, с которых все началось, теперь представляли собой лишь часть этой сложной разветвленной системы, и хотя эти отношения уже не являлись прежними, сам брак был гораздо важнее, превыше личных потребностей двух людей, когда-то вступивших в него. От меня осталась лишь хрупкая пустая скорлупка, одинокая и уязвимая; только мысль о детях

удерживала меня от желания утопиться в реке; я молила о помощи с отчаянной настойчивостью потенциальной самоубийцы. Ситуация была настолько тупиковая, что я сомневалась в способности самого Бога, кем бы и где бы он ни был, найти выход из нее (если он слышал мои молитвы). Но выход требовалось отыскать, если нашей семье суждено было выжить, если Стивену суждено было продолжать работать и жить в собственном доме, а мне – оставаться в своем уме и быть пригодной матерью для детей.

> На какое-то время мне показалось, что я нашла того человека, с которым смогу говорить не стесняясь, которого не обманет разукрашенный и уже шаткий фасад, скрывающий усталость и отчаяние.

Мой хороший друг Кэролайн Чемберлен, бывший физиотерапевт Стивена, чувствительная и практичная натура, предложила мне немного отвлечься и начать петь в местном церковном хоре. «Приходи петь в церковь Святого Марка, – сказала она. – Нам нужно усилить сопрано в рождественской службе». Однажды днем в середине декабря мы оставили детей с ее мужем Питером и отправились на генеральную репетицию. В первый раз я пела в настоящем хоре, в отличие от хорового класса в Пасадене, и хотя мой голос в последнее время звучал все лучше, чтение нот с листа и чувство ритма были мне неподвластны, что отрезвляло меня и напоминало о безуспешных попытках работать секретарем. Другие сопрано терпеливо переносили мою музыкальную дислексию, отсчитывая для меня ритм, а молодой дирижер, тонкий и бледный, вежливо скрывал свое отчаяние по поводу гадкого утенка, которого Кэролайн ввела в ряды его святая святых. Тренировка дала свои результаты, поэтому ко времени рождественской службы мое отличие от других было уже не столь вопиющим, и меня пригласили принять участие в пении рождественских гимнов для прихожан.

> Притворяться, что мне никогда не нравились другие мужчины, было бы бессмысленно; тем не менее я никогда не заводила любовника и моим единственным мужчиной оставался Стивен.

Люси отправилась на песнопения вместе со мной; она семенила рядом от улицы к улице, от дома к дому. Мы стучались в двери, и нам открывали люди, судя по всему, хорошо знающие членов хора и хормейстера и обрадованные нашим визитом. В этом районе располагалась школа Люси, но кроме школы и

магазинов, я ничего тут не знала. Оказалось, что здесь существует тесно взаимодействующее сообщество друзей и соседей, для которых эдвардианская церковь из красного кирпича была объединяющим символом, независимо от регулярности ее посещения.

Темным зимним вечером хормейстер Джонатан Хэльер Джонс шел рядом со мной и Люси, балансируя на краю тротуара, чтобы оградить нас от проезжающих мимо автомобилей. Между нами завязался разговор. Я говорила так свободно, как не говорила много лет; у меня возникло жутковатое ощущение, что я встретила давнего знакомого, как будто смутное воспоминание внезапно выдвинулось на передний план и материализовалось в виде этого незнакомца. Мы говорили о пении, музыке, общих знакомых – их было несколько; о путешествиях, в частности о Польше, где он выступал с университетским камерным хором летом 1976 года. Он рассказал мне о церкви Святого Марка и о необыкновенно увлеченном своим делом, добром приходском священнике Билле Лавлесе, поддержавшем его веру в очень трудный жизненный период. Он не сказал, что это был за период, но я уже знала от Кэролайн о том, что полтора года назад Джанет, жена Джонатана, умерла от лейкемии.

Мы не виделись в течение нескольких недель и снова встретились совершенно случайно. В январе 1978 года во время трехнедельной отлучки Стивена со свитой в Америку я позволила себе мещанское развлечение: отправилась с Найджелом Викенсом и его вокальным классом на концерт известного баритона Бенджамина Люксона в городской ратуше. В переполненном зале я сразу же заметила Джонатана в противоположной части помещения: он был высок, бородат и кудряв и выделялся на общем фоне. Меня удивило то, что в антракте он тоже узнал меня. Я представила его Найджелу. «Какой симпатичный молодой человек!» – сказал Найджел по дороге через Кингс-колледж к Вест-роуд, где была припаркована его машина. Я настороженно согласилась и перевела разговор на другую тему, поинтересовавшись обстоятельствами подготовки Найджела к женитьбе на талантливой американской певице Эми Клор.

В результате этой случайной встречи Джонатан стал приходить к нам в дом учить Люси играть на фортепиано по субботам или воскресеньям, в зависимости от собственной загруженности. Она быстро прониклась к нему симпатией, а его серьезность и нерешительность вскоре исчезли под влиянием ее непосредственности. Сначала он проводил у нас только время урока, затем стал оставаться немного дольше, аккомпанируя мне для песен Шуберта, которые я учила. В это время Стивен то

руководил операциями с железной дорогой в комнате Роберта, то являл в своем лице почтеннейшую публику для наших «Шубертиад», как мы их называли. Через несколько недель Джонатан уже приходил к обеду или оставался на ужин и стал помогать Стивену, освободив Роберта от тех обязанностей, которые так долго обременяли его. Затем, когда все мы узнали Джонатана лучше, Роберт стал подкарауливать его у двери, набрасывался на него из засады, валил на пол и начинал с ним бороться. Джонатан реагировал на такую нетрадиционную форму приветствия спокойно и с удовольствием отвечал на потребности растущего мальчика в физической потасовке для высвобождения распирающей его энергии.

> Я встретила человека, которому было знакомо напряжение и интенсивность жизни в соседстве со смертью.

Часто мы совершенно случайно встречались в течение недели и удивлялись совпадению, столкнувшему нас в очередной раз. Мы стояли на тротуаре, поглощенные беседой, забыв о своих обязанностях и том, куда направлялись. У нас было столько тем для обсуждения: его утрата, его одиночество, его музыкальные амбиции с одной стороны и мой страх за Стивена и детей, мое отчаяние перед лицом бесконечных хлопот, которые мне следовало переносить с безграничным терпением, – с другой. Хотя Джонатан был моложе, чем я, но у него имелось столько мудрости и такие широкие взгляды на жизнь, что и я огляделась вокруг по-новому; такая сильная вера и такая просветленная духовность, что и мой темный горизонт тронула заря. Вдвоем мы находились на священной земле, которой, согласно Оскару Уайльду, является настоящее, окрашенное печалью. Я встретила человека, которому было знакомо напряжение и интенсивность жизни в соседстве со смертью.

Казалось, обстоятельства вступили в заговор с целью свести нас вместе, порой совершенно неожиданным способом. Я до сих пор посещала встречи у Люси Кавендиш примерно один раз в квартал, просто чтобы поддерживать контакты; особого удовольствия я уже не получала. На одной из таких встреч я, быстро истощив свой запас тем для разговора, начала прислушиваться к разговору за столом и услышала, как пожилая леди по имени Элис Хайм, почетный член колледжа, расхваливает молодого человека, который регулярно навещает ее, чтобы играть с ней на пианино в четыре руки. Тепло, с которым она описывала его и его музыкальный талант, насторожили меня. По ее словам, он был единственным в своем роде, настоящим

Аполлоном. Ее стареющие компаньонки были несколько озадачены излияниями коллеги. «Так как его имя?» – спросили они. Когда она ответила: «Джонатан, Джонатан Хэльер Джонс» – мои уши разгорелись, и я почувствовала, что краснею от удовольствия. Я почувствовала, что единственная из присутствующих могу в полной мере разделить восхищение прекрасным витязем, вошедшим в нашу жизнь. Я была изумлена происходящим: как своей реакцией, так и эмоциональной речью Элис Хайм. Мне было неловко сознавать, что я покраснела как от смущения, так и от удовольствия, как если бы открылась моя постыдная тайна. Тем не менее не было причин для того, чтобы скрывать эту дружбу или испытывать чувство вины по поводу нее. Она основывалась на общих интересах, взаимной поддержке в сложной жизненной ситуации, беспокойстве друг о друге и, прежде всего, на любви к музыке. Тем не менее, хотя мы никогда не прикасались друг к другу и не позволяли себе этого еще очень долгое время, мы оба понимали, что постыдная тайна состоит в физическом притяжении, которое, возможно, лежало в основе наших взаимоотношений. Между нами сразу возникла взаимная симпатия, но определение «супружеская измена» нельзя было применить для описания нашей ситуации, так как оно противоречило этическим основам нашей жизни. Стало ли это ценой, которую я должна была заплатить за то, чтобы мой мятежный дух вновь воспламенился? Стало ли это ценой, которую я могу позволить Джонатану заплатить? Если мне предстояло обнаружить себя в компании неверных своим мужьям героинь романов XIX века, то цена могла непомерно возрасти. Конечным результатом мог стать треснутый котел Флобера вместо музыки, которая может растрогать звезды.

8. Рука помощи

На протяжении следующей учебной четверти по приглашению Джонатана я присоединилась к церковному хору, репетирующему отрывки из «Мессии»[131] для выступления с оркестром на Пасху. Так как Роберт и Люси были достаточно взрослыми, чтобы оставить их на час одних перед телевизором, то я присоединилась к группе прихожан, репетирующих по четвергам в церкви. Для меня, сравнительного новичка, сложность нотной партитуры Генделя, в которой овцы с невероятной быстротой разбегались, «совращая каждого на свою дорогу»[132], представляла вызов, и я встретила его с энтузиазмом, напоминающим одержимость. Вступив в ряды хора, я автоматически присоединилась к церкви, службы в которой походили по формату на церемонии англиканской церкви, усвоенные мной в детстве. Но здесь англиканство было свободно от ханжеской догмы и удушающего педантизма благодаря духовидческой активности приходского священника Билла Лавлеса[133], чья фамилия совершенно не подходила к его личности. Бывший журналист газеты *Picture Post*, актер, солдат и бизнесмен, Билл принял рукоположение в зрелом возрасте. Наделенный большим запасом жизненных сил, он использовал опыт, почерпнутый им на окольных тропах, которыми его водила жизнь (как и свою сеть контактов), для успешной приходской деятельности, а также при выборе тем для проповедей. На ежемесячный тематический форум он обычно приглашал ораторов извне: докторов, полицейских, социальных работников, политических активистов и так далее.

Для Билла истинное христианство заключалось не в абсолютных истинах, сделках с Богом или божественном наказании. Единственным руководящим принципом была страстная любовь к человечеству, утверждающая неоспоримость Господней любви ко всем людям независимо от того, кем они являются и каковы их несовершенства. В его любовной доктрине была лишь одна заповедь: «люби своего соседа». В церкви находился приют для всех усталых и изможденных тяжелой ношей; там нашла утешение и я. Наконец-то моя истерзанная душа начала оживать. Но, несмотря на то что возвращение в лоно церкви принесло мне облегчение, оно же поставило передо мной вопросы, о которых раньше нельзя было помыслить. Что от меня требовалось? Насколько большая жертва от меня ожидалась? Обстоятельства, при которых я встретила Джонатана, находясь на грани отчаяния, были настолько из ряда вон выходящими – и в то

же время настолько ординарными, – что я не могла избежать странного, возможно, наивного ощущения присутствия здесь воли благоволящей ко мне высшей силы, действующей через наших добрых общих друзей. Мы оба были одинокими, глубоко несчастными людьми, отчаянно нуждавшимися в помощи. Могла ли наша встреча быть частью в высшей степени неортодоксального божественного плана? Или такие предположения являлись чистой воды ересью, абсурдом и даже лицемерием? Я слишком хорошо изучила Мольера, чтобы желать обнаружить себя или Джонатана в роли Тартюфа, прожженного лицемера.

> Это могло произойти, если бы мы с Джонатаном хотя бы на минуту задумались о том, чтобы все бросить и создать собственную семью.

Кому-то могло бы показаться, что поддержка, которую я получила, была счастливым случаем, для других это стало бы просто совпадением. Для меня, превратившейся в комок нервов и заработавшейся до изнеможения, это было знаком божественного вмешательства – хотя в то время (шла весна 1978 года) я и Джонатан еще только начинали задумываться о своих чувствах друг к другу, никак их не выражая. Фундаментальный вопрос, стоявший передо мной, состоял в том, как я должна воспользоваться этим даром небес. Можно было использовать его, причиняя боль, деструктивно, рискуя разрушить семью, в которую я вложила огромную часть себя самой. Это могло произойти, если бы мы с Джонатаном хотя бы на минуту задумались о том, чтобы все бросить и создать собственную семью. Недостаточно было бы объявить, что я уже исполнила данную Стивену клятву, прослужив ему в возмутительно трудных обстоятельствах в течение длительного периода, потому что такая логика была бы несовместима с учением нашей церкви, а мы с Джонатаном верили, что это учение является единственно верной моральной основой для человеческой жизни. Мы могли позволить себе выбрать только план «Б». Тогда этот особый дар стоило использовать во благо всей семьи – для детей и Стивена, если бы он согласился принять такие условия. Путь, который нам предстоял, был непростым, потому что для него требовалась недюжинная сила воли. Заботясь о Стивене, нам следовало сохранять дистанцию между собой, жить отдельно и не позволять себе никаких внешних проявлений любви друг к другу на людях. В принципе, наша социальная жизнь всегда должна была включать в себя трех, если не пятерых, участников, никогда не сужаясь до двоих. Благополучие Стивена и детей стало бы

оправданием наших отношений, а о будущем мыслей быть не могло. Фактически никакого ясного будущего и не могло существовать для любого человека, связывающего свою жизнь с моей. Пусть с моей стороны было эгоистично монополизировать жизнь молодого человека, уже и так отмеченную отпечатком трагедии, ответ оставался всегда один: с его помощью наша семья могла продолжать существование, без нее мы были обречены.

По мере того как мы стали неохотно признавать природу того притяжения, которое существовало между нами, Джонатан всегда старался развеять мои сомнения, убеждая меня в том, что с нашей помощью – с помощью всей нашей семьи – он нашел цель, которая помогала ему пережить опустошающую боль собственной потери. Во время одной из наших редких отлучек в Лондон мы сидели в тихой боковой часовне Вестминстерского аббатства, когда он объявил о своем решении посвятить себя мне и моей семье, не рассчитывая ни на что взамен. Эта бескорыстная и трогательная клятва вознесла меня над темной бездной, в которую превратилась моя жизнь. Наши отношения строились на благородстве и свободе. Они начинались как платонические и оставались таковыми еще очень долгое время. Взаимное притяжение и бурные эмоции, которые оно могло бы вызвать, мы сублимировали при помощи музыки, ею мы занимались по выходным и иногда вечером в будние дни, обычно в присутствии Стивена. Мне было достаточно того, что в моей жизни появился человек, на которого я могла во всем положиться.

Наши отношения строились на благородстве и свободе. Они начинались как платонические и оставались таковыми еще очень долгое время.

Поначалу Стивен реагировал на Джонатана с враждебностью самца по отношению к другому самцу, пытаясь в духе семейства Хокинг утвердить свое интеллектуальное превосходство, как он обычно поступал при знакомстве с новыми аспирантами. Вскоре он был обезоружен, так как эта техника не действовала: Джонатан не поднимал перчатку, будучи по натуре абсолютно не агрессивным. В высшей мере чувствительный к потребностям других, он с гораздо большей готовностью реагировал на беспомощность Стивена и обаяние его улыбки, чем на его бесчисленные научные регалии. Стивен стал более мягким, спокойным, восприимчивым и расслабленным. В какой-то момент даже оказался возможен беспрецедентно откровенный разговор между нами, произошедший поздно ночью. Щедро и кротко он признал, что всем нам нужна была помощь, и ему гораздо больше, чем всем остальным; он не возражал против появления

человека, готового мне помочь, при условии, что я буду все так же любить его, Стивена. Я не могла не любить его, особенно встретив с его стороны такое понимание и, самое главное, готовность общаться на эту тему. В те редкие дни, когда у Джонатана была депрессия, именно Стивен поддерживал меня, убеждая, что Джонатан меня никогда не покинет. Таким образом, принятая всеми заинтересованными сторонами ситуация больше не обсуждалась. Тем не менее я была счастлива, что могла довериться во всем Стивену.

Когда отношения оказались улажены, у нас троих начался исключительно творческий период. В трудные моменты, когда моя усталость в сочетании со строптивостью Стивена приводила меня на грань очередного кризиса, мы все равно справлялись с этим гораздо эффективнее. Жизнь Стивена складывалась таким образом, что после посвящения в Королевское общество и получения Папской медали почести сыпались на него как из рога изобилия. По мере того как он продолжал свои научные исследования Вселенной, всевозможные достопочтенные организации продолжали расталкивать друг друга локтями в стремлении одарить его медалями, призами и почетными учеными степенями. Таким образом ему уже досталась почетная докторская степень Оксфордского университета, его альма-матер, и очень порадовавшее его почетное членство в Университетском колледже. Атмосфера на заседаниях, происходящих раз в полгода, была теплая и дружеская; студенческие проделки Стивена являлись неиссякаемой темой для шуток и воспоминаний. Как будто желая погрузить нас в атмосферу тех лет, организаторы всегда предоставляли нам комнаты в студенческом общежитии, в значительном отдалении от туалета, к которому надо было идти по холодным влажным каменным плитам.

В марте 1978 года колледж Каюса, не желая отставать от моды, заказал графический портрет Стивена у Дэвида Хокни. В то время как Хокни делал наброски и рисовал, Люси сидела, свернувшись в кресле в углу гостиной, и читала книгу. Должно быть, в колледже очень удивились, когда увидели, что Хокни включил ее в окончательный вариант картины, добавив семейной теплоты в остальном формальному портрету. Когда шел второй день позирования, Люси, в свою очередь, почтила Хокни своим вниманием. Мы сидели на лужайке, пили кофе и наслаждались первыми весенними лучами солнца, когда она выскочила из дома, прыгая на своем хоппере – большом надувном мяче из твердой резины. Она демонстративно поддернула брючки до колена, демонстрируя разноцветные носки: один белый и один

коричневый, как и у Хокни.

> До того, как в автобусах появились подъемники для инвалидных кресел, Стивена приходилось затаскивать на борт, взяв на руки; обычно это делал водитель автобуса и я. Но это устраивало меня больше, чем перспектива вождения и парковки в Лондоне.

Холодным февральским вечером мы со Стивеном присоединились к благородному собранию членов колледжа, отправляющихся на автобусе в Лондон на торжественную церемонию принятия принца Чарльза в почетные члены Королевского общества. (До того, как в автобусах появились подъемники для инвалидных кресел, Стивена приходилось затаскивать на борт, взяв на руки; обычно это делал водитель автобуса и я. Но это устраивало меня больше, чем перспектива вождения и парковки в Лондоне.) Повод для церемонии весьма повеселил Стивена, пробудив в нем непочтительного студента прежних лет, в обычное время скрывавшегося под тяжеловесными одеяниями всенародных почестей. На церемонии новый президент Королевского общества поблагодарил принца за неотступное королевское участие в деятельности общества, основанного, как он сказал, тезкой принца Чарльза – Чарльзом II и «продолженным его сыном Джеймсом II». Стивен загоготал и самым громким сценическим шепотом, на какой только был способен, злорадно объявил: «Неправильно! Яков II был братом Карла II!» На приеме после церемонии Стивен позабавился еще больше. Демонстрируя принцу Чарльзу разворот на инвалидном кресле, он проехал совсем рядом с сияющим королевским ботинком – можно сказать, переехал его. Тем же самым трюком он вскоре удивил архиепископа Кентерберийского на ужине в колледже Святого Иоанна в Кембридже.

Карьера Джонатана складывалась не столь стремительно, как у Стивена; фактически она только началась. Помимо пережитой им личной трагедии, бытовые перипетии едва сводящего концы с концами музыканта время от времени погружали его в уныние и хандру. Бывший руководитель церковного хора и выдающийся ученый колледжа Святого Иоанна, он был достаточно амбициозным, чтобы находить перспективу прослужить всю жизнь преподавателем по фортепиано огорчительной. Однако его природная замкнутость и скромность препятствовали раскрытию его истинного таланта: он прекрасно играл на рояле и клавесине. Он горячо любил и прекрасно знал музыку барокко[134], в частности Баха, и ему превосходно удавалось ее исполнение на подлинных инструментах этой эпохи; но этим знаниям и умениям

не находилось применения в повседневной рутине преподавателя музыкальной школы. Он был убежден, что его миссия состоит в том, чтобы отучить современную публику от резонансных музыкальных инструментов и интерпретаций эпохи романтизма и возродить популярность утонченной техники исполнения эпохи барокко; но он не знал, с чего начать. Подлинность исполнения стала одним из предметов дискуссий за обедом, когда дети, занятые болтовней, позволяли взрослым поговорить о своем. Стивен дразнил Джонатана, высказываясь с прагматичной точки зрения по поводу необходимости постоянной настройки клавесина; он считал, что стальная рама решила бы все проблемы. Джонатан подчеркивал, что в таком случае инструмент стал бы неприменим для исполнения музыки барокко в ее оригинальном звучании и его оказалось бы невозможно переносить. Фактически из него бы получилось обычное пианино.

Несмотря на шутки, Стивен был настроен доброжелательно и вместе со мной все больше погружался в занятия музыкой. Мы уговаривали Джонатана сделать решительный шаг и перейти от преподавания к исполнению. Такая перспектива ставила перед ним дилемму, которую он прекрасно сознавал. Для того чтобы стать исполнителем, он должен был отказаться от большей части своей преподавательской практики и посвящать время оттачиванию мастерства и репетициям. Но преподавание обеспечивало ему средства к существованию. Требовалось достаточно много времени для того, чтобы начать зарабатывать исключительно исполнительством. Тем не менее у него было одно значительное преимущество: обладание собственным инструментом. В его маленьком доме в противоположной части Кембриджа, напоминавшем мне наш дом на Литл-Сент-Мэри, было хорошее пианино, а бóльшую часть жилого пространства занимал клавесин, который он построил своими руками. Поэтому можно было считать, что он готов к началу сольной карьеры; ему просто не представлялось возможности ее начать.

Чем больше мы втроем обсуждали эту дилемму, тем яснее нам становилось, что для того, чтобы наработать репертуар и получить признание в качестве исполнителя в высококонкурентной среде, одновременно продолжая зарабатывать преподаванием, Джонатану следовало самому создать себе возможности. Это можно было сделать постепенно с помощью саморекламы и работы с благотворительными организациями. Он построил взаимовыгодные отношения с различными фондами, вступив в их члены; в частности, общества, связанные с проблемами лейкемии и других видов рака. Он давал бесплатные сольные концерты, таким образом приучая себя к

деятельности концертирующего музыканта; здесь нужно было не просто играть по нотам, но и преодолевать волнение, планировать и представлять программу. Благотворительные учреждения получали сто процентов кассовых сборов за вычетом стоимости рекламы.

Тем временем я наконец-то с облегчением поняла, что мое интеллектуальное странствие близится к концу. Мне не нравилось думать о том, сколько времени потребовалось на написание диссертации: признаться честно, на это ушло двенадцать лет и два ребенка. Мой научный руководитель Ален Дейермонд был прав, когда настоял на том, чтобы я осталась в Лондонском университете: любой другой уже давно исключил бы меня. Путь был тернистым и трудным; когда я в унынии считала его нескончаемым, появился Джонатан и стал моим болельщиком на финишной прямой. Джонатан выражал достаточный интерес к теме исследования, чтобы придать мне сил; в конце каждого дня он спрашивал, чего мне удалось достичь, выслушивал несколько поэтических строк и помогал сортировать картотеку и кипу заметок, написанных на обрывках бумаги. Этой поддержки было достаточно для того, чтобы я сконцентрировалась на написании последней главы диссертации, темой которой стал анализ языковых особенностей популярной кастильской поэзии позднего Средневековья.

Кастильская лирика была жизнерадостной и многоцветной, изобилующей характерными для средневекового искусства образами садов, растений, фруктов, птиц и животных, символизирующих многогранность любви. Многие из них имели религиозные коннотации и встречались в культуре всех европейских стран. Сад символизирует привлекательные черты возлюбленного, а также добродетели Девы Марии. Фонтан в центре является как источником жизни, так и символом плодородия.

Яблоко – это греховный плод, груша – фрукт божественного искупления, но в светском контексте оба этих фрукта символизируют сексуальность. Роза обозначает мученичество и Деву Марию, но также это и один из самых распространенных образов, передающих чувственную красоту возлюбленной. Испания создает собственный ряд ярких образов, почерпнутых из ее красочных пейзажей. Фрукт, который пробует несчастная монахиня, – это горький лимон, в то время счастливые возлюбленные прогуливаются в тени сладко пахнущей апельсиновой рощи. Оливковая роща также становится местом встречи возлюбленных. Тот факт, что многие из этих образов прослеживаются в поэзии евреев сефардской диаспоры,

изгнанных из Испании в 1492 году, а также в поэзии Нового Света, говорит об их ранних фольклорных истоках. Тематически эти стихотворения поддерживают непрерывность традиции, связавшей их с галийскими и мосарабскими предвестниками: кантигами и харджами. Песни обычно исполняются девушками, повторяется мотив отсутствия любимого, влюбленные встречаются на рассвете, в стихах фигурирует образ матери.

В краткие получасовые промежутки занятий в будние дни мне стало непривычно легко работать. Петь по выходным также получалось все лучше и лучше. Я жадно атаковала любую партитуру, предложенную Найджелом – моим личным Свенгали[135], – будь то Шуберт, Шуман, Брамс, Моцарт, Бриттен, Бах или Перселл. Благодаря Стивену, я быстро обзавелась собственной нотной библиотекой, так как он задаривал меня сборниками всех этих композиторов на день рождения, Рождество и по другим праздникам. Иногда меня приглашали спеть сольную партию в церкви. Сначала я испытывала жуткий страх сцены, но постепенно он стал спадать, и тогда голос, который Найджел своими усилиями превратил в инструмент, поразил меня саму. Из меня исходил звук, имеющий мало общего с моей тихой, неуверенной речью. Мощный и уверенный, это был чей-то чужой голос, голос уравновешенного, сильного и независимого человека.

В один из весенних выходных к нам в гости приехали мой брат Крис и его жена Пенелопа с новорожденной дочерью. Я представила Джонатана как нового друга. Они не требовали от меня отчета об обстоятельствах, которые мне и самой было бы трудно объяснить. Они оказались восприимчивой публикой, оценившей наше выступление, состоящее из нескольких песен. Позднее Пенелопа сказала, что во время пения атмосфера в гостиной была наполнена волшебством, как если бы на наш дом снизошел неземной покой. Ее слова еще больше укрепили мое доверие к нашему новому другу. Крису очень понравился Джонатан. Перед отъездом он отвел меня в сторону специально, чтобы сообщить, что он находит Джонатана прекрасным человеком, особенно подчеркнув в нем замечательный византийский разрез глаз. Позже он позвонил мне из Девона. Мы долго разговаривали по телефону, обсуждая мою ситуацию и то, как она изменилась. Я очень серьезно отнеслась к совету, который мне дал Крис. Он сказал: «Ты стояла у руля своей маленькой лодки долгие годы, управляя ею в бурных волнах неизведанных морей; если появился человек, готовый взойти на борт и отвести твою лодку в безопасную гавань, то ты должна принять его помощь».

Тем летом нас посетила бывшая директриса школы Сент-Олбанс, мисс М. Хилари Гент. Визит к нам стал частью ее ежегодного турне по стране, в процессе которого она посещала бывших коллег и учеников, с кем общалась на протяжении своей многолетней преподавательской карьеры. Память мисс Гент на лица, имена и обстоятельства была исключительной. Она создала собственную социальную сеть, наводя контакты между бывшими ученицами и бывшими учителями, а также знакомя людей, которые никогда не сталкивались в школе. Весьма наблюдательная, она в прежние годы проявляла беспокойство в связи с моей усталостью и утратой присутствия духа и старалась поддержать меня, посылая мне немного формальные, но ободряющие письма и снабжая адресами девушек из Сент-Олбанса, переехавших в Кембридж. Я редко пользовалась этой информацией, поскольку моя жизнь настолько осложнилась, что я предпочитала компанию пожилых людей – ведь я сама в возрасте тридцати трех лет столкнулась с проблемами старости и нуждалась в философском взгляде человека, который так же, как и я, имел дело с болезнью и смертью.

Примерно раз в две недели я посещала самого пожилого человека из всех, кого я знала: миниатюрную седовласую Дороти Вулард, бывшую художницу. Я сидела с ней в ее уединенном жилище, слушала ее рассказы о прошлом, сочувствовала ее недовольству в связи с ограничениями ее нынешнего положения. Ее комната становилась тихим оазисом одиночества и раздумий в моей перенасыщенной делами повседневной жизни. Дэ-Вэ, как мы ее называли, преподавала в Бристольской школе искусств; девочкой она видела королеву Викторию – крохотную старушку, приехавшую с королевским визитом в Бристоль. Она рисовала картины для кукольного дома королевы Мэри в Виндзорском замке, а во время Первой мировой войны работала в Адмиралтействе, рисуя карты. Она ни разу не была замужем, но долгие годы заботилась о своем обожаемом учителе, в старости прикованном к инвалидному креслу. Его портрет, ее величайшее сокровище, висел в ее комнате среди обширной коллекции ее собственных мастерских гравюр и акварелей. В возрасте, когда большинство людей уже не занимаются полезной деятельностью, она переводила книги на азбуку Брайля. Она сохранила проворность движений в свои девяносто лет и была настолько гибкой, что однажды поразила моих родителей, встав из-за стола и нагнувшись, чтобы коснуться пальцев ног. Свое долголетие (она прожила до ста лет) и бодрость она частично относила к эффектам чая *yerba mate*, южноафриканского сбора, которым всегда меня угощала. Среди моих пожилых знакомых только мисс

Гент, бывшая на десять лет моложе, могла сравниться с ней во внимательности, ясности мышления и сообразительности. Им обеим была дарована восприимчивая мудрость старости и чувствительность к проблемам больных людей – качества, которых, как мне всегда казалось, не хватает молодым.

Джонатан был с нами во время субботнего визита мисс Гент. Между ними сразу же завязалась беседа. Они проговорили весь вечер, в то время как я и Стивен – знаменитый бывший ученик подготовительного отделения школы Сент-Олбанс для девочек – слушали их разговор. Оказалось, что у Джонатана, которому не было и тридцати, и мисс Гент, которой давно перевалило за семьдесят, нашлось много общих знакомых, поскольку музыка и концерты стали одной из множества тем, где она была сведуща, как никто другой. Она сделала паузу в разговоре, чтобы помочь мне приготовить чай. На кухне с неожиданной для умудренной опытом пожилой старой девы откровенностью она сразу же заявила: «Я так рада, что у тебя есть Джонатан». Она испытующе взглянула на меня, как если бы спрашивала себя, стоит ли выразиться еще более открыто. «Ты так долго боролась со всем в одиночку, – продолжала она. – Я не знаю, как ты умудрилась справиться; тебе действительно нужна помощь и поддержка. Он прекрасный молодой человек». Мне показалось, что со мной говорит многоопытная Тельма Тэтчер; говорит, что мои отношения с Джонатаном несут на себе печать судьбы и ее дар необходимо принять.

Мои родители познакомились с Джонатаном летом того же года. Как обычно, они не выражали свое мнение на словах; об их отношении к людям свидетельствовало их поведение. В данном случае они повели себя так, как будто бы Джонатан всегда присутствовал в нашей жизни; они сразу стали общаться с ним как с членом семьи и ни разу не прокомментировали его регулярное появление в нашем доме. Со своей стороны, Джонатан тактично уступил место у фортепиано моему отцу, чья страсть к Бетховену воспламенила мою собственную любовь к музыке. В то время как папа старательно выстукивал «Аппассионату», а мама работала иголкой, пришивая пуговицы и зашивая манжеты и швы, которые разошлись со времени ее последнего визита, Джонатан обсуждал с ней достоинства старинных инструментов и рассказывал ей о своем крестовом походе в защиту аутентичного исполнения. Познакомившись с родителями Джонатана, я сказала маме, что они замечательно добрые люди. Мама посмотрела на меня в удивлении. «А чего же еще можно было ожидать, глупенькая? – сказала она. – Люди, у которых такой сын, как Джонатан, по определению должны были оказаться

замечательными. Как могло произойти иначе?»

В конце лета мы попрощались, с нетерпением ожидая воссоединения осенью. Джонатан уехал из Англии с намерением посетить летнюю школу по музыке барокко в Австрии, где у него планировался собственный класс; мы же отправились на Корсику, прихватив с собой Дона. Теперь, когда дети стали старше, а уверенность в себе возвращалась ко мне, я стала меньше бояться перелетов. Мне уже не угрожала разлука с детьми; напротив, меня ожидала соблазнительная перспектива прекрасного отдыха на берегу Средиземного моря, на острове с франкоязычным населением. Тот факт, что рядом будет проходить конференция по физике, ничуть меня не смущал. Фактически это был идеальный компромисс: Стивен и его коллеги могли заниматься любимым делом – физикой, а их семьи – в свое удовольствие отдыхать на пляже в ста метрах от конференц-центра. Я очень ждала встречи с Картерами: мне хотелось поговорить с Люсетт. Она обладала прекрасной межличностной интуицией и могла дать мне компетентный и ценный совет.

9. Неожиданности

Каржез – место проведения конференции на западном побережье Корсики – оказался выбран как нельзя более удачно: здесь было удобно и неприхотливым физикам, и их семьям с маленькими детьми. Стивен парил в научных высях, в то время как мы с детьми наслаждались палящим солнцем, песком и плеском морской волны. Из-за единичных случаев терроризма и высоких цен остров обходила стороной волна туристов, благодаря чему пляжи и бухты остались чистыми и немноголюдными, как раньше на Майорке. Каржез был основан в XVIII веке колонией греков, бежавших от преследования турков. Присутствие греческой культуры ощущалось в названиях улиц, фамилиях и даже в названии нашего отеля: «Таласса» – «Море». На возвышенностях, с которых открывался вид на город, гордо красовались две церкви – римская и греческая. В обеих главенствовал один и тот же священник, переходя из одной в другую каждое воскресенье. Мы с Люсетт побывали на службе в греческой церкви и поразились прекрасному примеру согласия в сообществе, которое имело все предпосылки быть разобщенным. В обеих церквях висели изображения Иоанна Крестителя. Греческая икона поражала византийской четкостью; особенно художнику удались глаза святого, удлиненные и четко очерченные, так похожие на глаза Джонатана. Но даже красота этой иконы не смогла придать мне сил для того, чтобы доверить Люсетт рассказ о нашей дружбе. Как только я пыталась собраться с духом, слова – как английские, так и французские – застревали у меня в горле, остановленные угрызениями совести: я боялась малейшего подозрения в неверности Стивену. Восхитительные новые отношения, столь многообещающие, вновь пробуждали во мне сомнения. Неужели мне теперь придется жить во лжи, жить двойной жизнью? Это могло оказаться столь же непосильным, как и то напряжение, которое я испытывала в предыдущие месяцы и годы. Меня подбодрил совет Криса и поддержка мисс Гент, но в компании физиков и их семей – среди тех, кто благоговел перед Стивеном и почитал его как героя, – мое мужество меня оставило.

В уединенной бухте, вдали от играющих детей, я угнездилась в скалах, чтобы написать длинное письмо Джонатану в попытке сформулировать мои мысли и очистить затуманенную совесть. Я написала, что очень скучаю по нему и что бесконечно благодарна за свет, который он привнес в мою жизнь; этот свет был подобен солнцу Корсики, пронизывающему толщу океанской воды. Я упомянула о том, как ценю безмерную помощь, оказанную им

нашей семье, о той трансформации, которой наш дом был обязан ему, взявшему наше напряжение на себя, – но я написала и о том, что не могу рисковать судьбой моей семьи, что мой долг заключается в поддержке Стивена и детей; о том, что после вместе пережитых трудностей я не могла изменить своему слову в тот момент, когда Стивен стал беспомощным как младенец и нуждался во мне более чем когда-либо. Прислонившись к теплому камню, вслушиваясь в шум прибоя у моих ног, я готовила себя к худшему. В глубине души я понимала, что вполне вероятно и обратное: Джонатан, хорошенько поразмыслив во время пребывания в Австрии, мог решить, что связь с семейством Хокинг подразумевает слишком много физических затруднений и эмоциональных коллизий. Такое решение было бы вполне естественным. Зачем ему взваливать на себя наши проблемы и добровольно бросаться в эмоциональные сети, когда он молод и свободен и заслуживает полноценной и счастливой жизни?

После возвращения домой воспоминания о Корсике быстро угасли, но эти недели оставили нам сувенир на долгую память.

Осенью я снова погрузилась в свою прежнюю рутину; я уже была почти уверена, что Джонатан не вернется к нам, и перспектива счастливого воссоединения таяла в туманном свете сентябрьского солнца. Дни становились короче, а воздух холоднее; изучая календарь, я все больше беспокоилась; во мне крепла ошеломляющая уверенность в том, что я беременна. В последнее время я отказалась от контрацепции, потому что мне это казалось уже ненужным и лишь доставляло дополнительные хлопоты. Каждую минуту бодрствования днем и в бессонные часы ночью я все отчетливее осознавала, что я ошиблась, не принимая мер предосторожности, и слишком расслабилась под действием средиземноморского климата. Хотя я страстно любила обоих детей, мысль о том, что мне придется заботиться о маленьком человечке, который будет полностью от меня зависеть, в невыносимо сложной ситуации и без помощи Джонатана, наполняла меня ужасом. Да, Джонатан мог себе позволить заботу о сложившейся семье; он делал это на протяжении года, и я была ему благодарна. Но я не могла ожидать от него принятия появления еще одного маленького Хокинга, особенно потому, что у него не было собственных детей, и не могло бы быть, если бы он продолжал поддерживать связь с нашей семьей. Я приготовилась к тому, что потеряю его и после этого у меня не останется никакой надежды на будущее. Я снова буду одна.

Восхитительные новые отношения, столь многообещающие, вновь пробуждали во мне сомнения.

Неужели мне теперь придется жить во лжи, жить двойной жизнью?

Беременность уже подтвердилась, когда Стивен собрался на конференцию в Москву. Поскольку у меня снова начался токсикоз, его мать согласилась лететь с ним вместо меня. Дон тоже уехал: он был в заслуженном отпуске вместе с отцом, отдыхая от обязанностей, с которыми справился с честью. В Кембридже наступала зима; ледяные когти внутренней зимы, из объятий которой я недавно освободилась, вновь вонзались в мое сердце. Я написала Джонатану записку, сообщая о беременности; я была абсолютно несчастна в уверенности, что эта записка будет приравнена к окончанию отношений, положит безвременный конец нескольким месяцам пробуждения и безмятежного платонического счастья. Я не знала, вернулся ли он из Австрии, и не ожидала ответа. В течение некоторого времени ответа действительно не было, но в конце концов Джонатан написал мне, извиняясь за то, что долго обдумывал новость и привыкал к ней. Он объявил, что его обязательство по отношению к нам остается в силе. Хотя он ничего не знал о детях, но не сомневался, что мне потребуется его помощь более чем когда-либо, и был готов ее предложить.

Я ощутила безмерную благодарность ему и вновь почувствовала, каким благословением стала для меня поддержка этого человека, чья собственная трагедия пробудила в нем симпатию и участие к чужим бедам; такое качество было исключительным и граничило с эксцентричностью. Он вновь протянул руку и спас меня в тот момент, когда я была готова утонуть, на этот раз – в ледяной воде под коркой льда. Его письмо превратило долгие месяцы беременности из периода отчаяния и тревоги во время надежды и даже радости. Его поддержка была настолько безусловной, что я вновь почувствовала себя оптимисткой и подготовилась к новой задаче, уверенная в том, что трудности не застигнут меня в одиночестве.

Было очевидно, что для завершения диссертации остался совершенно определенный срок. Она должна была быть закончена ко времени появления ребенка на свет, в противном случае я могла ее просто-напросто выбросить в мусорную корзину. Я снова собралась с силами и взялась за работу с удвоенной энергией, несмотря на то что мне приходилось постоянно прерываться на домашние дела. Как обычно, это была забота о Стивене, детские вечеринки, детские болезни, торжественные собрания, ужины, обеды, посетители и путешествия. К последним относилась конференция по физике в Дублине. Это была наша первая поездка

в Ирландию, и Люси поехала с нами. Ее фотография, похожая на рисунок Хокни, появилась на первой странице газеты «Дублин Таймс»: репортер обнаружил ее читающей книгу в уголке за дверью во время официального правительственного приема.

> Я написала Джонатану записку, сообщая о беременности; я была абсолютно несчастна в уверенности, что эта записка будет приравнена к окончанию отношений.

Так как Джонатан помогал мне во всем: заботился о Стивене и о детях, делал уборку, даже ходил за покупками, диссертация продвигалась медленно, но верно; кроме того, научная работа конкурировала за мое время с пением и визитами к врачу. Во время одного из таких визитов в ноябре я внезапно осознала присутствие в моей жизни четырнадцатинедельного эмбриона, загадочного неземного существа, шепчущего о своем существовании посредством нового клинического аппарата – ультразвукового сканера. Проделав надо мной все обычные процедуры, доктор подключил меня к проводам и, удовлетворившись результатом, спросил, не хочу ли я послушать сердцебиение плода. Ритмичное «тук-тук» крошечного сердечка, суматошно быстрое по сравнению с моим собственным, которое билось медленнее и громче, тронуло меня до слез и сразу пробудило в моей душе глубокую привязанность к новой жизни, явившей себя благодаря этому звуку. Казалось, что дитя взывает ко мне музыкой своего сердца; так, задолго до рождения ребенка, началось его невидимое присутствие в моей жизни; я уже любила его так же, как Роберта и Люси.

> То, что Стивен прожил шестнадцать лет со времени постановки диагноза в январе 1963 года, сделало его медицинским феноменом, таким же необъяснимым, как и само заболевание.

Музыка служила постоянным фоном моей беременности, протекавшей зимой. Джонатан назначил себя нашим театральным гидом и часто приносил билеты на концерты, многие из которых проходили в новом университетском концертном зале в пяти минутах ходьбы. Мы сидели на сцене рядом с артистами, на всеобщем обозрении; только так можно было разместить в зале инвалидное кресло. Часто исполнители – музыканты с громкими именами, от Менухина до Шварцкопф[136], немного задерживались на сцене после выступления, чтобы поприветствовать Стивена. Дома я пела при любой возможности,

повторяя свой репертуар перед первым публичным выступлением. Ребенок выражал свое удовольствие: во время исполнения я чувствовала сильные толчки в живот. Мы репетировали, готовясь к двум музыкальным мероприятиям. Одним из них было мое выступление в прологе к Кембриджскому творческому конкурсу в марте, другое ожидалось в феврале – домашний концерт, который устраивали мы с Джонатаном и его друзьями-музыкантами в благотворительных целях. Мы пригласили столько народу, сколько могло поместиться в гостиную, а в перерыве, по домашней традиции, предложили гостям еду и напитки. Затем, уже на большом сроке беременности и с серьезным нервным напряжением, я впервые выступила на сцене (не считая нескольких случаев солирования в церкви). Я спела две народные песни Бенджамина Бриттена и несколько песен Форе, которые участвовали в общем конкурсе. Публика была очень благодарная и восприимчивая; уходя, люди оставили щедрые пожертвования в пользу наших благотворительных целей: исследования лейкемии и недавно основанной Ассоциации по изучению мотонейронной болезни, в которой Стивен официально представлял интересы пациентов. Много лет назад при постановке диагноза нам сказали, что это заболевание очень редкое, о нем мало информации, и поскольку им болеет так мало людей, нет причины для организации группы поддержки. Все это не соответствовало действительности. При помощи ассоциации мы обнаружили, что заболевание, также известное в Америке как болезнь Лу Герига, в честь спортсмена, ставшего ее жертвой в 1930-х, является достаточно широко распространенным. За один и тот же промежуток времени врачи ставили столько же диагнозов «мотонейронная болезнь», сколько обнаруживали случаев рассеянного склероза, который в то время был гораздо известнее широкой публике из-за большего количества сохранивших жизнеспособность больных. Мотонейронная болезнь в обычном случае протекала гораздо динамичнее – обычно два-три года, – нарушая статистику и оставляя пациентов и их семьи без помощи в период кризиса. Обычно у них не оставалось ни времени, ни возможности на создание организации или группы поддержки. При основании ассоциации наконец-то появилась долгожданная информация о болезни. Оказалось, что мотонейронная болезнь может развиваться двумя путями. При острой форме возникает паралич мышц гортани, что приводит к скоропостижной смерти. Более редкая форма, та, что была у Стивена, медленно парализует двигательную мускулатуру всего тела и в конце концов гортань в течение длительного периода – пять-десять лет. То, что Стивен прожил шестнадцать лет со

времени постановки диагноза в январе 1963 года, сделало его медицинским феноменом, таким же необъяснимым, как и само заболевание.

В последующие годы мы с Джонатаном регулярно давали совместные сольные концерты музыки барокко для делающей первые шаги Ассоциации по изучению мотонейронной болезни в церквях Восточной Англии, сумев собрать вполне внушительную сумму денег. Поскольку Стивен регулярно появлялся на этих концертах, ассоциацию, как и само заболевание, стали замечать в широких кругах. В качестве местного добровольца я посещала семьи, пораженные этим заболеванием; их жизни наносил удар тот диагноз, который точно так же шокировал нас много лет назад. Я чувствовала, что обязана попытаться передать этим семьям часть своего опыта, делясь с ними практическими ноу-хау, изобретенными нами для облегчения ситуации, а также рассказывая о Стивене как о случае стабилизации состояния, доказывающем, что заболевание не обязательно означало скорую смерть, в случае если человек находил силы бороться с ним. Возможно, из-за того, что больные, с которыми я встречалась, оказывались намного старше нас, они не были готовы бороться так же неистово. Да, они очень страдали, но одновременно проявляли гораздо большее спокойствие и принятие, чем я ожидала. Им не подходил наш способ погружения в жизнь с интенсивностью безумия, который отражал отрицание нами болезни. Вместо этого они жили в прежнем темпе, ценили то, что для них делалось, были благодарны своим семьям за любовь и заботу и часто пассивно ожидали свершения своей судьбы. Я действовала осторожно в страхе слишком сильно надавить на них своим оптимизмом и предложениями упражнений, диет, инъекций и витаминов. Казалось, в их жизни было то, чего не хватало нам и чему я завидовала. Их поведение свидетельствовало не о слабости, а о внутреннем покое.

Положение Стивена в качестве официального представителя членов ассоциации и мои попытки помощи в качестве сборщика пожертвований и волонтера вновь лицом к лицу столкнули меня с иронией ситуации. Опять нас вознесли на пьедестал, где мы оказались в одиночестве. Нам нужен был совет точно так же, как и всем, но мы не имели возможности просить о нем, так как признание наших потребностей разрушило бы незыблемость фасада, который вдохновлял других людей. Лишь горстка близких знакомых обладала достаточной проницательностью, чтобы рассмотреть лицо, скрывающееся за маской. В этот узкий круг входили мои родители, Джонатан, его родители и несколько самых близких друзей.

Незадолго до предполагаемой даты родов мы приобрели новых друзей, обладающих почти такой же проницательностью. Это был австралийский коллега Стивена по имени Бернард Уайтинг и его жена Мэри, впервые посетившие нас на нашем домашнем концерте. Непосредственный и дружелюбный Бернард начал сразу помогать Стивену так же, как в свое время помогал Джордж Эллис. Мэри была археологом-классицистом и писала диссертацию, а также работала в Музее Фитцуильяма над каталогом обширной коллекции драгоценных камней. Однако сама она отнюдь не была мумифицированным музейным экспонатом. Ее мягкие волосы, тронутые преждевременной сединой, обрамляли тонкие черты лица юной девушки, что сразу отличало ее от других людей, делая похожей на мадонну Рафаэля. Ее внешность соответствовала внутреннему миру: она была образованной и одухотворенной, любила не только археологию, но и искусство, литературу и музыку – в особенности музыку барокко, так что ей легко было найти общие темы для разговора с Джонатаном.

В конце марта 1979 года Роберт, в прошлом году окончивший начальную школу, уехал в скаутский лагерь. Я с самого начала считала, что такой лагерь не подходит для одиннадцатилетних: он находился в Северном Норфолке, в чистом поле, и был открыт всем ветрам огрызающейся зимы. Поле, по отчетам свидетелей, покрывал пятисантиметровый слой воды. Во время мероприятий непрерывно падал снег; Роберт вернулся домой усталый, продрогший до костей, с непрекращающимся кашлем. Он стоически заявил, что в лагере все было «нормально». Через пару дней он, казалось, достаточно поправился, чтобы поехать вместе с Люси в коттедж Хокингов в Уэльсе; планировалось, что там они отпразднуют Пасху с родителями Стивена. Тем временем я дебютировала на сцене Кембриджского фестиваля, исполнив песни Форе и Бриттена под аккомпанемент Джонатана; Стивен улыбался мне из зрительного зала. Арбитр вежливо похвалил мой голос и позволил себе заметить, что, судя по всему, возможности моих легких сейчас несколько ограничены. После конкурса мы вернулись в церковь Святого Марка, где репетировали для выступления на тематической службе в Страстную пятницу и Пасхального фестиваля, на котором я планировала петь соло, «Вот росток зеленый…»[137], под аккомпанемент флейтиста Алана Харди, школьного друга Джонатана. Мы репетировали в церкви в начале Страстной недели и были готовы к выступлению в воскресенье Пасхи.

Диссертацию я практически завершила; мне оставалась только муторная работа – отсортировать по алфавиту

библиографический список и вычистить все орфографические неточности по настоянию моего научного руководителя. Каждая запятая, точка и скобка должны были находиться на своих местах, иначе он отказывался передавать диссертацию комиссии. В Чистый четверг с эффектным росчерком пера я дописала последнюю строку последнего пункта библиографического списка и поставила точку, положив конец тринадцати годам семинаров, исследований, аннотаций, картотек, систематизации, обобщения, написания, редактирования, комментирования и отсылки к первоисточникам.

Наступила Страстная пятница. Во время тематической службы я чувствовала себя подавленной и находилась на грани слез. Возможно, это стало реакцией на содержание религиозной службы и печальную музыку; не исключено, что это был эмоциональный спад, вызванный завершением диссертации, или тоска по детям, которые должны были оставаться у родителей Стивена до момента рождения ребенка, что ожидалось через одну-две недели. На следующий день меланхолия усилилась. Знакомые физические ощущения свидетельствовали о том, что дитя родится совсем скоро. Бóльшую часть дня я провела в саду в компании Стивена, отдыхая на солнце и собирая букетики фиалок. Вечером Дон отвез нас в больницу, однако осмотр показал, что мы явились слишком рано, и нас отправили домой. По пути мы заехали к Джонатану и остались пообедать покупным карри, втиснувшись между инструментами, занимавшими бóльшую часть гостиной. Джонатан и Стивен были неравнодушны к карри, поэтому он часто приносил это угощение к нам домой, особенно воскресными вечерами, когда моя кухня, семь дней в неделю фабрикующая трапезы из трех блюд для всех гостей в любое время дня, предлагала только яичницу. В качестве исключения это был субботний карри – очень острая дупиаза[138].

Дома я провела весьма беспокойную ночь и на рассвете разбудила Дона, чтобы он отвез нас обратно в больницу. Так как Стивен хотел присутствовать при рождении третьего ребенка, все было готово для того, чтобы устроить его в родовой палате. Джой Кэдбери являлась председателем организации по привлечению средств для нужд родильного отделения; она договорилась с заведующей о том, чтобы в родовой палате оставили место для инвалидного кресла. Единственным местом, где мог бы разместиться Стивен и его физиотерапевт Сью Смит, акушерская бригада, ну и я в придачу, оказался родовой зал. Таким образом, оставшуюся часть дня я пролежала на твердом столе, ожидая рождения ребенка. Дон ждал в коридоре, а Джонатан в это жаркое солнечное воскресное утро благоразумно удалился к родителям в

деревню. В таких суровых условиях родовой процесс приостановился и почти совсем заглох. Я попросила передать Дону, что он может покинуть свой пост в коридоре и посетить утреннюю службу в одной из близлежащих церквей. Мучаясь в тщетных попытках придать телу удобную позу, я ругала себя за то, что поторопилась с приездом в роддом, особенно когда поняла, что вместо этого могла бы петь свое соло в церкви. Тем временем Билл Лавлес уже объявил прихожанам об отмене музыкальной интерлюдии по той причине, что певица занята в другом месте.

Попытки разными средствами ускорить течение родов привели лишь к тому, что я превращалась в живую подушечку для иголок по мере того, как утро становилось днем, а день – вечером. Дон вернулся и снова ушел – в этот раз на вечерню. Во время его отсутствия случился кризис: сердце плода, то самое сердцебиение, которое я услышала много месяцев назад, стало подавать тревожные признаки усталости. Медицинская бригада отвернулась, подготавливая пыточные инструменты для срочного извлечения ребенка; я же торопливо собрала оставшиеся силы и эффектным толчком произвела на свет моего пасхального малыша. Когда мне дали его подержать, все мое сердце потянулось к нему. Завернутый в старое зеленое одеяло, он был еще синеватый от пережитых испытаний. Крупнее, чем Роберт и Люси при рождении, он не демонстрировал той энергии, с которой они оба приветствовали этот мир; вяло хныкая, он лежал у меня на руках. На минуту я забыла о суматохе вокруг нас, видя перед собой только маленькое существо, которое мне было так хорошо знакомо. Тут Дон, торжествуя, ворвался в палату. Он гордился своим новорожденным крестным сыном, а еще больше собой по случаю стишка, который сочинил, возвращаясь из церкви. К моему смущению, он повторял его всем и каждому в течение нескольких недель после пасхальных событий. Стишок был такой:

На Пасху Гроб Господень пуст
Нашли во время оно,
А я, в роддоме побывав,
Нашел пустое лоно.

10. Диссонанс

На то время, пока Тимоти Стивен (так мы назвали малыша) и я оставались в больнице, Люси привезли в Кембридж для знакомства с младшим братом; Роберт же остался в Сент-Олбансе по неясным мне причинам. Очевидно, в Уэльсе дети босиком играли в реке, и он опять простудился. Он снова кашлял, так сильно, что, когда детей отвезли к моим родителям на чашку чая, моя мама уложила его в постель. Там он и оставался до конца недели, пока сестра Стивена Мэри, доктор, не решила, что он достаточно поправился, чтобы вернуться в Кембридж.

Его возвращение домой совпало с нашим. Он качал маленького брата на коленях, сидя в кресле в гостиной, но выглядел подозрительно раскрасневшимся и нездоровым. В этот момент Валери Бродбент-Кибл, мама одной из подруг Люси и опытный педиатр, зашла навестить нас с Тимоти. Так получилось, что она пришла одновременно с доктором Уилсоном, нашим семейным врачом. Оба доктора краем глаза взглянули на Тимоти, уже приспособившегося к делам житейским и здорового как огурчик, и сразу занялись Робертом. Они серьезно обеспокоились состоянием его здоровья, так как были уверены, что у него вирусная пневмония. Валери тут же отправилась в Адденбрукский госпиталь договариваться о том, чтобы Роберта приняли в детский стационар. Доктор Уилсон прописал пенициллин.

К счастью, младенец так устал после длительного рождения, что спал день и ночь; если бы не это обстоятельство, несколько недель после его рождения стали бы для меня еще бóльшим испытанием, если это вообще возможно. Я была нужна всем и сразу. Потребности Стивена никуда не исчезли; потребности новорожденного никто не отменял; Люси нужно было внимание и поддержка в ситуации появления юного соперника. В добавление к этому тяжело больной Роберт находился в больнице и тоже нуждался во мне. Проведя одну ночь в детском отделении, он проснулся, с головы до ног покрытый сыпью. Было непонятно, что это: инфекция или аллергия на пенициллин. Поскольку не было способа определить причину, его перевели в инфекционное отделение, чтобы исключить заражение других пациентов детского отделения. Там его положили в изолятор: еду передавали через окошечко, медицинский персонал был одет в защитную униформу, перчатки и маски. Посещение ограничивалось; посетителям следовало использовать такие же средства защиты, как и медсестрам. Роберту было скучно, одиноко и плохо; он лежал на кровати, и слезы струились по его

разгоряченным щекам.

> Больше всего мне хотелось, чтобы они поняли, что я не собираюсь оставить Стивена или развестись с ним, а Джонатан не побуждает меня к этому.

Мои визиты в больницу происходили между кормлениями младенца, которому исполнилась одна неделя. Накормив, вымыв и уложив его, я бежала в больницу, чтобы провести несколько часов с Робертом, читая ему книги и играя в игры, перед тем как отправиться домой для следующего кормления. Так мы жили до тех пор, пока Роберта не выписали из больницы. Мать Стивена старалась как могла, помогая по дому: ходила за покупками и готовила еду, но для нее одной было слишком много работы. Помощь Джонатана требовалась более чем когда-либо. Он присматривал за Стивеном, носил тяжести, водил Люси в школу и навещал Роберта, иногда предоставляя мне возможность отдохнуть. К сожалению, он только мельком виделся с Изабель до этого кризисного периода. Поскольку она приезжала в Кембридж гораздо реже, чем мои родители, возможность познакомить их просто не представилась. Я понимала, что никто из Хокингов, в отличие от наших близких друзей, не сможет интуитивно разгадать значение присутствия Джонатана в нашем доме. Тем не менее я надеялась, что я заслужила их уважение тем, что долгие годы заботилась об их сыне, и доверие в том, что я делаю все возможное для него и детей в наших трудных обстоятельствах. Я надеялась, что они смогут проявить некоторую симпатию или, по крайней мере, терпимость. Больше всего мне хотелось, чтобы они поняли, что я не собираюсь оставить Стивена или развестись с ним, а Джонатан не побуждает меня к этому.

Обговорить все это с Изабель не находилось возможности. Когда мы все-таки остались наедине (в доме были только мы и ребенок), она взяла инициативу на себя, застав меня врасплох. Она взглянула на меня и громогласно возгласила: «Джейн! Я имею право знать, кто отец Тимоти. Это Стивен или Джонатан?» Я ответила на ее тяжелый взгляд, расстроенная тем, что она так быстро сделала выводы – и такие нелицеприятные. Все наши с Джонатаном усилия по сублимации наших страстей и сохранению отношений в тайне оказались растоптаны. Правда заключалась в том, что у Тимоти никак не могло быть другого отца, кроме Стивена. Изабель не удовлетворил мой правдивый ответ. Вместо того чтобы успокоиться, она как с цепи сорвалась:

«Ты же знаешь, что ты никогда нам не нравилась, Джейн. Ты не вписываешься в нашу семью!» Позже она извинилась за свой срыв, но, пожалуй, уже слишком поздно.

На следующий день Фрэнк Хокинг приехал в Кембридж ранним утром, срочно вызванный женой. Я стояла у окна, наблюдая за тем, как они исчезают в боковой аллее в целях конспирации. Вскоре после этого они удалились с надменно-презрительным видом, не попрощавшись со мной. В результате всех этих травматических событий, совпавших по времени, я в какой-то момент обнаружила, что у меня не хватает молока, чтобы кормить двухнедельного ребенка. Тимоти оправился от своего постнатального оцепенения и оглашал дом звучными криками, исходившими из его львиных легких. Стивен, не терпя возражений, разрешил ситуацию собственным способом: прихватив восьмилетнюю Люси, отправился в город и вернулся с целым ворохом бутылочек, сосок, стерилизаторов и детской смеси. Так бесславно закончились мои жалкие попытки выкормить третьего ребенка, а у Джонатана прибавилась еще одна обязанность. Каждый вечер перед уходом домой он готовил запас разведенной смеси на весь следующий день и ставил в холодильник.

Несколько недель спустя, когда я готовилась к крещению Тимоти в начале июня, Стивен получил письмо от своего отца. В письме говорилось, что Фрэнк связался с американскими докторами в Далласе, штат Техас, занимающимися разработкой лекарства от мотонейронной болезни. Эти доктора приглашали Стивена приехать в Америку, чтобы стать одним из первых пациентов. Казалось, что речь идет о свершившемся факте. Все мы – Стивен, Роберт, Люси, Тимоти и я – по мановению волшебной палочки должны были переехать со всеми причиндалами в Техас, где Стивен будет проходить длительный курс лечения в течение долгих месяцев, если не лет. Письмо передали мне без комментариев и объяснений, так чтобы мне было понятно, что решение остается за мной.

Моя душа плакала, а разум отказывался постигать масштабы ответственности, которой от меня ожидали. Конечно же, если существовал шанс излечить Стивена, я не могла пренебречь им. Тем не менее задача, которую ставили передо мной и моей семьей, была непосильная, превышающая все ранее пережитое, вместе взятое. Детей пришлось бы забрать из школы, вырвать из знакомой среды и лишить дома, в котором они были в безопасности и счастливы, и перевезти в огромный чужой американский город. Этот город ничем не напоминал бы Пасадену. Непонятно было, откуда нам брать средства на существование, как будет организовано проживание и транспорт. Я, мать шестинедельного ребенка, должна была вырвать с корнем всю семью, трех детей и их парализованного отца, перевезти их

через океан и с нуля создать для них дом на неопределенный промежуток времени. В письме не содержалось ни указаний на способы достижения этой цели, ни обещания или хотя бы намека на иную помощь, кроме уже испытанной практики – помощи Роберта, ни уверений в том, что лечение пройдет успешно. Болезненные воспоминания 1967 года о поездке в Сиэтл всплыли на поверхность, затопляя мое сознание, в тысячу раз приумноженные печальным опытом прошедших лет.

Дата крещения нашего сына приближалась; тем временем я не могла утаить предоставленного мне выбора от моих родителей. На церемонии крещения присутствующие разделились на два враждующих лагеря. В ситуации, требующей от всех невероятной тактичности, Хокинги встали в углу гостиной, не удостаивая вниманием остальную часть собрания: моих родителей, крестных Тима и их семьи, а также нескольких близких друзей. Атмосфера была настолько невыносимой, что в какой-то момент я ушла из гостиной и укрылась в спальне. За мной последовал мой отец, прекрасно понимающий, под каким давлением я нахожусь. Он был достойным интеллектуальным соперником Хокингов, но полностью лишен присущих им притворства и снобизма. Из кармана он достал листок бумаги. «Джейн, – сказал он, – прочти это, хорошо? Если ты одобряешь, я отошлю это письмо Фрэнку Хокингу». Углубившись в чтение, я почувствовала, как меня переполняет благодарность по отношению к отцу за его вмешательство. В письме предлагалось прекрасное разрешение дилеммы, не подвергающее риску мои отношения со Стивеном. В простых словах он констатировал тот факт, что мы все служили интересам Стивена, но что Хокинги, должно быть, понимают, что забота о двух детях и младенце – об их внуках – в добавление к заботе о Стивене не позволяет мне отправиться в Техас. Он предложил, чтобы в случае их убежденности в эффективности лечения они сами сопровождали Стивена в Техас. Снова мой отец, иногда требовательный, всегда благородный и скромный, пришел ко мне на помощь в самой интеллигентной и ненавязчивой манере. Письмо было отправлено. Ответа так и не последовало.

После стольких лет плохо скрываемой нетерпимости Хокинги набросились на меня со всей своей неприкрытой желчностью и вопиющей неделикатностью – как раз в тот момент, когда я была на пределе сил, только что родив третьего ребенка и сидя у постели больного старшего сына. Их неприязнь превратилась в нескрываемую враждебность. Глупо с моей стороны было не замечать их злобу и не подготовиться к нападению; глупо было жить в наивной надежде на лучшее. Они являлись ближайшими

родственниками Стивена, и я считала своим долгом пытаться наладить с ними хорошие отношения. Именно по этой причине я со своей стороны продолжала соблюдать приличия. Нравилось мне это или нет, их кровной связи со Стивеном никто не отменял.

> После стольких лет плохо скрываемой нетерпимости Хокинги набросились на меня со всей своей неприкрытой желчностью и вопиющей неделикатностью.

Зимой мы получили известие о том, что доктора из Техаса были готовы отправить свое лекарство в Кембридж. Тем не менее консультирующий невролог Адденбрукского госпиталя высказал твердое мнение о том, что лекарство не было протестировано, его действие не подтверждено и оно не подходит для лечения мотонейронной болезни. Он подозревал, что Стивен оказался бы в роли подопытного кролика и что исследователи хотели использовать его репутацию и публичный имидж, связанный с его именем, чтобы привлечь финансирование. Препарат пришлось бы применять в больнице на протяжении длительного периода, а шансы на положительный исход были минимальные. Мотонейронная болезнь уже настолько поразила организм Стивена, что у него почти не осталось активной мускулатуры; а всем врачам и даже обывателям хорошо известно, что нервная ткань не восстанавливается. В те дни наибольший риск для его здоровья представляла пневмония, а не мотонейронная болезнь как таковая. Предлагаемое лечение было бы бесполезной тратой драгоценного времени Стивена, одной из тех химер, против которых сам Фрэнк Хокинг предостерегал нас так настойчиво в 1960-е.

11. Турбулентность

Вероятно, я была бы менее огорчена поведением Хокингов, осознавая, насколько безоговорочно я могла положиться на семью Джонатана. С неподдельной добротой они неустанно посвящали себя другим людям, кем бы они ни являлись, какого бы происхождения они ни были. Они не делали никакого различия между семьей, друзьями, прихожанами и совершенно незнакомыми людьми. Любой попавший в беду, богатый или бедный, мог прийти на порог их дома и днем и ночью, будучи уверенным в том, что ему не откажут в помощи, сочувственно выслушают и даже накормят в придачу. Мне с трудом верилось, что даже самые благонамеренные родители могли бы с пониманием отнестись к той ситуации, в какой оказался их старший сын, и с принятием – к семье, в которую он вошел. Я ошибалась. Во время нашего первого визита в их приходской дом они обходились с нами – Стивеном, детьми и мной – как с самыми желанными гостями и как будто бы искренне были рады нас видеть. Никогда из их уст не прозвучало ни малейшего намека на осуждение нас или нашей ситуации.

Как и Билл Лавлес, Джон Джонс поздно принял сан священника. Завершив свою мирскую карьеру в качестве зубного врача в Уорикшире, он приехал в Кембридж, чтобы поступить в духовную семинарию. На столь резкую смену профессии в уже зрелом возрасте его, бесспорно, воодушевила жена Ирэн, напоминавшая мою маму своей молчаливой непоколебимой верой. Из своего дома, удачно расположенного на возвышенности неподалеку от Кембриджа, они пасли стада своих прихожан, проживавших в болотистых окрестностях, и молились с неустанной пылкостью, какую редко встретишь даже у молодого пастора и трудно ожидать от священника в годах. Джон при поддержке Ирэн не только присматривал за своей паствой в Лолуорте и относившимся к нему приходам, но и отремонтировал ветхий остов средневекового здания, переданного в его распоряжение бедствующей епархией. В начале 1980-х башня церкви в Лолуорте крайне нуждалась в ремонте, денег на который не было. Поэтому Джон и Ирэн облачились в строительные каски и спецодежду и, вынеся наружу несколько тонн птичьего помета, заново обшили здание и укрепили его конструкцию.

Мне казалось невероятным, что у этих людей, никоим образом не связанных с нами, нашлись основания, чтобы доброжелательно отнестись ко мне и моей семье и неизменно проявлять по отношению к нам неподдельный интерес и заботу.

Они будто озаряли мрак светом своей доброты, сочувствия и самоотверженности. Однако не только родители Джонатана болели за нас душой; необъяснимым образом к нам прекрасно относились все его родственники: дяди, тети, кузены, а также его брат Тим и сестра Сара. Сара, в прошлом физиотерапевт, была одарена тем же интуитивным чутьем к проблемам, связанным с тяжелой инвалидностью, что и Кэролайн Чемберлен. Она знала, чем чревато наступление паралича для самого больного и его ближайшего окружения. Мы с Сарой быстро сдружились. Мы были одного возраста, и наши дети родились примерно в одно и то же время. Первая дочь Сары, Мириам, появилась на свет в феврале 1979 года, за два месяца до рождения Тимоти.

Таким образом, я больше не рассчитывала на поддержку Хокингов. Вместо этого я стала демонстрировать по отношению к ним такую же холодную отстраненность, с какой сталкивалась с их стороны на протяжении долгих лет. На удивление, другие, более отдаленные родственники Стивена заполнили пустоту, созданную их отсутствием. Майкл Мэйр, двоюродный брат Стивена, учился на последнем курсе Кембриджа в конце 60-х годов, когда Роберт был совсем маленьким. Теперь он вернулся, чтобы устроиться на работу в глазное отделение Адденбрукского госпиталя. Он и его южноафриканская невеста Соломэ, рентгенолог по профессии, прекрасно готовили. Нередко они приносили какое-нибудь вкусное и питательное блюдо только что из духовки для всей нашей семьи. В ожидании их приезда Роберт и Люси стояли в прихожей, высматривая их через окно и истекая слюнками, задолго до их въезда на парковку у дома. Никогда раньше пресловутая «еда на колесах»[139] не была столь желанной, как через месяц после рождения Тимоти, когда мы упорно пытались снова обрести устойчивость, истощенные непрестанной борьбой с житейскими невзгодами, кидающими нашу маленькую лодку по бушующим волнам.

Правда заключалась в том, что для полноценного ухода за каждым из недееспособных членов семьи требовался как минимум один взрослый. Беспомощность Стивена дошла до такого предела, что он уже совсем не мог себя обслуживать, справляясь только с джойстиком, управляющим инвалидным креслом, и компьютером, который он купил себе в честь рождения Тимоти. Кроме того, рядом со Стивеном должен был постоянно дежурить хорошо знакомый человек, которому он мог доверять: я, Дон или Джонатан. Тем временем наш прежде покладистый младенец начал всячески проявлять свой характер. На всю заботу о нем он отвечал обворожительной улыбкой, настолько широкой, что порой казалось, будто он может нас

проглотить; однако стоило нам переключить свое внимание на что-нибудь еще, как он тут же начинал громко протестовать. В такие моменты моя мама, смеясь, говорила, что он очень похож на своего отца. Он определенно унаследовал от Стивена ангельские ямочки на щеках, а также его забавную привычку опускать уголки рта, обиженно выражая свое недовольство, особенно если был голоден. Во всех других отношениях он оказался укрупненной копией своего старшего брата. Я называла их «мои близнецы»: близнецы с разницей почти в двенадцать лет. Более того, частенько проходящие мимо знакомые, взглянув на Тима, радостно приветствовали его словами «Здравствуй, Роберт!», затем в недоумении останавливались, видимо, полагая, что стали жертвами искривления времени; лишь позже они осознавали свою ошибку.

К счастью, теперь мы могли себе позволить приглашать няню по утрам два раза в неделю, и благодаря этому у меня появилась возможность заняться подготовкой четырех сброшюрованных экземпляров диссертации, в соответствии с требованиями университета. Моя помощница Кристин Айкин, или Кикки, как позже прозвал ее малютка Тим, тоже была матерью троих детей. Она жила за городом и приезжала настолько регулярно, насколько это позволял ненадежный график движения пригородных автобусов; явившись, она бодро пылесосила, прибиралась и ухаживала за ребенком, пока я искала машинисток, проверяла на наличие ошибок результаты их трудов, компоновала экземпляры диссертации, состоящей из сотен страниц, и договаривалась с переплетчиками. Мои занятия средневековой испанской поэзией были практически завершены и приближались к своему грандиозному финалу. Поскольку диссертация не сулила мне никакого продолжения карьеры, я уже смирилась с ее самоцелью и с тем, что в будущем меня не ждут великие дела. В любом случае, вопрос о научной карьере отпадал сам собой ввиду того, что девяносто девять процентов моего внимания по праву принадлежали моим домашним делам и моей семье. Я должна была найти способ поровну поделить себя между детьми и их отцом, оставив немного свободного времени для собственных занятий, чтобы мой мозг не атрофировался.

Роберт и Люси с трудом приспосабливались к новым обстоятельствам. Люси была неясна ее новая роль в семье: она оказалась где-то посередине, не старшая и не младшая. К малышу она начала проявлять интерес лишь летом, после того как Роберт уехал в очередной скаутский лагерь. Тут же оказалось, что она должна приносить бутылочки, подгузники, булавки и присыпку, взяв на себя хлопоты, которыми до этого заведовал Роберт.

Первой ее реакцией было демонстративное сопротивление, потом – слезы. В тот момент я осознала, насколько сильно она была травмирована появлением в нашей семье Тима. Люси оставили на произвол судьбы, хотя ей требовалось утешение ничуть не меньше, чем всем остальным. Я обняла ее и сказала, что вовсе не перестала любить ее, несмотря на то что в нашей семье появился еще один человек, о котором нужно заботиться. Она сразу же прониклась теплотой к своему братику, будто все эти недели пыталась показать свои истинные чувства, но не знала, как это сделать. С этого момента она стала выполнять все поручения так же охотно, как это делал Роберт, и трудно было найти человека, более любящего и отзывчивого по отношению к Тиму.

Роберт тяжело переболел; хотя ему удалось достаточно быстро поправиться и вернуться в школу, порой он выглядел подавленным и рассеянным. Дислексия по-прежнему была серьезной проблемой, препятствующей его обучению. Школа даже организовала несколько занятий с педагогом-психологом, попытавшимся научить его техникам борьбы с дислексией; тем не менее этому специалисту не удалось определить истинную проблему Роберта. Лишь много лет спустя я узнала о том, что глубинной причиной его дислексии было непреодолимое чувство собственной неполноценности. С самого раннего возраста он знал, что его отец – гениальный ученый и что люди – в большей степени учителя, нежели родители, – возлагали на него определенные надежды, которых он не мог оправдать. Его веру в себя подтачивал червь сомнения, и он решил даже не пытаться хорошо учиться, так как заранее чувствовал себя обреченным на провал в глазах общества. Самое печальное, что уже в семь лет, приняв факт гениальности отца, он начал чувствовать, что сравнение всегда будет не в его пользу. Роберт обладал сомнительным преимуществом перед братом и сестрой: у него был гибкий аналитический склад ума, что прочило ему собственную научную карьеру, которой, однако, было далеко до звездной карьеры отца. Что касается Люси и Тима, то учителя попрекали их отсутствием склонности к научной деятельности и уязвляли их самолюбие, демонстрируя полное разочарование в детях великого ученого. Откровенно говоря, все наши дети пребывали в весьма невыигрышном положении. Однако, несмотря на то что предрассудки учителей оказали временное негативное влияние на их обучение, Люси и Тим пострадали не так сильно, как Роберт, на научную карьеру которого ложилась длинная тень отцовской репутации.

Репутация Стивена тем временем становилась все более респектабельной. Осенью 1979 года ему публично объявили о

назначении на должность Лукасовского профессора математики в Кембридже. Должность была учреждена в 1663 году Генри Лукасом и тогда давала годовой доход в сто фунтов. Эту должность, одну из самых престижных в мире, когда-то занимал Ньютон. Теперь Стивена недвусмысленно сравнивали с Ньютоном. Свой головокружительный взлет на вершины научного Олимпа он торжественно отметил инаугурационной лекцией, возродив тем самым обычай, который вышел из употребления среди ученых. Рядом с ним на сцене лекционного зала Бэббиджа стоял студент и переводил публике его речь, уже настолько несвязную и невнятную, что лишь немногие из студентов, коллег и членов семьи могли понять ее содержание. Увлеченная ученая публика, состоявшая в большинстве своем из подающих надежды новичков, прилагала значительные усилия, чтобы разобрать то, что он говорил. Его слова не рисовали им перспективы надежного будущего: Стивен радостно предрек конец физики. Он сказал, что через двадцать лет (приблизительно к концу столетия) благодаря появлению более быстрых и умных компьютеров все основные проблемы физики, включая единую теорию поля, будут решены и физики останутся без работы. Стивен шутливо заявил, что его это не очень беспокоит, так как в 2009 году он выйдет на пенсию. Публике понравилась шутка, однако я не увидела в этом ничего смешного…

Да и Стивену тоже было не до смеха. Бесцеремонно предсказывая конец физической науки, он окончательно и бесповоротно сделал себя заложником судьбы, и его собственная Немезида, оскорбленная богиня Физики, жестоко отомстила ему. По прошествии нескольких недель наступило новое десятилетие, которое началось крайне неудачно для всех нас, и в особенности для Стивена. После Рождества всю семью вместе с младенцем свалила ужасная простуда. К наступлению Нового года простуда прочно обосновалась в груди Стивена и сотрясала его тело душераздирающими приступами удушья при каждом глотке воды и каждой съеденной ложке мелко нарезанной пищи, даже при каждом вдохе. Обычно эти приступы начинались в конце дня и тянулись до поздней ночи.

Используя техники, которым меня научили на занятиях йогой, я старалась помочь ему расслабить мышцы гортани путем тихого и монотонного повторения успокаивающих фраз. Иногда мне это удавалось, и я наблюдала, как паническая одышка сменялась ровным дыханием по мере того, как его телом овладевал сон. Иногда монотонное повторение постепенно усыпляло меня саму, и сквозь дремоту я слышала его свистящий задыхающийся кашель рядом со мной до глубокой ночи. На

следующее утро мы были полностью истощены, хотя его мужество не позволяло ему признать это: он возвращался к обычному распорядку дня, невзирая на события прошлой ночи. Несмотря на то что все мы боялись повторения приступа пневмонии, произошедшего в 1976-м, Стивен не позволял мне вызвать доктора и, более того, не желал принимать никаких патентованных препаратов, считая, что содержащиеся в микстурах от кашля подсластители (даже в микстурах без сахара) будут раздражать слизистую горла, а подавляющие кашель ингредиенты могут одурманить его мозг и погрузить в коматозное состояние. Поэтому он кашлял и задыхался, задыхался и кашлял, днем и ночью, в то время как ребенок отчаянно вопил, не в силах дышать заложенным носом, а я ловила ртом воздух, так как чувствовала себя ничуть не лучше остальных.

> Лишь много лет спустя я узнала о том, что глубинной причиной дислексии Роберта было непреодолимое чувство собственной неполноценности.
>
> С самого раннего возраста он знал, что его отец – гениальный ученый и что люди – в большей степени учителя, нежели родители, – возлагали на него определенные надежды, которых он не мог оправдать.

Как и всегда, моя мама спешно приехала из Сент-Олбанса, чтобы вести домашнее хозяйство, пока я, Джонатан и Дон делали все возможное для болеющих обитателей дома. Мама настаивала, чтобы я соблюдала постельный режим, по крайней мере между делами, в которых не требовалось мое присутствие. На следующий день, в субботу, меня навестил Билл Лавлес. Я лежала в кровати, совершенно обессилевшая от усталости и одышки, в то время как Стивен, наш неутомимый пациент, сидел на кухне и читал газету, решив таким образом переждать кризис. Я излила душу Биллу. Я по-прежнему очень хотела заботиться о Стивене, дать ему счастливую семейную жизнь, сделать для него все возможное, но в пределах разумного. Но порой его запросы шли вразрез со здравым смыслом, а его каменное упрямство делало жизнь невыносимой. В результате я все больше зависела от Джонатана: он помогал мне сохранять рассудок, брал на себя часть моей ноши и давал возможность почувствовать себя любимой. Эта зависимость только усиливала мое чувство вины.

Билл взял меня за руку. «Джейн, – задумчиво, но решительно сказал он, – я хочу, чтобы ты кое-что знала». Я нервно ждала от него жесткого упрека, но я ошибалась. Он спокойно продолжил: «В глазах Бога все равны. Ты так же важна для Бога, как и

Стивен». С этими словами он оставил меня обдумывать их поразительный смысл и отправился к Стивену. В тот же день нам позвонил доктор Свон и посоветовал Стивену провести немного времени в местной платной лечебнице. Такое предложение дико возмутило Стивена, однако он повиновался. В какой-то степени я понимала негодование Стивена: в лечебнице у него не было близких людей. Медсестры не смогли бы понять его речь и не владели весьма специфическими техниками ухода за ним. Как только распространился слух о том, что Лукасовский профессор отправлен в клинику, нас буквально засы́пали предложениями помощи. Верные студенты и коллеги Стивена во главе с его бывшим аспирантом Гарри Гиббонсом установили график дежурств, так чтобы Стивен в любой момент имел возможность сообщить медсестрам о своих нуждах. Энтони Мелвилль, директор школы, в которой учился Роберт, помня о похожей трагической ситуации в своей семье, вызвался взять Роберта к себе домой, если возникнет такая необходимость. Джон Кейси, научный сотрудник колледжа Каюса, чья искренняя симпатия скрывалась за несколько формальным поведением, решил, что колледж должен компенсировать расходы на пребывание Стивена в больнице, и взял на себя обязанность уговорить администрацию и казначея сделать это. Вообще-то эта задача была не такая уж трудновыполнимая: новый казначей, прежде вице-маршал военно-воздушных сил Регги Баллен, был одним из гуманнейших казначеев, когда-либо занимавших этот пост в колледже.

На следующей неделе, в то время, когда Стивен находился в больнице, меня попросил о встрече профессор кафедры астрономии и экспериментальной философии Мартин Рис, занимающий эту должность с 1973 года. Мы договорились встретиться в Институте астрономии. Будучи очаровательно неубедительным в своих попытках показаться сугубо рациональным ученым, Мартин усадил меня в кресло в своем офисе и решительно заявил: «Что бы ни случилось, Джейн, ситуация не должна положить тебя на лопатки». Его непреднамеренная ирония ввела меня в замешательство, но я слишком устала и рассеянно оставила его слова без комментария. Я просто стала ждать, что он скажет дальше. Он еще раз повторил свои предыдущие слова, а затем сказал, что пришло время обеспечить Стивену сестринский уход на дому. Он вызвался изыскать средства из различных благотворительных источников на оплату услуг медсестер. Моей задачей было их найти. Я чувствовала безмерную благодарность ему за беспокойство и за крайне уместное предложение, сделанное столь заботливо и тактично. Мне было приятно не только то, что он в принципе

заметил нашу потребность в помощи, но и то, что предложил помощь как таковую.

В деле организации сестринских дежурств на дому было завязано три вопроса. Один из них – финансовую часть – Мартин великодушно взял на себя. Но я понятия не имела, как разрешить оставшиеся две проблемы. Где я должна была найти подходящих медсестер и, что более важно, как убедить Стивена согласиться на их присутствие? Всякий раз, когда мы с ребенком приходили навестить его, он гневно скрежетал зубами, не отрываясь смотрел в телевизор и не удостаивал нас ни единым взглядом, выражая тем самым недовольство своим временным заключением. Мое присутствие раздражало его, а не приносило того утешения, целью которого были мои визиты; но, если бы я не посещала его регулярно, меня бы тут же обвинили в пренебрежении. Задыхаясь под тяжестью здоровенного ребенка, два раза в день я ковыляла по длинному коридору, репетируя монолог, состоящий из обрывков информации и отголосков сплетен, которые я собирала для него. Прием, оказываемый нам Стивеном, действовал на меня как ушат холодной воды; мои байки теряли вкус и цвет, а их содержание размывалось настолько, что они становились не более интересными, чем фейерверк во время грозы. Однажды Стивена навестили его родители, даже не потрудившись зайти к нам на Вест-роуд.

В следующие выходные мы как раз ждали к обеду приезда моего отца, когда неожиданно раздался звонок в дверь. Мы с мамой пришли в недоумение, увидев на дороге незнакомый автомобиль, а на пороге – женщину средних лет. Ее муж вел моего отца по направлению к дому. На расстоянии шести или семи миль от Кембриджа они ехали за его машиной и видели, как он потерял управление на скользком участке дороги и врезался в ограждение встречной полосы. Они пришли к нему на помощь. Несмотря на то что машина не подлежала восстановлению, папа чудесным образом оказался невредимым, хотя и находился в шоке. Тем не менее мы все равно решили вызвать врача, чтобы убедиться в том, что все в порядке. Джон Оуэнс, благодаря которому двенадцать лет назад на свет появился Роберт и который, как оказалось, лечил жену Джонатана Джэнет, приехал незамедлительно и объявил, что мой отец пребывает в прекрасной форме, учитывая опасное для жизни испытание, которое он перенес. Всего через пару дней нам пришлось снова вызывать врача. Люси, как и все мы, недавно переболевшая простудой, напугала и нас, и себя: в ее носу лопнул капилляр, и началось кровотечение. Не успевала кровь остановиться, как начинала идти вновь. На этот раз на дежурстве был незнакомый

нам врач. К нашему удивлению, несмотря на средний возраст, он отрекомендовал себя как стажера. В жизни доктора Честера Уайта медицина стала второй карьерой, и он лишь сравнительно недавно получил диплом. Осмотрев Люси, он заверил нас, что оснований для беспокойства нет.

Собравшись уходить, он обратил свое внимание на меня. «А что насчет вас? Вы хорошо себя чувствуете? – к моему удивлению, спросил он. – Выглядите вы неважно». Он ненадолго присел, чтобы выслушать мой рассказ о Стивене и нашем кризисе. Мне не пришлось долго объяснять, так как он знал Стивена благодаря его репутации и мельком встречал на улице. Однако ему не было известно, что мы на протяжении многих лет боролись за жизнь без всякой поддержки со стороны Национальной службы здравоохранения, и он оказался потрясен, услышав, что участковая медсестра приходила к нам на дом только два раза в неделю по утрам: она поднимала Стивена с кровати, мыла его и делала инъекцию гидроксокобаламина. Стивен был вынужден прибегнуть к помощи медсестры для купания в тот период времени, когда я щеголяла огромным животом, никак не умещавшимся в ограниченном пространстве ванной комнаты.

Рассказывая старую историю о нашей изнуряющей борьбе за каждый следующий день, передвигаясь по полосе препятствий, в которую превратилась наша жизнь, я не питала никаких иллюзий: скорее всего, доктор Уайт, хотя и слушал меня с огромным сочувствием, был бессилен изменить ситуацию к лучшему. А кто бы смог, даже имея средства, обещанные Мартином Рисом? Я предполагала, что он скажет примерно то же самое, что говорили до этого другие: «Что ж, мне очень жаль, но я не знаю, чем вам помочь». Я не была склонна принимать его внимание всерьез, но он с неожиданной проницательностью и вдумчивостью предложил два способа действий. Во-первых, он сказал, что назначит мне лекарства; во-вторых, он свяжется с медбратом, который оказывает частные медицинские услуги, и, возможно, сумеет организовать регулярный уход за Стивеном.

Эти обещания были слишком заманчивы, чтобы просто отмахнуться от них; такая перспектива требовала рассмотрения, пусть и с изрядной долей скептицизма. Появился шанс, что трудности поиска подходящей медсестры будут преодолены благодаря этому случайному знакомству; что касается последнего и, несомненно, самого высокого барьера – сопротивления Стивена, то оно тоже могло быть преодолено, так как инициатива исходила от третьей экспертной стороны. Тогда тяжесть неприятного решения легла бы не только на мои плечи. В течение нескольких дней Мартин Рис нашел предварительный источник

финансирования медицинских услуг по уходу за Стивеном по его возвращении домой, но, как я и опасалась, Честеру потребовалось гораздо больше времени, чтобы связаться с медбратом. Казалось, что эта перспектива была всего лишь обманчивым блуждающим огоньком, лучом надежды, который гаснет, не успев озарить тьму. Возможно, то было к лучшему: мне не хотелось участвовать в заговоре против изъявленной воли Стивена, какой бы невыносимой ни была ситуация.

Затем одним январским утром знакомый доктора Уайта, медбрат Никки Манатунга, все-таки материализовался на нашем пороге. Тихо говорящий трудолюбивый уроженец Шри-Ланки, поселившийся со своей женой и детьми в деревне под Кембриджем, он не испугался, услышав описание наших проблем и требований. Наоборот, он был уверен, что сможет собрать команду, состоящую из его коллег – медицинских работников психиатрической больницы Фулбурн. Неделю спустя, когда он пришел на свое первое дежурство, Стивен решительно отказался смотреть на него или общаться с ним иным способом, кроме наездов на носки его обуви инвалидным креслом. Я извинилась перед Никки, который, невозмутимо улыбаясь, продолжил свою работу. «Все нормально, – сказал он, – мы привыкли работать с трудными пациентами». Неделю спустя он привел и обучил другого медбрата, а затем третьего.

> Стивен был вынужден прибегнуть к помощи медсестры для купания в тот период времени, когда я щеголяла огромным животом, никак не умещавшимся в ограниченном пространстве ванной комнаты.

Обученный медбрат выходил на смену вместе с новичком и передавал ему все необходимые навыки, так что в их работе почти не было сбоев, и от нас, опекунов больного, редко требовалось вмешательство. Постепенно раздражение Стивена сошло на нет: он смирился с присутствием этих преданных, терпеливых людей и, кроме того, понял, что может рассчитывать на их помощь и вне оговоренного графика. Он мог брать медбратьев в зарубежные поездки и таким образом обрести независимость как от студентов и коллег, так и от собственной семьи. Ему больше не приходилось полагаться на узкий круг близких людей для реализации личных потребностей. С этого времени началась новая эпоха для хозяина Вселенной и, как следствие, для всех нас.

12. Ad Astra

[140]

Взяв на себя уход за Стивеном, команда Никки позволила нам вновь зажить полной жизнью, а не выбиваться из сил, пытаясь выжить. Забота о Стивене не доставляла столько хлопот, как раньше, тем более что Джонатан был с нами почти каждый вечер и все выходные, помогая кормить Стивена, водить в туалет и усаживать в машину. Он тоже порой становился беспомощным свидетелем ужасающих приступов удушья, которые при каждом приеме пищи с такой силой сжимали легкие, что, казалось, жертва вот-вот испустит последний вздох. Каждый раз мы ждали в надежде, что приступ закончится, готовясь незамедлительно вызвать службу спасения и осознавая, что нить жизни, за которую так отчаянно цеплялся Стивен, становится все тоньше. В конце концов приступ завершался, и после нескольких глотков теплой воды Стивен вновь приступал к еде, оставляя на тарелке то, что, по его мнению, могло раздражать горло. Но как только мы все начинали расслабляться, он становился жертвой очередного приступа.

Восприимчивый к чужому несчастью, Джонатан инстинктивно чувствовал, где именно он был нужен и в чем больше всего требовалась помощь. Он выполнял домашние обязанности, которые раньше ложились на одну меня: таскал мешки с картошкой, выносил мусор, менял лампочки, проверял давление воздуха в шинах и заливал бензин. Наконец-то появился человек, готовый помочь мне дотаскивать до дома недельный запас продуктов с рынка или из Сэйнсбери[141]. В течение многих лет я пробиралась по Задворкам, сложив тяжелые сумки в тележку позади меня, или размещала их в детской коляске, повесив сумки на ручку и до отказа набив нижнюю корзину. Он помогал мне заботиться обо всех трех детях; именно Джонатан возил Роберта и Люси по всем их делам, и именно он баловал Тимми его любимой забавой. Малыш обожал, когда его подкидывали в воздух до самого потолка: он счастливо и самозабвенно открывал глаза и рот, наслаждаясь кратким мигом невесомости, перед тем как очутиться на руках у Джонатана.

В начале восьмидесятых успех Стивена и его амбиции не знали границ. Многие учреждения, университеты и научные организации соперничали друг с другом за право наградить его различными знаками почета – премией Альберта Эйнштейна, медалью Эйнштейна, медалью Франклина, медалью Джеймса Клерка Максвелла и другими почетными званиями и научными

степенями, количество которых можно было сравнить лишь с составленным Лепорелло списком женщин, завоеванных Дон Жуаном. Но, в отличие от Дон Жуана, Стивен не ограничился Европой. Тем не менее в Великобритании не было недостатка в церемониях награждения, и если они проходили рядом с домом, то я сама отвозила Стивена. Мне запомнился случай, когда мы поехали в университет города Лестера на церемонию присуждения ученой степени, где председателем был сэр Алан Ходжкин, магистр Тринити-колледжа; ранее он был президентом Королевского общества – как раз в то время, когда Стивена приняли в его члены. Интеллигентный и скромный, с сияющей улыбкой, в парадном черно-золотом облачении, он поздравил Стивена со вступлением в ряды почетных докторов университета, крепко пожав его руку – ту самую руку, с помощью которой Стивен управлял своей инвалидной коляской. Это рукопожатие отправило Стивена, инвалидное кресло и самого сэра Алана, так сказать, вошедшего в сцепку с аппаратом, в опасный кульбит, похожий на головокружительную фигуру странного па-де-де, в результате которого весь ансамбль, состоящий из церемониальных одеяний, магистерских шляп, тел и коляски, оказался в опасной близости от края сцены. Я вскочила на ноги и в последний момент успела выключить манипулятор, вовремя предотвратив ужасную катастрофу.

Большинство церемоний, однако, проходило в США, и нам очень повезло, что Никки и его команда не отказывались сопровождать Стивена в поездках. Благодаря им Стивен смог не пропустить ни одной церемонии награждения по ту сторону Атлантики: расходы на проезд и проживание всей группы оплачивались принимающей стороной. После награждения он переходил к истинной цели поездки: проводил научные семинары с коллегами в близлежащих университетах. Его любимым проектом в то время было издание многотомного собрания научных эссе и материалов конференций по вопросам теории относительности и ее связи с квантовой физикой. Вторым редактором был Вернер Израэль. Конференции или, скорее, «мастерклассы», увековеченные в этих томах, стали новой страстью Стивена. Он обнаружил, что международная известность и почетное звание Лукасовского профессора дают ему возможность привлечения финансирования на кафедру, хотя *все равно* продолжал жаловаться, что на науку выделяется мало средств. Мы привыкли к ответственности за организацию приема и развлечения делегатов всяческих семинаров и конференций, делая это в течение многих лет своими силами, в скромных масштабах. Настало время, когда Стивен получил возможность

приглашать коллег – даже оппонентов – в Кембридж, направляя своим авторитетом все обсуждения и не ограничиваясь семейным бюджетом. Конференции стали гораздо масштабнее и престижнее. С появлением финансирования возникла возможность не только приглашать самых именитых делегатов, но и обеспечивать банкет с развлекательными мероприятиями. Вследствие этого я была милостиво избавлена от роли хозяйки бала. Прошли те дни, когда я устраивала фуршеты для сорока и более человек; в соответствии с новой системой банкеты организовывал тот колледж, в помещении которого останавливались делегаты. Мое участие теперь сводилось к приему гостей и организации чаепитий с огуречными сэндвичами на лужайке (сэндвичи, как обычно, заказывались на кухне колледжа Гонвиля и Каюса). Иногда ужины для самых близких зарубежных друзей проходили дома, в более интимной обстановке.

Львиная доля работы по подготовке семинаров – организация перелетов, проживания, места проведения, обсуждение способа оплаты и подготовка раздаточного материала – ложилась на плечи трудолюбивой секретарши Стивена Джуди Феллы, до отказа заполняя ее теоретически неполный рабочий день. Все эти обязанности были дополнительными по отношению к ее работе секретарем релятивистской группы. Ее дети были такого же возраста, как Роберт и Люси, но она часто задерживалась на работе до позднего вечера, иногда прибегая к загадочной экспериментальной машине, установленной гидродинамиками в подвале для изготовления оригинал-макета материалов конференции, как всегда, насыщенного иероглифами и диаграммами. Хотя Стивен ценил ее преданность, другие секретари не понимали особенностей ее ситуации и всячески усложняли ей жизнь.

> В начале восьмидесятых успех Стивена и его амбиции не знали границ. Многие учреждения, университеты и научные организации соперничали друг с другом за право наградить его различными знаками почета – премией Альберта Эйнштейна, медалью Эйнштейна, медалью Франклина, медалью Джеймса Клерка Максвелла и другими почетными званиями и научными степенями, количество которых можно было сравнить лишь с составленным Лепорелло списком женщин, завоеванных Дон Жуаном.

Именно на кафедре, а не дома Стивена впервые застала врасплох новая опасность в виде мировой прессы. В течение

некоторого времени открытия Стивена правдиво освещались британской и американской научной печатью; к нему всегда проявляли уважение, комментируя научные аспекты его работы и не упоминая о его физическом состоянии. В начале восьмидесятых годов популярная пресса стала выражать более активную заинтересованность его личной жизнью. Контраст между физическими ограничениями и силой разума, который позволил ему достичь пределов Вселенной, стал источником вдохновения для многих творческих полетов фантазии, выраженных в причудливой прозе. Кроме того, сам субъект никогда не возражал против публичности: он охотно давал интервью, даже когда приходилось их втискивать в и без того перегруженный график. Джуди беспрекословно взяла на себя дополнительную обязанность по работе с журналистами и съемочными группами, как британскими, так и международными, хотя некоторые академики кафедры возражали против того, что их чайная комната опять превратилась в телевизионную студию.

> Я до сих пор очень боялась, что Стивена превратят в гротескного, прикованного к инвалидной коляске персонажа с больным телом и сознанием, исполненного дьявольских намерений раскрыть все тайны науки любой ценой.

Стивен любил озадачивать заезжих журналистов. Он извинялся за то, что был не в состоянии принести четырехмерную модель Вселенной в кабинет, чтобы наглядно продемонстрировать свои теории, или, когда его спрашивали про бесконечность, он отвечал, что об этом можно говорить бесконечно, так что лучше не начинать. Он откровенно признавал свое разочарование в черных дырах, которые до сих пор уклонялись от обнаружения, так как доказательство их существования автоматически гарантировало бы ему Нобелевскую премию. Журналисты записывали эти остроумные и часто загадочные ответы в свои блокнотики, а затем уезжали составлять хвалебные статьи из разрозненных заметок. Очень немногим удавался интеллигентный и правдивый репортаж. Часто их попытки описать внешний вид Стивена не увенчивались успехом из-за нехватки такта, а научная информация доходила до них искаженной интерпретацией студентов и коллег Стивена.

Наиболее бестактным из журналистов оказался телевизионный продюсер команды «Би-би-си» *Horizon*. «Би-би-си» уже снимало фильм о Стивене шесть лет назад, когда продюсером была моя подруга по колледжу Вивьен Кинг. Фильм получился успешный: она избежала соблазна изобразить Стивена похожим

на Доктора Стрейнджлава. Я до сих пор очень боялась, что Стивена превратят в гротескного, прикованного к инвалидной коляске персонажа с больным телом и сознанием, исполненного дьявольских намерений раскрыть все тайны науки любой ценой. К сожалению, второй фильм *Horizon* оправдал мои худшие опасения. Когда я спросила продюсера, не хочет ли он рассказать зрителям о семье Стивена, он пренебрежительно заметил, что мы с детьми – не более чем фон в жизни Стивена. Шесть месяцев спустя фильм вышел на экран; в кадре, где мы с Тимом и Стивеном обедаем в Университетском центре, прозвучал комментарий одного из студентов: «Ни миссис Хокинг, ни их сын Тимми не заинтересованы в математике, поэтому в их присутствии мы стараемся не говорить о работе». Впоследствии я узнала, что продюсер велел студенту прочитать эту постыдную фразу с листа. Мой бывший научный руководитель, Ален Дейермонд, написал письмо в «Би-би-си», протестуя против ложной информации, заключавшейся в этой фразе. Больше всего меня насмешило то, что документальный фильм «Вселенная профессора Хокинга» начинался с нашей свадебной фотографии. Мои родители, в свою очередь, посмеялись над этой ситуацией: они тоже были на фотографии и за один вечер стали в Сент-Олбансе телевизионными знаменитостями.

Еще до программы *Horizon* Стивена стали узнавать повсюду. Летом 1981 года с ним выразил желание встретиться почетный ректор Кембриджского университета принц Филипп. Наиболее уместным нам показалось пригласить его в наш дом, где он мог поговорить со Стивеном в спокойной обстановке. Роберт, в возрасте четырнадцати лет имеющий все задатки будущего ученого, переводил ответы отца на вопросы ректора о возрасте Вселенной и о природе черных дыр. Так как визит, назначенный на 10 июня, совпадал с шестидесятилетием нашего гостя, я испекла фруктовый глазированный торт, украсив его полудюжиной свечей, которые Тимми и принц Филипп задули вместе; после этого почетного гостя деликатно, но настойчиво вызвали на следующую встречу.

Когда в Новогоднем почетном списке Британии 1982 года Стивена объявили Командором ордена Британской империи, мы решили учесть опыт инцидента с инвалидным креслом и отправить Роберта сопровождать его при встрече с королевой. Прием в Букингемском дворце был назначен на 23 февраля. Такой повод потребовал обновления гардероба всей семьи, за исключением Тимми, который был еще слишком мал для официального визита и остался дома с моими родителями. Роберт был экипирован первым в своей жизни костюмом; его

удалось надеть только один раз, так как к следующему формальному поводу Роберт уже вырос из него. Люси, находясь в расцвете периода мальчишества и предпочитая любой одежде джинсы и футболки, была вынуждена облачиться в платье и пальто, но заявила, что делает это в качестве исключения.

В Лондон мы решили поехать накануне вечером, так как встреча во дворце была назначена на 10 утра, а мы с Робертом должны были со всем управиться вдвоем. Мы остановились в квартире на верхнем этаже здания Королевского общества с видом на верхушки деревьев, растущих на улице Мэлл, и башенки с зубцами вокруг плаца, где обычно проходят парады конной гвардии. Лишь поздно вечером, размещая наши парадные костюмы и аксессуары в шкафу, я поняла, что лакированные туфли Люси пропали без вести. Виновница беззаботно развалилась на диване в своих старых потертых школьных башмаках и, казалось, была вполне довольна тем, что ей придется явиться во дворец в таком виде, как будто она только что слезла с дерева. Жена консьержа сказала, что обувной магазин есть в конце Риджент-стрит, но сомневалась, продают ли там детскую обувь. Мы поняли, что завтрашнее утро начнется гораздо раньше, чем мы планировали. Оставив Роберта кормить Стивена завтраком, мы с Люси побежали в обувной магазин и купили ту единственную пару, которая пришлась ей по ноге. Это была ничем не примечательная благопристойная пара из коричневой кожи, достаточно симпатичная, но не такая эффектная, как те блестящие туфли с пряжкой, которые мы забыли дома. Как ни странно, купленные второпях туфли впоследствии оказались изношены до дыр, в то время как лакированные туфельки так и пролежали в нижнем ящике комода, пока не были кому-то отданы.

Несмотря на суматошное утро, мы успели вовремя выехать во дворец. Тем не менее мы не учли, что нам предстоит влиться в автомобильную пробку на улице Мэлл – мать всея дорожных пробок мира. Казалось, что вокруг Букингемского дворца происходит вавилонское столпотворение: улица Мэлл напоминала загруженный и суматошный подъезд к аэропорту Хитроу. Так же как и в аэропорту, большинство прибывающих высаживалось из машин у ворот дворца; лишь избранные, подобно нам, обладали привилегией проезда сквозь гостеприимно распахнутые щедро украшенные ворота дворца, которые так часто показывали в сводках новостей. Мы словно попали в мир, существующий в другом времени и пространстве, где все происходит с точностью часового механизма, но никто не ждет и не опаздывает. Все встречи проходили здесь с безупречной

учтивостью и непринужденной легкостью.

Оставив посередине двора автомобиль, который вдруг показался нам ужасно старым и грязным, мы прошли к служебному входу, где нам указали на старинный лифт. Лакей галантно сопроводил нас через лабиринт коридоров мимо роскошных предметов мебели, картин, китайских ваз и изящных скульптур из слоновой кости в остекленных витринах вдоль стен. Когда мы подошли к главной галерее, нас разделили: Роберт и Стивен присоединились к очереди национальных героев и героинь в ожидании награждения, а нам с Люси указали на обитые розовым бархатом стулья, расставленные по периметру роскошного бального зала.

Нам было на что посмотреть в ожидании открытия церемонии. Огромные хрустальные люстры освещали белый с золотом орнамент потолка. В одном из углов зала было устроено что-то вроде маленького храма из красного бархата, заполненного мягким сиянием светильников; там, на страже королевского места под балдахином, стояли пожилые гвардейцы лондонского Тауэра. На балконе в другом конце зала военный оркестр исполнял свой праздничный репертуар, ожидая появления Ее Величества, чтобы перейти к национальному гимну. После ее торжественного выхода происходящее быстро приобрело узнаваемые черты, являя собой нечто среднее между школьным награждением и выпускной церемонией и демонстрируя национальную склонность к пышным зрелищам. Каждый кандидат выходил вперед из казавшейся бесконечной очереди и удостаивался своего момента славы, лицом к лицу встречаясь с Ее Величеством королевой Англии. Люси в тревоге указала мне на пожилого гвардейца, стоявшего позади королевы и начавшего крениться на сторону: он стал жертвой жары, тяжелого костюма и вертикальной позы. Его незаметно унесли из зала ногами вперед, не прерывая церемонии.

Когда Роберт и Стивен появились в боковом проходе в ожидании своей очереди, по моей спине поползли мурашки: в этот момент я была полна любви и гордости. Они прошли к центру зала и затем повернулись лицом к королеве. Трудно было бы представить более впечатляющую пару: неукротимый, но миниатюрный ученый, обездвиженный в своем кресле и широко улыбающийся, и рядом с ним – его высокий, застенчивый светловолосый сын. Стивен имел полное право улыбаться до ушей, довольный своим успехом. Возможно, в его улыбке была доля иронии. Юный иконоборец, непримиримый молодой социалист выдвинут правительством тори на получение одной из самых престижных почестей от монарха и обласкан правящими

кругами, презираемыми им в молодости.

Во время обеда в шикарном лондонском отеле мы рассматривали орден: изящный крест, покрытый красно-синей эмалью, висел на красной ленте с серым краем. Надпись «Для Бога и Империи», как и сам дворец, принадлежала к тайнам и мифологии прошлого века. Когда мы изучали буклет с информацией, который прилагался к ордену, то обнаружили там единственную привилегию, которой могли воспользоваться: Люси, как дочь командора Британской империи, имела право венчаться в часовне ордена в соборе Святого Павла. «Будем надеяться, что по такому случаю она не забудет свои туфли», – сухо заметил Роберт.

Британские правящие круги оказались не одиноки в стремлении залучить Стивена в свое лоно. В 1975 году он уже был награжден Папской медалью, а осенью 1981 года приглашен для участия в научной конференции Папской академии в Ватикане. Папская академия – это тесная группа выдающихся ученых, консультирующих папу по научным вопросам. Конференция была созвана с целью сообщения папе последних новостей о состоянии Вселенной. Тогда медбратья еще не сопутствовали Стивену в поездках за границу, поэтому с ним отправился Бернард Уайтинг, австралийский доктор наук и коллега Стивена. Бернард сопровождал Стивена на конференции, переводил его лекции для аудитории и помогал мне ухаживать за ним.

С момента рождения Тимми все мои страхи, связанные с разлукой с детьми, вернулись, и я могла смириться с поездкой в Рим, только взяв их с собой. Поскольку у Роберта была ответственная пора в школе, со мной поехали Люси и Тимми. К счастью, с нами отправилась Мэри Уайтинг, которая хорошо знала Рим. Без Уайтингов поездка превратилась бы в катастрофу. В отеле «Микеланджело», якобы ближайшем к Ватикану (нашими темпами – двадцать минут ходьбы), не было ресторана: не подавали даже завтрак. Лифт был, но, чтобы добраться до него, требовалось сначала преодолеть лестничный пролет. Вдобавок к этому в Риме бушевали внезапные ливни. Утром яркое солнце светило в безоблачном небе, и мы с легким сердцем провожали Стивена до Ватикана, где заходили в ворота мимо швейцарских гвардейцев и шли по направлению к резиденции Пия IV, величественному старинному зданию эпохи Возрождения, построенному для папы в XVI веке. В прежние времена там останавливались женщины, посещавшие Ватикан, а с 1936 года размещался штаб Папской академии. В этом примечательном здании мы покидали Стивена, который во имя Галилея готовился

инструктировать папских космологов в отношении своего ви́дения Вселенной, не имеющей ни начала, ни конца и ровно никакой роли для Бога-Создателя.

Ожидая обеденного перерыва в академии – единственной трапезы в течение дня, в качестве которой можно было не сомневаться, – я прогуливалась в рощах лавровых деревьев, а дети играли на берегах живописных ручьев, стекающих по склону. Тем временем утро скоропостижно превращалось в душный пасмурный день; величественные облака, достойные кисти Микеланджело, громоздились над куполом собора Святого Петра. Затем они эффектно разражались ослепительными молниями и оглушительным громом, разрывая небеса в течение остатка дня и до поздней ночи. Мэри водила нас на экскурсии в места, которые она особенно любила и знала: в Колизей, Форум, Термы императора Каракаллы и катакомбы Сан-Каликсто. Но время наших экскурсий было ограничено, так как мы понимали, что промокнем до нитки, если не вернемся в отель к четырем часам дня. В отеле мы могли переждать дождь в надежде на то, что просвет в облаках позволит нам выбежать из отеля с инвалидным креслом и коляской на буксире в поисках ужина. Нечего и говорить, что римский транспорт, находящийся в состоянии перманентного затора, не позволял нам добраться до отеля до начала грозы. Обычно в четыре часа первая вспышка молнии и раскат грома заставали нас неподалеку от железнодорожного вокзала, в поисках автобуса, готового перевезти нашу компанию через Тибр.

Маленький Тим вел себя героически. Он любил итальянские автобусы такими как есть: невыносимо медленными, душными, с запотевшими окнами и толпой пассажиров. Итальянские пассажиры отвечали ему взаимностью. «Che bel bambino!»[142] – говорили они, уступая мне место, чтобы я могла усадить его к себе на колени. «Carissimo, carissimo!»[143] – улыбались они, поглаживая его светлые волосы и щекоча подбородок. Он только начал открывать для себя искусство грамматического согласования слов в предложении и был рад иметь аудиторию, где мог проявить свой новый талант. «Есть ли у вас дом? – спрашивал он у влюбленно смотрящих на него, но ничего не понимающих секретарш, студентов, бизнесменов и дородных бабушек. – Есть ли у вас машина?» Затем следовал рассказ о себе. «У нас есть дом. У нас есть машина. У нас есть гараж. У нас есть сад». Пассажиры сентиментально посмеивались, в то время как капли дождя текли по окну автобуса, а в дорожной пробке раздавались беспомощные автомобильные гудки. На улице начинало темнеть.

Мэри оказалась очень добросовестным экскурсоводом. Она говорила, что не успокоится, пока Люси и Тимми не будут знать каждый храм в Риме, включая ее любимый памятник архитектуры – базилику Святого Клемента. Средневековая церковь, известная своей лучезарно-красочной мозаикой XI века с триумфальным крестом[144] в апсиде, является надстройкой над древней церковью с фресками VI века и расположена рядом с руинами древнеримского дома. Полюбовавшись блеском мозаики, мы последовали за Мэри вниз, в тускло освещенный нижний храм из красного кирпича, в котором непостижимым образом слышался шум и плеск текущей воды. Мэри рассказала нам, что это шумит Клоака Максима – главная отводная часть системы канализации, построенной в Древнем Риме. Клоака издавала грохот, которому позавидовала бы иная горная река, но я полагала, что Мэри знает, о чем говорит.

Поездка на автобусе обратно в отель под проливным дождем в этот раз заняла больше времени, чем обычно. Весь город стоял в нескончаемой пробке. От водителя Мэри узнала, что произошло наводнение – Клоака Максима вырвалась из древнеримской кладки и разлилась по улицам Рима. Чтобы скоротать время, мы развивали мысль о том, что это было предзнаменование, знак божественного гнева в адрес Стивена, проповедующего свои еретические теории в священных стенах самого Ватикана.

> По окончании конференции папа в своей речи сказал, что ученые, хотя и могут изучать эволюцию Вселенной, не должны задаваться вопросом, что именно случилось в момент Большого взрыва и уж тем более до него, ибо это ведает лишь Бог.

Ватикан – один из самых мощных и богатых городов-государств мира – находился под управлением человека, чье личное благочестие и мужество не вызывали сомнений. Тем не менее этот человек стремился наложить ограничения на свободу мысли, рассуждая так же односторонне, как и ученые, запрещающие нам задавать вопрос о цели творения. По окончании конференции папа в своей речи сказал, что ученые, хотя и могут изучать эволюцию Вселенной, не должны задаваться вопросом, что именно случилось в момент Большого взрыва и уж тем более до него, ибо это ведает лишь Бог. Ни Стивена, ни меня не впечатлило это заявление: слишком уж оно напоминало отношение церкви к Галилею, следствием которого было его заключение триста лет назад. Церковь только сейчас начала признавать значение открытий Галилея. Ей следовало бы стыдиться того, что его теории были под запретом на протяжении

стольких лет. Тем не менее речь папы свидетельствовала о том, что церковь по-прежнему пытается ограничить свободу мысли и, видимо, за триста лет ничему не научилась.

13. Гармония восстановлена

Музыка, благодаря которой я вернулась в лоно англиканской церкви, стала моим путем к духовному перерождению и росту, а благодаря Мэри Уайтинг я вновь смогла заниматься пением вскоре после рождения Тимоти. Она настаивала, чтобы ей разрешили гулять с ним раз в неделю в надежде на то, что благодаря времени, проведенному с ребенком, она и сама сможет забеременеть. Поэтому днем по средам, пусть и очень уставшая, я возобновила занятия с Найджелом Викенсом, которому не чужды были родительские заботы после того, как у него появилась дочь Лора. Под руководством Найджела и под чуткий аккомпанемент Джонатана – если ему позволяли отлучиться собственные учительские обязанности – я вновь обрела радость от встречи с музыкой Шуберта, Шумана, Брамса и Моцарта. Они сначала усиливали, а потом смягчали мои эмоции, трансформируя мой внутренний мир. А в это время Мэри и Тим шли кормить уточек, гулять в парке, качаться на качелях и поглощать мороженое, вымазавшись им по самые уши.

Существовало много возможностей исполнить сольный репертуар на благотворительных концертах, связанных с нашими со Стивеном общественными кампаниями; иногда меня приглашали заполнить пробелы в других программах, и именно таким способом моя певческая карьера достигла своего апогея летом 1982 года, когда я исполнила несколько песен в часовне Кингс-колледжа в качестве интерлюдии к органному концерту Джонатана в рамках культурной программы для медицинской конференции. Я обрела такую уверенность в своем голосе и в способности быстро запоминать вокальные партии, что поняла: пришло время двигаться дальше и вступить в хоровое общество. Это вполне можно было сделать, так как в то время я наслаждалась небывалой свободой. Пока Стивен грелся в лучах заслуженной мировой славы восьмидесятых, я в это же время переживала собственное превращение. С одной стороны, команда сиделок принесла долгожданное облегчение и отдых от бесконечно тяжелого физического труда, который ранее поглощал всю мою энергию. С другой – благодаря незыблемой поддержке Джонатана и его преданности семье в целом некоторые стороны моей личности, долгое время подавляемые, лежавшие мертвым грузом в темном углу из-за ежедневной борьбы, вышли на свет. Больше не нужно было жить вполсилы. Я начала ощущать всю полноту жизни, осознавая, что песок, утекавший сквозь пальцы на пляже в Санта-Барбаре много лет назад, не означал конца моих

личных устремлений даже спустя годы.

На концерте в университетской церкви Пресвятой Девы Марии я встретила тех самых людей, которых искала, – всех возрастов и профессий, исполнявших разнообразный репертуар и стремившихся к высоким стандартам. Молодой энергичный дирижер Стивен Армстронг, недавно окончивший университет, взял меня в ученицы, и с тех пор я посещала репетиции раз в неделю. От меня требовалась полная самоотдача в течение двух часов в конце трудного дня, а также подготовка в течение всей недели перед репетицией. День концерта – как правило, суббота – был абсолютно сумасшедшим. Невзирая на концерт, семью требовалось холить и кормить, а генеральная репетиция выжимала из меня все силы. Сам концерт стремительно заканчивался, и труд восьми недель исчезал за один вечер, иногда оставляя ощущение небесной эйфории при пении фраз, которые звучали превосходно, а иногда привкус разочарования, когда иные фразы не звучали так, как хотелось бы. В концертах, следующих один за другим, быстро сменялись стили музыки и композиторы – от барокко до модерна, от классики до романтизма, от Баха до Бенджамина Бриттена. Радость после любого хорошо исполненного концерта была безгранична. Мне нравилось то, что мы пели; каждая последующая работа, каждый последующий композитор становились самыми любимыми для меня на время посвященных им репетиций, а концерт, переплавляющий страсти нашей скоротечной жизни в бессмертную квинтэссенцию музыки, превращал болезненную интенсивность чувств в духовное просветление.

> Именно тогда, когда моя жизнь пошла в гору, моя мама серьезно заболела.

Именно тогда, когда моя жизнь пошла в гору, моя мама серьезно заболела. Недавно она и ее единственный двоюродный брат Джек пережили стресс, волнуясь за тетю Эффи, которой было далеко за девяносто. Кроме этого, существовало достаточно поводов для постоянной тревоги, которая могла обострить мамину болезнь; моя собственная ситуация была главным из них. По крайней мере, изменения обстоятельств нашей жизни, вызванные появлением команды сиделок Никки, позволили мне оказать родителям моральную поддержку в самый тяжелый момент и хотя бы попытаться окружить их той же заботой, какой они нас окружали все эти годы. Следствием облегчения моего положения стало и то, что я была менее измотана и замучена, а значит, могла больше времени проводить с детьми. Кроха Тим вырос в удивительно забавного малыша: наблюдательного,

бесконечно любопытного, энергичного проказника. Когда ему было почти полтора года, задолго до встречи с влюбленными пассажирами итальянского автобуса, у него проявилась недетская страсть к астрономии. Каждый вечер он наблюдал за луной, сидя на своем стульчике на кухне и следя за движением небесного тела, отвлекаясь от важнейшего занятия – ужина. Пока луна двигалась по небу в пределах окна, он забывал о еде и пытался высвободиться из своих тенет. Когда же она исчезала из поля зрения, он стремительно несся в гостиную и там ждал появления белой царицы ночи, глядя на нее сквозь окна веранды. Каждый вечер был для него наградой после дневного ожидания; потом луна начинала убывать, оставляя его во тьме таинственности и разочарования. Затем, в год и десять месяцев, он продемонстрировал свое поэтическое, но никак не научное восприятие другого природного феномена. Холодным февральским днем 1980 года, когда огромные белые снежинки удивительно правильной геометрической формы медленно опускались со свинцового неба, он примчался к окну гостиной с криком: «Я вижу везы! Я вижу везы!» – что означало «звезды» на его языке. Он танцевал по комнате, вдохновенно повторяя свой незатейливый припев к неслышной музыке мягко падающих созвездий.

Непрестанная активность Тима была очаровательна, но представляла опасность в случаях, когда он пытался имитировать независимость старших детей, особенно оставленный без присмотра даже на секунду. За пару недель до его второго дня рождения я готовила ужин на кухне; внезапно мне показалось, что в доме воцарилась неестественная тишина. Не было ни одного звука, сопровождающего детские игры: игрушечные машинки не шоркали по полу, жестяной барабанчик не гремел, болтовня и смех стихли. У меня кровь застыла в жилах от этой ужасной тишины. Я бросилась к входной двери, которая оказалась открыта. Тимми убежал.

Роберт, гораздо более стремительный и быстрый, чем мы со Стивеном, часто убегал, когда был маленький, но всегда с какой-то целью, и мы обычно могли легко его найти. Люси исчезла лишь раз – погожим летним днем, когда мы еще жили на Литл-Сент-Мэри. Встревоженные, мы с Тельмой Тэтчер искали ее по всей улице и в церковном саду, но безуспешно. Проходившие мимо американцы сказали нам о том, что на Мельничном мосту стоит малышка с кукольной коляской. Это была Люси: одетая в шорты-бермуды, одной рукой она держала ручку коляски, а другой – прозрачный зеленый зонтик. Ее окружила толпа восхищенных выпускников, которые никак не могли понять, что

же делать с этим невозмутимым чудом света.

Десять лет спустя, находясь вдали от других домов на Вестроуд, 5, без добрых соседей – приемных бабушек и дедушек, всегда готовых прийти на помощь, я стояла около открытой двери в приступе ужаса и нерешительности, не зная, куда же мне идти. Побежал ли Тимми вниз по дороге, ведущей к реке, или вокруг дома, в сад? Коллеги в колледже, заканчивающие свои семинары, услышали, как я лихорадочно зову Тимми по имени, и пришли на помощь. В конце концов Пэт, один из техников, трезво поразмыслив, посоветовал мне позвонить в полицию. Он стоял рядом, пока я трясущимися руками, слыша неистовый стук своего сердца, набирала 999. Я расстроилась, когда офицер полиции, ответивший на звонок, не оценил драматизма ситуации. Он, похоже, не понял, насколько срочным был вопрос. «Подождите минутку, мэм», – весело сказал он. Через мгновение он снова был у аппарата. «Опишите, как выглядит ваш мальчик и во что он одет?» – спросил он тем же раздражающе радостным голосом. «Светлые волосы, голубые глаза, синяя кофточка и зеленые штаны», – ответила я, обезумев от волнения. «Тогда все в порядке, – сказал полицейский. – В одной из наших машин сидит маленький мальчик, но так как он не смог сказать, где живет, то полицейский ездит вместе с ним по району в надежде найти его маму». Тимми привезли домой в полицейской машине, за рулем которой сидела женщина-офицер; с ними была еще какая-то добрая женщина, которая перехватила Тима как раз в тот момент, когда он собирался перейти дорогу, видимо, чтобы отправиться в гости к крестной, Джой Кэдбери. Эта же добрая женщина посадила его к себе на колени и в таком виде довезла свою мокрую, светловолосую, зелено-голубую поклажу, переданную в мои дрожащие руки.

Несмотря на то что двое старших детей не так сильно нуждались в моем физическом присутствии, им в гораздо большей степени требовалось мое понимание. Роберт, похоже, был обречен на одиночество на всю жизнь, имея лишь несколько друзей, а Люси с переходом в среднюю школу пришлось расстаться с компанией любимых друзей детства. Так как Роберт получал частное образование благодаря своему наследству, мы понимали, что должны обеспечить Люси как минимум тем же, однако она была единственная из класса, кто перешел из начальной школы в платную школу Перс для девочек. Мы подарили ей котенка, чтобы хоть чем-то утешить и отвлечь ее, а Стивен решил написать научно-популярную книгу, описывающую его науку – изучение происхождения Вселенной – общедоступным языком, избегая барьеров специфических терминов и уравнений,

надеясь, что прибыль от издания такой книги поможет оплатить обучение Люси. Я часто просила его взяться за такой труд, мотивируя свою просьбу тем, что это было бы интересное чтение для меня самой, а также для тех налогоплательщиков, которые финансировали научные исследования посредством своего вклада в бюджет страны.

Иногда Роберт и Люси ходили вместе со мной в церковь Святого Марка, где как всегда изобретательный Билл Лавлес продолжал угождать всем возрастам и вкусам. Он не только взывал к интеллекту и нравственности прихожан Ньюнхэма, каждый месяц информируя их о состоянии дел в стране, но еще и вкладывал огромные усилия в привлечение семей в церковь, проводя семейные службы. Такие службы, всегда увлекательные, иногда вызывающие непредсказуемые результаты, долгое время оказывали влияние на целое поколение детей, растущих в эпоху всеобщего атеизма. Люси, которая всегда находила там для себя занятие, зажигая или задувая свечи на алтаре, читая урок, участвуя в викторинах или играя в различных постановках, обожала эту службу. Однажды утром в воскресенье, когда я ушла в церковь, оставив детей еще спящими, Билл объявил об открытии нового молодежного клуба под руководством ожидающих рукоположения студентов теологического колледжа; в клубе планировались игры, веселье и серьезные дискуссии. Роберт не проявил энтузиазма, когда я рассказал ему об этом, но согласился поехать на открытие только ради меня. К семи часам я привезла его к дому викария, пообещав подождать снаружи десять минут на случай, если ему там не понравится. Ему так понравилось, что спустя десять минут я уехала домой, и с тех пор он ни разу не пропускал заседания клуба. Там он встретил старых знакомых из начальной школы и подружился с другими девочками и мальчиками. С этих дней их связывали крепкие узы верной дружбы, а Роберту удалось то, что раньше казалось почти невозможным: стать уверенным в себе и более общительным. Всего лишь две недели спустя он ехал на велосипеде домой из школы и, встретив Билла Лавлеса, сказал ему, что хочет пройти обряд конфирмации[145]. Билл стал верным другом и наставником и Роберту, и Люси. Он часто поддерживал их и обсуждал с ними сложности взрослой жизни, когда ее странности – будь то болезнь Стивена или странная природа появления Джонатана в семье – вступали в противоречие с их по-юношески идеалистическими взглядами на то, какими должны быть родители и семейная жизнь.

В целом атмосфера тех лет оказалась столь расслабленной, что я смогла восстановить связи с моими школьными подругами.

Они приходили с мужьями и детьми по воскресеньям раз или два в год. После праздничного обеда, за которым горячо обсуждались различные темы – политика, окружающая среда, наука, литература или музыка, – взрослые прогуливались по саду и вместе с детьми играли в прятки среди лужаек и кустов Харви-Корта, территории, принадлежавшей соседнему колледжу Каюса. Эта игра стала традицией. Стивен искал, а остальные, забыв о взрослой сдержанности, на час возвращали себе ощущение самозабвенной детской радости.

Наступившая гармония способствовала тому, что в наших со Стивеном отношениях начался новый этап, уже не предполагавший ролевой игры в господина и рабыню. Мы снова стали равными друг другу спутниками жизни, как в шестидесятые и в начале семидесятых – период нашего участия в различных кампаниях. Значок участника Движения за ядерное разоружение, который Стивен регулярно прикреплял к лацкану пиджака, отправляясь на телевидение, был лишь одним из символов нашей социальной активности. Подспудное увеличение ядерных арсеналов, о котором нас хладнокровно предупреждал Роб Донован в начале семидесятых годов, превратилось в полноценную гонку вооружений, оголтелое соперничество Востока и Запада за право стать причиной Армагеддона и истребить все живое на планете. Движение за ядерное разоружение снова объединило нацию: его местные инициативные группы стали множиться по всей стране.

Наша группа называлась «Ньюнхэм против бомбы» и собиралась раз в месяц в доме бывшего врача Элис Рафтон. Она была человеком невероятной щедрости и энергии, непреклонных убеждений и легендарной эксцентричности: про нее говорили, что она подает тушеных белок с крапивой на обед. Ее муж, по слухам, предпочитал спать в садовом сарае. Примерно десяток членов «Ньюнхэм против бомбы» собирался вокруг ее дымящегося очага, согревая руки стаканами глинтвейна и слушая выступления осведомленных, но пессимистичных ораторов. Затем мы планировали стратегию и составляли план действий по прекращению гонки вооружений. Перспективы были нерадостные. В конце концов, мы выступали против военно-промышленного комплекса двух супердержав. Небольшое утешение состояло в том, что мы, по крайней мере, не опускали руки – к тому же у нас со Стивеном был богатый опыт выступления в роли Давида против разнообразных могущественных Голиафов.

Вместе со Стивеном мы составили текст письма, которое отправили нашим друзьям из разных стран мира, в частности тем, кто жил в Соединенных Штатах и в Советском Союзе. Мы

просили их поддержать протест против эскалации атомного оружия, которое представляло мгновенную угрозу жизни населения всего Северного полушария и породило бы столько радиации, что вероятность выживания всех живых организмов на планете была бы невелика. Мы отмечали в письме, что на каждого мужчину, женщину и ребенка на планете приходится четыре тонны взрывчатых веществ и что риск обмена ядерными ударами в результате ошибки в расчетах или компьютерного сбоя неприемлемо высок. То же самое Стивен говорил и в обращении к Институ ту Франклина в Филадельфии, когда его наградили медалью Франклина в 1981 году. Он отмечал, что для развития млекопитающих понадобилось четыре миллиарда лет, человека – около четырех миллионов лет и около четырехсот лет для развития нашей научной и технологической цивилизации. За последние сорок лет прогресс понимания четырех фундаментальных физических взаимодействий[146] дошел до такого этапа, когда появился реальный шанс сформулировать полную единую теорию поля, которая описывала бы все существующее во Вселенной. И тем не менее все это может быть стерто с лица Земли менее чем за сорок минут в случае ядерной катастрофы, а вероятность возникновения такой катастрофы, случайно или намеренно, пугающе высока. Завершая свою речь, он сказал о том, что это фундаментальная проблема, стоящая перед обществом, и она гораздо важнее любой идеологической или территориальной проблемы.

Примерно то же самое мы подчеркнули на встрече с генералом Бернардом Роджерсом, бывшим стипендиатом Родса[147] и верховным главнокомандующим объединенных вооруженных сил НАТО в Европе, на банкете Университетского колледжа в Оксфорде. После трапезы Стивен преградил генералу дорогу, так как тот уже собирался встать из-за стола. Генерал внимательно слушал, как я несколько смущенно произношу речь от имени организации «Ньюнхэм против бомбы». Затем он вежливо признал, что и сам очень обеспокоен ситуацией и что регулярно обсуждает ее со своим коллегой на аналогичной должности в Советском Союзе. Через несколько лет революционные изменения экономической и политической ситуации за железным занавесом сделали наши усилия на местах неактуальными. Мы никогда не узнаем, как повлиял наш скромный индивидуальный и групповой протест на ход истории, достигли ли наши письма своей цели и нашли ли наши призывы отклик в сердцах политических деятелей Востока и Запада.

Мы отмечали в письме, что на каждого мужчину,

женщину и ребенка на планете приходится четыре тонны взрывчатых веществ и что риск обмена ядерными ударами в результате ошибки в расчетах или компьютерного сбоя неприемлемо высок.

Ближе к делам домашним были другие, менее апокалиптические, но столь же горячо затрагивающие нас кампании, особенно когда дело касалось прав инвалидов. Колледжи Кембриджа настолько медленно внедряли Акт об инвалидах, который в своем первоначальном варианте был принят в 1970 году, что в 1980-х годах все еще вводились в эксплуатацию новые здания, которые не были адаптированы для использования инвалидами. Один из них, Клэр-колледж, расположенный менее чем в ста метрах от нашего дома, активно собирал средства для строительства здания с публичной библиотекой и актовым залом, однако в проекте отсутствовали необходимые для инвалидов конструктивные приспособления. Мы начали кампанию в средствах массовой информации, выступая против такого двуличного отношения, на что получили ответ следующего содержания: «Если Стивену Хокингу нужен лифт для инвалидов, пусть заплатит за него». В конце концов лорд Сноудон[148], приехавший фотографировать Стивена для глянцевого журнала, рассказал об этом прецеденте по радио, и колледжу пришлось сдаться.

Я, Стивен и Джонатан занимались сбором средств для Ассоциации больных мотонейронной болезнью со времени ее основания в 1979 году. Какое-то время мы со Стивеном, выступающим в качестве представителя пациентов, посещали совещания и конференции ассоциации. В начале восьмидесятых годов его попросили стать вице-президентом Фонда Леонарда Чешира, а в октябре 1982 года меня пригласили в апелляционный комитет по сбору средств для переоборудования и реставрации викторианского дома в Брэмптоне около Хантингдона в Дом Чешира для инвалидов. Я начала посещать ежемесячные совещания в Хантингдоне и вскоре обнаружила, что моей зоной ответственности для сбора средств являлся Кембриджский университет – каждый колледж университета и каждый сотрудник колледжа. Вооруженная копией университетского реестра, я должна была из сотен возможных благотворителей выбрать наиболее вероятных и каждому из них отправить письмо с просьбой о помощи, в качестве подготовки к публичному открытию благотворительной акции летом 1984 года. Открытие благополучно состоялось в Хинчинбрук-Хаус, однако, к несчастью, совпало с шестинедельной забастовкой почтальонов и

трансляцией в сводках новостей репортажей о голодающих Африки, что отвлекло наших сограждан от местных благотворительных поводов. Прошло много лет, прежде чем Дом открылся. Однако для нас со Стивеном эти кампании были во всех отношениях положительным опытом, так как объединяли нас и давали возможность заниматься общим делом, никак не связанным с физикой.

14. Незавершенное дело

В начале восьмидесятых у меня оставалось два незавершенных дела, с которыми нужно было разобраться. Первым и самым важным из них была диссертация. В июне 1980 года меня вызвали в Уэстфилд на устный экзамен в присутствии Стивена Харви, профессора испанского языка Кингс-колледжа, и моего научного руководителя Алена Дейермонда. Накануне вечером в Кембридже мы со Стивеном ходили на оперу Генделя «Ринальдо» в рамках праздничной программы в честь окончания учебного года в колледже Гонвиля и Каюса. Несмотря на то что опера была превосходна, она не тронула моего сердца; в тот вечер никакая музыка, даже знаменитая ария Lasciach'iopianga, не смогла бы произвести на меня впечатление. Я вела себя в точности как Стивен, оказавшийся на балете против своей воли: нетерпеливо ерзала в кресле, жалея о потере драгоценного времени. Я очень переживала по поводу того, что не вспомню все даты, цифры и ссылки, приведенные на 336 страницах диссертации, к двум часам следующего дня.

На следующий день, нервничая и плохо видя из-за потери контактной линзы по дороге в Лондон, я нащупывала подходящие фразы, отвечая на вопросы экзаменаторов. Неожиданно Стивен Харви с озорной улыбкой спросил меня, читала ли я книгу Дэвида Лоджа. Несколько озадаченная этим вопросом, я вглядывалась в его лицо, пытаясь понять, к чему он клонит. Вряд ли он имел в виду «Академический обмен», уморительный достоверный рассказ об академическом обмене между Филиппом Сволоу из Университета Раммидж (символизирующего Бирмингем) и Мориса Заппа из Университета штата Эйфория (символизирующего Беркли)[149]. Я не смогла найти даже отдаленной связи между «Академическим обменом» и средневековой испанской поэзией; тем не менее я набралась смелости спросить, имеет ли он в виду какой-то из романов Лоджа. «Нетнет, – ответил он, – я имею в виду статью "Виды современного письма"». Пришлось признать, что эту критическую работу я не читала. После этого обмена репликами атмосфера в аудитории немного разрядилась. Когда экзамен закончился, Ален Дейермонд признался мне, что не читал «Академический обмен».

Весной Джонатан и Стивен, купивший мне просторную красную мантию доктора философии, присутствовали вместе со мной в Альберт-холле на ужасно длинной церемонии вручения дипломов. Мой долгий напряженный путь подошел к концу. То, что он закончился тупиком, не имело значения. Я определенно не

питала никаких надежд на то, чтобы занять должность преподавателя или консультировать студентов за почасовую оплату в Кембриджском университете, так как все мои предварительные запросы касательно возможности преподавания на кафедре испанского языка были вежливо проигнорированы.

Определенное занятие, пусть и не карьера, появилось неожиданно и было связано с моим вторым языком, французским, о существовании которого я с удивлением узнала в три или четыре года, разглядывая надпись на бутылочке с соусом «HP». К счастью, любовь к французскому языку, вдохновленная соусом и подкрепленная развивающими уроками в раннем детстве, не была вытеснена мощным негативным влиянием мисс Лезер, костлявой и злобной школьной учительницы французского, которая славилась своим любимым наказанием «пятьдесят французских глаголов». В ее некрологе говорилось, что на ее занятиях стояла абсолютная тишина, даже если ее самой не было в классе.

В начале восьмидесятых, когда я уже закончила диссертацию, а Люси и ее сверстники должны были начать учить французский в начальной школе, преподавание языков оказалось безжалостно вычеркнуто из школьного расписания, пав жертвой экономии правительства тори. Одна из моих лучших школьных подруг Кристина Патнис, австралийка и мама нескольких умных детей, уговорила меня и еще одну маму, Роз Мейс, открыть детский внешкольный кружок французского языка. С некоторым волнением мы начали проект, которому суждено было продлиться десять лет. Каждый понедельник мы встречали наших учеников напитками и печеньем, а затем посвящали целый час интенсивным занятиям, искусно сотканным из задачек, игр, песен, рисования и историй.

Год-два спустя я поняла, что мне придется вновь заняться французским для того, чтобы помочь Роберту при подготовке к сдаче экзамена на получение аттестата начального уровня. В школьном отчете, прочтенном мной перед началом четверти, в конце которой сдавался экзамен, значилось то, что побудило меня к действию. «Скорее всего, не сдаст экзамен», было написано напротив графы «Французский язык». Мысль о том, что мой ребенок завалит французский, оказалась так ужасна, что я прибегла к решительным мерам. Я позвала друга Роберта Томаса Кэдбери, чтобы он привнес в занятия соревновательный дух и обеспечил серьезность мероприятия, и проделала процедуру спряжения пятидесяти глаголов во всех лицах и временах. Эта лингвистическая атака была настолько успешна, что после оглашения результатов экзамена нашему яблочку от старой научной яблони было предложено сдать экзамен по французскому

на продвинутом уровне. Роберт отмахнулся от этого предложения: с самого рождения он был предрасположен к физике, химии, математике и еще раз математике и, без сомнения, имел склонность к компьютерным технологиям.

Как только я стала ощущать уверенность в том, что смогу преподавать испанский или французский официально, еще одна встреча у школьных ворот предоставила мне великолепную возможность развития. Одна из мам рассказала мне о недавно открывшемся частном шестилетнем колледже, в котором она работала, под названием «Кембриджский центр шестилетнего обучения». Поразительным итогом неформальной беседы с директором стало то, что я согласилась занять должность преподавателя у кандидатов на поступление в Оксфорд и Кембридж. Предложение было рискованное и, как я подозревала, служило чем-то вроде «проверки на вшивость»: если мои студенты поступят в Оксфорд или Кембридж, то я попаду на постоянную работу в колледж. Преимущество состояло в том, что я могла выбирать часы занятий и, так как аудиторий в колледже было немного, имела право преподавать дома.

Часами я просматривала старые бланки вступительных экзаменов в университетской библиотеке, продумывая программы обучения и размышляя над моральными и философскими вопросами, указанными в общем списке вступительных экзаменов, так или иначе вращающимися вокруг философских и лингвистических головоломок, которые так любил Бертран Рассел[150]: «Единственному деревенскому брадобрею приказали: “Брить всякого, кто сам не бреется, и не брить того, кто сам бреется”. Кто побреет брадобрея?» или «Все обобщения ложны». Цитаты-афоризмы, любимые экзаменаторами, в избытке имелись в работах Оскара Уайльда: «Правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой», например. Такие формулировки были схожи с названиями эссе, побуждающими к дискуссиям об этичности ядерного сдерживания или положительных и отрицательных ценностей науки, например «Гений Эйнштейна привел к Хиросиме». Я жадно набрасывалась на эти и многие другие темы, питавшие мой изголодавшийся мозг.

Материалы для поступления в университет лишь раззадорили мой аппетит. Затем я проглотила материалы для сдачи школьных выпускных экзаменов. Грамматика, переводы, сочинения, литературные тексты – все это требовало многочасовых раздумий, подготовки и анализа, но являло собой пиршество для моего голодного интеллекта. Более того, я вдруг поняла, что мне нравится преподавать группе учеников в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, находящихся под моей опекой. Так как

возраст моих учеников всегда совпадал с возрастом одного из моих детей на той или иной стадии образования, я чувствовала естественную близость к ним и быстро обнаружила, что даже самые трудные ученики отзываются на дружелюбный подход. Многих из них отправили в школу-интернат, когда им было шесть лет, а к шестнадцати годам они успевали совершить какой-нибудь отчаянный поступок, из-за которого их исключали из школы. Теперь им предоставили второй шанс, и требовалось мягко дать им возможность им воспользоваться. Другие были из-за границы – полиглоты, чьи родители хотели, чтобы ребенок получил преимущество образования в Англии. Обычно у этих учеников была самая высокая мотивация, и с ними было очень приятно работать, однако часто из-за своего билингвистического прошлого они не были уверены в своей национальной идентичности и не умели хорошо писать ни на одном из языков. Преимущество продвинутого курса состояло в том, что студенты учились самостоятельному аналитическому и критическому мышлению, а также узнавали о литературе, с которой никогда в жизни не столкнулись бы. Особенно приятно мне было тогда, когда после двух лет обучения ко мне приходил ученик и благодарил за то, что я открыла ему или ей глаза на радость чтения.

> Я была невероятно счастлива: навыки, которыми я обладала, снова оказались востребованы.
>
> Я завоевала уважение моих учеников и постепенно раскрыла свою профессиональную идентичность, пробудившись от интеллектуальной комы.

Еще большее удовольствие я получала в случае, если один из таких благодарных учеников был дислексиком. На собственном семейном опыте я прошла через множество проблем, связанных с этим состоянием, и относилась к таким ученикам с особой симпатией. В рамках обычной образовательной системы, государственной или частной, дислексиков (обоих моих сыновей) ругали за то, что они медлительные, глупые и ленивые, и отсаживали на заднюю парту. Дислексики не глупы. Обычно уровень их интеллекта значительно выше среднего по выборке, однако их чрезмерно развитый мозг вытесняет способности, связанные с языком и кратковременной памятью. Умный ребенок, испытывающий трудности в общении и вынужденный сидеть на задней парте, испытывает фрустрацию и требует терпеливого и внимательного отношения, восстанавливающего его самооценку и выявляющего латентный интеллект.

Преподавание на дому в течение нескольких часов в неделю,

тогда, когда мне удобно, было идеальным графиком. После Кикки за Тимми стала ухаживать Ли Пирсон, интеллигентная и надежная девушка, следящая за Тимом по утрам, пока я преподавала. Мои ученики приезжали в то время, когда Стивен уже находился на работе, и, когда раздавался дверной звонок, мне требовалось только снять фартук и открыть дверь. Я была невероятно счастлива: навыки, которыми я обладала, снова оказались востребованы. Я завоевала уважение моих учеников и постепенно раскрыла свою профессиональную идентичность, пробудившись от интеллектуальной комы.

15. Отъезды

Хотя с помощью преподавания в начальной школе и у выпускников средней школы ко мне стало возвращаться чувство собственной значимости, оставалось одно незаконченное дело, одна главная преграда для восстановления собственного «я» – страх полета. Аэрофобия была негативным последствием неудачного путешествия в Сиэтл вскоре после рождения Роберта, когда я нянчила моего малыша в самолетах по всем просторам Соединенных Штатов; из-за нее я лишилась восхитительной возможности сопровождать Стивена в Калифорнию в середине зимы, на Крит весной и в Нью-Йорк на самолете «Конкорд». Этот страх заставлял меня изобретать малопонятные оправдания: от каждого предложения путешествовать по воздуху у меня по спине бежали мурашки, и я сразу становилась в защитную позицию. В результате дома была напряженная обстановка, да и я сама чувствовала себя несчастной. Тревога начала вызывать физические симптомы: перед путешествием в Рим осенью 1981 года я серьезно заболела. Мне нужно было найти средство от этой напасти.

Позже той же зимой, лениво листая журнал в приемной у дантиста, я с огромной радостью прочитала статью о клинике, где к страху полетов относились как к излечимому состоянию. Мой врач составил запрос, написал письмо, и я связалась с клиникой в Йорке, входившей в состав госпиталя Гая. Здесь старший психолог Морис Яффе оказывал пациентам индивидуальную и групповую психологическую помощь по программе Национальной службы здравоохранения при помощи разных техник. В Морисе Яффе не было ничего от клинического психолога: он походил на рассеянного ученого, а не на врача. Он никогда не пользовался медицинской терминологией: говорил не «фобия», а «затруднение». Он разглагольствовал о возможностях, связанных с появлением дешевых авиабилетов, а мы, его пациенты, старались принять предложенную им установку: концентрироваться на удовольствии от пребывания в Париже, Риме или Нью-Йорке, а не на агонии, связанной с перелетом. Затем следовал базовый курс по аэродинамике, чтобы убедить даже самых отъявленных скептиков в том, что самолеты могут летать. Наконец, Морис Яффе познакомил нас со своим детищем – симулятором кабины самолета, размещенным в подвальной комнатке госпиталя Гая. Усевшись в кабину симулятора, через несколько минут мы оказались на пути в Манчестер – по крайней мере, именно об этом свидетельствовало видео, которое

транслировалось в окнах кабины. Все соответствовало реальности: звуки и ощущения, которые бывают при взлете и нахождении в воздухе, объявления пилота, рев моторов, плач младенцев, наклоны корпуса, скрежет шасси и легкая турбулентность при прохождении через воображаемое облако. Слетав в Манчестер двенадцать раз, я почувствовала, что первоначальное паническое состояние сменилось невыносимой скукой; я забыла о том, что надо бояться, и совершенно расслабилась. Кульминацией курса были выходные в Париже с культурной программой от Мориса Яффе; естественно, Национальная служба здравоохранения не имела никакого отношения к их финансированию.

Париж был моим первым шагом на пути к свободе; следующим стал перелет в Калифорнию. Летом 1982 года мы посетили старых друзей во всех уголках штата и заглянули во все памятные места. На август Джонатан запланировал поездку в Ванкувер на конференцию по старинной музыке и по дороге заехал к нам в Санта-Барбару. Его часто принимали за одного из студентов Стивена: он жил вместе с ними и принимал равное участие в дежурствах по уходу за Стивеном, хотя, в отличие от них, свои расходы оплачивал сам.

Маленький Тим был поражен невиданными географическими масштабами. «Ну и страницу они себе построили!» – бормотал он, наблюдая за тем, как в окне автомобиля проносятся бесконечные пустыни и горы. Каждый вечер, созерцая, как опускается солнце над горной грядой Санта-Инес, он торжественно заявлял: «Идет конец света, идет конец света!» Я спросила, что ему больше всего понравилось в Калифорнии: Музей Гетти, пустыни, горы, море или собрание искусств и сады Хантингтона? С точки зрения трехлетнего ребенка, это был глупый вопрос. Он ответил мне, ни на секунду не задумавшись, пребывая в уверенности, что логически продолжает мой ассоциативный ряд:

«Музей Микки-Мауса!..»

К этому моменту я уже была готова к перелету в восточном направлении. Планируя свою будущую карьеру, Люси начала готовиться к экзамену начального уровня по русскому языку. Заглядывая вперед, можно сказать, что это был не лучший выбор: несмотря на политические изменения, эти занятия не способствовали профессиональному росту и окончились бесславно. Тем не менее в то время ужасы изучения церковно-славянского языка в Оксфорде и зима, проведенная в Москве 1992 года в условиях жесточайшего продовольственного дефицита, были еще далеко впереди. В октябре 1984 года мы с Люси

вызвались сопровождать Стивена и его банду медбратьев на конференцию в Москве. Попытки Люси говорить по-русски приводили окружающих в экстаз; так, она встала, чтобы произнести тост: «Мир и дружба!» на банкете по случаю закрытия конференции. Это был один из тех русских банкетов, где стол ломится от закусок: икра, копченая рыба и мясо, орехи, маринованные овощи и, конечно, вездесущие огурцы. За столом принято сидеть часами, с перерывами на тосты и речи. Один японский делегат, неправильно оценив возможности аудитории, встал и невыносимо долго талдычил что-то монотонное на тарабарском английском. Основное блюдо – по традиции, кусок мяса неизвестного происхождения и картофельное пюре – было подано к тому моменту, когда все собрались уходить.

Одиннадцать лет назад наши русские знакомые проявляли предельную осторожность при общении с нами. Сейчас им было абсолютно наплевать на мнение правительства. Молодому человеку, очевидно, приставленному к нам с целью контроля наших передвижений, было гораздо интереснее сопровождать нас с Люси во время примерки одежды в магазине «Березка», чем устраивать экскурсию по местам советской славы. Двое близких коллег Стивена, Рената Галош и ее муж Андрей Линде, открыто пригласили нас на ужин в свою маленькую квартирку в пригороде Москвы. Они вкусно накормили нас: у них были хорошие продукты благодаря дружбе с директором ресторана, а также с собственной дачи, где Рената выращивала клубнику, драгоценным соком которой угощала нас в тот вечер.

Хотя я более-менее справилась с аэрофобией, сопровождать Стивена на каждой международной конференции казалось мне нерациональным. Для него путешествия стали наваждением: иногда начинало казаться, что он проводит больше времени в воздухе, чем на земле. Он до сих пор не желал мириться с тем фактом, что, хотя Люси и Тим были со мной, я не хотела покидать Роберта и моих студентов в период перед экзаменом, который должен был состояться весной 1985 года. Как раз на это время Стивен запланировал обширный тур по Китаю. Бернард Карр и Иоланта, медсестра из команды Никки, мужественно взяли ответственность на себя. Они затаскивали Стивена в самолеты и поезда и даже покорили Великую Китайскую стену на инвалидном кресле. В Англию они вернулись абсолютно вымотанные; Стивен тоже был не в лучшем состоянии, хотя и торжествовал очередную победу. Он часто кашлял и, казалось, стал еще более чувствительным к пищевым раздражителям. Много ночей подряд я укачивала его на руках, борясь с его паникой, только усугубляющей приступы удушья.

В летние каникулы нас ожидала передышка. Мы собирались провести весь август в Женеве, где у Стивена были запланированы встречи с физиками, исследующими элементарные частицы в ЦЕРНе[151], а мы в это время собирались вдоволь налюбоваться окрестностями Женевского озера. В ЦЕРНе Стивен работал над эффектами направления стрелы времени[152] в квантовой теории и делал выводы из наблюдений, полученных при помощи ускорителя частиц. На эту тему он при помощи Роберта прочитал лекцию для Астрономического общества в школе Перс. На этой лекции я смирилась с тем, что физика для меня слишком абстрактна: даже когда ее объясняли на пальцах, она оставалась за пределами моего понимания. Никакие прокрученные в обратном направлении фильмы, демонстрирующие, как разбитые чашки и тарелки возвращаются на стол и собираются из осколков, не могли убедить меня в том, что время можно повернуть вспять. Такое предположение могло потенциально изменить ход человеческой истории, предполагая возможность вторжения в прошлое гостей из будущего. Однако математически такой возможности не существовало в связи с ограничениями, налагаемыми предельной скоростью – скоростью света.

Несмотря на путешествия Стивена во времени и пространстве, лето выдалось удачное: оно началось с того, что на полу нашей кухни у кошки родился выводок котят. Лучшие экземпляры были переданы на воспитание друзьям и знакомым; в итоге остался один неприметный черно-белый котенок, которого мой добросердечный студент, молодой перуанец Гонзало Варгас Льоса, забрал в свою комнатушку, где уже обитал ручной кролик. Люси вернулась из поездки во Францию по обмену; вместо нее у нас жила юная бретонка, чей отец был лодочником и выиграл в лотерею крупную сумму денег. В честь ее возвращения мы устроили праздник. Роберт задал тон, отметив свое восемнадцатилетие вечеринкой с музыкой и танцами на лужайке теплой летней ночью под полной луной. Еще были всевозможные концерты, хоровые, инструментальные и авторские, и даже поп-концерт в Альберт-холле в подарок на шестой день рождения Тима, который стал большим фанатом группы «Скай»[153]. Он чуть ли не каждую минуту бодрствования подражал звучанию их огромных звучных ударных. Незапланированный концерт произошел на нашей собственной лужайке в начале июля, когда мы со Стивеном только-только вернулись из поездки в средневековый Суффолк с делегатами летней конференции. От Джонатана мы узнали о том, что в концертном зале университета, где он в рамках

инструментального концерта должен был играть на клавесине, отключили электричество. Погода была солнечная и сухая, поэтому мы предложили свой вариант: музыканты с инструментами разместились на лужайке, а аудитория расселась под открытым небом на наших ковриках, диванных подушках и матах.

Хотя Джонатана часто приглашали играть в современных и любительских оркестрах, таких как тот, что играл на нашей лужайке, он все время жаловался на то, что в Кембридже была непопулярна оркестровая музыка барокко, хотя много молодых подающих надежды пианистов страдали от недостатка благоприятных возможностей. С другой стороны, он находился слишком далеко от Лондона, чтобы принимать участие в тамошней культурной жизни. Если бы не его обязательства перед нами, в особенности передо мной, он мог бы переехать в Лондон, где его ожидала бы стремительная карьера. Единственным выходом было организовать собственный оркестр, но его пугали организационные сложности, связанные со значительными вложениями времени и денег и нескорой окупаемостью. Его так расстраивало музыкальное одиночество, и он так хотел стать частью ансамбля единомышленников, что весной 1984 года, когда он лег в больницу на операцию, я решила взять ситуацию в свои руки. Сначала я забронировала концертный зал университета, а затем через знакомых нашла и ангажировала небольшой, но полноценный оркестр барочных музыкантов. Придя в себя после анестезии, Джонатан узнал, что, пока он был без сознания, его назначили руководителем новоиспеченного Кембриджского камерного оркестра музыки барокко, который должен был дать дебютный концерт 24 июня. Оставшееся время, за которое Джонатан успел выздороветь, было до отказа заполнено репетициями, подготовкой репертуара и распространением рекламы.

> Наша семья, таким образом, восстанавливала свое равновесие. Ни для кого результаты не были такими удовлетворительными, как для самого Стивена, который закончил писать первый черновик популярной книги о космологии и природе Вселенной.

В вечер представления Роберт сидел на кассе, продавая билеты, Люси раздавала программы, а друзья были расставлены по ключевым позициям, пока я бегала туда-сюда, помогая то в зале, то за кулисами, время от времени отвлекаясь на Стивена, сидевшего на сцене. К нашему удивлению, очередь за билетами вытянулась далеко на улицу. Мы внимательно сосчитали каждого

человека в концертном зале: аншлаг был критическим фактором финансового успеха всего мероприятия («финансовый успех» означал не прибыль, а безубыточность). Все места оказались заняты; концерт под названием «И прозвучит труба» закончился под восторженные аплодисменты. Вдохновленный успехом концерта 1984 года, Кембриджский камерный оркестр музыки барокко снова вышел на сцену в 1985 году с программой в честь трехсотлетия Баха, Генделя и Скарлатти. К счастью, игра окупилась и во второй раз; к сожалению, в дальнейшем некоторые из выступлений конкурировали с финалом футбольного чемпионата, что удручающе уменьшало количество зрителей. Лондонский дебют ансамбля, запланированный на октябрь 1985 года в Элизабет-холле, приходилось рассматривать как инвестиции в будущее, поскольку об окупаемости речи идти не могло; тем не менее это был способ привлечь внимание широкой общественности к Кембриджскому камерному оркестру музыки барокко.

Наша семья, таким образом, восстанавливала свое равновесие. Ни для кого результаты не были такими удовлетворительными, как для самого Стивена, который закончил писать первый черновик популярной книги о космологии и природе Вселенной. Книга начиналась рассказом о ранней космологии и заканчивалась описанием современных теорий: физики элементарных частиц, стрелы времени и, конечно же, черных дыр. В заключении автор пытался заглянуть в будущее, когда человечество сможет «сформулировать Божественную мысль» при помощи общей объединенной теории Вселенной, «теории всего». Стивену дали контакт агента в Нью-Йорке, где книгу стали готовить к публикации. В Англии мы обсуждали налоговые льготы при получении гонораров, которые, как мы ожидали, будут приносить нам регулярную прибыль в течение долгих лет, подобно учебникам, более выгодным в долгосрочной перспективе, чем бестселлеры. Первоначальная цель – оплата с помощью гонораров обучения Люси – была уже неактуальна: к тому времени она почти окончила среднюю школу.

В конце июля Стивен, его новая секретарша Лаура Уорд, несколько студентов и медсестры вылетели в Женеву. Мы должны были присоединиться к нему через несколько дней: мне очень хотелось проводить Роберта в скаутскую экспедицию в Исландию до моего отъезда из Кембриджа. По плану мы должны были встретиться со Стивеном и его свитой в Германии – в Байройте, Мекке Вагнера, на постановке «Кольца нибелунга», а затем вместе вернуться в Женеву, где у нас был арендован дом на время

отпуска. Я чувствовала себя достаточно устойчиво, чтобы при помощи Перселла, Баха и Генделя усмирить эффекты модуляций зловещей музыки Вагнера и отнестись к встрече с ней терпимо.

Без всякой задней мысли я буднично простилась со Стивеном 29 июля, в день его отъезда. В конце концов, Женева была совсем рядом и, в отличие от Китая, знаменита своими стандартами медицины. Нас беспокоил отец Стивена, который мучился от хронической болезни и мог умереть за время нашего отсутствия. Он переносил свою болезнь с таким же непреклонным прагматичным стоицизмом, который привносил в любую ситуацию, где не мог выразить боль или смущение. Несмотря на мои бурные отношения с семьей Хокингов, я всегда уважала его, а с годами мое отношение к нему потеплело, так как он начал писать мне письма, в которых благодарил за заботу о Стивене и детях и за мои успехи по сдаче в аренду нашего общего дома. Но больше всего меня в то время беспокоил Роберт, которого я проводила в экспедицию в компании бойскаутов старшей дружины через три дня после отъезда Стивена. Их планы – перейти через ледник и пройти на каноэ вокруг северного побережья Исландии – вызывали у меня молчаливое неодобрение.

Часть четвертая

1. Самая темная ночь

Мы с Джонатаном редко оставались наедине надолго. Перед Стивеном и детьми мы старались следовать определенным правилам: вели себя как хорошие друзья, порой с трудом подавляя проявления близости, которые могли бы ранить чьи-то чувства. Каждый вечер я стояла позади Стивена, наблюдая за тем, как он провожает Джонатана в его собственный дом на другом конце Кембриджа. Прилагая усилия к тому, чтобы сохранить нашу семью таким нетрадиционным способом, мы заручились поддержкой многих людей, среди которых была моя пожилая домработница Ив Саклин. Эти люди наблюдали всю ситуацию изнутри, но проявляли достаточную мудрость, чтобы не делать поспешных выводов. Даже Дон, абсолютные ценности которого были разрушены весенним вечером 1978 года, когда он, незадолго до рождения Тима, застал нас с Джонатаном в обнимку на диване, признал, что ситуация часто требовала от него больше, чем он ожидал или мог дать, и уж точно больше, чем он может отдавать бесконечно. Он признался, что жил с нами достаточно долго, чтобы понять, что непрекращающиеся тяготы нашей жизни часто приводили его к неприятному конфликту с собственной совестью. Мы всегда знали, что можем рассчитывать на чуткое руководство со стороны Билла Лавлеса, которое позволяло укрепить нашу решимость жить, придерживаясь установленных нами ограничений, но с состраданием относясь к собственной слабости. Он не единожды говорил, что наша ситуация уникальна и он не может ничего нам посоветовать.

Иногда, когда Стивен отправлялся за границу или когда он уезжал раньше, а мы брали машину, чтобы примкнуть к нему где-нибудь в Европе, мы временно давали нашим отношениям расцвести. Но я оказалась так чувствительна к этим отклонениям от традиции, что подобный опыт часто заканчивался моими слезами вины: одно необдуманное слово детей, одно неожиданное столкновение на пляже или в кемпинге со знакомыми – и короткая пьянящая иллюзия свободы оказывалась разрушена, а я впадала в отчаяние. Осторожность и обман разделяла тончайшая грань, и было трудно определить, по какую сторону этой грани находимся мы. Внимание общественности было приковано к нескольким другим тяжело больным знаменитостям, чьи супруги находили утешение на стороне, но не переставали любить их и заботиться о них. Возможно, это происходило из-за того, что речь шла о мужьях, а не о женах знаменитостей: повидимому, им было проще придать огласке

свои новые отношения, чем мне.

Тем не менее эти сладкие часы, проведенные в палатке под бушующим ветром либо в маленькой комнатке заграничного отеля в компании двух-трех детей, позволяли нам отдохнуть от мучительных тревог и постоянной заботы. Они укрепляли наш слабеющий моральный дух и, как это ни парадоксально, нашу преданность Стивену. Мы часто путешествовали через Францию, что дало мне возможность представить Джонатана Брэндону и Люсетт, в то время обитавшим в пригороде Парижа, а также Мэри и Бернарду Уайтингам, которые жили в самом сердце этого волшебного города с двумя маленькими детьми. Все они искренне полюбили Джонатана, приняв его как неотъемлемую часть нашей семьи. Однако в 1985 году наш маршрут лежал через Бельгию и Германию, а не через Францию. Согласно устоявшейся семейной практике, Стивен, его ученики и медработники первыми вылетали на самолете в один из прелестных уголков Европы, где проводилась та или иная летняя школа, а я, Джонатан и дети не спеша приезжали туда на машине, отдыхая в дороге. В пятницу 1 августа 1985 года после отъезда Роберта со скаутами старшей дружины в Исландию я, Джонатан, Люси и Тим отправились на машине в Филикстоу[154], чтобы сесть на ночной паром до Зебрюгге[155].

Мы планировали провести выходные на морском берегу, а затем проехать через Бельгию и Германию в Байройт, где 8 августа должны были встретить Стивена на «Кольце нибелунга», но одной ночи, проведенной на побережье, где песчаные бури свирепствовали под свинцовым небом, оказалось достаточно, чтобы отправиться вглубь материка в поисках кемпингов в Арденнах – холмистой, поросшей лесом части Бельгии неподалеку от границы с Германией. Нас беспокоил не только пролив ной дождь, хлещущий в лобовое стекло по дороге в Брюссель, но и чувство странного зуда и покалывания в области затылка и верхней части шеи, как если бы в воротниках наших свитеров застрял невесть откуда взявшийся репейник. На самом деле мы приютили веселую компанию вшей, которых Тим принес из школы еще до окончания четверти. Мы все тщательно промыли волосы специальным шампунем, а Стивен, для пущего эффекта, приказал облить его космы жутко пахнущим лосьоном, после чего отправился на кафедру. Вернувшись домой, он рассказал, что весь день к нему никто не приближался, кроме его верного помощника-студента.

> Голос Лауры был напряженным, в нем проскальзывали панические нотки. «О, Джейн, слава

богу, вы позвонили! – она почти кричала в трубку. – Вы должны срочно приехать, Стивен лежит в коме в женевской больнице, и мы не знаем, как долго он протянет!»

Тем летом в Бельгии мы выглядели ничуть не лучше бродяг: промокшие до нитки и захваченные эпидемией вшей. Наконец я все-таки нашла подходящий шампунь. Под тем же проливным дождем мы доехали из Бельгии в Люксембург, где остановились на пикник в живописном городке Эхтернах на границе с Германией. Проведя в машине все утро, Тим радостно бегал туда-сюда по зеленой аллее городского парка. Естественно, он поскользнулся и упал лицом вниз в глубокую грязную лужу. То, что восстало из лужи, уже не напоминало мальчика с белокурыми волосами; оно было облеплено грязью с головы до ног, от кончиков ресниц до шнурков. В грязи была вся его одежда, в том числе куртка с капюшоном. Джонатан устроил меня на переднем сиденье автомобиля, а затем поспешно достал тазик и установил на тротуаре походную плитку. Он нагрел немного воды и начал мыть обиженное создание и стирать его одежду на виду у всех прохожих, к невероятному стыду Люси. На заключительном этапе нашего путешествия мы, посетив друзей Джонатана в Мангейме, поехали в Ротенбург, исторический средневековый город неподалеку от вагнеровской святая святых. Ранним вечером мы разбили палатки, а затем отправились в ресторан под открытым небом, где долго ужинали, неторопливо наслаждаясь едой и вином. На обратном пути в кемпинг я остановилась возле телефонной будки, чтобы позвонить в Женеву и проверить, все ли организовано для встречи Стивена в Байройте на следующий день. Трубку взяла Лаура Уорд, которая заменила Джуди Феллу, когда та уехала с мужем в длительное путешествие в Южную Африку. Голос Лауры был напряженным, в нем проскальзывали панические нотки. «О, Джейн, слава богу, вы позвонили! – она почти кричала в трубку. – Вы должны срочно приехать, Стивен лежит в коме в женевской больнице, и мы не знаем, как долго он протянет!»

Новость подкосила меня. Меня поглотила непроглядная тьма отчаяния. Тут же забыв обо всех его путешествиях в отдаленные места, где он отлично справлялся без меня, я ругала себя за то, что позволила Стивену уехать без меня, лишив его своей защиты, своих знаний о его состоянии, его потребностях, лекарствах, предпочтениях, аллергиях и страхах. Как я могла отпустить его без малейшего чувства тревоги – и уехать в отпуск с Джонатаном?

Когда мы были еще в Кембридже, Стивен позвонил, чтобы

сообщить, что он прибыл в Женеву и у него все хорошо. Он сказал, что поселился в удобном, удачно расположенном доме в Ферне-Вольтер, хотя, на его вкус, далековато от лаборатории. Он пожелал нам хорошо провести время и пообещал встретиться с нами через неделю в Байройте. После этого, в чехарде остальных проблем, более всего переживая за поездки Роберта на каноэ вдоль северного побережья Исландии, я практически не думала о Стивене, зная, что он будет в безопасности и в хороших руках. Помимо неприятного кашля, который он подхватил в Китае, при отъезде его ничто не беспокоило. Я не могла поверить в то, что в Женеве он впал в кому. Мы сели в машину, еще не пережив шок от услышанного. Было принято решение свернуть лагерь и сразу же отправиться в Женеву, но, вернувшись в кемпинг, мы обнаружили, что главные ворота заперты: войти или выйти можно было только через калитку для пешеходов. Мы не могли уехать до наступления утра. Я лежала в спальном мешке без сна, слушая вой волков и мычание коров в ночи. «Боже, не дай Стивену умереть!» – шептала я, нетерпеливо дожидаясь рассвета.

> Нас проводили в блок интенсивной терапии, где лежал Стивен, тихий и недвижимый, погруженный в коматозный сон. Маска закрывала рот и нос, а трубки и провода, прикрепленные к разным частям тела, торчали во все стороны.

Как только ворота открылись, мы загрузили вещи в машину и на полной скорости помчались через всю Европу в Женеву. Сотни километров немецких полей и пастбищ пронеслись мимо нас как в бреду на пути к швейцарской границе. К счастью, в Германии не действует ограничение скорости. Мы остановились на границе, чтобы дети могли перекусить (у меня не было и мысли о еде), а потом снова неслись вдоль берегов возмутительно спокойных голубых озер: Невшательского, а затем Женевского. Мы почти не разговаривали: каждый пытался разобраться в своих запутанных мыслях. Даже дети притихли на заднем сиденье автомобиля. Женева выглядела ослепительно в ярких лучах солнца, но нам было не до того; у нас была только одна цель – попасть в больницу Кантональ, где нас ожидала суровая правда жизни или смерти. Навигационные способности Джонатана и мои лингвистические навыки привели нас к больничному комплексу с белым безупречным фасадом и оборудованными по последнему слову техники обеззараженными помещениями. Нас проводили в блок интенсивной терапии, где лежал Стивен, тихий и недвижимый, погруженный в коматозный сон. Маска закрывала рот и нос, а трубки и провода, прикрепленные к разным частям

тела, торчали во все стороны; на мониторе можно было наблюдать бесконечный танец светящихся зеленых и белых волнистых линий, которые означали, что он изо всех сил борется, чтобы сохранить свое превосходство над своим старым врагом, смертью. Он был жив.

Дежурный медицинский персонал оказал мне холодный прием. «Сколько лет назад вы в последний раз видели мужа?» – спросили меня без всякого сочувствия. Они думали, что мы со Стивеном живем отдельно и что мне неизвестно о состоянии его здоровья. Их поразило то, что мы ненадолго расстались лишь на прошлой неделе. «Почему вы позволяете ему путешествовать в таком состоянии?» – непонимающе спрашивали они; его неосторожность входила в противоречие с их медицинской склонностью перестраховываться. Я не смогла дать сколько-нибудь вразумительный ответ, хотя какое-то время бормотала привычные фразы о неукротимой храбрости Стивена, о его непререкаемом научном авторитете и так далее и тому подобное – рассказ был мне не под силу в моем истощенном эмоциональном состоянии, да и в любом случае в него никто не поверил. Они поняли, что от меня мало толку, и наконец поведали нам сокращенную версию произошедшего.

Видимо, кашель Стивена усилился после его прибытия в Женеву. Возможно, его спутники посчитали это ненормальным, так как не знали, что он кашляет уже давно, не живя с ним под одной крышей. К его раздражению, они вызвали врача. После нескольких часов споров врач настоял, что Стивену нужно лечь в больницу. Там ему диагностировали пневмонию и, посовещавшись, подключили к аппарату жизнеобеспечения. На самом деле он не впал в кому, как сказала секретарша. Ему вкололи лекарство, чтобы обеспечить подачу антибиотиков и питания через различные каналы, и подключили к аппарату искусственной вентиляции легких. В данный момент ему ничто не угрожало, так как все его функции регулировались машинами. Я понимала, что сбылся худший из его кошмаров: власть над его судьбой захватили незнакомые люди, которые даже не знали, кем он является.

В Ферне-Вольтер нас с облегчением встретили потерянные студенты, медсестры и секретарша: в отсутствии ключевого игрока они не понимали, как им быть, и находились в состоянии тихого шока. Действительно, пока Стивен лежал под действием наркотика, они оставались не у дел. Тем не менее в последующие дни, когда я окунулась в водоворот организационных, эмоциональных и этических проблем, они придумали себе новые роли, с которыми весьма эффективно справлялись. Студенты

ходили за покупками и занимались приготовлением пищи, медсестры заботились о детях и брали их на загородные прогулки – у них ведь были летние каникулы, – а Лаура поддерживала связь с Кембриджем и ЦЕРНом, решая проблемы, связанные с финансами и страхованием. Новость стала тяжелым ударом для родственников Стивена, особенно для его матери. Ее муж уже был инвалидом, и вот теперь жизнь ее сына оказалась под угрозой. Мы каждый день разговаривали по телефону, она держалась сочувственно и уравновешенно. Она не была склонна предаваться скорби; вероятно, к этому моменту мысль о смерти Стивена уже стала для нее привычной. У меня захватывало дух при мысли, что три поколения мужчин из семьи Хокинг одновременно были в опасности, находясь в разных частях мира: старый и больной Фрэнк в их с Изабель новом маленьком доме в Бедфордшире; Стивен в критическом состоянии в Женеве; Роберт в его рискованном походе. Хорошо еще, что я тогда не знала о том, что его каноэ перевернулось в Северном море у берегов Исландии.

Благополучию Тима – четвертого, самого юного наследника фамилии Хокинг – ничто не угрожало. В его ближайшем будущем была лишь одна проблема – ему следовало как можно скорее вернуться в Англию к моим родителям. Я была слишком занята в Женеве, чтобы иметь возможность присматривать за ним, а медсестры собрались уезжать. У Люси уже имелся собственный паспорт, а Тим все еще был зарегистрирован на мой, поэтому я обратилась в консульство Британии за помощью. Можно было подумать, что должностные лица консульства нарочно препятствуют выезду Тимми. Безучастная темноволосая женщина в консульском бюро бесцеремонно дала мне от ворот поворот после того, как я потратила уйму времени в ожидании интервью, и даже несмотря на то что я исчерпывающе объяснила суть чрезвычайных обстоятельств. По ее словам, без паспорта у Тима не было ни малейшей надежды на возвращение в Лондон: для этой цели ей потребовалось бы свидетельство о рождении. Я вздохнула. Свидетельство о рождении Тима лежало дома, в гостиной, в королевском комоде, унаследованном Стивеном от бабушки.

Без особой надежды я позвонила на наш домашний номер. К моему удивлению, на том конце раздался голос Ив: само провидение привело ее в дом под предлогом весенней уборки. Она подошла к столу, нашла свидетельство о рождении и отправила его экспресс-почтой в Женеву. Пару дней спустя я торжественно водрузила документ на стол официальной дамы, однако на нее это не произвело ровно никакого впечатления. «Это не то, что нужно, – неприязненно сказала она. – Это краткое

свидетельство о рождении, а нам нужно полное – из Сомерсет-Хаус». Я с недоумением уставилась на нее. «И в любом случае, – продолжала она, – есть кое-какие бумаги, которые должен подписать ваш муж». «Я уже вам сказала, – ответила я, стиснув зубы, – что мой муж сейчас в бессознательном и парализованном состоянии на искусственной вентиляции легких в палате интенсивной терапии в госпитале Кантональ. Он не сможет ничего подписать». «Что ж, – тупо продолжала она, – если ваш муж не знает, что вы собираетесь увезти ребенка из страны, то, конечно же, вы не можете получить паспорт для этого ребенка».

Собрав последние крохи терпения, готовая разрыдаться от бессильного гнева, я продолжала умолять ее: «Я всего лишь пытаюсь отправить своего ребенка домой». Она на секунду замолчала и внезапно смягчилась, как будто мои слова наконец-таки дошли до ее мозга. «Если вы можете привести сюда человека, гражданина Великобритании, образованного – пусть это будет учитель, – который подпишет бумаги и принесет фотографии, тогда мы сможем рассмотреть ваш случай», – ответила она. Джонатан, соответствовавший всем этим требованиям (что нас от души позабавило), заполнил и подписал все формы. Мы взяли Тима в фотокабину и научили расписываться. Наконец 13 августа нам выдали полноценный паспорт гражданина Великобритании на имя г-на Т. С. Хокинга; паспорт украшала очаровательно невинная фотография и неумелая угловатая подпись шестилетнего ребенка. Таким образом вооружившись, г-н Т. С. Хокинг улетел домой – бизнес-классом, так как в экономклассе не было мест, – в сопровождении Люси и медсестер и с шиком разместился в доме моих родителей.

В его отсутствие меня порадовал только Роберт, ставший лучом света, озарившим тусклый небосклон Женевы. Бернард Карр, наш верный союзник, вылетел в Женеву на смену отправившимся домой студентам Стивена. Он привез новости о Роберте: мой сын отлично справился с выпускным экзаменом продвинутого академического уровня «А». С таким результатом ему было гарантировано место в Кембридже, в Корпус-Кристиколледже, где учился мой отец и преподавали естествознание.

2. Тонкая нить

Хотя относительно тривиальный вопрос с паспортом Тима решался невероятно долго, в тот период все происходило так беспорядочно, что куда более серьезная проблема, напротив, решилась за считаные секунды. Через два дня после нашего приезда в Женеву доктор, занимающийся случаем Стивена, вызвал меня к себе по срочному вопросу. Он проводил меня в пустую безликую комнату. Поначалу я решила, что он просто хочет поподробнее расспросить меня о фактах исключительной жизни Стивена. Персонал больницы уже удостоверился в том, что Стивен – необычный пациент, а также в том, что он не является жертвой пренебрежения со стороны своей семьи. Уточнив некоторые детали, связанные с феноменальным долголетием Стивена и его самостоятельностью, доктор быстро перешел к сути дела. Вопрос был в том, следует ли персоналу отключить дыхательный аппарат, пока Стивен находится под действием лекарств, или они должны попытаться вывести его из состояния анестезии. Я была шокирована. Вопрос об отключении жизнеобеспечения не рассматривался. Какой бесславный конец для героя, мужественного борца за жизнь! Какое пренебрежение к тому, что было нашей, моей целью! Мой ответ не заставил себя ждать. Мне не требовалось его обдумывать или с кем-то советоваться, потому что другого ответа быть не могло.

«Стивен должен жить. Нужно его вывести из-под действия анестетика», – ответила я. Доктор стал объяснять всю сложность мероприятий, которые за этим последуют. Стивен не сможет самостоятельно дышать, и, как только он окрепнет, нужно будет сделать операцию трахеотомии. Это единственный способ обеспечить ему дыхание без аппарата, поскольку так можно обойти сверхчувствительную часть горла, которая доставляла ему столько беспокойства. Технические особенности трахеостомы, отверстия в горле под голосовыми связками, потребуют постоянной профессиональной заботы. Я не особенно вслушивалась в этот мрачный, пусть даже и реалистичный, прогноз. Я не сомневалась в своем решении. Главным оставалось то, что Стивен был жив и будет жить, пока это хоть в какой-то мере зависит от меня.

В коридоре меня ждало удивительное зрелище. Передо мной стоял член колледжа Гонвиля и Каюса собственной персоной – правда, ни я, ни Стивен не были с ним близко знакомы. Джеймс Фитцсимонс и его жена-француженка Од отдыхали в Женеве у ее родителей, когда до них дошли вести из колледжа о том, что

Стивен лежит здесь в больнице; они сразу же приехали, чтобы предложить свою помощь. Их присутствие было как нельзя кстати. Меня глубоко потрясли события прошедшей недели и сильно обеспокоил разговор с доктором. Я осознала, что кризис не закончился, а, наоборот, начинается, ведь было неясно, сможет ли Стивен пробудиться от вызванного лекарствами сна.

Джеймс и Од немного оживили ситуацию, деликатно предложив сделать все, что в их силах, чтобы помочь нам. Пока Стивен медленно приходил в себя, Джеймс начал принимать участие в наших круглосуточных дежурствах у его постели, где по графику сидели Бернард, Джонатан, оставшиеся студенты и я. На дежурствах мы не выступали в роли медсестер, которых в больнице и так было предостаточно; мы старались поддержать еще слабую тягу Стивена к жизни и разбудить в нем интерес и любопытство, каковые раньше в нем никогда не угасали. Джеймс бегло говорил по-французски и очень помогал в общении с медсестрами, переводя им каждую из его неразборчивых просьб. Стивену трудно было говорить из-за трубок и маски на лице. Тому из нас, кто находился с ним рядом, следовало стараться предвидеть его просьбу и задавать правильные вопросы.

На них Стивен отвечал «да» или «нет» своими болезненно выразительными глазами, теперь снова открытыми, а также поднимая брови или хмурясь.

Чтобы разнообразить скучные дежурства, мы вслух читали те книги, которые были у нас с собой. Вместе с моим студентом, Гонзало Варгасом Льосой, я начала знакомиться с работами слепого аргентинского писателя-полиглота Хорхе Луиса Борхеса, которого я находила восхитительным. Особенно заинтриговали меня его идеи по поводу парадокса и двойственности, времени и безвременности, а также циклического характера исторических событий. Его творчество в литературной, даже поэтической форме перекликалось со значительной частью научных открытий XX века. Его сочинения можно было рассматривать как литературную версию пространственно-парадоксальных рисунков Эшера, которые сами по себе были художественными репрезентациями математического концепта ленты Мебиуса. Я намеревалась прочитать El Libro de Arena «Книгу песка» Борхеса за летние каникулы; в надежде, что ее парадоксы и головоломки понравятся Стивену, я попросила Бернарда привезти английский перевод книги в Женеву. Трудно было сказать, оценил ли Стивен запутанные игры ума Борхеса, но сама я получала огромное удовольствие от этих рассказов: они стали моим интеллектуальным убежищем, спасением от выматывающего нервного напряжения и больничной скуки реанимационного

отделения. Но еще больше я увлеклась этими рассказами после того, как поняла, что сама втянута в литературный лабиринт, особенно после первого рассказа «Другой», автобиографического сюжета о Женеве. Борхес сидит на скамейке в Кембридже, штат Массачусетс, в 1969 году, глядя на реку Чарльз. С ним рядом садится молодой человек, и между ними завязывается разговор. Однако молодой человек уверяет, что сидят они на берегу Роны в Женеве в 1914 году. Он, естественно, и есть Борхес, только более молодой, живущий в доме номер 17 по улице Малану в Женеве. Идеи рассказа – самонаблюдение, путешествие во времени, сны, предсказания, повторяющаяся история, знание будущего – сами по себе давали пищу для размышлений. Однако тот факт, что я выбрала его для чтения Стивену в Женеве, вызвал у меня странное ощущение, будто я сама вошла в рассказ и стала его частью, добавив ему еще одно измерение. Бернард, все еще занимавшийся парапсихологическими исследованиями параллельно с физикой, оценил это совпадение. Однажды вечером, когда мы с Джонатаном уходили из госпиталя, я предложила ему выехать за город, чтобы взглянуть издалека на Альпы. Наш путь пролегал по улице Малану. По дороге из города и обратно мы искали дом номер 17, о котором говорилось в истории Борхеса. Мы увидели дома 15 и 19, 14 и 16, но номера 17 не было и в помине.

> Я не особенно вслушивалась в этот мрачный, пусть даже и реалистичный, прогноз. Я не сомневалась в своем решении. Главным оставалось то, что Стивен был жив и будет жить, пока это хоть в какой-то мере зависит от меня.

Как только Стивен пришел в сознание, события стали быстро набирать оборот. Колледж Каюса заплатил за медицинский самолет, который должен был увезти нас обратно в Кембридж.

В машине, загруженной огромным количеством багажа, Джонатан поехал домой в тот же день, когда мы со Стивеном – в сопровождении доктора, медсестры, с переносным дыхательным аппаратом и другим оборудованием – покинули Женеву. Нас аккуратно погрузили в машину скорой помощи, вмиг домчали до аэропорта, подняли в небольшой красный самолет, и не успел захлопнуться входной люк, как мы уже оказались в небе. Если бы не обстоятельства, в которых совершался полет, я бы, пожалуй, получила от него удовольствие: даже Стивен приподнялся настолько, чтобы выглянуть в иллюминатор, за которым проплывали белые облака. Это был всем полетам полет: у нашего частного самолета был приоритет перед другими авиалайнерами,

выстроившимися в очередь на взлетных полосах. Не было времени для беспокойства, обычной суеты и задержек. В аэропорту Кембриджа Джон Фарман, начальник реанимационного отделения Адденбрукского госпиталя, уже ждал нас с каретой скорой помощи на посадочной полосе.

Хотя за Стивеном, несомненно, прекрасно ухаживали в Женеве, приезд домой принес чувство огромного облегчения: здесь мы находились в знакомой обстановке и никому не надо было объяснять особенности нашей ситуации. В тот день в реанимационном отделении перед нами прошествовал целый парад знакомых лиц, среди них Джуди Фелла, бывшая секретарша Стивена. Она и раньше принимала активное участие в его жизни, а сейчас готова была оказать любую помощь. Сотрудников Адденбрука не удивлял амбициозный график поездок Стивена, а его опыт преодоления мотонейронной болезни не вызывал у них недоверия. Им не требовалось что-то доказывать. Однако им нужно было подробно объяснить то, как следует с ним себя вести: ежедневные ритуалы, которые он сам для себя выработал, график приема и дозы лекарств, удобные позы, безглютеновая диета даже при питании через трубку. Каждое из этих правил, наряду с множеством других, стало предметом долгих обсуждений и исследований.

> Трудно было сказать, оценил ли Стивен запутанные игры ума Борхеса, но сама я получала огромное удовольствие от этих рассказов: они стали моим интеллектуальным убежищем, спасением от выматывающего нервного напряжения и больничной скуки реанимационного отделения.

Через три дня после перелета, когда состояние Стивена стабилизировалось, Джон Фарман решил, что можно попробовать уменьшить его зависимость от дыхательного аппарата. Он хотел дать Стивену шанс попытаться дышать самостоятельно, так как это помогло бы избежать операции трахеотомии. Ко вторнику 20 августа состояние Стивена улучшилось достаточно, чтобы провести эксперимент. Ему было комфортно, он набирался сил, знакомые и друзья посменно дежурили у его постели, охраняя его день и ночь. Обычно знаменитые своим долготерпением студенты и наша команда медсестер и физиотерапевтов, включая Сью Смит и Кэролайн Чемберлен, сидели со Стивеном ночью, а семья и друзья – днем. Медсестры обещали позвонить, если я буду нужна Стивену в ту ночь, когда они приступят к деликатному процессу отключения дыхательного аппарата.

Глубокой ночью телефон в спальне зазвонил. Сестра была

немногословна: она сказала, что, по ее мнению, мне немедленно нужно ехать в госпиталь. Никаких объяснений не последовало. Тим находился у моих родителей, поэтому я быстро оделась, оставила записку и вышла из дома. Стивену было очень плохо: его аристократическая бледность сменилась сероватыми пятнами на лице, а глаза навыкате стали совершенно бесцветными. Все конечности замерли в спазме, а сильный кашель вернулся и терзал горло, забавляясь с ним, словно кошка с мышью, то отпуская, то снова впиваясь острым клыками. Между приступами Стивен отчаянно пытался сделать вдох. На его лице читался неописуемый страх.

По выражению лиц медсестер я поняла, что они уже отчаялись что-либо сделать и думают, что конец близок. Я была другого мнения. Стало ясно, что старый демон вернулся и сейчас взял верх, но в том, как он кашлял, я заметила знакомый признак. Это был признак, свойственный Стивену: паника. Раньше ее удавалось контролировать, и сейчас оставался шанс снова обуздать страх, применив простые техники релаксации, которым я научилась на уроках йоги и которые успешно практиковала с ним дома во время приступов. Я села в изголовье кровати и положила руку ему на затылок. Другой рукой я гладила его по лицу, по плечу и предплечью, медленно шептала успокаивающие слова ему на ухо, словно испуганному ребенку. Я осторожно подбирала слова, пытаясь создать мягкий, убаюкивающий ритм, чтобы паника отступила. Я описывала тихие голубые озера под чудесным ясным небом, зеленые холмы и теплые золотые пески. Постепенно, через несколько часов, напряжение спало, спастическое дыхание сменилось более спокойным и регулярным ритмом. В конце концов он заснул. Я валилась с ног от усталости, но моя душа ликовала: мой домашний метод гипноза сработал! Однако факт оставался фактом: Стивен все еще был в критическом состоянии.

Я ушла набираться сил, оставив телефон наших близких друзей, Джона и Мэри Тейлор, которые жили недалеко от госпиталя. Они часто навещали Стивена и, кроме того, предложили быть у них как дома. В то утро я приняла это предложение и пришла к ним в гости в семь часов утра. Мэри приготовила мне постель, но сначала я решила выйти в сад, чтобы подышать свежим утренним воздухом, таким приятным после стерильного, сухого воздуха больницы, и подставить усталое лицо ранним лучам солнца. Мэри принесла мне легкий завтрак; мы сидели и разговаривали. Мне трудно было собраться с мыслями после бессонной ночи, но внезапно мной овладело одно сильное желание – поговорить с Робертом. Я очень давно его

не видела, и за это время многое произошло. Очевидно, у него все было в порядке: отсутствие новостей в его случае можно было расценивать как хорошие новости. По графику он как раз должен был вернуться на базу перед тем, как отправиться в итоговую экспедицию, и, значит, уже находился на связи. Я почувствовала, что пришло время сообщить ему о критическом состоянии отца, хотя и не планировала просить его приехать. «Позвони ему от нас», – предложила как всегда щедрая Мэри. У меня не было сил сопротивляться ее предложению, и я с волнением набрала номер в Исландии. Когда я услышала голос Роберта, вся моя решимость куда-то делась, и я зарыдала. Мои планы рухнули под напором рвущегося из самого сердца крика, который невозможно было подавить. «Приезжай домой, пожалуйста!» – слышала я собственные уговоры. «Хорошо!» – ответил он решительно. Роберт появился дома на следующий день, в Хитроу его встретили Тейлоры. Тогда я не понимала, что если бы он завершил экспедицию, то был бы удостоен Королевской скаутской премии. Рассказывая об эпизоде с перевернутым каноэ, он обернул все в шутку.

> Я валилась с ног от усталости, но моя душа ликовала: мой домашний метод гипноза сработал! Однако факт оставался фактом: Стивен все еще был в критическом состоянии.

Когда я вернулась в госпиталь, меня ждали уже ставшие знакомыми за две последние бесконечные недели вариации на тему болезни. Жизнь Стивена по-прежнему висела на волоске, в его легких обнаружили новый вид бактерий и поменяли лекарство. Он снова дышал с помощью аппарата, но явно приободрился, узнав новость о приезде Роберта. Я обсудила с Джоном Фарманом возможность пригласить профессионального гипнотизера, чтобы тот научил Стивена бороться с приступами паники и расслаблять мышцы, сведенные судорогой при попытках вдохнуть. Джон с готовностью согласился и привел знакомую женщинутерапевта, профессионально занимавшуюся гипнозом.

> Операция прошла удачно; Стивен так быстро восстановился после нее, что через четыре недели интенсивной терапии мы смогли поднять его с кровати и пересадить в кресло-каталку, хотя он все еще был слишком слаб, чтобы управлять им самостоятельно.

Она достигла некоторого успеха, применяя те же приемы, что и я, но этого было недостаточно, чтобы отсоединять Стивена от

аппарата на продолжительное время. Стало ясно, что нет никакой альтернативы трахеотомии – операции, которая поможет Стивену дышать через отверстие в трахее, не тревожа чувствительные мембраны и мышцы горла.

Август закончился, начался сентябрь. Доктора стали все чаще говорить о проведении операции; в это время инфекция легких наконец-то среагировала на лечение, и Стивен почувствовал себя лучше. Что бы мне ни говорили об опасностях операции, моя уверенность в том, что Стивен выживет, крепла. Он просто не мог не выжить, ведь столько людей всеми возможными путями содействовали его выздоровлению! Кто-то оказывал бесценную помощь, сидя у его кровати, заботясь о нем, общаясь с ним, кто-то решал ежедневные организационные проблемами и присматривал за нашим домом, менее близкие люди помогали своей моральной поддержкой, другие молились. Находились и те, кто, как Джонатан, вернувшийся из Женевы, и как наши родители, делал все вышеперечисленное.

Операция прошла удачно; Стивен так быстро восстановился после нее, что через четыре недели интенсивной терапии мы смогли поднять его с кровати и пересадить в кресло-каталку, хотя он все еще был слишком слаб, чтобы управлять им самостоятельно. Прогноз становился лучше с каждым днем, и в конце концов было принято решение, что можно перевести его из реанимации в неврологическое отделение. Выздоровление, однако, имело свою цену: операция полностью лишила Стивена возможности говорить.

3. Груз ответственности

В Женеве мы были ограждены от суеты внешнего мира. Там мы могли сосредоточиться на Стивене и его болезни, передвигаясь исключительно по траектории между госпиталем и домом в Ферне-Вольтер. Из достопримечательностей этого пограничного городка мне удалось увидеть только статую Вольтера, самого известного его жителя. В 1759 году он обосновался там, в приятном удалении от французского правительства, чтобы в любой момент иметь возможность эмигрировать в Швейцарию. Кто-то из друзей присоединялся к нам, кто-то уезжал; в остальном внешний мир, существовавший на другом конце телефонной линии, был нереален и далек по сравнению с непосредственным опытом переживания трагедии, в которой мы участвовали. В Женеве мы отсчитывали время сутками. Мы ничего не ждали и не строили планов на недели или месяцы вперед.

> В его нынешнем состоянии Стивен вряд ли мог внести необходимые принципиальные изменения в свою работу. Но, не явись двойник Стивена, чтобы сделать это, нам бы пришлось возвращать аванс, выплаченный перед началом летних каникул.

В Кембридже эта защита уже не действовала. С одной стороны, здесь нужно было совершать все ритуалы нашей домашней жизни: кормить детей, заботиться о них, оплачивать счета, каждое утро отвозить Тима в школу и забирать его после обеда, выполнять обязательства, связанные с работой. С другой стороны, следить за колебаниями состояния Стивена было так же мучительно, как и в Женеве, и поездки в госпиталь занимали так же много времени. Преподавать я могла только в середине дня – между утренним и вечерним дежурством в больнице. Только благодаря тому, что мои родители и Джонатан разработали всеохватывающую систему поддержки и что многие друзья, особенно обе бабушки Тима, Джой и Кэролайн, щедро предлагали свою деятельную помощь и поддержку, наша семья пережила этот самый тяжелый и изнурительный период.

Кроме ведения домашнего хозяйства и заботы о Стивене в больнице, у меня было много других обязанностей. Требовалось решать деловые вопросы, в частности касающиеся будущего книги Стивена. Пока что она существовала в виде первого рукописного экземпляра, который был принят издателем. Как

только летом 1985 года оказался подписан контракт, нью-йоркский редактор начал работу с рукописью, и его письмо с предварительными правками ждало Стивена по возвращении в Англию, хотя состояние Стивена не позволяло его прочитать. Естественно, рукопись не могли печатать в первоначальном варианте, так как многие идеи были слишком туманны и неудобоваримы для широкой публики. Я сама прочитала рукопись и красным отметила непонятные научные отрывки; кроме того, издатели подчеркнули, что каждая приведенная в тексте формула уменьшит продажи вдвое. В его нынешнем состоянии Стивен вряд ли мог внести необходимые принципиальные изменения в свою работу. Но, не явись двойник Стивена, чтобы сделать это, нам бы пришлось возвращать аванс, выплаченный перед началом летних каникул. Я обратилась к одному из бывших студентов Стивена, Брайану Витту, за помощью в редактировании текста и временно отложила этот вопрос, поскольку нужно было заниматься другими, более срочными, делами.

Когда состояние Стивена улучшилось и его перевели в неврологическое отделение, встал вопрос о возможности его возвращения домой. Пока было непонятно, как это осуществить, ведь Стивену требовался круглосуточный профессиональный уход. Наша предыдущая несложная система помощи медсестер из психиатрической лечебницы в определенные моменты и на ограниченные сроки больше не подходила, а их психиатрическое образование уже не отвечало требованиям для нашего критического медицинского случая. Операция трахеотомии, спасшая Стивену жизнь, была сопряжена с некоторыми трудностями. Так, трахеотомическую трубку, вставленную в горло, следовало регулярно чистить похожим на крошечный пылесос прибором, чтобы извлекать накапливающиеся в легких выделения; сам по себе прибор мог стать источником травмы или заражения. Стивен оставался пугающе слаб и уязвим. Невозможно было представить бóльшую степень физической беспомощности.

Медицинский уход 24 часа в день 365 дней в году стоил бы феноменальных денег, и, очевидно, только небольшая часть этих расходов была бы покрыта Национальной службой здравоохранения. Финансирование и сиделок требовалось искать собственными силами. Благотворительные фонды, которые спонсировали услуги сиделок на пару часов в день, вряд ли готовы были платить за круглосуточную работу сиделок тридцать-сорок тысяч фунтов в год на бессрочной основе. В этот критический момент пришло письмо от Кипа Торна из Калифорнии. Новость о болезни Стивена разлетелась по миру

благодаря участливому вмешательству Джуди Фелла; и в своем письме Кип посоветовал мне срочно подать заявку в Фонд Джона и Кэтрин Макартуров, американскую благотворительную организацию со штаб-квартирой в Чикаго. Кип считал, что если правильно описать наш случай, то Фонд Макартуров, вероятнее всего, выделит крупный грант, которого хватит на организацию круглосуточного ухода за Стивеном. Марри Гелл-Ман, исследователь элементарных частиц из Калифорнийского технологического института, входил в управляющий совет Фонда, и Кип был уверен, что Гелл-Ман привлечет должное внимание остальных членов совета к нашему случаю, однако было сложно сказать, отправит ли Фонд средства за пределы Соединенных Штатов. Многое зависело от быстроты наших действий, поскольку следующее заседание фонда должно было состояться всего через несколько недель.

Я никогда раньше не писала прошения, но нежелание, которое бы возникло у меня в любой другой ситуации, исчезло перед лицом непреодолимой нужды. Я привела всю необходимую информацию, могущую повлиять на мнение комиссии, не забыв упомянуть о том, что Стивен был частым гостем Соединенных Штатов и получил там множество почетных наград. Я также прикрепила семейные фотографии, снятые в более счастливые времена. Требовалось заверить представителей Фонда, что, каким бы ни был грант, он попадет в надежные руки профессиональных бухгалтеров, поэтому следующим моим шагом стали переговоры с руководством университета с целью поручить ему управление грантом. Переговоры были непростыми и занимали много времени, однако расположение со стороны университета не могло не радовать.

Самым срочным из дел стала разработка для Стивена индивидуальной системы ухода, поскольку больничный уход не всегда был удовлетворителен. В палате интенсивной терапии он пользовался безраздельным вниманием профессиональных медсестер. С переходом в неврологическое отделение ситуация изменилась. Сестрахозяйка в основном была приветлива и компетентна, в отличие от некоторых ее подчиненных, не проявлявших таких качеств. Кроме того, их было намного меньше, чем пациентов, по сравнению с отделением интенсивной терапии, и отсутствие самоотдачи, участия и постоянного ухода вызывало тревогу, особенно учитывая тот факт, что многие пациенты находились в вегетативном состоянии и не могли не то что постоять за себя, но даже думать и говорить. Одна медсестра особенно беззастенчиво пользовалась таким состоянием пациентов и проводила процедуры более чем бесчеловечно. Она

как раз была на дежурстве, когда я приехала навестить Стивена вечером. Стивен, к тому времени уже сидящий в кресле, гримасничал и корчился от дискомфорта, в то время как молодая медсестра с абсолютно безразличным выражением лица прибиралась в палате, намеренно – или по крайней мере так показалось – игнорируя сильное желание Стивена попи́сать.

Я сама помогла Стивену и выпроводила медсестру из палаты. Это ее обычное поведение, объяснил Стивен, дрожа от злости. Она всегда игнорировала его просьбы, будучи на дежурстве. Он не доверял ей и боялся того, что она может сделать или, наоборот, не сделать. Я понимала, что он имеет в виду. В ее непроницаемом выражении лица и пустых голубых глазах крылся леденящий намек на садизм, что очень обеспокоило меня. Другого пути не оставалось: мне нужно перевезти Стивена домой, даже если бы пришлось ради этого перевернуть Землю; следовательно, надо было как можно быстрее решить все вопросы по организации круглосуточного ухода.

> Я обнаружила, что одного-двух слов мне было достаточно, чтобы телепатически понять мысли Стивена и освободить его от необходимости печатать все слова, хотя зачастую он упорно хотел дописать фразу до конца в качестве тренировки.

Стивен мог выразить свое недовольство действиями медсестры благодаря волшебному прибору, который попал к нему из ниоткуда. Члены его семьи, студенты и друзья делали все возможное, чтобы ему было комфортно: соблюдали график дежурств, чтобы Стивен находился один не дольше нескольких минут, а я купила ему в палату телевизор. Ничто не могло заменить утерянный дар речи, однако, когда уже стало понятно, что эту способность невозможно восстановить, неожиданно появился новый способ общения. На самом деле это был результат незаметных, но непрерывных стараний Джуди. Она вспомнила о том, что на канале «Би-би-си» в передаче «Мир завтра» видела репортаж о возможности общения для людей с сильно ограниченными возможностями. Перерыв всю доступную информацию, она смогла найти британского создателя этого прибора. Она привезла в больницу ученого и его прибор – набор электродов, которые закреплялись на голове и могли измерять быстрые движения глаз, – и убедила кембриджскую компьютерную фирму бесплатно предоставить необходимое компьютерное оборудование. Стивен отказывался пользоваться прибором из-за раздражающих электродов на висках, но один из его студентов приспособил пульт, который можно было держать в

руках, и тогда Стивен с большой охотой стал упражняться с прибором.

В компьютер была загружена программа, сочетающая словарь и собрание фраз. При помощи пульта оператор мог выбрать на экране слова, которые хотел использовать. Когда слово выбирали, оно занимало место в предложении в нижней части экрана, где наблюдатель мог прочитать то, что хотел сказать оператор. Часто используемые фразы можно было выбрать целиком, как и нужные окончания глаголов. Поначалу это оказался медленный, трудоемкий и беззвучный способ общения, требующий терпения и внимания как оператора, так и наблюдателя. Я обнаружила, что одного-двух слов мне было достаточно, чтобы телепатически понять мысли Стивена и освободить его от необходимости печатать все слова, хотя зачастую он упорно хотел дописать фразу до конца в качестве тренировки. Когда немного восстановилась подвижность мышц ладони и пальцев рук, такие тренировки спасали его от монотонности последних дней в больнице. Медленно, но верно он начал осваивать новую технику, которая позволяла ему в очередной раз выбраться за пределы однообразия больничной палаты и начать общаться с внешним миром. Он мог снова говорить со студентами о физике, мог пробовать писать и контролировать действия сиделок.

Запустив механизм сбора денежных средств, мы с Лорой Уорд взялись за поиск медсестер. Ни у одной из нас не было опыта проведения собеседований и найма сотрудников, и меньше всего медсестер, но я надеялась, что различные отделения больницы и городские службы, связанные с социальными услугами, проконсультируют и поддержат нас в этом деле. Действительно, нам звонили социальные работники и медсестры, с которыми мы беседовали за чашкой кофе, слушая их рассказы о домашних питомцах и других отвлеченных предметах. Количество полезной информации, которое я смогла вынести из этих разговоров, могло уместиться на обороте почтовой марки. В конце концов, от нас требовалось лишь прорекламировать вакансию и нанять медсестер, чтобы затем распределить их по трем восьмичасовым сменам в день, и мы с Лорой сделали все, что было в наших силах.

Лора систематически размещала объявления в местной газете и проводила первоначальную работу с кандидатами. Она просила рекомендации и затем проверяла их. Поскольку времени было мало, мы решили приглашать на собеседование всех кандидатов, которые казались нам хоть сколько-нибудь подходящими, еще до получения рекомендаций. Они все производили вполне благопристойное впечатление, и даже приятное, а я торопилась

установить систему дежурств с участием как можно большего количества медсестер, чтобы Стивен мог переехать домой. Я предполагала, что медсестрам от природы свойственны преданность и высокие этические принципы и что им можно доверять. Я старалась как можно подробнее рассказать о нашей ситуации и дать понять, что, как бы мы ни хотели, чтобы Стивен жил дома, это также был дом для троих детей, и его не следовало превращать в больницу. Я думала, что буду обращаться с медсестрами как с гостями дома, и взамен надеялась получить уважение к нашей частной жизни – как выяснилось, напрасно.

> К нашему глубокому разочарованию, нам пришлось отказаться от некоторых подходящих людей по совету лечащего врача Стивена, так как у последних не было соответствующих знаний по уходу за больными, перенесшими трахеотомию.

Даже те кандидаты, которые прошли собеседование, не всегда полностью отвечали моим ожиданиям в отношении профессиональной этики и сервиса. Когда стали приходить рекомендации, нам пришлось отказаться от многих кандидатов, которых мы уже готовы были принять. Одних называли неряшливыми, других ненадежными, некоторых даже обвиняли в преступлениях. Мы гадали, почему не было никакого централизованного контроля над этими людьми, ведь работа, связанная с домашним уходом, которую они пытались получить, по определению подразумевала незащищенную и хрупкую среду. Даже после отказа от неудовлетворительных вариантов у нас по-прежнему оставались хорошие кандидаты, но, к сожалению, когда Лора отправила перспективным претендентам письма с предложением о работе, удручающе много кандидатов просто не ответили либо написали, что уже нашли другую работу или что предлагаемые условия их не устраивают. К нашему глубокому разочарованию, нам пришлось отказаться от некоторых подходящих людей по совету лечащего врача Стивена, так как у последних не было соответствующих знаний по уходу за больными, перенесшими трахеотомию.

Альтернативным решением было бы нанять медсестер из агентства. Однако существенным недостатком агентства было то, что с ним не получалось обеспечить ключевой принцип – преемственность: новая медсестра каждую смену могла только усилить те сложности, которые и Стивен, и мы неизбежно будем испытывать. Финансовый аспект также не обнадеживал: комиссия агентства, во много раз превышающая зарплату медсестер, мгновенно поглотила бы весь макартуровский грант. Деньги нам

пообещали, несмотря на вполне понятные сомнения со стороны некоторых доверителей фонда по поводу роли хваленой Национальной службы здравоохранения Великобритании. Они хотели знать, почему она не покрывает расходы на содержание Стивена. Мне приходилось аккуратно подбирать слова, объясняя, как пришедший из Америки монетаристский курс правительства Тэтчер (которое находилось у власти со времени рождения Тима) разрушал нашу и так перегруженную бесплатную систему здравоохранения. Правда заключалась в том, что, поддерживая эгоистичный материализм, политика разрушала не только систему здравоохранения и образования, но и саму структуру общества. И действительно, мадам Тэтчер отрицала существование общества; для нее общество было не более чем группой индивидуумов, не имеющих понятия об общей цели. Тогда наступило крайне неподходящее время болеть, быть безработным, молодым, пожилым или как-то иначе социально незащищенным.

Два месяца спустя Лора Уорд заболела и оказалась вынуждена нас оставить. Нам очень посчастливилось, что Джуди Фелла, которая уже и так оказывала нам свою безграничную поддержку, выразила желание занять свою прежнюю позицию секретаря Стивена, пока ей не найдется полноценная замена. Джуди была более осмотрительна в подборе медсестер, чем я, и своей осмотрительностью сдерживала мое нетерпение в связи с желанием забрать Стивена домой. Ее порой не устраивали даже те медсестры, чьи письменные характеристики были безупречны. Кроме того, до меня дошли слухи, что одна медсестра, нанятая нами на испытательный срок, несмотря на хорошие рекомендации, имела репутацию смутьянки, и некоторые медсестры отказывались работать с ней из-за ее очевидно нездоровой одержимости пациентами. В данном случае я решила не обращать внимания на сплетни, которые могли распространяться злонамеренно. Я знала эту медсестру, она была матерью, и я видела ее у школьных ворот. Она произвела на меня впечатление своей надежностью и трудолюбием, и поскольку она регулярно ходила в церковь, я чувствовала, что могу доверять ей.

Время от времени Стивен расслаблялся и получал удовольствие от того, что находится дома, хотя я чувствовала, что его смущает внешний мир после трех месяцев затворничества.

На протяжении всего октября каждое воскресенье я привозила Стивена домой при поддержке больничной медсестры. Это было деликатное, тревожное начинание. Иногда смена

обстановки пугала Стивена и вызывала приступы удушья. Он по-прежнему оставался очень слаб и часто кашлял. Мы регулярно пользовались минипылесосом, выводя мокроту из груди. Иногда нам приходилось возвращаться в госпиталь еще до конца дня, так как напряжение было непосильным для Стивена. Время от времени он расслаблялся и получал удовольствие от того, что находится дома, хотя я чувствовала, что его смущает внешний мир после трех месяцев затворничества. В эти кризисные три месяца он упорно держался за жизнь благодаря своему непреклонному инстинкту выживания. А теперь все казалось ему чужим и незнакомым, словно он не мог доверять тому, что видел. Часть его хотела вернуться в естественную непредсказуемую действительность, а другая часть – остаться в предсказуемой безопасности госпиталя. Так или иначе, была определена дата его выписки – 4 ноября.

За все три месяца с начала августа я смогла вырваться из мучительной рутины всего на один вечер, чтобы присутствовать на дебютном концерте Кембриджского камерного оркестра музыки барокко в Лондоне 1 октября. Вечер сохранил тепло жаркого солнечного дня, придавая Лондону праздничную атмосферу, в которой я чувствовала себя некомфортно и отчужденно. Концерт прошел хорошо, зрителей было достаточно много, однако не хватало возбужденного шума полных залов, которые мы собирали на концерты оркестра в Кембридже. Оставалось загадкой, как Джонатану удалось все это организовать, ведь каждую свободную минуту он был либо в госпитале со Стивеном, либо с детьми на Вест-роуд. Невозмутимый, он спокойно продолжал выполнять свои обязанности: организационные, административные дела, практика и репетиции – до поздней ночи, запершись у себя дома. Глядя на то, как он дирижирует и играет на сцене концертного зала королевы Елизаветы, как всегда непринужденно и со сдержанной элегантностью, никто не смог бы представить, какие сложные недели ему пришлось пережить. Я была рада стать свидетелем его успеха, но в то же время меня мучил стыд, ведь я оставила Стивена сидеть одного под осенним солнцем на заднем дворе госпиталя, на этом голом клочке земли, для приличия именующемся садом.

> К концу октября ситуация изменилась: Стивен значительно окреп, а я потеряла остатки сил.

К концу октября ситуация изменилась: Стивен значительно окреп, а я потеряла остатки сил. У меня развилась хроническая астма, я плохо спала, все более попадая в зависимость от

снотворных таблеток, у меня стали появляться волдыри, после которых на ладонях и во рту оставались зудящие пятна. Все это, конечно, были последствия сильнейшего стресса. Доктора рекомендовали сделать перерыв хотя бы на выходные до того, как Стивен вернется домой. В сентябре Роберт уехал из Кембриджа, чтобы провести свободный год в Шотландии. На какое-то время он остановился у Донованов под Эдинбургом и начал работать в цехе у Ферранти[156], где познакомился с основными инженерными приемами под руководством мастера. Затем он стал снимать жилье в Эдинбурге. Для восемнадцатилетнего юноши это была непростая жизнь, и я боялась, что он недостаточно хорошо заботится о себе. Последние выходные перед возвращением Стивена домой, которые как раз пришлись на первый уик-энд каникул, идеально подошли для того, чтобы покинуть город. Поездка должна была помочь мне сменить обстановку, отдохнуть от рутины, успокоить нервы и своими глазами посмотреть, как устроился Роберт. Я обрадовалась, когда увидела, что у Роберта все в порядке, а в Эдинбурге царила невероятная осенняя красота. Однако трех дней, какими бы они не были солнечными и яркими, чистыми и прозрачными, полными новых картин и звуков, оказалось далеко не достаточно, чтобы стереть непрерывное, глубокое и болезненное напряжение последних трех месяцев.

Ни три дня, ни три месяца, ни даже три года не смогли бы подготовить меня к тому, что ожидало нас впереди.

4. Бунт на корабле

Стивен вернулся домой днем 4 ноября. Его возвращение можно было сравнить только с появлением в доме новорожденного ребенка. Царила атмосфера возбуждения с нотками нервозности, заботливого опасения, что беспомощное, хрупкое существо вдруг не сможет дышать, как только попадет в дом. Стивен тоже был напряжен: нервничал, не доверял компетентности нанятых медсестер и переживал из-за каждой пылинки в воздухе, ведь из-за нее он мог начать задыхаться. Даже в свои лучшие времена он ставил под сомнение умственные способности других людей. Сейчас, в тяжелый период, он был склонен считать всех полными идиотами. Его страхи имели основания, но не всегда по предсказуемым причинам.

Медсестра, пришедшая в первый день, сама чувствовала недомогание. Это была худощавая старушка, и хотя она замечательно выполнила свою работу, в тот же вечер она позвонила и сообщила, что больше не придет – не сможет выдержать такого сильного напряжения. Это оказался тяжелый удар, поскольку именно она должна была выйти на большинство еженедельных смен. Нашлись и другие приятные люди с добрыми намерениями, которые не могли справиться со стрессом.

Агентство оставалось последним ресурсом, несмотря на цены.

В последующие недели, пока мы с Джуди пытались поддержать рушащееся расписание дежурств с помощью постоянной рекламы, собеседований и обучения перспективных кандидатов, агентство предоставляло медсестер разной степени профессионализма. Очевидно, этим медсестрам никто заранее не говорил, в чем будет состоять их работа. Никогда еще опасения Стивена – и мои – не оказывались столь обоснованными: агентство каждый раз присылало новую медсестру. Хотя в целом все они были положительно настроены и имели достаточную квалификацию, им оказалось сложно понять, что же от них требовалось. Мне или Джонатану приходилось оставаться с ними всю смену и раз за разом повторять одни и те же указания.

Некоторые сиделки так и не поняли, под каким углом лучше держать чашку, чтобы чай не стекал по лицу в трахеотомическую трубку и на одежду. Другие не могли нарезать еду достаточно мелко или, наоборот, растирали ее в неприемлемое пюре. Одни давали ему таблетки в неверном порядке, другие могли так бросить его руку на пульт кресла-каталки, что оно срывалось с места и кружилось. Некоторые превращали походы в туалет в настоящий кавардак. Несмотря на медицинское образование, все

сиделки боялись трахеотомической трубки и не могли заставить себя пользоваться отсосом. Очень редко кто-нибудь приходил во второй раз. Когда кто-то оказывался достаточно смел и возвращался к нам в дом, я приветствовала его как долгожданного друга, ведь мне не нужно было повторять все заново до тех пор, пока я сама не устану от своего голоса. Я очень старалась быть терпеливой и заботливой, но мои нервы находились на пределе под грузом усталости, переживаний и депрессии. Разочарование Стивена легко было понять, и он не старался его скрыть.

Если дневные дела расширяли пределы невозможного, то ночью возникали проблемы другого порядка. Оказавшись в постели, Стивен не мог пользоваться компьютерными средствами общения и опять оставался без дара речи. Ему могли помочь только два приспособления. Первое – рамка с алфавитом, которая словно осталась от средневековых специалистов по трудотерапии. Крупные буквы алфавита были расположены группами на прозрачной рамке. Стивену нужно было остановить свой взгляд сначала на группе букв, а затем на каждой букве по порядку, чтобы составить по буквам свою просьбу. Сиделка должна была проследить за движением глаз и вычленить из этого смысл. Прибор требовал исключительного терпения и выдающихся навыков дедукции от всех участников общения. Я попробовала упростить процесс, разработав код сокращений так, чтобы Стивену достаточно было указать на одну букву, по которой была понятна вся просьба. Видимо, мой код затерялся в беспорядке его комнаты или сиделки решили, что справятся и без него; так или иначе, долго мое изобретение не продержалось.

Другим приспособлением, которое в итоге вытеснило алфавитную рамку в силу своих значительных технических преимуществ, был зуммер. Стивен держал его пульт в руке всю ночь так же, как днем компьютер, и при давлении на пульт на небольшом экране высвечивалась одна из ограниченного набора команд, чтобы указать на его просьбу. С давних пор, даже когда Стивен оставался еще относительно здоров, было очень сложно уложить его неподвижные руки и ноги в кровати удобно. Сейчас, когда он был серьезно болен, этот процесс мог занять всю ночь. В первые месяцы я оставалась с ним до тех пор, пока не появлялась уверенность, что ему комфортно, так как знала, что ему страшно было оставаться с незнакомой сиделкой. В два-три часа ночи я наконец-то оказывалась в своей кровати, но меня часто будили ночные сиделки, которые не могли справиться с работой в одиночку.

Кроме ежедневных и еженощных проблем, в первые месяцы

после приезда Стивена домой с ним случались и более серьезные происшествия, ставившие под угрозу его жизнь. Так, чаще всего по ночам трахеотомическая трубка блокировалась или выскакивала. Пока сиделка пыталась почистить и закрепить трубку, я звонила в реанимацию в поисках докторов, знающих, как установить новую. Затем мы мчались в больницу, где бесконечно долго ждали в очередях отделения первой помощи, пока Стивену не вставляли новую трубку и он не начинал нормально дышать. С тех пор как наш последний помощник из числа студентов, жизнерадостный австралиец Ник Ворнер, уехал летом, у него не появилось сменщика, и Джонатан занял комнату наверху, чтобы приглядывать за Тимом и увозить его в школу по утрам, когда я еще только приходила в себя после тяжелых ночей.

Поскольку Роберт уже не жил дома, его большая и просторная комната с окнами на улицу была превращена в комнату Стивена. Она особенно подходила для этой цели, так как в ней стоял умывальник и достаточное количество шкафов, чтобы разместить все медицинские приборы, которые мы регулярно получали в огромных количествах. Также там хватало места для ортопедической кровати, корзин, компьютеров, досок, кресел, разного рода личных вещей и, конечно, кресла-каталки. Оно со временем становилось все крупнее и тяжелее. Компьютерное оборудование, которое Джуди достала для Стивена, пока тот лежал в больнице, заменили на более сложное устройство, присланное из Калифорнии. У нового компьютера был синтезатор голоса, и предложения, которые Стивен печатал и видел на экране, еще и озвучивались. Неважно, что синтезированный голос звучал удручающе неестественно, зато Стивену вновь была дарована возможность говорить. Муж одной из сиделок, Дэвид Мэйсон, опытный инженер-компьютерщик, занялся адаптацией компьютера к креслу-каталке, чтобы Стивен мог передавать сообщения не только за столом, но и передвигаясь в кресле. Тяжелый компьютер и голосовой динамик прикрепили к спинке, а монитор на раме так, чтобы Стивен мог его видеть. Спустя какое-то время мы случайно оказались рядом с производственными весами и решили взвесить Стивена и все его оборудование. Общий вес кресла, аккумуляторов, компьютера, монитора, множества подушек и самого Стивена был равен ста тридцати килограммам.

Кроме ежедневных и еженощных проблем, в первые месяцы после приезда Стивена домой с ним случались и более серьезные происшествия, ставившие под угрозу его жизнь.

Поначалу с новоизобретенным механизмом постоянно случались какие-то проблемы – не реже, чем возникали ухудшения в состоянии Стивена. В любое время дня мы и ночи мы в срочном порядке вызывали врачей: то компьютерного доктора Дэвида Мэйсона, то специалистов по человеческим болезням: нашего верного друга Джона Старка, врача-консультанта по заболеваниям грудной клетки, или терпеливого доктора Свона, или любого другого дежурного врача из хирургии, согласного прийти в ночное время. Мы вызывали терапевтов в выходные и тревожили местного аптекаря в нерабочие часы. Одним словом, мы пребывали в состоянии непрерывного кризиса весь ноябрь и декабрь, пока все школьники пели рождественские гимны, а их семьи готовились к Рождеству. Мы вновь вели наш корабль по неспокойным водам. Горизонт тонул во мгле, а наша команда в любой момент могла устроить бунт.

Бóльшая часть моей энергии и времени была посвящена Стивену. Я делила с ним каждый глоток воды, каждый кусочек пищи, каждый вздох. Когда силы покидали меня, Джонатан всегда был на подхвате, ненавязчивый и надежный, как всегда. Те крохи сил, которые у меня оставались, я отдавала своим детям и студентам. Преподавание служило для меня возможностью сконцентрировать внимание на чем-то другом. Это было время, когда язык и литература наполняли жизнью вакуум, созданный подавленностью и разрушающей усталостью. Студенты того года стали для меня особенными. Им было свойственно глубокое понимание предмета, нехарактерное для подростков; я чувствовала с их стороны благодарность, из-за которой сохраняла свою решимость продолжать заниматься преподаванием, что бы ни случилось, пока я могла достойно выполнять свою работу. Это было крайне важно для моего потрепанного психического здоровья.

Бóльшая часть моей энергии и времени была посвящена Стивену. Я делила с ним каждый глоток воды, каждый кусочек пищи, каждый вздох. Когда силы покидали меня, Джонатан всегда был на подхвате, ненавязчивый и надежный, как всегда.

Однако Стивен не разделял моей точки зрения по поводу моих скромных попыток преподавать. Он перенес тяжелое испытание и продолжал страдать, по-прежнему переживая страх. Как Лир, он стал подобен ребенку – ребенку с большим и ранимым эго. С одной стороны, будучи в таком беспомощном физическом состоянии, он нуждался в любви и заботе, с другой – он стал недоступен, спрятавшись за неповиновением и

отрицанием. Раньше он был авторитетным, теперь превратился в авторитарного, даже с теми – и в особенности с теми, – кто через многое с ним прошел. Он был возмущен рядом решений в семейных вопросах, которые мне приходилось принимать самостоятельно, пока он находился в больнице, и настаивал на своих правах уже просто из принципа. Естественно, что он захотел восстановить свой авторитет, но ведь никто и не оспаривал его право быть властителем Вселенной и хозяином в доме. Тем удивительнее оказалось то, как он старался усложнить самые простые ежедневные занятия, строя разного рода козни: то он намеренно ставил кресло-каталку в невообразимо неудобное положение, то вторгался в личное пространство других людей – в частности, Люси. Мы с дочерью были очень близкими подругами. Даже в самые трудные минуты ее открытая натура и неиссякаемый энтузиазм придавали мне сил двигаться дальше. Мы подолгу разговаривали и могли открыто обсуждать все на свете. Конечно, в нашей нестандартной ситуации ей обязательно требовалось личное пространство. Ее комната должна была оставаться ее укрытием, где она могла отдохнуть от постоянной суматохи, сиделок, инвалидных кресел. Она была очень предана и отцу, и мне, но ей требовалось время наедине с собой, вдали от посторонних взглядов, любопытных ушей и сплетен медсестер. Однако в этом праве отец ей отказывал.

Я поделилась своим разочарованием из-за поведения Стивена с нашим знакомым доктором, на что он ответил: «Ты только подумай, Джейн, через что он прошел! Он находился при смерти, его жизнь поддерживалась аппаратами и лекарствами! Ты не можешь быть уверена, что это никак не отразилось на его мозге. Скорее всего, случались моменты, когда мозгу не хватало кислорода, и это вызвало незначительные, незаметные повреждения, которые сейчас влияют на его поведение и эмоциональные реакции, хотя, к счастью, на интеллекте это никак не отразилось». Другая моя знакомая, старшая сестра хосписа для неизлечимо больных дегенеративными заболеваниями, была убеждена в том, что семьи, где пациент заболел прогрессирующей мышечной атрофией в расцвете лет, переживали намного больше, чем семьи с пожилыми больными. В каком-то смысле эти суждения и советы успокаивали. Они подразумевали, что Стивен не в полной мере отвечает за свои поступки и причина его неразумного поведения не в избыточном внутреннем эгоизме, а в симптомах мотонейронной болезни и недавней травмы. Эти суждения, однако, не подтверждались за рамками таких бесед, даже в медицинских кругах; ведь для всех было очевидно, что Стивен в умственном плане выбрался из этого ада целым и

невредимым.

Но это было еще не все. Джуди, Люси и я прекрасно знали, что эгоизм Стивена подстегивается поведением медсестер. Я с тем же успехом могла обращаться к бетонной стене, озвучивая свое желание сохранить этот дом уютным для всех членов семьи и не превращать его в больницу: медсестры оставались глухи к моим пожеланиям. Им было безразлично, что в этом доме также живет скромный, чувствительный шестнадцатилетний подросток, возвышенный и интеллигентный, погруженный в подготовку к выпускным экзаменам. Одна из самых первых сиделок перевернула весь дом вверх дном, как только ступила за порог. Жалуясь на недостаточную стерильность, она отмывала все, что попадалось ей на глаза, пытаясь довести наш дом до стандартов реанимационного отделения. Все это время Ив, которая доблестно делала уборку, мыла, чистила и пылесосила каждый день, скептически смотрела на старания медсестры.

«Она чокнутая!» – только и сказала Ив. В итоге новоиспеченная уборщица решила, что переживает слишком большой стресс от работы в таком негигиеничном помещении, – и ушла.

Нужно сказать, что были у нас и преданные, понимающие сиделки. Самым образцовым стал мистер Джо, как все мы его звали. Он не только выполнял все свои обязанности, но еще и баловал нас ароматнейшими карри по воскресеньям. Как правило, лучшими сиделками оказывались женщины и мужчины старшего возраста, обученные в прежнюю, более дисциплинированную эпоху либо получившие более профессиональное образование, или люди, которым тоже пришлось столкнуться с подобными проблемами. Среди них были и такие, кто начинал многообещающе, но на деле не выдерживал физического напряжения. Что касается подавляющего большинства, то для них понятия «профессиональная дисциплина» и «отзывчивость» не имели значения, главным был только личный интерес. Наши рассказы о тяжелых месяцах до их прибытия ничего не значили для них, и они ни на миг не задумывались, в каком стрессе мы все время жили. Конечно, семи-восьмичасовая смена могла быть очень напряженной, но после смены медсестра могла уйти домой и там отдохнуть. У членов семьи такой возможности не имелось.

Распространенной проблемой было то, что медсестер, как и соцработников до них, вводила в заблуждение наша обстановка. Мы жили в большом доме, и они делали вывод, что мы очень богаты. Осторожные попытки объяснить, что мы снимаем жилье у университета, оставались без внимания. Особенно непоколебима

в своем мнении была одна медсестра, которая считала наши бытовые условия и профессорскую должность Стивена следствием богатства и власти. Однажды поздно вечером она пришла на кухню, где я готовила стол к завтраку, и без всякого стеснения попросила меня организовать ей бесплатное обучение в университете. Я не была уверена, правильно ли ее поняла, и попросила повторить просьбу еще раз перед Стивеном, который уже лежал в кровати. Мы зашли к Стивену в комнату, и, стоя около его кровати, она повторила свою просьбу. Я начала объяснять, что, скорее всего, произошло какое-то недопонимание, что у меня не было такого влияния в университете, а мое положение не давало мне возможности получить для нее стипендию. Услышав это (как раз пробило полночь), она начала кричать и извиваться, топать ногами и бить себя в грудь, кружась вокруг постели Стивена в сумасшедшем воинственном танце. Я побежала к телефону, позвонила Джуди, и она сразу же приехала, чтобы хитроумно и деликатно выманить завывающую страдалицу из дома. Та продолжала выражать свое недовольство и грозить судом уже с улицы, пока я звонила в агентство и просила прислать кого-то на замену.

Другая сиделка, грустная одинокая женщина, с которой мы хорошо поладили, оказалась алкоголичкой. Она не только угощалась осторожно вымеренными порциями ликера из нашей скромной коллекции в глубине кухонного шкафа, но и подбирала всю мелочь, лежавшую то тут, то там в доме. При ее внезапном отъезде таксист, отвозивший ее в аэропорт, по случайности оказался знакомым Джуди. Он рассказал, что она заплатила за поездку – а это около 45 фунтов – монетами в два и пять пенсов; более того, всю дорогу она делилась с ним интимными подробностями нашей жизни. А она могла видеть абсолютно все, что происходило в нашем доме, так как об уединении не могло идти речи. Было практически невозможно поговорить с кем-то наедине, а уж тем более о личных вопросах, будь то Стивен или кто-то другой, не обсудив заранее время разговора, а затем не попросив сестру покинуть комнату на пять минут.

Времени всегда было мало, а разговоры со Стивеном проходили медленно, поэтому у меня вошло в привычку готовиться к ним заранее. Я надеялась, что короткой согласованной речью я упрощу решение вопроса, чего бы он ни касался: финансов или семейных дел. Стивен был против такого подхода, опять же подозревая ущемление его прав. Он настаивал на возвращении к первопричинам и оспаривал каждый мой аргумент, оставаясь уверенным в превосходстве своих доводов. В итоге мы каждый раз делали из мухи слона, и мой

жизнерадостный, оптимистичный настрой, с которым я входила в комнату, мгновенно сменялся чувством разочарования и поражения. В то время как Стивен обрел возможность говорить, я снова начала нервничать и замкнулась, была не уверена в себе и настолько сомневалась в своих суждениях, что перестала их озвучивать. Я стала жертвой психологического давления так же, как Стивен – жертвой болезни. Я наблюдала за тем, как шел этот процесс, но ничем не могла на него повлиять, поскольку он был неотъемлемой частью всей ситуации. Я попала в ловушку, два-три раза в неделю мне даже снились кошмары, всегда одни и те же: меня похоронили заживо, и я оказалась под землей без возможности выбраться.

В отчаянной попытке остановить мятежные действия медсестер мы с Джуди решили предоставить им униформу: сиделки часто жаловались, что их одежда постоянно пачкается разными жидкостями. Одна из самых старших медсестер смогла достать подержанные белые халаты и принесла нам их около дюжины. Белый халат с поясом и пряжкой будет смотреться красиво и официально, думали мы: медсестры из агентства всегда носили униформу, поэтому казалось логичным, что и наши медсестры будут ее носить. Униформа также могла помочь провести четкую черту между персоналом и семьей и, как мы надеялись, внушить некоторое чувство профессиональной дисциплины. Однако Стивен не позволил одеть медсестер в халаты: он хотел сохранить иллюзию, что его сиделки – это просто друзья. С тех пор медсестры могли носить все, что им вздумается. Иногда они так одевались и красились, будто работали на углу улицы в квартале Сохо, а не в доме тяжелобольного кембриджского профессора и его семьи.

Люси вскоре привыкла, что медсестры могут подойти и забрать у нее прямо из-под носа утреннюю газету, которую она читала за завтраком перед школой (шел учебный год перед экзаменами на базовый уровень). Уже в порядке вещей была церемония ожидания Стивена, когда он появлялся к завтраку на десять минут позже. Очень быстро все остальные члены семьи превратились в граждан второго сорта, словно мы были низшими из низших и существовали где-то у подножия социальной лестницы, на верхней ступени которой этакие Флоренс Найтингейл[157] прислуживали Хозяину Вселенной. Где-то посередине располагалось несколько промежуточных каст: студенты, ученые и компьютерные инженеры – все они были, конечно же, намного важнее, чем мы. Когда одна из медсестер, Элейн Мэйсон, спросила меня, почему я не оставила преподавание, не посвятила все время уходу за больным и не

научилась пользоваться отсосом для трахеотомической трубки, чтобы иметь возможность самой сидеть со Стивеном, мне стало очевидно, что всех, у кого в этом доме не было медицинского образования, записали в презренные невежды. Легкость, с которой Элейн Мэйсон судила о серьезных вещах, основываясь на своей евангелической убежденности – словно она выражала божью волю, – приводила в замешательство. Когда она небрежно заявила в присутствии Стивена, что присматривать за ним намного проще, чем растить ее собственных двоих сыновей, я чуть было не указала ей на тот факт, что за Стивеном она присматривала всего две смены в неделю. Все эти высказывания сильно напоминали мне легкомысленные суждения Хокингов, с которыми я сталкивалась в прошлом. Она была очень хорошей сиделкой, поэтому я старалась не принимать близко к сердцу ее бестактные высказывания, относясь к ним с подобающей случаю отстраненностью.

> Я стала жертвой психологического давления так же, как Стивен – жертвой болезни. Я наблюдала за тем, как шел этот процесс, но ничем не могла на него повлиять, поскольку он был неотъемлемой частью всей ситуации.

Перед лицом этой самодовольной псевдофилософии я находила еще большее утешение в своей принадлежности к церкви Святого Марка. Я внимательно слушала проповеди Билла Лавлеса и его напарника, ученого и в прошлом миссионера Сесила Гиббонса, который в своем преклонном возрасте поставил себе целью быть в курсе всех научных достижений и интерпретировать их в религиозном контексте. Они всегда находили нужные мне слова – взвешенные и значимые – о страдании, о месте человека в мироздании, о добре и зле. Руководствуясь этим, я начала создавать свою простую философию о преградах, стоящих на пути к вере, осознав главное: свободная воля – это основное условие человеческого существования. Если бы вера в Бога изначально была в нас заложена Создателем, человеческая раса являлась бы просто группой машин, не способных к эволюции мысли и не имеющих желания открывать новое. Зло же, как мне виделось, всегда сводилось, пусть косвенно и туманно, к человеческой жадности и эгоизму – хищническим животным инстинктам, продиктованным необходимостью выживать в далеком прошлом, задолго до развития более высокого интеллекта и зарождения самосознания. Эгоистичное, инстинктивное поведение – корень зла – находится вне влияния Бога именно из-за того, что свободная воля не допускает Его вмешательства. Бог не мог предотвратить

страдания, но мог облегчить их воздействие на человека, вернув надежду, мир и гармонию. По-прежнему оставался вопрос с болезнью, прогрессирующей, неизлечимой, парализующей и опустошающей, – вопрос, который не вписывался в мою систему. Хотя можно было допустить, что болезнь иногда оказывается результатом, пусть и отдаленным, людской склонности совершать ошибки, в диагнозах или лечении, в тех или иных обстоятельствах или условиях. Если причиной болезни Стивена действительно стала нестерильная прививка от оспы в начале шестидесятых, то тогда моя теория действовала. Что касается хаоса, который воцарился в нашем доме, то оставалось только надеяться, что если не терять веру и продолжать стараться изо всех сил, то однажды наступит светлое, спокойное будущее.

Джуди оказалась в осаде на административном фронте. Она готовила и согласовывала график дежурств на месяц вперед, а затем обнаруживала, что ее тщательный план оказывался таинственным образом переиначен и реальный рабочий график далек от того, что она подготовила и распределила. Ни я, ни она никогда не знали, кого нам ждать в ту или иную смену. Система необъяснимым образом рушилась, и приходилось вызывать сиделку из агентства. Уставшие и разочарованные этими непредвиденными и часто избыточными сложностями, сопровождавшими наши усилия по возвращению Стивена в семью и общество, мы с Джуди организовали несколько собраний, чтобы раз и навсегда расставить все точки над i. До Джуди дошли слухи о том, что, кроме вмешательства в установленное расписание дежурств, смута среди персонала поднималась и в сферах, не имеющих никакого отношения к графику работы.

Дотации от Фонда Макартуров приходили раз в полгода. Следовательно, раз в полгода бухгалтерия университета оформляла отчеты для доверителей фонда о том, на что были потрачены выделенные средства, а я предоставляла медицинский отчет о состоянии здоровья Стивена и новый запрос о предоставлении гранта на следующие полгода. В моем втором письме к Фонду в марте 1986 года я сообщила о том, как мы собственными силами набрали команду медсестер, организовав серию объявлений в местной газете. Я также указала на «неописуемые проблемы», к которым привел этот метод, из-за чего мы часто были вынуждены прибегать к услугам агентств, что привело к значительному превышению затрат на услуги сиделок по сравнению с планом. Дотаций фонда, хоть они и были весьма щедрыми, хватало только на покрытие этих счетов. И уж конечно, фонд не мог обеспечить запросов о повышении зарплаты, спровоцированных появившимся среди сиделок смутьяном,

которому Джуди и хотела дать отпор на первом собрании. Поблагодарив всех собравшихся за помощь, я рассказала, каким образом мы получаем и распределяем финансы, в надежде, что они смогут осознать, с какими трудностями нам приходится сталкиваться. Я обратила их внимание на то, что счета за услуги сиделок поднялись до 36 тысяч фунтов в год, а деньги эти приходили к нам из Соединенных Штатов. Я также подчеркнула, что каждый раз мы не знаем, получим ли мы следующую дотацию. По этой причине мы не могли предложить медсестрам ничего, кроме временного трудоустройства на неполный рабочий день, и именно так и было указано в объявлении. Следовательно, у нас не имелось оснований выплачивать больничные, отпускные, пенсии и другие бонусы, которые они начали требовать.

После чего уже в относительно спокойной атмосфере мы переключились на более насущные вопросы: корзины для грязного белья, вешалки для полотенец, улучшение освещения, пользование полками и так далее, вплоть до ремонта выбоин на проезжей части. Мы с Джуди воспользовались возможностью раздать всем Кодекс деловой этики совета медсестер Великобритании и призвали всех обратить внимание на его четырнадцать пунктов. Эти рекомендации имели тот же успех, что и мои просьбы помочь сделать дом – наш дом – счастливым и спокойным местом как для Стивена, так и для наших детей.

5. Восставший из пепла

Несмотря на суматоху, привнесенную в наш дом нашествием извне, Стивен восстал, словно феникс из пепла, и уже в начале декабря 1985 года стал чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы совершать короткие вылазки в университет. Поначалу я возила его туда на машине, но вскоре, если погода позволяла, он стал ездить туда сам на кресле по привычному маршруту через Задворки, с единственным отличием: отныне вместо преданного студента его сопровождала медсестра. Эти передвижения занимали теперь гораздо больше времени, ведь пациента следовало тщательно подготовить перед выходом из дома. На спинку кресла нужно было прикрепить большое количество необходимых приспособлений, что придавало всему устройству невероятно неуклюжий вид. Увешанное странными громоздкими приборами, словно повозка жестянщика, кресло вмещало в себя казавшегося крошечным человека, который бесстрашно мчался в нем на битву за восстановление власти над своей научной сферой.

Было неразумно слишком долго концентрироваться на слабости Стивена, хотя и трудно удержаться, и не предаться желанию сентиментальной избыточной опеки: многие попали в эту ловушку. Некоторые из нас старались достичь баланса между глубоким сочувствием к почти исчезнувшей, субтильной физической оболочке Стивена и отчасти зловредным заигрыванием с его огромной психологической и интеллектуальной силой. Этот хрупкий баланс, необходимый для здоровой семейной жизни, где никто из членов семьи не должен претендовать на более важную роль, чем другие, стало невозможно сохранить. В лучшем случае результатом нашей работы над собой было нервное внимание к каждой мелочи в уходе за Стивеном и здоровый скептицизм по отношению к самым нелепым и возмутительным из его высказываний. Например, по воскресеньям Джонатан обычно приносил готовый карри из магазина. Стивен, всегда столь недоверчивый и нервный по отношению к моей старательно приготовленной безглютеновой домашней пище, по воскресеньям всегда с большим аппетитом съедал полную тарелку карри, не задумываясь о том, как и из чего он приготовлен. Мы с детьми воспринимали эту вопиющую непоследовательность оправданным поводом для того, чтобы немного его поддразнить.

Не понимая тонкостей наших со Стивеном

отношений и не умея отличить телесное от духовного, медсестры, со своей стороны, часто относились к Стивену с излишней сентиментальностью.

Воскресные ужины были также временем для дискуссий на всевозможные темы. Как правило, на отвлеченные разговоры не было времени, но в расслабленной атмосфере за воскресным ужином – а иногда и за обедом, когда Роберт, вернувшийся на учебу в Кембридж в 1987 году, приглашал своих однокурсников к нам хорошенько подкрепиться, – вопросы науки и религии становились темой основательной, добродушной беседы. Сесил Гиббонс как-то сказал в одной из своих проповедей, что при выборе рабочей гипотезы в научном исследовании совершается такой же «скачок веры», как и в религии. Стивен обычно ухмылялся при упоминании о религии и вере, хотя в один исторический момент он, на удивление всем, признался, что, как и в религии, в его исследованиях Вселенной требовался такой скачок. В его научной сфере «скачок веры» – или вдохновенная работа мысли – концентрировался на выборе модели Вселенной, теории или формулы, которые могли бы стать подходящим предметом исследования. Затем, на стадии эксперимента, теории проверялись на соответствие наблюдениям. Если повезет, гипотеза – или скачок веры – может быть, по словам Ричарда Фейнмана, «временно не ошибочной». Ученому нужно полагаться на интуицию, оценивая правильность своего выбора, иначе он может потерять годы в бессмысленных поисках, которые точно приведут его к ошибочным выводам. Дальнейшие попытки вывести Стивена на разговор о серьезных материях в науке и религии были встречены загадочной улыбкой.

Не понимая тонкостей наших со Стивеном отношений и не умея отличить телесное от духовного, медсестры, со своей стороны, часто относились к Стивену с излишней сентиментальностью. Это было проявлением игнорирования сохранности его интеллекта и подрывало мои попытки установить разумный баланс. Для них он стал идолом, неподвластным критике и даже здоровому скептицизму, который сохраняли медсестры из психиатрического отделения. Они видели лишь трагедию болезни, а не победу над ней, потакая каждой прихоти пациента и воспринимая любую шутку как оскорбление их идола.

Ту же сентиментальную ошибку совершил ранее, в 1985 году, художник, назначенный совместно колледжем и Национальной портретной галереей написать портрет Стивена. Портреты, представленные в то лето, показывали страдания тела, с

явственной неестественностью втиснутого в кресло, но не смогли передать силу воли и гениальность, с такой убедительностью проявляющиеся в строении лица и сиянии глаз. Я считала, что эти портреты искажали всю суть ситуации, и говорила об этом – к недовольству их авторов. Так или иначе, в начале 1986 года огонек уверенности опять появился в глазах Стивена, когда тот снова смог передвигаться и занял свою никем не оспариваемую должность на факультете. Последствия долгого периода болезни были чем-то схожи с тем, как Ньютон пережил отстранение от Кембриджа, когда университет был закрыт из-за чумы в 1665 году. В уединении особняка Вулсторп около Грантема Ньютон посвятил время размышлениям и расчетам, необходимым для проработки теории тяготения. В те месяцы, когда Стивен был еще слишком слаб, чтобы выходить из дома, он освоил новый компьютер с тем же непоколебимым упорством, с каким заучивал наизусть формулы, когда в начале шестидесятых потерял способность писать.

Несмотря на потерю голоса, он понял, что получил более совершенный способ коммуникации. Он мог общаться с кем угодно, не только с небольшим кругом родственников и студентов, как было раньше, и ему уже не требовалось присутствие студента, чтобы адаптировать его лекции. Увеличив громкость динамиков, он мог так же, как и любой другой, эффективно общаться с аудиторией, а возможно, и более успешно, чем другие. Его синтезированная речь была медленной, поскольку требовалось подбирать слова, но в этом не заключалось ничего особенного, так, как и раньше он взвешивал каждое слово перед тем, как его произнести. Стивен всегда долго обдумывал свои высказывания, чтобы избежать клише или бессодержательности и быть уверенным, что последнее слово всегда будет за ним.

Он получил возможность не только самостоятельно выражать свои мысли, вести лекции и писать письма, но и продолжать работу над книгой. Его бывший студент Брайан Витт за прошедшие месяцы занимался последовательной организацией материала, а после выздоровления Стивена продолжал помогать с диаграммами и поиском исследовательского материала, но сам проект полностью вернулся под контроль Стивена. Книга была стимулом для использования всего потенциала компьютера: с помощью него он мог печатать обновленные версии рукописи, прорабатывая предложения американского издателя. Издание книги становилось все ближе к реальности: было похоже на то, что нам не только не придется выплачивать аванс – мы в които веки оказались близки к финансовой стабильности. Мы не

рассчитывали на то, что книга принесет нам богатство, но она обещала стать источником постоянного дополнительного дохода, ознаменовав тем самым конец экономии длиной в четверть века.

Дома я пыталась совмещать личные интересы, преподавание, музыку и заботу о детях с утомительными запросами своевольных медсестер. С верной помощью Джуди я предотвратила надвигающийся хаос, проводя еженедельные собрания с новыми кандидатами и отвечая на запросы по благоустройству от уже имеющегося персонала. Мы понимали, что стали козлами отпущения для разочарованных медсестер, которые не могли отыгрываться на самом Стивене. Я рассказала о наших затруднениях старой подруге, которая читала лекции для медсестер. Синдром был ей знаком. «Медсестры, как солдаты, натренированы действовать, а не думать, – сказала она. – Если есть пациент, нуждающийся в уходе, их основная обязанность – ухаживать за пациентом в первую очередь. Они действуют на сугубо физическом уровне, не включая ум. Воображение – не то свойство, которое ценится среди медсестер». Эти слова прояснили суть проблемы, но не очень успокоили меня, поскольку стало понятно, что медсестры действовали на противоположном по отношению к нам полюсе и, как бы мы ни пытались найти компромисс, к нему было нельзя прийти по определению.

В это время Стивен праздновал свое возвращение к нормальной жизни. Непосредственно в тот момент это выразилось в походе на пантомиму в день его рождения и на вечеринку, организованную колледжем, два дня спустя. На следующий год он планировал снова начать путешествовать, совершенно забыв про горький опыт поездки в Женеву. Осенью он собирался посетить Париж и Рим, а до этого, в июне, должна была состояться экспериментальная поездка на остров недалеко от Швеции на конференцию по физике частиц. Как все это совершить, было отдельным вопросом, особенно потому, что даты конференции в Швеции совпадали с первыми выпускными экзаменами Люси, а я не хотела оставлять ее одну в такой решающий момент.

Мое внимание окончательно переключилось со Стивена на Люси в 1986 году. В марте она отправилась в поездку со школьной группой в Москву, но не в сопровождении своей воодушевленной учительницы русского языка, на что мы все рассчитывали. Каждый год у Веры Петровны была традиция одевать своих подопечных как человечков Мишлен[158]: в многослойные одежды из секонд-хендов и с распродаж. В Москве девочки заходили в гости ко всем ее друзьям и знакомым, расставаясь с благотворительными одеяниями в их квартирах,

слой за слоем. Однако в 1986 году ей впервые отказали в визе, поэтому в этот раз группа отправилась в Москву и Ленинград в сопровождении преподавателей, не говорящих по-русски. Результатом этого стала катастрофа: когда Люси заболела, ей пришлось обходиться только своим знанием языка. Испугавшись, что ее заберут в больницу и оставят там навсегда, она никому не сказала, что плохо себя чувствует, ничего не ела и держалась за живот все десять дней. Вернувшись домой с высокой температурой и мучительной болью в животе, она была настолько больна, что отправилась прямиком в кровать. Вызванный на дом доктор поставил диагноз: острый аппендицит. И снова мы шли по хорошо знакомым коридорам Адденбрукского госпиталя и сидели на тех же пластиковых стульях, только с той разницей, что сейчас это был воспаленный аппендикс, а не затруднение проходимости дыхательных путей. На следующий день нам сообщили, что Люси уже поправляется и что ей очень повезло, что аппендикс не прорвался в Москве.

> Здоровье Стивена постепенно улучшалось, и я решила вернуться к своим старым занятиям, особенно к пению в церковном хоре в составе ансамбля, в котором я состояла в начале восьмидесятых.

Когда на улице потеплело, исчезли некоторые специфические сложности, характерные для зимы. Жизнь начала вновь приобретать хотя бы некоторую видимость прежней гармонии, которая в тот раз далась нам так непросто. Твердо уверенная в том, что дом должен оставаться домом, я пыталась отодвинуть проблемы, связанные с постоянным присутствием медсестер, на задний план, притворяясь, как мы часто делали в прошлом, что это просто еще одно незначительное неудобство. Мы снова устраивали ужины и коктейльные вечеринки для гостей из научного круга, участвовали в местных мероприятиях в школе и церкви. Тим пригласил на день рождения семнадцать одноклассников, и на какое-то время все внимание гостей захватило старое доброе шоу Панча и Джуди[159], а остальной вечер мой отец по давней традиции развлекал всех музыкальными играми у фортепиано.

Здоровье Стивена постепенно улучшалось, и я решила вернуться к своим старым занятиям, особенно к пению в церковном хоре в составе ансамбля, в котором я состояла в начале восьмидесятых. Поскольку репетиции ансамбля проходили каждую неделю в часовне колледжа Гонвиля и Каюса с разрешения декана Джона Стерди, это занятие было легко совместить с передвижениями Стивена. В сопровождении

медсестры он обедал в колледже, пока я пела в часовне – или, скорее, пыталась хоть немного попеть в перерывах между бесконечными простудами. Обычно он появлялся в часовне после обеда, чтобы послушать последние аккорды, а затем мы вместе шли домой. Люси становилась все более независимой, все чаще проводила свободное время в театре – и все реже дома.

Вместе со Стивеном в Швецию должны были ехать три медсестры и врач, что полностью исчерпало дотацию фонда Макартуров. С другой стороны, это был выгодный вклад, поскольку Марри Гелл-Ман, один из вкладчиков фонда, тоже участвовал в конференции. У него появилась возможность увидеть собственными глазами, насколько тяжелым было состояние Стивена и насколько дорогие медицинские услуги нам требовались, чтобы поддерживать его и давать ему возможность сделать свой вклад в физику. В моей следующей заявке фонду в сентябре 1986 года я смогла сделать ссылку на нашу встречу с Марри Гелл-Маном и дать отчет о состоянии Стивена, которое хоть и стабилизировалось, но по-прежнему требовало большого объема профессиональной медицинской поддержки: я предположила, что помощь понадобится на неопределенный период. С этих пор фонд Макартуров согласился оплачивать расходы на медицинские услуги для Стивена на постоянной основе и принял мое объяснение, что Национальная служба здравоохранения организовывает только один короткий визит участковой медсестры для проверки наличия медикаментов, один визит семейного врача в неделю, одну восьмичасовую смену из двадцати одной и дополнительную помощь с купанием пару раз в неделю.

Маленький пешеходный остров Марстранд на западном побережье Швеции оказался прекрасным местом для того, чтобы идущий на поправку ученый мог размять свои умственные мышцы. Пока Стивен и его коллеги постигали Вселенную с помощью траекторий элементарных частиц, я отдыхала, радуясь спокойствию и одиночеству, гуляя по каменистым бухтам и лесным тропинкам, где в июне все еще цвели нарциссы, а солнце светило до позднего вечера. Свобода тех нескольких дней в Швеции стала редкой роскошью, но не столь редкой, какой могла бы быть без неожиданной помощи матери Стивена после смерти его отца в 1986 году. Отец Стивена был сложным пациентом на последних стадиях болезни: отчаяние из-за невозможности двигаться слишком тяготило человека, который в молодости самостоятельно пересек на машине всю Африку, чтобы вступить в армию в начале Второй мировой войны, а в свои семьдесят мог уходить в недельные походы по горам Уэльса. Его похороны стали

печальным окончанием выдающейся, но все же недооцененной карьеры в области тропической медицины. Я предполагала, что я не единственная, чьи чувства по отношению к этому человеку были весьма неоднозначными. Я восхищалась им и уважала его, так как он мог казаться разумным и внимательным, даже благодарным, но он также бывал холодным и замкнутым.

После его смерти Изабель стала менее строгой и жесткой и начала проявлять некоторые признаки эмпатии. Казалось, ей не терпелось разделить переживания нашей семьи; ее по-новому полюбили дети за ее хладнокровно-саркастическое чувство юмора и покладистый нрав: она ничего от них не требовала. Она с удивительным пониманием и благосклонностью отнеслась к моим отношениям с Джонатаном, словно в конце концов осознала, что он не был намерен разрушать семью, а, напротив, искренне поддерживал нас всех, включая Стивена. Я была благодарна за ее помощь и понимание, особенно когда она предложила последить за домом, чтобы мы могли возобновить нашу традицию уезжать на каникулы в походы на континент. Если мне были обещаны две недели летнего отпуска вдали от бледного подобия жизни в моем доме, где я отвечала буквально за все семь дней в неделю минимум сорок девять недель в год, пытаясь все успеть и угодить всем живущим в доме, то я, пожалуй, согласна была собраться с силами и продолжать выполнять свои обязанности, какими бы тяжелыми они ни были. В конце отпущенного мне времени я безоговорочно вернулась к Стивену.

Словно феникс, в Швеции Стивен благополучно расправил свои крылья и хотел использовать их снова и снова. В сентябре его бродячий цирк, в который теперь в качестве личного ассистента Стивена был принят молодой выпускник физического факультета, отправился на конференцию в Парижской обсерватории в Медоне, где работал Брэндон Картер. Я была рада провести время с Люсетт, рассказывая все новости, накопившиеся за год, и там же я оказалась в давно забытой роли – шофером и переводчиком для всей честной компании. По крайней мере, медсестры могли услышать, что я хоть на что-то годна – если этого до сих пор не было заметно.

Всего через месяц мы снова находились в Риме, где Стивена ждал прием в Папской академии наук, хотя он по-прежнему проповедовал крамольное учение о том, что у мира нет ни начала, ни конца. С нами приехал Тим, а также эшелон медсестер и молодой личный ассистент, в чьи обязанности входило следить за компьютером и технической частью лекций Стивена. Мы постарались выбрать медсестер-католичек, которые, как мы

думали, смогут оценить всю значимость события. Нам повезло: две самые надежные и приятные медсестры, Пам и Тереза, были католичками и очень обрадовались приглашению. Однако нам требовались три медсестры, а далеко не все были так приятны, как они. В самую последнюю минуту с нами согласилась поехать Элейн Мэйсон, да и то лишь после того, как мы заверили ее, что папе не понадобится жать руку: такое поведение было против ее принципов.

> У меня не было религиозных предрассудков, я приехала в Рим с открытым сердцем и душой. Папа поразил мое сердце и ум: я чувствовала, что, несмотря на занимавшую его ум политику и некоторый догматизм, он искренне переживал за тех, с кем встречался, и продолжал молиться за них.

Вторая поездка в Рим прошла более официально по сравнению с первой, в 1981 году. Однако погода была лучше, как и оказанный нам прием. Нас поселили в более комфортабельном отеле, ближе к Ватикану, а для жен и детей организовали экскурсии по художественным музеям на время, пока ученые беседовали в главном здании Академии эпохи Ренессанса. Кульминацией поездки стала аудиенция папы Иоанна Павла II, куда были допущены все сопровождающие Стивена. Положив руку на голову Тима, папа тихо говорил со мной и Стивеном, сжимая наши руки и давая нам благословение. Затем он пожал руки всем остальным, и никто не сопротивлялся. Меня глубоко тронула его теплота, мягкие большие руки и святость, исходящая от его сияющих голубых глаз. У меня не было религиозных предрассудков, я приехала в Рим с открытым сердцем и душой. Папа поразил мое сердце и ум: я чувствовала, что, несмотря на занимавшую его ум политику и некоторый догматизм, он искренне переживал за тех, с кем встречался, и продолжал молиться за них.

Вдохновленный успешными пробными поездками по Европе, Стивен не знал предела в своих устремлениях. В декабре того же года он вылетел на конференцию в Чикаго, чтобы восстановить свое положение в международном научном сообществе. В те дни он путешествовал, словно арабский шейх, окруженный толпами прислуги, медсестер, студентов, с личным ассистентом и периодически с тем или иным коллегой. У него было так много багажа, что колеса лимузинов, которые приезжали, чтобы умчать его в аэропорт, зачастую с трудом поворачивались, выкатываясь на улицу. Авиалинии научились относиться к Стивену с уважением, уже как к ценному, а не проблемному клиенту, и

окружали его почтением, которое мне очень пригодилось бы двадцать лет назад, когда я пыталась ухаживать за Стивеном и крошечным ребенком одновременно. Сейчас же – вот незадача! – мое присутствие при международных перелетах было почти формальным. Я чувствовала себя одиноко среди всех этих чужих людей и часто брала с собой за компанию Тима, как когда-то возила с собой маленького Роберта. Тим прекрасно справлялся со своей ролью. Ему нравилось летать, и, когда самолет набирал скорость для взлета – самый неприятный для меня момент, – он восторженно твердил: «Быстрее, быстрее!» – рассеивая все мои страхи своим заразительным возбуждением. В этих путешествиях я многому могла научить его, многим заинтересовать, в том числе изучением романских языков. В Испании, терпеливо и без тени соперничества, он научил меня играть в шахматы, чего никогда не мог сделать его отец.

6. Математика и музыка

Хотя полгода назад шансы Стивена на поправку были ничтожны, он вновь сбил с толку пессимистов: выжил и вернулся на передовую линию фронта научной деятельности, разрабатывая теории на основе смутных предположений о воображаемых частицах, путешествующих в воображаемом времени в зеркальной Вселенной, которой не существовало нигде, кроме как в сознании ученых. Феноменальное воскрешение Стивена и последовательные трансформации диагноза вдохновили его на еще более интенсивный труд. Он снова путешествовал, как по Земле, так и во Вселенной, куда и когда хотел. Более того, уже через год после первых болезненных попыток освоиться с механизмом компьютера и осторожного возвращения на факультет, он закончил вторую редакцию своей книги и теперь думал над названием. Состояние его здоровья оставалось нестабильным и было предметом постоянных переживаний, но с ним рядом всегда находилась его мини-больница со всеми приспособлениями современной медицины и круглосуточной сестринской помощью. Медсестры освоили порядок действий в случае замены трахеотомической трубки, а курс принятия препаратов отслеживал сам Стивен, поскольку справедливо считал, что знает свою болезнь лучше всех докторов.

У нас появилась еще одна медсестра – высокая, аристократичная Амарджит Чохан родом из Пенджаба. Ночью она работала в операционных театрах Адденбрукского госпиталя, а днем (и в свободное время) приходила ухаживать за Стивеном. В одиночестве, далеко от дома, будучи жертвой плохо скрываемого расизма, она очень привязалась к нам, что вскоре начало вызывать нападки других медсестер. Стивену льстило то, что он оказался ценным призом в битвах между самыми легкомысленными и непрофессиональными из сиделок за его расположение. Он увлеченно следил за их распрями. В Испании мы с Тимом были в шоке от того, как медсестра без зазрения совести прилюдно флиртовала со студентом, а затем чуть не подралась с другой медсестрой по какому-то мелкому поводу. Словно надвигающийся шторм, соперничество между самоуверенными сиделками, каждая из которых настаивала на превосходстве собственного метода ухода, угрожающе нарастало. Это по-прежнему утомляло нас дома и заставляло краснеть на публике.

В 1987 году состоялось событие, которое, наряду с воображаемыми траекториями и иллюзорными Вселенными,

захватило воображение Стивена и всех тех, кто вращался по орбите вокруг него. Это было празднование трехсотлетия книги Ньютона «Принципы математики», в честь которого в Кембридже была проведена международная конференция. Стивен, конечно, находился в центре событий, поскольку, будучи Лукасовским профессором, продолжал ньютоновскую традицию в передовых космологических исследованиях. Его работа была логическим продолжением ньютоновской физики с учетом влияния теории относительности Эйнштейна.

Исаак Ньютон появился на свет в 1642 году, в год смерти Галилео и за триста лет до рождения Стивена. Хотя он получил консервативное образование в средней школе Грантема и в Тринити-колледже, его наиболее значимая работа «Принципы математики» напрямую вытекала из принципов механики и математики Рене Декарта, великого французского философа XVII века. В 1660-х годах в Кембридже теории Декарта вызвали «такую суматоху, недовольство, запреты на чтение его работ, словно он оскорбил само Евангелие. Однако все наиболее проницательные сотрудники использовали его знания». Ньютон увез знания Декарта к себе в особняк Вулсторп сразу после окончания университета в начале эпидемии чумы. Именно во время необычайно творческого периода в Вулсторпе Ньютон в свои двадцать три года разработал три важнейшие теории: математический анализ, теорию тяготения и теорию природы света.

> В результате несчастливого детства Ньютон порой был властным и неискренним. Он заработал репутацию мстительного человека из-за отношений с немецким философом Готфридом Лейбницем, который заявлял, что открыл математический анализ первым.

Возможно, Ньютон очень «проницательно» освоил теории Декарта, однако не проявил такой же проницательности при публикации результатов, к которым привели его эти теории. «Принципы математики» были в конце концов изданы в 1687 году с настояния Сэмьюэла Пипса, президента Королевского общества, и Эдмунда Галлея, молодого астронома. В его *magnum opus*[160] Ньютон не только предложил закон всемирного тяготения, предсказав эллиптическое движение планет вокруг Солнца, но и разработал сложнейшие формулы этого движения. Именно в «Принципах» математика ставится на службу физике и неуклонно применяется к видимому миру. «Оптика», другая великая работа Ньютона, также разрабатывалась в годы чумы, но не была издана до 1704 года. В ней свет описывался как спектр цветов, вкупе

дававших белый, который, в свою очередь, можно было разделить на семь составляющих. Ньютон поставил призму на пути солнечного луча и наблюдал, как свет входил в нее и дробился на цвета радуги, проецируя на противоположной стене не круглое солнце, а продолговатое изображение из семи цветов, от синего до красного, которые расходились веером «соответственно степени их преломления». Вдохновение для «Принципов математики» пришло от упавшего яблока в саду особняка Вулсторп, тогда как «Оптика» появилась благодаря чисто коммерческим интересам: нужно было починить линзу в телескопе, потомке того инструмента, который Галилео впервые направил в небеса зимой 1609 года. Хотя Ньютон охарактеризовал себя как естествоиспытателя, его можно назвать первым великим математиком и физиком современности.

В результате несчастливого детства Ньютон порой был властным и неискренним. Он заработал репутацию мстительного человека из-за отношений с немецким философом Готфридом Лейбницем, который заявлял, что открыл математический анализ первым. Ньютон открыл математический анализ, названный им флюксиями, в ходе поисков универсального метода математических вычислений, необходимого для работы с динамикой планетарного движения. Метод сразу же был применен в теории тяготения, однако Ньютон не сделал ничего, чтобы опубликовать результаты исследования, а затем оказался ужасно оскорблен, когда Лейбниц опубликовал свое независимое исследование в 1676 году. Однако была у этого озлобленного гения скромность, которая мне импонировала. Когда он писал о своей роли в науке и рассуждал о своей важности, чувствовалась его неуверенность в собственной значимости: «Не знаю, каким я предстаю миру, но себе я кажусь маленьким мальчиком, играющим на морском берегу и развлекающим себя поисками гальки поровнее или ракушки симпатичнее обычного, в то время как передо мной простирается огромный неизведанный океан правды». Именно фразу «собирание ракушек на пляже» использовал Стивен в 1965 году, чтобы выразить свое презрение к средневековой науке.

На своем пляже Ньютон перебрал все камешки до единого. Хотя современники говорили, что у него отсутствовал слух, в 1667 году он разработал теорию музыки. Трактат «О музыке» был довольно незначительным и не содержал ничего нового. В нем Ньютон рассматривал вопросы изменения тональности и сравнивал чистые и равные темперации в логарифмических терминах. С помощью музыки он также провел синэстетические аналогии между семью нотами диатонической гаммы и семью

цветными полосами в спектре, сравнивая ширину цветных полос с семью струнами, без которых невозможна гамма.

Музыка находилась весьма далеко от сферы интереса Ньютона, но с учетом всех других причин его теоретический интерес к ней был настолько силен, что он оправдал решение отпраздновать его трехсотлетие прослушиванием музыки того времени. Другой причиной служил тот факт, что изначально гений Ньютона был пробужден новым подходом к науке, пришедшим из Франции. Во время эпохи Реставрации монархии в 1660 году волна энтузиазма по отношению к инновационному французскому стилю в музыке пришла в Англию с Карлом Вторым, вдохновив другой гений того времени – Генри Перселла. Поскольку, наряду с произведениями Баха и Генделя, музыка Генри Перселла входила в репертуар Кембриджского камерного оркестра музыки барокко, музыка этого периода в его исполнении оказалась самым подходящим развлечением для делегатов конференции по случаю трехсотлетия Ньютона. Как бы ни хотел того Стивен, посещение «Кольца нибелунгов» было за пределами возможностей. Престижное событие проходило в Тринити-колледже, что дало нам большое преимущество: мы смогли привлечь долгожданных спонсоров для оркестра. Это позволило Джонатану поставить свое музыкальное дело на более прочную опору, а также сделать запись программы под названием *Principia Musica*[161].

Снова Стивен, Джонатан и я пришли к синтезу наших разнонаправленных талантов и интересов. Хотя современная квантовая физика находилась выше моего понимания, я могла изучать ньютоновскую физику, в целом понимая ее идеи, пусть не совсем ориентируясь в математике, и могла быть полезной при связи математических и музыкальных аспектов самого крупного мероприятия того лета. Мне нравилось заниматься организацией концерта: это было непросто, но, как и преподавание, давало чувство самоуважения. Кроме дел, связанных с рекламой концерта, подготовкой места проведения, выпуском билетов и так далее, имелась и интеллектуальная сторона: нужно было изучать историю произведений для написания комментариев ведущих программы. В поисках информации о музыкальной сцене конца XVII века я очутилась в глубине университетской библиотеки, где сумасшедший темп дневного существования замедлялся до благоговейной неторопливости. Я обнаружила искомую связь между Ньютоном и Перселлом в трудах выдающегося музыковеда XVII века и современника Ньютона, Роджера Норта. Он говорил, что «настоящие развлечения» в его жизни «сводились к двум вещам: математике и музыке». В математике его приводила в

восхищение «новая и тончайшим образом обдуманная» гипотеза о свете «как смеси всех цветов». Что касается музыки, было очевидно, что «божественный Перселл» доставлял ему несказанное удовольствие во время «путешествий в превосходство музыкального дара».

Как и в прошлом, я могла проводить в университетской библиотеке лишь ничтожное количество времени. Его хватало только на то, чтобы забежать, просмотреть каталоги и умчаться со стопкой книг в руках. До праздника в честь Ньютона, запланированного на июль, нужно было уместить в календарь еще множество других дел. Я ни на секунду не могла успокоиться, побуждаемая внутренним напряжением, захватившим все стороны моей жизни: телесную, умственную, психическую, творческую и духовную. Я горела желанием доказать себе, что достойна быть рядом с гением Стивена, а окружающему миру – что мы с ним все еще полноценная семья. Кроме работы в университете, были еще встречи и обеды, благотворительность, концерты и конференции, путешествия и почетные степени. Другие семьи тоже вели активную жизнь, но по сравнению с ними наша жизнь была просто сумасшедшей. Чтобы выжить, мне требовалась всевозможная поддержка и вдохновение, которое я получала от множества разнообразных дел, семьи, друзей и Джонатана. Медсестры Стивена, не одаренные ни проницательностью, ни воображением, рассматривали эту поддержку как удар по интересам Стивена. Вскоре меня и всех остальных членов семьи заставили почувствовать себя виноватыми за свое присутствие, за само наше существование, за то, что мы дышим одним воздухом с этим гениальным человеком. Чаще всего Люси помогала мне двигаться вперед, а Джонатан вселял уверенность в себе. Джонатан почти все время был рядом и поддерживал меня, что часто становилось причиной скрытного перешептывания и многозначительного молчания среди посторонних, в своей ограниченности опирающихся на стандарты, которым, как доказали события, сами они не следовали.

Люси продолжала изучать русский в старших классах и снова поехала в Москву в 1987 году со мной и Стивеном на очередную конференцию в Академии наук. Академия, как и многие другие русские учреждения, постепенно избавлялась от советской номенклатуры вследствие серьезных изменений в русском обществе. У всех на устах были слова «перестройка» и «гласность», их произносили с заразительным возбуждением, граничащим с эйфорией. «Что вы думаете об изменениях, происходящих в стране?» – спросили нас с Люси журналисты после публичной лекции Стивена. «Уже тот факт, что вы можете

задать такой вопрос, доказывает значительность перемены», – ответили мы. Свобода слова, свобода от угнетения, свобода путешествовать были невероятно ценными для народа, вынужденного жить в холодном сером климате отрезанной от мира однопартийной страны.

Мы чувствовали себя намного свободнее по сравнению с предыдущими поездками. Мы могли пойти, куда захотим, без сопровождения или преследования, а в программе развлечений значился не только обязательный поход в Большой театр, но еще и концерт в храме за пределами Москвы. Вся Москва была охвачена религиозным порывом. В церкви Новодевичьего монастыря воздух густел от сотен зажженных свечей, а люди пели и преклоняли колени так, словно наверстывали упущенные годы. По случайному совпадению я всю зиму репетировала Всенощное бдение Рахманинова с хором на русском языке для выступления в часовне Колледжа Иисуса в марте. Меня порадовало то, что в концерте, на который нас пригласили, принимали участие такие же непрофессиональные певцы. Они исполняли без аккомпанемента русские литургии, напоминавшие всенощное бдение своей атмосферой, насыщенной ожиданием нового и ощущением возрождающейся традиции. На фоне богато позолоченных икон великолепные басы выводили глубокие русские гласные, прокатывали их на языке и выпускали в резонирующее пространство старинной церкви, приводя публику в восторг бархатными созвучиями.

> Чтобы выжить, мне требовалась всевозможная поддержка и вдохновение, которое я получала от множества разнообразных дел, семьи, друзей и Джонатана.

Пока я была в Москве, в Кембридже произошло событие, которое имело огромное значение не только для детей, меня и Джонатана, но и для всего прихода церкви Святого Марка. Наш викарий, славный Билл Лавлес, уходил на пенсию. Паства была настолько опустошена потерей всеми любимого священника, что приход погрузился в состояние, похожее на траур, на долгое время после его ухода. Весной Люси воспользовалась возможностью пойти на последнее занятие с Биллом, предшествующее ее конфирмации. Примерно в это время, в связи с его близящейся отставкой, хор выступил с концертом, на котором я спела несколько его любимых *мелодий* Шуберта, включая *Die Forelle*[162], а затем мы организовали большой прощальный ужин на Вест-роуд. Даже после всего этого мне было грустно оттого, что я не смогла присутствовать на его последней

воскресной проповеди. Он располагал бесконечной мудростью, а я соприкоснулась лишь с ничтожной ее частью. Меня особенно впечатлила одна из его последних проповедей на тему внутреннего умиротворения. В ней он затронул все аспекты моей тревоги: мои заботы, мои страхи – за Стивена, за детей и за себя, – мою неспособность отдыхать, напряжение и переживания, разочарования и неуверенность. Он также поднял вопрос о других эмоциях, препятствующих внутреннему умиротворению: о чувстве вины, которое я знала не понаслышке. Угрызения совести преследовали меня зловещей тенью. Я вслушивалась в проповедь в поисках хоть малейшего успокоения. Живи настоящим, сказал он, и неси веру в Бога через темноту, страх и боль. Затем, когда он цитировал отрывок из Послания к коринфянам, «Бог не даст вам страданий больших, чем вы можете вынести», я почувствовала, что эти слова обращены ко мне одной. Вина, продолжал он, это риск, вытекающий из попыток стремиться к высокому и лучшему; любовь – единственный ответ вине. Только в любви мы можем сохранить друг друга. Его слова предлагали новое решение для мучительной дилеммы моей вины. Любовь определенно была тем, что поддерживало наш быт. Согласно этой точке зрения, я хранила верность своему обещанию: у меня была любовь для всех: переполняющая материнская любовь для детей, любовь к Стивену и к Джонатану. Любовь многолика, как Агапэ, так и Эрос, и я хотела доказать свою любовь к Стивену, делая для него все возможное, но иногда эта любовь так запутывалась в сетях тревоги из-за ответственности за него, что было трудно понять, где заканчивалась забота и начиналась любовь. Самого Стивена смущало малейшее проявление сочувствия: он приравнивал его к жалости и религиозной сентиментальности. Он отказывался принимать его и начисто отрицал.

Угрызения совести преследовали меня зловещей тенью.

Я вслушивалась в проповедь в поисках хоть малейшего успокоения.

7. Крайности

Прибегнув к помощи Шекспира, Стивен придумал название для книги. Рукопись была приведена в форму, пригодную для издателя, и публикацию назначили на июнь 1988 года. Американское издание выходило весной, раньше, чем британское. Выход американского издания был приостановлен в последнюю минуту из-за опасения судебных тяжб вследствие содержания в нем критики в адрес нескольких американских ученых. Эта заминка позволила исправить другое упущение: Стивен посвятил «Краткую историю времени» мне – долгожданный жест публичного признания моих заслуг, но в американском издании это посвящение не напечатали. Машины запустили снова, чтобы за несколько дней переиздать исправленную версию количеством в десяток тысяч экземпляров, где потенциальные оскорбления были убраны, мое имя вновь вписано в посвящение, и книга вышла в продажу в Соединенных Штатах.

Пока Стивен находился в Америке, сопровождая книгу на старте продаж, мы с Тимом отправились в Германию, куда переехал его лучший друг Артур вместе с родителями. Мальчики редко виделись, но не обзавелись другими близкими друзьями. Когда они увиделись, то сразу углубились в свои привычные занятия, словно встретившиеся через долгие годы братья. В Шварцвальде[163] прошел поздний снегопад, и отец Артура Кевин неожиданно предложил нам покататься на лыжах. Я никогда в жизни не каталась на лыжах и не думала, что представится случай попробовать, несмотря на то что Стивена в свое время считали прекрасным лыжником. Люси тоже регулярно ходила кататься с друзьями. В то время она как раз была в Альпах, отдыхая после изнуряющей череды репетиций для пьесы, которую они с друзьями должны были представить в Кембриджском театре молодежи в апреле, а затем – на фестивале в Эдинбурге летом. Мы с Тимом решили воспользоваться возможностью научиться кататься на лыжах. Тим быстро освоился, скатываясь с холма на головокружительной скорости, рискуя приземлиться на парковке внизу склона. Я беспомощно наблюдала за происходящим, в то время как мать Артура, Белинда, отчаянно кричала сыну, чтобы тот тормозил «плугом», то есть снижал скорость, поворачивая лыжи внутрь. Воспоминание о переломе рук при обучении фигурному катанию усиливало мое волнение и нервозность, пока я не поняла, что падать на снег мягко, пусть даже мокро и холодно. В те выходные в Шварцвальде я вновь обрела свой утраченный задор. На самом верху холма ветер дул мне в лицо, а

солнце сверкало, отражаясь от белого снега. Я радовалась свободе от забот и ответственности, а особенно – от сеющих разногласия утомительных споров вздорных медсестер, которые превратили нашу жизнь в бесконечную угнетающую борьбу. Катание на лыжах требовало стопроцентной концентрации, как физической, так и психологической; передо мной возникала непосредственная цель – добраться до подножия холма, а сознание было поглощено единственным вопросом: как попасть туда в целости и сохранности.

Стивен находился в Америке более трех недель. Вскоре после его возвращения мы вместе отправились в Иерусалим, где ему, совместно с Роджером Пенроузом, должны были вручить престижную премию Вольфа за выдающийся вклад в физику.

Мои опасения по поводу поездки в Израиль были вызваны не только нежеланием покидать семью и отвлекаться от преподавания. Хотя я с нетерпением ждала встречи с Ханной Скольников, моей подругой времен Люси Кавендиш, я не очень хотела ехать в самый святой, самый древний город в мире в компании группы ученых: я бы предпочла паломничество с единомышленниками, но выбора у меня не было. В воздухе повисло явное напряжение, когда Стивен сказал, что если я уверена, что не хочу, то Элейн Мэйсон, медсестра, которая была с ним в Америке, будет рада поехать вместо меня.

Еще в марте его возмутил мой отказ от поездки в Америку, которую я променяла на лыжные экзерсисы в компании Тима. С тех пор как он вернулся, протянутая между нами линия коммуникации стала натянутой и хрупкой. Мое предложение уволить бунтарей было встречено однозначным, безапелляционным: «Мне нужны хорошие медсестры». Когда я предложила свою помощь в создании автобиографии, работа над которой, как я надеялась, могла нас сблизить, его реакция была отрицательной: «Я буду рад, если ты просто выскажешь свое мнение». Только тогда я начала понимать то, что медсестры пытались донести до меня вот уже некоторое время: что одна из них оказывала недолжное влияние на Стивена, намеренно провоцируя его и используя любой повод для того, чтобы внести раздор между нами. Естественно, мои отношения с Джонатаном способствовали разрастанию причудливой сети зла и предательства, которую плели вокруг нас, а я мало что могла сказать в свое оправдание, поскольку в глазах общественности наши отношения были постыдными.

Перед отъездом на Ближний Восток я успела посетить спектакль с участием Люси под названием «Собачье сердце» – адаптированную для сцены политическую сатиру, написанную в

двадцатых годах XX века русским писателем Михаилом Булгаковым. Новелла, в которой Булгаков озвучил проблему захвата русского общества пролетариатом, считалась слишком обличительной до 1987 года – того самого года, когда мы в последний раз посетили Россию. В следующее воскресенье, оставив родителей присматривать за домом, мы уехали в Израиль.

Несмотря на то что в Хитроу задержали рейс, остальное путешествие прошло без проблем. Джонатан, который был тогда на гастролях с камерным оркестром, подарил мне на день рождения плеер и записи «Мессы в си миноре» Баха, и я коротала время, слушая их и поглядывая в иллюминатор на голубую бездну Средиземного моря. С приходом ночи море и небо потемнели, а далеко внизу появилась череда неоновых огней, очерчивая линию побережья. Нас попросили пристегнуть ремни и объявили посадку в Тель-Авиве. Самолет начал снижаться, и я наблюдала, как мы скользим над освещенными зданиями и дорогами. Я услышала шум опускающихся шасси и ждала их удара о землю. Но удара не последовало. Вместо этого самолет стал снова набирать высоту. К своему удивлению, я была этим даже заинтригована, а не испугана. Никто ничего не объявлял. Над салоном повисла тишина, и я поняла, что все пассажиры думали о том же, о чем и я: самолет захватили, и мы летим в Ливан.

Десять минут спустя мы услышали голос капитана. Он объявил по бортовому радио, что возможности приземлиться в Тель-Авиве не было из-за внезапно опустившегося тумана. Самолет был направлен в единственное возможное место: на посадочную полосу военного аэродрома в пустыне Негев, узком отрезке израильской земли, выходящем к Красному морю между Египтом и Иорданией. Самолет прогудел над ночной пустыней и неловко приземлился на короткой посадочной полосе, которая явно не была рассчитана на прием 747-го. Там мы и остались. Когда над Тель-Авивом рассеялся туман, рабочее время нашего экипажа уже подошло к концу, а значит, нам оставалось только ждать другой экипаж, отправляющийся из Тель-Авива, чтобы он забрал нас. Я опустила шторку иллюминатора, свернулась калачиком в кресле и уснула. Ник Филлипс, ассистент Стивена, растолкал меня утром сразу после запуска двигателей. Я подняла шторку: за ней меня уже встречала Святая Земля. Снаружи царствовали безграничный покой и красота: золотые пески, роскошные дюны и барханы, багровые холмы – все было окрашено розоватыми оттенками рассвета.

Основной целью официального визита была презентация

Премии Вольфа в Кнессете на фоне огромного полотна Шагала, посвященного истории израильского народа. Церемония проходила в присутствии достопочтенного либерального президента Израиля Херцога Хаима и широко известного сторонника правых, премьер-министра Ицхака Шамира. Они олицетворяли две стороны политического спектра в стране, где здравый смысл и фанатизм имели равные права на существование. После окончания церемонии Стивен и Роджер Пенроуз были настолько заняты научными встречами, семинарами, лекциями и израильскими коллегами, что зачастую я была предоставлена самой себе во время прогулок по Иерусалиму. «Обязательно сходите в еврейский квартал в старом городе, – советовали мне, – но в арабский квартал не ходите; это слишком опасно из-за интифады[164]». Я так хотела поскорее отделаться от своих спутников, что лишь пренебрежительно отмахнулась от предостережений. Я была рада узнать о том, что отель в современном квартале находится недалеко от Яффских ворот Старого города. Запретные серые стены на противоположном холме, словно стены Альгамбры в Гранаде, манили меня как магнитом. Не ожидая встретить суетливую, шумную и красочную толпу людей в воротах под башней Давида, я остановилась, оглядываясь и пытаясь решить, в какую сторону пойти, налево или направо. Я уже собралась было двигаться с потоком людей по узкой улочке налево, но, помня предостережения держаться подальше от арабского квартала, пошла направо и, миновав здание англиканской церкви, облицованное серым камнем, оказалась на улице, которая шла вдоль городских стен. К моему разочарованию, она была унылой и тихой. В одной из мастерских слышался стук молота, люди торопились куда-то по делам, из окон сверху лились звуки пианино, но больше ничто не привлекало моего внимания. Место было приятным, но не запоминающимся. Я прошла дальше, и мне открылся еще более невзрачный вид. Среди новых домов я обнаружила узкие лестничные пролеты, которые вели вниз к небольшой озелененной площади, где я остановилась утолить жажду. Затем я устремилась вниз по лестницам и оказалась на широкой площади, которая заканчивалась на другом конце стеной из потертого временем и обожженного солнцем камня. Люди в черных одеяниях молились и целовали стену, а свадебные пары фотографировались на ее фоне. Я добралась до Стены Плача. Прогуливаясь вдоль нее, я наблюдала за людьми: кто-то был серьезен и постоянно молился, кто-то смеялся и болтал.

С одной стороны аллеи находился короткий тоннель, уходящий под здания и охраняемый солдатами. Туда устремлялся

людской поток, в который я влилась. Пройдя через туннель, я обнаружила, не прибегая ни к каким математическим вычислениям, что путешествия во времени возможны. С практической и политической точки зрения, этот туннель являлся чем-то вроде портала, разделяющего еврейскую и арабскую части Старого города. В историческом смысле тоннель разделял современность и древнее прошлое, в котором еще остались отголоски библейских времен. Пилигримы и туристы кажутся гостями с другой планеты, а местные обитатели с их детьми и ослами живут так, словно XX век еще не наступил. Я шла одна, периодически останавливаясь рядом с группами пилигримов и слушая рассказы гидов о достопримечательностях. На некоторых остановках Крестного пути на Виа Долороза я присоединялась к чтению молитв и пению гимнов.

Было крайне непривычно оказаться одной, предоставленной самой себе в поисках собственных открытий. Меня окутало мрачное чувство интриги, окружающее храм Гроба Господня, напоминающий о распрях и враждующих сектах и осажденный очередями туристов, ожидающих возможности войти во внутреннее святилище. Мне не терпелось выбраться из этой напряженной атмосферы к дневному свету. Вид с башни был единственным положительным моментом. Панорама плоских белых крыш оказалась такой же чарующей, как вид красных крыш Венеции с вершины Кампаниллы собора Святого Марка. Вдалеке дрались петухи, кудахтали курицы, кричал осел.

Я с трудом оторвала взгляд от базилики Святой Анны, что находится неподалеку от раскопок Визфеды, всего в сотне метров от Львиных ворот с их роскошным видом на Елеонскую гору. Базилика Святой Анны – огромная и просторная, светлая и прохладная – была пуста, когда я вошла в нее. Я щелкнула пальцами (этому трюку для проверки акустики здания меня научил Джонатан) и удивилась тому, что резонанс тут был даже лучше, чем в Королевской часовне. Очарованная величием пустой церкви, я напела несколько тактов Вечернего гимна Перселла – «Когда солнце скрыло очи, пожелав спокойной ночи…» – и с наслаждением слушала, как мой голос раскатывается по собору, преломляясь колоннами. Песня обрела собственную жизнь и кружилась в потоках воздуха, пока не вернулась на землю нежным шепотом. Дружелюбный араб, страж церкви, вошел через боковую дверь. Он сказал, что ему нравится пение пилигримов, которые приходят в эту церковь. Мне повезло, что я успела исполнить свою песню перед тем, как хор выстроился для исполнения очередной молитвы. Страж предложил мне вернуться в любое время, когда я этого пожелаю.

Арабский квартал города ничуть не пугал меня, поэтому в один прекрасный день я направилась к Куполу Скалы, потрясающей святыне ислама: здесь стоял камень, где Авраам собирался принести в жертву Исаака. Вход был закрыт и охранялся израильскими солдатами. В храм пускали только верующих. Расстроенная, я пошла обратно по улице через арабские базары с их богатым ассортиментом туристических товаров: вифлеемского синего стекла, керамики и кожи. Я бродила среди антикварных лавок, в которых было выставлено римское стекло, медь и монеты, проходила мимо лавок с едой, ломящихся от деликатесов Восточного Средиземноморья: орехов и оливок, рахат-лукума и халвы, фруктов и овощей. Как и продавцы, которых я видела в Танжере двадцать пять лет назад, арабские продавцы были вежливы и приветливы. Я поторговалась за бусину римского стекла в одной антикварной лавке, а затем увидела колье из серебра с малахитом по смехотворно низкой цене. Хозяин подошел ко мне без всякого намерения заставить меня совершить покупку. Он хорошо говорил по-английски и как раз рассказывал мне про свою кузину из Мидлсекса, когда вдруг, выглянув на улицу, торопливо затолкал меня внутрь магазина. Его испуг был понятен. Группа израильских солдат шумно шагала по аллее. Они не проявляли никакого уважения к чужой собственности, тачкам и лавкам у них на пути. По позициям, которые занял хозяин этой лавки и все другие, было понятно, что солдаты считаются нечистыми на руку. Когда шум их шагов, стук ботинок по гравию и крики затихли, хозяин лавки вошел обратно, вздыхая. Он извинился, что толкнул меня, и сказал: «Понимаете, мы должны быть очень осторожны». Я купила ожерелье и раскрашенную вручную тарелку, а затем попрощалась, обещая вернуться. Я действительно вернулась в последний день, но увидела, что все закрыто: магазины оказались заколочены, кроме бродячих кошек, на улицах царила пустота. Былое торжество света, жизни, шума и цвета исчезло бесследно. На каждой улице, в каждом уголке темно, мрачно и жутко; это был призрачный город, закрывший двери перед путешественниками.

Я испытывала симпатию к арабам, но ощущала и естественное родство с еврейским народом: многие наши друзья были евреями, высокоинтеллектуальными, вежливыми и разумными людьми, чьи семьи пострадали от трагедии Холокоста. Однако я не могла согласиться с нечеловеческими методами израильской армии, которые наблюдала в арабском квартале Иерусалима, а особенно нетерпимо относилась к ужасному водителю, которого нам назначили. Американский еврей происхождением из Центральной Европы, он громко и

грубо озвучивал свои суждения, куда бы мы ни отправлялись. Когда он ехал по извилистой дороге к Мертвому морю, он указал на ряд белых домов на холме. «Посмотрите туда, – сказал он гордо, – это одно из наших поселений, мы строим все эти дома. Арабы владели этой землей две тысячи лет и ничего с ней не делали. У них был шанс, но теперь наш черед, а они хотят сбросить нас в море». Я и раньше слышала эти утомительные тирады, звучащие по-американски монотонно, от других иммигрантов. Дальше мы проезжали мимо лагеря бедуинов. «Что поделаешь с такими людьми? Нет, вы только посмотрите на них! – комментировал водитель. – Они не развиваются уже две тысячи лет!» Я с трудом могла сдержать свое негодование. «Может быть, им нравится традиционный образ жизни», – возразила я. Меня расстроило, что мир между двумя народами одной расы был так иллюзорен, а ведь они могли дать друг другу столько полезного. Лучшие из евреев и лучшие из арабов имели много общего. И те, и другие могли быть умными, щедрыми, дружелюбными и веселыми. Возможно, евреи обладали превосходством над арабами в рациональном споре, науке, технологии и математике, но арабы были более развиты в области поэзии и искусства.

К несчастью, приходилось совершать много официальных выходов. Репортеры с телевизионными камерами следовали за Стивеном, куда бы он ни пошел, желая узнать его мнение по широкому спектру вопросов. Был один вопрос, который неизменно фигурировал практически в каждом из интервью. Я стояла в стороне и вслушивалась: мое сердце болело, когда этот вопрос задавали снова и снова, в той или иной форме. «Профессор Хокинг, что ваше исследование говорит по поводу существования Бога?», или «Есть ли место для Бога во Вселенной, которую вы описываете?», или, более прямо, «Верите ли вы в Бога?» Ответ получали всегда один. Нет, Стивен не верил в Бога, и места для Бога в его Вселенной не было. Роджер Пенроуз проявил бóльшую тактичность. Когда ему задали этот же вопрос, он предположил, что есть разные подходы к Богу: некоторые люди находят Бога в религиозной вере, а другие, возможно, в красоте математического равенства. Ответ Роджера тоже не мог развеять мою грусть. Моя жизнь со Стивеном была построена на вере – вере в мужество и гениальность, вере в наши совместные усилия и, в конце концов, на религиозной вере, – и вот мы находились в колыбели трех крупнейших мировых религий, проповедуя странный беспредметный атеизм, основанный на безличных научных ценностях без учета человеческого опыта. Слепой отказ от всего, во что я верила, огорчал меня до глубины

души.

Я беспомощно молчала на заднем сиденье микроавтобуса, а водитель продолжал возить нас по святым местам, сошедшим со страниц Старого и Нового Завета. Мы видели маленькую темная пещеру в Вифлееме, выгоревшие камни Иерихона, иссушенные горы пустыни, сверкающий зеленый поток реки Иордан и Галилейское море. Сидя в своем углу, я думала о том, что эта земля полна трагедий и словно взращивает зерна конфликтов. Суровый пейзаж, казалось, был пропитан энергией раздора. Даже мы со Стивеном находились на грани конфликта – а мы и так редко соглашались друг с другом.

> Моя жизнь со Стивеном была построена на вере – вере в мужество и гениальность, вере в наши совместные усилия и, в конце концов, на религиозной вере.

Пока Стивен заканчивал ужинать в ресторане у озера в Тиберии, я в одиночестве плавала в изумрудных водах Галилейского моря и на несколько бесценных минут ощутила мир и гармонию с природой и историей этой земли. Угроза войны на Голанских высотах спасла Галилею от разрушительного наплыва туристов, и поэтому она почти не изменилась за последние две тысячи лет. В 1988 году Тиберия даже меньше напоминала курорт, чем во времена Римской империи; озеро было спокойным и чистым и напоминало озера Шотландии. Если бы не жара, Галилея с высоты часовни Нагорной проповеди могла показаться Лох-Ломондом[165]. В последний день мы все искупались в Мертвом море. Приободренный мной, на руках у своей команды и благодаря естественной выталкивающей силе соленой воды, Стивен лежал на ее поверхности. Теплые волны на краткое время приняли его обратно в лоно природы, от которого он всю жизнь стремился оторваться, предпочитая ему теоретическую науку, сопровождавшую его повсюду. Вокруг нас была тишина. Единственными свидетелями мирного купания Стивена стали пурпурные горы Иордана, тронутые дымкой на горизонте, голубое небо и одинокая птица. Плавать и тем более утонуть было невозможно. Моя попытка перейти на брасс превратилась в неприличествующее случаю плюхание и барахтание, а нос наполнился жгуче соленой водой. Плавание следовало оставить для бассейна на крыше отеля: каждый вечер после жарких, пыльных дневных экскурсий я несколько раз проплывала его из конца в конец. Впечатление от плавания одновременно с любованием прекрасным видом на Иерусалим могло бы быть еще более приятным, если бы не ребенок с подозрительной сыпью, который плескался неподалеку. Я распознала у него ветрянку и

решила, что достаточно защищена антителами против этого вируса, сразившего меня в Испании в студенческие годы.

8. Красная королева

Поездка на Ближний Восток была только прелюдией к перипетиям того лета, которые требовали от нас даже большего, чем обычно. Несмотря на то что нам по-прежнему было некуда скрыться от бесконечных перебранок медсестер, эпицентр недовольства сместился в сторону кафедры, где Стивен проводил бóльшую часть времени. Его юный ассистент Ник Филипс написал мне письмо, в котором извинялся за свой отказ от должности; на этот шаг его заставила пойти, как он выразился, «травля» – жестокий юмор и насмешки со стороны одной из медсестер. Я сочувствовала ему, но практически ничего не могла сделать. Медсестры были сами себе закон, и ни Джуди Фелла, ни я уже никак не могли на них повлиять. Что касается происходящего на кафедре, то это никак ко мне не относилось: я полностью сосредоточилась на поддержании цивилизованной атмосферы в доме.

С приближением выпускных экзаменов и завершением моего преподавательского плана на учебный год я переключила свое внимание на подготовку к двадцать первому дню рождения Роберта. Мы отметили этот день в широком семейном кругу за праздничным домашним ужином, планируя еще одно вечернее мероприятие через неделю: нам хотелось повторить удачный опыт концерта на лужайке в честь его восемнадцатилетия, но на сей раз с участием джаз-группы. Роберт подготовил и разослал приглашения на «Костюмированную вечеринку Безумного Шляпника». Подготовка к вечеринке шла полным ходом, когда через три недели после возвращения из Иерусалима я проснулась утром с невыносимой головной болью и зудящими пятнами вокруг талии. Мне была знакома эта боль: она поразила меня своей интенсивностью в студенческие годы в Испании и предваряла приступ ветрянки. Люси отвела младшего брата в школу, а я снова вернулась в кровать. Ко мне никто не подходил, пока в десять утра, как обычно, не пришла Ив. Ее мягкий бирмингемский акцент был отчетливо слышен за дверью моей спальни.

«Где Джейн?» – спросила она. В ответ раздался томный голос Элейн Мэйсон: «В постели лежит, отлынивает». Ив не обратила внимания на ее слова и прямиком прошла в мою комнату. Одного взгляда на меня ей было достаточно. «Тебе нужен доктор!» – сказала она достаточно громко, чтобы все услышали.

Доктор поставил диагноз «опоясывающий лишай»: во мне проснулся латентный вирус ветряной оспы, высвобожденный

стрессом. Он прописал постельный режим и новое лекарство от зуда. Я с запоздалым сожалением вспомнила больного ребенка в бассейне на крыше отеля в Иерусалиме и задумалась о том, как уместить постельный режим в мой и так перегруженный график.

Благодаря Ив, которая в те дни носила гипс на сломанной руке, Люси и Джонатану, я смогла немного отдохнуть. Джонатан ходил за покупками, отвозил и забирал Тима из школы и сопровождал в бойскаутский лагерь, успевая одновременно заниматься организацией и репетициями новой серии концертов, в то время как Люси вынырнула из круговорота своей общественной деятельности для того, чтобы приносить мне чай, готовить еду и отгонять нежелательных посетителей. К счастью, Джонатан уже не зависел от меня в плане организации концертов его оркестра музыки барокко, так как предприятие обрело устойчивую финансовую основу, что позволило принять на работу администратора, скрупулезно прорабатывающего все детали предстоящего концерта. Так как его Камерный оркестр уже был постоянно востребован и регулярно давал концерты даже в самых отдаленных уголках Англии, Джонатану часто приходилось уезжать из Кембриджа. Он много работал, репетировал, выступал и частенько засветло возвращался на машине из отдаленных районов, где проходили концерты. Его ненормированный график, абсолютно естественный для концертирующего музыканта, не умещался в голове у медсестер. Не являясь ценителями или свидетелями его таланта, одна из них, с наименее развитым воображением, предположила, что он дармоед, приживала в доме, пользующийся благородством Стивена и беззастенчиво сидящий на его шее. Его присутствие, как и всегда, порождало множество слухов.

Тем временем Люси разрывалась между общественной жизнью, репетициями для Эдинбургского театрального фестиваля и летними экзаменами. Поскольку мои язвы заживали очень медленно, она постаралась вместить в свой и без того напряженный график еще одно непредвиденное мероприятие. Я должна была сопровождать Стивена на конференцию в Ленинграде в третью неделю июня. Для всех, кроме Стивена и его злоязыких приспешниц, было очевидно, что ко времени путешествия я не поправлюсь. Приложив сверхчеловеческие усилия для преодоления трудностей, он отказывался понимать, почему другие, и прежде всего его жена, не способны проявить подобную силу воли, тем более что все остальные болезни меркли в сравнении с мотонейронной. Было очевидно, что я больше не выдержу давления его ожиданий. Каждую фразу мне теперь приходилось начинать с извинений за то, что я – это я,

разрушающих мое самоуважение и подпитывающих комплекс неполноценности. Чем больше росло во мне чувство ущербности, тем интенсивнее проявлялся лишай. Невралгия и головокружение усиливались в геометрической прогрессии, а все мое измученное тело горело и сотрясалось при попытках донести свои чувства или мысли в отношении любого семейного вопроса, даже тривиального.

Тем не менее было одно мероприятие, ради которого я бы встала и со смертного одра: презентация «Краткой истории времени», запланированная на 16 июня, должна была состояться в помещении Королевского общества на фуршете для узкого круга друзей и родственников. Когда я заболела, до презентации оставалась одна неделя. «Краткая история времени» была выражением триумфа Стивена над силами природы, болезни, паралича и самой смерти. Это был триумф, в котором участвовали мы оба, напоминающий страстную борьбу и пьянящие победы первых лет нашего брака. Кардинальное отличие заключалось в том, что на этот раз наша общая победа стала достоянием широкой общественности. Однако на празднике мне была уготована весьма жалкая роль. Мне не хватало сил даже поддержать разговор, не говоря уж о противостоянии натиску со стороны журналистов.

> Каждую фразу мне теперь приходилось начинать с извинений за то, что я – это я, разрушающих мое самоуважение и подпитывающих комплекс неполноценности.

На следующий день после презентации я снова встала с кровати, надела свой красный халат и красную бумажную корону, нарумянила щеки и появилась на вечеринке Роберта в образе Красной Королевы. Горькая самоирония заключалась в том, что, как и Красная Королева, я всегда бежала что было сил, для того чтобы хотя бы оставаться на том же месте[166]. Чувствуя усталость и апатию, я боролась до окончания учебного года. У меня не было ни энергии, ни желания вмешиваться в лихорадочное соперничество между медсестрами, которое неимоверно возросло, когда «Краткая история времени» взлетела на первые позиции в списке бестселлеров. Поскольку склоки медсестер уже не касались происходящего в семье, я пыталась относиться к ним с тем презрением, которого они заслуживали. Я была готова выделить минимальное время, чтобы их выслушать, однако поток их телефонных жалоб был поистине бесконечным, при этом они совершенно не ценили мое время и смертельно обижались, когда я заканчивала разговор, не дослушав. Наконец, я решила, что

пора призвать к ответу Элейн Мэйсон, ту медсестру, которую я считала зачинщицей и корнем всех проблем. Я назначила ей встречу и сказала, что не могу оставаться в стороне, когда у меня перед носом разрушают порядок дежурств, мой дом и мою семью. Лучше мне было промолчать. Она на голубом глазу отрицала все вышесказанное и даже позвала своего мужа, чтобы тот засвидетельствовал ее безупречный характер, а затем с видом оскорбленного достоинства удалилась из дома. Я тем временем погрузилась в уже ничем не ограниченное отчаяние.

По сравнению с этим назойливые чудаки, которые звонили посредине ночи (как правило, из Америки), не заботясь о разнице во времени, желая срочно поговорить с «профессором», казались мелочами жизни. Один из них, господин Джастин Кейс[167], разгадал загадку Вселенной и хотел рассказать профессору, что его расчеты неверны. Господин Джастин конкурировал за право занять линию в три часа ночи с неким Исааком Ньютоном, постоянным абонентом из Японии. Однажды на один такой звонок ответила Люси. Мужчина предлагал ей выйти за него замуж. «Пожалуйста, Люси, – умолял он, – ты выйдешь за меня замуж? Но сперва прочти мои тезисы своему отцу!» Другой отчаянный абонент из Флориды настоял на разговоре со Стивеном, потому что был уверен, что мир собираются взорвать через полчаса. «К сожалению, – сказали мы, – его сейчас нет». «Дело в том, – ответил несчастный, – что приближается конец света, а я никак не смогу его спасти!» Некоторые подстерегали Стивена возле входной двери, что иногда выходило им боком. Один из них, в полосатом жилете, не ожидал, что входная дверь открывается наружу. Когда дверь настежь распахнулась и оттуда выкатился Стивен на своей колеснице в сопровождении свиты, беднягу отбросило в розовый куст. К тому времени, когда он выпутался из цепких объятий куста, Стивена и след простыл. Еще была кинозвезда Голливуда, желавшая обсудить с ним собственную мистическую теорию Вселенной; журналисты-мошенники, которые обещали сделать пожертвования в уплату за интервью, но оставляли нас с носом; потенциальные никем не уполномоченные биографы, хотевшие поживиться за наш счет. С огромным нетерпением я ждала летних каникул, чтобы победить призрак женевского кошмара, заново открыв для себя этот прекрасный город. Где угодно было лучше, чем в Кембридже.

Несмотря на голливудских звезд и домашние проблемы, нам со Стивеном все-таки иногда удавалось пообщаться – в частности, мы думали над тем, как потратить деньги, полученные благодаря премии Вольфа. Доходов от «Краткой истории» плюс скромные сбережения, которые я сделала за эти годы, было достаточно,

чтобы позволить себе задуматься о покупке второго дома. Стивен хотел купить квартиру в Кембридже в качестве инвестиции, но я лелеяла мечту о загородном коттедже, где-нибудь вдали от суматохи, напряжения и постоянных вторжений в нашу частную жизнь. Коттедж на северном побережье Норфолка – все, о чем я могла мечтать, но это было нам не по средствам. Нам требовалось место, где сможем обрести столь желанную анонимность, время и покой, столь важный для размышлений Стивена, для детей, готовящихся к экзаменам, и для меня – хозяйки дома и сада.

> У меня не было ни энергии, ни желания вмешиваться в лихорадочное соперничество между медсестрами, которое неимоверно возросло, когда «Краткая история времени» взлетела на первые позиции в списке бестселлеров.

В августе, когда мы с Джонатаном и Тимом пробирались по Северной Франции в Женеву, чтобы по традиции встретиться там со Стивеном, счастливый случай столкнул нас с весьма эксцентричным англичанином, который, общаясь на схематичном франглийском, раскрутил весьма прибыльный бизнес по продаже отреставрированной французской недвижимости англичанам по ценам, выгодно отличающимся от домашнего рынка. В то время как он представлял свои планы ошеломленной публике в придорожном ресторанчике, до меня начала доходить восхитительная истина: мы могли себе позволить дом во Франции. Мы получили бы все преимущества деревенского коттеджа, но за границей, потенциально ближе, чем Уэльс, и стали бы настоящими европейцами, а дети, хотелось бы думать, билингвами.

В путанице, сопровождающей начало любого учебного года, я перестала лелеять эту мысль и уже отнесла свою мечту к категории несбыточных. Наш отдых со Стивеном в Женеве прошел очень удачно, с момента встречи в аэропорту и до самого конца, а после мы с Джонатаном и Тимом уехали на десять дней в кемпинг на юг Франции. Мы вернулись в Кембридж с новыми силами, но не были готовы к новым издевкам судьбы. Во-первых, заявление Люси о допуске к экзаменам в Оксфордский университетский колледж, где учился ее дед, отец Стивена, пришлось спешно отозвать. Неожиданный успех Юношеского театра в Эдинбурге не позволял ей присутствовать на вступительных экзаменах, поэтому вся надежда была на собеседование и результаты школьных выпускных экзаменов. Во-вторых, арендатор дома, который мы сдавали и который принадлежал Роберту и его бабушке, грозил подать на нас в суд,

так как в мое отсутствие Стивен поссорился с ним и приказал убираться из дома. В-третьих, администратор Кембриджского камерного хора музыки барокко считал объем работы непосильным и хотел уволиться. В-четвертых, вопреки всем законам блюдущих личное пространство сотрудников классических научных учреждений, кафедра стала рассадником таких неистовых интриг, что Джуди, не имея возможности хорошо выполнять свою работу из-за отсутствия дисциплины среди медсестер, дошла до того, что хотела подать заявление об увольнении. Это был печальный поворот событий для тех из нас, кто видел и ценил ее верность Стивену в течение почти пятнадцати лет.

Я боялась, что вулканические извержения на кафедре могут перейти его границы и захватить наш дом в самый неподходящий момент, особенно напряженный для Люси. Она готовилась к выпускным экзаменам и поступлению в Оксфорд и одновременно снова репетировала «Собачье сердце», так как Юношеский театр за свое выступление на Эдинбургском фестивале получил приз за лучшее экспериментальное представление, что было одной из высших наград фестиваля. Частью награды являлся двухнедельный показ спектакля на лондонской сцене. К сожалению, лондонские выступления были назначены накануне важных собеседований в Оксфорде, поэтому Люси каждый день приходилось ездить на выступления в Лондон после школы и затем возвращаться в школу на следующее утро. Поскольку ее силы были на пределе, ей требовалось спокойствие и стабильность в доме. Но эта простая и здравая идея не приходила в голову большинству людей, регулярно посещающих наш дом.

У меня не хватало сил, чтобы сдерживать буйство медсестер и сохранять спокойствие в доме. К Стивену, уже и так широко известному в Великобритании и Америке ученому, пришла мировая слава: после успеха книги он стал культовой фигурой. Мы впервые ощутили это в октябре 1988 года, когда с Тимом сопровождали его в Барселону по случаю публикации испанского перевода его «Краткой истории времени». Его узнавали повсюду: толпы людей останавливались и аплодировали ему на улице. Меня привлекали для перевода журналистам на прессконференциях и телевизионных интервью и, в свою очередь, приглашали давать интервью в женские журналы. Я получала удовлетворение от того, что снова работаю в паре со Стивеном как его интеллектуальный партнер. Однако спрос на интервью в какой-то момент превысил все допустимые рамки: не только в Испании, а повсюду – и дома, и за рубежом. За границей с известностью было справиться проще, так целью нашего

пребывания там являлась продажа книги; сделка с Мефистофелем требовала от нас оставаться доступными прессе. Дома же, где нам нужно было заниматься ежедневными делами в тихой безвестности, вмешательства прессы воспринимались как раздражающее вторжение в семейное пространство. Телевизионное оборудование стало привычной частью офиса Стивена, где медсестры толкали друг друга локтями, чтобы попасть в телекамеру, но проблема была не в этом. Трудности начались, когда журналисты попросили проводить интервью и делать фотографии у нас дома. Мне этого крайне не хотелось, и дети тоже были против. Постоянного присутствия в доме медсестер хватало с лихвой, а с появлением телекамер и репортеров у нас совсем не осталось бы личной жизни. Мои доводы с тем же успехом могли быть обращены к стенке. Их восприняли как очередное доказательство неверности гениальному человеку. Моя порочная зависимость от Джонатана и нежелание выучиться на медсестру давно вынесли мне смертный приговор. Сопротивление тому, чтобы рассказывать прессе истории из жизни с гением в стенах моего дома, было еще одним доказательством моего предательства.

7 ноября начались гастроли Люси в Лондоне, в Театре Полумесяца на улице Майл-Энд. Она выходила из школы в четыре часа дня и за полчаса должна была добраться до автобусной остановки. Пьеса требовала огромных запасов энергии от молодого актерского состава, менявшегося ролями в каждой сцене, иногда появляясь поодиночке, иногда одновременно. Она приезжала домой после полуночи, а следующим утром, в девять часов, уже должна была снова появиться в школе на целый день. Ей пришлось нелегко, но общий уровень стресса снизился благодаря решению Стивена поехать со свитой в Калифорнию на целый месяц на следующий день после первого представления. После его отъезда атмосфера в доме заметно улучшилась, и мы с облегчением выдохнули, погрузившись в сравнительное спокойствие и уединение.

> Я получала удовлетворение от того, что снова работаю в паре со Стивеном как его интеллектуальный партнер.

В следующие выходные я, с непривычной вальяжностью развалившись в кресле в гостиной, лениво листала воскресную газету, когда на глаза мне попалась заметка о выставленном на продажу доме во Франции. Под ней была скромная реклама английского агентства, предлагающего поиски подходящего дома во французской сельской местности. Я позвонила по указанному

номеру, и через некоторое время на почту стали приходить фотографии из Северной Франции. Снимки выглядели так, точно их сделали в густом тумане или снежной буре, и используемые термины иногда я не понимала без словаря, но цены были очень низкими. Ни один из домов не стоил больше половины стоимости викторианского дома с террасой и двумя спальнями на юге Англии, и хотя сложно было судить об их состоянии, коттеджи, судя по всему, располагались в привлекательном окружении. Очевидно, требовалось более подробное расследование. Именно так субботним ноябрьским утром мы с Тимом и Джонатаном очутились на пароме, следующем во Францию.

9. На пути к раю

Действительно, Франция в ноябре была тусклая и унылая, чертовски холодная и мрачная. Но в семь часов вечера в Аррасе[168], куда мы направлялись, все еще кипела жизнь, а магазинчики выпускали последних покупателей в ярко освещенные улицы. Витрины были полны соблазнительных рождественских изящных сувениров и игрушек, покупка которых быстро опустошила наши карманы. К тому же мы были очень удивлены, увидев вывески, гласившие о завозе *Beaujolais Nouveau*[169]! Выходные стали сулить новые перспективы, особенно приятные после превосходного ужина в баре нашей гостиницы, где молодое вино рубинового цвета было единогласно одобрено всеми критиками. Если остальные занятия выходного дня не будут интересны, то, по крайней мере, нас ожидали покупки бóльшей части списка подарков на Рождество и небольшая толика удовольствия в виде вина.

На следующий день шел дождь с крупными хлопьями мокрого снега, и хотя мне было совершенно неинтересно разглядывать маленькие старомодные домики, которые усыпали пейзаж, приятный услужливый агент по недвижимости и его ассистент уже ждали нас, готовые пожертвовать лучшей частью своего воскресного дня, чтобы показать нам из каталога самые подходящие, на их взгляд, дома. Какое же это было воскресенье и какие места мы видели, съежившись от холода в машине нашего агента! Хлестал дождь, изредка уступая место мокрому снегу. Пока мы смотрели ветхие здания с протекающими крышами, одноэтажные коттеджи и дом, в котором проход между кухней и столовой оказался ванной комнатой, в изнеможении падал последний мокрый снег, а на улицы опустился непроглядный туман. Мы искали старый дом с характером, но в хорошем состоянии, с возможностью ремонта и со всеми удобствами на первом этаже для пожилых и слабых здоровьем членов семьи, особенно для Стивена. Хороший вид был желателен, а близость к главной дороге стояла в приоритете. Ни один из домов, которые мы осмотрели в первый день, даже близко не соответствовал нашим требованиям.

Рассвет следующего дня оказался ярким и ясным; деревенские пейзажи переливались под тонким слоем хрусткого свежего снега. На обратном пути в Булонь[170] мы остановились в небольшом рыночном городе, чтобы заехать к еще одному агенту, мадам Майé. Она показала нам дорогу, ведущую из города к побережью. Дорога выбиралась из низины, в которой гнездился

город, к продуваемому всеми ветрами пространству широкого плато; на самом деле это был широкий водораздел между долинами двух рек. Мы проехали мимо небольшой трассы справа от нас и пронеслись по крохотной деревушке. Там почти не было признаков жизни, за исключением одиноко стоящего шпиля церкви, водонапорной башни да разрушенной ветряной мельницы. Затем мадам Майе неожиданно повернула направо, мы последовали за ней, и там, примерно в километре от главной дороги, длинный и низкий, с известковыми стенами и красной черепицей, стоял он. «Вот наш дом, мама», – сказал Тим, которому тогда было девять лет. Действительно, это оказался он, ошибки быть не могло, он манил нас к себе сквозь поля, этот старый друг из прошлого, сразу заметный, мгновенно очаровывающий.

«Un vrai coup de foudre», – как сказали бы французы, – любовь с первого взгляда. Мы не были разочарованы, когда свернули на подъездную дорогу к Мулен[171], ведь там находился старый мельничный цех, мельница которого была давным-давно разрушена. Низкий привлекательный фасад, увиденный нами с дороги, оказался одной из трех сторон дома, окружавших внутренний двор, а сам дом был построен в стиле, близком к стилю римской виллы; о таком доме мы со Стивеном мечтали в золотые времена нашей помолвки. Вид, открывавшийся со двора, был таким же радостным и приветливым, как и внешняя сторона дома, виднеющаяся с дороги. Жилые комнаты, включая кухню, выходили окнами во двор или в сад, а также на пастбища позади дома; невозделанные и запущенные, они были отданы на откуп стае воинственных гусей, нетронутым оставался только привычный уголок огорода.

Спальные помещения в длинной части здания, которая сразу завладела нашим вниманием и воображением по пути к дому, идеально подходили для нужд Стивена, так как находились на первом этаже и их можно было значительно расширить, завершив превращение широкой светлой просторной мансарды, простиравшейся вдоль всего крыла здания, в жилое помещение. Дом был так хорош, что даже не верилось. Пока что он соответствовал всем требованиям: был в часе езды от побережья, находился не дальше от Кембриджа, чем западные части страны, и определенно был ближе, чем Уэльс. Из него открывались чудесные виды на поля, переходящие в леса, и он располагался достаточно далеко от автомагистрали, однако подъезд к ней оставался легким. Дом был хотя и старинный, но, несомненно, еще в хорошем состоянии и имел свой характер. Очевидно, что мы могли его и дальше ремонтировать и улучшать, а самое

большое значение имела его цена, после уплаты которой оставалось еще достаточно средств для проведения ремонта любого масштаба.

По дороге домой я все время думала о Мулене, вновь и вновь проживая все впечатления и воодушевление, которое мы испытали, когда впервые его увидели, а также обдумывала возникшие идеи. По возвращении в Англию я торопливо записала их, а потом с помощью ручки, бумаги и линейки набросала чертеж дома и планы его адаптации под наши нужды, и отправила все это Стивену по факсу в Южную Калифорнию. Стивен дал положительный ответ. Общаться с ним по факсу через всю Атлантику было гораздо легче, чем лицом к лицу, и я решила, что его лаконичное «звучит неплохо» означало одобрение. Механизм покупки Мулена тут же был приведен в стремительное действие. Столь же быстро мне пришлось учить юридическую лексику и знакомиться с процедурами покупки дома во Франции, которые во всем отличались от английских, и вступить в схватку с французскими законами и юридической терминологией, французской банковской системой, терминами французской сферы строительства, страхованием во французском стиле, местной налоговой системой и экстравагантностью коммунальных служб. В то время стерлинг был дороже франка, и я находила удовольствие в манипуляциях с курсом обмена валют. Меня грела мысль о том, что в Англии за такие деньги мы не нашли бы ничего стоящего. Где-то глубоко внутри я ощущала некую твердость и уверенность, которой у меня не было годами. Этот проект, основанный на моем участии и знании французского, будет моим весомым вкладом в семейную жизнь, хотя, конечно, финансироваться он будет совместными усилиями. В прошлом наши путешествия в большинстве своем имели лишь одну цель – погоню за наукой. А этот проект соединит все наши интересы и таланты – языки, любовь к Франции и французскому образу жизни, отдых, работу в саду и, конечно, музыку, – и все это будет пропитано научными устремлениями. Чем дольше я изучала свои планы и чертежи, тем больше убеждалась, что Мулен обладает бóльшим потенциалом, чем мне казалось сначала. К дому был пристроен старый амбар, над которым так и напрашивался мезонин с жилыми комнатами, а нижний этаж можно было превратить в конференц-зал, что позволило бы Стивену вести летнюю школу и приглашать своих коллег и их семьи. Я мечтала о том, как среди холмистых деревенских пейзажей Северной Франции мы откроем свою собственную версию летней школы Лез-Уш; дом мог стать моей надеждой на восстановление единения и гармонии, которых мы достигли до

событий 1985 года и которые ускользнули от нас в Англии.

10. Возвращение домой

В начале 1989 года планы насчет Мулена пришлось отложить, так как я была занята вычиткой французской версии «Краткой истории времени». Оказалось, что это была не просто проверка орфографии и пунктуации, а гораздо более глубокое чтение. В английском издании имелось предисловие американского ученого Карла Сагана: я немало удивилась, обнаружив, что его не перевели на французский и что втайне от Стивена французское издательство «Фламмарион» поручило французскому физику написать предисловие и поместить его вместо английского. Некоторые пренебрежительные примечания французского предисловия показались мне странными, и я решилась их вычеркнуть. Публикация Une Brève Histoire du Temps[172] в Париже была назначена на начало марта и идеально совпала бы с завершением покупки дома. За несколько недель до издания книги Кембридж наполнился вереницей французских журналистов и телекамер, в то время как завершение оформления прав на недвижимость все больше и больше сосредоточивало мое внимание на событиях по ту сторону Ла-Манша. Мои горизонты расширялись, более не ограничиваемые четырьмя стенами дома в Англии.

Тонкости французского законодательства, механизмы открытия банковского счета, детали страховки – на все это я набрасывалась с энтузиазмом, и во всем мне помогли удивительно своеобразные персонажи, с которыми я контактировала в Тернуа, тихом деревенском регионе Северной Франции. Составление планов ремонта уже шло полным ходом, когда 1 марта *en route*[173] в Париже на официальной церемонии я подписала договор о продаже дома, что само по себе уже стало значительным достижением, так как должны были присутствовать все стороны договора, но Стивен решил, что у него не будет времени приехать. Он только что вернулся на «Конкорде» из поездки с деловым визитом в Нью-Йорк. Когда через друзей и знакомых новости о покупке дома во Франции стали просачиваться в Англию, реакция некоторых людей привела меня в недоумение. «Стивену не нравится эта страна», – категорично заявила Изабель в его присутствии, как будто намереваясь настроить его против Мулена. Неужели она забыла Лландого? Конечно, недоверие Стивена к стране может объясняться этим опытом. Но забраковать Мулен, который так внимательно выбирался и так скрупулезно приготавливался для того, чтобы радовать Стивена, было бы очень несправедливо. Образ Стивена,

культивированный его родными и некоторыми из его сиделок, был образом звезды, жившей среди огней большого города, и жизнь в деревне показалась бы ему скучной. Этот образ противоречил моему восприятию его характера, а клевета в адрес моего проекта заранее подрывала его заинтересованность в нем.

Несколько дней, проведенных в Париже после покупки дома, определенно усилили любовь Стивена к огням города. Его чествовали и следовали за ним везде, куда бы он ни шел, этот вечный любимец СМИ и драгоценная собственность издателя. Так как я тоже любила Париж, то мне было совсем нетрудно наслаждаться его огнями. Мы обедали в «Ле Куполь»[174]; ели в ресторане на Эйфелевой башне, куда Стивена пригласили, чтобы он оставил свой автограф в журнале росписей знаменитых посетителей; побывали в недавно открывшемся музее Орсэ[175]. На ужине по случаю издания книги мы развлекали друзей Стивена и его французских родственников, включая его двоюродную сестру Мими. Фотографы следовали за нами неотступно, а журналисты шумно требовали дать интервью, которые обычно переводили на французский язык я или французский коллега Стивена. Мне очень польстило приглашение на интервью от ведущего радиожурналиста Жан-Пьера Элькабаха с радиостанции «Европа-1». Когда я приехала, мой интервьюер был увлечен длинной и жаркой дискуссией с Жаном Ла Пеном, лидером партии националистов. Жан-Пьер Элькабах быстро взял себя в руки и встретил меня с истинно галльским шармом и уважением. Интервью транслировалось на всю Францию, и в результате мы сами и обстоятельства нашего прибытия стали известны нашим новым соседям по северной деревне еще до того, как мы въехали в дом.

Через три недели я снова отправилась во Францию, в этот раз – с Тимом и Люси в машине, доверху груженной содержимым ящиков и книжных шкафов, постельным бельем, столовыми приборами, посудой и едой. Мы обнаружили, что словно бы в нашу честь открыли новое шоссе, благодаря которому дорога от Кале сокращалась примерно на двадцать минут, поэтому, когда мы приехали в Мулен раньше, чем ожидалось, то увидели, что дом кишит рабочими, завершавшими отделку дома и прикладывающими неимоверные усилия по организации необходимых условий для Стивена. Всего за семнадцать дней они даже переоборудовали чердак в спальни. Было видно, что рабочие сами получали огромное удовольствие, наблюдая за тем, как мы радуемся, гуляя по дому, который они так быстро преобразили.

Стивен недавно купил фургон Volkswagen, оборудованный наклонной поверхностью и держателями для его коляски. Также

он оказался незаменим при перевозке крупных предметов мебели. В тот день поздно вечером на нем приехал Джонатан с еще бóльшим количеством мебели и багажа. На следующий день мы уже были в аэропорту под Ле Туке[176]. Наполненный британцами, фешенебельный во времена своего расцвета – таким он встретил Стивена, Роберта и двух самых надежных и проверенных сиделок. Выплаты и гонорары, полученные от нескольких публикаций «Краткой истории времени», позволили Стивену редкую роскошь чартерного перелета в маленьком самолете из аэропорта Кембриджа во Францию – самый простой и удобный способ передвижения. Радушный пилот-австралиец открыл отсеки крыла, чтобы поставить туда чемоданы и съемные части коляски, и пригласил одного из пассажиров, в тот раз это был Роберт, лететь с ним в кабине крошечного шестиместного самолета.

> Стивен старался быть в центре внимания: он благосклонно принимал бесконечные поздравления, изливавшиеся на него по поводу успеха его книги, и демонстрировал свой компьютер, который, к всеобщему удивлению, мог говорить на искаженном американизированном французском.

Погода настолько смилостивилась над нами на пасхальные праздники, что Северная Франция приобрела обманчивые средиземноморские черты. Длинные белые стены, низкие красные крыши дома и флигели в ярком свете солнца переливались на фоне лазурного неба, а облака белых цветов порхали над землей и как шелковистые снежинки падали на луг и кустарники. Даже Стивен был впечатлен, хотя и жаловался, что деревенский пейзаж так же скучен, как в Кембриджшире. Это было не совсем так, как выяснил Роберт, когда отправился на велосипедную прогулку. Дом стоял на вершине плато, разделенном множеством извилистых долин рек с деревнями, водяными мельницами, разрушенными особняками, аббатствами, тополями и ручьями с радужной форелью. Оказалось, что Стивену все это понравилось, хотя, конечно, он ни за что не позволил бы себе признаться в этом. Что бы он ни говорил по поводу жизни в деревне и причудливых старых домиков, ему, безусловно, нравился этот быт. Вместе с детьми он купил розовое шампанское для новоселья, которое мы устраивали для всех наших соседей и тех людей, что помогали мне с покупкой дома или работали в нем. Стивен старался быть в центре внимания: он благосклонно принимал бесконечные поздравления, изливавшиеся на него по поводу успеха его книги, и демонстрировал свой компьютер, который, к всеобщему удивлению, мог говорить на искаженном

американизированном французском. Дети быстро подружились с гостями, и даже Тим успешно говорил на французском хорошо подобранными словами и жестами вроде «футбол?» или «jouer[177]?». Тем не менее он протестовал при попытке расцеловать его при встрече в обе щеки, пока Роберт не озадачил его фразой о том, что через несколько лет он будет только рад, когда в обе щеки его будут целовать девушки. Что касается меня, то во Франции я могла бы сойти за француженку, спонтанную, естественную и уверенную в себе, и мне не нужно было ни оправдываться за свои действия, ни извиняться за свое существование.

11. Цена славы

Росткам моего расцветающего самоуважения, культивируемого на почве французского общества, суждено было быть раздавленными в Англии. Настроившись, как всегда, только на хорошее, я и предположить не могла, что приезд в конце апреля голливудского кинопродюсера сигнализирует о первых симптомах очередной стремительной атаки на нашу жизнь. Он был достаточно дружелюбен, воодушевляя меня рассказами о своей молодой семье и демонстрируя понимание истинной цели экранизации «Краткой истории времени». Уж он-то создаст серьезный информативный фильм по книге, думала я; кроме того, ему понравилась моя идея о том, что это будет путешествие во времени и Вселенной глазами ребенка. Идея была заманчивая. Пока фильм оставался строго научным, пока в нем присутствовало воображение и использовалась инновационная графическая технология, его планы были хорошим предзнаменованием.

Следом за ним приехала американская съемочная группа под руководством очень энергичной женщины, которая также укрепила мою уверенность своим сочувственным отношением.

Было принято решение о том, что съемочная группа сначала будет много снимать на кафедре, а уж затем обратит внимание на наш дом, добавив в фильм утешительную толику уюта, без которой портрет немощного гения был бы покрыт тайной. При первом знакомстве все режиссеры показались мне приятными, тактичными и простыми людьми, клятвенно заверяющими, что они почти не будут нас беспокоить. Их метод с использованием скрытой камеры займет совсем мало времени и потребует только нескольких кадров, что не войдет в противоречие с нашими обычными делами. Камеры, кабели, дуговые лампы и микрофоны будут находиться на почтительном расстоянии; мебель не станут двигать; мы сможем одеваться как обычно и заниматься ежедневными делами, как и всегда.

Реальность не имела ничего общего с этими обещаниями. Когда дело доходило до съемки, вторжение в нашу жизнь всех без исключения продюсеров становилось шокирующе насильственным. Как только камеры начинали работать, а мы пытались умерить пыл продюсеров и режиссеров, они, несмотря на все обещания, ссылались на нехватку времени или финансирования. Мебель толкали по всей квартире, часто повреждая ее и никогда не возвращая на место; слепящие дуговые лампы и яркие отражающие экраны на холодных металлических

подставках вытесняли знакомый беспорядок старинных вещей, загораживая мебель, книги и газеты; метры кабелей опасно змеились на полу из комнаты в комнату; микрофоны свисали с каждого крючка и полки. Мы, чужие в грубо изменяемом до неузнаваемости доме, превратившемся в конструкцию из трубчатой стали, были необученными актерами, игравшими одни и те же роли, ключевыми персонажами в драме, от которых ждали естественной грации и апломба перед объективом камеры – этого священного объекта обожания XX века. Пока я безнадежно наблюдала и неохотно участвовала во всем этом, отчаявшийся голос внутри меня протестовал. «Конечно, – говорил этот голос, – должно быть нечто среднее между этим ненасытным докучливым любопытством и резко обезличенным подходом фильма серии Horizon, снятого “Би-би-си” несколькими годами ранее. Но этот воображаемый третий путь потребовал бы больше времени и денег, чем было у любого из режиссеров, остервенело мечущихся от одного проекта к другому».

Из-за невозможности найти выход мое молчаливое сопротивление этому дополнительному бремени бушевало лишь внутри меня. Несмотря на жалобы детей, особенно Люси, которую больше всех отвлекали рекламная шумиха и вторжение камер на пороге экзаменов, я была не в том положении, чтобы убирать камеры из дома, – я боялась, что это восстановит Стивена против меня, а он положительно наслаждался публичностью. Он только что вернулся из еще одной поездки в Америку, но эта передышка не придала мне достаточно сил для поединка с опустошительными набегами съемочной группы в то время года, которое всегда было для меня мучительным: пыльца деревьев оседала в моих носовых пазухах, как перечная пыль. Режиссер, женщина из Америки, которая сначала показалась мне такой дружелюбной и милой, превратилась в напористую, доводя ситуацию до конфузов, когда камеры последовали за нами в город, чтобы заснять мой обычный поход по магазинам в субботу утром. Было очень странно, что в ходе этих обычных еженедельных дел меня сопровождал Стивен и его кортеж; еще более странно, что за нами по пятам следовала вся съемочная группа. Спрятаться от этого оказалось невозможно. Все было бы не так плохо, если бы они действительно помогли с покупками, вместо того чтобы следовать за нами как тени, тыкая свои камеры и микрофоны мне в лицо, пока я доверху загружала продуктовую тележку и тащила тяжелые сумки домой.

Изначально целью этого фильма являлось создание образа Стивена для американского новостного телеканала; впоследствии он должен был служить и второй цели – предоставить фрагмент

биографической истории для другого научного документального фильма, основанного на «Краткой истории времени». Поэтому мысль о том, что это внезапное съемочное наводнение сослужит хорошую службу, сделала мой уик-энд сносным. К тому моменту, когда утонченный интервьюер-журналист и его жена приехали в субботний вечер в гости, у меня больше не было настроения приветствовать никого из людей или техников из числа телевизионщиков или киношников у себя дома. Едва я представилась им, как жена журналиста небрежно спросила меня, как раз когда я передавала ей бокал: «Вы верите в Бога?» Она задала этот вопрос с невозмутимым спокойствием, которое парализовало мои расшатанные нервы. Я не стала пускаться в длинные объяснения, велев ей не совать нос в чужие дела, но, моментально подавленная угрызениями совести, вдруг поняла, что уже приглашаю всю команду на ужин в качестве компенсации своей грубости.

Поздно ночью, лежа одна в постели, я чувствовала, как вокруг меня захлопывается ловушка. Давление публичности вынуждало меня вести себя непривычно и неискренне, однако у меня не оставалось другого выхода. Было очевидно, что в глазах СМИ я превратилась в придаток, замочную скважину, в которую можно подглядывать, так как теперь имела отношение к выживанию и успеху Стивена лишь потому, что в отдаленном прошлом вышла за него замуж, обустроила для него дом и произвела на свет трех его детей. Сейчас я существовала лишь для того, чтобы утолить жажду прессы, требовавшей новостей о личной жизни, а на самом деле мой дух бунтовал и против их бесцеремонности, и против собственной беспомощности.

> Было очень странно, что в ходе этих обычных еженедельных дел меня сопровождал Стивен и его кортеж; еще более странно, что за нами по пятам следовала вся съемочная группа. Спрятаться от этого оказалось невозможно.

Спустя десять дней после окончания этого съемочного припадка Стивен прочитал лекцию Шредингера[178] в жарком душном лекториуме, забитом до отказа, в Королевском колледже Лондона. Уравнение Шредингера, фундаментальное для науки о квантовой механике, которое он разработал в 1926 году, имеет такое же прямое отношение к законам, описывающим движение атома, как ньютоновские законы движения к движению планет.

Лекция Стивена о воображаемом времени была предельно ясна и понятна, и впоследствии его чествовали и сопровождали представители IBM, фирмы, которая спонсировала лекцию, и

жаждали сфотографироваться с ним, возможно, считая это одной из привилегий их работы. Я застенчиво стояла сбоку, размышляя о том, что я была единственным не-ученым среди собравшихся, пока меня не представили дочери Шредингера, которую я однажды видела на похожем мероприятии в Дублине в 1983 году. Тихая и скромная, она во второй раз сообщила мне о том, что ее родила не жена Шредингера, а какая-то другая женщина и что миссис Шредингер впоследствии удочерила ее. Мне стало жаль ее; ей было неудобно от того, что ее преследовало отцовское наследие, – возможно, ее в равной степени смущала его репутация дамского угодника и преследовала его научная слава; она явно жила в тени отцовского имени. Меня пугало, что моих детей может постигнуть та же участь.

> Стивену же, наоборот, очень нравилась публичность. Он упивался связями с прессой, которая сделала его имя известным в каждом доме по всему миру. Его слава перед лицом общества демонстрировала победу не только разума над секретами Вселенной, но и тела над немощью и смертью.

В следующую субботу перед поездкой в город для продажи флагов в пользу Национального фонда шизофрении я, как обычно, открыла для Стивена его электронную почту. Там было письмо от премьер-министра госпожи Тэтчер, в котором она предлагала порекомендовать его королеве как кандидата для награждения орденом Кавалеров Почета в списке награждения ко дню рождения монарха. Мы кинулись к энциклопедии. Выяснилось, что эта награда является одной из самых почетных в стране, почетнее рыцарского ордена, однако указывается она незаметно, без титула, просто буквами после имени. Стивен собирался в Америку, поэтому мне выпала честь принять награду от его имени.

Так как Стивен уже был номинирован на почетную степень доктора наук в Кембриджском университете, то лето должно было ознаменовать апогей его карьеры, хотя оставалось совершенно непонятным, как примирить это с нескончаемой волной интереса со стороны СМИ, получением Люси аттестата и выпускными экзаменами Роберта, не говоря уже о стабильности и гармонии в семье. Наши приоритеты стали кардинально расходиться. Для меня было важно сохранить неприкосновенность домашнего очага и нашей семейной жизни – или тех жалких обломков, которые от нее остались после того, как сиделки сделали все, чтобы ее уничтожить, и после того, как пресса растащила ее по кусочкам. Несмотря на всю свою славу,

Стивен являлся членом семьи, в которой все были одинаково значимы. Хотя состояние его здоровья требовало к нему самого пристального внимания, дом должен был заботиться обо всех своих обитателях, как взрослых, так и детях. У детей никогда не должно быть повода обижаться на обстоятельства, в которых они родились.

Стивену же, наоборот, очень нравилась публичность. Он упивался связями с прессой, которая сделала его имя известным в каждом доме по всему миру. Его слава перед лицом скептичного и иногда враждебного общества демонстрировала победу не только разума над секретами Вселенной, но и тела над немощью и смертью. Для него любая публичность была хороша, и ее всегда можно было оправдать заявлением о том, что она увеличит продажи его книги. В конце того лета из издательства Bantam Press пришел ящик шампанского в честь нахождения «Краткой истории времени» в списке бестселлеров на протяжении пятидесяти двух недель. На пятьдесят третьей неделе она вновь победоносно заняла свою изначальную позицию номер один. Казалось, он сумел достичь цели, которую поставил сам себе, примирив две крайности: описывая свою отрасль науки, самую фундаментальную и самую неуловимую из всех наук, он смог задобрить научную интеллигенцию и привлечь рядового читателя.

Без сомнения, книга имела феноменальный успех, однако я старалась сохранять конфиденциальность корреспонденции, связанной с солидными гонорарами. Если бы о нашем внезапно нахлынувшем богатстве узнали окружающие, то я рисковала потерять многих моих настоящих друзей, которые так же, как и мы, скребли по сусекам и экономили, пытаясь свести концы с концами; также мне было прекрасно известно, что любая огласка, которой мог бы быть предан наш увеличивающийся капитал, привлекла бы именно тех людей, с кем мне совершенно не хотелось иметь ничего общего. Раньше, когда Стивен был сосредоточен на более значимых проблемах, я решала наши финансовые вопросы, всегда с беспокойством ожидая, когда наступит то нестабильное будущее, в котором здоровье Стивена ухудшится настолько, что он не сможет работать, и в котором деньги могут закончиться. Я аккуратно вела семейный бюджет и скопила значительную сумму для оплаты обучения Люси в школе и обеспечения запаса на черный день, который для нас мог длиться месяцами и годами. С момента подписания контракта на «Краткую историю» в 1985 году я также вела переписку касательно книги с агентом в Нью-Йорке. Странным образом договоренность о том, что я занимаюсь гонорарами, внезапно

исчезла без моего ведома. Я узнала об этом от нью-йоркского агента: он сказал мне, что его проинструктировали отправлять всю корреспонденцию касательно книги на кафедру Стивену, а не мне домой. Я не могла понять, почему произошла эта перемена, а Стивен никак это не объяснил. Как будто после всех этих лет взаимного доверия моя способность вести финансовые дела эффективно и благоразумно была поставлена под сомнение. В результате этой путаницы любым его помощникам разрешалось читать частную переписку; она была раскидана по столам и партам, открытая на всеобщее обозрение, как документальное подтверждение неоспоримого превосходства гения.

Вторая поездка Стивена в Америку той весной позволила нам немного отдохнуть вдали от невероятного напряжения в доме; мы вновь стали жить более размеренной жизнью, в которой были образование, учеба, литература и музыка, и вернулись к простым и расслабленным привычкам, не отвлекаясь на бесполезную и надоедливую известность, публичность и сварливых сиделок. Исполнилось одно из заветных желаний Тима – мы съездили на обещанный выходной в «Леголенд»[179] в Дании, а затем в мае вернулись во Францию на короткие каникулы в середине семестра.

Мулен, первый раз приветствуя нас в своем летнем облике, удивил своим очередным преображением. Ремонт был закончен, ванная приспособлена для использования только Стивеном, началась работа над пристройкой, и сад стал приобретать форму. Моя мечта о загородном английском садике так удачно реализовывалась во Франции, что даже Клод, мой суровый работник, признался, что начал сажать цветы в своем саду, где раньше выращивал только овощи. Еще большее значение имело то, что Мулен открыл двери в другой мир, в мир прошлой эры, где невероятный вихрь нашей жизни в Кембридже замедлился до спокойного темпа под влиянием земли и неба и где единственным звуком была песня жаворонка, парящего высоко в океане неба над зеленым кукурузным полем в лучах утреннего солнца. Это место уже проникло глубоко в мое сердце. Его чистый воздух и широкое лоскутное одеяло полей, выцветающее на далеком сером горизонте, его сонные ставни, аромат свежих дров и старого дерева, высокие хвойные деревья и кустарники, мерцающие на солнце, – все воспевало непривычное спокойствие, уединение и блаженство. Там я могла побыть одна, меня не беспокоили ни сиделки, ни пресса, ни камеры, ни шум непрерывных требований. Я могла возделывать свой сад, могла погрузиться в чтение книг без боязни, что меня кто-нибудь побеспокоит, могла заниматься самообразованием и слушать

музыку, не боясь того, что меня раскритикуют за такое сибаритство. Здесь, близко к природе, я могла найти истинный центр своего внутреннего мира как, возможно, старомодная, определенно задумчивая мечтательница, чьим любимым занятием было вглядываться в широкое пространство западного неба каждый вечер, поражаясь постоянно меняющемуся великолепию закатного солнца, скрывающегося за очертаниями деревьев и полей.

В эти периоды размышления, когда я возделывала сад, засевала семена и сажала кусты роз, я была похожа на героя одного из обязательных к прочтению текстов, которые я преподавала по французской программе в прошлом году. Кандид, юный герой Вольтера, чей оптимизм в «лучшем из миров» – как учил философ доктор Панглосс – жестоко предан миром, в итоге отворачивается от него и находит утешение в своем саду. «Il faut cultiver notre jardin…»[180] – это его абсолютное пессимистичное личное понимание неправильности устройства общества. Конфликт безжалостной, но часто сумасбродной логики с пронзительными нерешенными эмоциональными проблемами подрывал основу нашего существования в Кембридже, как коррозия, и эта основа пала жертвой вероломного захватнического яда славы и богатства. Во Франции почва оставалась свежей и плодородной, здесь сад был полон обещаний будущего, цикличного обозримого будущего, установленного непреложными законами природы.

12. Honoris Causa

[181]

Летом 1989 года все внимание и интерес СМИ были сосредоточены на многочисленных триумфах Стивена. Церемония присвоения ему степени доктора наук почетным ректором Эдинбургского университета герцогом Эдинбургским была назначена на четверг, 15 июня, однако только мы знали о том, что подтверждение из Букингемского дворца должно было прийти на следующий день и опубликовано в СМИ в субботу, 17-го. По счастливой случайности это совпало с датой концерта, который должен был быть проведен в честь Стивена в Доме сената Джонатаном и его камерным оркестром спустя два дня после присвоения ему почетной степени. Хотя в 1987 году празднования в честь Ньютона и концерт привлекли коммерческих спонсоров для поддержки оркестра, им стало сложно работать в жестких и трудных условиях жизни в тэтчерианской Британии. Еще не высохли чернила подписей спонсоров на щедрой сделке, как та самая очень интеллигентная британская спонсорская фирма была поглощена американской компьютерной корпорацией, которая не мучилась угрызениями совести по поводу заявления о том, что они пришли в бизнес, чтобы делать деньги, а не поддерживать искусство, музыку или какую бы то ни было благотворительную организацию. Они быстро вышли из сделки. Джонатан мог оказаться должен огромную сумму, так как график его контрактных концертов на протяжении нескольких лет был основан на спонсорской помощи, в то время как он сам в лучшие времена зарабатывал на музыке немногим более минимальной суммы на еду и кров. В этот самый неблагоприятный для Джонатана и его оркестра момент слава и успех Стивена сулили им надежду на спасение. Можно было рассчитывать на то, что концерт в честь Стивена привлечет большую аудиторию, которая придет поклониться гению и заодно послушать музыку. Концерт также мог привлечь новых спонсоров, для которых профиль высокой науки был бы интересен. Стивена станут чествовать его любимыми фрагментами музыки барокко, и скромные сборы можно будет разделить между благотворительными организациями, которые мы поддерживали. Такой план сулил хорошие перспективы для всех, и Стивен перед тем, как в мае уехать в Америку, дал добро – вместе с одобрением письма премьер-министра.

Я не видела причин, почему я должна была

раскрывать все подробности моей сложной духовной жизни перед журналистом, незнакомцем, чей интерес ко мне был продиктован обязанностью продать побольше газет.

Трудности планирования концерта, которые всегда были суровым испытанием моих способностей на прочность, добавляли определенную остроту прочим моим дилетантским занятиям. Этот концерт не стал бы исключением, если бы не бесконечное вторжение медиа. Состав группы журналистов, приехалвших брать у меня интервью, был разношерстным: некоторые оказались довольно приятными, другие – беспристрастными, остальные требовательными. Невозможно было заранее сказать, в каком свете они выставят нас в интервью. Французские журналисты, испанские журналисты, представители всех национальностей шли нескончаемым потоком, все хотели подробностей то из научной, то из личной жизни. Они использовали в этой ситуации свою особую технику; я, в свою очередь, разработала собственные методы работы с ними, заранее приняв решение о том, каким количеством информации я готова делиться. Я не видела причин, почему я должна была раскрывать все подробности моей сложной духовной жизни перед журналистом, незнакомцем, чей интерес ко мне был продиктован обязанностью продать побольше газет. Если бы я захотела исповедаться, я пошла бы к священнику; если бы мне понадобилось психиатрическое лечение, обратилась бы к доктору; если бы у меня была история, которую я могла бы рассказать, однажды я бы написала ее сама, хотя уважение к частной жизни – моей и других людей – могло перевесить такое желание. Поэтому, если вопросы, заданные журналистами, переходили мои внутренние границы, я превращала интервью в беседу, спрашивая их мнение вместо рассказа о своем. Неизбежно я стала объектом пренебрежительных замечаний. Например, один журналист заявил, что я «заботилась о Стивене всего пару лет после свадьбы». Пожилая директриса моей школы и мой непоколебимый сторонник мисс Гент написала редактору газеты «Таймс» письмо с просьбой исправить ошибку. Она была поражена его надменным ответом: отнюдь не предлагая никакого возмещения морального ущерба и не извинившись, он заявил, что знает лучше ее, что ему делать, и выражал уверенность в том, что факты в статье верны. Наш верный друг Джордж Хилл, муж моей школьной подруги Кэролайн, всегда яростно защищавший нас от любопытных взглядов бульварной прессы, сказал, что знает об искажениях в «Таймс», так как он был свидетелем процесса написания статьи. Однако Джордж почувствовал большое

облегчение, узнав, что там нет ни слова об участии Джонатана в жизни нашей семьи, а потому решил, что будет лучше оставить статью как есть, чем раскрывать близкую связь Джонатана с нами.

Один раз, во время интервью газете «Гардиан», я позволила себе выказать недовольство потертыми старыми клише о том, какая это награда – жить с гением, этими часто повторяемыми прописными истинами, которые сосредоточивались вокруг славы и богатства, как будто болезнь и немощь не были основными факторами нашей жизни. Конечно, меня тут же обвинили в неверности Стивену. Но, как мне казалось, если бы я продолжала поддерживать миф о неунывающей самодостаточности, даже не упоминая о трудностях, то я бы обманула многих инвалидов и их семьи, вероятно, страдающие от горя, тревоги, лишений, стресса и напряжения, через которые прошли мы сами в ранние годы. Для равнодушного общества было бы легче просто обвинительно ткнуть пальцем в людей с ограниченными возможностями и заявить: «Если профессор Хокинг может, то почему не можете вы?» Из-за нереалистичного образа нашей жизни, представленного в прессе, на сиделок и опекунов, и так находящихся в стесненном положении и выполняющих самые невероятные задачи, давили бы еще больше. Я уже больше не могла создавать счастливую видимость беззаботности и радости, производя ложное впечатление того, что наши жизни были полноценными и легкими и их портило лишь одно маленькое неудобство. В том интервью «Гардиан» я дала чистосердечную и правдивую оценку: отметила триумфы, но и не приукрашивала сложности. Я озвучила наши замечания к государственной системе здравоохранения и подчеркнула то обстоятельство, что успех Стивена был достигнут исключительно благодаря нашим усилиям, даже касательно средств для оплаты ухода за ним. Я описала метания между сверкающими вершинами блистательного успеха и черным болотом обострившегося заболевания и нашего отчаяния, с очень короткими ровными отрезками пути между ними.

> Мои комментарии интерпретировали как предательство по отношению к мужу, и опровергать эти заявления было бесполезно.

Эта простая и довольно очевидная правда оказалась невероятно противна тем людям, которые уверовали в бессмертие и непогрешимость Стивена и удобно оградили себя от реальности его состояния, а именно от его семьи и наличия сиделок. Мои комментарии интерпретировали как предательство по отношению к мужу, и опровергать эти заявления было бесполезно. Такая

реакция только способствовала бы усилению моего чувства изоляции. Люди вокруг меня ослепли или сошли с ума или это я теряла рассудок? Неужели они жили в параллельной реальности, где роли перевернуты и где, как они, казалось, предполагали, больна была именно я? Дальнейшие обвинения в предательстве одно за другим полетели в меня, когда тем летом по телевизору показали созданный компанией «Би-би-си» фильм. В нем я повторяла опасения, высказанные в двух газетных интервью, в тщетной попытке восстановить разумный баланс в описании нашей жизни и в изображении научных теорий Стивена как основы новой веры. Мои выступления перед камерами, гремевшие на протяжении всего периода оказания Стивену почестей, празднеств и после них, не становились легче из-за простуды, насморка и неистовой боли в горле; в то десятилетие я стала склонна к всевозможным периодическим инфекциям и недомоганиям, которые одно за другим одолевали меня. Простуда придавала моему интервью и комментариям желчную окраску, подавляя любой юмор и выдавая ненамеренный оттенок горечи.

В моем голосе определенно была печаль: внутреннее ощущение опустошения и дурное предчувствие глубоко внутри меня вырвались наружу. Даже Кассандра не могла бы более точно и с бóльшим страхом предсказать катастрофу, которая, как я знала, нависла над всеми нами. Даже Никки Стокли, начинающий телепродюсер, отметил, как Элейн Мэйсон нарушала съемочный процесс, пытаясь попасть в кадр во время съемок на кафедре. На людях и дома она активно узурпировала мое место при любой возможности, иногда передразнивая меня, иногда тайно вредя мне, но всегда выставляя напоказ свое влияние на Стивена. Она обрела неопровержимое господство над ротой сиделок и так успешно снискала себе всеобщее расположение, что любое выражение протеста было бесполезно: обо всех комментариях она информировала Стивена, и мое вмешательство строго осуждалось. Мои обращения к секретарю Королевского колледжа медсестринского дела за помощью в приведении в исполнение принципов работы по уходу за больными натолкнулись на категорический отказ от вмешательства в ситуацию, пока я не предоставлю фотографические доказательства нарушения врачебной этики. На фоне этой мозаики телесных и душевных мук проходила традиционная церемония присвоения почетных степеней, на короткое время перенеся нас в сказочное царство театрального великолепия и празднования, наполненного шампанским, где пена новых одежд, старомодных ритуалов, неискренних улыбок, вежливой болтовни и бесконечных

рукопожатий прикрывала тонким ажурным слоем тлеющую реальность.

В попытке обеспечить себе хоть какое-то уединение Люси оптимистично начала делать пометки в своем календаре с 8 июня: «Люси начинает подготовку к выпускным экзаменам и превращается в затворницу (!)». День вручения почетной докторской степени Стивену, 15 июня, она отметила так: «Л. сдает два экзамена». Несмотря на то что она пропустила сопутствующие торжества по случаю экзаменов, теплилась надежда на выполнение ее затворнических намерений, поэтому было неудивительно, что на листке 22 июня в скобках появилось пылкое воззвание: «Проявите сострадание, я этого заслуживаю!» В наших обстоятельствах она как-то умудрилась вообще сдать экзамены, не говоря уже о том, что сдала их успешно.

15 июня, день сдачи двух самых сложных экзаменов, был ярким, жарким и солнечным, что, конечно, не сильно помогало Люси. Однако для почетной церемонии вручения Стивену ученой степени погода оказалась идеальной. Никогда еще несоответствие самых главных интересов каждого из членов семьи не было так очевидно. Люси рано ушла в школу, начав нервничать с самого утра, в то время как остальные ждали дня помпезного и радостного, настоящего отдыха от стресса и постоянных разногласий. Мы вышли из дома в десять утра и направились по дороге, ведущей к Задворкам. Газоны и луга вдоль реки выглядели невероятно пасторально и безмятежно: каждая изумрудная травинка и каждый листочек – зеленый, золотистый или бронзовый – переливались в лучах яркого утреннего солнца, а река мерцала как серебряное зеркало, отражая бесконечное великолепие сияющего неба и свисающие у самой воды тенистые ветви ивы.

Мы прибыли в колледж Каюса, сразу погрузившись в самую гущу непривычного волнения: весь колледж собрался, чтобы поаплодировать Стивену в зале колледжа Каюса и зале Возрождения около Дома сената. Понадобилось несколько минут на переодевание почетных соискателей ученых степеней в парадные мантии в церковной прихожей и еще немного времени, чтобы удобно усадить в коляску Стивена в тяжелой красной мантии, которая хорошо бы подошла для середины зимы, но в которой было невыносимо жарко в середине лета. Он отказался надеть шапочку из черного бархата, расшитую золотом, поэтому ее натянул Тим. Пока мы выходили из церкви, члены совета колледжа, облаченные в мантии, встали перед нами, заняв места вдоль прохода к Вратам почета. Из других ворот, Ворот добродетели, раздались фанфары духовых инструментов, и хор

запел псалом Laudate Domino[182]. Еще одни фанфары огласили зал, следуя за Стивеном, пока он мчался на полной скорости сквозь Врата Почета вверх по коридору Дома сената во двор Дома сената.

Роберт попросил своих мускулистых друзей-выпускников поднять инвалидную коляску и ее обитателя вверх по длинной винтовой лестнице в профессорскую в здании Старой Школы, где собрались другие почетные соискатели, включая Хавьера Переса де Куэльяра[183], Генерального секретаря ООН. Стивен успел только глотнуть яблочного сока перед приездом ректора, принца Филиппа. Он добродушно заговорил с нами, вспомнив визит на Вест-роуд в 1981 году. Его рассмешила шапочка Тима, и он наблюдал, как Стивен демонстрирует свой компьютер, пока его не увели приветствовать других высоких гостей. Продвигаясь к выходу, чтобы подготовиться к процессии раньше остальных, мы прошли мимо королевской особы. «Самоходная, да?» – спросил он. «Да, – ответила я, – берегите ноги!»

Процессия, которая уже сформировалась к тому времени, когда мы присоединились к ней, сразу же начала двигаться. Четыре человека – Стивен, Роберт, Тим и я – медленно шли вокруг лужайки Дома сената в самом хвосте линии, оцениваемые толпами за оградой и камерами внутри нее. Ощущение напряжения, разногласия и смущения испарилось под неистовым светом солнца, и на короткий миг мне показалось, что его никогда и не было. В Доме сената оказалось прохладно, темно и торжественно. Ассамблея магистров и профессоров колледжей в красных мантиях и ректор в украшенной золотой тесьмой одежде заняли свои места, и аудитория, состоявшая из семей и друзей, одетых со всей строгостью, подобающей такому пышному и великолепному событию, сидела в молчаливом ожидании. Когда огромные дубовые двери скрыли от нас блеск полудня и собравшуюся толпу простых туристов в футболках, сводный хор святого Иоанна и Королевский хор открыли церемонию гимном Берда[184], за которым последовал фрагмент из композиции XX века, а затем началось представление присутствующих. Немецкий теолог, лорд-канцлер лорд Макей, Перес де Куэльяр, а затем Стивен были представлены официальным оратором на такой остроумной латыни и с таким щегольством и размахом, что, когда он закончил речь в честь Стивена, Тим, не очень хорошо знавший латинский язык, разразился неожиданными аплодисментами.

Переса де Куэльяра описали как «принесшего мир персам и месопотамцам», а панегирик Стивену основывался на первой теории атомов, описанной Лукрецием в De Rerum Natura[185].

После продолжительных поклонов, рукопожатий и снимания шляп герцог Эдинбургский начал присваивать степени одну за другой, каждое награждение завершалось овациями, переросшими, когда настала очередь Стивена, в бурю восхищения. Некоторые из соискателей, такие как тщедушная и слабая Сью Райдер[186], кажется, нервничали, как юные выпускники; другие, как оперная певица Джесси Норман и сам Стивен, уже знали, что делать, и принимали овации уверенно и элегантно. Церемония закончилась еще двумя гимнами и двумя строфами из государственного гимна. Оставив Тима с бабушкой и дедушкой, Роберт и я пошли вместе со Стивеном, степенно прогуливаясь по зелени лужаек перед тем, как направиться вниз по улице Кингс-парад в лучах ослепительного солнца. Толпа приветствовала нас, улыбаясь и размахивая руками, а камеры щелкали.

Когда мы дошли до Корпус-Кристи-колледжа, который был колледжем Роберта и местом проведения официального обеда, то обнаружили, что нас окружают самые важные люди страны, заметно увядающие в жаре под навесом, где подавали шампанское, а затем и во время обеда в таком же знойном шатре. Еще больший дискомфорт доставило Стивену полное отсутствие подходящей ему еды, и он ел лишь семгу. Его сосед неплохо развлекал его, а вот мне с моим оказалось совсем невесело, хотя это был очень известный авторитетный специалист по истории Франции, которому, похоже, нечего было сказать о себе, пока я не упомянула о нашем доме в этой стране. Вот тут он ожил. Он рассказал, что его жена недавно купила собственность в Нормандии, но он человек городской и не очень-то любит деревню. Затем он сразу радостно поделился своими взглядами со Стивеном, который улыбался в знак согласия.

Становилось все жарче; речи, к счастью, были коротки. Герцог Эдинбургский начал со Стивена, «так как все начинается с него», а затем выразил свое восхищение выпускниками, которые «вобрали в себя все лучшее от нашей цивилизации». Лорд Макей дал краткий ответ, и все закончилось. Остаток дня был полон пустяков и изредка врывающегося под шатер свежего воздуха, как будто неотвратимая гроза уже не могла сдерживаться.

Дома собрался узкий круг родственников и друзей, и колледж накрыл на лужайке стол – сэндвичи с копченым лососем, клубника со сливками и шампанское. Роберт не присутствовал на этой вечеринке, так как его занимали другие дела: в самом начале вечера он должен был грести во второй лодке за свой колледж в соревнованиях Bumps[187]. Мне удалось убежать от медлительных гостей как раз вовремя, чтобы посмотреть, как он

гребет. Этот день, длинный и наполненный событиями, еще не закончился. Люси вернулась домой совершенно расстроенная, так как ни одна из ее работ на экзаменах не получила высоких отметок, а затем поздно вечером, когда гости разошлись и я прибиралась, раздался телефонный звонок. Это был Роберт. Мы немного поболтали, а затем он выпалил, что стали известны результаты экзаменов и что они оказались не такими высокими, как он ожидал. Конечно, он был очень расстроен, и я тоже тонко чувствовала иронию ситуации и унизительное положение, в котором он оказался.

Роберт, верный и безропотный, как всегда, почтительно помогал отцу в Доме сената, сопровождал его в официальной процессии и нашел команду помощников среди своих друзей, чтобы поднять коляску вверх по ступенькам и обойти препятствия в колледже Корпус-Кристи. В задумчивом молчании наблюдал он за успешной карьерой отца, не рассчитывая на нее, но всегда оставаясь в ее тени. На протяжении церемонии в честь Стивена, среди излишнего внимания прессы, комплиментов, оваций и хвалебных речей Роберт ни слова не сказал о неприятных новостях, о том, что результаты его выпускных экзаменов известны и что они неутешительны. На самом деле его глубокое чувство индивидуальности восставало против подавляющей тени гения его отца, побуждая его к молчаливому отказу от соревнования с ней. Я ничего не могла поделать с тем, что боль за сына в его тревоге была гораздо глубже, чем радость за мужа в полноте его славы и разностороннего успеха. Я очень хорошо понимала Роберта: я тоже могла чувствовать себя собой только в стороне от успеха Стивена.

Раз уж Роберт не достиг того успеха в учебе, на который он надеялся, то он наверстал упущенное на реке. Преследуемая съемочной группой «Би-би-си», я отвезла Стивена на гонки на следующий день. Несмотря на то что я свернула не туда – гонки проходили на участке реки около деревни Фэн-Диттон примерно в пяти милях от города, – мы приехали как раз вовремя, чтобы увидеть, как лодка колледжа Корпус-Кристи вертится на хвосте лодки «Леди Маргарет» и почти ее догоняет. Новость мгновенно облетела все ряды болельщиков: лодка колледжа Корпус-Кристи настигла свою добычу. Мой отец, который в свое время тоже выступал за этот колледж, был в восторге от мастерства Роберта на реке. Он всегда жалел о том, что в его студенческие годы на него давили и вынуждали развивать карьеру и он не мог расслабиться и наслаждаться временем, проведенным в Кембридже в 1930-х, поэтому, по его мнению, для Роберта было важно взять все возможное от последнего курса университета.

13. Почетная дружба

Поздним вечером 16 июня мы сели смотреть объявление наград в честь дня рождения монарха. По непонятной причине присутствующая сиделка Элейн Мэйсон все осуждала, но мой отец просто подпрыгивал от радости за зятя, который поднялся в высшие эшелоны господствующей верхушки в качестве кавалера ордена Почета. Как в свое время отец Стивена, он радовался за него и получал удовольствие от близости к такому успеху у публики, в котором обстоятельства отказали ему самому. На следующее утро я проснулась с более приземленной мыслью о том, как начать день в соответствующей праздничной манере. Я совершенно не подумала о начале дня и о самом важном для Стивена приеме пищи – завтраке. Потом я вспомнила, что в холодильнике наверняка осталось немного икры после поездки в Москву и шампанское после торжеств в четверг. Последствием этого экстравагантного завтрака стало то, что никто из нас не был в силах ничего сделать за утро, только добрести до Университетского центра, где я забронировала столик для обеда. Тем не менее в начале дня я поехала на велосипеде в город, чтобы проверить, как идет организация вечернего концерта в Доме сената, и обнаружила, что семья Джонатана занята подготовкой мест для сидения и расстановкой мебели в зале, пока он сам репетировал с оркестром. Я оставила их за этим занятием и помчалась домой, чтобы забрать отца и сразу же поехать с ним к реке. Мы как раз успели посмотреть, как вторая лодка колледжа Корпус-Кристи, обгоняя всех, везла ветку ивы в знак того, что она в очередной раз одержала триумфальную победу.

Тот теплый безоблачный июньский вечер снова встретил нас в Доме сената, и мы были поражены при виде толпы друзей и поклонников, которые терпеливо стояли в очереди, чтобы попасть на концерт, метко названный Honoris Causa[188]. Я увезла Стивена оттуда, чтобы проделать кратчайший путь до списков с результатами экзаменов за пределами Дома сената, и оставила его на той же лужайке, вокруг которой мы прогуливались всего лишь два дня назад. Там он сфотографировался с компанией разных почетных гостей – из фирмы, спонсирующей концерт, из его колледжа и из университета, – пока я ходила узнавать, почему очередь двигалась так медленно. Ее длина частично объяснялась тем, что десятилетний Тим был единственным продавцом программок внутри здания, хотя Люси и мой отец вовсю трудились, провожая гостей к их местам. Распорядившись помочь

Тиму, я присоединилась к Стивену. Управляющий Дома сената, к моему смущению, настоял на том, чтобы мы со Стивеном официально поприветствовали гостей, и держал нас снаружи, пока остальная аудитория рассаживалась. Нас приветствовали овацией стоя. Пока Стивен лучезарно улыбался аудитории и делал пируэты на коляске, мне было больно от стыда и неловкости, и я порадовалась возможности сесть спиной к аудитории.

Несколько минут спустя звуки трубы барокко в сонате Перселла для этого победоносно доминирующего инструмента открыли концерт, взмывая над головами людей к потолку XVIII века, богато украшенному лепниной. Как я и надеялась, аудитория была так довольна вечерним развлечением, что добавила щедрые пожертвования к скромным сборам, в результате чего мы смогли отправить чеки с внушительными суммами трем благотворительным организациям: Ассоциации по борьбе с мотонейронной болезнью, Центру исследования лейкемии и фонду Леонарда Чешира, – а также окупить концерт с билетных продаж. Было очевидно, что вечер имел потрясающий успех: мы принесли пользу благотворительным организациям; Кембриджский камерный оркестр музыки барокко заключил новую спонсорскую сделку и блестяще выступил перед полным залом; и, что самое главное, Стивена щедро чествовали и осыпали аплодисментами сотни поклонников. Он, однако же, был раздражен и рассержен. Его восприятие событий было замутнено завистью к Джонатану и его оркестру, которые якобы затмили его перед публикой. Это было настолько же несправедливо, насколько такие чувства не соответствовали обычному характеру Стивена. Он был очень увлечен началом проекта и в перерывах между поездками в Америку сам с энтузиазмом брался за его развитие. Джонатан, будучи от природы сдержанным, благоразумно отошел в сторону, чтобы дать Стивену возможность упиваться преклонением аудитории в конце концерта, и действительно, сомнений не оставалось – это был спектакль Стивена. Еще более непохожим на Стивена стало то, что он напомнил мне, что честь не несет в себе никаких титулов, поэтому принимать участие в торжестве я не должна. Итог был настолько же неотвратим, насколько неприятен: он пал жертвой лести. Ее угоднические истоки были не бескорыстны и, похоже, питали в нем идеи, противоречащие его щедрой, пусть и упрямой, природе.

Ослепляющий свет рампы был направлен на Стивена на протяжении того лета, и никогда он не светил так ярко, как во время нашего второго визита в Букингемский дворец несколько

недель спустя, хотя по сравнению с первым визитом, семь лет назад, этот был на удивление душевным. Мы прошли похожую процедуру, опять переночевав накануне в Королевском обществе, но с той лишь разницей, что в этот раз Тим и Амарджит Чохан, индийская сиделка Стивена, поехали с нами, а Люси не забыла взять с собой элегантные туфли, которые подходили к ее темно-коричневому платью и чудесно контрастировали с ее белокурыми волосами. И снова, как и раньше, пробка на улице Мэлл не двигалась, хотя в этот раз причиной тому была смена караула. Чтобы мы не стояли в плотной толпе вокруг главного входа, нас направили к королевскому служебному подъезду, откуда мы внезапно попали в тихий красочный загородный сад вдали от горячего душного шума Лондона и его дорожных пробок. Конюший, ливрейные лакеи и фрейлина королевы приветствовали нас невозмутимолюбезными улыбками и повели во дворец мимо сверкающей игрушечной машины, которой играл принц Чарльз в детстве, и пары велосипедов, а затем вверх в необъятный мраморный колонный зал, который освещался по всей длине и был обставлен мебелью, обтянутой красной и розовой дамасской тканью. Огромные экспозиции лилий стояли как декоративные стражи, охраняющие свои сокровища.

Мы завернули за угол и повернули обратно, пройдя по картинной галерее, а затем снова прошли через мраморный зал, едва успев мельком взглянуть на портреты Карла I и его семьи и украдкой рассматривая друг друга в молчаливом отчуждении. Пара работ Каналетто[189], писавшего городские пейзажи, и множество портретов принцессы Августы[190] привлекли мое внимание. Мы завернули в узкий коридор, который мог бы вести в людскую, но нас провели по нему в небольшой смежный зал, увешанный картинами и уставленный мебелью, – Императорский зал. После бодрого инструктажа от конюшего нас со Стивеном спешно увели от остальных членов семьи, чтобы встретиться с королевой, которая ждала в комнате в конце коридора. Стивен в своей характерной манере устремился к открытой двери. Там около камина стояла королева в роскошном бело-голубом платье. Она взглянула в нашу сторону с дружелюбной, но тревожной улыбкой. Неожиданно ее глаза наполнились ужасом: Стивен, на всех парах ворвавшись в гостиную, скомкал ковер колесами инвалидного кресла, неотвратимый, как локомотив. Коляска всосала в себя край толстого ковра кофейного цвета, после чего Стивен резко остановился, заблокировав проход в комнату. Из-за коляски мне не было видно, что происходит спереди, и я ничего не могла сделать, чтобы высвободить свернувшийся королевский ковер. В помещении находилась только королева. Она

поколебалась, а затем в какой-то момент совершила движение, как будто сама собиралась подойти и вытащить тяжелый механизм и его обитателя из ловушки. К счастью, конюший, который объявил о нашем прибытии, протиснулся к коляске, поднял передние колеса и привел все в порядок.

> Ее величество немного нервничала, как и я, поэтому мы так и не обменялись рукопожатием, а я забыла сделать реверанс, пока она произносила небольшую официальную приветственную речь.

Естественно, Ее Величество немного нервничала, как и я, поэтому мы так и не обменялись рукопожатием, а я забыла сделать реверанс, пока она произносила небольшую официальную приветственную речь. После неловкого молчания она, видимо, решила, что лучше всего будет сразу приступить к награждению, поэтому объявила о том, что будет рада одарить Стивена орденом Кавалеров Почета. От имени Стивена я получила медаль и показала ее ему, прочитав вслух посвящение на ней, держа ее так, чтобы Стивен видел. «В действиях верен и в чести не запятнан», – было написано на медали. Королева заметила, что, на ее взгляд, это удивительно точная формулировка, и Стивен напечатал: «Спасибо, мэм». В свою очередь мы подарили экземпляр «Краткой истории времени» с отпечатком пальца Стивена, что очень ее удивило. «Это книга о его работе, написанная общедоступным языком, такая, какую мог бы написать, например, юрист?» – поинтересовалась она. Теперь была моя очередь удивляться, так как я не могла представить себе общедоступную книгу о юриспруденции. Я быстро вернула себе самообладание, которого хватило на то, чтобы сказать, что, по моему мнению, «Краткая история» была более читабельна, чем юридическая литература, особенно первые главы, где дается захватывающее описание развития исследований Вселенной до времени, когда физика усложнилась элементарными частицами, теорией струн, воображаемым временем и тому подобными вещами. Затем сбивчивый разговор продолжался еще минут десять, двигаясь от доступного описания научных занятий и интересов Стивена к демонстрации работы его компьютера и голоса с американским акцентом. Королева, задавая мне вопросы, пронизывала меня долгим синим взглядом, таким же ярким, как большая брошь с сапфиром и бриллиантом у нее на плече. Несмотря на то что ее взгляд был теплым, внимательным и проницательным, он пригвоздил меня к месту. Мне было страшно даже оглянуться, как бы ни хотелось рассмотреть прелестную бирюзовую приемную с картинами и памятными подарками; я стояла, неуклюже вросшая

в пол, не смея даже повернуть голову.

За обедом на последнем этаже отеля «Хилтон» мы подробно рассказали детали аудиенции остальным членам семьи, которым запрещено было выходить из Императорского зала, не забыв и эпизод с ковром, вполне соответствовавший их несколько саркастичному чувству юмора. Мы охарактеризовали последовавший разговор как нечто среднее между устным экзаменом и беседой с напористой, но доброжелательной директрисой: оба этих случая пугали одинаково. Я почти не сомневалась в том, что королеве тоже было непросто. Интересно, подумали мы, вглядываясь в горизонт лондонского неба, правильно ли мы отвечали на вопросы? Здесь, прямо под нами, был дворец, окруженный Елисейскими полями, где мы немного погуляли сразу после приема. Стивен пожаловался на то, что не мог говорить столько, сколько ему бы хотелось, из-за проблемы с настройками ручного контроля компьютера, которые нарушились после неприятности с ковром. Так или иначе, нам показалось, что в целом мероприятие прошло хорошо, а Стивен добавил еще один впечатляющий медальон к своей и так уже обширной коллекции.

Когда мы уходили из ресторана, меня немало удивил сюрприз – необъятный букет оранжевых и желтых лилий, который мне преподнесло руководство отеля. Несмотря на то что его адресовала мне коммерческая организация – один из отелей сети «Хилтон», жест был впечатляющий. Он напомнил мне о той жемчужине, которую Рут Хьюс подарила мне в Калифорнии, когда Стивена наградили медалью папы римского в 1975 году. Я поняла, что меня заметили.

14. Dies Irae

[191]

Неделю спустя мы с Тимом уже снова были во Франции. Мулен сонно жмурился на вечернем солнце, пока мы въезжали на холм и открывали ворота. Бодрящий свежий воздух проникал глубоко в мои астматические легкие, восстанавливая силы, так как я физически устала от длительной поездки и была эмоционально напряжена после недавних взлетов и падений. Внутренний двор, дышащий тишиной и спокойствием, обнимал нас как мягкое одеяло и защищал от жесткости внешнего мира. Тишину нарушало только чириканье воробьев, отражавшееся эхом от белых стен. К их голосам добавился высокий голос Тима, нетерпеливо настаивающий на том, чтобы я поскорее открыла входную дверь, так как ему очень хотелось зайти внутрь и забраться на свой чердак, проведать модели аэропланов, которые стремительно вращались вокруг своей оси, свисая над лестничным проемом, и были отгорожены от перил запутанной сетью ниток и клейкой ленты. Мы бегали из комнаты в комнату, проверяя каждый уголок и закоулок в доме и вновь знакомясь с каждой старинной балкой. К нашему удивлению, старый пыльный сарай изменился до неузнаваемости, как Золушка перед балом, и был готов принять свиту из сиделок Стивена. Груды камней, паутина и гниющие стропила исчезли, а на их месте внизу появилась большая комната с полом, выложенным плиткой, и маленькая кухня, а наверху – две большие спальни и ванная. Массивные новые балки и пригодные старые так органично поддерживали столетнюю конструкцию, что если бы не сияние новизны всех креплений, то могло показаться, что все балки были в доме испокон веков. Затем мы устремились в сад, предвкушая еще больше открытий. В наше отсутствие кто-то явно поколдовал там. Тим ахнул: «Прямо как в Букингемском дворце!» – и он был прав. Саженцы и семена в цветочном бордюре полностью выросли, и там, где в мае находились маленькие отдельные пучки и небольшие всходы, теперь нас восторженно приветствовало буйство красок и кивание пышных цветочных головок. Еще многое требовалось сделать: покрасить стены и покрыть полы, но основная работа была завершена. Мулен был готов принять не только нас, но и всю толпу наших летних гостей. Мой брат планировал приехать вместе с семьей и четырьмя детьми одновременно с другом Тима Артуром и его родителями, которые собирались к нам в гости на выходные. Джонатан должен был привезти моих родителей, а Стивен – прилететь в Ле Туке в

сопровождении своей самой проверенной сиделки Пэм Бенсон, а также Элейн и Дэвида Мэйсонов.

> Пока я не намеревалась вмешиваться ни в какую любовную привязанность, которая могла возникнуть между Элейн и Стивеном; мне казалось, что ее, профессиональную сиделку, могло убедить понимание того, что успех нашей задачи зависел от хорошо сбалансированной командной работы.

Несмотря на опасения моей матери, я пригласила к нам семью Мэйсонов, оптимистично надеясь на то, что опыт проживания с нами в одном доме, но в более расслабленной обстановке, чем в Кембридже, поспособствует большему уважению к самодисциплине, которая лежала в основе нашей повседневной жизни. Пока я не намеревалась вмешиваться ни в какую любовную привязанность, которая могла возникнуть между Элейн и Стивеном; мне казалось, что ее, профессиональную сиделку, могло убедить понимание того, что успех нашей задачи зависел от хорошо сбалансированной командной работы. В нашей ситуации нарушителям порядка места не было.

Я столь же наивно полагала, что если она поймет, что мы с Джонатаном, разумеется, не спим вместе в одной комнате, то она научится уважать modus vivendi[192], который позволял нам продолжать непрерывно заботиться о Стивене и детях, что бы ни случилось. Конечно, только самый фанатичный фундаменталист мог не видеть того, чего мы пытались достичь, тех усилий и ограничений, сопровождавших эти попытки. По иронии судьбы когда-то очень давно Стивен терпеть не мог фундаментализм и приходил от него в ярость, высмеивая любого, кто пытался его проповедовать.

Мы – то есть я, Тим, мой умелец Клод и одна очень услужливая девушка из деревни – все еще энергично наносили белую эмульсию на стены новой нижней части дома, когда мой рассеянный братец и его семья с четырьмя детьми приехали к нам – на неделю раньше. Однако Крис с лихвой компенсировал их неожиданный приезд, взяв на себя приготовление пищи. По его мнению, лучшими туристическими объектами Франции были супермаркеты, где он с удовольствием проводил время, прогуливаясь вдоль полок в поисках все более экстравагантных ингредиентов для добавления в свою кастрюлю с едой, которая издавала из новой кухни такой аромат, что у нас каждый вечер текли слюнки при мысли о предстоящих гастрономических наслаждениях.

В середине августа, к тому времени, когда Стивен и его

разношерстная команда вылетели в Ле Туке, новое крыло дома было подвержено основательной проверке на прочность следующими друг за другом волнами гостей, включая моих родителей, требования которых оно полностью удовлетворило, будучи элегантным и удобным. Однако, заехав в дом, Стивен демонстрировал заметное напряжение. Моя радость при встрече с ним была встречена холодностью, и это заставило меня заподозрить, что тайные нашептывания о нелюбви к французской деревне попали в цель, убеждая его в том, что на самом-то деле ему совершенно не хотелось отдыхать во Франции, не говоря уж о деревне. Все попытки заинтересовать его великолепными видами, открывавшимися из дома через залитые солнцем поля на далекие синие очертания холмов и лесов, оказывались тщетными: я видела все тот же скучающий, пренебрежительный взгляд. Правда день за днем безжалостно обрушивалась на меня – улыбки Стивена и его заинтересованность были адресованы Элейн, и я уже не сомневалась, что его поощряют презирать меня, потому что я была неполноценна и не соответствовала безупречному образу, которым его постоянно манили. Его убеждали, что я ему больше не нужна и что от меня нет никакой пользы. Элейн была нужнее: из-за минимальных обязанностей она могла потворствовать Стивену, выполняя все его прихоти; она умела говорить вкрадчиво и льстить, а ее навыки сиделки позволяли ей выполнять все его капризы. Так как главными его занятиями были работа и забота о здоровье, то моя роль закономерно уменьшилась, а ее – демонстративно и значительно расширилась. Семейные и интеллектуальные узы, которыми я так дорожила и благодаря которым мы создавали видимость нормальности, похоже, перестали быть значимыми. Возможно, в ней он нашел человека более приземленного, чем я, с которым он к тому же мог каким-то образом снова иметь физическую близость, какими бы ни стали другие стороны их отношений. Я не могла ему в этом отказать и была готова принять это изменение в нашем жизненном укладе точно так же, как он великодушно принял мои отношения с Джонатаном, только при условии, что это держалось в тайне и не угрожало нашей семье и детям, нашему дому и синхронной работе роты сиделок, которой мы добились, пожертвовав своим спокойствием. Также было очень важно, чтобы это не свело на нет мои отношения со Стивеном, потому что я не сомневалась, что без меня он сразу превратится в потерявшегося ребенка, непослушного, самоуверенного, но в то же время беспомощного и наивного. Наши судьбы были так крепко связаны узами времени, что он никогда не стал бы мне безразличен, какими бы сложными ни были обстоятельства жизни

обездвиженного гения, сделавшие его таким незаурядным. Забота о его благополучии стала для меня привычкой. Любой малейший признак недомогания, неудобства или неодобрения, который выдавали его подвижные черты лица, не оставлял меня равнодушной. Истина была в том, что я все еще любила его с глубоким заботливым состраданием. Его истощенное тело, несмотря на силу интеллекта, красноречиво свидетельствовало о боли и страданиях, и благодаря этому мои чувства к нему пробуждались вновь и вновь. Я никогда не была снисходительна к нему; на самом деле эти чувства часто держали меня в тонусе, когда отчаяние и обиду, вызванные его упрямством и неразумными требованиями, нужно было примирять с уважением к его личности и правам полностью нетрудоспособного человека.

Забота о благополучии Стивена стала для меня привычкой. Любой малейший признак недомогания, неудобства или неодобрения, который выдавали его подвижные черты лица, не оставлял меня равнодушной.

Истина была в том, что я все еще любила его с глубоким заботливым состраданием.

Наш брак и та огромная сложная конструкция, в которую он превратился, определил всю мою взрослую жизнь, став итогом моих самых важных достижений: продолжение жизни Стивена, дети, семья и дом. Это была длинная история наших совместных сражений с его болезнью и история его успеха наперекор всему. Я посвятила этому почти всю себя – даже если мне и приходилось принимать помощь, чтобы продолжать борьбу и не покончить жизнь самоубийством. Действительно, иногда мне хотелось иметь больше свободы передвижения, и я возмущалась строгими ограничениями, которые на меня налагались, но мне никогда и в голову не приходило сбежать от всего этого, кроме тех случаев, когда я была в полном отчаянии и мне хотелось утопиться. Возможно, эта конструкция стала слишком тяжелой и нестабильной, но было невероятно, что все связанное с нашим браком сейчас может оказаться смыто волной страсти. Тот факт, что у Элейн имелся физически здоровый муж и своя семья, оставался вне моего понимания: это было на ее совести, и я не имела права вмешиваться.

Ситуация могла бы разрешиться мирным путем, если бы ее участники были другими: более тактичными, менее напористыми, менее эгоцентричными, менее зацикленными на исполнении исключительно собственных желаний. Будь я сильнее и собраннее, я бы справилась с ситуацией по-другому, более уверенно. А на самом деле отдых превратился в катастрофу.

Различные неприятные происшествия только усилили нелюбовь Стивена к деревне, даже к Мулену, что было так непохоже на его весенний энтузиазм, а его враждебное отношение к семье и ко второй сиделке Пэм только усиливалось. Когда я все-таки решилась сказать Стивену о том, что из-за поведения его и Элейн есть риск потерять Пэм, я невольно разожгла тлеющее пламя, которое поглотило нас всех. Оно охватило старый дом в тот день и ту ночь, разрушив заветную тишину и разбушевавшись вокруг меня, сотрясло старинные стропила. Пламя раздора, ненависти, жажды мести обрушивалось на меня со всех сторон, обжигая обвинениями до глубины души – неверная жена, безучастная супруга, эгоистичная карьеристка, ленивая и легкомысленная, предпочитающая развлечения заботе о своем слабом беззащитном муже. Ты слишком долго делала все по-своему, говорили они. Ты должна «ставить Стивена во главу угла».

Я была вынуждена отражать их нападки в одиночестве. Я не хотела унижать Джонатана, вовлекая его в эту варварскую войну, но потушить огонь самостоятельно не могла. Было бесполезно пытаться говорить о том, что, вопреки отчуждающему безумию физики и истощающим непрестанным требованиям болезни, я честно старалась быть Стивену хорошей женой; что, несмотря на все виды терапии, медицинское оборудование и ораву сиделок, несмотря на обилие научных работ, уравнений и совещаний, я честно старалась делать все, что было в моих силах, какой бы исковерканной ни стала моя собственная жизнь. Что любовь и помощь Джонатана сохранили нашу семью и спасли меня от неизбывного отчаяния – все это не считалось за внятные аргументы. Всех моих стараний оказалось недостаточно, и от меня отказались в пользу женщины, обольстившей больного человека фальшивым блеском невероятных обещаний и несбыточных надежд. Это было началом гибели нашего брака.

Оставшись одна в своей комнате после того, как первая волна атаки утихла, я расплакалась горькими слезами беспомощности и злости. Мой дух восставал против мелочности всех этих людей, недавно вошедших в нашу жизнь. Они никогда не сталкивались лицом к лицу с последствиями многочисленных кризисов. Им никогда не приходилось встречаться с тяготами жизни перед лицом смерти, изо дня в день, на протяжении более четверти века. Они никогда не переживали глубокие чувства, и их не разрывала на части моральная дилемма. Они никогда не бывали доведены до предела своих физических и умственных возможностей. Они почти ничего не знали об этих проблемах, скользя по поверхности жизни, стремясь удовлетворить лишь свои желания, навязывая абсолютные ценности другим и не имея

способности замечать их перед своим носом. В их глазах я действительно была всего лишь бездушной машиной, совершенно не нуждавшейся в человеческих чувствах. Моя потребность быть любимой исключалась как абсурдная.

После этого происшествия Стивен и Мэйсоны вернулись в Англию, а Тим и я остались в Мулене. Чудесный старый дом и сад своими объятиями собрали воедино мое изнуренное тело и обугленный ум, вновь обволакивая меня спокойствием загородной Франции. Если я действительно больше не нужна Стивену, логически рассуждала я, то я и сама смогла бы замечательно жить во Франции. Я могла бы зарабатывать, обучая людей английскому и испанскому, а Тим смог бы в совершенстве владеть двумя языками. В начале сентября он пошел в сельскую школу, где быстро нашел себе друзей, не беспокоясь о языковом барьере. Каждое утро он спускался на велосипеде по дороге в деревню, а я стояла и махала ему рукой, пока он не взбирался на холм напротив дома и не исчезал за деревьями. Дома мы часто говорили по-французски. Англия и английский язык, содержащий и выражающий сильнейшие душевные страдания, не говоря уже о распространенной политической несправедливости в годы правления Маргарет Тэтчер, стали чужими для меня, в то время как Франция предлагала новый стиль жизни, новых друзей и чувство равенства. Более того, Франция, преимущественно католическая страна, поклонялась и молилась Матери Иисуса, женщинепосреднице между мужскими фигурами Троицы. Здесь женщина занимала официальное место в божественном порядке вещей. В Марии было что-то человеческое – трагическое, любящее и утешающее. Часто во французских деревенских церквях и соборах меня привлекал лик Девы Марии – пусть и в виде святой, обтекаемо нарисованной на штукатурке, – которая утешала меня в страдании и разделяла его со мной.

> Стивен звонил почти каждый день, настаивал на нашем возвращении в Англию. Он говорил, что скучает без нас и что мы ему нужны.

Мы с Тимом быстро привыкли к повседневной жизни, каковую, я была уверена, могли вести и дальше. Если нужно, то мы могли бы жить во Франции постоянно. Или, в конце концов, поехать в Англию, когда Стивен решит все свои проблемы. Джонатан, вернувшийся в Кембридж, чтобы отыграть ряд сольных концертов органной музыки, регулярно общался с нами, убеждая нас остаться во Франции, раз там мы чувствовали себя непринужденно.

Стивен тоже звонил почти каждый день, однако настаивал на

нашем возвращении в Англию. Он говорил, что скучает без нас и что мы ему нужны. Он говорил столь убедительно, что я поверила, будто он действительно намеревается восстановить некоторую гармонию в нашей жизни и контролировать своих сиделок. Через бурные житейские моря, намереваясь избежать конфронтации, с верой в то, что мой потерявшийся ребенок действительно нуждается во мне, мы в конце сентября отправились в Англию. Семья, то есть мои родители и Роберт, с радостью встретила нас, когда мы приехали домой поздно ночью после стояния в пробках на магистралях. Стивен был рад Тиму; мне же был оказан очень холодный прием. Не потерявшийся ребенок вышел встречать нас, но деспот. Я сразу поняла, что совершила чудовищную ошибку, вернувшись в Англию.

15. Чересчур правдиво

В следующий понедельник Тим снова начал ходить в начальную школу, а я опять занялась преподаванием, пообещав проработать если уж не весь учебный год, то хотя бы один семестр. Ровно через неделю после нашего возвращения Стивен дал мне письмо, в котором он объявлял о своем намерении жить вместе с Элейн Мэйсон. Тем вечером по несчастливому стечению обстоятельств Роберту сломали челюсть уличные грабители, напавшие на него по дороге домой.

Исполнение решения Стивена было отложено на длительное время по странной и очень бытовой причине – ему и Элейн Мэйсон оказалось некуда идти. Все это время мы жили в водовороте беспорядка и замешательства, пока я непрестанно надеялась на то, что буря в конце концов утихнет сама собой и что, несмотря на его нынешнее плачевное эмоциональное состояние, Стивен решит остаться со своей семьей. Как сухой лист, гонимый ветром, он приходил и уходил, часто оставаясь незамеченным. Со стороны на него оказывалось сильнейшее давление, но за каждым взрывом следовал период спокойствия, как будто ничего не произошло. Те периоды были только затишьем перед бурей; другие непредсказуемые события врывались в нашу жизнь со свирепостью урагана. До меня дошли слухи о том, что сиделка уже объявила о своей грядущей свадьбе со Стивеном.

Я жила в постоянном страхе перед возможным началом борьбы за опеку над Тимом, а Джонатану было отказано приходить на Вест-роуд под угрозой судебного запрета, поэтому у него не оставалось другого выбора, кроме как находиться дома. Открытый диалог был невозможен, потому что между мной и Стивеном возник непреодолимый барьер, и чем больше он терял контроль над ситуацией, тем больше, как мне казалось, он пытался контролировать меня, как будто я была его собственностью. Каждый день медсестры кидали в окно моей машины мерзкие письма, когда я отправлялась на работу; каждый вечер от меня требовали каких-то невозможных вещей. Мне приписывали нелицеприятные замечания и фальшивые намерения. Мне было велено бросить Джонатана и «прежде всего заниматься Стивеном». Я вдруг обнаружила, что волей-неволей вступаю в споры по поводу денег не только со Стивеном, но и с Элейн Мэйсон. С помощью концентрации, которая требуется для изучения и, в особенности, преподавания поглощающих все мысли и стимулирующих интеллект романов и рассказов

Габриэля Гарсии Маркеса, я смогла сохранить хоть какое-то здравомыслие, а среди моих коллег в преподавательской я нашла тихое сочувствие и поддержку, которые привносили элемент стабильности в те несколько часов, что я каждый день проводила вдали от дома. Иногда мои истрепанные чувства умиротворяла и успокаивала музыка, хотя часто ее тембр приглушался моим внутренним голосом. Остальное время в доме царил бедлам и беспрецедентное насилие; сумасшествие других людей прокладывало себе путь в наш быт и пугало меня и Тима. Не было даже намека на поддержку двух профессиональных объединений медсестер, Королевского колледжа медсестринского дела и Совета медсестер Великобритании, которые отказались вмешиваться.

В конце того месяца, когда я попрощалась с двумя старшими детьми – сначала Роберт отправился в Глазго получать магистерскую степень по информационным технологиям, а на следующий день Люси уехала в Оксфорд, – мне показалось, что все мое существование и то, на чем оно держалось, треснуло по швам. Моя личность, которую я на протяжении многих лет отчаянно пыталась составить из несовместимых фрагментов, из кусочков мозаики повседневной жизни, разбилась вдребезги. Я осталась одна, и мне некуда было спрятаться посреди разрухи, наступившей в моей жизни. Везде, куда бы я ни смотрела, находились руины и развалины дерзкого, храброго, но хрупкого здания, которое мы построили вместе со Стивеном. В земле разверзлась темная бездна, поглощая это здание, а с ним более двадцати пяти лет моей жизни – все годы моей юности и молодости, все надежды и весь оптимизм. Вместо них осталась всего лишь хрупкая пустая оболочка, прозрачная и одинокая, объект ежедневной душевной пытки. Ясно было только одно: мой самый младший и самый уязвимый ребенок, Тим, должен оказаться защищен, и как бы я ни была сломлена и подавлена, мне следовало собраться с силами и мужественно бороться за него.

Мы с Джонатаном никогда не думали о нашем совместном будущем без Стивена. Мы не фантазировали, не мечтали. Мысль о таких переменах была нам чужда: я не пускала ее в голову и не жаждала этого. Раньше я думала, что мы достигли баланса, при котором всем было хорошо, хотя это и требовало значительных ухищрений, самодисциплины и сдержанности чувств каждого из нас. Как оказалось, мы всего лишь учтиво выдавали желаемое за действительное, так как сейчас мне насильственно дали понять, что Стивен был в последнее время недоволен нашим образом жизни. Это открытие меня крайне удивило. Если Стивен так

долго кипел негодованием, то почему он не сказал мне об этом? Как ему удавалось двигаться вперед, достигать такого успеха и работоспособности, если он действительно был так несчастлив? Похоже, ему не нравилось, что в семье к нему относятся так же, как и ко всем членам семьи, в то время как он сам считал, что его место – на пьедестале и в центре. И тут появилась особа, готовая поклоняться ему и сделать его центром всей своей жизни. Эта особа обещала ему, что ему больше никогда не придется нанимать сиделок, потому что она одна будет заботиться о нем двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю и станет ездить вместе с ним, куда бы он ни захотел. Естественно, я не могла конкурировать с такой упертой преданностью, и в результате отношение ко мне изменилось в худшую сторону. Мне угрожали тем, что вышвырнут меня из семейного дома; моя роль в жизни Стивена постоянно отрицалась, как будто любое упоминание обо мне, любое воспоминание обо мне должно было быть стерто отовсюду.

Начался семестр, мы с Тимом свыклись с ежедневной жизнью в Кембридже, и во Францию вернуться было уже невозможно, хотя я очень нуждалась в прибежище. Вариант с домом Джонатана даже не обсуждался, так как этот переезд означал бы, что я расторгаю брак, что ни сейчас, ни когда-либо еще не входило в мои намерения. Любое прибежище должно было стать нейтральной территорией, где мы с Тимом могли бы скрыться от напряжения, ссор, злобы и взаимных упреков, которые мучительно разрушали дом номер 5 по улице Вест-роуд. Был только один вариант. Несмотря на то что наш дом на улице Литл-Сент-Мэри уже много лет принадлежал колледжу в счет оплаты квартиры, эта собственность юридически все еще была нашей. Зная, что в доме никто не живет, я написала ректору, прося его о защите и разрешении для нас с Тимом использовать дом временно, пока не прекратятся ссоры и кризис не разрешится хотя бы как-нибудь. Ректор только вступил в эту должность в колледже – мы почти друг друга не знали. Его ответ был однозначен: как бы он ни сожалел об этом, но существовало формальное соглашение между Стивеном и колледжем об обмене двух помещений, и пока Стивен не аннулирует это соглашение, у меня нет доступа к дому.

> Моя личность, которую я на протяжении многих лет отчаянно пыталась составить из несовместимых фрагментов, из кусочков мозаики повседневной жизни, разбилась вдребезги.

Днем астма душила меня и затуманивала мое сознание; от

страха у меня начинали дрожать руки до самых кончиков пальцев каждый раз, когда Стивен объявлял о своем желании поговорить со мной. Каждую ночь мне снились ужасные кошмары, от которых я просыпалась в паническом страхе: у меня колотилось сердце из-за того, что во сне на меня обрушивались здания, похоронив меня в темной гробнице под землей. Тиму тоже снились кошмары, в которых по коридорам и улицам за ним гнались хулиганы. Днем он стал слишком замкнутым и беспокойным. Мне доктор прописал бета-блокаторы и велел пойти к психотерапевту. Для Тима единственным спасением стало бы изолирование его от проблем, но так как в доме на Литл-Сент-Мэри нам отказали, то сделать это было непросто. Я попросила директора школы предупредить коллектив учителей о том, в каком немыслимом напряжении Тим находился дома. Я слишком поздно поняла, что он не счел нужным рассказать о моих тревогах учителям, и бедный Тим часто приходил домой из начальной школы в слезах.

Бои неистовствовали до конца семестра, с одним краткосрочным перемирием на время визита в Испанию для получения престижной награды от наследника испанского престола, принца Астурии, в Овьедо. Пребывание в Испании взбодрило меня, и поездка прошла терпимо. Несмотря на то что перемирие вынудило меня нервничать из-за повторяющихся появлений на публике, пресс-конференций и интервью, по крайней мере, благодаря им у меня появилась возможность вновь доказать, что я профессионал, и подтвердить свою лингвистическую квалификацию и мое умение быть Стивену настоящим спутником жизни. Тяжелее оказалось перенести его недавно озвученное решение о покупке квартиры для любимой сиделки. Ум, разгадавший математические тайны Вселенной, не мог справиться с эмоциональными потрясениями, которые сейчас его охватили. Как вагнеровский Зигфрид[193], Стивен, завернувшись в защитный плащ, крепкий плащ решимости, полагал, что в нем нет сентиментальности и хрупкости, а есть только неподдающаяся объяснению непобедимость. Но, как и Зигфрид, он оказался беспомощен против атаки на уязвимые места. Слабым местом на теле Стивена было горло, но у него имелось и второе, психологическое слабое место – полное отсутствие сопротивления манипулятивному эмоциональному давлению. Он никогда раньше ему не подвергался и не имел оружия против него. Вот какое давление оказывалось на Стивена: оно приостанавливало напор пара, шипящего с неослабевающей энергией, пока не извергало целый ряд эмоциональных волн вулканической силы, которые сметали все на своем пути раскаленным потоком гнева и страсти. Затем, как по волшебству,

каждое новое извержение стихало так же быстро, как и начиналось, и в нашем доме вновь воцарялся мир. Стивен становился нежнее, сговорчивее и начинал сожалеть о содеянном, искренне стараясь оставить весь этот беспорядок позади и восстановить семейную жизнь, которая помогала ему процветать в прошлом. Затем он признавал, что его рвут на части противоречивые чувства и что ему нужна поддержка, понимание и возможность примирения. Я тоже стремилась дать ему все это, ведь я понимала трагичность его ситуации и хотела помочь ему выбраться из нее – однако временное затишье длилось только до того ужасного момента, когда достигали своей цели очередные письма, ультиматумы, призывы. Я привыкла побаиваться их последствий, так как Стивен словно исчезал, отказываясь есть, участвовать в светских мероприятиях, а чары сиделки успокаивали и околдовывали его еще больше. Так все и продолжалось до Рождества. Планы моих родителей отпраздновать свою золотую свадьбу были полностью разрушены нарастанием и стиханием этой приливной силы. С непредсказуемостью, которую мы стали странным образом угадывать, Стивен провел первый день Рождества в кругу семьи, а затем поздно вечером подъехал его фургон, и он исчез в темноте, направившись вместе с Элейн в отель накануне поездки на конференцию в Израиль.

Мы не видели его и ничего о нем не слышали до начала января, когда дети, Джонатан и я вернулись домой из блаженного безмятежного короткого отдыха во Франции, а Стивен ждал нас в доме, как словно думал, что все будет по-прежнему. Он ни о чем не рассказывал, и я понимала, что нельзя было просить его дать какие-либо объяснения. В тот вечер мы собрались за ужином при свечах, угощаясь жареной уткой с апельсиновым соусом в честь дня рождения Стивена. На следующее утро я написала жизнерадостное письмо его матери, искренне радуясь тому, что, похоже, неприятности кончились и мы можем опять вести активную семейную жизнь, на что она ответила резко отрицательно. После этого письма стало ясно, что Изабель ни во что не ставила мое стремление позаботиться о Стивене и даже сомневалась в его наличии, считая, что я эгоистично паразитирую на его славе и успехе, а теперь намереваюсь лишить его шанса на счастье с кем-то, кого она действительно одобряла и кто ей понравился.

Слабым местом на теле Стивена было горло, но у него имелось и второе, психологическое слабое место – полное отсутствие сопротивления манипулятивному

эмоциональному давлению.

Стабильность длилась недолго: ситуация вновь стала ухудшаться слишком быстро. Спустя еще несколько недель, в течение которых угрозы, взаимные обвинения и ссоры вновь усилились, мы с детьми уехали, чтобы встретиться с Артуром и его родителями и несколько дней покататься на лыжах в Австрии в середине семестра. После нашего возвращения в Кембридж мы не нашли в доме ни одной вещи, принадлежавшей Стивену. Он ушел. Он все-таки переехал, в чем ему, видимо, помог муж Элейн в тот день, когда мы отправились в Австрию, 17 февраля 1990 года. Наступил конец. Я не чувствовала ни грусти, ни облегчения. У меня внутри все онемело.

Однако на самом деле это был еще не конец. Буквально на следующий день Стивен позвонил по телефону из Elstree Studios[194], где снимали экранизацию «Краткой истории времени», и попросил меня поучаствовать вместе с ним в съемке семейного портрета, биографической основы фильма. Просьба меня поразила. Это было просто невероятно – только что покинув семью, он думал, что мы как марионетки будем играть роли перед камерами, по инерции создавая счастливый образ единения. В моем голосе больше не было робости и колебаний. Приняв решение покинуть нас, Стивен, сам того не зная, ослабил свою власть надо мной, выпустив меня на свободу и позволив мне принимать собственные решения без страха перед его деспотичной реакцией на них. Я отказалась ехать в Elstree. Я обрела контроль над своей жизнью.

С той поры высокая трагедия превратилась в фарс. Телефон разрывался от звонков американских продюсеров и режиссеров, льстиво пытавшихся убедить меня участвовать в их фильме. Когда они приехали в Кембридж, чтобы построить точную копию кабинета Стивена в заброшенной церкви, они без конца ходили вокруг нашего дома, приводя все новые высокопарные аргументы. На кону были миллионы долларов, сокрушались они, ломая руки, и мое отсутствие расстроит все их планы; без внушительного биографического элемента фильм будет не сбалансирован. Я пожимала плечами и цитировала их первоначальные гарантии, зафиксированные в договоре, касательно природы фильма: исключительно научное документальное кино с кратчайшими биографическими справками. Чем больше они обнажали свою беспринципность, отрицая эти обещания, тем легче оказалось придерживаться своей позиции, а чем легче мне было придерживаться своей позиции, тем сильнее я становилась.

Приняв решение покинуть нас, Стивен, сам того не

зная, ослабил свою власть надо мной, выпустив меня на свободу и позволив мне принимать собственные решения без страха перед его деспотичной реакцией на них.

16. Без юридической силы

Хотя меня в некоторой степени утешала новообретенная независимость духа, семейный катаклизм на самом деле сломил меня. Во тьме поражения я чувствовала, что опозорена и что от меня все отреклись, что я неуклюже пытаюсь вновь найти свою личность, как будто предыдущие двадцать пять лет оказались стерты без следа. Действительно, это впечатление было не только субъективным: мне дали это понять две благотворительные организации, с которыми я так усердно работала. Они не могли рисковать доверием общества, имея в своем составе двух партнеров, которые разошлись или развелись, так как это могло навести на мысль о том, что это дело рук самих организаций, поэтому они стали обходиться без моей помощи. Естественно, имя Стивена было полезнее, чем мое. Это оказался тяжелый удар. Как я и подозревала, вне брака и отдельно от Стивена я была никем.

Тем не менее именно в этом глухом лабиринте дезориентации, в окружающем меня воздухе я вдруг начала ощущать движение небывалой, почти ощутимой силы, духовной силы, не связанной с моим иссушенным физическим состоянием. Она проявилась в спонтанных выражениях заботы и любви, которые достигали меня почти телепатически от множества наших друзей по всему миру. Это были настоящие друзья, люди, которые знали нас много лет, друзья, ставшие свидетелями наших трудностей и часто помогавшие нам в тяжелые времена, друзья, искренне радовавшиеся успехам и не закрывавшие глаза на грубую реальность, прикрытую этими успехами. И это были друзья, от которых я не скрывала своих попыток наладить ситуацию, друзья, которые знали Джонатана и восхищались его преданностью семье точно так же, как и его музыкальным талантом. Многие говорили, что плакали, узнав о том, что произошло. Они принесли мне умиротворение, которое позволило мне осознать собственные силы. Вместо того чтобы захлебываться обидой, я решила направить всю энергию, которую раньше посвящала благополучию Стивена, в новый проект, мой собственный: это должна была быть книга, но не книга воспоминаний, которую многие издатели уже капризно требовали, а другая; тема семейной жизни была слишком больная, и требовалось время, чтобы приступить к ней без излишних эмоций. Моя книга должна была описывать наш опыт обустройства быта в доме во Франции и состоять из веселых историй и практической информации, направленной на

внушительный рынок британских покупателей домов во Франции. Так как лишь немногие из этих франкофилов хорошо владеют французским, я хотела составить фонетический словарь полезных понятий, связанных со всеми аспектами покупки дома и проживания во Франции: законодательные требования, страховка, ремонт, коммунальные услуги, телефония, местное законодательство и здравоохранение.

> Естественно, имя Стивена было полезнее, чем мое. Это оказался тяжелый удар. Как я и подозревала, вне брака и отдельно от Стивена я была никем.

Бóльшую часть времени, которое прежде уходило на беготню по дому, выполнение желаний Стивена, расселение его сиделок, организацию графика дежурств, ответы на телефонные звонки недовольных медсестер и организацию приемов, я посвятила работе над этой книгой. В процессе ее написания и составления словаря я научилась – как и Стивен в период после критической болезни – использовать компьютер. Как бы я хотела, чтобы компьютер был доступен в годы работы над моей диссертацией! Компьютер и принтер были великодушными прощальными подарками от Стивена. Я так никогда и не смогла понять, зачем он их купил, но я подозревала, что это был типичный поступок для человека в состоянии замешательства, в котором он оказался и которое, как и всегда, он не признавал в силу чрезмерной гордости и сдержанности. Однако я оценила эти вещи по достоинству, так как без них я никогда не смогла бы составить словарь полезных терминов. Несмотря на то что французская тема проекта бесконечно развлекала и стимулировала меня на исследования и написание, публикация была чревата трудностями, так как в наивности своей я попала в нечистые руки. Симпатичный на вид литературный агент взял книгу в работу, но на самом деле, как и многие другие, он был заинтересован только в мемуарах.

Несмотря на изворотливость литературных агентов, новости о нашем расставании, к счастью, оставались тайной для прессы в течение нескольких месяцев. Так как они не попали в заголовки таблоидов, нам был дан полезный период отсрочки. Это заточение позволило нам со Стивеном попытаться вывести наши отношения на новый уровень без назойливого внимания медиа. Мы могли видеться как старые друзья, уже не испытывая стресса от ежедневных споров, которые омрачали наши отношения: он мог приезжать на Вест-роуд, чтобы навестить Тима в обед, где мы могли обсуждать семейные дела спокойно и осмысленно. Было странно только одно: он жил в другом месте с другой женщиной.

Пресса в конце концов узнала о нашем расставании в буквальном смысле из-за несчастного случая. Однажды вечером, когда Стивен возвращался к себе в квартиру, его и дежурную сиделку (не Элейн) сбило несущееся на большой скорости такси. Инвалидная коляска перевернулась, и он остался лежать на дороге в темноте. Он чудом выжил и отделался лишь сломанным плечом, пробыв пару дней в больнице. Пресса неизбежно узнала об этом, и, естественно, ей хотелось узнать, почему он больше не жил на Вест-роуд. Репортеры и фотографы, особенно из таблоидов, окружили дом как свора лающих гончих, чуя скандал и пугая нас с Тимом. На нас охотились. Благодаря здравомыслию привратника колледжа их пустили по ложному следу, и Джонатан, о чьем существовании они не знали, смог убежать через заднюю дверь.

Как только новости о том, что мы живем отдельно, стали достоянием общественности, колледж, не теряя ни минуты, отправил к нам их финансиста, чтобы выяснить, когда мы уедем из дома. Этот человек выразился довольно ясно: колледж больше не обязан предоставлять жилье семье, если Стивен, с которым колледж заключил соглашение, больше там не живет. Он решительно вручил мне предупреждение о необходимости освободить квартиру. У меня не было ни сил протестовать, ни желания бороться. Накануне мог бы быть – в общем-то и был – день двадцать пятой годовщины нашей свадьбы. В то июльское утро понедельника мне ясно дали понять, что все, что произошло за эти двадцать пять лет, больше ни для кого не имело значения. Все записи были стерты. Этих лет вообще могло бы и не быть. Только Стивен имел значение. Ни я, ни дети не играли никакой роли. Мне было велено убираться вон, и нас фактически выбросили на улицу. Пришла пора встретить новую реальность.

В качестве единственной уступки нам любезно предоставили один год на приведение дел в порядок. Это было особенно важно для Тима, который поступил в школу при Королевском колледже, находившуюся буквально через дорогу от нас, и по невероятной иронии судьбы нам пришлось бы переезжать, когда он только что поступил в школу менее чем в пяти минутах ходьбы от нашей двери. Еще одним преимуществом школы для Тима было то, что его друг Артур тоже там учился, поэтому, какие бы потрясения ни происходили дома, он мог рассчитывать на ежедневную встречу с лучшим другом. На самом деле Тим виделся с Артуром не только в школе, но и дома, так как на следующие два года Артур переехал жить к нам. Все были очень этому рады. Артур стал частью нашей семьи и оказывал Тиму неоценимую моральную поддержку в трудные и переменчивые времена.

Мне бесконечно повезло, что я не осталась одна. Джонатан незаметно и непрерывно поддерживал меня, несмотря на то что к нему относились очень враждебно. И так же незаметно и непрерывно, с бесконечным терпением, он начал собирать осколки того, что было моей личностью, стараясь при этом привыкнуть к тому, что произошло. Сначала он не питал никаких иллюзий: он знал, что наши отношения зависели от точного баланса и от понимания Стивеном того, что этот баланс был посвящен выживанию, а не разрушению семьи. Джонатан боялся возможности появления фрейдовских реперкуссий[195], но он недооценил разрушение, которое могло нанести вторжение сплетен и искажение информации. Иного выхода не было, так как он очень любил меня и всю семью, включая Стивена. А я не только не смогла бы справиться без него, я бы даже не выжила иначе: он брал на себя физический труд, а в его объятиях я нашла столь желанную эмоциональную безопасность. Новая реальность свела нас, но не для радости или восторга, а лишь для сожаления о предательстве наших лучших намерений вкупе со сдержанным облегчением от того, что долгое суровое испытание окончилось. Несмотря на то что мы с Джонатаном стали жить вместе и начали подыскивать подходящий дом, мы не торопились со свадьбой. Мы были преданы друг другу, но я ни физически, не эмоционально не могла выйти замуж за кого-либо – тем более за того, кто заслуживал гораздо больше, чем я могла предложить. В любом случае, так как о разводе никто не упоминал, юридически я все еще была замужем за Стивеном.

Некоторое утешение состояло в том, что, несмотря на весь хаос, в который нас ввергла «Краткая история времени», по крайней мере, она не оставила меня без денег. Мы смогли купить и достроить особняк в модном месте в нашей части Кембриджа. Сначала дом и сад показались мне до боли унылыми. Дом был тесный, невыразительный и скучный – современная коробка из кирпичей и бетона, внутренние стены которой были покрыты рваной и выцветшей мешковиной; в саду было ужасающе пустынно и мрачно, и его скрывали от соседей заросли чрезмерно разросшегося купрессоципариса[196]. И вновь мне предстояло начинать все сначала, пытаться воссоздать домашний очаг в этом безликом доме и вырастить цветочный сад на твердой серой глине, которая здесь считалась почвой. Прелесть дома состояла в его расположении: от него можно было на велосипеде доехать до центра города и до школы Тима. Также он оказался рядом с шикарной квартирой Стивена, что приходилось считать за преимущество, так как Стивен настаивал на том, чтобы видеть Тима два раза в неделю. Артур безропотно и верно сопровождал

Тима во время этих регулярных визитов, исход которых всегда был тяжелым и непредсказуемым. Я чувствовала облегчение оттого, что Стивен не настаивал на срочном разводе, так как я содрогалась от мысли, что Тим может стать заложником еще одной злобной схватки. Иногда приходили письма с требованиями, но так как было ясно, что это всего лишь реакция Стивена на домашнее давление, то я могла не принимать их всерьез, каким бы ни было их содержание. В целом наши разговоры оставались культурными и даже задушевными каждый раз, когда мы виделись.

Пока не начался бракоразводный процесс, Тим был в безопасности и не становился предметом ожесточенных споров касательно попечительства. В конце концов эта потенциальная проблема перестала быть таковой в силу его возраста. Я же со своей стороны жила как все – невероятная роскошь после более чем двадцати пяти лет жизни, которая на самом деле никогда не была нормальной. Мы с Джонатаном оберегали нашу нормальность и уединенность, хотя все еще жили в страхе быть поруганными бульварной прессой, которая, как мы знали, незамедлительно сосредоточилась бы на нашей ситуации, чтобы порадовать развратный вкус своих читателей. Иногда эти страхи подтверждались, но эффект никогда не был долгим.

Не секрет, что и университет, и колледж имели виды на землю, на которой стоял дом на Вест-роуд, 5. Два учебных заведения участвовали в переговорах о перепланировке задней части сада в библиотеку для юридического факультета, а колледж на протяжении многих лет хотел на месте дома построить студенческое общежитие. Живя там последний год и находясь в молчаливом осадном положении, мы наблюдали, как землемеры, вооруженные измерительными рейками, обставляли колышками сад, размечая участки палочками и вешками, а в это время вдоль изгороди остролиста сваебойная установка прокладывала путь вглубь сквозь аллювиальную[197] почву. С нашим выселением судьба всей собственности – старого дома, чудесного безмятежного сада и величественного занавеса деревьев – будет решена. Во имя прогресса университет и колледж предсказуемо собирались уничтожить еще одно тенистое зеленое место. В суматохе переезда я мало что могла сделать для спасения дома и сада, кроме обеспечения защиты деревьев, особенно двух величественных стражей дома, веллингтонии и красного кедра в дальнем конце лужайки, лесными охранными обязательствами. Чиновники, якобы относящиеся к лесному хозяйству, провели исследование и уверили меня в том, что волноваться не стоило: деревья и так уже были защищены, так как находились на особо

охраняемой природной территории. Удовлетворенная тем, что выполнила свой гражданский и экологический долг, я уехала.

В течение следующего года я часто навещала сад по дороге домой из города, чтобы проверить, не случилось ли что-нибудь неожиданное. Похоже, угроза миновала. Все было тихо, кроме постоянно шлифующей сваебойной установки. Сад, лужайка, деревья остались нетронуты после того, как мы их покинули.

Я блуждала в этом храме ностальгии, с грустью вспоминая вечеринки, танцы, игры в крокет и крикет и вглядываясь в пустые невидящие окна дома – окна, в которых было столько радости и боли. Дом хранил свои тайны, свидетельствуя о прошлом только несколькими разбросанными предметами, как забытыми трофеями битвы, – то были омытые дождем остатки песочницы Тима, разбитое игрушечное ведерко, сдутый футбольный мяч, треснутый цветочный горшок и желтеющая бельевая веревка, развешанная вдоль сада и сослужившая хорошую службу. Они рассказывали о жизни и событиях, о которых студенты, живущие теперь в доме, едва ли знали.

Смягченные неменяющимся спокойствием сада, мои опасения за него были вытеснены более срочными делами. Литературному агенту не удавалось найти издателя для моего справочника по покупке французской недвижимости At Home in France. После его нескольких неудач я решила, что могу попробовать издать книгу сама, после чего агент выслал мне копию договора, отметив, что я связана обязательствами по нему на долгих четыре года – если, конечно, я не подпишу новый договор, дающий ему пожизненное право издавать любую биографию Стивена, которую я когда-либо напишу. Я сердилась и на себя за свою наивность, и на этого сомнительного агента, который так нагло воспользовался моей неопытностью и подавленностью. Его хитрость воодушевила меня на намерение самостоятельно и любой ценой издать мою французскую книгу, лишив его пожизненного права на комиссию с любой книги, которую я могу написать.

> Пока не начался бракоразводный процесс, Тим был в безопасности и не становился предметом ожесточенных споров касательно попечительства.

Примерно в это же время управление по налогам и сборам переключило свое внимание на прибыль от «Краткой истории времени». В результате высокого уровня безработицы, вызванного государственной политикой партии консерваторов, у Министерства финансов кончились средства, и оно велело управлению увеличить доход от расследований бракоразводных

процессов, особенно тщательно исследуя ситуации, в которых развод мог вызвать финансовую путаницу. Несмотря на то что я больше не занималась книгой Стивена, налоговый инспектор обрушил всю свою профессиональную агрессию на мою утомленную голову. Он беспокоил меня письмами и телефонными звонками, позвонив даже в Рождество, когда мои руки были заняты замешиванием теста, а ум – рождественскими гимнами, пудингами и подарками.

Эти и другие дела отвлекали меня от проблем с деревьями и садом на Вест-роуд, 5. Я совсем не думала о них вплоть до одного понедельника в июле 1993 года: странным образом эти мысли постепенно превратились в непреодолимое желание пойти в сад. Мой разум подавлял это загадочное чувство, так как в тот понедельник я была слишком занята подготовкой к летним каникулам и другими делами. Только в конце недели я нашла время заглянуть на Вест-роуд по дороге домой из последнего перед каникулами похода по магазинам. Когда я завернула за угол, передо мной предстало ужасающее зрелище. Там, где я ожидала увидеть хорошо знакомую, любимую гавань из цветов и зелени, я увидела массовое бессмысленное разрушение. Дальний конец сада был разграблен, уничтожен. Там, где раньше были деревья и кустарники, розы и маки, птицы, ежики и белочки, теперь я видела лишь огромную черную дыру в земле, грязный кратер, где лежала мать-земля, обнаженная, опустошенная и незащищенная. Быстрый подсчет в уме выдал цифры: не менее сорока деревьев было срублено, уничтожены самые потрясающие из них – в том числе красный кедр, под чьими тенистыми ветвями Бамбошка, маленький кролик Тима, завел себе кладовую. Пока я стояла, пригвожденная к месту, шокированная сценой разрушения и отказывающаяся верить своим глазам, я вспомнила про тот странный зов, который почувствовала в начале этой недели. Могли ли деревья действительно звать меня на помощь? Что же стало с моими попытками защитить их природоохранными распоряжениями?

Я отправила запрос в муниципалитет, однако там не смогли найти записей моих ранних запросов о создании природоохранных распоряжений для деревьев. Когда комитету по планированию были представлены планы постройки нового здания, там лишь несколько раз мимоходом упоминалось о паре небольших кустиков и молодых деревцах, поэтому комитет дал добро без дальнейших вопросов. Защита деревьев, якобы обеспеченная их нахождением в природоохранной зоне, ничего не значила. Однако трагедия носила поэтический отпечаток закономерности. Участь деревьев и сада отражала участь,

постигшую нас. Трудно было бы придумать более емкую и горькую метафору конца нашей семейной жизни, чем эта черная дыра в земле.

Заключение

Февраль 2007 года

Я начинаю писать это новое заключение в ожидании девяти с половиной часов полета в Сиэтл. Совсем скоро аэропорт Хитроу растает внизу, уступая место лоскутному одеялу английских зеленых полей, пока мы взмываем к облакам. Это путешествие я проделывала много раз после 1967 года, и сейчас появление второго внука на другом конце планеты служило отличным лекарством от боязни перелетов. Пока мы следуем над заснеженными шотландскими горами, держа курс на северозапад к Исландии и Гренландии, я путешествую во времени, вспоминая тот полет, когда Роберт был еще совсем маленьким, а у Стивена, его отца, начали проявляться первые признаки мотонейронной болезни, и я в очередной раз поражаюсь стечению обстоятельств, благодаря которому Роберт стал жить в Сиэтле со своей женой Катриной, талантливым скульптором, и их маленьким сыном. Меня также поражает и то, что Стивен, которому, по прогнозам врачей, в 1963 году оставалось жить примерно два года, сейчас, сорок четыре года спустя, не просто все еще жив, но недавно получил самую престижную медаль Королевского общества – медаль Копли[198].

В 1995 году, когда я была в гостях у Роберта, полугодом раньше начавшего работать в «Майкрософт», я ощутила поэзию Сиэтла, на котором замкнулся круг почти всех лет нашего брака. Теперь, когда мы готовимся отметить в этом городе первый день рождения нашего маленького внука, которого назвали Джорджем в честь моего отца, я ощущаю поэзию совпадения еще сильнее. Я лечу не одна: со мной Роберт, возвращающийся в Сиэтл со вчерашних похорон моей матери. Она очень мирно и тихо умерла во сне всего неделю назад из-за внезапной болезни. В это время я была на репетиции и почувствовала, как мама уходит, легкой дрожью, взмахом крыльев ангела. По моему возвращению домой меня ждало сообщение из больницы, но мне оно было не нужно, ведь я уже знала, что произошло.

Тогда в Сиэтле в 1995 году, вскоре после окончательного оформления развода и год спустя после публикации At Home in France, я всерьез задумалась о написании длинных мемуаров о моей жизни со Стивеном. Поэтому я очень удивилась, обнаружив по возвращении в Кембридж сообщение от издателя, предлагавшего мне сделать именно это. В том сентябре слова изливались на бумагу быстро и вдохновенно, как будто я хотела поскорее освободиться от прошлого, в котором были и

головокружительные пики достижений, и глубины разочарования и безысходности. Мне приходилось проживать это прошлое снова и снова и четко определить конец длинной эпохи перед тем, как приступить к новому будущему и отдать должное издательской группе, которая позволила мне спонтанно рассказать мою историю. Первое издание представляло собой спонтанное и очищающее бурное проявление оптимизма, эйфории, угнетенности и горя.

> Меня поражает и то, что Стивен, которому, по прогнозам врачей, в 1963 году оставалось жить примерно два года, сейчас, сорок четыре года спустя, не просто все еще жив, но недавно получил самую престижную медаль Королевского общества – медаль Копли.

Мое изначальное нежелание браться за биографию, возникшее из-за сомнений в том, не будет ли из-за этого затронута моя частная жизнь, уступило постепенному осознанию того, что это неприятное дело не оставляло мне выбора. В любом случае, сохранность моей частной жизни ставилась под сомнение, потому что она уже стала достоянием общественности в результате славы Стивена, и биографам понадобилось бы совсем немного времени, чтобы начать расследование личной истории, стоящей за его гением и выживанием: она неизбежно коснулась бы и меня. У меня не было причин предполагать, что они станут относиться ко мне с бóльшим уважением, чем пресса в прошлом. Поэтому будет гораздо лучше, если я сама поведаю свою историю так, как считаю нужным. Я расскажу о том, что было настолько глубоко и настолько болезненно лично для меня, что я даже мысли не могла допустить о том, что музыка моих переживаний может вновь зазвучать всего лишь звоном chaudron fêlé, треснутого котла Флобера[199]. Несмотря на то что моя роль в жизни Стивена была значительно преуменьшена – второй брак его практически полностью обрубил все наши каналы связи, – я не могла выкинуть из головы четверть века, которая была прожита на краю черной дыры, особенно когда неоспоримое живое доказательство невероятных успехов этих двадцати пяти лет олицетворяли трое наших красивых, воспитанных и очень любящих детей, а также всеобщее признание, которым наслаждался Стивен. Излагая мысли на бумаге, я чувствовала, что внутри меня все уже было записано и озвучено, готовое выйти на поверхность и выразить массу воспоминаний, накопленных за многие годы. Это воспоминания, которые можно было бы просто связать с сагой об одной английской семье, жившей во второй

половине XX века. Многие из них были самыми обычными, как и у большинства людей, если бы не два фактора: мотонейронная болезнь и гениальность.

Действительно, мотонейронная болезнь добавила еще один мощный стимул к тому, чтобы сесть за перо и бумагу и открыть глаза политикам и чиновникам на душераздирающую реальность, с которой каждый день сталкиваются в равнодушном обществе инвалиды и их опекуны, – битву с бюрократизмом, одинокие попытки сохранять достоинство, а также усталость, разочарование и страдальческие крики отчаяния. Я также надеялась, что эти мемуары дойдут и до медиков с целью улучшить обрывочную осведомленность системы здравоохранения о разрушительном действии мотонейронной болезни на личность человека, а также на физические тела ее жертв.

> Несмотря на то что моя роль в жизни Стивена была значительно преуменьшена – второй брак его практически полностью обрубил все наши каналы связи.

В августе 1999 года после издания в твердом переплете книги «Музыка, способная тронуть звезды», название которой я взяла из цитаты Флобера, я получила охапку поддерживающих писем, в основном от женщин, которые очень сочувствовали моей ситуации, хвалили меня за решение написать об этом и подробно рассказывали истории своих, часто трудных, судеб. Некоторые из них сами были опекунами или старались вырастить семьи в неблагоприятных обстоятельствах; другие просто находили в книге описания ситуаций, в которые они и сами попадали.

Многие признавались, что рыдали над книгой. Выражения поддержки из самых глубин Кембриджа были просто невероятные.

Все сказали, что книга полностью завладела их вниманием, включая даже женщину в возрасте девяноста четырех лет, которая не ложилась спать, не дочитав книгу! Многие люди, сбитые с толку образом Стивена на экранах телевизора и считавшие, что нам все помогают, пришли в ужас оттого, насколько это не соответствовало действительности, что подтверждало мои много лет скрываемые подозрения: публичный образ и частная жизнь настолько разные, что почти противоречат друг другу.

Почти весь груз освобожденного прошлого был помещен в компьютер, когда мы с Джонатаном поженились в июле 1997 года. День нашей свадьбы оказался небольшой передышкой на беспокойном фоне болезней, несчастных случаев и катастроф, поразивших наши семьи и некоторых из самых близких друзей.

Мы и сами были не в лучшей форме: Джонатана забрали с приступом мочекаменной болезни прямо с выступления на концертной площадке в Ливерпуле, а я какое-то время прихрамывала на костылях из-за порванных связок в обоих коленях после лыжной травмы. Множество проблем, свалившихся на нас и наших родных, оставили совсем мало времени на практические вопросы планирования, не говоря уже о моей моральной, эмоциональной или духовной подготовке.

По правде говоря, ничто не могло нас подготовить к эмоциональной и духовной силе того самого дня. За пару минут до выхода из дома я вдруг осознала, к моему смущенному удивлению, что в миле отсюда вниз по дороге была церковь, наполненная людьми, ожидающими меня. Затем по прибытии в храм Святого Марка в компании трех моих детей даже спокойное дружеское приветствие нашего нового викария не могло успокоить мое растущее чувство благоговейного трепета и удивления. Возможно, ее сверкающее бело-золотое церемониальное одеяние только подчеркнуло масштабность и сказочность события – сказочность, ставшую всепоглощающей, когда Роберт, Люси, Тим и я заняли свои места на церковном крыльце, откуда мы краем глаза видели моего будущего мужа, поднимавшегося по ступеням к алтарю. Волна эмоций захлестнула нас, когда органист с жаром начал играть первые величественные аккорды «Прибытия царицы Савской»[200] и мои дети повели меня, дрожащую и не смеющую даже взглянуть по сторонам, вверх по проходу и оставили около Джонатана. Слева от меня, бледная и слабая, сидела моя мать в инвалидной коляске, в которую ее недавно заключили.

Затем последовали гимны, молитвы, чтения и псалмы, чьи слова были тщательно подобраны, обдуманы, проанализированы, переведены на французский и испанский, напечатаны на компьютере и распечатаны много раз. Все эти слова ожили в речах и песнопениях, наливаясь глубиной, мощью, истиной, серьезностью и чистотой благодаря голосам священнослужителей, чтецов, прихожан и хора. Последний состоял из старых друзей, многие из которых были профессиональными музыкантами, проникновенно исполнившими «Как вожделенны жилища Твои, Господи сил!» из «Немецкого реквиема» Брамса[201]. Нашим священником мог быть только один человек. Только Билл Лавлес, который знал нас обоих очень давно и поддерживал в тяжелые времена испытаний, мог произнести речь. Несмотря на слабое здоровье и преклонный возраст, он забрался на амвон и с жаром начал, с привычной для него узнаваемой силой и самоотверженностью. Он говорил

проникновенно, искренне и честно о сложностях и страданиях прошлого без приукрашивания реальности наших отношений. Он и раньше говорил об этом, и я вдруг подумала – так много друзей со всего мира, которые оказали нам столь ценную поддержку в былые дни и за кого я молча молилась каждое воскресенье, сидя на церковной скамье, все они были в церкви, с нами и вокруг нас – все, кроме Стивена, моего товарища на протяжении такого долгого периода времени и отца моих детей.

Образ любимой Люси, стоящей на кафедре и читающей сонет Шекспира о соединении двух сердец[202], был просто незабываем.

Она стояла, одетая в сияющий кремовый шелк, сложив руки под животом, как будто набираясь уверенности от своего крошечного, пока не родившегося шестимесячного сына, а ее жених Алекс, сияя от гордости, смотрел на нее, сидя среди гостей. Были и странные раздражающие моменты: например, ужасная скрипучая ручка, из-за которой моя роспись в документах превратилась в неряшливые каракули, вернув меня к унизительным воспоминаниям о провале экзамена по каллиграфии в школе Сент-Олбанс. Служба закончилась слишком быстро, и мы с Джонатаном медленно скользили вдоль прохода, мысленно взлетая вместе со звуками прелюдии Баха «Святая Анна» и глядя на радостные лица гостей. Мы вышли на солнце – был первый ясный день за последние несколько недель, – чтобы расцеловать и обнять всех наших гостей и знакомых перед тем, как присоединиться к длинной неторопливой колонне автомобилей, возглавляемой нашими друзьями из Франции, чтобы поехать на фотосессию в Уимпол-холле[203], а затем на прием, ужин и празднество, длившееся до ночи.

Мы с Джонатаном оптимистично надеялись вести сравнительно нормальную жизнь после нашей свадьбы. С тех пор я поняла, что нет такого понятия – нормальная жизнь. Конечно, у нас много дел, среди которых музыка играет главную роль: я все еще увлекаюсь церковным репертуаром и иногда даю сольные концерты под аккомпанемент Джонатана. Я больше не преподаю – у меня слишком много других дел, требующих внимания, но я все же нахожу время для танцев, что было в прошлом почти невозможно для меня как участника или зрителя. Мы с Джонатаном много путешествуем: как можно чаще уезжаем в свою «параллельную Вселенную» – в сельскую Францию, где я работаю на лугу в саду, созданном мной в честь начала нового тысячелетия, а Джонатан разрабатывает планы новых выступлений для Кембриджского камерного оркестра музыки барокко или хора оксфордского колледжа Магдалины, которым он дирижирует и руководит в течение пяти лет в должности

регента и музыкального руководителя.

Все же иногда у нас бывает время без забот и хлопот. К началу лета нашей свадьбы моя мама уже почти перестала двигаться из-за артрита и смогла продолжать жить дома в Сент-Олбансе только благодаря тому, что папа преданно заботился о ней. Несмотря на то что я регулярно их навещала, все же неотвратимо настал день, когда папа, который очень плохо слышал, больше не мог справляться сам. Нам снова пришлось нанимать сиделок через частное агентство, так как вновь никакой помощи не было ни от государственной системы здравоохранения, ни от социальных служб. Все наши надежды на то, что оплачиваемые сиделки окажутся профессионалами, разбились вдребезги. За некоторыми изумительными исключениями, многие оказались подозрительными личностями, чья честность была сомнительна, квалификация недостаточна, а подготовка не отвечала требованиям; папа часто просил меня прийти к нему в дни государственных праздников, когда подменные сиделки не появлялись, хотя должны были. Папу, часто озадаченного своеобразным поведением сиделок, одна из которых, например, ела фруктовый пирог с майонезом, никогда не покидало чувство юмора, но в конце концов он принял решение переехать вместе с мамой в дом престарелых неподалеку от Кембриджа.

С облегчением вздохнув после того, как они поселились рядом с нами и были в надежных руках, я вдруг поняла, что на мне лежит ответственность за продажу их дома и мебели, колоссальная и изнурительная задача, но я была рада выполнить ее, пока они еще были живы. По-прежнему обладавший удивительным интеллектом, но очень страдавший от странного контраста между молодостью духа и разрушающейся телесной оболочкой, папа умер от пневмонии, усугубленной болезнью Паркинсона, в июне 2004 года. Он отказался ложиться в Адденбрукский госпиталь, так как его отпугнуло то, как ужасно там обошлись с мамой всего несколькими неделями ранее, когда она лечилась от бронхита. Вопреки всем прогнозам, мама пережила его и не только отметила свой девяностый день рождения в марте 2006 года, но и успела увидеть маленького Джорджа, своего четвертого правнука и нашего второго внука.

Как и ко многим важнейшим событиям в жизни, невозможно подготовиться к моменту, когда родители становятся нашими пожилыми детьми, а мы зажаты между поколениями как начинка в сэндвиче. И так же невозможно предупредить человека о травме, которую он ощутит, когда умирают родители, сколько бы лет им ни было. Двух людей, которые всегда и безоговорочно

находились рядом, на кого я могла неизменно рассчитывать всю жизнь, больше нет. Как будто не хватает какой-то части меня, и сейчас, всего неделю спустя после смерти мамы, я вдруг поняла, что перелетела уже полмира в состоянии одинокого безмолвного шока. Дома меня ждало много ободряющих соболезнующих сообщений, отдающих дань ее самоотверженному характеру, искренней заботе о людях и интересу к ним, ее преданности правому делу, глубокой привязанности к семье и вдохновенной непоколебимой вере, однако печаль прошлой недели все еще не прошла. Она со мной везде, куда бы я ни отправилась. Раньше я могла представить, как, должно быть, ужасно потерять ребенка или супруга, но я даже вообразить не могла, как сильно потрясет все основы моего бытия потеря родителей.

За последние десять лет в семье возникли и другие сложности, помимо ухода за моими престарелыми родителями. Я не буду углубляться в рассказ о них, скажу лишь, что для их решения потребовались особые силы, которые я возобновляла на моем внутреннем мысе доброй надежды, укреплявшем меня с первых дней брака со Стивеном. Моя вера в Бога стала более всеобъемлющей, менее наивной и эмоциональной, однако она так же берет начало в христианской морали и находит свое духовное выражение в музыке. Старый оптимизм исчез; вместо него появилась решительность в преодолении невзгод, которой я, возможно, научилась у Стивена.

Что касается семьи, то Роберт обосновался в Соединенных Штатах, похоже, навсегда; нам повезло, что двое детей все еще живут в Великобритании и мы часто видимся с ними. Люси работает писателем и одна воспитывает своего прекрасного сына Уильяма. Это чудесный, но трудный ребенок, у которого диагностировали аутизм в 2001 году.

Тим избавился от неуверенности в себе, сопровождавшей его в детстве, и стал остроумным и любознательным. Несмотря на то что он гордится своим отцом, он особенно чувствительно относится к тому, что живет в тени его славы, и предпочел бы, чтобы его ценили за его собственные таланты и труды, а не за родственные связи. Он лингвист, как и я, учился на факультете современных языков и решил защищать магистерскую диссертацию по маркетингу.

А Стивен… Удивительно, но после второго развода Стивен вновь взял свою жизнь под контроль и, несмотря на приступы болезни, по-прежнему не сходит с мировой арены. Мы снова можем свободно общаться и вместе отмечать семейные праздники. Как в старые добрые времена, над столом с ужином витают остроумные и добрые шутки в ожидании, когда Стивен

скажет заключительную речь. Я была очень рада получить приглашение в Королевское общество и увидеть, как ему вручают медаль Копли, самую старинную медаль общества. Как и на многих таких мероприятиях, во мне ожила гордость за его достижения, хотя я не могу точно сказать, какой именно сферой науки он занимается сейчас; я лишь вижу большое количество публикаций, где он отрекается от некоторых из своих прошлых теорий. Должна признать, я радовалась гораздо меньше, услышав по радио о его намерении лететь в космос. Менее амбициозной, но, возможно, более продуктивной была его поездка в Израиль несколько недель спустя; в это путешествие он пустился только при условии, что ему будет позволено посетить Рамаллу[204] и поговорить с палестинцами. Благоговейно вглядывались мы в двойной разворот страницы посередине номера «Гардиан», где была помещена фотография Стивена, едущего на инвалидной коляске среди шумной толпы палестинцев. Перед полетом в космос он намерен нанести особый посольский визит в Иран, хотя остается лишь гадать, не помешают ли воплощению этого желания политические обстоятельства. По возвращении из Израиля он встретил с нами Рождество, а Новый год мы отпраздновали у него. Он часто обедает с нами по воскресеньям, и мы вместе ходим в театр. Вместе со своей матерью он приехал на похороны моей мамы, и мне было очень приятно видеть их там. Изабель выглядит хрупкой, но подтянутой, и она довольно неугомонна, даже несмотря на то что память у нее уже пошаливает. Ее живое чувство юмора и острый ум напоминают мне о том, каким образцом для подражания я считала ее когда-то. Пару лет назад она прислала мне письмо, в котором благодарила меня за все, что я сделала для Стивена. Это был благородный жест, он помог облегчить некоторые из самых горьких воспоминаний, вернув наши отношения на цивилизованный уровень.

Огромное студенческое общежитие стоит на месте Вест-роуд, 5, где мы когда-то жили в потрясающем доме и отдыхали в его красивом саду. Тем не менее несколько самых значительных деревьев все еще стоят: это результат кампании, которую я развернула в девяностые годы, когда обнаружила, какой опустошительный вред был нанесен саду после нашего отъезда. Я наблюдаю за тем, как по пути в Сиэтл самолет бросает тень на Северную Канаду и выпускает дым над удаляющимися замерзшими пустошами Арктики, и спрашиваю себя, не была ли расчистка нашего сада бульдозером во имя прогресса просто еще одним из симптомов сумасшедшей гонки за эксплуатацией любого доступного ресурса, которая неумолимо ведет к

разрушению планеты. Наши жизни были сметены так же, как бульдозер смял дом и сад, однако неотъемлемый дух семьи – воистину результат труда всех моих юных лет – все еще существует и проявляет себя в случаях, когда мы можем собраться все вместе и насладиться обществом друг друга. Сможет ли дух земли восстановиться и вновь проявиться – самый большой вопрос, стоящий перед человечеством, и он очень похож на тот угрожающий вопрос из шестидесятых годов, когда мы со Стивеном только познакомились: обречена ли Земля и все ее формы жизни на уничтожение ядерной войной.

> Удивительно, но после второго развода Стивен вновь взял свою жизнь под контроль и, несмотря на приступы болезни, по-прежнему не сходит с мировой арены.

Постскриптум – май 2007 года

С тех пор как я закончила писать заключение, Стивен совершил свой полет в невесомости и вернулся, цел и невредим, послужив поводом для публикации ликующих фотографий в прессе. Улыбка на его лице, когда он парил в свободе невесомости, растрогала бы звезды. Она растрогала и меня до глубины души и заставила задуматься над тем, какой честью было пройти вместе с ним даже небольшой отрезок на его пути в бесконечность.

Последнее слово – август 2014 года

Серия увлекательных научных приключенческих историй для детей, начиная с книги «Джордж и тайны Вселенной», принесла Люси мировое признание. Она неутомимо борется за предоставление подходящих условий для Уильяма, который вырос очаровательным, заботливым и во всем помогающим ей юношей.

Тим сейчас успешно работает руководителем отдела маркетинга и много ездит по связанным с бизнесом делам.

> Стивен, известнейший ученый в мире, остается в центре семьи, как и в центре физики. Мы даже собираемся съездить все вместе в отпуск!

Роберт все еще живет в Сиэтле и трудится над облачными сервисами «Майкрософт». У него чудесная и очень веселая семья, всегда развлекающая и радующая нас по приезде в Кембридж в гости.

Стивен, известнейший ученый в мире, остается в центре семьи, как и в центре физики. Мы даже собираемся съездить все

вместе в отпуск!

Благодарности

«Музыке, способной тронуть звезды», первом издании моих мемуаров, я выражала глубокую благодарность всем людям, описанным мной в книге: друзьям, членам семьи, коллегам и студентам, чья помощь и поддержка на протяжении многих лет оказала положительное влияние на нашу семейную жизнь. Я также благодарила моих научных друзей: Кипа Торна, Джима Хартла, Джима Бардина, Брэндона Картера и Бернарда Карра[205] – за помощь в прояснении некоторых наиболее замысловатых и не поддающихся пониманию научных проблем, к которым мне пришлось обращаться в процессе написания книги, а также выражала огромную признательность за помощь Питеру Дронке[206] в разъяснении некоторых особенностей медиевистики. За «Путь в бесконечность», сокращенную версию изначального текста мемуаров, я вновь хотела бы поблагодарить всех этих людей и добавить имена тех, кто сделал возможным публикацию нового издания. Энтони Маккартен[207] постоянно был источником поддержки и, воодушевленный «Музыкой, способной тронуть звезды», познакомил меня с Алессандро Галленци и Элизабеттой Минервини, основателями издательства «Альма Букс», которые взялись за новый проект с усердием, рвением и умением. Я невероятно благодарна им за то, что они помогли моим мемуарам вновь выйти в свет. Я очень признательна Майку Стоксу[208], который, несмотря на свою занятость и очень успешную писательскую карьеру, нашел время, чтобы привести в порядок эксцессы моей прозы. Его тактичная и поддерживающая критика бесценна для меня, и я очень благодарна ему за помощь.

И, наконец, огромное спасибо членам моей семьи за то, что они еще раз разрешили мне углубиться в истории их жизней и отнеслись к моему занятию с терпением и чувством юмора.

notes

Сноски

1

Малолитражный трехскоростной седан британской компании Standard Motor Company, производился вплоть до начала Второй мировой войны.

2

Wolf cubs – бойскауты 8–10 лет в Англии («младшая дружина»).

3

Нижняя палата парламента Великобритании.

4

Официальная лондонская резиденция королевы.

5

Массовые послевоенные демонстрации в Лондоне в рамках движения за ядерное разоружение.

6

Женский колледж в Кембридже с полным пансионом.

7

«Кольцо нибелунга» – цикл из четырех эпических опер Рихарда Вагнера, основанных на реконструкциях германской мифологии, на исландских сагах и средневековой поэме «Песнь о нибелунгах».

8

Знаменитый дизайнер рисунков на обоях, отличающихся характерными растительными элементами.

9

Королевские резиденции.

10

Госпиталь Св. Варфоломея в Лондоне.

11

Один из тринадцати центральных железнодорожных вокзалов Лондона.

12

Торгово-развлекательный квартал в центральной части Лондона.

13

Театр в Лондоне, расположенный к юго-востоку от станции Ватерлоо.

14

«Вольпоне, или Хитрый Лис» – комедия-фарс Бена Джонсона.

15

Выпускной бал в Кембридже.

16

Графство на юго-востоке Англии.

17

Историческая улица в центре города Кембриджа.

18

Часовня Королевского колледжа в Кембридже – шедевр английской перпендикулярной готики, считаемый многими визитной карточкой университетского Кембриджа.

19

The Backs – живописные сады, разбитые вдоль реки Кэм в университетском центре Кембриджа, буквально на задворках университетских корпусов.

«Новая архитектура Кембриджа».

21

Студенческая резиденция, построенная в современном стиле.

22

Аэропорт в Лондоне.

23

Имеется в виду Гражданская война в Испании (июль 1936 – апрель 1939) – конфликт между Второй Испанской Республикой в лице правительства испанского Народного фронта (республиканцы, лоялисты) и оппозиционной ей испанской военно-националистической диктатурой под предводительством генерала Франсиско Франко (мятежники), в результате которого была ликвидирована Испанская Республика и свергнуто республиканское правительство.

24

Франсиско Франко – испанский военный и государственный деятель, правитель Испанского государства в 1939–1975 годах. По его приказу была создана Долина Павших.

25

В Гранаде цыгане издревле живут в земляных пещерах; этот обычай сохранился до сих пор.

26

Патио-де-ла-Асекиа (*Patio de la Acequia* – «двор ручья»).

27

Крупный портовый город в Марокко.

28

Крепость в самой высокой точке Танжера.

29

В доме Пилар (*исп.*).

30

Оперный театр в Лондоне.

31

Wallace Collection (*англ.*) – сравнительно небольшой (ок. 5500 экспонатов), но редкостный по подбору и качеству предметов частный художественный музей в лондонском квартале Марилебоун. Представляет собой одно из лучших в мире собраний французского искусства XVIII века (картины, фарфор, антиквариат).

32

Первую брачную ночь, полную ласк и нежности (*фр.*).

33

Великая пролетарская культурная революция – серия идейно-политических кампаний 1966–1976 годов в Китае, развернутых и руководимых председателем Мао Цзэдуном, который поставил цель дискредитировать и уничтожить политическую оппозицию и установить режим личной власти.

34

Роберт Грейвс (24 июля 1895, Лондон, – 7 декабря 1985, Дейя, Майорка) – британский поэт, романист и критик.

35

Cluedo (слияние *англ.* clue – улика и *лат.* ludo – играю) – настольная игра детективного жанра.

36

Игра, в ходе которой игроки должны составить максимальное количество слов из отдельных букв на игральной доске.

37

Джон Ло оф Лористон (John Law of Lauriston; 21 апреля 1671, Эдинбург, – 21 марта 1729, Венеция) – шотландский финансист, основатель Banque générale и создатель так называемой системы Ло.

38

Физическая лаборатория при Кембриджском университете (Великобритания). Основана в 1871 году. Первоначально использовалась лишь как учебная база для подготовки физиков-экспериментаторов, позднее (главным образом под руководством Дж. Дж. Томсона и Э. Резерфорда) превратилась в одну из ведущих научно-исследовательских лабораторий мира.

39

Ведущий научный центр, выполняющий функции национальной академии наук в Великобритании.

40

Необращающиеся ценные бумаги правительства для аккумуляции сбережений.

41

Антон Веберн, также Антон фон Веберн – австрийский композитор и дирижер. В его музыке предельная звуковая рафинированность сочетается с жесткой конструктивной схемой и абстрактностью мышления.

42

Район в пригороде Лондона.

43

Здание администрации Кембриджа.

44

Название вымышленной страны великанов в «Путешествии Гулливера».

45

Waltzing Matilda – австралийская народная песня, называемая «неофициальным гимном Австралии».

46

Сорт тонкостенного английского фарфора.

47

Протестантская церковь в Англии и Уэльсе, которая образовалась путем слияния в 1972 году ряда английских конгрегационалистов с пресвитерианской церковью Англии.

48

Джойс Ирен Гренфелл (10 февраля 1910 – 30 ноября 1979) – английская комедийная актриса, автор монологов, исполнительница собственных песен.

49

Николаус Бернхард Леон Певзнер (30 января 1902, Лейпциг, – 18 августа 1983, Лондон) – британский историк искусства германского происхождения, специализировавшийся в основном на истории архитектуры. Более всего известен как автор фундаментального 46-томного сочинения The Buildings of England («Здания Англии»), над которым работал с 1951 по 1974 год и которое считается одним из самых значительных искусствоведческих трудов XX века.

50

Ливерпуль-стрит (Liverpool Street station, также London Liverpool Street и St Pancras International, редко – Ливерпульский вокзал) – один из 13 центральных железнодорожных вокзалов Лондона.

51

Организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест в Великобритании.

52

Премия Адамса (Adams Prize) ежегодно присуждается факультетом математики Кембриджского университета молодому английскому математику за первоклассное международное исследование в области математических наук.

53

Житель или уроженец Родезии (ныне Зимбабве).

54

Английский писатель, художник-карикатурист, книжный иллюстратор.

55

Начало XX века.

56

Сэр Артур Джон Гилгуд (Sir Arthur John Gielgud; 14 апреля 1904, Лондон, – 21 мая 2000, Уоттон Андервуд) – английский актер, театральный режиссер, один из крупнейших исполнителей шекспировских ролей в истории театра.

57

Вторая по величине сеть супермаркетов в Великобритании.

58

Аллегория любви (*The Allegory of Love. A Study in Medieval Tradition*) – историко-литературное исследование К. С. Льюиса, опубликованное в 1936 году. Подзаголовок исследования – «обзор средневековой аллегорической традиции».

59

«Песнь о моем Сиде» – испанская эпическая поэма XII века. Воспевает национального героя Родриго Диаса де Бивара по прозвищу Сид, изображая его борцом за освобождение испанского народа от мавров и врагом знати.

60

Хэмпстедская пустошь – лесопарковая зона на севере Лондона, между деревнями Хэмпстед и Хайгейт в административном районе Кэмден.

61

Архитектурно-парковый ансамбль, расположенный в лондонском районе Хэмпстед.

Радость бытия (*фр.*).

63

Болезненная привязанность мужчины пубертатного и постпубертатного возраста к матери или женщине, играющей роль матери.

64

Направление в англиканской церкви, отрицательно относящееся к ритуальности.

65

Трагедия в Аберфане (Aberfan disaster) – обрушение породного отвала в деревне Аберфан, Уэльс, Великобритания, 21 октября 1966 года, в результате которого погибло 116 детей и 28 взрослых.

66

«Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут».

67

Около 2860 г.

68

Война между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром – с другой, продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 года.

69

Дочери американской революции (Daughters of the American Revolution) – женская общественная организация, основанная в 1890 году, членами которой могли быть только прямые потомки участников Войны за независимость США.

70

Комедия начала XX века о полицейских-неудачниках.

71

Восточное побережье Соединенных Штатов Америки – историко-географический регион США, охватывающий восточные штаты, имеющие выход к Атлантическому океану, от границы с Канадой на севере до полуострова Флорида на юге.

Твердая земля (*лат.*).

73

Виталий Лазаревич Гинзбург (4 октября 1916, Москва, – 8 ноября 2009, Москва) – советский и российский физик-теоретик, академик АН СССР (1966–1991) и РАН (1991–2009), доктор физико-математических наук (1942), лауреат Нобелевской премии по физике (2003).

74

Мосарабы – христиане Пиренейского полуострова, жившие на территории, захваченной арабами в VIII веке и воспринявшие арабский язык и культуру.

75

Галиция (также Галичина) – историческая область в Восточной Европе (конец XVIII – начало XX века), примерно соответствует территории современных Ивано-Франковской, Львовской и западной части Тернопольской областей Украины, Подкарпатского и большей части Малопольского воеводств Польши.

Песни о друге (*исп.*).

77

Королевство Кастилия (*Reino de Castilla*) – одно из средневековых королевств Пиренейского полуострова.

78

Рождественские песни.

Little Green Men – маленькие зеленые человечки (*англ.*).

80

Французская роза.

81

Знаменитая фраза американского космонавта Нила Армстронга, первого человека на Луне: «That”s one small step for man, one great leap for mankind» (Это маленький шажок для человека, но гигантский скачок для человечества (*англ.*)).

82

«Эгоистичный ген» (The Selfish Gene) – популярная книга об эволюции, написанная Ричардом Докинзом и опубликованная в 1976 году. Эволюция в ней рассматривается как эволюция генов: считается, что отбор на уровне особей или популяций почти никогда не одерживает верх над отбором на уровне генов.

83

«Сон, распускающий клубок заботы» («the ravell'd sleave of care» (*англ.*)) – цитата из монолога Макбета (Уильям Шекспир. Макбет).

84

«Уловка-22» (Catch-22) – роман американского писателя Джозефа Хеллера. Действие романа представляет собой абсурдистский фарс, построенный на перекликающихся и приумножающихся парадоксах.

Thrift – бережливость; процветание (*англ.*).

RSJ (rolled steel joist) – прокатная двутавровая балка *(англ.)*.

87

Сеть универмагов бытовых товаров во всем мире.

88

Вечеринка с танцами.

89

Мистер Макгрегор – вымышленный персонаж трех книг для детей английской писательницы и иллюстратора Беатрикс Поттер.

90

Национальный парк в южной части Уэльса, охраняется ЮНЕСКО.

91

Великий массовый выезд (*фр.*).

92

Горная вершина на Монблане.

93

Кафе «Флориан» – знаменитое венецианское кафе, расположенное на площади Сан-Марко. «Флориан» считается самым старым кафе Италии и является одним из символов Венеции.

Специалист по истории и культуре Средних веков.

95

Пуританизм – религиозное реформаторское движение конца XVI – начала XVII века, ставившее своей целью очищение англиканской церкви от излишеств римского католицизма.

96

Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевской и коперниковской.

97

Уильям Хит Робинсон (31 мая 1872 – 13 сентября 1944) – английский мультипликатор и иллюстратор, прославившийся рисунками неоправданно сложных механизмов для выполнения простейших задач.

Графство в Великобритании.

99

Сэр Эдуард Уильям Элгар (2 июня 1857 – 23 февраля 1934) – английский композитор романтического направления.

100

«Принцесса Ида, или Замок Адамант» – опера (1884) У. Ш. Гилберта и А. Салливана.

101

Букв. «Огни рампы» – Кембриджский любительский театральный клуб, управляемый студентами.

102

Букв «За гранью», «За рамками любительского театра» – комедийное шоу с участием театралов-любителей из Оксфорда и Кембриджа, прославившееся на весь мир в 1960 году.

103

Роберт Грейвс. «Иудейские мифы. Книга Бытия» – книга о мифологии древности, написанная Грейвсом в соавторстве с Рафаэлем Патаем.

104

Английская антология детских комиксов, издается с 30 июля 1938 года по настоящий день.

105

Английский шуточный диалог. Строится следующим образом: «А» стучится в дверь, «В» спрашивает, кто это, «А» отвечает именем нарицательным, иногда собственным, «В» уточняет – «какой?», «А» должен придумать каламбур с названным ранее словом. Пример: A: Knock, knock (Тук-тук). / B: Who's there? (Кто там?) / A: Lettuce (Салат) / B: Lettuce who? (Какой салат?) / A: Lettuce in. It's cold out here! (Позвольте войти. На улице холодно!) Lettuce звучит также как Let us – «позволь нам».

106

Избирательное нарушение способности к овладению навыком чтения при сохранении общей способности к обучению.

107

Цель жизни, букв. «причина, чтобы быть» *(фр.)*.

108

Графство в Англии.

109

Лаборатория Резерфорда – Эплтона (Rutherford Appleton Laboratory (RAL)) – одна из национальных лабораторий Великобритании. Расположена в графстве Оксфордшир, недалеко от городка Дидкот.

110

Nature (в переводе с англ. «Природа») – один из самых старых и авторитетных общенаучных журналов. Публикует исследования, посвященные широкому спектру вопросов, в основном естественно-научной тематики.

111

Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе, в просторечии Королевское общество (The Royal Society of London for the Improvement of Natural Knowledge), – ведущее научное общество Великобритании, одно из старейших научных обществ в мире.

112

1 фунт стерлингов = 20 шиллингов.

113

Улица в центре Лондона, ведет от Букингемского дворца к Трафальгарской площади.

114

Библия Гутенберга (также 42-строчная Библия; B42) – издание, выпущенное Иоганном Гутенбергом в первой половине 1450-х годов. Традиционно считается точкой отсчета истории книгопечатания в Европе.

115

«Страсти по Матфею»– музыкальное произведение И. С. Баха для солистов, двух хоров и двух оркестров.

116

Афтершок (aftershock) – повторный сейсмический толчок, меньшей интенсивности по сравнению с главным сейсмическим ударом.

117

Private Eye (буквальный перевод – «Собственный глаз», в значении «частный сыщик») – английский сатирический журнал, который издается раз в две недели.

118

Детская игра, когда дети бросаются занимать стулья, которых на один меньше, чем играющих.

119

Беседы (*ит.*).

120

Миннезингеры (*нем.* minnesinger, от minne + *ср.-в.* – *нем.* singer – певец; букв. «певец любви») – немецкие и австрийские средневековые поэты-музыканты, преимущественно из рыцарского сословия.

121

Испанское автономное сообщество.

122

Песни о друге (*исп.*).

123

Лукасовский профессор математики (Lucasian Professor of Mathematics) – именная профессура в Кембриджском университете. Одна из самых престижных академических должностей в мире. Учреждена в 1663 году преподобным Лукасом Генри (1610–1663), английским священником и политиком, выпускником Кембриджского университета.

124

Настольная игра с игральным полем, фишками и кубиком. На поле расположены змеи и лестницы. Если фишка попадает на лестницу, то игрок переходит на несколько ходов вперед, если на змею, то назад.

125

«Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу» («Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb») – кинофильм 1964 года режиссера Стэнли Кубрика, вышедший в разгар холодной войны.

126

Детская игра, популярная в англоговорящих странах. Один игрок, ведущий, берет на себя роль «Саймона» и отдает приказы остальным игрокам: «Саймон говорит: сделай то-то». Остальные игроки должны не задумываясь исполнить приказ. Суть состоит в том, что приказ должен обязательно начинаться со слов «Саймон говорит…», в противном случае его исполнять нельзя, и если кто-то из игроков сделает это, он выбывает.

127

Строгие вегетарианцы, выступающие против эксплуатации животных и исключающие из своего рациона все продукты животного происхождения, включая мясо, рыбу, яйца, животное молоко (кроме грудного человеческого молока на стадии развития младенца), молочные продукты из сырья животного происхождения и мед.

Имеется в виду Кембридж.

129

Пряная пищевая паста, изготовленная из концентрированных пивных дрожжей с добавлением трав и специй. Имеет очень специфический вкус, на бутерброды намазывается тонким слоем. Весьма популярна в Великобритании.

130

Девочка-скаут 6–8 лет.

131

«Мессия» (Messiah) – оратория для солистов, хора и оркестра Георга Фридриха Генделя, одно из наиболее известных сочинений в жанре оратории.

132

Книга пророка Исаии 53: 6. «Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас». Джейн с юмором описывает сложную партитуру словами пророка.

133

Loveless – не имеющий (лишенный) любви (*англ.*).

134

Период в развитии европейской академической музыки приблизительно между 1600 и 1750 годами (до смерти И. С. Баха).

135

Персонаж романа английского писателя Джорджа Дюморье «Трильби», гипнотизер, подчиняющий волю девушки Трильби, только под его властью способной петь. Роман стал прообразом «Призрака Оперы».

136

Иегуди Менухин (Yehudi Menuhin, Baron Menuhin, 22 апреля 1916 – 12 марта 1999) – скрипач, дирижер, педагог и писатель. Элизабет Шварцкопф (Olga Maria Elisabeth Frederike Schwarzkopf; 1915–2006) – немецкая певица (сопрано). Британская подданная с 1953-го, кавалер ордена Британской империи с 1992-го.

137

Now the Green Blade Riseth’ – пасхальный гимн композитора Саймона Линдли.

138

Южноазиатское блюдо с карри, букв. «два лука» (лук используется как для мяса, так и для гарнира). Обычно готовится на основе баранины или креветок, есть и вегетарианские варианты.

139

Организация на общественных началах, занимающаяся доставкой на дом горячей пищи больным и престарелым.

140

Путь к звездам (*лат.*).

141

Сеть продуктовых супермаркетов в Великобритании.

142

Какой красивый ребенок! (*ит.*)

143

Милый, милый (*ит.*).

144

Иконографический тип деревянного креста с фигурным распятием, укрепляемый на горизонтальной деревянной балке или подвешиваемый на цепях перед входом в алтарную часть католического или лютеранского храма. Отличается крупными размерами, торжественностью образа распятого Христатриумфатора, свободного от физических страданий.

145

Христианское таинство – в ряде протестантских церквей обряд сознательного принятия веры.

146

Фундаментальные взаимодействия – качественно различающиеся типы взаимодействия элементарных частиц и составленных из них тел. На сегодня достоверно известно существование четырех фундаментальных взаимодействий: гравитационного, электромагнитного, сильного и слабого.

147

Международная стипендия для обучения в Оксфордском университете. Премия присуждается за высокие академические способности, спортивные достижения, наличие лидерских качеств.

148

Лорд Сноудон, с 1960 по 1978 год муж младшей сестры королевы Елизаветы II, принцессы Маргарет, фотографировал звезд шоу-бизнеса, писателей, художников, политиков, начиная с 1950-х годов. В течение шестидесяти лет сотрудничал с журналом *Vogue*.

149

Игра слов: Rummage – «хлам», «мусор»; Euphoric State – «штат Эйфория» и «состояние эйфории»; фамилии героев – «Глотать» и «Разбивать».

150

Бертран Артур Уильям Рассел (18 мая 1872 – 2 февраля 1970) – британский философ, общественный деятель и математик.

151

ЦЕРН (*CERN*) – Европейская организация по ядерным исследованиям, крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий. Находится на границе Швейцарии и Франции, вблизи Женевы.

Также «ось времени», в термодинамике – энтропия, склонность всего сущего к необратимому стремлению к равновесным состояниям. Квантовая теория предполагает возможность разворота стрелы времени, равнозначного путешествию в прошлое, благодаря квантовым эффектам.

153

Sky – британская арт-рок-группа, специализирующаяся на смешении различных музыкальных направлений, включая прогрессивный рок, классику и джаз. Основана в 1978 году популярным британским классическим гитаристом австралийского происхождения Джоном Уильямсом.

154

Город и морской порт на побережье Северного моря, в Суффолке, Англия.

155

Морской порт в Бельгии, на побережье Северного моря.

156

Британская компания по производству электротехнического оборудования (военная электроника, распределительные устройства) и компьютерной техники.

157

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

158

Логотип компании Michelin – человечек, созданный из стопки шин.

159

Шоу марионеток.

160

Фундаментальный труд.

«Принципы музыки» *(лат.)*.

Форель (*нем.*).

163

Горный массив на земле Баден-Вюртемберг на юго-западе Германии.

164

Арабское боевое движение, направленное на захват территории Палестины.

165

Озеро в Шотландии.

166

Речь идет о персонаже сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (в русском переводе книги – «Черная Королева» (шахматная королева), однако поанглийски у Кэрролла – буквально «Красная Королева» (Red Queen). В оригинале Кэрролл называл черные фигуры «красными», так как в шахматных наборах тех лет цвет фигур был действительно близок к красному. Переводчики всегда переводят *Red Queen* как Черная Королева, исходя из общепринятого названия шахматных фигур. Но так как Джейн одевается в красное, то бессмысленно называть ее «Черной».

167

Персонаж популярного в те годы кинофильма, призрак, занимающийся расследованием собственного убийства.

168

Главный город французского департамента Па-де-Кале и бывшей провинции Артуа. Аррас расположен в 160 километрах от Парижа.

169

Новое божоле *(фр.)* – сорт молодого французского вина в исторической области Франции Божоле (Бургундия). Согласно законам Франции, вино свежего урожая официально представляется в третий четверг ноября.

170

Город на севере Франции, находится в регионе Нор-Па-де-Кале.

171

Moulin – мельница (*фр*.).

Краткая история времени (*фр*.).

173

По пути, по дороге (*фр.*).

174

Один из самых легендарных ресторанов Парижа, открытый в 1927 году. Также является историческим памятником.

175

Музей изобразительных и прикладных искусств в VII округе Парижа на левом берегу Сены, одно из крупнейших в мире собраний европейской живописи и скульптуры периода 1850–1910 годов.

176

Курортный город на берегу пролива Ла-Манш.

177

Играть *(фр.)*.

178

Австрийский физик-теоретик. Уравнение Шредингера описывает изменение в пространстве и во времени чистого состояния, задаваемого волновой функцией, в гамильтоновых квантовых системах.

179

Группа детских тематических парков развлечений, практически полностью построенных из конструктора LEGO.

«Надо возделывать наш сад» (*фр.*). Пер. Ф. Сологуба.

181

В знак уважения (*лат.*).

182

«Хвалите Господа» (*лат.*), 116-й псалом из книги Псалтирь.

183

Известный перуанский дипломат. С 1 января 1982 года по 31 декабря 1991 года Х. Перес де Куэльяр был пятым Генеральным секретарем ООН.

184

Уильям Берд (1543 (1544) – 1623) – английский композитор, органист и клавесинист.

185

«О природе вещей» (*лат.*) – название философской поэмы Лукреция, в которой римский автор I века до н. э. изложил учение греческого философа – материалиста Эпикура. Поэма говорит о том, что материя вечна, что она состоит из атомов, о том, что она безгранична, постоянно движется и меняется.

186

Сью Райдер, или баронесса Варшавская и Чеширская, была во время Второй мировой войны британским волонтером Управления специальных операций, которое занималось организацией шпионажа, диверсий и разведки в оккупированных нацистами европейских странах, а также поддерживало местные движения сопротивления. После войны Райдер создала множество благотворительных организаций, которые помогали бывшим узникам концентрационных лагерей, открыла по всему миру 80 домов для пожилых людей и инвалидов и 500 благотворительных магазинов.

187

Ежегодные соревнования по академической гребле на реке Кем.

В знак уважения (*лат.*).

189

Джованни Антонио Каналь (1697–1768) – итальянский художник, глава венецианской школы ведутистов, мастер городских пейзажей в стиле академизма.

190

Шарлотта Августа Уэльская (1796–1817) – принцесса Великобритании и наследница престола второй очереди (после своего отца Георга, принца Уэльского).

191

Судный день (*лат.*).

Образ жизни, способ существования (*лат.*).

193

«Зигфрид» – третья опера Рихарда Вагнера из тетралогии «кольцо нибелунга». С помощью плаща-невидимки Зигфрид, главное действующее лицо оперы, защищается от врагов.

194

Киностудия в Лондоне.

195

Рефлекторное нарушение функций какого-либо органа вдали от основного патологического процесса.

196

Быстрорастущее хвойное растение для изгородей.

197

Почва, периодически затопляемая паводковыми водами.

198

Высшая награда Королевского общества Великобритании. Присуждается за выдающиеся достижения в какой-либо области науки.

199

«…человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звезды, у нас получается собачий вальс» (Г. Флобер. Мадам Бовари. Часть 2, глава 12. Пер. с фр. Н. Любимова).

200

Одна из частей оратории «Соломон», написанной в 1748 году Георгом Фридрихом Генделем (1685–1759), композитором эпохи барокко, известным своими операми, ораториями и концертами.

201

Произведение Иоганнеса Брамса (1833–1897), немецкого композитора и пианиста периода романтизма, для солистов, хора и оркестра, написанное в 1865–1869 годах.

202

У. Шекспир. Сонет 11. Пер. С. Маршака.

203

Парк в графстве Кембриджшир.

204

Палестинский город в центральной части Западного берега реки Иордан, расположен в 13 километрах к северу от Иерусалима. С 1993 года служит административной столицей Палестинской автономии.

205

Кип Торн – американский физик и астроном, Джеймс Хартл – американский почетный профессор физики, Джеймс Бардин – американский физик, Брендон Картер – англо-австралийский физик-теоретик, Бернард Карр – английский астроном и математик.

206

Питер Дронке – англо-немецкий ученый, специалист по средневековой литературе на латинском языке.

207

Энтони Маккартен (р. 1962) – англо-американский писатель и драматург.

208

Майк Стокс (р. 1965) – британский писатель, поэт и переводчик.